СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Преподавание истории

Критика и библиография

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ОБЗОРЫ

ОБЗОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

РЕЦЕНЗИИ

Хроника

М. Н. Покровский

Октябрьская революция в изображениях современников[1]

I.

История Октябрьской революции будет написана не скоро. Пройдут, может быть, десятилетия, прежде чем мы получим историческую работу, достойную этого события. Но история Октябрьской революции начала писаться уже давно. Она начала писаться, как это ни странно, даже раньше, чем самая революция осуществилась. Ее начали писать люди, которые меньше всего имели в виду быть историками октябрьской революции, — они с полным правом могли себя рассматривать, как об'ект исторического исследования. Но им нужно было найти тот рычаг, при помощи которого они могли оказать влияние на ход исторического процесса, а для этого им нужно было разобраться в том вихре событий, которым они были охвачены или который хотя бы надвигался на них. От того, насколько правильно нащупают они операционную линию истории, зависела судьба не только их самих, но всего их дела, дела громадных общественных слоев, целых общественных классов. И, вовсе не желая писать историю, делая эту историю, они вынуждены были строить определенные исторические схемы, которые в одинаковой степени могли и должны были стать и руководством практической деятельности, и основными вехами будущего исторического исследования.

Читатель видит, что у нас речь идет не о мемуарной литературе, хотя некоторые из произведений, где отразилась очерченная сейчас работа, могли бы играть и роль мемуаров. Но мемуары для нас важны только, как собрание конкретного материала, из которого мы будем строить собственные исторические схемы. Здесь же для нас важен не конкретный материал, а именно самая схема, которую строили данные авторы для практических целей и которая нам нужна, нам, историкам, нужна для целей теоретических, как руководящая нить исторического исследования. В настоящем смысле слова это могло случиться только с марксистами, ибо только в марксизме практика и теория сливаются так, что практика не мыслима без теоретического обоснования, а теоретическое мышление неразрывно связано с практикой революционной борьбой.

---

[1] Этот очерк был сначала прочитан, как доклад на курсах повышения квалификации преподавателей обществоведения в вуз'ах. Я очень обязан т.т. слушателям за те замечания, которые ими были сделаны. Для печати доклад совершенно переработан.

Марксистская схема Октябрьской революции существует только одна: по этой схеме революция была проведена, по этой же схеме будет писаться ее история, где бы, кто бы, когда бы ее ни писал, если только эта история будет заслуживать этого имени. Но так как все вещи лучше познаются в сравнениях, то в этом первом очерке мне хотелось бы сопоставить две схемы, одну подлинную и единственно возможно марксистскую, другую, стремящуюся быть марксистской, но очень далекую от марксизма в действительности. Исторически эти две схемы боролись, боролись, как два метода руководства революцией. Этот спор кончен, кончен в жизни: но то, что умерло, как движущая сила исторического процесса, иногда, очень часто, продолжает жить в идеологии, как теория, претендующая на известное признание, хотя постигшая схему в свое время жизненная катастрофа, казалось бы, раз навсегда сделала ее непригодной и в теории. В этом сопоставлении двух схем, одной действительно марксистской, другой нет, есть, таким образом, и нечто актуальное, — хотя автор должен оговориться, что он принялся за эту работу не столько ради ее актуальности, сколько ради ее совершенной необходимости, ибо взяться даже за подготовку к изучению истории Октябрьской революции нельзя, не выяснив во всех подробностях своего отношения как к ее действительно марксистской схеме, так и к искажению последней.

Как уже было упомянуто вскользь выше, Ленин принялся за писание истории Октябрьской революции за 12 лет до того, как эта революция осуществилась. Первый набросок той схемы, о которой придется далее говорить, мы находим в «Послесловии» к «Двум тактикам», брошюре Ленина, вышедшей в июле месяце 1905 года. Там мы читаем то знаменитое место, которое будет исходной точкой всякой марксистской концепции Октябрьской революции, какая когда-либо возникнет: «Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба. Лозунг «демократической» диктатуры и выражает исторически-ограниченный характер теперешней революции (т.-е. революции 1905 года. *М. П.)* и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнета и всякой эксплоатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, — тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.-е. полного социалистического переворота» [1]).

---

1) Т. VI, стр. 393.

Одиннадцать лет спустя, уже накануне новой революции в России, но все еще до ее начала, Ленин видел уже не только общую схему, но и кое-какие, вполне конкретные, подробности. В «Итогах дискуссии о самоопределении», вышедших в октябре 1916 г., мы читаем: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции... Социалистическая революция в Европе не может быть не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия не возможна массовая борьба, не возможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелко-буржуазных шлаков» [1].

Тут уже предусмотрены не только такие крупные вещи, как неизбежная контрреволюционность буржуазии в случае полной победы буржуазно-демократической революции, — это и не очень трудно было предвидеть, основываясь на опыте всех европейских революций XIX века,—но и такие детали, как наш блок с левыми эсерами зимой 1917—18 года, и даже, как проникновение в самую сердцевину пролетарского революционного движения мелко-буржуазных элементов, которые «неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки». Все «необходимое и достаточное» для построения исторической схемы Октябрьской революции было дано еще раньше, чем эта революция свершилась, — и, тем не менее, сам автор схемы был в высшей степени далек от того, чтобы рассматривать свой прогноз, как конкретное изображение того, что должно случиться. Он великолепно сознавал, до какой степени действительность капризна и до какой степени конкретные детали картины—а в них все, для практической борьбы,—могут измениться даже с сегодня на завтра. Наиболее проницательный из вождей революции был и самым осторожным из вождей. Для этой осторожности Ленина чрезвычайно характерно то, что он писал уже совсем накануне Октября по вопросу, казалось бы, очень теоретическому, по вопросу об изменении нашей партийной программы. Отвечая на предложение тов. Бухарина выкинуть из этой программы так называвшийся «минимум», Ленин говорил: «Мы не знаем, победим ли мы завтра, или немного позже (Я лично склонен думать, что завтра,—пишу это 6 октября 1917 г.—и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня).

[1]) Т. VIII, стр. 431.

Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контрреволюции после нашей победы, — невозможного в этом ничего нет, и потому мы построим, когда победим, «тройную линию окопов», против такой возможности. — Мы всего этого не знаем и знать не можем. Никто этого знать не может. А потому и смешно выкидывать программу-минимум, которая необходима, пока мы еще живем в рамках буржуазного строя, пока мы еще этих рамок не разрушили, основного для перехода к социализму не осуществили, врага (буржуазию) не разбили и, разбив, не уничтожили. Все это будет и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что это должно начаться завтра), но этого еще нет».

Эти, чрезвычайно типичные для Ленина строки, напоминают нам лишний раз, до какой степени в настоящем марксизме теория тесно увязана с практикой. Нельзя делать теоретических ошибок, потому что они сейчас же отражаются практическими неудачами. Тут связь такая, как у математики с артиллерией, например: нельзя ошибиться в вычислениях, потому что тогда попадешь совсем не туда, куда следует. Эти слова больше всего нам напоминают, что Ленин меньше всего на свете был профессиональным литератором, использующим то счастливое обстоятельство, что бумага куда менее чувствительна, нежели человеческая кожа. История пишется именно на этом последнем материале, и те, кто строит исторические схемы для практических целей в процессе борьбы, должны прежде всего это помнить. Ленин помнил это великолепно.

Вот почему он, имея совершенно готовый план перехода буржуазно-демократической революции в социалистическую, являясь первым после Маркса автором настоящей теории перманентной революции, перманентной без всяких ковычек, так отрицательно относился к профессиональным «перманентникам», и сам своей теории не развивал в деталях до осени 1916 года, да и тогда приподнял лишь уголок завесы над будущим, которое он представлял себе, однако, весьма ясно. Только практические потребности революционной борьбы могли заставить его сделать дальнейшие шаги в этом направлении. Первым новым фактом, который эту задачу сделал актуальной, была война. Уже в феврале месяце 15 года Ленин писал Шляпникову: «Я думаю, что и у нас, в России, и во всем мире намечается новая основная группировка внутри социал-демократии: шовинисты («социал-патриоты») и их друзья, их защитники,—и антишовинисты. В основном это деление соответствует делению на оппортунистов и революционных социал-демократов, но оно plus précis и представляет, так сказать, высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития. И у нас старая группировка (ликвидаторы и правдисты) устаревает, сменяясь новой, более разумной: социал-патриоты и антипатриоты» [1]).

Проблему социалистической ренвонлюции практически поставила, таким образом, война. Впоследствии Ленин сказал это, ясно и просто, уже

[1]) Ленинский сборник, II. Стр. 227. Разрядка моя. *М. П.*

всеми словами: «Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов. При войне это об'ективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов. Так стоит вопрос. Так он поставлен жизнью» [1].

Цитата из письма тов. Шляпникову тем интересна, что она намечает именно практический переход к новой фазе борьбы, уже непосредственной борьбы за социализм, и именно у нас в России: новая группировка намечается, по Ленину, прежде всего «у нас в России», у нас «устарело» старое партийное деление. И дается это в письме, которое Ленин отправил в феврале 1915 года. При свете этого письма теряет всякое значение аргументация тех, кто пытается доказать, что Ленин еще в октябре этого года не шел, для России, дальше завершения буржуазно-демократической революции. Октябрьские тезисы, которые для этой цели используются, в сопоставлении с письмом к тов. Шляпникову, свидетельствуют лишь об одном, — что Ленин и здесь не хотел «рассуждать от завтрашнего дня». Он писал в этих тезисах: «Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков», — и эта операция свержения монархии и крепостников и является той «ближайшей революцией», социальным содержанием которой «может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Можно, если угодно, по этому поводу распространяться на ту тему, что Ленин «не предвидел» катастрофической быстроты этой первой операции, — что низвержение монархии потребует борьбы в течение пяти дней. Но Ленин— социолог - марксист, а не пророк - Нострадамус, который предвидел даже, в какое именно место получит смертельный удар король Генрих II. Ленин не только не брался предсказывать конкретную форму событий, но и предостерегал от этого всех своих учеников, — хотя кое-какие конкретные детали он предусматривал, мы видели, с необыкновенной зоркостью. Если к этому прибавить, что, покончив с монархом в пять дней, с «крепостниками-помещиками» революции пришлось возиться несколько лет, пока последние корешки этого зловредного растения не были выдернуты на наших глазах, чуть не вчера, — то вообще нечего будет возразить против Ленинского прогноза. Да, «ближайшей» к октябрю 1915 года революцией была, конечно, буржуазно-демократическая. Давая практические директивы на места, Ленин должен был делать ударение на этом ближайшем моменте, ибо «завтра все же есть завтра, а не сегодня». Но это «завтра» выглядывало из-за «сегодня» достаточно явственно, — и чем открывать в тезисах 1915 года то, что само собою разумелось, и неизбежно должно было быть в них, интереснее присмотреться к кое-каким контурам этого, уже высовывающегося из-за горизонта, «завтра». Констатируя, что «шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К-о над деревней», Ленин добавляет: «за необходимость отдельной организации сельских пролетариев мы стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях». А в те-

---

[1]) Т. XIV ч. 1-ая, стр. 178.

зисе 3-м рядом с сельским пролетариатом стоит и «деревенская беднота». Коалиция пролетариата и беднейшего крестьянства намечается в тезисах 1915 года достаточно определенно, если принять во внимание, что в тот момент это был для Ленина вопрос еще не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

В феврале-марте 1917 года начинается диалектическое превращение «завтра» в «сегодня».

Тут для нас, изучающих ход мысли Ленина, а не ход событий, особенно ценно то, что Ленин писал еще до приезда в Россию, под свежим впечатлением первых известий о падении монархии. В третьем «Письме издалека», процитировав слова одной заграничной газеты о Скобелеве («Скобелев, как передают газеты, сказал следующее: «Россия накануне второй, настоящей wirklich, буквально: «действительной» — революции), Ленин резюмирует: «Февральско-мартовская революция была лишь первым этапом революции. Россия переживает своеобразный исторический момент перехода к следующему этапу революции или, по выражению Скобелева, ко «второй революции».

Для этой «второй» революции, новой нужна и новая комбинация сил: «Забегая вперед, отмечу, что для всей крестьянской массы наша партия (об ее особой роли в пролетарских организациях нового типа я надеюсь побеседовать в одном из следующих писем) должна особенно рекомендовать отдельные советы наемных рабочих и затем мелких, не продающих хлеба, земледельцев от зажиточных крестьян; без этого условия нельзя ни вести истинно пролетарской политики, вообще говоря, ни правильно подойти к важнейшему практическому вопросу жизни и смерти миллионов людей: к правильной разверстке хлеба, к увеличению его производства и т. д.»[1].

Диктатура пролетариата и крестьянства начинает сменяться диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства. В письме 4-м («Как добиться мира?») это сказано уже всеми словами: «Чтобы добиться мира (и тем более, чтобы добиться действительно демократического, действительно почетного мира), надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам. Помещики и капиталисты — ничтожное меньшинство населения; капиталисты, как всем известно, наживают бешеные деньги на войне. — Рабочие и беднейшие крестьяне — огромное большинство населения. Они не наживаются на войне, а разоряются и голодают. Они не связаны ни капиталом, ни договорами между разбойничьими группами капиталистов; они могут и искренно хотят прекратить войну»[2].

Первый шаг — свержение монархии — уже совершился: надо было итти к второму, «борьбе против частной собственности, борьбе наемного рабочего с хозяином, борьбе за социализм». И в том же письме, набрасывая основные черты политики, которой должен был бы держаться петроградский совет рабочих депутатов, Ленин говорит: «Он заявил бы, что не

[1]) Л. Сб. II, стр. 348.
[2]) Там же, стр. 360.

ждет добра от буржуазных правительств, а предлагает рабочим всех стран свергнуть их и передать всю власть в государстве Советам Рабочих Депутатов».

В число всех стран входила, конечно, на первом месте и Россия. Всего ярче это сформулированно в относящемся к тому же периоду письме к Ганецкому: «А второе и главное — свергать надо буржуазные правительства и начать с России, ибо иначе мира получить нельзя. Возможно, что правительства Гучкова—Милюкова мы не сможем сейчас же «свергнуть». Пусть так. Но это не довод за то, чтобы говорит неправду. Говорить рабочим надо правду. Надо говорить что правительство Гучкова—Милюкова и К-о есть империалистическое правительство, что рабочие и крестьяне должны сначала (теперь ли или после выборов в Учредительное Собрание, если с ним не надуют народа, не оттянут выборы до после войны, вопрос о моменте отсюда решить нельзя), сначала должны передать всю государственную власть в руки рабочего класса, врага капитала, врага империалистской войны, и лишь тогда они в праве звать к свержению всех королей и всех буржуазных правительств» [1]).

А в пятом «Письме издалека», написанном в день от'езда из Швейцарии, дается уже и конкретная программа перехода к социалистической революции: «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли, если принять, что аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства). В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер. Задача немедленной и особой организации в деревнях советов рабочих депутатов, т.-е. советов сельскохозяйственных наемных рабочих, отдельно от советов остальных крестьянских депутатов, выдвигается при этом с крайней настоятельностью» [2]).

Таким образом, Ленин ехал в Россию с новой схемой революции, не повторявшей 1905 год, — новой совсем не в том смысле, что Ленин «перевооружился»: «новая» схема лишь развертывала, то, что было уже

---

[1]) Там же, стр. 371.

[2]) Там же, стр. 396.

им написано в 1905 году, — а в том смысле, что наступили новые обстоятельства, которых в 1905 году не было. Первым из них была империалистская война, в огромной степени приблизившая социалистическую революцию во всем мире, — а вторым падение монархии в России. Но, приехав в Россию, Ленин нашел опять новую обстановку — и конкретные особенности этой обстановки вносят новые конкретные подробности в его схему.

Предыдущий прогноз Ленина, начиная с 1915 года, строился при определенном предположении: «если мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд об'ективных факторов: экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр.» (тезисы 1915 года). Теперь это предположение надо было проверить на практике: «Марксизм требует от нас самого точного, об'ективно проверенного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики». (Письма о тактике).[1]

Эта проверка не оправдала условия, которое ставилось в 1915 году. Всей суммы факторов, перечисленных в тезисах этого года Лениным, оказалось недостаточно, чтобы оторвать мелкую буржуазию от крупной: «Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по хозяйски, а не по пролетарски (в смысле места в общественном производстве), и в образе мыслей она идет за буржуазией». А «буржуазия держится не только насилием, а также несознательностью, рутиной, забитостью, неорганизованностью масс». В результате «в России сейчас у власти контр-революционная буржуазия, по отношению к которой «оппозицией ее величества» стала мелкобуржуазная демократия, именно партии эсеров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит в соглашательстве с контр-революционной буржуазией. Мелко-буржуазная демократия поднимается к власти, заполняя сначала местные учреждения (как либералы при царизме завоевывали сначала земства). Эта мелко-буржуазная демократия хочет раздела власти с буржуазией, а не свержения ее,—совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелко-буржуазной демократии (с.-ры и меньшевики) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься вокруг «обожаемого» монарха» (статья «Классовый сдвиг»)[2].

А так как и пролетариат, в своих широких массах, был «недостаточно сознателен и организован» (апрельские тезисы)[3], ни на минуту не отказываясь от схемы, развитой в «Письмах издалека», Ленин дает ей новую конкретную формулировку. «Чтобы стать властью, сознательные рабочие

[1]) XIV, 1-я ч., стр. 27.
[2]) Т. XIV, ч. 1-я, стр. 42, 30, 300 — 301.
[3]) Там же, стр. 18.

должны завоевать большинство на свою сторону; пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма, оборончества, фразы, зависимости от буржуазии».

А пока советы, хотя и проникнутые идеологией «добросовестного оборончества», хотя и склонившие, под влиянием своей мелкобуржуазной головки, свое знамя перед буржуазным временным правительством, все же должны быть использованы. «Не хотят подумать о том, что такое Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, поскольку они—власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны. — Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством, и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии. — Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К° делают «ошибку»? Пустяки! Так думать может обыватель, но не марксист[1]). Причина — недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей — в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они затемняют сознание рабочих, а не проясняют его, внушают мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, укрепляют влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния»[2]).

Эти замечательные слова — о той скромной роли, которую надо отводить ошибкам «вождей», — нам еще придется припомнить: другие историки Октябрьской революции, не похожие на Ленина, судили об этом иначе. Пока зафиксируем основные черты той схемы, которая сложилась весною 1917 года. С одной стороны «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции, ибо эта «формула» предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. «Совет Р. и С. Деп.» — вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» («Письма о тактике»)[3]). Но эти советы еще не то «будущее» диктатуры пролетариата и крестьянства, о котором писалось в 1905 году: их еще надо сделать этим будущим. «Как кадеты в 1906 году проституировали первое собрание народных представителей в России, сведя его к жалкой говорильне перед лицом крепнущей царистской контр-революции, так эсеры и меньшевики в 1917 году проституировали Советы, сведя их к жалкой говорильне перед лицом крепнущей бонапартистской контр-революции» («Началу бонапартизма»)[4]).

Когда писались эти слова, на то, что мелкая буржуазия откачнется влево, не оставалось уже, в сущности, никакой надежды. Наблюдения над

[1]) Разрядка моя. *М. П.*
[2]) Т. X ч. 1-я стр. 25.
[3]) Там же, стр. 29.
[4]) Там же, ч. II, стр. 53.

тем, что происходило с апреля по июнь, подтверждали худшие опасения! «Вторая полоса в развитии революции с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачивания эсеров и меньшевиков. — Пока Плеханов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100% прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п., — капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пресловутый Пальчинский, товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали — все оставалось по старому. — Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали «успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой продерзости, что посмели сместить назначенного комиссара. Буржуазия открыла в своих газетах неимоверно шумную, злостную, бешеную кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштадта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелепости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели, всех «добросовестнее» попадался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и усмирял» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контр-революционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштадтом, что комиссар в Крондштадте не назначался просто-напросто правительством, а выбирался на месте и **утверждался** правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии. — Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в Советах, там появлялся, вернее, туда посылался буржуазией «социалистический» министр Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить» («Уроки революции»)[1].

На все сто процентов опасения оправдались в июльские дни,—когда весенняя схема, мирное завоевание советов, окончательно уходит в прошлое. В июле Ленин писал: «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Об'ективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым под'емом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны. — Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—8 июля,

[1]) Там же, стр. 38 — 39.

т.-е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле. Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию, условия победы коего теперь страшно трудны, но возможны все же при совпадении отмеченных в тексте тезиса фактов и течений. Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше[1]), никаких разрозненных действий, не поддаваться теперь провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию, если ход кризиса позволит применить его в действительно массовом, общенародном размере. Переход земли к крестьянам невозможен теперь без вооруженного восстания, ибо контр-революция, взяв власть, вполне об'единилась с помещиками, как классом» [2]).

Лозунг: «вся власть советам!» на время совсем сходит со сцены,— а когда он вновь возрождается, после корниловщины, он имеет уже другой новый смысл. «Повидимому, многие руководители нашей партии не заметили особого значения того лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Это лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг не означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг равносилен призыву к восстанию». (Письмо к с'езду Советов северной области в октябре 1917 г.). «Лозунг «вся власть Советам» есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя. А к восстанию надо уметь отнестись как к искусству — я настаивал на этом во время Демократического Совещания и настаиваю теперь, ибо этому учит марксизм, этому учить все теперешнее положение в России и во всем мире» [3]).

С этого момента мы имеем окончательную концепцию Октябрьской революции у Ленина: ее классовое содержание не меняется, она остается пролетарской революцией, но ее форма отливается так, как дала ее конкретная обстановка. Это не мирное завоевание советов больше, не лишение капиталистов власти, проведенное в союзе с мелкой буржуазией, это вооруженный захват власти рабочими и беднейшими крестьянами хотя бы и против мелкой буржуазии. Апогеем этой стадии развития революции стал, и логически должен был стать, разгон Учредительного Собрания, где мелкая буржуазия попробовала надавить всей своей массой, но не заставила пролетариат склониться перед ее арифметическим большинством.

Диктатура пролетариата, о которой говорило послесловие к «Двум тактикам» еще в 1905 году, выступает перед нами именно, как диктатура,

---

[1]) Разрядка моя. *М. П.*

[2]) См. «Политическое положение». Ленинский Сборн. IV, стр. 321 — 322.

[3]) Там же, стр. 343 и 345.

то-есть как власть, опирающаяся не на выборы, не на большинство голосов, не на какую-либо конституцию (ее черед пришел позже), а непосредственно на вооруженную массу. И Ленин, так предостерегавший товарищей от необдуманного и преждевременного выступления в мае-июне, в сентябре торопит, боясь, как бы из-за заботы о формальной законности (любителей ее и в те дни мы скоро увидим) не было упущено бесконечно дорогое время. «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами. — Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактический свой с'езд, и этот с'езд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции.

Вопрос о том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати. — Вспомнить, продумать слова Маркса: «восстание есть искусство» и т. д. — Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К-о не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического Совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь. — Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и Демократические организации. Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам значит победить. — Взять власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно»[1]).

И дело шло вовсе не о завершении демократической революции — дело шло о революции пролетарской, социалистической. «Необходимо закрыть буржуазные контр-революционные газеты («Речь», «Рус. Слово» и т. п.), конфисковать их типографии, об'явить частные об'явления в газетах государственной монополией, перевести их в правительственную газету, издаваемую Советами и говорящую крестьянам правду. Только так можно и должно выбить из рук буржуазии могучее орудие безнаказанной лжи и клеветы, обмана народа, введения в заблуждение крестьянства, подготовки контр-революции». Лишение буржуазии свободы печати было определенным началом социалистической диктатуры — так это и было понято тогда всеми — и напрасно некоторые товарищи из статьи Ленина по поводу четырехлетия Октября пытались извлечь тот вывод, что завершение демократической революции было для Ленина главным[2]). Как нарочно именно в этой статье Ленин не оставляет никаких сомнений насчет того, что главное и что второстепенное, попутное. «Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы,

[1]) Т. XIV, ч. 2-я, стр. 135.
[2]) См. Зиновьев «Ленинизм», стр. 61 — 62.

Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «2½-ного» марксизма не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую» [1]).

И это нисколько не устраняется тем обстоятельством, что основная задача буржуазной революции в России, переход помещичьих земель в руки крестьян, не была еще разрешена в тот момент, когда возникла у нас пролетарская, социалистическая диктатура. Ибо эту задачу буржуазной революции только и мог разрешить социалистический пролетариат. Ленин и это тогда же сформулировал совершенно определенно. «Конфискация всей частно-владельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов? При этом речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата» [2]).

В этом и была смычка крестьянской, буржуазной, и рабочей, социалистической революций, при чем на глазах и осязательно именно первая, т.-е. буржуазная революция крестьян, переходила во вторую. «Чем скорее и решительнее возьмут всю власть Советы, тем скорее расколются и «дикие дивизии», и казаки расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников демократического и социалистического (ибо речь тогда пойдет именно о социализме) союза рабочих и крестьян» [3]). В этом было громадное преимущество русских рабочих в октябре 1917 года. Их победа вовсе не была только победой винтовки и пулемета, — как старались уверить, прежде всего самих себя, меньшевики и меньшевиствующие: это была победа политическая, гениальное использование соотношения классовых сил, делавшего то, что не только бедняцкое крестьянство (которое, будучи до февраля 1917 года полукрепостным, мелкой буржуазией в настоящем смысле названо быть и не могло), но и форменная мелкая буржуазия деревни была в октябре на нашей стороне. Вот что говорил Ленин по этому поводу год спустя: «Первая стадия, первая полоса в развитии нашей революции после октября — была посвящена, главным образом, победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиками. — Вы все прекрасно знаете, товарищи, как еще

---

[1]) Т. XVIII, ч. 1-я, стр. 365.
[2]) Т. XIV, ч. 2-я, стр. 79.
[3]) Там же, стр. 121.

февральская революция — революция буржуазии, революция соглашателей — эту победу над помещиками крестьянам обещала, как она своего обещания не выполнила. Только октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дала возможность, на деле, очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крестьянской эксплоатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, над всеми крестьянами без различия. На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба об'единила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплоатацией чужого труда. Эта борьба об'единила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда». (Речь на с'езде Комбедов, 11 декабря 1918 г.) [1]).

Этот союз с «богатой частью крестьянства, которая не обходится без наемного труда», не мог быть прочен, — он кончился уже к лету 1918 года, как только крестьяне фактически освоили помещичью землю. Но он был колоссально важен для нас осенью предыдущего года, когда, благодаря ему, даже кулацкие части армии — кавалерия, гвардейские полки — не обратили своего оружия против взявшего власть пролетариата, и городское мещанство, и без того чрезвычайно слабое в наших условиях, осталось о д н о. Оно яростно голосовало против большевиков, — в Москве на выборах в учредительное собрание более 40% избирателей высказалось в пользу кадетской партии, партии непримиримейшей контр-революции в этот момент. Но мещанство бессильно было поднять на восстание даже один город. А окружавшая города крестьянская масса повсюду, куда хватала наша агитация, в промышленном центре, в прифронтовых губерниях, валом валила за «пятым списком». Наша неудача на выборах, как правильно отмечалось уже тогда, на три четверти об'яснялась тем, что выборы происходили через две недели после революции, что развить сколько-нибудь широкой агитации по всей стране мы физически не могли успеть, в особенности не могли успеть выступить перед массами «с фактами в руках», с таким фактом, как заключение перемирия.

Но, возвращаясь снова к идеологии, от конкретной истории революции к ее схеме, созданной Лениным: это исключительно благоприятное для нас классовое соотношение сил нужно было угадать, или нет? Ведь вот же ни меньшевики, ни эсеры его не заметили. Его могли заметить только та партия и тот из революционных вождей, которые всегда исходили из *к л а с с о в о г о* анализа в своих предвидениях. «Всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *к л а с с а х*: о революции какого класса идет речь? А контр-революция какого класса?» [2]).

Главное отличие от Ленина того другого современника, схему которого я хотел бы взять для сравнения, в том и состоит, что для последнего клас-

[1]) Т. XV, стр. 589 — 590.
[2]) «За деревьями не видят леса», XIV, ч. 2-я, стр. 61.

совый анализ в непосредственном решении революционной проблемы не является основным. Оспаривая мысль, что русская революция 1917 года «могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь», этот автор говорит: «этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, которые создала война» [1]). Это ограничение «классовых отношении» в их историческом влиянии превращается в настоящую «философию истории» в другом месте той же статьи тов. Троцкого. Разбирая вопрос, «что значит упустить момент», тов. Троцкий дает такое пояснение. «Самая благоприятная обстановка для восстания дана, очевидно, тогда, когда соотношение сил максимально передвинулось в нашу пользу. Разумеется, здесь речь идет о соотношении сил в области сознания, т.-е. о политической надстройке, а не о базисе, который можно принять как более или менее неизменный для всей эпохи революции. На одном и том же классовом расчленении общества, соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс, крушения их иллюзий, накопления ими политического опыта, расшатки доверия промежуточных классов и групп к государственной власти, наконец, ослабления доверия этой последней к себе самой. В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий» [2]).

Это место — чрезвычайно важное для выяснения всей физиономии разбираемого автора, как историка. У Ленина классовое «соотношение сил» является основой данной исторической ситуации. У Троцкого классовое соотношение сил неизменно «для всей эпохи революции». Это—социология, а не история. Раз социологические предпосылки даны, вступают в дело уже другие факторы—«соотношение сил в области сознания». В социологии можно и должно быть материалистом: в истории же об'ективное соотношение сил играет роль лишь фона, на котором разыгрываются события; самые события могут быть поняты лишь идеалистически—от изменений настроения, иллюзий, опыта и тому подобных, чисто суб'ективных факторов.

Если какой-нибудь непочтительный человек скажет, что выписанное место из «Уроков Октября» есть более или менее удачная карикатура на Энгельса, с его протестами против исключительно «экономического» об'яснения всех подробностей мировой истории, с таким непочтительным суб'ектом трудно будет спорить. Вам не нравится исключительно «экономическое» об'яснение? Так вот, пожалуйста! Экономика в подвале, на «всю эпоху революции». Решает все «настроение»—«соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс». В феврале у пролетариата не было «настроения»—он не взял власти; в октябре «настроение» пришло— он взял власть. Что между февралем и октябрем прошла колоссальная экономическая разруха, затмившая все, что до тех пор было видано во время войны, разруха, стоявшая в центре внимания Ленина, все предоктябрьские

[1]) Л. Троцкий. Сочинения т. III, ч. 1-я, стр. XIX («Уроки Октября»). Разр. моя *М. П.*

[2]) Там же, стр. XI—XII, разр. моя *М. П.*

статьи которого полны заботой о том, как с этой разрухой справиться («Грозящая катастрофа и как с нею бороться», и т. д.), что за это время крестьянство, первые месяцы революции и по Троцкому шедшее за буржуазией (мы увидим, что в этом вопросе он впадает даже в несколько комические преувеличения), восстало против временного правительства и вплотную пододвинулось к пролетариату (для Ленина это был сигнал—см. XIV, ч. 2, стр. 262) — все эти чисто об'ективные сдвиги именно в классовых отношениях, в отношениях буржуазии и рабочих, крестьянства и рабочих, мелкобуржуазной верхушки и рабочих и крестьян вместе, все это ничего: а вот «крушение иллюзий» (т.-е. психологическое отражение всех этих об'ективных сдвигов) — это самое главное. По этому надо равняться.

Воля ваша — но это ключ — ключ не только ко всем историческим писаниям тов. Троцкого, но и к его политической деятельности, от петербургского совета рабочих депутатов, с бесконечными демонстрациями, пытавшимися «создать настроение», до демонстрации на Ярославском вокзале, преследовавшей точь в точь ту же задачу. И ни разу не пришло в голову автору этой теории, что между социологией и историей нет той пропасти, которая ему рисуется, что классовое соотношение сил, колеблясь десятки раз на протяжении «эпохи революции» (отношение крестьянства и рабочих в октябре 1917 года и летом 1918 года, в дни Кронштадта и после НЭП'а), чуть не ежедневно создает новые «настроения» и новые «иллюзии» и что ориентироваться по этим последним все равно, что изучать солнце по его отражению на облаках.

Итак, классовые отношения не исчерпывают содержания революционной борьбы — неверно, что «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов». История не только это—в ней могут играть роль и внеклассовые факторы, например, армия (мы это сейчас увидим), например, внеклассовая гонсударственная власть, возникшая, как организация национальной обороны («Социальное развитие России и царизм»). В этом первая поправка к марксизму, какую мы находим у нашего автора. Первая, но не единственная.

В мае 1917 года тов. Троцкий напечатал в переработанном — и, надо думать, окончательном (тот же такст переиздан им в 1923 году)—виде свои статьи парижского «Нашего Слова» о «программе мира». Это не только программа мира, но — что гораздо интереснее для нас теперь — программа революции. «Сейчас, после столь многообещающего начала русской революции, у нас есть все основания надеяться на то, что еще в течение этой войны развернется во всей Европе могущественное революционное движение», говорит здесь тов. Троцкий. «Ясно, что оно сможет успешно развиваться и притти к победе только, как общеевропейское. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель... Спасение русской революции в перенесении ее на всю Европу...» «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках, значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма». «Если бы проблема социализма была совместима с рамками национального

государства, то она, тем самым, была бы совместима с национальной обороной»[1]).

Тов. Троцкий, как всем известно, считает своей заслугой перенесение на русскую революцию теории перманентной революции Маркса. Эта последняя теория изложена, как тоже всем известно, в «Обращении центрального комитета к Союзу» коммунистов (март 1850 г.). «Обращение» направлено к германским товарищам — оно имеет в виду «непрерывную революцию» в Германии, т.-е. в одной определенной стране. Но вы напрасно стали бы искать здесь указаний на то, что, если революция останется в национальных, германских рамках, она «обречена на гибель». В конце говорится только, что победа революции во Франции «сильно ускорит» таковую же победу в Германии. Но что победа в Германии невозможна без победы во Франции, что эта победа вообще возможна лишь, как «общеевропейская», этого «Обращение» нигде не говорит. И, хотя «Обращение» оговаривает, что, «конечно, рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия», программа, которую оно развертывает, в сущности, есть программа перехода к социализму. «I. Принудить демократов возможно всестороннее вторгаться в существующий общественный строй, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, железных дорог и т. д. — 2. Они (рабочие) должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства»[2]).

Все это рекомендуется делать еще при господстве демократов—т.-е. по нашему календарю, в период керенщины — притом в стране, где, по словам авторов «Обращения», «приходится устранять столь многочисленные остатки средневековья». И хотя дальше приводятся образчики таких остатков юридические, но для Германии и экономических остатков средневековья в 1850 году можно было бы привести сколько угодно. Достаточно напомнить, что в это время в наиболее промышленной части Германии, в

[1]) «Война и революция», т. II (стр. 503—507), разрядка Троцкого.

[2]) Маркс и Энгельс. «Сочинения» т. III, стр. 507. Разр. моя. *М. П.*

Пруссии, индустриальные рабочие — считая и домашних — составляли лишь $^1/_9$ всего населения, что во всей прусской промышленности было всего 237 паровых машин в общем в 3.000 с небольшим лошадиных сил, что выплавка чугуна в Пруссии в 1850 г. была немного ниже таковой же в России 1879 года (!), что во всей прусской полотняной промышленности на 45.000 ручных станков было всего пятнадцать механических, что железнодорожная сеть считала всего 5.000 километров (т.-е. была гораздо ниже русской даже 1870 года) и т. д., и т. д., — чтобы понять, что Маркса и Энгельса трудно было запутать «технической отсталостью» и что они оставались верны положению «Коммунистического манифеста»: «Если не по сущности, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны, естественно, должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией». Что пролетариат отдельной страны может предпринять такую продерзость, только заручившись поддержкой пролетариатов других стран, иначе он «осужден на гибель», это впоследствии сочинили меньшевики, воспитывая в рабочих спасительный страх перед революцией, — Маркс же этого не говорил. Надо, впрочем, отдать справедливость тов. Троцкому, что его теория в этом пункте круто разошлась с его практикой и что он в 1918—1920 годах создал самые блестящие страницы своей биографии, защищая социализм в «рамках национального государства» (тогда Союза еще не было, была только РСФСР), при всей «несовместимости» последних с «проблемой социализма». Этого противоречия, как и многих других противоречий в своей теории, с которыми мы еще будем иметь дело, тов. Троцкий, к большой выгоде для себя, не заметил.

Как читатель уже заметил, разбирая схему Троцкого, нам пришлось итти иным путем, нежели каким мы шли при изучении схемы Ленина. Там вехами нам служили об'ективные факты — 1905 год, война, падение царизма: отражаясь в диалектике Ленина, они толкали его схему вперед. Троцкий отправляется не от «сущего», а от «должного», не от того, что уже случилось, а от того, что еще только должно случиться — не от «сегодняшнего», а от «завтрашнего» дня. При чем «должное» не всегда превращается, когда надо, в «сущее»: русская революция не погибла после неудачи западно-европейской, как «должно было бы быть» по схеме тов. Троцкого. Отсюда и нет возможности изучать его схему, как ленинскую, по ходу самой истории: приходится вести это изучение чисто литературным путем,— не от факта к факту, но от темы к теме. Мы видели, что теории марксизма схема не отвечает — это не настоящий марксизм, это «марксизм с поправками». Но, может быть, поправки даны самой жизнью, может быть, она развивалась «не по Марксу»? Может быть, с историей тов. Троцкому везет больше, чем с теорией?

Увы! Приходится констатировать, что истории от тов. Троцкого не легче, чем теории. Прежде всего, возьмем историю, так сказать, «древнюю». У Троцкого очень широкий размах, и он не обходится без больших исторических параллелей. Обосновывая ту свою мысль, что революцию всегда делал город, а деревня была «пассивна», в лучшем случае проявляя «сти-

хийное недовольство», которое город мог использовать, тов. Троцкий говорит о рабочих: «Эти последние занимают не только в общественной экономике, не только в составе городского населения, но и в экономике революционной борьбы то место, которое в Западной Европе занимала в соответственную эпоху ремесленно-торговая демократия, вышедшая из цехов и гильдий. У нас нет и в помине того коренастого мещанства, которое рука об руку с молодым, еще не сложившимся в класс, пролетариатом брало приступом бастилии феодализма [1]).

Итак, французскую, например, революцию делало «коренастое мещанство», мелкая буржуазия французских городов, главным образом, Парижа. Так, действительно, все говорили, думали и писали лет шестьдесят тому назад. Но уже черносотенник Тэн, первый, хотя и с пакостными целями, заинтересовавшийся обще-французским движением, под кличкою «спонтанной анархии» (l'anarchie spontanée) впервые показал грандиозную картину мужицкого мятежа, от которого, как в горячке, дрожала вся не только дворянская, а и буржуазная Франция с лета 1879 года и до торжества якобинцев, давших деревне минимальное удовлетворение. Книга Тэна вышла в 1870-годах. А лет двадцать спустя стали появляться и более или менее об'ективные исследования этого сюжета. Основное из них, известную книжку Саньяка о гражданском праве французской революции, только теперь собрались перевести на русский язык — вышла она еще в XIX веке. Но в значительной степени на Саньяка опирается, в новых изданиях, очень известная у нас работа Кунова «Борьба классов и партий в Великой французской революции», переведенная еще в 1919 году. Вся третья глава этой книги (стр. 114—160 по русскому изданию) посвящена крестьянскому движению. С ним боролись, как водится, исключительными законами—и выступление против одного из таких законов в Конституанте было одной из первых и лучших речей Робеспьера, явившегося здесь представителем не только «коренастого мещанства», но и деревенской бедноты Франции. Знакомство с этой, вновь открывшейся, стороной французской революции, заставило Кунова дополнить свою книгу главами, «которые подробно обрисовывают борьбу интересов, разыгравшуюся за первое пятилетие революции между либеральной крупной буржуазией, крестьянами и рабочими».

Отнюдь не парадоксом будет сказать, что французская революция была более крестьянской революцией, нежели наши революции 1905 и 1917 годов. Не говоря уже о том, что якобинцы поднимались к власти на гребне крестьянской жакерии, пугавшей до обморока буржуазию и дезорганизовавшей буржуазное правительство — без этого парижское восстание легко было бы изолировано, подобно Коммуне 1871 года, — кто же на внешних-то фронтах защищал революцию от Вальми до Флерюса? Одни «коренастые мещане» города Парижа? Надолго бы их хватило! Французский мужик встал всей массой на защиту земли, которую он только-что отнял у сеньера — встал, чтобы не пустить назад этого сеньера с его при-

[1]) «1905», стр. 264 (из статьи «Пролетариат и русская революция»). Разр. моя. *М. П.*

вилегиями. И организационные возможности «коренастых мещан» были совершенно недостаточны, чтобы управлять крестьянской массой — оттого деревенское движение и приняло характер «анархии». Гегемония «города», в лице рабочих, у нас была гораздо реальнее — по отношению к партии большевиков якобинские клубы были, примерно, тем же, что наши боевые дружины 1905 года по сравнению с Красной армией.

Образ, к которому воззвал тов. Троцкий, чтобы обосновать свою идею непременно городской революции, а в русских условиях XX века непременно пролетарской и социалистической, оказался образом, созданным фантазией. Правда, фантазией не самого тов. Троцкого, а старых буржуазных историков, но это дела не меняет. Чрезвычайно характерно, что Ленин даже сквозь вранье буржуазных историков умел схватывать истину[1]). Троцкий сумел только поверить им на слово[2]).

Фантастический образ, как исходная точка политических рассуждений — не случайность: это, если хотите, метод. С образчиками применения этого метода мы встречаемся на каждом шагу. Вот, не желаете ли, например, знать, почему пролетариат, захватив власть, непременно должен будет перейти к социалистической революции? Возьмите «Наши разногласия» (статью из польского социал-демократического журнала, перепечатанную в «1905»), и вы прочтете там (стр. 284): «Уже на второй день «демократической диктатуры» вся эта идиллия quasi «марксистского аскетизма» (проповедуемая, будто бы, Лениным. *М. П.*) разлетится прахом. Под каким бы теоретическим знаком пролетариат ни стал у власти, он не сможет сейчас же, в первый же день, не столкнуться лицом к лицу с проблемой безработицы. Вряд ли ему в этом деле сильно поможет раз'яснение разницы между социалистической и демократической диктатурой. Пролетариат у власти должен будет в той или другой форме (общественные работы и проч.) взять немедленно обеспечение безработных на государственный счет. Это, в свою очередь, немедленно же вызовет могучий под'ем экономической борьбы и целую эпопею стачек: все это мы в малом размере видели в конце 1905 г. И капиталисты ответят тем, что они ответили тогда на требование 8-часового рабочего дня: закрытием фабрик и заводов. Они повесят на воротах большие замки и при этом скажут себе: «Нашей собственности не грозит опасность, так как установлено, что пролетариат сейчас занят не социалистической, а демократической диктатурой». Что сможет делать рабочее правительство перед лицом закрытых фабрик и заводов? Оно должно будет открыть их и возобновить производство за государственный счет. Но ведь это же путь к социализму? Конечно. Какой, однако, другой путь вы сможете предложить?».

---

[1] См. в «Что такое друзья народа?», написанном в 1894 году, первый набросок той концепции русского исторического процесса, которая стала теперь общепринятой — и с которой тов. Троцкий яростно боролся в 1922 году, называл ее «струвианской», «бюхерианской» и бог еще знает какой. (См. соч. Ленина, т. I,, изд. 2-е, стр. 73).

[2]) На пан-городской теории тов. Троцкого, который все, и капитализм, и революцию, ведет из города, я не останавливаюсь,— прямого отношения к теме она не имеет. К тому же теория не раз подробно уже разбиралась (см. между прочим, «Ленинизм», тов. Зиновьева, стр. 138 и сл., где вскрыт и истинный родоначальник теории в лице Парвуса).

И, нарисовав с «беспощадной логикой» эту картину, тов. Троцкий с торжествующим видом заканчивает: «Самоограничение» рабочего правительства» (т.-е. ограничение революции рамками буржуазной демократии. *М. П.)* «означало бы не что иное, как предательство интересов безработных, стачечников, наконец, всего пролетариата во имя осуществления республики» [1]). Очень он был уверен, что буржуазия ни на 8-часовой день, ни на государственное обеспечение безработных ни за что не пойдет. Но истории угодно было произвести фактическую проверку—и в результате и 8-часовой день, и государственное (или иным путем обязательное) обеспечение безработных существует во многих европейских буржуазных странах, несмотря на неудачу рабочей революции там [2]). А ведь вся фантастическая картина Троцкого исходит из торжества рабочей революции. При таком торжестве, это показал нам Октябрь, буржуазия дальше саботажа и трусливого жульничества никогда не посмеет пойти. И сверхфантастической является дополнительная картина той же схемы, где «крестьянская партия не позволит взять безработных и стачечников на государственный счет и отпереть закрытые капиталистами заводы и фабрики для государственного производства (!!)». Это крестьяне-то, которым до зареза нужны мануфактура и земледельческие орудия, «не позволят» «отпереть закрытые капиталистами заводы и фабрики», ради сохранения принципа священной собственности! Правильно где-то сказано у Достоевского: сочинит человека, да с ним и живет. Стало общим местом, что Троцкий «игнорирует» крестьянина в своих революционных схемах. Кажется, это вошло даже в некоторые партийные резолюции. Тем не менее, я осмелюсь оспаривать это положение. Троцкий не «игнорирует» крестьянина — он просто его не знает, — не знает и не понимает истории крестьянства, крестьянской революции, крестьянской идеологии. Конечно, «игнорировать» происходит от латинского глагола «ignorare», что и означает «не знать». Но «игнорировать» говорят о том, кто знает, да не хочет видеть. От этого упрека тов. Троцкий совершенно свободен — ибо он просто крестьянства не знает, с крестьянством у него связаны более фантастические образы, чем с чем-либо другим. Мы сейчас увидим этому разительные примеры.

До 1917 года отношение тов. Троцкого к крестьянству может быть охарактеризовано, как ровно-презрительное. Раз уже такое некультурное существо, как мужик, в российской обстановке имеется, надо и ему дать какое-то занятие в революции. Пусть помогает! «Само собою разумеется, что пролетариат выполняет свою миссию, опираясь, как в свое время буржуазия, на крестьянство и на мещанство. Он руководит деревней, вовлекает ее в движение, заинтересовывает ее в успехе своих планов» [3]). Но пролетариат относится к этому кухонному мужику революции совершенно так же, «как в свое время буржуазия». Не более. Это было написано в июле

---

[1]) Jbid. стр. 286.

[2]) Сейчас 8-мичасовой день начинают понемногу отбирать: но, ведь, т. Троцкий был уверен, что буржуазия на него никогда не согласится — а он просуществовал чуть не десятилетие.

[3]) «1905», стр. 279 (из предисловия к «Речи перед судом присяжных» Лассаля).

1905 года, когда на мужика было больше надежды. Когда первая революция кончилась и услуги мужика оказались мало ценными, его почти что разочли. В 1908 году тов. Троцкий писал: «В ряде своих выступлений в 1905 году пролетариат действовал, то игнорируя пассивность деревни, то опираясь на ее стихийное недовольство. Но когда во всей своей реальности стала на очередь борьба за государственную власть, решение вопроса оказалось в руках вооруженного мужика, того, который образовывал ядро русской пехоты. В декабре 1905 года русский пролетариат разбился не о свои ошибки, а о более реальную величину: о штыки крестьянской армии» [1]).

Мужик более вреден, чем полезен. Это ясно. И в 1915 году, планируя новую революцию, на него уже почти вовсе не рассчитывают. «Чем меньше пролетариат будет выжидать появления буржуазной демократии, чем меньше будет он приспособляться к пассивности и ограниченности мелкой буржуазии и крестьянства, чем решительнее и непримиримее будет его борьба, чем очевиднее будет для всех его готовность итти «до конца», т.-е. до завоевания власти, тем больше у него будет шансов увлечь за собой в решительную минуту и непролетарские народные массы. Одними лозунгами, как конфискация земли и проч., тут, конечно, ничего не сделаешь» [2]).

Особенно великолепна, конечно, последняя фраза, «убийственно» направленная прямо в Ленина. Но вот февральская революция совершилась. По первым телеграммам казалось (нам в Париже — вероятно и тов. Троцкому в Нью-Йорке точно так же), что питерскую революцию сделала а р м и я. Что ее сделали питерские р а б о ч и е, буржуазная пресса старалась елико возможно замазать. Нельзя ставить в вину тов. Троцкому, что он, не имея других данных, поддался обману: хотя Ленин, даже и сквозь телеграммы буржуазных газет, довольно ясно различал, что перед ним вовсе не просто в о е н н ы й б у н т. Как бы то ни было, тов. Троцкий вспомнил о зловредной роли, которую сыграла в 1905 году «крестьянская армия» — и забеспокоился. Он пишет еще в Нью-Иоркском «Новом Мире»: «Другое дело—крестьянские массы, деревенские низы. Привлечение их на сторону пролетариата есть самая неотложная, самая насущная задача. — Было бы преступлением пытаться разрешить эту задачу путем приспособления нашей политики к н а ц и о н а л ь н о - п а т р и о т и ч е с к о й о г р а н и ч е н н о с т и д е р е в н и: русский рабочий совершил бы самоубийство, оплачивая свою связь с крестьянином ценою разрыва своей связи с европейским пролетариатом» [3]).

Как бы мужик не завладел революцией? Положим, «история не может вверить мужику задачу раскрепощения буржуазной нации». Но, ведь, мужик, пожалуй—по грубости и невоспитанности своей,—не послушается истории. И когда тов. Троцкий, вернувшись в Россию, находит Питер—только Питер, мы сейчас это увидим—захлестнутым волною «добросовестного оборончества», он уже ясно видит, что история спасовала. «Гегемония (верховенство) мелко-буржуазной интеллигенции означала, в сущности, тот

---

[1]) Там же, стр. 276.
[2]) Там же, стр. 291 (из статьи «Борьба за власть», 1915 г.).
[3]) Т. III, ч, 1-я, стр. 18.

факт, что крестьянство, внезапно призванное через посредство военного аппарата к организованному участию в политической жизни, массой своей подавило и временно оттеснило рабочий класс. Более того. Поскольку мещанские вожди оказались вдруг поднятыми на огромную высоту массовидностью армии, сам пролетариат, за вычетом своего передового меньшинства, не мог не проникнуться известным политическим уважением к ним, не мог не стремиться сохранять с ними политическую связь,—иначе ему грозила опасность оказаться оттертым от крестьянства»[1].

Это пишет уже Троцкий—историк революции: это цитата из брошюры, писавшейся в Бресте, в январе 1918 г. Для него гегемония крестьянства в первые месяцы революции непререкаемый факт: этим именно и нужно об'яснять, что революция не стала социалистической, хотя «национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинно-революционной буржуазной демократии»[2].

Мы видим, мимоходом сказать, что схема тов. Троцкого обанкротилась вовсе не в Бресте в январе 1918 г., как обыкновенно думают: она обанкротилась еще в Питере в феврале 1917 г. Это надо было как-то об'яснить. Ясно, что эта революция какая-то не настоящая, не нормальная. «Если бы революция развивалась более нормально, то-есть в условиях мирной эпохи—так, как она началась с 1912 года,—пролетариат неизбежно занимал бы все время руководящее место, а крестьянские массы постепенно вовлекались бы на буксире пролетариата в революционный водоворот. Но война создала совершенно другую механику событий. Армия связала крестьянство—не политической, а военной связью. Прежде чем крестьянские массы оказались сплоченными известными революционными требованиями и идеями, они уже были об'единены в кадры полков, дивизий, корпусов, армий».

Эта картина крестьянства, об'единенного «в кадры полков, дивизий, корпусов, армий»—замечательная картина, и глубоко несправедливо, что до сих пор она не обращала на себя внимания[3]. Мы видим, что пренебрежение тов. Троцкого к классовому анализу вовсе не случайно—это совершенно то же, что пренебрежение к музыке человека, абсолютно лишенного слуха. Простой, рядовой марксист привык думать, что «классовая организация»—это есть организация, защищающая интересы данного класса, (при чем вовсе не необходимо, чтобы она на 100% состояла из представителей этого класса: профессора и адвокаты гораздо лучше защищают ин-

---

[1]) Там же, ч. 2-я, стр. 261. Разр. моя. *М. П.*

[2]) «1905», стр. 289. Из статьи «Борьба за власть», 1915 г. Разр. Троцкого.

[3]) Тов. Троцкий не раз к ней возвращается и повторяет ее, например, в своих «Уроках Октября». «Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде, чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собой массы деревни, мелко-буржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войною крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелко-буржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой», т. III, ч. 1-я стр. XIX. Разр. моя. *М. П.*

тересы буржуазии, чем фабриканты и заводчики; кадетская партия—классовая организация буржуазии, хотя буржуа в прямом смысле этого слова, предприниматели, в ней в меньшинстве). Но мы все это переменили, как мольеровский «доктор поневоле»: классовая организация у нас, это организация, состоящая из людей данного класса, какие бы цели она ни преследовала; крепостная дворня—это классовая крестьянская организация; буржуазная фабрика — классовая пролетарская организация (и профсоюзов не нужно—к чему они?). Армия, куда самодержавие согнало детей деревни, это тоже классовая крестьянская организация. Через нее крестьянин, вопреки запрету истории, сделался хозяином русской революции.

Сами крестьяне были об этом другого мнения—они делали свою революцию, разбивая эту свою «классовую организацию», бывшую царскую армию. Они бежали из нее десятками тысяч к себе в деревни, не понимая, какую силу в их руки дает «массовидность» армии. И главное, совершенно не желали считаться с тем, что они должны делать «национальную» революцию, проявляя тем свою «национально-патриотическую ограниченность».

Эту теорию, согласно которой «добросовестное оборончество» первых месяцев революции имело своей базой «национально-патриотическую ограниченность деревни», необходимо разобрать подробнее, тем более, что это—не индивидуальная ошибка тов. Троцкого, а заблуждение, довольно широко распространенное, встречающееся, например, и у тов. Зиновьева, в те дни, когда он еще был ярым противником Троцкого. На стр. 113 «Ленинизма» мы, например, встречаем такую тираду: «Ленин старался формулировать программу так, чтобы она была принята не только рабочими, но и крестьянской тяжелой пехотой, которая в данной стадии революции была еще оборонческой и носила на руках Керенского».

Ленин никогда не рассматривал «добросовестное оборончество», как выражение классовой идеологии крестьянства. То, что он говорит об этом явлении, есть лишь иллюстрация к его общему положению, что «буржуазия держится не только насилием, а также несознательностью, рутиной, забитостью, неорганизованностью масс». В классовом смысле, по Ленину, представители добросовестного оборончества не заинтересованы в войне, и именно в этом и выражается их «добросовестность». «Массовые представители революционного оборончества добросовестны, — не в личном смысле, а в классовом, т.-е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают». Классовым качеством добросовестного оборонца является именно его добросовестность, т.-е., попросту говоря, его наивность и идеологическая зависимость от тех, кому война выгодна. Добросовестное оборончество было не выражением классовых настроений или, тем паче, классовых интересов рабочих и беднейшего крестьянства (Ленин не выделяет этих двух групп, не считает оборончество специфически крестьянским настроением, поскольку малосознательные рабочие так же, как и крестьяне, поддавались влиянию шовинистической

агитации), а выражением того факта, что эти классы, вследствие своей «несознательности, рутины, забитости, неорганизованности», «в образе мысли» шли «за буржуазией».

Шли, нужно сказать, лишь постольку, поскольку суровая действительность фронта и окопов не парализовала шовинистической агитации, противопоставляя красивым фразам оборонцев слишком неприглядную картину настоящей, подлинной, а не митинговой, обороны. Этот факт, что оборончество было не только настроением малосознательных масс, но и малосознательных масс именно крупных городских центров, удаленных от фронта, главным образом, Петербурга, — этот факт великолепно сознавался еще в те времена и высказывался настоящими фронтовиками безо всяких экивоков. Начальник одной из пехотных дивизий фронта доносил своему корпусному командиру в конце марта, что его солдаты «заявляют, что те части в Петрограде и других городах России, которые ходят в манифестациях, кричат и вывешивают флаги «война до полной победы», должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как достигается победа, а нам, послужившим в окопах и на войне почти три года, встать вместо тех» [1]).

У нас имеется теперь громадный, исключающий всякую возможность сомнения в этом вопросе, материал, в виде подлинных документов, рисующих действительное настроение солдатско-крестьянской массы на фронте в марте и апреле 1917 года. Прежде всего, мы имеем с о л д а т с к и е п и с ь м а с фронта, и донесения по начальству военных цензоров, просматривавших эти письма. Сборник таких писем давным-давно должен был выйти из печати, — но что-то, быть может, «режим экономии», помешало появлению на свет этих ценнейших документов. Так как есть надежда, что сборник все-таки появится, а кое-какие отрывки из писем были уже даны в юбилейном номере «Правды» (12 марта с. г.), то я не буду делать цитат, а воспроизведу лишь кое-какие образчики цензорской статистики. Военно-цензурное отделение штаба 12-й армии писало в том же конце марта месяца: «Как усматривалось из отчетов военных цензоров района армии, за февраль месяц настроение в частях войск в отношении процента бодрых писем в сравнении с прошлыми периодами резко упало. Если в период январских боев некоторые полки, несмотря на понесенные большие потери (11 Сиб. стр. п.), давали огромный процент бодрых писем (25%), то к 1-му марта в районе армии не оказалось почти ни одного полка, в котором бы процент бодрых писем превосходил 10%. В общем же падение процента бодрых писем, например для 3 и 4 Сиб. стр. див. 6 корпуса, выразилось: для первой с 18-ти на 5% и для второй с 13-ти на 3%». В 42-м армейском корпусе на 11% писем о необходимости войны до победного конца приходилось 8% писем о немедленном мире и прекращении войны и 6½% писем о свободном уходе домой. В одном пехотном полку «совет бить врага» можно было найти только в 0,9% всех писем, а требования мира в 5,6%. По отдельным полкам 2-го Сиб. Арм. корпуса, все за те же февраль—март 1917 г., «бодрые» письма относились к «угнетенным», примерно, как 3:1. Но тут

1) «Разложение армии в 1917 году», изд. Центрархива, стр. 33.

нужно иметь в виду, что солдаты великолепно знали о цензорском просмотре, и что очень часто, нет сомнения, несколько «бодрых» фраз вставлялось просто для того, чтобы письмо дошло до адресата.

Навстречу этой статистике идут еще более красноречивые донесения военного начальства. Я приведу только одно из них, в особенности характерное, как показатель, чего стоили повторявшиеся с чужого голоса оборонческие фразы. Это — донесение главнокомандующему армиями Северного фронта, Рузскому, командовавшего 5-й армией Абрама Драгомирова «Три дня под ряд ко мне приходили полки, стоявшие в резерве, с из'явлением своей готовности вести войну до конца, выражали готовность по первому моему требованию итти куда угодно и сложить головы за родину, а наряду с этим крайне неохотно отзываются на каждый приказ итти в окопы, а на какое-либо боевое предприятие, даже на самый простой поиск, охотников не находится, и нет никакой возможности заставить кого-либо выйти из окопов. Боевое настроение упало. Не только у солдат нет никакого желания наступать, но даже простое упорство в обороне и то понизилось до степени, угрожающей исходу войны. Все помыслы солдат обращены на тыл. Каждый только думает о том, скоро ли ему очередь итти в резерв, и все мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинске. За последние дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали, и пора их отвести в далекие тыловые города, а на их место поставить войска Петроградского и других больших гарнизонов... Настроение падает неудержимо до такой степени, что простая смена одной части другою на позиции составляет уже рискованную операцию, ибо никто не уверен, что заступающая часть в последнюю минуту не откажется становиться на позицию, как то было 28 марта с Ряжским полком (который после уговоров на позицию стал)» [1]).

Резюме этих отражений действительного настроения фронта (а не одного «Петрограда») опубликовано давным-давно — еще в первом томе известного «труда» генерала Деникина, в той части, которая посвящена «крушению власти и армии». Это—напечатанный Деникиным в больших извлечениях «Отчет» о совещании главнокомандующих фронтами 2 мая (ст. ст.) 1917 года [2]). Тут есть масса любопытнейших «обмолвок» даже у главнокомандующих - оптимистов, вроде Брусилова, уверявшего, что «войска, особенно находящиеся в резерве (!), отзывчиво относятся ко взглядам о необходимости продолжать войну». Речей «пессимиста» Драгомирова я не буду воспроизводить — мы его уже слышали. К тому же это — северный фронт, близкий к очагам революционного движения. Но вот две выдержки из того, что рассказывал Щербачев, начальник румынского фронта: «Я не буду приводить вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «железной» и блестяще поддержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать. Подобный же случай произошел на-днях в соседней с этой

[1]) Разложение армий, стр. 31.
[2]) «Очерки русской смуты», т. I, вып. 2-й, стр. 48 и сл.

дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление,— прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления. Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной России доблестно дрались; свергнув же правительство, стремившееся к позорному миру, граждане свободной России не желают драться и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно! Но это так».

«Дико, странно и непонятно» это было, видимо, не для одних генералов. И вот, чтобы не до конца срамить историю, уже оскандалившую себя, допустив совершенно «ненормальную» национальную революцию, на сцену выводится тамбовский мужик, гордо топающий своей обутой в лапоть ногой: «даешь старую границу империи?». Но этот театральный мужичок был как не надо больше далек от тех, кто говорил Абраму Драгомирову: «нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет, не дойдет и японец». Фронтовая масса поняла революцию попросту: революция — это мир. «Оптимист»-Брусилов не мог все же не рассказать любопытнейшего анекдота. «Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк и когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат—«мир во что бы то ни стало, долой войну». При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено «сказано без аннексий, зачем же нам эта гора». Я ответил «мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника». В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: «неприятель у нас хорош. и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей: зачем же калечиться?» [2]).

Любопытно и то, что тов. Троцкий и сам приводит сколько угодно образчиков такого же, по существу, настроения. Описывая непосредственно предоктябрьские события, сам охваченный победной атмосферой Октября — и несколько простив уже истории ее промашку — тов. Троцкий начинает проще воспринимать действительность, не мудря над нею. И тут мы начинаем наталкиваться, на каждом шагу, на такие картины. «Из окопов приходили делегаты. «До каких же пор, — говорили они на заседаниях Петроградского Совета, — будет тянуться это невыносимое положение. Солдаты приказали нам заявить вам: если до первого ноября не будет сделано решительных шагов к миру, окопы опустеют, вся армия бросится в тыл». Такое решение действительно широко распространялось на фронте. Солдаты передавали там из одной части в другую самодельные прокламации, в которых призывали не оставаться в

---

[1]) Там же, стр. 50 — 51. Разр. моя. *М. П.*

окопах дольше, как до первого снега. «Вы забыли о нас, — восклицали окопные ходоки на заседаниях Совета. — Если вы не находите выхода из положения, мы сюда придем сами и штыками разгоним наших врагов, но и вас вместе с ними». Петроградский Совет в течение нескольких недель стал центром притяжения для всей армии. Его резолюции, после смены в нем руководящего направления и переизбрания президиума, внушали истощенным и отчаявшимся войскам на фронте надежду на то, что выход из положения может быть практически найден на пути, предлагавшемся большевиками: опубликование тайных договоров и предложение немедленного перемирия на всех фронтах. «Вы говорите, что власть должна перейти в руки Советов, — берите же ее в ваши руки. Вы опасаетесь, что фронт не поддержит вас. Отбросьте всякие сомнения, солдатская масса в подавляющем большинстве за вас»... «Зато солдаты даже наиболее отсталых полков восторженно приветствовали комиссаров Военно-Революционного Комитета. От казачьих частей и от социалистического меньшинства юнкеров к нам приходили делегаты. Они обещали в случае открытого столкновения обеспечить, по крайней мере, нейтралитет своих частей. Правительство Керенского явно повисало в воздухе»... «Солдаты, десятками, сотнями приходившие ежедневно по поручению своих полков, дивизий и корпусов, неизменно говорили нам: «не бойтесь фронта, он целиком за вас, отдайте только распоряжение — и мы отправим на помощь вам хоть сегодня же дивизию или корпус». В армии было то же, что и всюду: низы были за нас, верхи против нас» [1]).

Как же это «национально-патриотическая ограниченность» вдруг так крахнула? Что ее привело к такой катастрофе? Уж не «идиотски» ли «легкомысленное наступление на фронте»? [2]). Эта характеристика наступления 18 июня, последней и отчаянной попытки буржуазии повернуть революцию и загнать вновь народ в войну, — как «идиотски легкомысленного», тоже своего рода перл. Столыпин, «легкомысленно» введший военно-полевые суды! Бонапарт № 3, «легкомысленно» разогнавший национальное собрание! Что те имели успех, а Керенский (плюс Бьюкенен, плюс Палеолог, плюс Милюков) провалились, это неудача, об'ективно предопределенная классовым соотношением сил, а вовсе не «легкомыслие». Обдумано было серьезно и задолго — чуть не с февраля Керенского для этого готовили (см. записки Бьюкенена и Палеолога). Что тут было не без «идиотского» непонимания действительных пожеланий массы, это-то верно: но, как будто, не людям, которые верили в прирожденный шовинизм крестьянства, говорить по этому случаю об «идиотизме». На самом деле то, что перед октябрем прорвалось так бурно, копилось с февраля, начало копиться еще до февраля, дало, до известной степени, почву Февралю. В этой связи очень интересно одно показание ген. Хабалова «чрезвычайной комиссии» Муравьева: что начавшаяся 26 февраля (ст. ст.) восстание рота Павловского полка «состояла преимущественно из эвакуированных», — т. е. не из новобранцев, не

[1]) III, ч. 2-я, стр. 291, 294, 308. Разрядка моя. *М. П.*
[2]) Jbid., ч. 1-я, стр. XXXI.

нюхавших пороха, а из солдат, прошедших все ужасы окопов и кое-чему жизнью выученных[1]). То, что видел тов. Троцкий в октябре, было победой классовых интересов широчайшей массы под шовинистическим угаром, которым «верхи» накачивали эти массы три года.

Итак, отсутствие симпатии к классовому анализу, попытки избежать этого анализа — и теоретически оправдать такое уклонение тем, что история строится «не только классовыми отношениями», все это лишь проявление спасительного чувства самосохранения: там, где тов. Троцкий пытается классово обосновать свои формулировки, это ему не удается. Таких классов, которые нужны для его теории, в природе не существует — на деле у классов совершенно иная физиономия и идеология. Остается показать обратный пример: как тов. Троцкий не замечает, сквозь очки своей теории, классов действительно существующих и делающих историю. Этот пассаж случился с ним — как это ни странно и ни неожиданно, принимая в расчет его общую точку зрения — ни более, ни менее, как с пролетариатом в самый момент Октябрьской революции. Все время перед нами солдаты. Несмотря на то, что тов. Троцкому отлично известно, что вооруженное выступление было решено партией — он об этом упоминает, хотя немножко вскользь — и было совершенно ясно, что, какой найдется предлог для выступления, дело второстепенное, тем не менее в центре всей картины для него стоит петроградский гарнизон. «Зарницей Октябрьской революции» оказывается постановление солдатской секции петроградского совета. Вопрос о выводе петроградского гарнизона на фронт двигает дальше все дело — как будто, не будь этого, о восстании нечего было бы и думать. Кроме этого, т. Троцкого интересует еще, на протяжении этих глав «Октябрьской революции», вопрос о сроке созыва 2-го С'езда Советов — тот формальный вопрос, которому столь мало придавал значения Ленин, советовавший этим сроком себя отнюдь не связывать. С этим тов. Троцкий был решительно не согласен. В своих воспоминаниях о Ленине он говорит: «Брать власть собственной рукой, независимо от Совета и за спиной его, партия не могла. Это было бы ошибкой. Последствия ее сказались бы даже на поведении рабочих и могли бы стать чрезвычайно тяжкими в отношении гарнизона. Солдаты знали совет депутатов, свою солдатскую секцию. Партию они знали через Совет. И если бы восстание совершилось за спиной Совета, вне связи с ним, не прикрытое его авторитетом, не вытекающее прямо и ясно для них из исхода борьбы за власть Советов, — это могло бы вызвать опасное замешательство в гарнизоне».

Гарнизон, как видим, и здесь на первом плане. «Судьба с'езда зависела, в первую очередь, от петроградского гарнизона» («Окт. Революция»), — а гарнизон был отчаянным любителем всякой формалистики. Любопытно, что из этого стремления все сделать почти легально, советски легально, ничего не вышло — и власть в последнюю минуту взял не Совет, а явно «нелегальная» организация, созданная ad hoc. «В час дня (25—12)», говорит автор, «я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Револю-

[1]) См. «Падение царского режима», т. I, стр. 195

ционного Комитета, что правительство Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского С'езда Советов,—власть переходит в руки Военного Комитета»[1]).

Но это мимоходом. Интереснее, что везде мы слышим «гарнизон, гарнизон и гарнизон», «солдаты, солдаты и солдаты»,—а рабочие только «относились к конфликту (между гарнизоном и Керенским) «с живейшим интересом, так как боялись, что с вызовом гарнизона они будут задушены юнкерами и казаками»[2])—да в изобилии посещали митинги. Так дело идет во все продолжение переворота. Перед нами и гарнизонное совещание, и Волынский полк, и семеновцы, и батальон самокатчиков—и только с выступлением на улицу появляется пролетариат, в лице красногвардейцев, т.-е. не толпой, не подумайте чего-нибудь, а вполне организованно, чинно и почти мирно. Этой чинностью тов. Троцкий очень гордится. «Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о выступлении вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение за другим захватывалось стройными и дисциплинированными отрядами солдат, матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного Института[3]).

Когда после этого вы читаете, что «на улицах Петрограда господствуют вооруженные **рабочие**» (стр. 303), вы в первую минуту немножко удивлены: эти-то откуда взялись? А если вы не знаете, кто такое «красногвардейцы» — с иностранцем может это случиться — то вы и действительно ничего не поймете. Солдаты, солдаты, а вдруг откуда-то рабочие. А брошюра Троцкого, надо сказать, писалась именно для иностранцев.

Так дело идет до последних, по старому стилю, октябрьских дней, до движения Керенского на Петроград. И тут вдруг происходит «чистая перемена»: оказывается, что в рабочих-то было все дело, а пресловутый гарнизон никакой силы не представлял. Но предоставим слово самому тов. Троцкому. «Наибольшую решительность проявили красногвардейцы. Они требовали оружия, боевых припасов, руководства. Но в военном аппарате все было расстроено, разлажено, отчасти — от запустения, отчастия — злонамеренно. Офицеры отстранились, многие бежали, винтовки были в одном месте, патроны — в другом. Еще хуже обстояло дело с артиллерией. Орудия, лафеты, снаряды—все это находилось в разных местах, и все это приходилось разыскивать ощупью. У полков не оказалось в наличности ни саперных инструментов, ни полевых телефонов. Революционный штаб, который пытался наладить все это сверху, наталкивался на непреодолимые препятствия, прежде всего в виде саботажа военно-технического персонала. **Тогда мы решили обратиться непосредственно к рабо-**

---

1) III, ч. 2-я стр. 301. Разр. моя. *М. П.*
2) Там же, стр. 285.
3) Там же, стр. 310.

чим массам. Мы изложили им, что завоевания революции находятся в величайшей опасности и что от них, от их энергии, инициативы и самоотвержения зависит спасти и крепить режим рабочей и крестьянской власти. Это обращение почти сейчас же увенчалось огромным практическим успехом. Тысячи рабочих двинулись по направлению к войскам Керенского и занялись рытьем окопов. Рабочие орудийных заводов снаряжали пушки, сами добывали для них на складах снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудия на позиции, устанавливали их, организовывали интендантскую часть, добывали бензин, моторы, автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фураж, поставили на ноги санитарный обоз,—словом, создали весь тот боевой аппарат, который мы тщетно пытались создать сверху из революционного штаба» [1]). «По дороге тянулись обозы с провиантом, фуражом, боевыми припасами, артиллерией. Все это сделали рабочие разных заводов».

Согласитесь, что это «мы решили обратиться непосредственно к рабочих массам» великолепно. Опять-таки, если какой-нибудь дерзкий человек истолкует это так, что, дескать, старались, старались обойтись без масс, да не удалось, — что вы ему ответите, кроме крепкого слова, которое, ведь, не всегда и не во всех глазах заменяет аргумент? К счастию мы знаем из других источников, что массы были на улицах «Петрограда» и 29-го, в день восстания юнкеров (об этом были, например, показания свидетелей на эсеровском процессе), и к счастию мы не иностранцы, знаем, что такое красная гвардия. Но если и у иностранцев не получилось впечатления, что Октябрьскую революцию сделали солдаты, а рабочие активно выступили лишь, post factum на ее защиту — это уже особое счастье тов. Троцкого.

Надобно сказать откровенно: «Октябрьская революция» блестяще написанная вещь, в ней масса интересных подробностей, но ничего марксистского в ней нет, она отлично могла бы быть написана и не-марксистом. Сравнительно с нею «Кавеньяк» Чернышевского—образец классового анализа. Тов. Троцкий правильно старается отгородить себя от последнего. Ничего у него с этим анализом не выходит. То появится класс, какого никогда в природе не было, то исчезнет класс, который был главным двигателем событий. И если вы присмотритесь поближе, вы увидите, что самые ценные и интересные страницы брошюры, это те страницы, которые посвящены с о ц и а л ь н о - п с и х о л о г и ч е с к о м у анализу — знаменитая характеристика настроений мелкобуржуазной интеллигенции, например, шедевр своего рода. Когда тов. Троцкий не принуждает себя быть марксистом, а отдается свободному влечению своего литературного таланта, который у него очень велик,—выходит хорошо; в смысле и з о б р а ж е н и я событий, конечно, н е в смысле их и с т о л к о в а н и я, ибо тут нужен не художественный синтез, а материалистический анализ, без него тут ничего не поделаешь.

Но мы взяли тов. Троцкого не как российского Мишле, нам он важен не как художник. Мы пробовали сопоставить его с Лениным. Совершив довольно длинный и утомительный путь, мы видим, однако, что сопоставлять

---

[1]) Там же стр. 310. Разр. моя. *М. П.*

нечего. У Ленина мы видим отчетливую, ясную, последовательную схему событий, как они действительно совершались. У тов. Троцкого, если не считать не иллюстрированного действительно совершившимися событиями общего места, что русская революция может победить, лишь как часть обще-европейской, которое, в отличие от других общих мест, отнюдь не является истиной, не то что вечной, а хотя бы временной — мы никакой схемы не находим. Ленин руководился фактами, которые действительно имели место. Троцкий отправляется от своих впечатлений, созданных фактами, которые иногда действительно имели место, иногда никогда не имели места и являются созданием творческой фантазии. Крестьянин сначала играет подобную роль, потом никакой роли, потом становится всем, притом такой крестьянин, которого никогда не существовало в России. Рабочий сначала все, — но в самую решительную минуту он исчезает, чтобы неожиданно выскочить, как ванька-встанька, неизвестно откуда и почему. «Гарнизон» сначала делает все, а потом оказывается, что ему и делать-то нечем, ибо он в состоянии полной дезорганизации. Попробуйте построить изо всего этого устойчивую схему.

Но построить изо всего этого фигуру тов. Троцкого, как историка Октябрьской революции, вполне возможно. У Ленина понимание процесса, изображение процесса и руководство партией в русле этого процесса сливаются. Одно тесно связано с другим, одно вытекает из другого. У Троцкого изображение процесса само по себе, его истолкование — само по себе, а руководство — это третье и опять совершенно самостоятельное дело. Тов. Троцкий понимал революцию, как чисто пролетарскую, изобразил, как крестьянско-солдатскую, а руководил ею (или хотел руководить: дело идет, ведь, о литературном изображении), как государственным переворотом.

Я вовсе не хочу этим сказать, что Октябрь был на самом деле «переворотом», как крестили его когда-то белогвардейцы, а не революцией масс. Во-первых, и белогвардейцы давно от этого понимания отказались, во-вторых, изображение тов. Троцкого нуждается, мы видели, в поправках, в-третьих, революция происходила не в одном Питере, а и в Москве, например, и тут уже никакие изображения не замажут непосредственного участия в ней широкой рабочей массы. Не даром тов. Троцкий Москвой не очень доволен — там дело не прошло «без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития» («В Москве борьба приобрела крайне затяжной и кровавый характер», — тов. Троцкий, конечно, об'ясняет это недостатками «руководителей»; а что в Москве и в 1917 году, как в 1905, было иное классовое соотношение сил, чем в Питере, об этом не говорится; «подбор людей» — это главное...). Но с этим характером питерской революции, как ее вел или хотел вести тов. Троцкий, связано маленькое ки-про-ко, которое дает хороший заключительный штрих сравнению двух историков Октября. Когда Ленин приехал в Смольный 25 октября, и услышал рассказ тов. Троцкого, как идет дело, он «стал молчаливее, подумал и сказал: «Что-ж, можно и так. Лишь бы взять власть».

---

[1]) «О Ленине», стр. 75.

«Я понял», глубокомысленно замечает тов. Троцкий, «что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора» (!!). Не даром я привел выше цитату из письма Ленина еще за 6 недель до революции, где этот конспиративный конспиратор и заговорщический заговорщик писал: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами».

Так, конечно, всегда и рассуждают конспиративные конспираторы: итти вперед можно только, опираясь на массы. Оттого массы и шли за «конспиратором» Лениным: за теми же, кто хотел бы вести революцию, как парад, «стройными и дисциплинированными отрядами по точным телефонным приказам», массы идут не всегда...

Ф. Ротштейн

Англия и Октябрьская революция[1]

Утром 8-го ноября 1917г. — в день, когда получились в Лондоне первые телеграфные сообщения о состоявшемся в Петрограде большевистском перевороте — молодой чиновник иностранного ведомства, встретившись с автором настоящих строк, с большим волнением заметил: «нужно будет теперь послать японцев». Эти слова, не составлявшие для собеседника ничего неожиданного, точно выражали те мысли и планы, которые созревали как в правительственных, так и в широких кругах консервативной общественности Англии за последние месяцы в связи с замелькавшими перед глазами английской публики таинственными и зловещими фигурами большевиков — «максималистов», как их по своему перевела английская пресса, — сторонников германского агента и анархиста Ленина, проповедников сепаратного мира с немцами, ярых бунтовщиков против Временного Правительства, врагов Антанты и пр. Возмущение этими безответственными бандитами, губившими великое дело союзников, злоба и презрение к русскому народу, допустившему и всем своим поведением подготовившему такой дерзкий переворот, сознание собственного бессилия перед лицом такой катастрофы — все это выражалось в приведенных выше словах небольшого чиновника, мыслившего и чувствовавшего в унисон с сотнями тысяч, если не миллионами, своих соотечественников, поглощенных, прежде и больше всего, мыслью о победном доведении борьбы с немцами до конца. Напустить на большевиков японцев— это значило: пора прекратить «миндальничанье» с этими недисциплинированными полу-дикарями и кокетничание с их революциями, которые, в сущности, являются лишь анархией; надо забрать их в руки, оккупировать их территорию, ввести свою власть и организовать бессловесных мужиков для продолжения войны. К сожалению, сами англичане и их ближайшие союзники слишком заняты на фронтах, но Япония свободна, свободна и Америка: нужно, чтобы они и занялись этим делом. В передовой статье, озаглавленной «Революция «Made in Germany», реакционная «Morning Post», так и писала: «Последователи Ленина, будет ли их существование долговечным или нет, являются определенными врагами Антанты и явными друзьями Германии. Никаких дел у нас с ними не может быть. Перед союзниками лишь

[1]) Настоящая статья не претендует на звание исторического исследования, а является отрывком из личных воспоминаний автора, предлагающего их как материал для будущего историка. *Ф. Р.*

одна задача: установить как-нибудь связь с русским народом и теми его элементами, которые остаются верными союзникам. Мы полагаем, что эта работа может быть выполнена дружественным сотрудничеством Соединенных Штатов и Японии» [1]).

Однако эта смелая мысль была достоянием, как выше оговаривалось, преимущественно консервативных кругов — тех кругов, у которых реакция на события всегда очень непосредственна, как у людей, привыкших к власти и беспрекословному повиновению со стороны подчиненных. Но в Англии были еще и либеральные элементы, а главное, само правительство было коалиционное и возглавлялось Ллойд Джорджем, сохранившим, если и не все либеральные убеждения, то во всяком случае либеральные навыки политического мышления. Эти элементы еще считались с политическим фасоном, который нужно было поддерживать как для всего мира, так и для собственного народа, совершенно искренно считавшего, что льет свою кровь и несет другие тяжелые жертвы для осуществления великих и вечных идеалов свободы и справедливости. Далее, сознавая свое недостаточное знакомство с этими новыми мало-понятными людьми, пришедшими так смело к власти после дряблого и совершенно неспособного правительства Керенского, либералы склонны были усматривать в их лозунгах и декларациях естественно-утрированную реакцию против немощно-патриотической риторики их предшественников и надеялись, что будучи у власти, они, как и все другие человеческие существа, полюбят ее, захотят приспособиться к ней и не откажутся заплатить кое-что за помощь, которую им предложат извне. Наконец, им, либералам, не особенно улыбалась мысль впустить, выражаясь вульгарно, японского козла в огород, откуда потом его трудно будет выпроводить без уплаты тяжелой мзды. «Мы должны быть весьма осторожны в эти дни», — писала либеральная «Westminster Gazette» и не делать ничего такого, что дало бы возможность максималистам сказать, что мы, а не немцы, являемся врагами, что мы пытаемся диктовать им то, что им надлежит делать и как они должны устраивать свои внутренние дела» [2]).

Тайны английского кабинета нам неизвестны, но очевидно, что точка зрения либеральной части общества, нашедшая себе, несомненно, выразителя в кабинете в лице Ллойд Джорджа, победила — если и не во всех своих частях, то по крайней мере в той, которая касалась Японии и требовала более близкого ознакомления с происходящими в далекой России событиями. Последнее соображение казалось тем более убедительным, что в начале борьбы новой власти за существование, а затем ее обращения к союзникам за помощью против немцев давали повод думать, что она не будет долговечной и будет вынуждена пойти на компромиссы. Завязавшийся затем в Бресте драматический поединок, в котором та же дерзкая рука большевиков сыпала на немцев град оглушительных ударов, еще более укрепил выжидательную позицию либералов и даже привел к тому, что правительство

---

[1]) Цит. по книжке М. Левидова «К истории союзной интервенции в России»; изд. «Прибой», 1925, стр. 10, 11. Пользуюсь случаем, чтобы обратить внимание на эту ценную книжку материалов.

[2]) Левидов, назв. соч., стр. 11.

негласно завязало с большевиками сношения, послав в Москву Локкарта и фактически признав дипломатические качества т. Литвинова. Локкарт в течение долгих месяцев энергично отстаивал в своих докладах либеральную точку зрения, требуя дружественного контакта с новой властью и предсказывая мирную эволюцию ее в сторону умеренности и компромисса с союзниками в случае решительного курса последних на сотрудничество с ней. Замечательно, что в позициях, занятых как либералами, так даже консерваторами, пока что отсутствовал, так сказать, социальный момент. Несмотря на декреты новой власти о национализации земли, банков и пр. и об аннулировании прежних долгов, отношение к ней правительственных сфер и буржуазной общественности определялось почти исключительно тревогой за исход войны. Это, несомненно, об'ясняется в значительной степени тогдашней уверенностью всего общественного мнения Англии, что большевистский режим, который может достаточно долго продлиться, чтобы испортить союзникам шансы победы, все же не окажется длительным, а режим, который придет ему на смену, несомненно, аннулирует все эти фантастические декреты «комиссаров»[1]. Для тогдашней публики вся Октябрьская революция представлялась какой-то страницей из фантастической «Тысяча и Одна Ночь» и на все декреты советской власти смотрели как на безответственные упражнения безответственных людей, попавших во власть и занявшихся там битьем посуды на манер пресловутого быка в лавке с фаянсовыми изделиями. Значение большевистского переворота для хода войны казалось им поэтому гораздо более реальным, чем все декреты о национализации и аннулировании, которыми новые властители России забавлялись.

Разделялись ли эти взгляды в рабочей среде? Рабочий класс Англии переживал тогда особенно тяжелое время. Введенный за год до этого принудительный рекрутский набор выхватил из его рядов наиболее молодых и энергичных людей и отправил их в окопы. Оставшиеся дома больные или старики способны были лишь чувствовать, но не действовать. В отраслях промышленности, работавших на войну, еще остались трудоспособные рабочие, но они были поставлены под военный режим, терроризировались пропагандой и лишены были возможности выражать вслух свои мысли или организованно выступать. Сами тред-юнионы были выхолощены и оставались существовать лишь как оболочки без содержания. Вожди их были всецело заняты военно-патриотической пропагандой и всячески душили всякое самостоятельное движение мысли и слова. При таких обстоятельствах историк стоит перед фактом полнейшего отсутствия данных о том, как реагировала рабочая масса на Октябрьскую революцию. Об ее настроениях можно

[1]) У Левидова, назв. соч., стр. 25, мы находим характерную в этом отношении выдержку из речи Бонар Ло, тогдашнего министра финансов, в парламенте по поводу русских долгов. По его мнению, «не следует преувеличивать значение того, что произошло в России». Еще никогда ни одно большое государство не отказывалось от уплаты долгов, и он уверен, что «рано или поздно в России создастся устойчивое правительство», и такое правительство поймет, что «развитие ее богатств и ее процветание немыслимо без финансовой поддержки со стороны других стран». И Бонар Ло просит своих слушателей помнить это, когда говорится о том, что «Россия навсегда аннулировала долги».

лишь судить по косвенным показаниям. В недрах ее несомненно происходило глубокое брожение, вызванное тяжелыми жертвами, которые налагала на нее война, с одной стороны, и видом безудержной спекуляции и баснословного обогащения капиталистов и их прихвостней, с другой. На военно-промышленных предприятиях происходили большие забастовки, которые правительству приходилось подавлять чуть ли не силой, и в этой же промышленности возникали и функционировали фабрично-заводские комитеты старост, которых вытесняли тред-юнионы в руководстве рабочей массой. Вера в возвышенные цели войны, не смотря на все усилия вождей, также к этому времени значительно спала, и все возраставшая нехватка в необходимых предметах потребления, выразившаяся в введении карточек и пайков, создавала прямое озлобление. К этому присоединялись оглушительные поражения на западном театре войны, которые внушали презрение к болтунам и хвастунам всех видов и мастей и создавали острое желание поскорее закончить эту кровавую канитель и заключить мир. Наша Февральская революция, которая была встречена английской буржуазией с кисло-сладкой миной, встретила решительное одобрение среди рабочих, которые увидели в ней справедливое возмездие тому режиму, который они, не взирая на антигерманскую пропаганду, почти инстинктивно рассматривали как одного из главных виновников войны. В рабочей среде нередко можно было тогда слышать, что русские хорошо сделали и что, пожалуй, и англичанам также следовало бы разделаться со своей монархией и аристократией. Советы рабочих депутатов, как боевые организации рабочего класса, несомненно, взывали к их пролетарскому инстинкту и словесные выступления их за мир и в защиту интересов рабочего класса — выступления, которые, конечно, принимались за чистую монету — оказывали на рабочую массу сильное впечатление [1]). Когда британская социалистическая партия, стоявшая на циммервальдской позиции, вздумала летом 1917 года затеять агитацию за основание советов в Англии, эта агитация, несмотря на ее сумбурность и нереальность, все же встретила сочувствие в широких рабочих кругах, и учредительный с'езд в Лидсе собрал огромное число не только одиночек, но и представителей от рабочих организаций. Достаточно упомянуть, что председательствовал Роберт Смайли и что среди участников, деятельно выступавших и голосовавших за все резолюции, включая резолюцию в пользу создания советов рабочих и с о л д а т с к и х депутатов, были такие знатные вожди, как Макдональд, Сноуден, Бевин, Бертран Россель и др., не говоря уже о Том Манне, Галлахере, Мак Манусе и пр. Всего было свыше тысячи делегатов, представлявших профсоюзы (371), профсоюзные советы и местные организации рабочей партии (207), независимую рабочую партию (294), британскую социалистическую партию

[1]) Интересно, что писал тогда орган британской социалистической партии «Call» по поводу настроения в а р м и и: «штатский вряд ли в состоянии осознать, с каким восторгом армия относится к русской (февральской) революции... Армия внимательно следит за работой совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. Она обсуждает интернационалистические принципы, провозглашенные этой организацией и безоговорочно выражает пожелания таких же изменений в нашей стране». («The Call» от 24 мая 1917).

(88) и т. д. Подумать только, что знакомые нам по своей непримиримой ненависти к революции и революционным действиям Макдональды и Сноудены в июне 1917 года требовали создания советов рабочих и солдатских депутатов для того, чтобы по русскому образцу бороться с войной, империализмом и капитализмом! Об'яснить это странное явление можно только настроением рабочего класса и напором его на верхи. Конечно, из этого как-будто многообещавшего начала ничего не получилось, так как и по об'ективным причинам (положение в Англии еще далеко не было революционным) и по суб'ективным (перепуг тех же Макдональдов и Сноуденов перед лицом собственного геройства) оно не имело под собой почвы. Но из этого эпизода вполне законно можно вывести заключение, что и Октябрьская революция, переведшая пустую риторику меньшевистских и эсеровских советов февральского периода на язык реального действия, не могла не встретить глубокого сочувствия среди, конечно, не «вождей», успевших к этому времени окончательно выветриться — а рабочей массы. Несомненно, однако, что в начале рабочие были порядочно сбиты с толку той бешеной травлей большевиков, которая не сходила со столбцов газет даже тогда, когда руководящие круги заняли сравнительно корректную позицию выжидания. Но если они в начале лишь смутно догадывались, что люди, взявшие власть для свержения капитализма и национализации земли и фабрик, вряд ли похожи на германских агентов, то историческая полемика в Бресте, которая довольно обильно цитировалась в английской прессе, должна была их убедить в лживости газетных наветов и выпрямить их представление о том, что на самом деле произошло в далекой России. Вероятно, этим настроением в массах следует об'яснить тот прием, который был оказан тов. Литвинову, вновь назначенному дипломатическому представителю в Англии, на конференции Рабочей Партии в Ноттингаме в январе 1918 года: он не только получил приглашение выступить перед конференцией в качестве «братского делегата», но и был выслушан с величайшим вниманием и даже одобрением. Однако прямое доказательство тому, в какой мере рабочая масса в Англии чувствовала себя солидарной с Октябрьской революцией, мы получим лишь спустя год и два, как мы это ниже покажем.

Особое место в рабочем движении принадлежит, однако, тогдашним социалистическим организациям. Для независимой Рабочей Партии Кир Харди и Макдональда, выступавшей под знаменем пацифизма и воздыхавшей по мире, заключенном на основе полюбовного соглашения между обеими воюющими сторонами, уже Февральская революция была большим политическим облегчением, так как освобождала Антанту от компрометирующего партнера и дала возможность социалистам вроде Макдональда и Сноудена сделать крен в сторону союзников и очистить себя от обвинения в анти-патриотизме. Отныне они могли работать совместно с пацифистами из буржуазного лагеря и выйти из угнетавшей их изоляции. Впоследствии они протащили эти буржуазные элементы в свою партию и сделали ее совсем «респектабельной». Понятно, что такой гуманитарной, национально-лойяльной и пацифистской партии наша Октябрьская революция не могла

приттись по вкусу. Она была для нее слишком груба, слишком «революционна» и нарушала ее концепцию о добром мире за «круглым столом». Не вступая, пока что, против нее — у нее имелось и левое крыло в революционных районах Шотландии и других местах — она явно не сочувствовала ей, и впоследствии многие из ее вождей открыто перешли в лагерь наших самых непримиримых врагов.

Иначе отнеслась к Октябрьской революции другая социалистическая организация, т. н. британская социалистическая партия, преемница старой социал-демократической партии, которая еще весной 1916 г. выгнала из своей среды всю свою патриотическую верхушку с Гайндманом, основателем партии, во главе и перешла на интернационалистские рельсы. Она приветствовала Февральскую революцию, как *начало* пролетарской революции по всему миру, и неустанно на страницах своего органа и на собраниях агитировала не только за поддержку ее, но и за подражание ей. Уже в июле месяце, когда была сделана упоминавшаяся попытка создать советы, она доказывала, что речь идет не о демократическом мире и реформах, а о диктатуре пролетариата, об уничтожении «всей капиталистической системы цивилизации[1]). Отрезанная почти всецело от деятелей и событий революционной России, путаясь нередко в деталях и неохотно дискредитируя даже меньшевистские советы в глазах английских рабочих, она все же уже в конце июля, как это видно из передовицы в «Call«, понимала, что «русские социалисты (меньшевики) подпали под систему мышления и созданную войной психологию, и если не последует восстания со стороны самих трудовых масс—а это весьма вероятно—то нас ожидает в ближайшем будущем новое, и при том самое горькое, разочарование»[2]). В начале октября (н. с.) ее орган пишет по поводу провала корниловского выступления, что «советы должны взять власть» (ук. газета от 4 и 11 октября), а когда октябрьский переворот состоялся, она безоговорочно приветствует его. С этого момента партия становится нашим наиболее активным, можно сказать, единственным союзником в Англии, следит за ее перипетиями с лихорадочным вниманием, стараясь об'яснить их рабочим массам, отстаивает ее против меньшевиков и пацифистов и неустанно твердит английским рабочим, что только методами Октябрьской революции они покончат не только с войной, но и породившими ее капитализмом и империализмом. На последующих стадиях она мужественно борется с интервенцией и удачно организовывает ей сопротивление. Постепенно она сама переходит на коммунистические позиции и в 1920 году, вместе с другими организациями (главная из них—«социалистическая рабочая партия»—небольшая группа с Мак Манусом и Беллом во главе, по де-леоновски настроенная, сыгравшая крупную роль в движении фабрично-заводских старост) основывает ту коммунистическую партию, которая сейчас принадлежит к лучшим в Третьем Интернационале.

---

[1]) Характерно, что энергичную статью в этом духе писал в «Call» от 12 июля никто иной, как Ультон Ньюбольд, тогда еще член левого крыла независимой рабочей партии, переходивший на коммунистическую позицию, а ныне ренегат.

[2]) Ук. газета от 26 июля.

Тем временем настроение в руководящих кругах начинает меняться. Брестский мир заключен, и уже через месяц происходит японо-английский десант в Владивостоке. Это еще не интервенция, но маленькая предварительная ракета, которая предвещает грядущие события. В «верхах» происходит яростная борьба. Известно, что консервативная часть кабинета во главе с Бальфуром, тогдашним министром иностранных дел, стоит за вооруженное вмешательство; либеральная же часть колеблется. Доклады, пересылаемые Локкартом из Москвы и настроенные в пользу компромисса с советской властью и признания ее, вызывает сильнейшее неудовольствие форейн-оффиса, который полемизирует со своим подчиненным, с другой стороны они благосклонно рассматриваются Ллойд-Джорджем, который не прочь стороной даже поощрить их. Главная слабость консервативной позиции заключается в том, что Англия, да и вообще союзники в Европе не располагают достаточными средствами к эффектной интервенции, а Японии они не доверяют. Кроме того, Вильсон решительно против интервенции—тем более японской. В этот момент колебаний и бессильных потуг к вырешению чего-нибудь определеного происходит чехо-словацкое восстание. Интервенционисты получают неожиданное и сильнейшее подкрепление. Даже либералы сильно заколебались в своих позициях. Если можно нанести чувствительный удар большевикам чужими руками, то почему не воспользоваться? Пишущий эти строки время от времени захаживал на заседания комиссии по международным делам Рабочей партии, которая возглавлялась Сиднеем Уэббом, и был сам свидетелем, как этот почтенный «социалист» отстаивал положение, что Рабочей партии надлежит высказаться в пользу этого восстания, которое одним ударом выхватит из-под ног большевиков всю Сибирь. Ему, правда, горячо оппонировали другие члены комиссии, и предложение Уэбба не прошло. Тем не менее он распорядился записать в протокол мнение возглавляемого им меньшинства с тем, чтобы доложить о нем исполкому партии. Дальнейшая судьба этого постановления автору неизвестна, но отношение Сиднея Уэбба и его единомышленников показало, как далеко за пределы консервативных кругов зашла к этому моменту идея интервенции. По книжке М. Левидова можно проследить, как шаг за шагом эта идея популяризировалась прессой и как постепенно она была воспринята английским кабинетом в целом. Отчасти тогда произошло то, что повторилось на наших глазах с кабинетом Болдуина: те же «дайхардовцы», и та же пресса, отражая мнения и желания сравнительно небольших, но весьма влиятельных кругов, финансовых, военных, дворцовых, аристократически-помещичьих, постепенно вынудили у правительства, наполовину либерального, и у общественного мнения остальной буржуазии подчинение своей воле. Приблизительно в июне произошел решительный перелом в позиции правительственных сфер в пользу активного вмешательства. Локкарту даны были новые директивы, и в Мурманске произведен был десант. Английский империализм дал Октябрьской революции свой ответ.

Сомнительно, чтобы сам Ллойд-Джордж с большой охотой присоединился к этой политической линии. Пока продолжалась война с Германией, т.-е. до перемирия в ноябре 1918 года он покорно подчинялся воле большин-

ства своих коллег, но что это подчинение отнюдь не было основано на сочувствии, можно было судить по критическим выступлениям газеты «Manchester Guardian», наиболее серьезного и влиятельного из органов его, редактор которой находился в тесной дружбе с ним еще со времен бурской войны, создавшей его репутацию. Во всяком случае немедленно после перемирия, или, скорее, после последовавших в декабре парламентских выборов, закрепивших за ним власть еще на пять лет, Ллойд-Джордж заметно стал искать путей, чтобы ликвидировать не только интервенцию, но и всю напряженность отношений с советской Россией, и вернуться к тому положению, которое намечалось немедленно после Октябрьской революции. Он был автором идеи конференции на Принцевых островах, он был вдохновителем посылки в Москву Буллита (хотя впоследствии бесстыдно отрицал это), он же заставил союзников снять блокаду и завязал с нами первые переговоры в Копенгагене—якобы по вопросу об обмене военнопленных (Литвинов—О'Грэди). Ему, конечно, очень помогли в этом победы Красной армии над интервентами и их контр-революционными клиентами и совершенно недвусмысленное отношение рабочих масс, о котором мы сейчас будем говорить. Замечательно, что даже в самых консервативных кругах стало обнаруживаться сильное сомнение насчет целесообразности и государственной мудрости проводимой правительством политики в отношении революционной России. Крайне показателен в этом отношении был шаг предпринятый бульварной консервативной, конкурировавшей с пресловутым «Daily Mail», газетой «Daily Express», которая в один прекрасный день надумала послать в Москву своего корреспондента. В это время—лето 1919 года—блокада была в состоянии своего наивысшего напряжения. Наша страна была совершенно отрезана от остального мира, и за исключением отрывочных военных донесений с театров гражданской войны, передаваемых по радио, в Европу не доходило о ней и из нее никаких сведений. За то фантазии враждебной прессы был открыт невероятный простор, и ложь достигала таких размеров, что публика переставала уже верить. В этот момент упомянутая газета, чуя настроение в народных низах, захотела знать «правду» о зачумленной России и отправила туда, через все фронты и закрытые границы, молодого полковника авиации, члена парламента от Ллойд-Джорджеской фракции либералов, Малона. Его корреспонденции явились первым прорывом в глухой стене, которая была воздвигнута вокруг нас стараниями союзников, и сыграли колоссальную роль. С того момента (и по сию пору) «Daily Express», стал энергичным противником интервенции и сторонником нормальных сношений с нами.

Как реагировала на начатую правительством интервенцию рабочая масса? Пока продолжалась война и установленный ею внутри страны режим подавления всякого самостоятельного действия или даже выражения мысли, реакция рабочего класса, естественно, не могла проявиться во вне, и только те, кто интимно жил с ними, могли судить о его настроениях. Правительство, судившее по поведению рабочих вождей, легко могло притти к заключению, и что рабочий класс «приемлет» интервенцию, как он принял войну, т.-е. безропотно, хотя и без особенного восторга. Но вот заключено было

перемирие, и подлинное настроение рабочих и—что фактически было то же самое—солдатских масс выявилось очень скоро. Не прошло и нескольких недель, как солдатские массы, находившиеся в Англии, сами стали демобилизовываться. Так и здесь большие или меньшие группы их бросали винтовки, покидали лагеря и самотеком направлялись по домам или в Лондон. В Ольдешоте, одном из самых крупных лагерей, обучавшиеся новобранцы и стоявшие наготове к отплытию во Францию части, в числе до 30.000, потребовали демобилизации и отправления домой, и не получив удовлетворения, подняли форменный бунт и сами ушли. В некоторых случаях доходило почти до боев, но в конце-концов правительство благоразумно решило уступить, и демобилизация началась и была проведена гораздо раньше, чем предполагалось. Между прочим это было полным подтверждением высказывавшегося тогда некоторыми наблюдателями мнения, что не только в Германии, но и на союзническом фронте положение было в последние месяцы войны до того напряженно, что вопрос о том, какая сторона раньше дрогнет и сбежит из окопов, был скорее вопрос случайности, чем сравнительной стойкости или даже времени. Во всяком случае англичане стали разбегаться вскоре после немцев, воспользовавшись первым благоприятным моментом. Движение очень скоро перекинулось и на прифронтовую полосу и самый фронт, где английские солдаты также стлаи требовать демобилизации и обнаружили недвусмысленное стремление бежать к портам. Понятно, что такое настроение не могло не сообщиться не только тем частям, которые имели отправляться в Архангельск, но даже тем, которые уже там были, и хотя военная дисциплина в этом случае могла применяться более решительно, однако интервенционистская авантюра явно грозила провалиться. Рабочая масса встречала эту инициативу солдат с нескрываемым сочувствием и поддерживала их своими собственными требованиями о прекращении военного режима в промышленности и возвращении к нормальным условиям труда. Прямую интервенцию пришлось потихоньку ликвидировать и заменить поддержкой контрреволюционных генералов и адмиралов. Однако и против этого вскоре началось сильное движение. В Англию стали проникать различными путями подлинные сведения о блокируемой стране, и то, что раньше скорее угадывалось пролетарским инстинктом, сейчас стало осознаваться массой как факт, имевший для нее непосредственный классовый интерес. Вскоре после Малона в Москву отправился еще и некий проф. Гуд, бывший до войны директором учительской семинарии в Лондоне, а во время войны, в качестве пламенного патриота, обслуживавший английскую военную пропаганду в Скандинавии и Финляндии. В качестве такового он сообщал также английской прессе — в частности, тому же «Manchester Guardian»—«новости» из советской страны на основании рассказов сбежавших из нее белогвардейцев. Нет нужды характеризовать эту информацию. Но Гуд оказался все же честным человеком, и, как он сам изложил в одной из своих статей в названной газете, он, однажды усомнившись в каком-то рассказе одного аристократического беженца, решил попробовать сам проникнуть в запретную страну и своими глазами убедиться в том, что там происходит. Ему это не так легко удалось, потому что сами английские

власти ставили ему бесчисленные препятствия. Они не обманулись в своем предчувствии, ибо Гуд, побывав у нас несколько недель, из Савла превратился в Павла и вернулся горячим сторонником советской России и непримиримым врагом интервенции и, вообще, политики своего правительства. Еще больше, нежели Малон, он способствовал рассеянию мрака, который царил в Англии по вопросу о том, что происходит в этой изолированной стране и что она из себя представляет. С необыкновенным мужеством и выдающейся энергией он бросился в агитацию, и пером и, еще больше, устным словом произвел в умах рабочих целую революцию. Со всех сторон, из разных городов и от разных организаций к нему сыпались приглашения читать доклады, и в течение долгих месяцев он раз'езжал по всей стране, выступая каждый день в новом месте с докладом о том, что он видел и слышал в Москве. Успех его был необычайный, и именно потому, что его недавний образ мыслей был всем известен, его слова оказывали сильное действие. Ему вторил полковник Малон, который за свои выступления подвергся социальному остракизму и был вычеркнут из списков «королевских офицеров», и который, отстаивая свои положения, постепенно перешел в агитацию за советы, и в 1920 году вступил во вновь образованную коммунистическую партию. Ему пришлось за свои воззвания к солдатам отбыть шесть месяцев тюрьмы, после чего однако он «умерился», выступил из партии и ныне принадлежит к Рабочей партии.

Агитация этих двух «свидетелей-очевидцев» вскоре создала почву и для более систематической работы в массах. Героическая борьба наших рабочих и крестьян против интервентов и внутренних контрреволюционных армий вызывали величайшее сочувствие среди масс, и явилась потребность не только в просветительной пропаганде, но и в прямой агитации за прекращение всех враждебных против революционной России действий и установление с ней нормальных отношений. Соединенным усилиям британской социалистической партии и небольшой, но тогда чрезвычайно активной группы Сильвии Панкхерст удалось подобрать несколько человек и двинуть их в самую гущу масс в качестве агитаторов. Успех их превысил все ожидания, и после нескольких месяцев была создана организация «Руки прочь от России», к возглавлению которой удалось привлечь таких выдающихся вождей тред-юнионизма, как Персель, Роберт Вильямс и другие. Под руководством Коутса, секретаря организации, последняя в самое короткое время приобрела самую широкую популярность среди рабочей массы и при помощи обильной литературы и устной агитации создала активное движение за прекращение интервенции, блокады и признание России. То обстоятельство что ряд известнейших деятелей профсоюзного движения сочли возможным и вполне для себя «приличным» принять активное участие в этой агитации и открыто выступить в качестве противников политики правительства по русскому вопросу, отстаивая нашу революцию от нападок и даже отожествляя себя с ней (и Персель, и Роберт Вильямс впоследствии—правда, на момент—вошли в коммунистическую партию), показывает, как сильно было тогда сочувствие к нашей революции в массах. Те, которые до тех пор были сторонниками интервенции, старательно теперь избегали упоми-

нать о своих грехах, и в самом парламенте все громче и настойчивее раздавались с рабочих скамей требования о прекращении контрреволюционной политики правительства.

Не может быть никакого сомнения, что возраставшее таким образом давление низов еще более, чем собственный государственный разум, заставил Ллойд-Джорджа и его либеральных единомышленников все более и более энергично искать путей и поводов для смены вех. Имеется даже основание думать, что вся агитация 1919 года, от Гуда и Малона вплоть до комитета «Руки прочь от России», проходила не без тайного благоволения Ллюйд-Джорджа, который усматривал в ней очень полезную для своей собственной борьбы с консерваторами работу и не предпринимал против нее никаких репрессивных мер, несмотря на имевшиеся у него к тому легальные возможности на основании «акта о защите государства», проведенного в начале войны и все еще не отмененного. За исключением упомянутой репрессии против Малюна, полицией за все время агитации, принимавшей нередко весьма крамольный характер, не было принято против нее и лиц, ее ведших, ни единой меры пресечения или наказания: даже распоряжение Скотланд-Ярда об аресте и высылке автора этих строк, которого она подозревала в инспирировании и финансировании этой агитации, было отменено по распоряжению Ллойд-Джорджа, как только оно было доведено до его сведения. Для английских политических нравов и, в частности, для хитроумного Ллойд-Джорджа это попустительство было весьма характерным.

В следующем, 1920 году, обнаружилось, однако, что духи, которым Ллойд Джордж дал вырасти, были сильнее, чем он сам ожидал. Интервенция провалилась самым плачевным образом, и ее пришлось ликвидировать, так как настроение против нее росло с каждым днем не только в рабочих массах, но и среди буржуазии, которая стала убеждаться в ее бесплодности. Одинаково битой оказалась ставка на внутреннюю контр-революцию, которая уже обошлась около 100 миллионов ф. ст. и ровно ничего не дала, кроме дискредитации ее патронов. Меж тем, английский экспорт повелительно требовал расширения рынков сбыта, и необходимость снизить индекс цен предметов потребления, напоминал о «пшеничных закромах» (по выражению Ллойд Джорджа) России. В результате консервативная часть кабинета должна была свернуть свою программу действия, и Ллойд Джордж мог пригласить нашу делегацию на переговоры о мире и торговом соглашении. Но консерваторам все же удалось еще раз сорвать политическую линию своего либерального шефа и даже вынудить его на новый враждебный нам акт. Польское наступление 1920 года было инспирировано не только со стороны Франции, но еще более со стороны Англии, обещавшей помощь через Данциг; последовавшее выступление Врангеля было также подготовлено Англией. В обоих случаях, под «Англией» надлежит разуметь консервативную часть кабинета и, в частности, Черчилля и Керзона. Ллойд Джордж не имел прямого касательства к этой авантюре, но когда наши красные войска, прогнав поляков, очутились на подступах Варшавы и проникли даже в Восточную Пруссию, Ллойд Джордж всполошился,

справедливо усмотрев в этих успехах смертельную угрозу не только Польше, но и самому режиму, установленному в Версале. Он прервал переговоры с нашей делегацией и послал нам предупреждение, угрожая флотом и возобновлением блокады в случае нашего дальнейшего продвижения или навязания Польше провозглашенных нами условий мира. Тут, в десятых числах августа, совершилось то, чего ни он, ни другие не ожидали: в три дня была мобилизована вся рабочая масса, которая заставила своих вождей собрать экстренный с'езд трэд-юнионов совместно с рабочей партией и создать комитет действия для провозглашения всеобщей забастовки в случае возобновления военных действий против советских республик. Будущий историк когда-нибудь расскажет в подробности внутреннюю историю этого замечательного эпизода. Здесь достаточно сказать, что масса была поднята на ноги телеграммами, разосланными по всем профсоюзным и социалистическим организациям с призывом немедленно выйти на демонстрацию, забросать правительство телеграммами протеста и потребовать от вождей об'явления всеобщей забастовки. Эти телеграммы, сыгравшие роль зажигательных искр в атмосфере, насыщенной взрывчатыми газами, были разосланы центральным комитетом британской социалистической партии (отчасти и комитетом «Руки прочь от России») по предложению одного молодого коммуниста, выработавшего весь этот план действия накануне вечером и с утра приведшего его в исполнение. То, что инициативы одного лица достаточно было, чтобы произвести взрыв, потрясший до основания Англию и приостановивший занесенную над нами руку, явилось лучшим показателем того натсроения, которое царило в рабочих массах в отношении нашей революции. Ллойд Джордж это понял и отступил еще до того, как перемена счастья на театре войны сделала вмешательство Англии излишним.

Можно ли предположить, что если бы этой перемены не было и мы очутились господами Варшавы, то Черчилли и Керзоны все же взяли бы верх и Англия в конце концов вмешалась бы? В этом позволительно усомниться. Настроение масс было, действительно, угрожающе и только искало повода, чтобы разразиться революционным взрывом. Такое же настроение, лишь немного менее напряженное, царило в армии; а главное, во флоте, которое еще более, чем армия, является основным фундаментом силы и господства английского империализма и всего общественного строя Англии. В те месяцы в экипажах флота производилась свирепая чистка «большевистских» элементов ,и матросы не выпускались на берег, и суда не заводились в гавани, а стояли в открытых рейдах, из боязни «большевистской» заразы. В таких условиях заставить флот возобновить блокаду России и послать его для этой цели в балтийские или черноморские воды означало бы подвергнуть его чрезвычайно тяжелому испытанию, и правительство это учло и заблаговременно отказалось от него...

Октябрьская революция как живой факт, волнующий мир, притягивающий и вдохновляющий одни классы и отталкивающий и озлобляющий другие классы, и теперь еще продолжается, но август 1920 года можно считать той хронологической датой, ко времени которой установка различ-

ных классов и партий в Англии окончательно определилась. Нашими непримиримыми врагами были и остались консерваторы, об'единяющие под своими знаменами помещичью аристократию со двором, высшим чиновничеством, генералитетом и адмиралитетом, равно как часть капитала тяжелой промышленности и колониальный финансовый капитал. Нашими безоговорочными и наиболее стойкими друзьями являются рабочие массы, активность которых на каждом шагу парализуется предательством и трусостью вождей, но воля которых все же в решительные минуты берет верх над всеми интригами и кознями их. Наконец, либералы—это те представители капитала во всех его видах, работающего на европейский экспорт, которые хотят максимального сближения с нами, но, благодаря своему меньшему удельному весу, не в состоянии четко и без зигзагов проводить свою линию. Таково было положение в 1917—20 годах, таким оно осталось и поныне.

П. Фрелих

Русская революция и Германия

I. Февральская революция

Зимою 1916—17 гг. Германия переживала первый глубокий военный кризис. Германские армии, правда, стояли далеко выдвинутыми на территории противника, но даже у оптимистов сложилось сознание, что игра, в лучшем случае, склоняется к тому, чтобы кончиться в ничью, ибо не исключена и еще худшая для Германии возможность. Приходилось либо прийти к скорому соглашению о сносных условиях мира, либо надо было решиться на чудовищное перенапряжение всех сил, дабы все же добиться империалистических целей войны. В неисповедимой мудрости своей германское правительство пыталось делать ставку сразу и на тот и на другой исход борьбы. Оно посылало президенту Вильсону слезные мольбы о выступлении с посредничеством в мирных переговорах, но 12-го декабря 1916 года выступило само с непосредственным предложением мира. Предложение это при своей двусмысленности не могло не быть практически безрезультатным, но при этом оно еще обидело тщесловного Вильсона. К тому же германская печать, следуя явно выраженному желанию правительства, подняла травлю против предстоящей, вызванной усиленными мольбами Германии мирной инициативы Вильсона, как против самовольного вмешательства в вопросы, которые его не касаются [1]). А 13-го декабря—на завтра после мирного предложения — Вильгельм II произнес в Мюльгаузене речь, в которой он выставил мир победоносный, добытый силою меча, непоколебимой германской целью войны. В довершение всего территория старого царства Польского превращена была 5-го ноября 1916 года в вассальное государство Германии — в королевство Польское, что было явным показателем завоевательных намерений Германии. А через три дня после этого Коронный Совет принял в качестве основы германской политики войны программу аннексий, которая была простой копией безбрежных завоевательных планов германских шовинистов. Наконец, 9-го января 1917 г. постановлено было неограниченное проведение подводной войны. От этой меры ожидали капитуляции Англии в течение полугода, но эта мера должна была иметь своим последствием

---

[1]) В конфиденциальном совещании с главными редакторами больших газет статс-секретарь иностранных дел Циммерман заявил: „Угрожает опасность кампании мира со стороны Америки· Мы делаем свое предложение мира, чтобы Вильсон не совал своих пальцев в кашу“.

об'явление войны Соединенными Штатами Сев. Америки. Оно последовало в апреле 1917 г. В этой неустойчивой, противоречивой политике отражается борьба между имперским правительством и Верховным Командованием, между имперским канцлером Бетман-Гольвегом и генералом Людендорфом. Борьба эта должна была кончиться победой меча, ибо политическое руководство колебалось между страхом и надеждой и не имело мужества настоять на своем.

Между тем, как верхами овладел — империалистический авантюризм, народ переживал ужасы голодной зимы. Пайки значительно снижены были против физиологических минимумов. Место хлеба заняла в народном питании кормовая репа. Жиры отпускались в прямо-таки микроскопических дозах. При ужасном холоде той зимы ощущался недостаток в угле для отопления. Эпидемии уносили тысячи жертв, голодные беспорядки повторялись почти во всех больших и средних городах. При посредстве закона о вспомогательной службе рабочие поставлены были в положение крепостных. А резкие противоречия между неслыханными страданиями и жертвами рабочего класса и золотым потоком военных прибылей возбуждали массы к недовольству и бунту. При наличии всех этих обстоятельств революционная пропаганда лево-радикальных групп рабочего движения с союзом Спартак во главе, приносила прочные и непрерывно возрастающие результаты. Это заставляло шейдемановцев значительно снизить свои победные вопли и побуждало их выступать в рейхстаге с нотками критики и даже корчить из себя там оппозицию. Публика, окружавшая Гаазе и Каутского, которые во всем своем поведении играли роль правдивого барометра настроений масс, увидела себя вынужденной вести политику, которая — совершенно независимо от ее воли — имела в результате раскол с.-д. партии.

В январе 1917 г. было уже ясно, что раскол этот неизбежен. К началу войны весь немецкий народ, за исключением маленькой кучки рабочих, оставшихся верными социализму, был целиком за политику войны своего правительства. Теперь же правительство целиком перешло в руки германских шовинистов (Alldeutsche), а рабочий класс по мере роста сознания и решимости перекочевывал в лагерь революции.

Таково было в общих чертах положение в Германии в момент февральской революции в России. Каковы были первые непосредственные результаты восстания российского пролетариата? Широкие народные массы, измученные голодом, одураченные еще военным психозом и надеждой на победу Германии, восприняли революцию в России, как освобождение от тяжелого гнета. Массы чувствовали, что Россия должна теперь покинуть вражеский фронт, и они приветствовали возможность обрушиться теперь с всею силою на западные державы и тем самым путем коротких ударов добиться победы. Нельзя отрицать того факта, что отношение огромной части германского пролетариата к русской революции исчерпывалось подобного рода соображениями. У передового отряда рабочего класса, в центрах крупной индустрии, уже увлеченного революционной пропагандой, пример русских товарищей вызвал однако волю к тому, чтобы последовать их примеру и повысил его сознание своей силы и его активность. Это вскоре нашло свое выражение

в огромных стачках. На правом крыле буржуазии, в особенности в кругах реакционного юнкерства, которые по традиции всегда вели политику союза с царизмом и которые смотрели на войну, как на эпизодический перерыв в этой политике, первое впечатление русской революции было — глубокое разочарование. Эти круги увидели в русской революции козни Антанты, направленные к тому, чтобы поднять обороноспособность России и порвать те связи, наладившиеся между правительствами Вильгельма и Николая II для заключения сепаратного мира на Востоке. Характерно, что и официальная социал-демократия сначала смотрела на вещи с этой точки зрения. В номере от 16-го марта, в котором сообщалось о победе революции, «Форвертс» писал:

> «В сущности вся петербургская революция по всей вероятности означает всего лишь несколько насильственную смену министерства. Это случай Асквита-Ллойд-Джорджа в русском переводе... В противоположность первым известиям эта революция — не восстание народа, желающего мира, против правительства ведущего войну... Это революция не «людей без отечества», а национальных ультра-патриотов, русских либералов, Милюковых и Родзянко».

Такой взгляд на вещи продержался несколько времени, пока, несмотря на буржуазно-империалистическое правительство, всем не стало ясно, что февральская революция была могучим народным восстанием, во главе которого шел пролетариат. Характерно, однако, что шейдемановцами, этими якобы марксистами, не делалось ни малейшей попытки уяснить себе суть этой революции и сделать из нее соответствующие выводы для германского пролетариата. Ничего подобного. Для социал-демократических вождей существовал один только вопрос — как использовать русскую революцию для германской политики войны. Прежде всего, они вспомнили о тех давно забытых фразах про войну против царизма, при помощи которых они уловляли германских рабочих в сети империализма в августе 1914 года. Теперь русская революция должна была послужить доказательством, что в полемике левых с социал-шовинистами правы были шейдемановцы, заключив союз с германским милитаризмом и с германской реакцией.

> «В течение полувека военная сила Германии пробивала путь буржуазной свободе на Западе и на Востоке. То, что случилось в 1870 году во Франции, повторяется в 1917 году в России. И подобно тому, как германская социал-демократия 47 лет тому назад во время войны радостно приветствовала молодую французскую республику, так ликует она и сегодня по поводу падения царя. *Тем самым достигнута одна из военных целей германской социал-демократии*».

«Форвертс», писавший это 25-го марта 1917 г., конечно, умолчал, что в 1870 г. германская социал-демократия, руководимая Бебелем и Либкнехтом, своей решительной борьбой против войны завоевала себе право приветствовать французскую революцию 10 сентября 1870 г. Мы, правда, не слышали и о том, чтобы французская республика об'явила Бисмарка и Мольтке своими почетными гражданами — честь, на которую шейдемановцы

заявили претензию своей теорией. Правда, Маркс в 1848 г. проповедывал войну против России и Бебель не раз заявлял, что в войне против России и он возьмет ружье за плечо. Но в обоих случаях речь шла о войне в ответ на контр-революционное вторжение России, либо о народной войне против очага реакции, а в мировой войне речь шла о борьбе обеих империалистических держав — Германии и России — за аннексии. Предательство остается предательством, и потому это пустейшая демагогия, когда и Парвус в своей книжке «Социальный баланс войны» со ссылкой на пример Маркса и Энгельса поднимает следующий победный вой:

> «Мы полны уважения к героической борьбе русских революционеров, но падению царизма содействовали также и мы—социал-демократы центральных держав. С этим требованием мы пошли на войну, и мы достигли нашей цели. Без русских поражений невозможна была бы и победа русской революции. Это несомненно сделали мы, а не те, кто огненными завесами и газовыми бомбами нападали на тыл, в то время, как рабочие Германии и Австро-Венгрии истекали кровью в борьбе с воинской силой царизма, кто с холодной жестокостью обрекал женщин и детей Германии на голодную смерть и тем парализовал энергию мужей».

В ту же точку били социал-демократы, поддерживая в период март-ноябрь политику большевиков. Приведем тому два примера. Уже 17-го марта «Форвертс» выражал свое возмущение по поводу того, что Чхеидзе и Керенский имели намерение принять участие в правительстве кадетов и октябристов. В парвусовском еженедельнике «Die Glocke» (№ 17 за 1917 г.) Кунов видел главную ошибку революции,

> «в том, разделяемом также и известною частью социалистических вождей заблуждении, будто положение, создавшееся после успешных дней марта, является уже достаточной базой для новообразования политических взаимоотношений, т.-е. будто формальное соотношение сил между социал-демократическими рабочими и либеральной буржуазией, как оно существовало в те дни и нашло свое выражение в составе Временного правительства, может быть рассматриваемо, как фундамент, на котором теперь путем постепенных реформ может быть произведено преобразование государственного порядка».

Революционный пролетариат должен был, по мнению Кунова, сохранять свои силы в боевой готовности.

> «Дабы, как только он накопил бы в стране необходимые для того силы, он мог бы свергнуть правительство либеральной буржуазии, создать чисто-социалистическое правительство и установить диктатуру пролетарских масс... Компромиссничанье с либералами может иметь только то последствие, что вследствие открытого и скрытого противодействия буржуазии, неугодные ей реформы... откладываются в долгий ящик, а политические вожди либеральной буржуазии выигрывают время, чтобы при посредстве обиженных революцией реакционных элементов подготовить контр-революционное движение, которое при пер-

вой благоприятной возможности вновь овладело бы государственной властью».

Нарисовав таким образом общую тактику большевиков в качестве своего собственного мнения, Кунов принимал всю тактическую программу наших товарищей — учредительное собрание, скорейшую реформу администрации, рабочее законодательство, аграрную революцию. Все же можно предположить, что он все это не попросту списал, но что его мнение явилось плодом его знакомства с историей и экстрактом его марксистских знаний. Но тем самым он только в полной мере иллюстрировал лживость свою и своих собратьев: они знали, что делали, заключая союз не только с либералами, но и с германским империализмом. Только для заграницы и в особенности для России оставляли они про запас свой марксизм. За этой поддержкой большевистской тактики скрывалось тоже нечто иное, как интересы германского империализма. Ход мыслей Кунова сводился к требованию заключения между Россией и Германией сепаратного мира, который позволил бы германскому верховному командованию бросить все требовавшиеся на востоке военные силы на запад, чтобы там добиться победы. Социал-демократические симпатии к русской революции были всего лишь империалистической спекуляцией. Поэтому вожди социал-демократии делали всевозможные усилия придушить пламя руской революции прежде, чем оно перебросилось на германский пролетариат. Так «Форвертс» писал 31-го марта:

> «В своем незнакомстве с германскими условиями Антанта обнаружила надежду, что события в России повлияют на Германию в том смысле, что будут способствовать достижению гибельных военных целей Антанты. Социал-демократические ораторы рейхстага и социал-демократическая пресса в Германии единодушно отвергли такое предположение. То же самое заявил от имени «Содружества» депутат Гаазе».

Последняя фраза относительно депутата Гаазе правильна и она характеризует колебания внутри независимой социал-демократии. Надо сказать, что, вообще, говоря, пресса этой партии занимала по отношению к русской революции позицию, какую только и можно было требовать при существовавшей в тогдашних условиях степени информированности. Печать эта пыталась познать исторический смысл революции. Но в выводах применительно к Германии она обнаруживала необычайную неуверенность. Так напр., в берлинском «информационном листке» (« Mitteilungsblatt »), выражавшем точку зрения левого крыла независимцев, в номере от 8-го апреля можно было прочесть следующую успокоительную болтовню:

> «Старая истина, что революции нельзя делать искусственно. Это относится к нашему времени больше, чем к какому бы то ни было иному. Можно, конечно, подготовлять бунты, но против организованной мощи современного милитаристского государства они осуждены на безнадежность подобно тому, как немедленно могут быть подавлены стихийно вспыхивающие голодные бунты. Как при современной войне, так и при революции будет действовать огромное количество всяких

слагаемых, прежде чем целый народ охвачен будет насильственными конвульсиями. Поэтому-то и не правильно схематически переносить революционные явления и революционные средства одной страны на другую, где иная экономическая база, иное историческое развитие, иной народный уклад... Нам приходится считаться с другими условиями, нежели в России, борьба за нашу внутреннюю свободу должна поэтому принять другие формы. Эта борьба началась на этих днях на парламентарной почве под моральным влиянием событий в России».

Эта коллекция общих мест со ссылкой на парламент в конце является не чисто теоретическим соображением. Она имела чисто практическое значение — предостеречь рабочих против настоящей борьбы, к которой они тогда как раз готовились, но о которой мы еще будем говорить ниже.

Совершенно иначе, чем вильгельмовские социалисты и чем независимцы, подходили к проблеме русской революции оба левых течения рабочего движения. Союз «Спартак», правда, не проявил с самого начала должной остроты критики по отношению к меньшевикам и социал-революционерам. Причиной тому были воспоминания вождей — Розы Люксембург и Лео Иогихеса о старой фракционной борьбе в российской партии. У Франца Меринга и других играло роль еще и то обстоятельство, что у них не было ясности об эволюции меньшевиков. Мы имеем здесь дело с явлением, аналогичным тому, что и Ленин в первых боях левых радикалов против Каутского в довоенное время проявлял еще очень сдержанное отношение. Несмотря на эти осторожные симпатии, которые обнаруживали сначала «Письма Спартака» по отношению к Чхеидзе и Керенскому, они с революционной точки зрения критиковали невыдержанность, а затем предательскую роль их политики и требовали от них разрыва с буржуазией. Свою позицию по отношению к русской революции Роза Люксембург изложила в «Письме Спартака» от августа 1917 г. (которое вероятно написано было до июльских событий. Предыдущий номер «Писем Спартака» вышел в мае 1917 г.). Из пространной статьи мы цитируем следующее место:

«Свержение царского режима, представлявшееся для либерального понимания действительным и исчерпывающим содержанием русской революции, является, конечно, только ее прологом. Как продукт всего капиталистического развития, революция и не помышляет о том, чтобы остановиться в своем дальнейшем логическом развитии у тех завоеваний, у которых ее хотел бы задержать кретинизм «общественного мнения» Европы, включая сюда и социал-демократическое. Ее естественные тенденции ведут ко всеобщему размежеванию классов в недрах русского общества, при чем главная роль, естественно, должна была выпасть на долю наиболее передового, революционного класса — промышленного пролетариата. Цель, к которой ведет это развитие неминуемо, диктатура социалистического пролетариата. Именно потому, что борьба против империализма и за мир с первого момента стала осью политической революции, знаменосец этой борьбы — социалистический пролетариат —

немедленно выступил на авансцену и уже в коалиционном министерстве наполовину овладел управлением государства.

Но коалиционное министерство само по себе половинчато. Оно взваливает на социализм всю ответственность, далеко не предоставляя ему возможность всех возможностей для осуществления своей программы. Это компромисс, который подобно всем компромиссам, осужден на неудачу. Новое коалиционное министерство рано или поздно, в силу внутренней логики развития событий, должно будет уступить место чисто социалистическому правительству, т.-е. действительной и формальной диктатуре пролетариата. Тут, однако, начинается рок русской революции. Диктатура пролетариата осуждена в России — если международная пролетарская революция не окажет ей своевременной поддержки, — на оглушительное поражение, по сравнению с которым судьба парижской коммуны покажется детской игрушкой».

Это место показывает очень ясно манеру, в какой Роза Люксембург критиковала меньшевиков — снисходительно и в надежде, что меньшевики обретут путь пролетарской диктатуры, если указать им этот путь. Но эта диктатура, как задача рабочего класса, является решающим пунктом всего ее отношения к российской революции. В конце приведенной цитаты она подчеркивает мысль, которая занимала и тревожила ее в течение 1917 и 1918 гг. все в большей степени: российская революция обречена на гибель, если ей на помощь не поспешит европейский пролетариат. В германской компартии в свое время развернулась дискуссия, во время которой выставлено было утверждение, будто своими, столь определенно выраженными опасениями Роза Люксембург доказала, что стоит на троцкистской точке зрения, из чего далее делался вывод, что традиции ГКП вообще троцкистские. Последний вопрос мы здесь можем совершенно оставить в стороне. Весь вопрос в том, какое значение эта мысль имела у Розы Люксембург. Тут прежде всего следует сугубо подчеркнуть тот факт, что Ленин вплоть до 1918 г. придерживался того же воззрения. И оно было правильно! Это становится очевидным, если мы услышим, как продолжает Роза Люксембург в том месте, где мы ранее остановились:

«Прежде всего русская революция развертывает социальные и политические проблемы, из которых каждая не может быть разрешена иначе, как в международном об'еме. Неизбежное потрясение форм буржуазной собственности предстоящим разрешением аграрного вопроса, потрясение капиталистических форм эксплоатации коренным изменением условий труда, к которому должен стремиться русский пролетариат, потрясение буржуазного государства путем создания действительного народовластия — все это никоим образом не может уложиться в рамки современной Европы, в рамки ожесточеннейшей милитаристской реакции, какая с начала мировой войны бесцеремонно и неограниченно воцарилась во всех странах».

Попытки исторических предсказаний всегда делаются в одном направлении, а не в том и другом, как это возможно при арифметических зада-

чах. История постольку оправдала утверждения Розы Люксембург и Ленина, поскольку мировая война кончилась революцией в центральных державах и поскольку и державы-победительницы поставлены были в столь тяжелое положение, что российский пролетариат получил передышку, позволившую ему подвести столь прочные основания под свою диктатуру и под организацию своего хозяйства, что вся проблема получила совершенно иные основания. Рядом с победоносными центральными державами, в которых государство буржуазного класса и юнкерства осталось непоколебленным, пролетарская диктатура в России не смогла бы удержаться. В дальнейшем ходе нашего изложения это станет еще яснее. Если это верно, то для оценки Розы Люксембург и союза «Спартак» решающим будет вопрос, из каких политических мотивов и с какими политическими целями Роза все снова и снова с такой настойчивостью повторяла эту мысль. Меньше всего это делалось для того, чтобы запугать пролетариат. Мотивы и цели эти не были пораженческими. Перед ней стояла задача с полной четкостью и убедительностью нарисовать перед германским рабочим классом ту неимоверную ответственность, какую он должен нести по отношению к российскому пролетариату. С момента начала революции в России каждое «Письмо Спартака» становится мощным, взбудораживающим призывом к германскому пролетариату к революционной борьбе. Применяются все средства, начиная от об'ективного раз'яснения положения и критики половинчатости и нерешительности, вплоть до использования всей нищеты и нужды и до едкой иронии над тем, насколько жалок пролетариат, который позволяет злоупотребить собою для борьбы против своих борющихся братьев по классу — все это делается для того, чтобы закалить мужество и волю германского пролетариата. А союз «Спартак» использует всякий случай, чтобы самому затеять революционные бои. В этом отношении несомненно руководство авангарда находилось в его руках.

Группа левых радикалов со своим легальным еженедельником « Arbeiterpolitik » с самого начала была в тесном контакте с большевиками. В противоположность союзу «Спартак» группа эта с самого начала примкнула к циммервальдской левой. Через Карла Радека — главного сотрудника журнала — симпатии вождей большевиков и многих товарищей из левых партий и течений Интернационала были на стороне журнала. С самого начала „Arbeiterpolitik“ провела резкую грань по отношению к меньшевикам. С момента начала русской революции здесь внимательно следили за всеми ее фазами и давали им оценку с точки зрения большевиков. Можно сказать, что на ряду с «Вестником русской революции» «Bote der russischen Revolution»), который смог быть распространен в Германии лишь в сравнительно незначительном количестве, « Arbeiterpolitik » была рупором большевиков для Германии. Этот журнал, будучи легальным и подверженным цензуре, хоть и не мог непосредственно призывать к революционным боям, но все же сумел, ловко трактуя вопросы, касающиеся как Германии, так и России, достаточно ясно сказать рабочим, что им следует сделать. К «Arbeiterpolitik» и к «Письмам Спартака» присоединялись еще многочисленные ли-

стовки этих обоих направлений, которые способствовали революционизированию германского рабочего класса.

Эта работа, а также и прямой пример русской революции не остались безрезультатными. До 1917 г. гражданский мир в Германии нарушался в чрезвычайно немногих случаях. Экономические забастовки, возникавшие против воли вождей профсоюзов, имели лишь очень незначительный об'ем и очень быстро заканчивались. Цензура подавляла всякие известия об этих стачках, так что единству движения было легко воспрепятствовать в то время. Демонстративные политические забастовки имели место в целом ряде больших городов впервые только после осуждения Карла Либкнехта в июле 1916 г. Сразу после начала российской революции сознание своей силы окрепло у германских рабочих, до такой степени, что они приняли бой на более широкой базе. Последней толчек к тому дало новое сокращение хлебного пайка, в ответ на что последовали забастовки работавших на оборону рабочих Берлина и ряда других городов. В Берлине забастовкой руководили «революционные старосты» («revolutionäre Obleute») металлопромышленности. Это были профсоюзные уполномоченные на предприятиях, где рабочие в огромной своей части считались сторонниками левого крыла независимцев. По постановлению этих «революционных старост» около 300.000 берлинских рабочих преимущественно оружейных заводов и заводов военного снаряжения бросили 16-го апреля 1917 года работу. Вождям профсоюза металлистов — Когенам, Керстенам, Зирингам и прочим — удалось однако, овладеть руководством этой забастовкой и фальсифицировать ее смысл. Они до такой степени выдвинули на первый план вопрос о хлебном пайке, что политический характер забастовки почти совершенно затушевался. К тому же правительство, захваченное врасплох, достаточно научено было опытом русской революции, чтобы в срочном порядке успокоить рабочих обещаниями и мнимыми уступками (созданием постоянной комиссии для обсуждения с властями продовольственного вопроса). Тем самым забастовка в Берлине была улажена через пару дней. На сколько можно в настоящее время установить, политические требования при этих забастовках выставлены были только в Лейпциге, а именно:

1. Достаточное обеспечение населения дешевыми с'естными припасами и углем.

2. Заявление правительства о немедленной готовности заключить мир при отказе от всяких открытых и скрытых аннексий.

3. Отмена осадного положения и цензуры.

4. Немедленная отмена всех ограничений права союзов и собраний.

5. Немедленная отмена позорного закона о принудительном труде.

6. Немедленное освобождение всех арестованных или осужденных за политические проступки. Прекращение всех политических дел.

7. Полная гражданская свобода, всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах в имперские, союзные и коммунальные представительства.

... Для действительного представительства рабочих интересов собрание (металлистов) призывает рабочих всех профессий послать своих представи-

телей, которые совместно с представителями рабочих-металлистов и независимой соц.-дем. партии образовали бы рабочий совет.

Мы видим, что эти требования еще не колебали основ господствовавшего строя. Нет еще даже требования республики. И все же выставление этой программы и попытка добиться ее осуществления путем забастовки означало огромный шаг вперед в революционном сознании рабочего класса. Если рабочие и вернулись к работе с пустыми руками, то все же они имели положительный выигрыш, который у них нельзя было уже отнять — рост сознания своей силы. После забастовки правительство предприняло обширные мероприятия для предупреждения и подавления новых забастовок. Оно пыталось и морально воздействовать на рабочих, но словечко генерала Гренера — «сукины сыны — забастовщики» — только усилило возмущение рабочих, а отправка многочисленных руководителей забастовки и революционно-настроенных рабочих на фронт только способствовала успехам революционной пропаганды в армии.

О планомерной работе в армии до того не могло быть и речи. Слишком велики были трудности, слишком велики были также и задачи, стоящие перед сравнительно малыми революционными группами в тылу. Литература на фронт посылалась товарищами преимущественно их родственникам и друзьям. «Arbeiterpolitik» регулярно посылалось на фронт прямо из типографии около 1000 экземпляров. Это делалось и после того, как журнал этот был запрещен к распространению в армии. Но при миллионных армиях результаты, конечно, не могли быть велики. Тайных групп в армии имелось очень немного, да и у них почти совершенно не было связи между собой и с революционными организациями на родине. После апрельских забастовок пропаганда в армии сделала значительные успехи, при чем помимо упомянутой мобилизации забастовщиков на Востоке этому способствовало еще и непосредственное соприкосновение с российской армией. Неделями шло в окопах братание между русскими и немецкими солдатами. Даже и когда германское командование это строго-настрого запретило, сношения между обеими сторонами продолжали поддерживаться. Наиболее обширна и успешна была революционная пропаганда во флоте. Слишком мало известно о том, что уже в 1905 году в непосредственной связи с первой русской революцией и по примеру черноморского флота дело при большом флотском параде в присутствии Вильгельма II дошло до революционной демонстрации — на одном из судов поднято было красное знамя. И во время мировой войны удалось образовать революционные группы на судах, которые под воздействием русской революции к августу 1917 г. сплотились в прочную организацию, насчитывавшую в одном только немецком море тысячи матросов в числе своих членов (назывались цифры 5—10.000 чел.). К сожалению, только у бременских товарищей имелись связи с Вильгельмсгаеном, да и те вследствие строгой охраны морской крепости были не особенно прочны. В Киле организация возникла среди матросов и кочегаров почти без всякого воздействия извне. Ее руководители завязали связи с «независимым»—Гаазе, Диттманом, Луизой Циц и другими. С их стороны они не могли получить особого содействия, ибо у них не хватало храбрости создать на судах что-

либо иное, кроме избирательных ячеек независимой партии. Зато матросы были достаточно активны. Их интересы были направлены преимущественно в сторону Стокгольмской конференции, истинного характера коей они не понимали и которую они считали революционным предприятием. Они были готовы добиться силой вплоть до военной стачки осуществления ее решений — немедленного заключения мира. Они давали друг другу обязательства ни при каких условиях не стрелять в революционных рабочих. Происходили собрания, на которых матросы обсуждали вопросы военного положения, русской революции и партийной организации. Организация эта была, однако, разрушена флотским командованием, как только дело дошло до первых бунтов во флоте. Это было в первых числах августа 1917 г. Военные суды неистовствовали. На ряду с тяжкими каторжными приговорами, шесть человек приговорено было к смертной казни. Две из этих казней приведены были в исполнение: товарищи Рейхпич и Кёбис были первыми мучениками германской революции. Революционное движение матросов имело еще эпилог в германском рейхстаге, и при этом независимая партия показала себя во всем своем ореоле. Диттман и Гаазе отреклись от мужественного поступка матросов. Союз же «Спартак», обращаясь к рабочим и солдатам, провозгласил: «следуйте их примеру!» На время организация во флоте была разрушена, благодаря террору военных судов, но затем она при соблюдении большей конспирации образовалась вновь, и она была в полной готовности в тот момент, когда пришло время действовать.

II. Февральская революция и политика германского правительства

Чем более критическое собственное положение, тем более любят господствующие клики революцию — революцию у других. Германские милитаристы еще по опыту Бисмарка знали, что развязывание революционных движений во вражеской стране — хороший военный прием. Уже при занятии русской территории в 1914 году они прибегали к этому методу в самой смехотворной форме — генерал и истинно-прусский юнкер обещал «своим милым жидам» свободу. В особенности старались центральные империи всемерно использовать польское национальное движение, и основание королевства Польского прежде всего имело целью выставить еще несколько дивизий против России. Правда, поляки вскоре почувствовали горечь этой их свободы и самостоятельности.

Как только выяснилось, что русская революция была чем-то большим, нежели простой сменой министров, приведшей к власти октябристов и кадетов, германское правительство изо всех сил принялось использовывать ее для своих военных целей. Прежде всего оно приостановило все военные действия на фронте, чтобы не мешать тяжбе классов внутри России. Правительственные органы зааплодировали русской революции в тот самый момент, как приветствия французской и английской военной печати перешли в вопль возмущения.

«Северо-Германская Всеобщая газета» («Norddeutche Allgemeine Zeitung »)—правительственный официоз—возвестила в своем номере от 14-го апреля, что германское правительство не имеет ни своей целью, ни малей-

ним интересом унизить русский народ или поколебать его жизненные условия. Германский народ и не помышляет о том, чтобы вмешиваться во внутренние дела России и тем более не думает угрожать России извне в момент рождения русской свободы.

Надеясь усугубить хаос в России и тем самым легче добиться осуществления германских планов завоеваний, германское правительство предоставило вождям большевиков возможность проезда через Германию в знаменитом запломбированном вагоне. О взглядах, какими руководилось германское правительство при этом шаге, генерал Гофман—пропагандист европейской интервенции в СССР—рассказал позднее следующее («8-Uhr-Abendblatt» от 29-го сентября 1925 г.).

«Когда весною 1917 года посреди мировой войны германское правительство разрешило некоторым проживавшим тогда в Швейцарии вожакам большевизма проехать через Германию в Россию, положение Германии было в высшей степени серьезное. Армии Антанты, подавлявшие германскую непрерывным возрастанием своего снаряжения, напирали тогда во Франции на германский западный фронт. Стоящие на востоке — в России — германские войска настоятельно требовались поэтому на германском западном фронте.

Первая русская революция не принесла германскому правительству мира на Востоке. Керенский продолжал войну. На вожаков большевизма тогда смотрели только как на крайних социалистических фантазеров. Германское правительство надеялось, что, прибыв в Россию, эти большевистские вожаки тем только усилят всеобщий хаос и что вследствие этого Россия в короткое время принуждена будет заключить мир.

Никто не считал возможным, чтобы большевистские вожаки могли на сколько-нибудь значительное время овладеть властью над российской империей. Человеческая мудрость не могла предвидеть, что эти лишенные средств революционеры, которых можно было встретить в швейцарских кафе, в состоянии будут овладеть Российской Империей».

Боязнь господствующих классов Германии, чтобы искра революции не перескочила через фронт, была все же столь велика, что они вынуждены были пойти на некоторые уступки, вернее — обещания. 30-го марта рейхстаг постановил создать конституционную комиссию. Она должна была провести превращение германского полуабсолютизма в государство с парламентарным управлением. Вся работа этой комиссии свелась, однако, к тому, что она отменила исключительный закон против иезуитов и уничтожила один пункт закона о союзах, направленный против иностранцев. Эти смехотворные зачатки так называемой «демократизации» воистину опьянили социал-демократов. Они видели себя уже вознагражденными министерскими портфелями за свою измену, но мысль о подобном золотом будущем сразу же заставила их озаботиться, не уйдет ли от них эта награда, если они не заверят власть имущих в своей лойяльности. И вот «Форвертс» поспешил высказать свою

приверженность монархии. Такая услужливость, конечно, вовсе не могла способствовать тому, чтобы принудить господствующие классы к демократическим уступкам, столь необходимым самой же социал-демократии для обеспечения ее собственной буржуазной политики. Пока само правительство было еще в очень тяжелом положении. Об'явление войны Соединенными Штатами, ужасное положение на рынке пищевых продуктов и брожение среди рабочих масс вынудили у правительства императорский манифест, так наз. «пасхальное послание», в котором говорилось:

> «После огромного напряжения всего народа в этой ужасной войне по моему убеждению нет больше места для поразрядного избирательного права в Пруссии».

Одновременно обещано было преобразование прусской верхней палаты в форме, допускавшей разного рода толкования. 12-го июля последовал новый императорский манифест, который выражался еще определеннее:

> «Вследствие доклада, сделанного мне министерством в порядке выполнения моего манифеста от 7-го апреля с/г., я в дополнение к означенному манифесту предписываю, чтобы имеющий быть предложенным ландтагу королевства проект закона об изменении избирательного права в ландтаг, основан был на всеобщем избирательном праве. Проект этот должен быть внесен настолько своевременно, чтобы следующие выборы могли уже производиться на основе нового избирательного права».

Это был чрезвычайно ловкий ход со стороны правительства. За все время своего существования германская социал-демократия провела одну только крупную наступательную кампанию — именно за всеобщее избирательное право в Пруссии, и это движение угрожало уже в 1910 году принять революционные формы. Огромная масса германских рабочих сжилась поэтому с представлением, что всеобщее и равное избирательное право в Пруссии означает свержение власти юнкерства вообще и равносильно демократическому развитию Германии. Обещания Вильгельма II, казалось, приносили все это и при том без насильственного переворота на основе органического развития. Вдобавок ко всему этому в рейхстаге образовался левый блок большинства, который при своем возникновении произвел на свет свою программу мира. Она принята была 19-го июля 1917 г. 214 голосами против 116. Социал-демократы, партия центра и прогрессисты (теперешние демократы) голосовали за эту программу, независимцы воздержались. Программа гласила:

> «Рейхстаг заявляет:
>
> как и 4-го августа 1914 г., девизом немецкого народа и на пороге четвертого года войны являются слова тронной речи: «Нас побуждает не жажда завоеваний». Для защиты своей свободы и самостоятельности, для обеспечения неприкосновенности своей территории Германия взялась за оружие.
>
> Рейхстаг стремится к миру путем соглашения и длительного примирения народов. С таким миром несовместимы вынужденные терри-

ториальные приобретения и политические, экономические и финансовые насилия.

Рейхстаг поэтому отвергает все планы, направленные к экономической блокаде или к враждебности народов после войны. Свобода морей должна быть обеспечена. Только экономический мир подготовит почву для дружественного сожительства народов.

Рейхстаг будет всемерно способствовать созданию международных правовых организаций.

До тех пор, однако, пока правительства наших врагов не соглашаются на такой мир, пока они угрожают Германии завоеванием и насилиями, немецкий народ будет сплоченной стеной — как один человек — непоколебимо противостоять и бороться, пока ему и его союзникам не будет обеспечено право на жизнь и на развитие.

В своем единстве немецкий народ непреодолим. Рейхстаг сознает полное единодушие свое с теми мужами, которые в героической борьбе защищают свое отечество. Неувядаемая благодарность всего народа им обеспечена».

Весь этот манифест был чистейшей демагогией. Никто из его авторов не верил тому, что в нем говорится. Все участвовавшие в его принятии партии надеялись, что к концу войны военная мощь Германии будет достаточно сильна, чтобы добиться аннексий на Западе и на Востоке — и все они были готовы дать себя тогда «изнасиловать» крайним империалистическим партиям и правительству. Они это доказали при переговорах о брестском мире.

Более того — один из авторов манифеста поспешил подтвердить, что манифест этот отнюдь не исключает аннексии и контрибуции, как доказывала уже двусмысленность его формулировок. Несколько недель спустя официальный орган партии прогрессистов — «Либеральная Корреспонденция» («Liberale Korrespondenz») вскрыла всю эту махинацию, заявив, что все три мира, заключенные Бисмарком в 1864, 1866 и 1871 гг., были чистейшими договорами соглашения, т.-е. идеалами этой самой резолюции рейхстага.

Эта мирная программа была уступкой давлению снизу, попыткой удержать за собой широкие массы. «Откройте отдушины»! — таков был лозунг. Кроме того, думали внести смущение в ряды врагов. В августе 1917 г., первый социал-демократ — Август Мюллер — вошел в состав правительства.

Конституционная комиссия, избирательная реформа, программа мира, министр-социал-демократ, — все это составляло первую демократически-пацифистскую эру, отражение февральской революции в России на германский парламент. «Мировая революция»—с ликованием возвещал «Форвертс». «Революция сверху»—писали либеральные газеты. При всеобщем брожении народных масс большинство рейхстага в самом деле могло бы выжать у реакции значительные уступки. Но чего можно было ожидать от этих клерикальных, прогрессистских и социал-шовинистских «революционеров», которые даже не решались потребовать упразднения диктатуры генералов в виде осадного положения, которые менее всего думали о том, чтобы нажать на правительство угрозой отказа в отпуске кредитов и которые имели одну только мысль — успокоить рабочих. Надежды на реформы растаяли, как

снег на весеннем солнце. С парламентаризацией [1]) дело не выгорело. Юнкерский парламент (прусская палата) бесконечно долго корпел над проектом избирательного права и родил в конце концов урода — плюральное избирательное право, от которого не было никакого толка. Случилось в самом деле так, как предсказывал в своих опасениях в весеннюю пору демократизации полный предчувствий Штампфер:

> «Неужели будущий сатирик сможет сказать: после того, как весь мир об'ят пламенем почти три года, и после того, как даже Россия проснулась к свободе, немцы назначили комиссию, но из этого дела ничего не вышло?!».

Даже жалкой буржуазной демократии, формы господства класса капиталистов, рабочий класс должен был еще добиваться, в борьбе, перешагнув через буржуазные партии и через германскую социал-демократию.

Между тем, как мещанство убаюкивало себя упоительными мечтами о мире и свободе, откровенные аннексионистские политики занимали действительные политические позиции. Их носителем была тяжелая индустрия, их тараном было верховное командование. Когда военное руководство находилось в руках ф. Мольтке, а затем ф. Фалькенгайма, имперское правительство, хоть и принуждено было уступить военщине значительную часть функций управления, но все же сумело сохранить значительную дозу самостоятельности в области общего политического руководства и в области внешней политики. Когда во главе армии стал Людендорф, дело изменилось, т.-е. стало явным реальное соотношение сил в милитаристском прусско-германском государстве, в стране империалистического полуабсолютизма во время войны. Пока военное положение Германии казалось благоприятным, как тяжелая индустрия, так и военная клика могли спокойно предоставить бюрократии делать соответствующие политические выводы из карты военных действий. Когда перспективы полной победы испарились, сгинула также и согласованность сил. В конечном счете у дипломатов и бюрократов все же было несколько более широкое поле зрения в области международных отношений, нежели у узколобых, политически неопытных ремесленников военного дела, и, втиснутые посреди борющихся между собой классовых сил, они не отваживались на крупные, решительные дела, а спокойно прозябали, плывя по течению. Уже замена ф. Фалькенгайма Людендорфом летом 1916 г. было признанием, что колесница войны сбилась с дороги, и вслед за этим последовала борьба за власть.

В январе 1917 г. Людендорф взял первую позицию, навязав правительству неограниченное проведение подводной войны. Второй шаг вперед последовал летом 1917 г., когда «пораженческий» канцлер Бетман-Гольвег кокетничал с резолюцией о мире трех левых партий. Затеян был заговор, в который дали себя вовлечь социал-демократы, пошедшие на это в своей слепой вере в гений Людендорфа и в уверенности, что наступил, наконец, момент дня столь чаянной ими парламентаризации. Бетман был свергнут. Шейдема-

---

[1]) Под „парламентаризацией" понималось отнюдь не сознание ответственного перед парламентом министерства, а включение короной парочки парламентариев в правительство.

новцы к немалому своему изумлению увидели на политической арене совершенно неизвестного им канцлера — Михаэлиса, святошу и бюрократа, помужицки хитрого, но без всякого политического понимания. В тот самый день, как появилась на сцену резолюция о мире, появился этот Михаэлис с двусмысленной правительственной программой, которая по прусскому девизу давала каждому свое. По поводу резолюции о мире он заявил, что он совершенно с нею согласен: «как он ее понимает». В письме к кронпринцу он писал: «Моей интерпретацией резолюции о мире я отнял у нее наибольшую ее опасность. В конце концов можно с этой резолюцией заключить любой мир, какой только ни захотеть». Этим испорчена была вся каша клерикальных и социал-демократических демагогов, ибо теперь многим рабочим становилось уже ясно, какую шутку над ними пошутили, а аннексионистские политики, с другой стороны, имели подтверждение, какое им требовалось. Михаэлис был простым орудием в руках Людендорфа. На своем примере он однако скоро показал, что и с этим министерством, которое не имело никаких разногласий с верховным командованием, дело тоже не пошло на лад. Адмирал Капеле пал вследствие матросских бунтов, а Михаэлис споткнулся вслед за ним. Его преемником был клерикальный граф Гертлинг — старец безо всякой энергии. Оба эти канцлера назначены были по старому абсолютическому обычаю. Надежды на парламентаризацию уничтожены были самым жалким образом.

III. Октябрьская революция

Февральская революция в России имела своим последствием в Германии большие забастовки, зачатки революционного восстания во флоте и недвусмысленное отступление правительства. Переход власти к российскому пролетариату не имел подобного рода непосредственных результатов.

Почему так случилось?

Февральская революция дала революционному движению в Германии столь сильный толчок вперед, что он повел к трагическим в некотором роде движениям. Они потерпели поражение вследствие еще не поколебленной внутренней крепости милитаризма и вследствие блока социал-демократов с буржуазией. Между тем начался период органического роста движения. Независимая партия завоевывала большую часть членов старой с.-д. партии, а союз «Спартак» сеял на этой почве семя революции. Решающим для отсутствия пока активности было, повидимому, то, что рабочий класс еще не познал полностью всесокрушающее мировое значение Октябрьской революции. Первоначально видели только переход власти из рук одной партии в руки другой и еще не понимали, что дело в данном случае не шло о смене у власти партий, а классов. Известия о внутренней борьбе пробудили сомнения в прочности революционного движения, и это не могло способствовать особой активности. Для широких действий было необходимо, чтобы рабочие массы Германии путем их действий прониклись доверием к большевикам и кроме того нужен был особый еще внешний повод — его дал Брестский мир.

И теперь социал-демократия была решительно «за» большевиков. Причина была ясна и проста. Большевики должны были заключить мир. Это должен был по положению дел быть сепаратный мир, и тем самым, глядя со стороны, уже наполовину это должна была быть победа германского империализма. К этому прибавлялись еще надежды на воздействие революции в странах Антанты. Германская цензура позволяла себе при опубликовании знаменитых воззваний Советского правительства «всем, всем, всем» неуклюжую проделку, всегда делая перерывы вследствие «порчи» радио в тех местах, которые обращены были к германским рабочим. Это был напрасный труд, ибо настолько авангард германских рабочих уже навострился, чтобы читать между строк и чтобы из тех мест советских радио, которые были обращены к рабочим Франции и Англии, сделать соответствующие выводы применительно к себе. Социал-демократия покорно следовала примеру правительства. Так, напр., Гейльман писал в еженедельнике «Die Glocke» (от 17-го ноября 1917 г.), что, если пример России найдет подражание, то это — он надеется — прежде всего будет иметь место в Англии. Подобного рода надежды особенно высказывались аннексионистским крылом социал-демократии. Осторожен был «Форвертс». Он всегда отмечал разницу между тем, что, быть может и необходимо в России и применением большевистских методов В Германии. Сразу же при первых известиях о победе большевиков он писал (10 ноября 1917 г.):

«Большевистская теория ошибочно трактует законы развития, если она пытается шаблонно применить одинаковые методы ко всем странам. Социальный переворот прогрессирует всюду, но не всюду это происходит в российском ритме. В стране насквозь индустриальной в роде Германии, население которой вследствие этого политически более грамотно, переворот этот естественно должен иметь другие формы, нежели в стране, подобной России, где преобладают сельское хозяйство и неграмотность. В тылу победоносных армий революция эта принимает другие формы, нежели позади рвущихся фронтов... Поэтому мы не берем на себя роли судей между большевиками и меньшевиками, хоть мы и опасаемся, что этот раскол — огромное несчастье для российской революции. Но от нынешних руководителей России мы требуем, чтобы они рассматривали Германию, не исходя из своих пожеланий, а чтобы они видели вещи, как они есть. Окончание войны народов гражданской войной — утопия. А откладывать заключение мира до окончательной победы социалистического пролетариата — это значит затягивать войну еще дольше, нежели хотели продолжатели войны с их всегерманскими аннексистскими целями или с их окончательной победой Антанты».

Пару дней спустя, «Форвертс» об'явил, что он видит в лице большевиков — социалистов и собратьев по классу и что их первые действия после захвата власти вполне достойны социализма. А 31-го декабря 1917 г. «Форвертс» писал:

«Как бы к ним ни относиться, но исторической заслугой большевиков является, что они проявили мужество к действию. И страст-

ным желанием рабочих и социалистов является, чтобы русскому народу и всему миру это действие пошло на пользу».

Можно таким образом установить, что важнейшие органы социал-демократии занимали безусловно благоприятную большевикам позицию. Более того—они подчас взапуски с независимцами соперничали за благосклонные отношения к большевикам. И это отношение продолжается до осени 1918 года с очень короткими, но тем более характерными для всей их роли и их мотивов перерывами. К этому мы еще вернемся в дальнейшем. В общем социал-демократия избегала принципиальной полемики с теорией и политикой большевиков. Но и тут имеется ряд документов, в которых видные вожди социал - демократии признавали правильности большевистской теории и их практики. Так напр., Вильгельм Блос в статье «Новое российское государство» («Neue Zeit»)от 25-го января 1918 г. писал, что российская практика вполне соответствует учению Маркса. Статья Кунова в «Neue Zeit» от 12-го октября 1917 г. берет под свою защиту большевиков против социал-революционеров и меньшевиков, предавших по его мнению революцию тем, что вошли в коалиционное правительство. Парвус в этот период в статьях и брошюрах неоднократно защищал политику большевиков. Даже еще в октябре 1918 г., когда германская революция была уже на носу и боязнь большевизма тяжко угнетала шейдемановцев, в «Neue Zeit» напечатана была статья Н. Е. Верова, из которой приведем следующие места:

> «Мало понятным является тот факт, что и часть социалистической печати, основываясь на пристрастно окрашенной информации, присоединяется к хору вопящих против социалистической партии, несомненно представляющей массу российских рабочих и российских марксистов и ныне делающей в борьбе с бесстыжей контр-революционной коалицией попытку перестроить распадающуюся буржуазную Россию в социалистическое общество...
>
> В самом деле, все разговоры о несовместимости большевистской диктатуры пролетариата с демократией показывают только, до какой степени даже так называемые марксисты находятся под влиянием радикально-либеральных воззрений и до какой степени мало они поняли марксистскую теорию классовой борьбы и государства».

Какие побуждения вызывали подобную позицию германской социал-демократии? — Прежде всего та поддержка, которую, как казалось этим близоруким, живущим только текущим днем политикам, российская революция оказывала германскому военному командованию. Дальнейшим основанием было, что партия эта считала разумным казаться массам радикальной там, где это повидимому ничего не стоило. И, наконец, тут сыграла роль собственная неясность с.-д. партии в принципиальных вопросах.

Иное было положение у независимцев. Их оба руководящих органа — «Лейпцигская Народная Газета» («Leipziger Volkszeitung») и берлинский «Информационный листок» («Mitteilungsblatt») в общем относились к большевикам с большой симпатией, и они старались понять большевистскую тактику. Тут сказалось непосредственное влияние рабочих масс на руководителей партии. Каждое слово против большевиков усиливало недоверие к

революционной воле вождей независимцев. Но в этой партии — в отличие от шейдемановцев — вопросы большевистской тактики имели вполне практическое значение. Эти вопросы были решающими для их собственной тактики. Боязнь перед логическими выводами уже давно делала отдельных независимцев противниками большевиков. К этому прибавились еще старые связи с меньшевиками и их пропаганда. На официальную социал-демократическую партию меньшевики долгое время не имели сколько-нибудь заметного влияния. Это и понятно, ибо они были сторонниками сохранения союза России с Антантой. Кроме того, значительная их часть принадлежала к правому крылу Циммервальда и, следовательно, и тут были противниками шейдемановцев и собратьями каутскианцев. Вследствие этого в независимой социалдемократии завязалась оживленная полемика о проблемах большевизма. Эта полемика преимущественно велась на столбцах «Leipziger Volkszeitung Карл Каутский открыл дискуссию 15-го ноября 1917 г. Он был еще очень осторожен и сдержан, он больше ставил вопросы, нежели их разрешал. Он сомневался в том, может ли уже Россия заменить капиталистическое хозяйство социалистическим. «Существует опасение, что пролетарский режим будет стремиться уничтожить государственную власть вместо того, чтобы ее завоевать и переделать». Таким путем диктатура пролетариата угрожает повести к хаосу, к банкротству революции. «Если бы удалось преодолеть трудности, то случится нечто грандиозное. Начнется новая эпоха мировой истории. Пока же ничего определенного установить не удается». Это не должно однако означать, что следует быть пассивными зрителями — следует облегчить положение российского пролетариата путем борьбы за .....демократизацию!

Мы видим таким образом, что Каутский еще не выступает принципиально против диктатуры. Но он был глубоким скептиком и ослиное копыто он показал в своем практическом выводе, в смешном, мещанском призыве к демократизации — парламентарное знахарство над полуабсолютистским буржуазным государством.

За этим следовало 17-го дек. грузное нападение меньшевика Александра Штейна—«Демократия или диктатура», которое «Leipziger Volkszeitung» напечатала с редакционной оговоркой, что штейновская критика большевиков идет-де слишком далеко. Штейн исходил из заявлений, направленных против захвата власти и против политики большевиков диссидентами — Зиновьевым, Каменевым, Милютиным, Ногиным, Рязановым и Лозовским. Он рассматривал затем мероприятия против петербургской городской думы и «все более неприкрыто высказываемую угрозу» вовсе не созвать Учредительное Собрание. Это-де дорога в бездну. Никакие, даже и самые якобы важные интересы революции не могут оправдать подобную политику, воскрешающую методы Столыпина.

«Если сейчас, временно дорвавшаяся до власти, партия хочет удержать свою диктатуру тем, что нагло нарушает принципы демократии, если руководящая группа этой партии в сектантском опьянении властью считает себя в праве фальсифицировать Учредительное Собрание или даже взорвать его, то тем самым она уничтожает и по-

следнюю возможность найти выход из запутанного внутреннего положения России».

На статью Штейна отвечал 19-го декабря 1917 г. Франц Меринг. Он считал, что проблема, подлежащая разрешению большевиков, вовсе не укладывается в краткую формулу — демократия или диктатура, а скорее — трагедия или безрассудство. Или иными словами:

> «Потеряли ли Ленин и Троцкий, которые показали себя в течение ряда лет и даже десятилетий мужественными, вдумчивыми и испытанными вождями пролетариата, внезапно свой разум или же они, как раз в силу революционной энергии своей и своих сторонников, очутились в трагическом положении, вынуждающем их делать кое-что и отказаться делать кое-что, чего они не делали бы и от чего они не отказывались бы, будь они вольны в своих решениях. Но вот А. Штейн цитирует заявление Лозовского, в котором дословно говорится, что Ленин и Троцкий действуют-де «наперекор всякому рассудку» и что они-де, несмотря на то, что они марксисты, не желают считаться с об'ективными условиями, которые при наличности опасности крушения обязывают их немедленно прекратить борьбу внутри лагеря революционной демократии ради совместной борьбы против контр-революции. Марксисты, однако, припомнят, что аналогичные упреки в аналогичных условиях направлены были против... самого Маркса. В 1848 году Маркс и Энгельс возглавляли революционную партию в стране значительно более земледельческой, а успех их партии связан был с развитой крупной индустрией и с современным массовым пролетариатом. Но и они были глухи к требованиям вести борьбу против общего врага, слившись с другими демократическими или социалистическими партиями. И хоть они и не добились власти, но все же они на случай победы — это доказывает каждый номер «Рейнской газеты» — имели в виду «одно только средство, чтобы убийственные муки смерти умирающего общества и муки рождения нового общества сократить, упростить и сосредоточить — революционный терроризм».
>
> Разве отсюда не следует, что они не умели «считаться с об'ективными условиями», если уже пользоваться оборотом, имеющим подозрительный привкус буржуазной идеологии? О, они прекрасно умели учитывать условия, но они знали, что с революцией не так легко и не «просто производить расчеты», как с таблицей умножения».

Меринг цитирует знаменитое письмо Энгельса к Вейдемейеру, в котором трактуется возможность, что революционная партия придет к власти прежде, чем условия окажутся достаточно для того созревшими. После этого он в заключение пишет:

> «Эти исходные точки зрения нам не следовало бы упускать, если мы при недостаточном знакомстве с положением судим о действиях большевиков, кажущихся нам неправильными, несвоевременными и даже гибельными, и, которые может быть, и являются таковыми. Возможно, что их победа означает собой лишь апогей трагедии. Несомненно, что их революционные бои не закончатся мещанской шуткой».

В решающем вопросе Меринг попал в самую точку. Но его статья показывает, как трудно было понять политику большевиков даже лучшим марксистам. Люди, которые стояли ближе к событиям, которые внимательно следили за всем ходом русской революции, судили более решительно. Несколько дней спустя, помещена была в «Leipziger Volkszeitung» статья тов. А. Амалина, который разоблачил демагогическую фальсификацию фактов Штейном, изобразил политику меньшевиков во всей ее беспомощности и в ее, доходящем до предательства, бессилии и закончил свою статью следующими словами:

> «Вместо красивых декламаций о мире большевики выступили с борьбой за мир, вместо революционных речей у них — революционные действия. И что значит против этого пара цитат из заявлений и протестов нескольких запутавшихся членов партии, испугавшихся величия подлежащих решению задач, трусливо опустивших доверенное им знамя?».

А Штейн отвечал 24-го декабря: «Великий народ не позволит ни удержать себя кнутом в состоянии политической отсталости, ни насильственно вести себя в социалистическое государство будущего. Поэтому все желающие спасти понятие диктатуры пролетариата от компрометации, подымают свой голос». В последующей статье против Меринга он, основываясь на меньшевистских цитатах, заявляет, что так называемая диктатура пролетариата на самом деле — диктатура штыка и что она наносит смертельный удар не капиталу, а народному хозяйству и всей общественной жизни. Центр тяжести не в критике террористических методов, а всей политики, не имеющей права на существование. Часть вины падает, правда, на трагическое положение, но повинна и тактика господствующей группы большевиков, которая накануне созыва Учредительного Собрания ввергла страну в гражданскую войну. Тут имеется «и трагедия, и безрассудство».

Против разлагающего воздействия меньшевиков со всею энергией выступила Клара Цеткин. С самого начала она с пламенным воодушевлением высказывалась за большевиков и радостно приветствовала разгон Учредительного Собрания, как решительный удар по парламентскому кретинизму. Ее статьи, однако, очень уродовались военной цензурой, а также цензурой самой редакции. Позднее тов. Цеткин в письме к конференции независимцев защищала политику большевиков во всех спорных вопросах с огромным темпераментом и с глубочайшим марксистским обоснованием. Этот ценный, об'емистый документ, скрытый тогда ЦК независимцев от партии, впервые опубликован в сборнике, изданном недавно ко дню 70-летия К. Цеткиной (русский перевод в издании «Прибой», Ленинград).

Здесь, таким образом, вожди союза Спартак решительно выступили против вождей независимцев и меньшевиков и в защиту большевиков. Тем самым они выражали точку зрения всех спартаковцев за одним, тем более, правда, существенным исключением. Роза Люксембург опубликовала в «Письмах Спартака» ряд статей, в которых она с недвусмысленной резкостью отклоняла тактику меньшевиков и отрицала ее революционность. Одновременно она, однако, горячо критиковала большевистскую политику:

роспуск Учредительного Собрания, политику в национальном вопросе, Брестский мир, террор. Эту критику она позднее собрала в незаконченной своей работе—«Русская революция», которую выпустил в свет Пауль Леви после своего ухода от коммунизма [1]. Это была критика резкая, но не враждебная, внушенная опасениями за судьбы российской и мировой революции и преисполненная восхищения мужеством и активностью большевиков. Несомненно, на воззрениях Розы Люксембург существенно отразилось ее оторванность в тюремном заключении. Она очень скоро справилась с большей частью своих сомнений и заблуждений, как показывает спартаковская программа («Чего добивается «Спартак?»), а равно и вся ее политика в германской революции 1918 года. Невозможно здесь подробнее останавливаться на критике Розы Люксембург. Мы отсылаем к прекрасной книжке тов. Клары Цеткин — «Рози Люксембург и русская революция» [2].

(Окончание следует).

Пер. с немецкой рукописи **Фр. Штурм.**

---

[1]) Установлено, впрочем, что Леви упустил в рукописи ряд очень важных мест возможно, потому, что они противоречили его намерениям.

[2]) Есть русское издание — «Красной Нови» М. 1923.

Ц. Фридлянд

Французская печать об Октябре

(Июль—декабрь 1917 года)

Капиталистическая печать — кривое зеркало истории. Современный историк, который хотел бы воспользоваться газетами, как серьезным источником, не многим бы отличался от историка средневековья, для которого славословия придворных поэтов служили бы «хроникой» и «летописями».

Капиталистическая печать Франции более, чем какая-либо другая, является кривым зеркалом действительности. Наиболее распространенные газеты, как «Тан», «Матен», «Фигаро», «Пти Журналь» и т. д., находятся на содержании у капиталистических клик, выполняют их волю и следуют их указке. «На знамени «Матен» нет ни идеала, ни лозунга, если не считать его пагубного влияния на французское общество, особенно в военные и послевоенные дни. «Матэн» идеал воплощенной злокозненности. Эта газета отравляла Францию в годы войны дикой ненавистью к чужеземцам, развращала французов шовинизмом и занималась вымогательством, рекламируя ту или другую промышленную фирму. Еще более продажной газетой является широко распространенный «Фигаро». «За три -пять тысяч франков любой неизвестный писатель может подписать своим именем передовицу «Фигаро» и добиться известности». В годы войны «Фигаро» приобрел славу патриотического органа, но его патриотизм находился на содержании у Круппа. И солидный «Тан»—орган крупной буржуазии и чиновничества—является игрушкой в руках финансовых кампаний. Эта газета находилась на содержании у царского правительства. Представитель «Temps» в Питере, Шарль Ривэ заставил русское правительство выплачивать газете 150.000 франков ежегодно «за об'явления». Он же после февральской революции обратился с предложением услуг к правительству Керенского, заверяя его, что в успехе революции и в счастливой перемене, наступившей в России, «есть и моя скромная заслуга». «Газета консьержей», широко распространенный орган мелкой буржуазии, «Ле Пти Журналь», как и ряд других газет французского мещанства, подчинены тому же господину.

Совершенно очевидно, что подобного рода «исторический источник» может дать нам лишь косвенное представление о настроении различных общественных кругов Франции и об их отношении к русской революции. Материал, который мы можем извлечь из этого источника скуден и жалок. Две-три статьи, клеветническая информация, — вот и все, что в конечном

счете, мы найдем в буржуазной прессе Франции за 1917 г. об Октябре. Однако это пока один из основных доступных нам источников по внутренней истории Франции в годы войны. Мы в конце концов больше знаем о ее внутренней истории эпохи франко-прусской войны, чем о событиях 1917 г. Архивы закрыты. Их сможет открыть только революционное правительство.

1917 год явился переломным годом в истории Франции, эпохи империалистической войны. С конца 1916 года Франция терпела одно поражение за другим, и в армии начались военные бунты, но одновременно в стране развернулось широкое рабочее движение. Движение это ширилось на почве растущей дороговизны, острого недовольства политикой правительства и стремления к миру. Чтобы получить представление о широко развернувшемся революционном движении во Франции 1917 года, воспользуемся «дневником» британского посла в Париже лорда Берти. Берти рассказывает нам, что уже в апреле—мае 1917 года в стране обнаружился «дух беспокойства», имели место демонстрации, и полиция принуждена была обнажить сабли. А французский журнал, выходящий в Женеве, журнал Гильбо «Demain» сообщает о массовой демонстрации в день первого мая, когда на улицы вышло больше десяти тысяч рабочих. В мае и июне начались забастовки в различных отраслях производства. Особенно значительно было участие в движении женщин. «Английская неделя и довоенный тариф», — таковы были требования стачечников. 27-го мая орган социалистического меньшинства «Journal du peuple» сообщает, что число стачечников достигло 35.000. 1 июня лорд Берти отмечает, что непрерывные забастовки, и в особенности анархия в России, являются причиной волнений в траншеях. «Забастовки и бунты в армии,—пишет он,—принимают серьезный характер, и, если не будет проявлено твердости, неизбежны дальнейшие бунты и кровопролитие». Он же в конце июня вынужден заявить, что «моральное состояние частей французской армии ухудшилось, вследствие потерь и неудач, а также вследствие бунта русских частей на французском фронте». В июле лорд Берти требует вмешательства Англии для расширения фронта, так как состояние французской армии ужасно. Одна из представительниц французской буржуазии, обратившаяся к нему за помощью, конфиденциально сообщила: «Все здесь слишком робки. Революция идет».

Стачки не прекратились и в августе и в сентябре 1917 года. В ноябре, непосредственно под впечатлением сообщений из России, Берти в своем дневнике отмечает: «На заводах, работающих на оборону, и на электростанциях начался саботаж. Клемансо потребовал от вождей генеральной конфедерации труда прекращения движения. В противном случае он грозил наводнить Париж войсками и взвалить ответственность на *конфедерацию*». Но волна забастовок в ближайшие месяцы подымалась все выше и выше. В дневнике лорда Берти отмечены стачки в департаменте Лауры и в ряде других департаментов Франции. Во французской печати, если не считать крайней левой газеты социалистического меньшинства «Журнал Дю Пепль», мы не найдем указаний на это забастовочное движение. Даже «Юманите» хранит гробовое молчание, и дело здесь не только в цензуре, а в заговоре молчания, который установлен был всей буржуазией и соглашательской прес-

сой. Конечно, известия о военных бунтах, благодаря цензуре, совершенно не могли проникнуть в печать.

1917 год был годом переломным для Франции. Это был год голода и дороговизны. И если в 1915 году официальная статистика отмечала 98 стачек с 9.500 стачечниками и 55.000 потерянных дней, то в 1916 году их было 315, с числом участников 41.000 и числом потерянных дней в 236.000, а в 1917 году число стачек достигло цифры 696 с числом участников в 294.000 и с 1.281.000 потерянных дней. Эти цифры значительней, чем цифры 1918 года (499 стачек, 176.000 участников и 9.874.000 потерянных дней) [1].

Буржуазная печать неоднократно отмечала, что пораженческая агитация в стране порождена русской революцией. Лорд Берти не двусмысленно ссылается на заявление французских министров, в том числе на Рибо и Пенлеве: «забастовочное движение, как и волнения в стране, является прямым результатом поражения русской монархии». Приход к власти Клемансо был не только ответом французской буржуазии на военные поражения Франции, но в значительной степени актом самообороны против растущего рабочего движения и октябрьской революции.

Социалистическая партия играла в 1917 году роль слуги капиталистических классов. Эту же роль выполняла и социалистическая пресса. Если в период войны ее задача была в организации рабочих для борьбы с внешним врагом, то к 1917 году эта задача была сформулирована несколько иначе. Социалистическая партия и пресса взяли на себя дело борьбы с внутренним врагом. Они должны были служить основным тормозом нарастающего революционного движения. Этой цели служил декрет от 17 января 1917 года, за подписью А. Тома о милитаризации рабочих на предприятиях, обслуживающих армию. Статья первая этого декрета обязывала предпринимателей, рабочих и служащих на предприятиях и заводах, как государственных, так и частных, работающих на войну, в случае конфликтов, касающихся условий труда, не нарушать трудового договора и не останавливать работ, прежде чем спорные вопросы не будут перенесены в арбитражные органы. Это было фактически полным и решительным отказом от классовой борьбы же. В этом «от имени пролетариата» духе социалисты действовали и тогда, когда они решили выступить из буржуазного правительства. Прекрасной иллюстрацией поведения социалистов и их прессы в 1917 году является следующая запись в дневнике лорда Берти от 28-го июля: «Я посетил Рибо, — пишет он, — для беседы о намерениях социалистов. Он сказал мне, что Альберт Тома принужден следить за англо-русскими делегатами. Непосредственно перед тем я виделся с А. Тома, который приехал для встречи Гендерсона и его спутников. Я сказал ему: «Надеюсь, что вы помешаете им сделать глупость». — «Я попытаюсь»,—было ответом Тома.

---

[1]) К сожалению, в новой интересной книге академика Е. Тарле „Европа в эпоху империализма" нет ни слова о рабочем движении во Франции 1917 г.

Буржуазная, как и социалистическая пресса Франции—оценивала русскую революцию исключительно с точки зрения военных интересов Антанты. Революция для них была неизбежным злом, чье распространение следовало задержать. Но была веская причина, которая заставляла капиталистическую прессу Франции осторожнее выражать свои симпатии русской контрреволюции. Дело в том, что буржуазия Германии делала все для того, чтобы заявить о своих симпатиях к новой России, чтобы подчеркнуть, что Вильгельм II был врагом царского правительства и что собственно немцы были всегда друзьями русской демократии (см. мою статью: «Февральская революция и европейская социал-демократия» в журнале «Пролетарская революция» № 2—3). Французская печать по этой причине стремилась убедить Россию, что французская буржуазия еще больше чем немцы стремятся к защите нового режима демократии в союзной стране. Это была своеобразная конкуренция немецкого и французского империализма. Но во Франции, как в Германии, чрезвычайно легко было обнаружить лицемерие подобных «революционных симпатий». Французская республика, ее имущие классы считали себя скорее друзьями старой царской России, чем новой революционной страны. С этой точки зрения любопытный материал мы найдем у того же лорда Берти, который сообщает о разговорах Пенлеве и Рибо с Извольским и Маклаковым. В этих разговорах собеседники открыто выражали свои симпатии к русской «конституционной монархии». Это заявлял и Маклаков, который явился во Францию за день до октябрьского переворота и торжественно декларировал себя представителем русской республики.

Чтобы выяснить отношение французской печати к октябрьскому перевороту, следует внимательно проанализировать хотя бы наиболее распространенные французские газеты за период с июля по декабрь 1917 года. Собственно только в связи с июньским наступлением и с июльскими событиями буржуазная пресса Франции начинает заниматься большевиками и Лениным. Обратим внимание, прежде всего, на самую солидную буржуазную газету Франции, на «Temps». Уже в начале июля «Тан» с восторгом отмечает энтузиазм России в связи с наступлением и пытается создать впечатление, что в стране крестьяне жаждут принести себя в жертву отечеству. Правда, 14 июля, стремясь подготовить читателей к сообщению о поражении июньского наступления, газета пишет о затруднениях, о неурядицах в финансовом вопросе, о дороговизне. Осведомителем «Temps» о России является корреспондент из Петрограда, Людовик Нодо. Корреспондент этот видел и сумел разглядеть гораздо больше, чем все остальные «собственные корреспонденты» французской прессы. В одной из своих корреспонденций от 15 июля 1917 г. он утверждает, что уже с апреля самое важное в русской революции это деятельность «агитаторов», вернувшихся в Россию через Германию. Они, собственно, принесли своей деятельностью гораздо больше зла союзникам, чем могли бы это сделать несколько армий немцев. Агитаторы это сила, с которой приходится считаться. Ленин, Зиновьев и Каменев стоят во главе «Правды». Их программа — гражданская война, немедленная конфискация и раздел всех богатств, не считаясь с войною. Они против сепаратного мира, но они стремятся создать в России хронический революционный

кризис, чтобы война была не мыслима. Ленина, по словам Нодо, встретили и России восторженно, и в с е,—он подчеркивает слово в с е,—видят в Ленине честного фанатика, который готов бороться до конца за свои идеалы. Популярности Ленина в России буржуазная пресса замолчать не могла, и журнал «Revue des deux Mondes» в июльской книжке за 1917 г. сообщает следующий любопытный эпизод. Питерский корреспондент журнала подслушал в толпе разговор рабочих во время речи представителя к.-д. на митинге в Питере. Оратор утверждал, что большевики, Ленин и Зиновьев, проехали Германию в пломбированном вагоне; старик рабочий обратился к соседу со следующими словами, — перекрестившись при этом, как сообщает удивленный корреспондент, — «Ну, слава богу, что Ленин не поехал морем, а то бы его утопили».

Успеху максималистов (в это время термин большевики еще не употребляется во французской прессе) помогло предательство и измена царских генералов, заявляет Нодо в своих корреспонденциях. Это способствовало тому, что меньшинство стало большинством вокруг «неменяющегося Ленина». Сообщая некоторые сведения биографического характера о Ленине, Людвиг Нодо утверждает, что по общему мнению последний не марксист, а анархист. «Он стремится, — пишет он, — к поражению, к поражению всех государств, к разрушению всего, к устройству хаоса, где порядок будет восстановлен гильотиной». Сила сторонников «Правды» измеряется пока 17 процентами всех голосов, но они имеют сильное влияние во флоте и в армии. Л. Нодо надеется, что правительство справится с большевиками. Уже 19 июля мы найдем ряд сообщений в «Temps» об июльских событиях и радость по поводу подавления июльского восстания. С этого времени газета начинает уделять значительное внимание борьбе Керенского с большевиками. 23 июля в передовице «Министр Керенский» отмечается разница между майскими и июльскими кризисами революционной России. Только во втором случае правительство приняло меры для вооруженного подавления восстания. Этого не было в первом случае. «Французское общество, — читаем мы в передовице — приветствует эту разницу с глубоким удовлетворением и требует в дальнейшем решительных мер». Газета отмечает попытку немцев связать себя с революционной Россией и со своей стороны заявляет, что министерство Керенского имеет право рассчитывать на помощь союзников. «На все наши силы», торжественно заявляет «Temps». Тут же постепенно выплывает и версия о большевиках, как о немецких шпионах.

«Тан» защищает необходимость присутствия России на конференции союзников, так как только с помощью России можно повести успешную борьбу против внешних и внутренних врагов. Министерство Керенского ставит себе эту задачу, и союзники готовы оказать ему всяческое содействие. Но основная задача сводится теперь к тому, чтобы эмансипироваться от России. «Поражение новой России требует, — пишет «Тан», — теснейшего союза Англии и Франции». И уже в начале августа французская печать, в том числе и «Тан», начинает развивать мысль о необходимости союзникам в борьбе с Германией о б о й т и с ь б е з Р о с с и и. Кампания за третирование России, за ее устранение от грядущих мирных переговоров с Германией

началась. И ставка на Керенского сменяется в августе месяце ставкой на кадетов, как на самую солидную буржуазную группу, как на партию, представляющую всю собственническую Россию. «Кадеты, — читаем мы в «Temps» 29 июля, — имеют в себе все необходимые элементы, чтобы стать подлинной сильной партией консервативной буржуазии. Но для этого они должны проявить больше энергии в борьбе с революционерами». Все больше и больше «Тан» в это время начинает уделять внимания большевистской опасности и утверждает, что в рядах большевиков имеется три группы: первая—это Ленин и Зиновьев, вторая—Горький и «Новая Жизнь», третья—Каменев и Стеклов. 7-го августа газета отмечает рост анархии в стране. «Тан» не может примириться с мягкостью Керенского, который много обещал и ничего не выполнил. «Он подчинился советам», — заявляет передовик газеты. Это не значит, что «Тан» отрицает необходимость сговора с советами. «Необходимо было, конечно, сохранить с ними связь». Но «Тан» напоминает русским и Керенскому, что нация, которая не может дисциплинировать свою свободу, идет к поражению и к расчленению. Параллельно с борьбой против большевиков, в газете идет разработка аннексионистской программы войны.

Л. Нодо остается постоянным осведомителем читателей «Тан» о событиях в России. Он старается в августе месяце дать читателю ряд бытовых очерков. «Люди 1793 года, — пишет «Тан», — были санкюлотами, люди 1917 года сан-кальсон». Он риторически вопрошает: «Не этим ли отличается политическая революция от социальной?» Уже в это время, против своей воли «Тан» принужден отметить катастрофический рост популярности большевиков и Ленина. Но вдруг получено было известие о взятии Риги. Это нарушило спокойный тон буржуазной газеты: «Взятие Риги, — читаем мы в «Тан» от 4 сентября, — заставило немцев забыть о ноте президента Вильсона. Немцы окрылены русским поражением». Воззвание советов от 5 сентября вызывает только гнев «Тан». Газета отмечает, что несколько месяцев «ораторской диктатуры» уничтожили армию и индустрию в стране, что немцы отрицают необходимость мира. Для того, чтобы положить раз навсегда конец русским беспорядкам, необходимы жестокие меры.

Наконец, во Франции стало известно о выступлении Корнилова, и «Тан» в этом вопросе занял весьма осторожную позицию. В то время, как желтая буржуазная пресса сразу стала на защиту Корнилова против Керенского, «Тан» пытается убедить Керенского в необходимости примирения и союза с Корниловым. «Союзникам надо, — пишет «Тан», от 12 сентября, вмешаться и добиться их примирения». «Если социалисты считают, — читаем мы в «Тан», — что поддержка Корнилова противоречит интересам демократии, то интересам отечества противоречит борьба с Корниловым». Эта «осторожная» позиция «Тан», как мы видели, диктуется в первую очередь желанием противопоставить немецкой агитации французское влияние. Людовик Нодо не перестает убеждать читателей «Тан», что есть возможность решительной агитацией прекратить большевистское влияние в стране, потому что влияние большевиков об'ясняется исключительно тем, что солдату, крестьянину и рабочему со всех сторон говорят о необходимости прекратить

войну. Только иностранцы, особенно не знающие русского языка, утверждают, что в России можно легко победить революцию. Революция сильна, и следует проявить по отношению к ней сутубую осторожность.

«Тан» пытается в сентябре продолжить борьбу с «ораторской диктатурой» Керенского. В номере от 13 сентября мы читаем: «Кончился первый период деятельности Керенского, который, подобно Ламартину, правил речами. Но Ламартин отклонил красное знамя, а Керенский подчинился ему». Керенский пытается, правда, поддержать дисциплину в армии, вступить в борьбу с большевиками. Но он боится репрессий, он боится пролить кровь. Таков смысл агитации «Тан» в сентябре и октябре 1917 г. В конце сентября и в октябре «Тан», подобно всем остальным буржуазным газетам, пытается распространить известие о том, что в России наступило более устойчивое положение, что провинция и Москва более умеренны, чем Петроград, и что большевики доживают свои последние дни. Это мнение буржуазная пресса, в том числе и «Тан», особенно усердно распространяет в дни Демократического Совещания. «Советы не могут говорить от имени народа, — пишет «Тан» 8 октября,—потому что в стране имеются учреждения, избранные народом». Газета пытается убедить читателей, что в России повсюду отмечается упадок революционного энтузиазма, и что Керенский, наконец, начнет организовывать «свободу». «Господин Керенский и его люди,—читаем мы в «Тан»,—имеют теперь возможность больше, чем когда либо, управлять страною». Людовик Нодо поддерживает эту тактическую линию «Тан», утверждая что падение Риги не является виною той или другой группы, а психологическою болезнью русских, зараженных революционной лихорадкой. Для «Temps» характерна эта поддержка Керенского и одновременно клевета на всякое проявление революционного движения. Характерно также и это перемежающееся изображение то слабого, то сильного влияния большевиков. «Тан» приветствует в октябре попытку перенести столицу из Питера в Москву. 22 октября мы читаем: «Это не только военные соображения заставляют Россию эвакуировать столицу, это, прежде всего, соображения политического порядка». Из Москвы легче будет повести борьбу с все еще сильным большевистским влиянием. В конце октября сообщения становятся гораздо более тревожными. Максималистская агитация в России растет, и «Тан» 24 октября взывает: «Мы не должны оставлять России без помощи. Мы готовы оказать России поддержку, но, конечно, при условии, — пишет «Тан», — что эта помощь будет взаимной». Газета пытается в это время несколько внимательней присмотреться к русским событиям. 30 октября «Тан» сообщает о четырех этапах в истории русских советов с марта 1917 г. Первый — это борьба с царизмом, второй — это попытка организовать демократию в стране, — «советы — центр демократии», третий — после июньского поражения, когда большевики теряют свое влияние, и, наконец, четвертый период наступающий теперь — когда все перейдет в руки демократически выборных органов. Тревожные статьи о положении России не могут вытеснить противоположной информации и попытки успокоить читателей. Почти до конца октября обе эти линии переплетаются, характерно отличая контр-революционную агитацию солидной буржуазной газеты.

Отмечая рост максимального влияния, «Temps» категорически требует энергичных мер для его подавления, и в то же время газета стремится изобразить дело так, будто после значительного периода волнений в России наступает успокоение, побеждает демократия. 26 октября корреспондент из Питера сообщает о полной изоляции максималистов. «Мы будем надеяться, — читаем мы в этой корреспонденции, — что это начало их конца. Со средины октября и в самом начале ноября «Тан» как бы перестает интересоваться Россией, как будто бы газета выжидает событий. 4 ноября в статье «Франция и Россия» Шарль Ривэ, беседа его с de Chevilly—французским представителем в Петрограде, — мы находим очень типичную для газеты оценку русских событий. De Chevilly утверждает, что есть два взгляда на русскую революцию: один—наивный, в который не верят часто и сами русские социалисты, утверждает, что все обстоит блестяще, что русскому примеру надо подражать; и другой — ненавидящий русскую революцию, как прямую поддержку немцев. De Chevilly считает, что ошибочна и та и другая оценка революции. Он утверждает, что все бедствия русской революции не являются виною, а бедою новой России. Необходимо проявить терпение, необходимо оказать к р е д и т русской революции. Это будет наиболее удачной тактикой. Но чем об'ясняется такая мягкость и такое терпение в отношении к русской революции, несмотря на рост максималистских влияний в стране? Автор статьи, как и его собеседник, не скрывает этой причины. Россия с ее 180-миллионным населением — богатейшая страна угля, железа и леса — сможет скорее, чем другая, оправиться после войны. И если Франция не сохранит мирных, дружеских отношений с Россией, то все это будет использовано немцами. Вся немецкая политика после войны будет обращена в сторону России, и все надежды немцев построены на том, чтобы в будущем вступить в союз с Россией или добиться ее дружбы. Вот почему следует оказать революционной России кредит, и будущее вознаградит Францию.

7 ноября приехал во Францию Маклаков, и вся буржуазная печать, в том числе и «Тан», встретили его восторженно. Маклаков заявил о том, что Россия идет на встречу желаниям Франции, и что борьба с немцами их общая задача. «Тан» приветствовал в лице Маклакова «новую Россию и старого союзника». «Мы надеемся, — пишет газета, — что Маклаков передаст своему правительству все чувства симпатии французского народа». Но уже назавтра пришлось отметить, что в Питере растут максималистские беспорядки, а 10 ноября газета вышла с аншлагом «В т о р а я р у с с к а я р е в о л ю ц и я». «Как Николай Второй, так и Керенский, — читаем мы в передовой, — были свергнуты в одинь день революцией, которую предвидели все и которой никто не мог помешать». Ошибка Керенского в том, что он говорил, но не действовал. Правительства Запада должны теперь еще больше сблизиться друг с другом. Антанте грозят сепаратный мир и революция. Необходимо принять срочные меры против максималистского шантажа. В ближайшие дни газета все еще пытается изобразить победу большевиков, как случайную, временную победу, и из номера в номер мы читаем сообщения о русском хаосе, о фиаско максималистов. Наконец 14 ноября «Тан» отме-

чает отсутствие всяческих сведений из России. «Единственно, что мы знаем о России—это то, что мы ничего о ней не знаем»,—жалуется «Temps». «Многие, утверждают, — пишет газета,—что, в конце концов, события в России нам безразличны, потому что мы ничего не можем предпринять, но это возмутительный пессимизм». И «Temps» впервые формулирует мысль об интервенции. В этой же статье от 14 ноября «Тан» подчеркивает, что Октябрьская революция является не только переворотом в интересах мира, но и революцией, чья цель низвергнуть все общественные устои.

Непосредственным ответом на Октябрьскую революцию было министерство Клемансо, — министерство белого террора. «Тан» переходит в наступление против французских максималистов и русских большевиков. Здесь же положено было начало, широко распространенной версии о том, что октябрьский переворот является делом немцев. «Temps» агитирует теперь за Учредительное Собрание. Лозунг этот являлся после октября общим лозунгом единого фронта всей буржуазной и соглашательской прессы. 28 ноября «Тан» обращается к будущему Учредительному Собранию с предупреждением и требованием не допустить сепаратного мира.

«Тан» признается, что Франция не знает большевиков, не знает, с кем приходится иметь дело, и отмечает, что все поиски в словарях значения слова «большевик» не дает пока никаких результатов. В декабре переговоры о мире России и Германии стали реальной опасностью для буржуазии, и «Тан» переходит в наступление, рассматривая новую Россию, как союзника Германии. Вопросы интервенции живо обсуждаются газетой. Так встретила Октябрьскую революцию самая серьезная буржуазная газета Франции. Остальная буржуазная печать специализировалась на клевете.

В «Матэн» осведомителем о России являлся Эдмонд Ласкин, «ученый», раз'ясняющий в специальной статье от 22 июля, что большевистская деятельность в России является частью пангерманистской программы, начало которой положил еще в шестидесятых годах XIX века — Карл Маркс. Последний вместе с Боркгеймом в 1867 году звали к крестовому походу против России, они предлагали отбросить Россию за Урал. Но кампания клеветы только началась. Уже в конце июля «Matain» усиленно распространяет версию о том, что Ленин немецкий шпион. Но и «Матэн» принужден признать, что собственно единственным и сильным человеком, знающим, чего он хочет, в России является Ленин. 10 августа 1917 года в статье специального корреспондента о заседании Совета в Петрограде мы читаем, что Советы собственно напоминают не Конвент, а якобинский клуб, и что большинство из сидящих в Совете, кроме Ленина, не знают, чего они хотят. И корреспондент меланхолически добавляет: «мы надеялись, что в России, спустя несколько месяцев, установится твердый режим, но, к сожалению, каждый день выясняет нашу ошибку». Настроение газеты становится из номера в номер все более и более пессимистическим, и к началу сентября резко меняется ее отношение даже к Керенскому. Если еще в июньских и июльских номерах газеты мы могли встретить дифирамбы «великому оратору» и если еще в статье от 5 июля «Матэн» серьезно обсуждает вопрос о том, кто такой Керенский: «Карно или Дантон», то уже в номере от 5 сентября мы читаем, что прави-

тельство Керенского проявляет совершенно непростительную слабость и никуда не годно. Газета старается держать своих читателей все время в напряженном состоянии, отмечая, что Россия приближается к пропасти. 10 сентября мы читаем: «отдает ли себе русское правительство отчет в ужасной обстановке?». Радостные ноты в газете появляются вместе с выступлением Корнилова. Корниловщина находит живейший отклик в «Матэн». Но, спустя некоторое время, ярко выраженное сочувствие сменяется некоторой сдержанностью. «Матен», правда, пытается раз'яснить французскому читателю, чего хочет Корнилов, и говорит о том, что лучше всего корниловщину характеризуют приказы генерала. Так после назначения Корнилова главнокомандующим на юго-западном фронте он издал приказ о расстреле дезертиров и бунтовщиков, и «Матэн», торжествуя, приводит тут же целиком и в разрядку его приказ о расстрелах. В этом спасение революции, — утверждает «Матэн».

Победа Керенского над Корниловым снова опечалила «Матен». Единственное утешение газеты в том, что она верит в возможность для Керенского пойти по пути Корнилова и проявить энергию в борьбе с крайними элементами.

Как и «Тан», так и «Матэн», в октябре сообщает о наступлении успокоения в России. Французского читателя все время убеждают в том, что Россия скоро победит максималистов. Но вот наступает ноябрь. Снова в газете появляются статьи и заметки о беспорядках в столице. 8-го ноября, «Матэн» сообщает о серьезных беспорядках в Петрограде, и, наконец, в «Матэн» от 9-го ноября мы находим передовую «Восстание победило в Петрограде». Газета признает, что она с трудом может разобраться в событиях, но, ссылаясь на указания людей сведующих, «Матэн» отмечает, что победа большевиков открыла гражданскую войну в стране, что ужас победы не в том, что Россия прекратила свое участие в войне, но что инсургенты имеют в виду подлинный и полный социальный переворот, на ряду с требованием немедленного мира. Единственная надежда та, что крестьянское население России и буржуазные классы скоро свергнут правительство захватчиков. Ответственность за победу и переворот максималистов несет Керенский. Газета убеждена, что национальный центр России — Москва — сделается крепостью, которая окажет сопротивление максималистам, и подобно «Тан» в ближайших номерах газета стремится доказать, что конец большевиков наступит очень быстро. Наконец, с 20 ноября газета ставит вопрос об интервенции. Отмечая деятельность Каледина, «Матэн» пишет, что есть единственная политика, с которой могут солидаризироваться правительства союзников перед лицом русской анархии, если они не желают нести тяжелой ответственности за все, что происходит в России: отказаться от политики скрещенных рук, так как правительство в Петрограде — Совет Народных Комиссаров — взяло на себя задачу низвергнуть существующий общественный порядок и первыми своими декретами отменило частную собственность. Правительствам Антанты следует оказать содействие Каледину, который является господином южной России в настоящий момент. «В нем, в Каледине, мы имеем главу нового

государства. Только Каледин может организовать вокруг себя национальные элементы. Если мы сможем помочь ему людьми, деньгами и материалами, Каледин безусловно победит». 7 декабря 1917 года тот же ученый Эдмонд Ласкин пишет о большевистской диктатуре, как о силе, которая угрожает всему европейскому обществу. В то время, как «Тан» вплоть до начала брестских переговоров пытается сохранить спокойствие и выдержку, «Матэн» решительно становится на позицию вмешательства в русские дела.

Представляло бы также некоторый интерес обратить внимание на «Фигаро» и «Ле Пти Журналь», прежде всего, потому, что в этих газетах больше, чем в «Матэн» и «Тан», имела место клеветническая кампания против России при ближайшем участии русских. В июле месяце, ссылаясь на Бурцева и Дейча, «Фигаро» (в статье Polybe'а—«Ludendorff et Lénin») начинает кампанию против «немцев»: Ленина, Sinovief'а, Троцкого и т. д. Тут же сообщается о том, что некий крещений еврей Нехамкир, он же Стеклар, был организатором еврейского погрома, так как евреи были сторонниками Временного Правительства и Милюкова. «Фигаро» относится очень скептически к Керенскому, и в то время, как «Матэн» вопрошает, является ли Керенский Дантоном или Карно, «Фигаро» утверждает, что Керенский или Шаляпин, или Дантон! Поэтому все симпатии газеты на стороне Родзянко, который является великим человеком, а позже на стороне Корнилова. 12 сентября «Фигаро» отмечает корниловщину, как необходимый и полезный этап в истории Революции. Это — «диктатура национального спасения», в ней проявление наиболее чистого духа римской республики. Что касается Керенского, то он является рабом Советов. Таким образом, «Фигаро» становится всецело на сторону Корнилова и зовет французское правительство оказать ему поддержку. Естественно, что, когда в ноябре месяце появилось сообщение об Октябрьской революции, «Фигаро» утверждала, что собственно этот путь хаоса является единственным путем спасения для России: чтобы добиться победы патриотов и сторонников Каледина, необходимо, чтобы Россия прошла через разруху. «Чем хуже, тем лучше», — таков лозунг, который в это время провозглашает газета.

Героем дня в ноябре для «Фигаро» является Гурко, который сообщает ей, что Распутин не характерен для старого царского правительства. И «Фигаро», выражая симпатии старой императорской фамилии, переносит их и на Гурко. «Он был серьезно опечален и грустно опустил голову», — сочувственно пишет газета, — когда ему сотрудник «Фигаро» сообщил о том, что бунтовщики в Петрограде захватили банки и телеграф. Уже во второй половине ноября и декабря «Фигаро» выдвигает идею интервенции. «Необходимо союзникам, — читаем мы 7 декабря в статье «Союзники и Россия», противопоставить политике немцев свою программу активной помощи русским патриотам для установления в России правительства нормального и регулярного».

«Ле Пти Журналь» приспособился ко вкусам своего читателя-мещанина. Героем для «Пти Журналь» является Алексинский. В июле газета полна сообщениями о разоблачениях Бурцева и Дейча. Политический

тон по русскому вопросу задает Пишон. Вначале он пытается защитить Керенского, которого «Пти Журналь», подобно «Матэн», сравнивает с Дантоном. Но после того, как Московское совещание обнаружило необходимость гораздо более энергичных действий в борьбе с максималистами, звезда Керенского в «Пти Журналь» закатилась. Керенский, по мнению газеты, поддерживает максималистов, агентов Вильгельма. Вот почему для Пишона Корнилов является героем и спасителем. В статье от 12 сентября мы читаем: «Трудно оценить значение событий, но наша задача сводится к тому, чтобы примирить военную и гражданскую власть для организации борьбы с немцами». Затем, 30 сентября, Пишон пытается еще более ясно сформулировать свое отношение к русской проблеме, выражая интересы широчайших кругов мелкой буржуазии. В статье: «Que faisons nous du côté russe?» мы читаем: «Перед лицом известий из России, которые все более и более беспокоят нас, французская публика спрашивает себя, что будут делать правительства Антанты» Мы вложили значительные капиталы в русские государственные фонды и в русские промышленные предприятия. Что сделаем мы для того, чтобы спасти их? Еще в июле можно было надеяться, что после беспорядков наступит успокоение и что правительство, прежде всего, позаботится о том, чтобы освободить территорию от врага, и только лишь после этого приступит к реализации своей социальной программы». «Но мы ошиблись», с горечью замечает Пишон. Ленин стал господином Кроштадта. Предприятия по изготовлению предметов вооружения закрываются. Умеренные министры заменяются более крайними. Диктатура Керенского, этого великого патриота, который безусловно бы спас свою страну, если бы он мог сговориться с Корниловым, не удалась. Советы оказались победителем. Что могут предпринять союзники? Задача сводится к тому, чтобы наше правительство, как и правительства наших союзников любой страны пошли на помощь умеренным кругам России. Но более конкретно Пишон этот вопрос не разрабатывает.

Как и в других газетах, октябрь является месяцем затишья. Тот же Пишон в целом ряде статей и заметок успокаивает французских читателей, утверждая, что в России все идет к лучшему. Но уже в ноябре появляется заметка о победах максималистов-большевиков. Здесь начинается кампания специально против Ленина. В номере от 12 ноября Пишон пишет, что подлинная фамилия Ленина — это Цедерблюм, что большевики выполняют дело немцев. История с пломбированным вагоном занимает теперь страницы газеты. Пломбированный вагон всплывал всегда в тех случаях, когда необходимо было усилить кампанию клеветы против Ленина, и исчезал, когда казалось более подходящим повлиять на русских доводами и аргументами.

Газета Пишона с ноября усилила кампанию клеветы. 9 ноября в передовой о победе максималистов в Петрограде и о Керенском, которого свергнул Ленин, мы читаем, что собственно это событие можно было предвидеть уже давно, так как правительство Керенского — Временное Правительство,— не приняло во время достаточных энергичных мер. Правительствам союзников следует теперь вступить на путь решительного вмешательства в русские

дела. Статья с конкретными предложениями об организации интервенции принадлежит Пишону. Он же в ноябре 1917 года вступил в кабинет Клемансо, как министр иностранных дел.

Ту же линию борьбы с большевиками и необходимость вступления на путь интервенции защищали в ноябре и специально экономические газеты и толстые журналы Франции. «Revue des deux Mondes» в июльской книге сообщает о том, что революционная Россия гигантскими шагами идет по пути радикальных изменений. Опасность слева. На крайне левом фланге создалась опаснейшая социалистическая фракция «bolchè — wiki». Фракция эта соприкасается с анархизмом и дальше автор статьи, Marylie Markowitch, занимается «жизнеописанием» Ленина. Между прочим Ленин «c'est un révolutionnaire élégant»: его манжеты украшены бриллиантовыми запонками. Что касается Надежды Константиновны, то эта элегантная дама раз'езжает в комфортабельном автомобиле и носит туалеты, заказанные в Париже или Берлине. Автор статьи в «Revue des deux Mondes» попросил одного «молодого офицера» интервьюировать Ленина. Офицер пробыл в кабинете всего несколько минут. Ленин выгнал его. «Как могли вы проехать Германию», был вопрос офицера. «Чтобы поставить мне подобный вопрос, последовал ответ, необходимо, чтобы вы были провокатором»...

«Revue des deux Moudes» восторженно приветствовало в последующие месяцы российскую контр-революцию и особенно Корнилова. Об октябре оно писало в обычном сенсационном духе.

«L'Économiste française» стоял на крайне правом фланге клеветнической кампании против Октябрьской революции. В № 46 газеты от 17 ноября André Liesse обвиняет Керенского в нерешительности и с тревогой сообщает читателям, что до сих пор нет точных сведений из России. 24 ноября тот же Liesse пишет: «Сообщения из России ужасны... но вне всякого сомнения, что анархия, в чьи об'ятия попала несчастная страна, не встречает никакого сопротивления». 1-го декабря: «... необходимо подождать, чтобы окончательно высказаться о положении дел в России. Ситуация такова, что мы отчаялись в борьбе с максималистами внутри страны: необходимо действовать....». Соответственно реагировала и биржа. По сведениям «Франц. экономиста», железнодорожные облигации некоторых русских дорог котировались на бирже следующим образом:

	19/X	30/X	5/XI	12/XI	22/XI	6/XII
Моск.-Виндавск. 4%	278	260	—	235	240	—
Московск.-Киево-Ворон. 4%	288	260	252	232	240	215
Рязано-Уральск. 4%	280	274	255	240	240	—
Сев.-Дон. 4,5%	355	312	308	296	290	239
Черноморск. 4,5%	276	250	—	245	239	210

Акции некоторых банков и государственных фондов:

	12/X	18/X	9/XI	15/XI	6/XII
Русско-Азиатск. Банк	555	560	485	510	410
Государств. 5%, 1901	70	50	63,65		55,50
» 4%, 1894	—	—	44	—	40
Ком. Азов. Дон.	840	810	680	—	650

Повышение курса в 20 числах ноября об'ясняется газетными сообщениями о поражении большевиков. Только в декабре французская буржуазия окончательно убедилась в крахе своих надежд.

Ставка была теперь поставлена на интервенцию.

Таков скудный материал, который можно извлечь из буржуазных газет Франции, эпохи подготовки октября до декабря 1917 года. Не более интересен материал соглашательской прессы и не потому только, что до Франции с трудом доходили вести из далекой России, но и потому, что буржуазная и соглашательская пресса, заняв клеветническую позицию, стремились изобразить события в России соответственно своим исключительно военным целям — революционному движению, его внутреннему содержанию уделялось незначительное внимание. Революция в России была для буржуазной и соглашательской прессы лишь эпизодом империалистической войны, и февральскую, как и октябрьскую революцию они расценивали только под этим углом зрения. Лишь, в редких случаях, как мы видели, проскальзывала мысль о том, что революция в октябре 1917 года — это социальная революция, которая должна радикально изменить общественный порядок Европы.

Стоит только бегло ознакомиться с «Юманите» за июль—декабрь 1917 года, чтобы убедиться в том, что французские соглашатели составляли звено общей контр-революционной цепи. С июля месяца до октября «Юманите» стремится убедить своих читателей в том, что русская революция достаточно сильна, чтобы сохранить обороноспособность страны. Газета стремится доказать, что новая буржуазная Россия сделала все для того, чтобы добиться соглашения с Антантой, что революционное правительство раньше всего и прежде всего мечтает о защите Антанты. Если в России нарастают пацифистские настроения, то ответственность за это несут старый режим и политические ошибки союзников. И в то же время «Юманите» в августе и особенно в сентябре вынуждено признать, что реакция в России усиливается. Заговор Корнилова, его «поход на Петроград» об'ясняются усилением максималистов, которые стремятся к диктатуре. 13 сентября Ляфон в специальной статье о русской революции («Ленин и Корнилов») заявляет: «Демократия должна об'единиться вокруг Временного Правительства для борьбы с правой и левой опасностью». Керенский для «Юманите», как и для «Матэн» и всей другой буржуазной прессы, является господином положения, Кашен в номере от 15 сентября 1917 года выступает на защиту «наших друзей меньшевиков» и против кампании клеветы, которую вела буржуазная пресса. Если в России теперь побеждает чувство антипатии к союзникам, читаем мы в статье Кашэна, то виновато в этом не только старое царское правительство, но и правительство Франции, которое недостаточно внимательно отнеслось к вопросу о том, кому оно отдавало взаймы миллиарды. Самба в номере от 16 сентября в связи с падением Риги снова защищает мысль о необходимости оказать доверие и кредит русской революции. Он подымает вопрос об активных формах содействия правительству Керенского. Дюбрейль в номере от 18 сентября издевается над буржуазной прессой демократической республики, которая защищает монархиста Корнилова.

Уже в конце сентября «Юманите» вынужден отметить рост большевистской агитации. И в специальной телеграмме от 22 сентября газета сообщает своим читателям о том, что в распоряжении большевиков 20.000 штыков. «Но—утешает «Юманите» своих читателей,—«Керенский силен и большевистская попытка восстания не удастся». В одном из писем солдата-социалиста с фронта, напечатанном в «Юманите»(Dessal) мы находим сочувственно встреченную редакцией «Юманите» теорию происхождения русской революции. По словам Dessal'а русская революция вызвана войной, и он видит в этом оправдание империалистической войны. Русская революция пойдет по тому же пути, утверждает он, что и Конвент. — Это революция во имя з а щ и т ы о т е ч е с т в а. Под этим лозунгом проходит русский вопрос и на социалистическом конгрессе в Бордо, который открылся 7 октября 1917 г. «Русские социалисты — таков был лозунг правого социалистического большинства конгресса, — стремятся осуществить свою революционную победу на развалинах автократии центральных держав». И принятая резолюция отмечает, что русские события должны заставить французское правительство пересмотреть цели войны и добиться общего решения о заключении мира на основании справедливых национальных требований и интернационального права. Резолюция конгресса в Бордо, ссылаясь на внешнюю политику русской революции, требует установления интернационального арбитража, единственной гарантии ликвидации войн в будущем. Это «мирное» отношение к русской революции сменяется вскоре тревогой. В начале октября газета передает угрожающие известия из России об усилении большевистской агитации. «Юманите» об'ясняет эту агитацию, как немецкую пропаганду. В отличие от буржуазной прессы социалистическая газета не отмечает затишья в России за этот период.

К концу октября постоянным осведомителем читателей «Юманите» о русских событиях является Борис Кричевский. Его первое сообщение от 12-го октября подчеркивает все растущее противоречие между флегматичностью и апатией масс в России и шумом политической жизни. «В этой обстановке, — пишет Кричевский, — Россию поджидают две опасности, — в т о р ж е н и е н е м ц е в и б о л ь ш е в и к и». Последние усилились, особенно после выступления Корнилова. Главная опасность—это большевики, и Кричевский ставит вопрос о мерах борьбы с ними. «Юманите», следуя за политикой буржуазных газет, не перестает, однако, отмечать на ряду с у с и л е н и е м большевистской агитации, у м е н ь ш е н и е роли Советов, улучшение настроения армии. Газета переносит, наконец, в октябре центр тяжести своей агитации на подготовку выборов в Учредительное Собрание.

К началу ноября сообщения из России становятся особенно тревожными. 31 октября и 1 ноября газета сообщает о растущем голоде в Питере, и это, несмотря на то, что корреспонденции Кричевского успокаивают французского читателя и уверяют его в том, что большинство населения страны едино, что правительство успешно может созвать Учредительное Собрание против злой воли большевиков. 5-го ноября «Юманите» перепечатывает статью из «Единства», которая изображает большевиков, как продажных агентов немцев, а 8 ноября интервью с Маклаковым убеждает французских

читателей, что немецкие агенты вызывают анархию в России, но все придет в порядок даже раньше, чем это думают на Западе. Дело в верных руках. А через день газета вышла с большим аншлагом: « Un coup d'Etat en Russie », — «максималисты — господа Петрограда». Телеграмма передает об ужасах в столице в дни переворота. Нужно сказать, что «Юманите» в размалевывании этих ужасов во многом превзошла даже буржуазную прессу, которая, как мы видели, откровенно сознавалась, что она знает о России только то, что она ничего не знает. Статья о победе максималистов от 10-го ноября с печалью отмечает: «в то время, как Керенский свергнут, Ленин триумфирует. Долго ли продолжится его триумф? Наглые максималисты победят ли только в столице или захватят всю страну? Сознательные социалисты, которые с такой энергией боролись против беспорядков, будут ли они достаточны сильны, чтобы теперь перед лицом подобной угрозы напрячь все свои силы в борьбе за спасение России и за будущие идеи, которые они представляют?». На этот риторический вопрос «Юманите» не дает ответа и сознается в другой статье, что пока трудно ответить на этот вопрос, но очевидно, что Россия стоит перед началом гражданской войны. Сведущим человеком в «Юманите» выступает Рубанович, он на тревожный вопрос французских социалистов с гордостью заявляет: «я не думаю, чтобы победа максималистов была длительной. Они способны разрушать и свергать, но не способны реорганизовать и реконструировать страну. Россия сама скоро изгонит их». Только 12 ноября газета начинает в ряде статей выявлять свое принципиальное отношение к новой революции. В статье Реноделя мы читаем, что переворот Ленина и Троцкого не будет означать разрыва с союзниками и социалистическая Франция надеется, что Россия пойдет по пути Конвента. Советы, это—якобинские клубы, но и они были подчинены народному собранию. Отсюда основной социалистический лозунг этих месяцев, — созыв Учредительного Собрания, которое не сорвет дела защиты страны. Социалисты пытаются теперь занять оставленную буржуазными газетами позицию, они готовы оказать «кредит доверия» большевикам. Интересно, что «Юманите» пытается обратиться за авторитетными раз'яснениями к Маклакову, который в номере от 13 числа раз'ясняет, что Ленин в России изолирован и что крестьяне стремятся к частной собственности на землю, но не к социализму. В номере от 14 ноября «Юманите» ищет раз'яснения русского вопроса у Макдональда, который в своем выступлении в палате общин сообщил, что победа Ленина не долговечна.

Мы не будем здесь передавать ряда телеграмм за эти недели, которые сенсационно сообщают, то о выступлении Керенского в Питере, то о союзе Керенского с Корниловым и с Калединым, то о том, что войска идут на столицу, или, наконец, о переговорах Керенского с максималистами. В 20-х числах ноября начинает доминировать основной вопрос, — вступят ли большевики в соглашение с немцами? Этот вопрос начинает занимать внимание «Юманите» с той минуты, как обе столицы России очутились в руках большевиков. 22 ноября социалистическая газета публикует первое коммюнике русского правительства, подписанное «президентом В. Ульяновым и комиссаром иностранных дел Лениным». В конце ноября и в декабре «Юма-

ните» посвящает главное внимание борьбе против попытки России заключить сепаратный мир. 18 ноября в передовой мы читаем: «буржуазия была уверена, что она может победить только благодаря многомиллионной русской армии. Русская революция обманула надежды, и ее возненавидели, несмотря на то, что Керенский сделал все для того, чтобы продолжить политику войны». «Юманите» пытается теперь наладить благожелательное отношение к Советам и в то же время не отказывается от клеветы на революцию. «Если г-н Делькассе не видел еще до войны положения России, то в этом виноваты не Советы, а буржуазная Франция, — пишет «Юманите». Если Ренненкамф и Сухомлинов предали Россию, а Распутин управлял ею, то и это вина Советов, и буржуазная Франция пытается взвалить на социалистов эту вину. В конце концов, буржуазная Франция начинает повсюду видеть руку Советов даже тогда, когда речь идет о помощи французским инвалидам. Стоит только предложить, пишет «Юманите» в начале декабря 1917 года, какой - либо проект политической или социальной реформы, как со всех сторон буржуазная пресса шипит, — «мы не при Советах!» Отсюда «Юманите» делает вывод: «буржуазная пресса пришла, наконец, к тому убеждению, что если бы Советов не существовало, их необходимо было бы выдумать».

Особенно сильное волнение вызвало в редакции «Юманите» опубликование секретных дипломатических документов и в не малое смущение привело редакцию опубликование переписки Терещенко с французским правительством о возможных коммерческих уступках со стороны России в связи с июньским поражением. Тщетно мы искали бы в бесчисленных статьях и телеграммах этих недель попытку осветить русскую революцию, как социальный переворот. «Юманите», подобно всей буржуазной прессе, видела в нем только нежелательный в о е н н ы й э п и з о д, препятствующий делу борьбы с немцами.

«Юманите» с середины декабря предоставляет всем русским контрреволюционным организациям место на своих страницах и печатает протесты против большевиков. 28-го ноября протестует Комитет Обороны, который не желает признавать власти кучки узурпаторов. Комитет Обороны со всей силой протестует «против акта, который направлен на ухудшение отношений к России западных демократий. Комитет надеется, что тем самым он защищает интересы демократии всего мира». Протест заявляет также «Лига защиты русской революции», «Синдикат русской прессы во Франции» и т. д., и т. п. А когда 30 ноября открылась конференция союзников, Самба призывает союзников не забывать о том, что Россия в продолжении нескольких лет защищала дело Антанты.

«Юманите» продолжает клеветническую кампанию против революционной России и в то же время не желает отказаться от возможности найти какое-то соглашение с максималистами. Самба в статье «Конференция союзников и Россия» отмечает, что буржуазные газеты рады отсутствию России на конференции, и спрашивает одновременно, находится ли русский народ в стане Ленина и Троцкого. Только 2-го декабря на страницах «Юманите» появляется сообщение о социальных преобразованиях новой революции, об отмене уголовного кодекса. «Юманите» с ужасом отмечает, что

в России будут теперь судить на основании революционной совести, и сотрудник социалистической газеты пишет: «наскелько мне известно, в истории это делал только Людовик IX, но он был святой». Попытка большевиков отменить уголовный кодекс — анархия. В том же номере помещена статья известного Homo (Грумбах) «Ленин и Шейдеман». Нс то пытается убедить читателей в том, что большевики встречают сочувствие у представителей германской социал-демократии. А 3-го декабря А. Тома утверждает, что если большевистская реакция торжествует в России, то в этом виноват, прежде всего, царский режим.

Долго ли, однако, будет продолжаться этот примирительный тон? Уже 4-го декабря, «Юманите» трепетно отмечает начало террора против социалистов-меньшевиков. 5-го декабря Кричевский в корреспонденции, озаглавленной «Coup d'Etat militaire», убеждает читателей «Юманите», что в день Октябрьской революции «рабочие спали», и на улицах Питера не видно было пролетариев. Переворот 7 ноября дело преторианцев, солдат и трусов, не желавших итти на фронт. Их собрали большевики под лозунгом: «не выводите гарнизон из Питера». Если существовала красная гвардия, то она была составлена из люмпен-пролетариев и рабочей молодежи. Только 19-го декабря социалистическая партия Франции опубликовала манифест, обращение к русским социалистам с изложением своего отношения к Октябрьской революции. Мы передадим здесь кратко содержание этого исторического документа, чтобы снова убедиться в том, что для социалистов-соглашателей, как и для буржуазии, октябрьская революция была загадкой. «Нет необходимости напомнить, читаем мы в воззвании, какими словами энтузиазма и надежды социалисты Франции приветствовали русскую революцию с первых ее шагов. Уже в первые часы после получения известия о победе народа в России мы перед нашим парламентом, как и на всех конференциях, не переставали подчеркивать наше согласие с основными формулами справедливого мира, быстрого и прочного, чьи принципы провозглашены были новой Россией». В настоящее время социалисты с отчаянием видят, что большевики стремятся к сепаратному миру. Подобное решение может только оказать помощь центральным державам, может приготовить их военный триумф и помочь им диктовать свои условия всему миру. Решение о сепаратном мире поможет также намерению всех врагов демократии и социализма всего мира, помогая им ссылаться на русскую революцию, как на образец дезорганизации и деморализации. «Мы знаем всю жестокую несправедливость некоторых суждений о русской революции, читаем мы дальше в манифесте. Те, кто их произносят забывают, однако, что истинным и прямым ответчиков за все зло является старый режим, режим царизма, который вызвал столько ненависти в душах преследуемых и всех тех, кто борется за свободу на русской земле. Царизм подготовил также печальные недоразумения между вашей страной и нашей демократией уже с момента ее рождения». Франко-русский союз, читаем мы дальше в воззвании, однако, не был лишь актом царского правительства и буржуазии Франции. Французские социалисты в националистическом увлечении утверждают, что франко-русский союз был прямым результатом Франкфуртского дого-

вора 1871 г., результатом варварского торжества Германии над Францией. И дальше «Те, кто, не желая отдавать себе отчет в ужасных затруднениях, в которых вы находитесь, стремятся обратить всю их политику против демократии и социализма, забывают, что царизм создал почву для дезорганизации и поражения, что он вызвал голод и что его гнилость порождала часто предательство и разрушала Россию. Только через разрушение царской России страна может возродиться». «Мы этого не забываем»,—заявляет социалистическая декларация, «но мы знаем в то же время также и те упреки, которые могут быть брошены нашим правителям за их политику во всем мире, политику, которая находилась на службе у царя и его советников. Мы не забываем также и недавних ошибок, совершенных нашими правителями, которые после поездки в Россию — А. Тома, Муте, Кашена и Ляфона, помешали Интернационалу воспользоваться единственным средством спасения, организацией Стокгольмской конференции, о необходимости и полезности которой мы думаем все время. Наши правители помешали нам войти с вами в более тесный контакт. Они препятствуют нам связаться с вами, чтобы вместе добиться от всех правительств уважения к правам народов, уважения к договорам и перенесения всех конфликтов на их суд!». Правители Антанты несут ответственность за анархию в России. «Но что значат все эти ошибки по сравнению с намерением заключить сепаратный мир. Западная демократия, за которой русская демократия, их младшая сестра, не имеет права отрицать долгих исторических усилий, если даже эта демократия и не является социалистической, западные демократии, как и американская демократия, чью идеалистическую силу русские не могут отрицать, будут чувствовать себя под угрозой войны», благодаря слабости, изолированности их великого союзника. Германия, поддержанная своими союзниками, отказывается ознакомить мир со своими военными целями. Пролетариат центральных держав не завоевал себе еще политической свободы. Его жертвы не дали ему возможности добиться ни всеобщего голосования, ни парламента, ни ответственного министерства. Народы вражеских стран не выразили в государственных актах своей воли, воли борьбы с империализмом. Именно поэтому-то демократия России теперь больше, чем когда-либо, должна защищать свободу западных демократий. «Есть в войне ужасная логика, заявляет социалистическая декларация, эту логику почувствовали Советы, когда об'явили о своей воле к всеобщему миру и сказали: «мы требуем от Германии об'явления целей войны, а от германских социалистов подобного нам акта, т.-е. совершения революции». Но они не получили ответа ни с одной ни с другой стороны. Мир может быть только справедливым. Он должен быть длительным миром, и он может быть таковым только после победы демократии и воли народов над правителями центральной Европы. Сепаратный мир не может быть таковым. Заключенный русскими социалистами, он дает возможность утверждать, что революционная Россия отрицает свои собственные формулы, отвергает права народов и ни во что не ставит судьбу малых наций. Это создает полнейшее моральное разочарование, и интернациональный социализм, благодаря сепаратному миру, понесет серьезное поражение. Мы надеемся, замечает декларация, что русские социалисты не возьмут на

себя этой ответственности, и что с их помощью Россия поднимется из той пропасти, в которую ее ввергло царское правительство. Французская социалистическая партия пытается выступить в роли «честного маклера». «Великие усилия русских социалистов, заявляет манифест, должны быть едины, разногласия, которые их разделяли еще накануне войны, парализовали их волю, эти разногласия должны прекратиться. Должна быть создана единая русская социалистическая партия, так как, в случае разногласий в рядах русских социалистов, победа реакции неминуема, а от нее будет страдать весь мир». В России должен быть установлен нормальный режим. И единственно— Учредительное Собрание может дать ей спасение. Оно единственно может дать русским возможность утверждать, что революционная власть управляет для народа и через народ. Оно единственно может дать другим народам гарантию того, что Россия может и призвана играть решающую роль в интернациональных событиях. Отвергнув сепаратный мир, Россия сохранит свою честь и не даст немецким империалистам уничтожить дело европейской демократии. Социалистические элементы России приложат все свои силы, чтобы установить республику, и помогут прогрессу социализма во всем мире. «Мы, французские социалисты, находясь, благодаря буржуазии, в тяжелых условиях, с полным сознанием нашей ответственности, считаем себя в праве обратиться к нашим русским товарищам с этой дружественной декларацией. Мы не отказываемся признать, что мы также сознаем широту и ответственность наших собственных задач». Но французские социалисты не делают ничего, что могло бы ослабить сопротивление армии и французского народа. Требовать справедливого всеобщего мира это не значит ослаблять обороны страны. Наоборот, энергично заявлять правительствам союзников о необходимости точно формулировать цели войны, значит создать гарантии для того, чтобы великая война 1914 года действительно послужила интересам народов. Необходимо доказать, что народы Европы проявляют волю к миру подобно русскому народу. Жертвы, которые союзные народы приносят на фронтах, это жертвы в интересах всей демократии.

Таково содержание декларации, в которой французская социалистическая партия выразила свое отношение к октябрьской революции в декабре 1917 года. Как мы видели, она расценивает ее исключительно как эпизод войны и всецело поддерживает программу социалистов контр-революционеров в России. Соглашатели не видят социального значения переворота и зовут русских рабочих продолжать дело империалистической войны. Но необходимо отметить, что социалисты не достаточно энергично возражают против интервенционистских планов, которые в это время начала разрабатывать буржуазная пресса. Самба 21 декарбя в статье «L'Appel aux russes», раз'ясняя принятую декларацию, обращается к своему правительству со следующими словами: «Чтобы мы могли действовать в России, необходимо, чтобы наше правительство не связывало нас по рукам, так как в этом случае нам угрожает великая опасность — немцы используют Россию».

Соглашательская социалистическая пресса в своем отношении к Октябрьской революции немногим отличалась от буржуазной печати. Предоставляя право буржуазии разрабатывать планы вооруженной интервенции.

социалисты требовали для себя автономии по разработке планов моральной интервенции. В буржуазной, как и социалистической прессе, мы находим ту же скудость мысли и шовинистическую близорукость. Но рабочая Франция, кроме соглашательской газеты «Юманите», имела свою прессу, которая страдала от преследований цензуры и которая в годы войны вела подпольное или полулегальное существование. С одной стороны, самой крупной газетой, об'единявшей социалистов меньшинства, пацифистов и левых циммервальдистов, был « Journal du Peuple ». Но на ряду с этой газетой существовали в 1917 г. и другие более левые. Среди них «Union des Métaux», профессиональный орган Мерргейма, солдатская газета « Tranchée republicaine », левый циммервальдистский орган « Populaire du cèntre» и т. п. Все эти газеты, подобно журналу Гильбо «Demain», который издавался в Женеве, стремились защитить дело революции внутри Франции и с самого начала взяли на себя защиту левых, а иногда и большевистских элементов революционной России. Отнюдь не вся левая рабочая пресса занимала одну и ту же позицию. «Journal du Peuple», самая крупная из этих газет, скорее сочувствовала меньшевикам-интернационалистам всех толков и в дни Октября не солидаризировалась с нашей революцией. В самой Франции только одиночки поняли Октябрь и стали на сторону Октября в 1917 году. Среди немногих журнал Гильбо «Demain» энергично распространял большевистские принципы среди европейского населения, говорящего на французском языке.

«Журналь дю пепль» уже с марта 1917 года солидизировался с революционными элементами России. В статье «La Russie et l'Europe» от 17-го марта 1917 года мы читаем: «русской революцией открыта новая эра в европейской истории». И в то время, как вся буржуазная и соглашательская Франция сравнивала февральскую революцию с Конвентом, а деятелей ее с вождями революционного правительства второго года, «Журналь дю пепль» с полным основанием говорил о феврале 1917 года, как о революции 4-го сентября 1870 года. Основные статьи о России в «Журналь дю пепль» принадлежали Раппопорту и Суварину. И тот и другой не переставали из номера в номер повторять — «спасение России в созыве Учредительного Собрания». Правда, революцию сделали рабочие, и власть попала в руки либералов, правда, классовое столкновение между буржуазией и пролетариатом неизбежно и революционеры социалисты должны стремиться к тому, чтобы вслед за смертельным ударом царизму нанести подобный же удар буржуазии, но путь к победе пролетариата один, — «Учредительное Собрание!» «Convoquez la Constituante! Sauvez la Russie» из номера в номер повторяла газета.

«Журналь дю пепль» в майском номере протестовал против того, что социалисты большинства в лице Альберта Тома представляют в России рабочую Францию и доказывал, что Ленин не шпион и что утверждения «Матэн» являются очередной ложью буржуазной прессы. На страницах «Журналь дю пепль» героями революционной России являются Мартов и Чернов, и в то же время газета не решается об'явить войну большевикам. Межеумочная позиция газеты не дает ей возможности правильно ориентироваться в событиях. И с июльских дней вплоть до октября, на ряду с сочувственным отно-

шением к большевикам «Journal du Peuple» пытается убедить их в необходимости отказаться от крайностей. С одной стороны — Керенский, Церетелли, Скобелев и Чхеидзе являются спасителями русской революции, а с другой—защита Ленина, как «талантливого и фанатично настроенного социалиста». Даже после июньского наступления и после разгрома июльского восстания газета все еще восторженно отзывается о Керенском. Он, по словам сотрудника газеты, Фабра, ведет упорную борьбу с неистовыми, крайними элементами, не несущими ответственности за события. Газета зовет к единству и к скорейшему созыву Учредительного Собрания.

Ленин, по словам «Журналь до пепль»,—фанатик. Его основная ошибка в том, что он сторонник «250 километров в час». Газета перечисляет все крайности Ленина. Он видит выполненной всю свою программу-минимум и готов итти дальше. С июля месяца «Журналь дю пепль» начинает развивать меньшевистскую программу, а в августе газета утверждает, что Ленин и Чернов «оба за социальную революцию», что они оба сторонники утопического социализма. По словам Раппопорта, русская революция — это революция демократическая с социалистической ориентацией. В сентябре и октябре «Журналь дю пепль», несмотря на весь свой интерес к русским событиям, больше интересуется вопросами внутренней политики Франции, и только в начале ноября число корреспонденций о России, о росте и усилении большевиков увеличивается. Наконец, 10-го ноября и здесь было опубликовано сообщение о победе большевиков. Слово получает Шарль Раппопорт, он утверждает, что революция в России — это дело Ленина, Троцкого и Мартова—версия, которую вскоре сам Мартов отклонил особым письмом в соц. прессе. Характерно, однако, что для французских социалистов важно было убедить умеренное социалистическое движение Франции в том, что Ленин и Мартов союзники. Ш. Раппопорт напоминает, что Маркс был противник провозглашения Коммуны 1871 года и что, если Россия не поспешит с созывом Учредительного Собрания, то их конец будет одинаков. Б. Суварин в краткой заметке от 10 ноября 1917 года спрашивает: «удастся ли большевикам выполнить свои проекты?» Он не находит ответа. Б. Суварин заявляет: «Октябрьская революция—это не победа Ленина, а победа ленинских тезисов». Но особенно редакция газеты смущена после первых сообщений о том, что большевики—враги меньшевиков, что они ведут борьбу с ними. 10 ноября «Журналь дю пепль» заявляет: «**революция 7 ноября сделана нашими, но это не наша революция, она сделана социалистами, но она не социалистическая революция**».

К сожалению, и другие социалистические газеты Франции не шли дальше взглядов «Журналь до пепль», и если не считать отдельных голосов среди некоторых лево-синдикалистских и революционно-социалистических элементов, то Франция вся от крайне-правой до правой и центра циммервальдистов не поняла Октября, а до масс известия о социальных преобразованиях Октябрьской революции не доходили. Только в 1918 году, как только удалось довести до сведения масс об этих преобразованиях, французское рабочее движение заставило лево-социалистические элементы взять на себя защиту Октября. В начале 1918 года левые циммервальдцы в своем органе

«La Plèbe» опубликовали декларацию, которая означала начало коммунистического движения Франции. В декларации мы читаем: «Вот уже четвертый год во всех странах Европы наступили сумерки иерархической цивилизации буржуазии. Она стремится, правда, восстановить все старое на новых началах. Но напрасно! Плотину, которую буржуазия открыла, она не сможет закрыть. Кровь сомнет и сорвет все на своем пути. Великие среди буржуазных идеологов Вильсоны, Лансдоуны и парламентские социалисты пытаются спасти буржуазную цивилизацию. Но она мертва. Социальная машина с 1914 года готова на слом. Что будет завтра? Быть может начнется великая эра империалистического феодализма, чье здание будет воздвигнуто на основе жесточайшей тейлоризации масс. Но возможно, что пролетариат поймет и захочет, чтобы завтрашний день был его днем. Поймет и захочет. Борьба классов сегодня более, чем когда-либо, обострилась»....

Таков скудный материал, который дает нам французская пресса «об Октябре» за июль — декабрь 1917 года. Буржуазия Франции, подобно имущим классам всех государств Антанты, видела в русской революции эпизод войны 1914 — 1918 гг. Она мирилась с Керенским, поскольку он служил ее задачам. Она предпочитала ему Корнилова и Каледина, когда «русский Ламартин» оказался не более сильным, чем его оригинал. Пользуясь «анархией» в России, Франция энергично готовилась к мирным переговорам. Но она не могла примириться с Октябрем, а когда буржуазия увидела, что революция «больши—виков» стремится к миру и социальному перевороту, она поставила тогда в порядок дня интервенцию. Правительство Клемансо 8 ноября 1917 года было прямым ответом французской буржуазии на Октябрь: это была диктатура штыка и нагайки. Против воли «Юманите» медленно проникающие в рабочие массы сведения об Октябре, вызывали не только взрыв симпатий и «сочувствия» к русской революции, они поставили вопрос об активном содружестве французских и русских пролетариев. Это было «питательной средой» для организации III-го Интернационала.

А. Шестаков

Всероссийский Крестьянский союз

Исторический очерк

Крестьянский вопрос в нашу эпоху стал большой научной проблемой. Роль крестьянства в грядущих социалистических революциях в Европе и в Америке, крестьянская борьба в Китае и в других зависимых и колониальных странах Востока, значение крестьянских революций в социалистической борьбе пролетариата России, союз крестьянства и пролетариата в СССР, — все это темы еще не написанных монографий, имеющих актуальное политическое значение для наших дней. Для этих монографий нужна предварительная разработка отдельных более детальных вопросов. Из них в настоящем очерке мы имеем возможность сосредоточить внимание читателя на одной из крестьянских организаций, действовавших в русских революциях 1905—7 г.г. и 1917 г., — на Всероссийском Крестьянском союзе. Выбирая этот сюжет, мы имеем также в виду злободневность вопроса о Крестьянском союзе, за восстановление которого вели и ведут до сих пор агитацию среди крестьянства разного рода инородческие, особенно зарубежные, группировки.

В нашей работе использованы исторические документы, оставшиеся в наследство от Крестьянского союза, статьи главных деятелей Союза и других авторов, писавших о нем. Поднятая за последние годы бывшим председателем союза — С. П. Мазуренко кампания в «защиту» Крестьянского союза против «извращений», якобы допущенных автором этих строк в работах о Крестьянском союзе, тоже имеет несомненно злободневное политическое значение и вскрыть неправильность утверждений С. П. Мазуренко является одной из попутных задач настоящего очерка.

Поскольку деятельность Крестьянского союза имела место и в 1917 г., постольку очерк связывается и с десятилетним юбилеем Октябрьской революции.

Крестьянский союз зародился в период первой русской революции 1905 г. — то-есть, на том этапе развертывающейся борьбы пролетариата, когда завязывался союз рабочего класса со всей крестьянской массой против остатков крепостничества, против помещиков и дворянско-помещичьей власти. Пролетариат добивался осуществления своих задач путем организации своих сил под руководством революционной социал-демократии, пере-

ходя от территориальных стачек и демонстраций к всеобщим массовым стачкам по всей стране и, наконец, к вооруженным восстаниям, ставившим себе целью захват политической власти и установление революционной диктатуры пролетариата и крестьянства. Крестьянские массы вели распыленную борьбу с помещиками в плоскости захвата их земель путем бойкота, забастовок, разгромов, захватов инвентаря и т. п. Крестьянская революция тащилась в хвосте пролетарской, оплодотворяясь ею, копируя ее формы и методы борьбы, но все же далеко отставая от нее и особенно в отношении понимания задач и значения политической борьбы.

Основное содержание борьбы пролетариата в революции 1905 года по своим целям сводилось к максимальному продвижению по пути борьбы за социализм. Крестьянская революция таких целей себе не ставила, ограничиваясь требованиями уничтожения помещичьего землевладения и политических реформ и являлась поэтому типичной буржуазно-демократической революцией, которую рабочий класс считал необходимым поддерживать, так как она помогала осуществлению и его задач в революции.

Отсюда берет свое начало и постановление 3-го с'езда большевиков «о самой энергичной поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель», выдвижение в 1906 г. лозунга национализации земель и т. п.

Отсюда исходил и тот «горячий привет Крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний, за полную волю и за всю землю», который посылал союзу В. И. Ленин в ноябре 1905 г.[1].

Крестьянский союз в революции 1905 г. несомненно отражал с одной стороны настроение широких масс революционного крестьянства и с другой — идеологию и тактику тех руководителей крестьянства, которые в качестве мелкобуржуазных демократов пытались разрешить задачи крестьянской революции далеко не революционными путями.

С этой точки зрения самая история возникновения Крестьянского союза дает очень многое для оценки роли крестьянства в союзе и особенно для характеристики его лидеров. В имеющейся литературе о Крестьянском союзе есть два варианта о времени возникновения союза и о политических кругах, среди которых было положено начало созданию Союза.

В статье братьев С. и В. Мазуренко[2] сообщается: «выдвинутое Плехановым в номере «Дневника Социал-Демократа» (№ 1, март, 1905 года) требование борьбы за «Черный передел» — и привело нас к мысли об'единить крестьянское революционное движение того времени на основе требований деревни полного передела земли», так как «когда писался этот призыв старого вождя социал-демократии, наша с.-д. партия, как известно, еще не сошла со своей программы «минимума» по аграрному вопросу и нам,

[1] Собр. соч. т. VII ч. I. стр. 20, изд. 1925 г.

[2] «К истории крестьянского движения 1905 г.», журн. всеукр. совета всесоюзн. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев—«Пути революции» № 4 (7) 1926 г. стр. 11—43.

работникам на местах, членам этой партии, приходилось выступать в крестьянском движении 1905 г. на свой личный риск и страх». Далее бр. Мазуренко сообщают, что они были авторами типового крестьянского приговора, составленного ими весной 1905 г. и об'единившего на Дону до 200.000 крестьян. В этом приговоре выдвигалось требование: «необходимо уничтожить частную собственность на землю и передать все частновладельческие и другие земли в распоряжение всего народа. Землей должен пользоваться только тот, кто своей семьей или в товариществе, но без батрацкого труда будет ее обрабатывать»... Таким образом, донские деятели Крестьянского союза выдвигали эсеровскую программу социализации и очень странны их дальнейшие указания, что эта программа была «аграрной программой Украинской с.-д. рабочей партии, выдвинутой Донской группой социал-демократов» [1].

Как известно, Украинская с.-д. рабочая партия вышла из рядов Революционной Украинской партии на 2-м с'езде РУП только в конце 1905 г. [2] и таким образом совершенно непонятно, каким образом появилась у бр. Мазуренко весной 1905 г. аграрная программа несуществовавшей с.-д. партии. Может быть они смешивают с ней РУП, основателями которой, по словам Риша, «на ряду с социалистами были и просто радикалы» [3], и аграрная программа которой действительно отличалась от программы РСДРП [4]. Между прочим, вышедшие в начале 1905 г. из РУП с.-д. — организаторы Укр. С.-Д. Союза — Спілки — и в их числе один из братьев Мазуренко, Виктор, характеризовали РУП, как мелкобуржуазную партию, пропитанную национализмом [5].

Все эти украинские с.-д., начиная со Спілки и кончая УСДРП в своей деятельности сталкивались главным образом с меньшевистской частью РСДРП. «Поэтому во всей своей работе они приспособлялись к меньшевистскому оппортунизму. Во всех конфликтах, возникавших между революционной частью партии и ее оппортунистическим крылом, «Спілка» становится на стороне меньшевиков» [6]. «УСДРП, по примеру Бунда, выдвигала идею единственного представительства украинского пролетариата в РСДРП» и т. п. [7].

Это обстоятельство косвенно подтверждается и статьей бр. Мазуренко—Семена и Василия, которые были членами Украинской с.-д. партии. «Мы установили связи, — пишут они... с семьей Махновец, Серафимовичем, бр. Петровскими, С. И. Гинзбургом, Шепкаловым и др. По их приглашению нами был организован также казачий революционный союз. Приговор этого союза напечатан в «Правде» № 42 (за 1905 г.)» [8].

---

[1] «Пути революции» № 4 (7), 1926 г., стр. 12

[2] М. Равич-Черкасский. «История коммунистической партии (б-ков) Украины». Изд. Укр. 1923 г., стр. 31

[3] Очерки по истории Украинской с.-д. «Спілки», стр. 11.

[4] Равич-Черкасский—стр. 28.

[5] Революция и КП (б) У. т. I, стр. 509.

[6] Там же, стр. 510

[7] Равич-Черкасский, стр. 33.

[8] Этот приговор между прочим весьма характерен для определения политической физиономии их составителей. В приговоре, составленном 14 октября 1905 г., выдвигались требования: созыва государственной думы, политических свобод, про-

«Послали также нашим однопартийцам, продолжают свой рассказ бр. Мазуренко, — по б. Союзу Русских Социал-Демократов В. П. Акимову, Б. Н. Кричевскому, А. С. Мартынову и др. приглашение приехать на Дон для совместной выработки программы Крестьянского союза»[1].

В. П. Акимов—Махновец откликнулся на это приглашение и принял участие в деятельности Крестьянского Союза на Дону.

Все эти факты указывают, что у колыбели Крестьянского союза стояли люди без достаточно революционной пролетарской закалки, сбивавшиеся то к эсерам, то к меньшевикам, от которых было рукой подать, к радикалам типа Богораза—Тана и его друзьям из московского общества сельского хозяйства, где зарождался второй центр Крестьянского союза.

Некоторые подробности об этом рассказывал на докладе в обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев весной 1927 г. А. И. Перес[2]: «мысль о Крестьянском союзе возникла в московском сельскохозяйственном о-ве. Помещики и правая часть общества хотели использовать крестьянство, как контрреволюционную силу, против чего выступила интеллигентская группа с.-х. общества — радикальные агрономы, адвокаты, земские врачи и т. п. С. Блеклов — статистик—в очерке деятельности союза сообщает, что весной 1905 г.: «Московская администрация и разные местные деятели консервативного толка, в особенности известный своими охранительными тенденциями г. Самарин, предпринял весьма любопытную попытку учинить опрос мнения крестьян по разным злободневным вопросам современной жизни. Заботою устроителей этого опыта было... набрать коллекцию таких отзывов, которые дали бы опору их собственным реакционным вожделениям.... Устраиваемые ими совещания с крестьянами носили весьма секретный характер, исключавший возможность гласности. На эти совещания приглашались лишь надежные крестьяне, нарочито для данной цели отобранные земскими начальниками и другими своими людьми. Все обещало дать прекрасную декорацию искомого «голоса страны», расписанную в ярко патриотическом стиле. Попытка г. Самарина и К° потерпела, однако, повидимому, полную неудачу. Может быть на совещаниях отборные благонамеренные мужчики и дружно поддакивали «господам» и «начальству», но тут произошло то непредвиденное осложнение, что, когда слух об этих совещаниях и о приглашении на них некоторых избранных распространился среди крестьян, они высказали весьма большой интерес к ним; многие, не доверяя избранникам начальства, стали делать попытки проникнуть на эти совещания, чтобы высказать свое мнение, вероятно, нежелательное для «самаритян». Патриотических дел мастерами делались, кроме того, попытки склонить некоторые сельские общества Московской губернии к составлению приговоров и адресов по предначертанному шаблону[3].

грессивно-подоходного налога, обязательного обучения детей на государственный счет, отмены сословий, самоуправления, политической амнистии, и по земельному вопросу—«землю нашу должны возвратить в общее пользование всего казачества на условиях, установленных народными представителями»... Эта программа, как видите, не имеет ничего общего с с.-д. программами того периода.

[1] «Пути революции» № 4 (7), стр. 13.

[2] Запись не стенографическая.

[3] «Право» № 35 от 4/X—1905 г.

Радикальные деятели из московского с.-х. общества в противовес этому созвали в Москве 5 мая 1905 г. на Хитровом рынке в канцелярии хитровского попечительства совещание крестьян Московской губернии, которое, под влиянием происходившего тогда среди интеллигенции течения в сторону образования профессиональных союзов, постановило известную резолюцию об организации Крестьянского союза [1].

Резолюции этого с'езда были напечатаны в газетах и широко распространились по всей России. По деревням и селам стали возникать местные организации союза и 31 июля — 1 августа в Москве состоялся его первый учредительный с'езд. Об этом с'езде в исторической литературе уже писалось не раз, имеется несколько изданий «протоколов», в том числе одно редактированное Главным комитетом союза.

Поэтому подробно на решениях с'езда останавливаться не будем и отметим лишь наиболее важные из его организационных, программных и тактических постановлений.

Прежде всего должен быть поставлен вопрос насколько правы организаторы союза, называя его «вольной внепартийной организацией» типа советов Рабочих Депутатов [2].

Мы склонны полагать, что с самого же начала своего возникновения Крестьянский союз выступил в качестве политической партии. Основания для этого утверждения следующие: 1. В организационном построении союз копировал политические партии; а) выдвигая индивидуальное членство — с требованием признания программы союза и уплаты членских взносов; б) на с'езде подробно дебатировался вопрос о допущении в члены союза интеллигентов, помещиков (были предложения допускать в члены союза собственников участков, владеющих не более 50 десятин и т. д.; в) установление с'ездов — общих всероссийских, областных и губернских из членов союза; г) избрание главного и местных комитетов союза с исполнительными функциями; д) обязательность постановлений с'ездов для членов Союза, что устанавливало своего рода партийную дисциплину и т. д. 2. Учредительный с'езд принял основные разделы программы: а) о политических свободах и амнистии; б) высказался за необходимость созыва учредительного собрания и впоследствии постоянно действующей Государственной Думы, (при чем при голосовании вопроса о праве женщин быть избираемыми в государственные учреждения небольшая часть делегатов высказалась против распространения этого права на женщин, затем было постановлено лишить избирательного права всех находящихся на действительной военной службе); в) в аграрной программе установлены положения: об отмене частной земельной собственности, конфискации монастырских, церковных, удельных кабинетских и государственных земель, об отобрании земель у помещиков— «частью за вознаграждение, частью без вознагражде-

---

[1] Учредительный с'езд Всероссийского Крестьянского союза. Изд. Гл. К-та Всерос. Крест. союза, стр. 5.

[2] Такую характеристику союза дает С. П. Мазуренко в брошюрке «Крестьяне в 1905 г.»: «необходимо было в то время создать широкую внепартийную организацию, которая об'единяла бы в своих основных требованиях всю крестьянскую трудовую массу» (стр. 50).

ния», о национализации земель, но с проработкой вопроса на сельских сходах; г)по народному образованию — обязательность нисшего образования за счет государства и т. п., д) по местному самоуправлению и е) суду — в духе демократизации их и т. д. 3. По тактическим вопросам учредительным с'ездом была принята следующая резолюция: «Признать, что деятельность Крестьянского союза в зависимости от местных условий может быть открытая и тайная (конспиративная). Все члены союза должны распространять свои взгляды и осуществлять свои требования всеми возможными способами, не стесняясь противодействием земских начальников, полиции и др. начальств. Настойчиво советуется пользоваться своим правом составлять общественные приговоры на сельских и волостных сходах и частных собраниях об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [1].

Таким образом, уже летом 1905 г. перед нами выступает, наметившая в основном свою организационную структуру, программу и тактику определенная политическая партия, наименовавшая себя Крестьянским союзом. В этой партии преобладающее ядро лидеров—мелкобуржуазные демократы, убоявшиеся включить в программу требование демократической республики [2], высказаться решительно за конфискацию помещичьих земель без выкупа, предложившее крестьянству весьма умеренную тактику составлять общественные приговоры и т. п.

В дальнейшем с ростом рабочего и крестьянского движения под давлением крестьянских революционных масс лидеры союза несколько левеют, что и выявляется в ноябрьские дни 1905 г., когда созывается второй с'езд союза (6—10 ноября), на котором участвовало до 200 делегатов от крестьян 27 губерний.

Ноябрьский делегатский с'езд Крестьянского союза принял ряд тактических резолюций, отчасти повторив те программные положения, которые были приняты на учредительном с'езде. Это относится прежде всего к резолюции по земельному вопросу, где снова было подчеркнуто требование «перехода земли в общую собственность всего народа с тем, что пользоваться ею будут те, кто будет обрабатывать ее силами своей семьи, без наемного труда» [3].

Из этих мероприятий, предлагавшихся с'ездом крестьянству, можно судить прежде всего о заимствовании союзом пролетарской тактики и косвенное одобрение тех форм борьбы, которые практиковали крестьяне, в некоторых губерниях, применяя к помещикам тактику бойкота и забастовок. Кроме того, из анализа этих мероприятий видно, что при постановке вопроса о забастовке, как средстве получить от помещиков земли, вопрос о

---

[1] Постановления 2-х с'ездов Российского Крестьянского союза в 1905 г. (брошюра без даты).

[2] Предложенное автором этих строк, выступавшим на с'езде в качестве представителя Московского комитета партии большевиков. По поводу моих выступлений на этом с'езде по аграрному вопросу С. П. Мазуренко допущен ряд недобросовестных искажений принципиального характера, о чем мною было заявлено на диспуте в о-ве политкаторжан 14 апреля 1927 г. В настоящей статье я не считаю необходимым занимать внимание читателей этой личной полемикой.

[3] Всероссийский Крестьянский союз. Постановления С'езда Крестьянского Союза. Изд. Сев. Обл. Бюро содействия Крест. союзу. С. П. 1905., стр. 6.

батраках ставился в чисто пассивной форме. Батраков надо использовать, как орудие борьбы, а для этого кормить их. О дальнейшей судьбе батрачества ни одним из делегатов вопрос даже не был затронут в длительных прениях, занявших 2 дня с'езда. Отюсда ясно, что союз был организацией мелкой буржуазии деревни и только[1]. Вопрос о решении земельного вопроса «забастовкой», как увидим далее, также явился характерным для методов борьбы этой организации.

Далее в той же резолюции по земельному вопросу говорилось: «установить законодательным путем прочное справедливое и согласное с волей народа земельное устройство должно Учредительное Собрание, созванное для установления основных законов государства... Закон о созыве Учредительного Собрания должен быть об'явлен немедленно». В дальнейшей части резолюции по земельному вопросу тактика союза чрезвычайно неопределенна. В ней говорилось, что «крестьянство, об'единенное в один великий всероссийский союз, добьется удовлетворения своих требований. Для того, чтобы требования крестьян в их борьбе за власть и землю шли правильно и крестьянским интересам не было причинено вреда чьими-либо ошибочными действиями, Крестьянский союз возьмет на себя руководство делом и войдет в соглашение с нашими братьями — рабочими, городскими, фабричными, заводскими, железнодорожными и другими союзами, а также организациями, защищающими интересы трудящихся классов». Из этих пунктов резолюции видно стремление союза, как политической партии, взять на себя руководство крестьянской революцией, для каковой цели намечались блоки с рабочими организациями союза и с теми партиями, которые защищали интересы трудящихся классов, при чем вопрос о блоках намеренно затушеван.

Относительно мероприятий, которые должны были ускорить разрешение земельного вопроса, с'езд постановил принять следующие шаги: «а) не покупать совершенно земли у владельцев; б) не брать ее в аренду; в) не входить ни в какие земельные договоры с владельцами; г) в случае, если требования народа не будут исполнены, Крестьянский союз прибегнет к общей земледельческой забастовке, именно: откажет владельческим хозяйствам всех наименований в рабочей силе и тем закроет их. Для организации же всеобщей забастовки Союз войдет в сношение с городскими рабочими. Союз должен принять на себя заботу о пропитании батраков во время общей забастовки».

В конце резолюции по земельному вопросу с'езд указывал, что «на преследование Крестьянского союза, имеющего целью осуществить народные требования с наименьшими жертвами (курсив мой, А. Ш.), союз ответит отказом в уплате податей и поставке рекрутов и запасных, потребует из сберегательных касс и банков все свои вклады и крестьянские капиталы и закроет все винные лавки. На основании всех сведений, полученных со всех концов России, с'езд заявляет, что он предвидит: неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям

[1] См. об этом «Протоколы делегатского совещания Вс. Кр. союза 5—10 XI в Москве», особенно стр. 91—93.

и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась [1].

Эта резолюция была принята после очень длительных и бурных прений. Лидеры с'езда решительно высказывались против тактики вооруженного восстания. Так член бюро 1-й говорил: «Крестьянский союз должен стремиться к об'единению крестьянства без призыва к вооруженной борьбе» [2].

В таком же духе выступали с речами председатель с'езда, член бюро 4-й и многие из делегатов. Так, делегат Воронежской губернии II-й, интеллигент, заявлял: «никогда Крестьянский союз не может выставить на своем знамени насилие... Когда мы видим людей, охваченных бессознательным революционным движением, которые идут грабить помещичью усадьбу и разносить его дома, мы должны сказать им: ведь помещик такой же человек. Пусть земля принадлежит всем, но нельзя гнать человека из того дома, в котором он вырос и в котором выросли его отец, дед» [3]... Эта «мягкотелость» лидеров союза вызвала ряд возражений со стороны делегатов из наиболее революционных губерний. Даже лидер эсеров В. М. Чернов, никогда не отличавшийся боевым темпераментом, выступил с заявлением такого рода: «Партия (с.-р.) не может согласиться, что следует возложить на Учредительное Собрание разрешение всех назревших вопросов. Рабочие и интеллигенция не ждут осуществления своих прав Учредительным Собранием, а сами осуществляют эти права немедленно. Я предложил бы и здесь постановить, что дело трудящегося народа самому осуществить свои права на землю. Учредительному Собранию останется тогда утвердить эти завоеванные права. Что касается вопроса о мирном или насильственном способе борьбы, то и мы, конечно, стоим за мирный, но и не против насильственного, если к тому вынудит правительство».

Выступления эсеров вызвали большое неудовольствие среди «мирно-настроенных» руководителей союза и на этой почве произошел инцидент, вызвавший уход эсеров со с'езда, обвинявших председателя с'езда С. П. Мазуренко в оппортунистической тактике. Об этом факте, между прочим, сообщил С. П. Мазуренко в докладе 14 апреля 1917 года в Обществе Политкаторжан, указав, что эсеры после об'яснений с председателем вернулись на с'езд. В протоколах с'езда этот инцидент не нашел отражения. Он весьма характерен для половинчатости той тактики, которую проводили лидеры союза в период назревавших решительных событий, в период подготовки рабочих масс к вооруженному восстанию и революционных выступлений крестьянства в ряде губерний [4].

В эти же дни В. И. Ленин писал свою статью «Пролетариат и крестьянство», напечатанную в № 11 «Новой Жизни», от 12 ноября 1917 г.,

[1] Всер. Кр. Союз. Постановления с'езда Кр. Союза стр. 7.

[2] Протоколы делегатского совещания. Под ред. Центр. бюро Содействия Всер. Крест. Союза, стр. 72.

[3] Там же, стр. 68.

[4] Некий А. П., давая оценку тактики Крестьянского союза на ноябрьском с'езде, в брошюре «Всероссийский Крестьянский с'езд и молодое народничество» М. 1906 г. на стр. 12 писал: «К чести Крестьянского с'езда следует отметить, что большинство его делегатов мирно настроено, и проповедь насилия не встретила сочувствия».

в которой он «приветствовал Крестьянский союз за его решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний за полную волю и за всю землю». «Эти крестьяне, — писал Ленин, — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны раз'яснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединит общая великая борьба. Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны итти и пойдем вместе на борьбу до полной победы теперешней революции» [1].

Из анализа прений и резолюций делегатского с'езда Крестьянского союза можно видеть, что ошибок в понимании задач демократизма и социализма у лидеров союза и рядовых его членов было не мало и что В. И. Ленин, не знавший всех подробностей, имевших место на с'езде, был склонен несколько преувеличивать революционность этих демократов.

Это, между прочим, видно также из инцидента, который произошел на ноябрьском с'езде Крестьянского союза с представительством от Московского комитета партии большевиков, во главе которого стоял тов. Васильев-Южин.

В заседании 9 ноября на с'езд прибыла депутация от конференции районных социал-демократических рабочих организаций города Москвы, заявившая желание сделать запрос по поводу состоявшегося 7 ноября постановления с'езда о допущении представителей социал-демократической партии, как таковых, с правом совещательного голоса и словом, по предложению собрания. Прежде, чем их выслушать, с'езд предложил им войти в зал заседания и подождать в местах для публики «до окончания обсуждения резолюции о тактике». Ожидание затянулось, и депутация сделала новое заявление о том, чтобы с'езд выслушал ее немедленно, иначе она удалится, сложив свои полномочия. При обсуждении вопроса — заслушать ли представителей немедленно, было внесено предложение ограничить время их выступления. Перед заслушанием представителей социал-демократов председатель поставил на баллотировку вопрос о пересмотре решений 7 ноября о допущении представителей партии с совещательным голосом и со словом, по предложению собрания. Было решено остаться при прежнем решении. Представитель депутации большевиков заявил: «Товарищи — крестьяне! Третьего дня ваш с'езд постановил, что представители социал-демократической партии допускаются с правом совещательного голоса и словом по предложению с'езда. Я протестовал тогда, как представитель с.-д. партии, но безуспешно; вчера была созвана конференция, партийно-организованных московских рабочих — социал-демократов. Рабочие оскорблены вашим постановлением. Мы боролись за свободу и счастье всей России, за улучшение правого экономического положения всех, и крестьян. Рабочие поэтому постановили, что они не могут согласиться участвовать в с'езде при таком условии» [2].

---

[1] Собр. соч. т. VII, ч. I, стр. 20.

[2] «Протоколы делегатского совещания Всероссийского Крестьянского союза, стр. 81.

Прения, возникшие по этому вопросу, показали, что представители партии большевиков далеко нежелательные члены с'езда для огромного большинства делегатов. Депутацию допрашивали с пристрастием, признают ли социал-демократы большевики из'ятие земли из частной собственности, признают ли, что землей может пользоваться только тот, кто на ней сам трудится и т. д. Между прочим, председатель требовал ответа на вопрос: «признает ли ваша партия передачу земли в собственность народа немедленно в настоящее время?» По адресу депутации были такого рода заявления: «Я сочувствую товарищам — социал-демократам и утверждаю, что заветной мечтой их является принадлежность земли трудящимся, но дело в том, что социал-демократия мыслит эту принадлежность как завершение процесса триумфального шествия капитализма, теперь же это считает мечтой. Поэтому, стоя в вопросе о земле на разных плоскостях, мы не можем решать его совместно» (делегат Московской губернии, 9-й интеллигент). Другой делегат от Казанской губернии, тоже интеллигент, заявлял: «Социал-демократы желают разрушить общину, чтобы мироеды забрали в свои руки землю и поработили крестьянство». Делегат Харьковской губ. 3-й, (Сумского уезда) говорил: «рабочие не разделяют нашей программы; они борются за свои интересы, им нужны фабрики а земля нам». Представитель партии социалистов-революционеров указал, что в Петербурге «на целом ряде фабрик и заводов, несмотря на возражение социал-демократов, рабочие постановили о немедленной передаче земли всему народу на трудовом начале».

После такой демагогии было вполне ясно, что социал-демократам большевикам на с'езде говорить не дадут. Депутация по существу не настаивала на решающем голосе и соглашалась и на совещательный голос, но требовала права говорить, когда она считала это необходимым, а не тогда, когда бы позволили им это заправилы с'езда. Депутацией большевиков, по поручению конференции было оглашено на с'езде следующее постановление конференции партии:

«В виду того, что с'езд делегатов Крестьянского Союза согласился дать представителям российской социал-демократической рабочей партии право голоса лишь под тем условием, чтобы они говорили только тогда, когда их об этом попросят, конференция организованных рабочих Москвы, созванная 8 ноября Московским комитетом российской социал-демократической рабочей партии, постановила: если решение с'езда не будет отменено и представители партии не получат права говорить свободно, когда найдут нужным, официальных депутатов от партии не посылать. Об этом постановлении конференции немедленно довести до сведения с'езда. Но конференция полагает, что такое постановление с'езда состоялось лишь под давлением либеральных руководителей из бюро с'езда. Представители либеральной партии всегда враждебно относились к рабочей партии, боясь ее революционной деятельности в деле освобождения русского народа. С целью подчинить своему влиянию движение, либералы и основали Крестьянский Союз, чтобы внушить товарищам-крестьянам недоверие к рабочим и даже посеять вражду между ними. Грозная революция, которую начал и успешно

ведет до сих пор рабочий класс, не по вкусу либералам, выражающим интересы имущего класса, и потому они стараются задержать ее широкий размах и слащавыми речами о мирной борьбе остановить рвущийся к свободе и счастью рабочий и крестьянский люд. Вместе с тем конференция организованных московских рабочих горячо приглашает товарищей-крестьян с большим доверием относиться к рабочим и проникнуться убеждением, вынесенным рабочими из горького, кровавого опыта, что только силой, только дружной организованной борьбой в крепком совместном союзе крестьяне и рабочие добьются широкой свободы и коренного улучшения своего положения».

Недопустимой фальшью поэтому является заявление братьев Мазуренко о том, что в этом событии — уходе с ноябрьского крестьянского с'езда представителей московских большевиков «не было злого умысла со стороны бюро союза». «Как известно, — изворачивается теперь Мазуренко, — принцип вхождения революционных партий в беспартийные организации трудящихся лишь с совещательным голосом был установлен не этим бюро, а Петербургским Советом Рабочих Депутатов. Там никто против этого принципа не возражал и не протестовал, и мы, представители ВКС, наравне с большевиками и меньшевиками, пользовались там только совещательным голосом. Но московская организация большевиков почему-то ультимативно потребовала на с'езде Союза решающего голоса. Отказ с'езда в этом требовании и вызвал печальный инцидент — уход со с'езда названных товарищей» [1]. Это запоздалое заявление фальшиво потому, что, как видно из постановления конференции, большевики требовали не решающего голоса, а права говорить свободно, когда найдут нужным, а не тогда, «когда их об этом попросят».

В книжке Семена Мазуренко «Крестьяне в 1905 г.» [2] этот инцидент с представительством на с'езде Крестьянского Союза московских рабочих большевиков совсем упущен и вместо него указано, что «за время этого с'езда крестьяне установили тесную связь с рабочими Москвы, а также с всероссийским железнодорожным союзом» (стр. 56), (который, как известно, находился под идейным влиянием эсеров). Там же Семен Мазуренко пишет: «также горячо приветствовали с'езд московские рабочие, которые говорили: «Мы узнали о прибывших в Москву братьях-крестьянах, приехавших обслуждать свои нужды. Мы уполномочены московскими рабочими передать вашему с'езду огромный привет. Мы все становимся на ту почву, на которой стоят прибывшие на этот с'езд крестьяне, и готовы итти с вами нога в ногу до последней цели. Мы все свои, потому что мы все проливали свой пот, трудясь за кровожадное правительство и проливали кровь за свободу».... и т. д. [3].

С. Мазуренко в цитировании приветствия с'езда от московских рабочих допустил передержку, — опустив, прежде всего, указание, что это приветствие было прочитано от слушателей Пречистенских курсов для рабочих

[1] «Пути революции» № 4 (7) за 1926 г., стр. 20.

[2] Издание «Новая Деревня» М. 1925 г.

[3] Стр. 56—57.

и в речи делегатов курсов вместо слов «мы уполномочены московскими рабочими» в «Протоколах делегатского совещания» на стр. 95-й говорится «наши курсисты, в количестве 1.500 человек уполномочили нас принести огромнейший привет вашему с'езду» и т. д. Кстати, этот пример ловкости рук С. Мазуренко не единственный и ко всем его «историческим» писаниям надо относиться с большой осторожностью.

Таким образом, можно считать установленным, что делегатский с'езд Крестьянского Союза в отношении блока с большевиками вел совсем иную политику, чем с эсерами и разного рода политически-бесхребетными организациями вроде железнодорожного союза и т. п., и только задним числом в наши дни бывший председатель союза старается уверить нас, что на этот счет у Крестьянского Союза было стремление к стопроцентной смычке революционных сил города и деревни.

«Умеренность» революционной тактики сквозит из всех тактических резолюций, принятых с'ездом, как по поводу восстаний и волнений крестьян, о должностных лицах и местном самоуправлении, по поводу Кронштадтских событий 28 октября, об еврейских погромах и т. д. Во всех этих резолюциях совершенно отсутствует указание, что все безобразия, творимые царским правительством, возможно уничтожить только путем восстания народных масс, о чем должен был говорить Союз, если считать его союзом революционной демократии. Бойкот Виттевской государственной думы, заявления с'езда по поводу манифеста 17 октября, по вопросу об отмене смертной казни и исключительных законов, о государственных займах и т. д., носят характер деклараций и не связаны с основным тактическим лозунгом момента — вооруженным восстанием, которое тогда выдвигала партия большевиков. Даже вопрос о монархии и республике продолжал оставаться открытым.

«Революционные демократы» на с'езде все еще топтались на месте и несомненно их резолюции носили более правый оттенок, чем те требования, которые выдвигались крестьянством на местах, когда ему приходилось вступать в бой с полчищами царских сатрапов — усмирителей крестьянской революции. Из обзора материалов двух с'ездов Крестьянского Союза в 1905 г становится понятным почему лидеры этого Союза отнеслись резко отрицательно к московским большевикам и не дали им возможности развернуть на с'езде перед революционным крестьянством свое понимание задач и целей революции и ознакомить их с методами борьбы, которые они проводили.

Точно также вполне понятно и тяготение лидеров союза к меньшевистскому крылу партии, их связи с Акимовым-Махновцем, А. С. Мартыновым и другими.

К этой же категории фактов относится и сближение лидеров Крестьянского Союза с советом Петербургских рабочих депутатов и в частности с Л. Д. Троцким, в собрании сочинений которого рассказывается, что в заседании Петербургского совета 5-го ноября 1905 г. выступал представитель крестьян Сумского уезда, Харьковской губ., запрашивавший, не найдет ли совет «возможным присоединить к забастовке и крестьян Сумского уезда» [1]

[1] Л. Троцкий. Соч. т. II. ч. II. стр. 397.

Вера тов. Троцкого во всемогущество политической забастовки, как видите, заражала и крестьянские массы, но в то же время она указывала на компромиссность позиции этого «вождя». Меньшевики и вместе с ним тов. Троцкий в 1905 г. всеобщей стачкой подменяли лозунг вооруженного восстания. В «Истории Совета Рабочих Депутатов» тов. Троцкий писал: «сила такой стачки состоит в том, что она дезорганизует государственную власть. Стачка тем ближе к победе, чем больше вносимая ею «анархия». Класс, который приводит изо-дня в день в движение аппарат производства и вместе с тем аппарат власти, класс, который путем единовременного прекращения работ парализует не только промышленность, но и государственность, должен быть достаточно организован, чтобы не оказаться первою жертвою им же созданной анархии. Чем в высшей степени стачка упраздняет (? А. Ш.) существующую государственную организацию, тем более организация стачки вынуждена брать на себя государственную функцию... Парализуя самодержавное государство стачечным восстанием, он, Совет рабочих депутатов, вносит свой собственный демократический порядок в жизнь трудящегося городского населения» (стр. 10).

Из этого отрывка получается впечатление, что т. Троцкий рассматривал стачку, как какое-то стихийное врастание в существовавшие общественные отношения и своеобразное отмирание «старой власти» под давлением «стачечного восстания». Лозунг вооруженного восстания подменялся неопределенным термином «стачечное восстание», изобретенным т. Троцким, что, конечно, только затемняло существо дела. Захват государственных функций в итоге победы восставшего с оружием в руках пролетариата подменялся «стачечным восстанием». Это был типичный меньшевизм, повторенный тов. Троцким и в книжке «1905 г.». Тактические резолюции ноябрьского с'езда Крестьянского Союза с выпячиванием для борьбы с помещиками за землю стачки как нельзя более совпадали с этой «теорией» т. Троцкого.

Отсюда понятно тяготение представителей Крестьянского союза[1] к т. Троцкому и то братание, которое произошло между ними в конце ноября 1905 г. Этот эпизод нашел свое отражение в письме Мазуренко к Л. Троцкому от 12 января 1925 г., которое полностью напечатано во 2-й части II т. сочинений Л. Троцкого на стр. 397—398.

В связи с этим моментом находится указание братьев Мазуренко в цитированной нами уже не раз статье «К истории крестьянского движения 1905 г.» на то, что «Л. Д. Троцкий, в речи, произнесенной на последнем с'езде б. Политкаторжан, удостоверяя «братание Петербургского Совета Рабочих Депутатов и Крестьянского Союза» в дни нашей первой революции, между прочим, сказал: «либералы и меньшевики не поняли смысл того, что происходило на их глазах. В те дни события залагали начало союза рабочего класса и крестьянства, этой основы советского могущества». Это об'яснение, — комментирует Мазуренко, — б. председателя Петербургского Совета также подтверждает пара-

[1] Этими представителями были С. Мазуренко и Медведев.

лич революционной воли меньшевиков в крестьянской работе того времени»[1]. И такого рода заявления бр. Мазуренко называют «историей»..

Непредубежденный читатель понимает, почему бр. Мазуренко несколько переусердствовали, превратив меньшевика Л. Троцкого в 1905 г. в революционного социал-демократа, сторонника союза рабочего класса с крестьянством. Впрочем, если верить бр. Мазуренко, цитирующим речь Троцкого на с'езде б. Политкаторжан, сам т. Троцкий задним числом старается подчеркнуть, что в 1905 г. он был за союз рабочего класса и крестьянства. Это противоречит всем известной позиции тов. Троцкого в 1905 г., когда он выдвинул, по словам В. И. Ленина, «несуразно-левую перманентную революцию», от которой он впрочем не отказался и в наши дни.

Тов. Троцкий в 1905 г. и по вопросу о значении всеобщей политической стачки, как решающем орудии революции, и о взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством[2] был не с большевиками, а с их противниками — меньшевиками. И запоздалая претензия самого т. Троцкого и бр. Мазуренко об'явить себя в наши дни сторонниками большевистских принципов в революции 1905 г., указывает лишь на то, что они стремятся затушевать неприятные им исторические факты.

То обстоятельство, что представители Крестьянского Союза подписали известный манифест революционных партий об отказе от взноса выкупных и всех других казенных платежей и т. д., указывает лишь, что по существу они повторили в ней то, что было принято ноябрьским с'ездом союза и что в общем можно характеризовать, как тактику «бойкота», тактику пассивного сопротивления. Эта тактика в момент вооруженного восстания, конечно, была недостаточна и никоем образом не могла заменить лозунга «вооруженное восстание», который был выдвинут тогда только большевиками.

Начавшиеся тотчас же после ноябрьского с'езда репрессии против Крестьянского Союза со стороны царского правительства до известной степени затормозили развитие этой организации, но все же после с'езда состоялся ряд губернских и один северный областной с'езд советов 29—30 декабря 1905 г. На этом, последнем с'езде, от которого нам остался печатный документ — отчет, было вынесено постановление — присоединиться к резолюциям всероссийских с'ездов и к воззванию к армии, принятом на Саратовском губернском с'езде Крестьянского Союза, в котором говорилось: «мы приветствуем, благословляем лучших сынов наших из рядов армии, отказавшихся повиноваться преступной шайке кровопийц и перешедших на сторону народа. Мы призываем настоящим манифестом не прозревших детей и братьев наших покинуть ряды изменников народа и встать в ряды славных бойцов за народную свободу. Воля народа закон! Мы, выборные народа, об'являем вам его волю: отныне вся армия должна прекратить братоубийственное кровопролитие, должна прекратить преступную борьбу со всем народом, должна встать в ряды бойцов за народную волю... Да здравствует

[1] «Пути революции» № 4 (7), 1926 г., стр. 19.

[2] См. его известное предисловие к книге «1905 г.»

власть народа! Да здравствует освободительный союз граждан России, крестьян, рабочих и армии!» [1].

На местах развертывались революционные стычки крестьянства с войсками, местные организации Крестьянского Союза в ряде губерний выступали в качестве революционного авангарда, боровшегося за «землю и волю» крестьянства. Но эти выступления не координировались ни главным комитетов союза, большинстве членов которого сидело в тюрьме, ни губернскими и областными центрами Союза. К тому же руководство крестьянским движением в его революционных формах чаще всего находилось в руках политических партий эсеров и с.-д. Крестьянство на местах толковало привезенные из Москвы их делегатами резолюции по-своему и шло в своих революционных выступлениях значительно дальше, чем это предполагали лидеры Союза [2].

Всероссийский Крестьянский Союз, как известно, вынес постановление на ноябрьском с'езде 1905 г. о бойкоте первой Государственной думы. Но один из членов главного комитета Шапошников откололся от Союза и, не приняв его постановление о бойкоте, вошел в первую Государственную думу, где явился одним из основателей фракции трудовиков. По словам С. П. Мазуренко на докладе в обществе Политкаторжан 14-го апреля 1927 г., действия Шапошникова вызвали осуждение со стороны главного комитета Союза, и выдвигавшиеся законопроекты трудовиков по своей сущности были иными, чем у Крестьянского Союза. Однако, анализируя предложения трудовиков в Государственной думе и сопоставляя их с программой Крестьянского Союза 1905 г., мы находим в них много общего, особенно, по земельному вопросу. Если Крестьянский Союз выдвигал, например, требование перехода помещичьих земель «частью за вознаграждение, частью без него», то в аграрном проекте 104 (трудовиков) об этом вознаграждении говорилось, что оно должно производиться за счет государства. Разница здесь не качественная, а количественная.

Теперь перейдем к вопросу об эволюции Крестьянского Союза к формальному об'явлению себя партией.

Еще на ноябрьском с'езде Крестьянского Союза член бюро 6-ой предложил союзу отмежеваться от эсеровской партии. Он говорил: «Я не могу согласиться с тем, чтобы наш союз принял лозунг: «Земля и воля». Этот лозунг начертан на знамени определенной политической партии. Я глубоко уважаю это знамя, я знаю, как велики заслуги этой партии, которая это знамя держит, но наш союз внепартийный и этого лозунга он не может себе присваивать. Я думаю, однако, что действительно нашему союзу нужно выразить в кратких словах существо своих задач. Мы стремимся осуществить идею народовластия и полагаем, что тогда добьемся и принадлежности земли всему народу. Предлагаю взять лозунгом Всероссийского Крестьянского Союза: «Народу — власть и земля» [3].

[1] Протоколы первого северного областного с'езда Всер. Кр. Союза 29—30 декабря 1905 г. СПБ. 1906 г., стр. 61—62.

[2] Между прочим богатый материал по этому вопросу дает находящаяся в распоряжении редакции «Историка-Марксиста» рукопись И. Г. Дроздова—«Крестьянские союзы на Черниговщине в годы первой революции».

[3] Протоколы делегатского совещания, стр. 110.

Предложение нового лозунга «Народу — власть и земля» было не случайно. На том же с'езде делегат Пензенской губернии внес предложение о замене названия Крестьянского Союза «земледельческим».

Деятели Крестьянского союза в конце 1905 г. уже почувствовали, что союзу необходимо более определенно перейти на положение политической партии, при чем более умеренной, чем эсеры.

Это, между прочим, нашло отражение в одном интересном документе — брошюре Серг. Одинокого «Всероссийская крестьянская (Земледельческая партия)», СПБ, 1906. На самой брошюре имеется лозунг: «Народу — власть, земля и свобода». Издана она редакцией журнала «Земля и Народ». Вот, что по поводу Крестьянского Союза писал С. Одинокий: «Крестьянский Союз, это начало образования крестьянской политической партии — зародыш партии» (стр. 11)... «Крестьянский Союз не успел разработать программы и поэтому его нельзя пока признать крестьянской политической партией, хотя он стоит на верной дороге к ее образованию (стр. 12).

... Делу об'единения крестьян в свою политическую партию помешало правительство (стр. 14)...».

Выдвигая идею об организации крестьянской (земледельческой) партии, С. Одинокий заявляет, что «надо полагать, что Крестьянский Союз примет эту программу, первый войдет во Всероссийскую крестьянскую (земледельческую) партию».

Основные положения проектируемой программы крестьянской (земледельческой) партии гласили: по вопросу о государственном устройстве — выдвигается требование демократической парламентарной монархии (стр. 21), по аграрному вопросу: национализация всех земель, запрещение наемного труда в сельском хозяйстве, уравнительное землепользование, социализация (стр. 21, 27 и след.); отбираются без выкупа земли государственные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские и государевы; у помещиков, кулаков и т. п. земля отбирается за выкуп по справедливой оценке, воспрещается продажа и заклады частновладельческих земель; выкуп закладных земельных листов за счет государства; внешний государственный заем для вознаграждения частных землевладельцев; переделы на уравнительных началах и установление рабочего надела и т. д.

Из предложений по рабочему законодательству интересно следующее замечание: «Земледельцы-работники должны поддерживать во всем правильные (N. В. А. Ш.) требования промышленных рабочих» (стр. 33).

В брошюре С. Одинокого разработан также и устав партии. Берем из него наиболее существенные выдержки:

«Членом Всероссийской крестьянской (земледельческой) партии может быть всякий, кто примет программу партии и готов крепко и стойко бороться за крестьянское дело, помогая общему делу своим трудом и посильно деньгами» (стр. 48)... «Существующие уже организации Крестьянского Союза могут стать организациями Всероссийской крестьянской партии. На местах, где образовавшиеся комитеты Всероссийской крестьянской партии встретятся с комитетами Крестьянского Союза, надо

и созданию отделов на местах. Весной 1917 г. верхушка Союза состояла из членов Главного комитета 1905 г., выборных из числа прежних сотрудников Союза, центрального бюро содействия, петроградского областного бюро, представителей московской учительской организации и кооперации.

В Главный организационный комитет вошли поименно: В. А. Анисимов, В. Ф. Краснов, С. В. Курнин, А. П. Левицкий, С. П. Мазуренко, А. Н. Минин, А. И. Перес, О. Н. Смирнов, А.А. Титов, В. З. Чембулов, М. Е. Шатерников, Э. Д. Бредис, Л. Л. Беклешов, В. И. Дзюбинский, Д. И. Минаев, С. Н. Маклашевский, Н. В. Чайковский, С. П. Пасечный, А. В. Пешехонов и А. Ф. Стааль. По этому составу Главного комитета можно видеть какая «смесь» политических физиономий встала в центре этой организации. Тут мы видим и лидера народных социалистов: — А. В. Пешехонова, и почтенного народовольца, ставшего почти кадетом Н. В. Чайковского, игравшего впоследствии роль главы белогвардейского правительства в Архангельске во время оккупации его англичанами, и А. Ф. Стааля — в том же 1917 г., арестовывавшего крестьян за аграрные беспорядки в качестве прокурора Временного правительства, и В. А. Анисимова — товарища министра продовольствия в кабинете Керенского, и Л. Л. Беклешова — представителя Совета крестьянских депутатов петроградского гарнизона, ставшего впоследствии левым эсером и членом исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, и, наконец, украинского с.-д. — С. П. Мазуренко...

12 марта 1917 г. в № 57 «Русских Ведомостей» появилось воззвание «Ко всему крестьянству» за подписью Главного комитета Всероссийского Крестьянского Союза. Это воззвание являлось как бы платформой новой организации и заслуживает особого внимания. Между прочим, в цитированной выше статье «Крестьянство в 1917 г.» С. П. Мазуренко сообщает, что это воззвание было издано московской организацией Крестьянского Союза, созданной без ведома большинства членов Главного комитета. Это заявление С. П. Мазуренко, если и можно принять во внимание, то с рядом оговорок. Воззвание «Ко всему крестьянству» подписано Главным комитетом Союза с указанием его адреса — это во-первых, — во-вторых, среди членов московского Главного комитета были такие работники, как С. В. Курнин и В. Ф. Краснов—члены комитета Крестьянского Союза еще в 1905 г., с которыми сам С. П. Мазуренко неоднократно обслуживал Московскую губернию и выступал совместно с ними на митингах перед крестьянством, защищая платформу Крестьянского Союза. Наконец, без характеристики политической физиономии отдельных групп организации, выступающих с политическими документами, нельзя дать оценку общей характеристики политической организации.

Итак, о чем же говорилось в пресловутом воззвании «Ко всему крестьянству», от которого ныне С. П. Мазуренко открещивается руками и ногами. После небольшой исторической справки о 1905 г. и февральской революции воззвание гласило:

«Главный комитет Всероссийского Крестьянского союза призывает крестьянство поддерживать Новое правительство, его комиссаров и все общественные организации, которые признаются Временным правитель-

ством, отнюдь не допуская самоуправства и посягательства на чужую собственность и свободу. Для успешного окончания войны и низвержения немецкого тирана, кроме пушек, ружей, удушливых газов и всякого военного снаряжения, требуется и «хлеб», а потому, крестьяне-земледельцы, спешите помочь нашим братьям-солдатам, товарищам-рабочим, и всем вообще гражданам в продовольствии, всем миром поставляйте, граждане-крестьяне, хлеб, по тем ценам, которые установит Новое Правительство.

Для прокормления армии и рабочих, крестьянского скота может не хватить, поэтому *частным хозяйствам притеснения не чинить, в их дела не вмешиваться* (курсив мой — А. Ш.). Для пользы страны пусть и помещики засевают свои поля, в особенности, где есть машины и рабочие руки. Они также, конечно, обязаны поставить хлеб для армии по ценам и правилам, установленным Новым Правительством.

Хозяйственная жизнь в настоящий переходный момент ничем не должна быть нарушена как у частных землевладельцев, хуторян и однодворцев, так и в трудовом сельском хозяйстве монастырей и церковного причта (курсив мой — А. Ш.).

Во время войны все сословия равно посылали своих отцов, братьев и сыновей на фронт. Все равно с оружием в руках стоят перед страшным врагом, защищая родную землю и новый свободный строй. Кровавый Вильгельм всеми силами будет стараться уничтожить у нас народовластие. Оберегая честь и свободу страны не будем вносить в нашу внутреннюю жизнь раздора и распрей, чтобы не сыграть на руку нашим врагам, только и ждущим такого момента. Будем готовиться к Учредительному собранию, которое продиктует волю народа и определит формы новой, свободной жизни.

Для борьбы с врагом необходимо усилить добычу каменного угля, руды, необходима постройка огромной сети железных дорог, новых фабрик и заводов, чтобы заводская и фабричная промышленность в избытке производила все необходимое для армии и народа.

Необходимо, как можно скорее, приступить к восстановлению свободного обмена, который был уничтожен царским правительством, чем и был отчасти создан кризис и обесценены наши деньги.

Граждане Русского Государства должны приложить все силы к тому, чтобы добывающая и обрабатывающая промышленность достигла у нас тех же размеров, как в Западной Европе, чтобы нам быть сильными и независимыми на международном рынке сельско-хозяйственного труда, промышленности и торговли.

А для всего этого нужны *огромные капиталы*, которых у нас нет и которые придется *привлекать из других стран* (курсив мой — А. Ш.). Во Франции, Америке и других республиканских государствах фабрично-заводская и сельско-хозяйственная промышленность и торговля свободны от вмешательства государства и достигли колоссальных

размеров, являясь главными плательщиками прогрессивного подоходного налога...

Крестьянство должно немедленно приступить к организации. Крестьяне, устраивайте «волостные комитеты» Всероссийского Крестьянского союза, выбирая туда членов из каждой деревни всем миром, земельными и безземельными мужчинами и женщинами,[1] столько лиц, сколько принято обычаем сходов и смотря по надобности...

Братья-крестьяне, торопитесь организовываться по волостям в союзы, так как недалеко время, когда Главный комитет созовет Всероссийский с'езд Крестьянского союза для обсуждения программы, для крестьянских депутатов, с которой должны будут выступать кандидаты от крестьян на выборах в Учредительное собрание.

Земельный вопрос во всей полноте может решить только одно Учредительное собрание, т.-е. «Весь Народ Земли Русской».

Из этого документа можно сделать следующие выводы: по вопросу о власти — Главный комитет союза становится на сторону буржуазного Временного правительства, по вопросу о войне — занимает явно оборонческую позицию, по аграрному вопросу — выражает решительный протест против захватов помещичьих земель, а также монастырского и церковного причта, по рабочему вопросу — высказывается за прекращение «беспорядков», по снабжению — за восстановление свободного обмена, по вопросу о взаимоотношениях с иностранной буржуазией — за привлечение иностранных капиталов и т. п. Отсюда вытекала и та оценка воззвания, которую давал в «Русских Ведомостях» — Кизеветтер, заявлявший: «Мы горячо приветствуем воззвание Главного комитета Крестьянского союза за то, что оно ясно и определенно, без всяких оговорок зовет на дальнейшую борьбу «с кровавым Вильгельмом»... Мы приветствуем это воззвание и потому, что оно проникнуто великой заботой об укреплении того, что только что добыто русской революцией... Всякая междоусобица, — классовая, партийная или какая-либо иная, — есть сейчас величайший смертный грех перед делом свободы. И люди, связанные тесными узами с основным ядром нашей демократии, — крестьянством, — понимают это как нельзя лучше и зовут к дружному общему сплочению около временного правительства... Величайшую важность представляет призыв комитета Крестьянского союза к крестьянству о том, чтобы крестьянство ожидало разрешения коренных социальных вопросов от правомерных органов общенародной воли, а не от актов частного насилия»[2].

Так кадет Кизеветтер расхваливал Крестьянский союз в 1917 г. и весьма странными, если не сказать более, кажутся теперь уверения одного из руководителей союза С. П. Мазуренко о том, что «члены Крестьянского союза всегда шли и идем нога в ногу со всеми революционными организациями рабочих и крестьян»[3].

---

[1] Так в оригинале.

[2] «Русские Ведомости» № 57, 12-го марта 1917 г.

Но возвратимся к обзору дальнейшей деятельности Крестьянского союза. Во время подготовки Всероссийского с'езда советов крестьянских депутатов деятелей Крестьянского союза от этой работы оттерли эсеры, которые захватили 20 мест из 30-ти в организационном комитете. Делегатов на с'езде, вошедших в фракцию Крестьянского союза, оказалось несколько десятков, несмотря на то, что на местах Крестьянский союз имел значительный успех: в Ярославле, в Вятке, в Поволжье, на Украине. На майском с'езде советов крестьянских депутатов лидеры Крестьянского союза действовали распыленно, часть из них участвовала в работах фракции трудовиков, некоторые блокировались с правыми эсерами и в результате фракция Мазуренко при выборах Исполнительного комитета собрала вокруг его имени всего лишь 65 голосов и он был забаллотирован. Из представителей Крестьянского союза в Исполком совета крестьянских депутатов вошли Н. В. Чайковский, С. П. Пасечный и друг., при чем от работы в союзе они отказывались, выступая в печати против созыва с'езда Крестьянского союза, за реорганизацию отделов союза на местах и превращение их в Советы крестьянских депутатов и т. п. На майском с'езде Совета крестьянских депутатов, по рассказу С. П. Мазуренко, их поддерживала «крестьянская фракция большевиков», в которую входило тогда 20—30 крестьянских депутатов во главе с покойным М. В. Фрунзе. Это об'яснялось тем, что большевики на с'езде боролись с эсеровским большинством. Выступавший также против эсеров, но по другим, чисто конкурентским соображениям, а, вернее, боясь эсеровской левизны (среди эсеров уже тогда было довольно сильное левое течение, давшее потом «левых» эсеров), Крестьянский союз на с'езде оказался своеобразным попутчиком большевиков. Впрочем, опрошенный по этому вопросу, представитель ЦК большевиков на с'езде — т. Смилга заявил автору этих строк, что никаких деловых отношений у большевиков с Крестьянским союзом не было и все дело ограничивалось лишь «разговорами». Что это действительно было так, видно из того, что никакой организационной связи между союзом и большевиками после с'езда не установилось, и совершенно напрасно в своих воспоминаниях о деятельности Крестьянского союза на майском с'езде советов крестьянских депутатов С. П. Мазуренко ставит на одну доску имя Ленина и его друзей с представителями Крестьянского союза. «Так боролись тов. Ленин и его друзья, так боролся и Крестьянский союз против эсеровского гипноза, усыпляющего революционное крестьянство обещаниями всяких благ через Учредительное собрание и без всякой борьбы», — пишет, не краснея, С. П. Мазуренко[1].

Что линия Крестьянского союза решительно расходилась с линией большевиков по всем вопросам революции, видно из истории дальнейшей деятельности союза в 1917 году и из его программных и тактических заявлений. Так Крестьянский союз занял особую позицию по отношению к Советам крестьянских депутатов, требуя, чтобы депутаты в Советах признавали программу Крестьянского союза и агитируя за то, чтобы несогласные с программой союза, были отозваны из Советов. Вместе с этим

[1] «Пути Революции» № 1 (10), 1927 г., стр. 29.

Крестьянский союз совершенно умалчивал о необходимости самостоятельной организации деревенской бедноты и батрачества, что особенно упорно подчеркивала партия большевиков.

На Всероссийском с'езде Крестьянского союза 31 июля — 1 августа 1917 г., на который с'ехалось 316 человек от 32-х губерний и 34 делегата от войсковых частей от крестьян-солдат, примыкающих к союзу, была выработана приветственная телеграмма верховному главнокомандующему и в его лице всей «дорогой нашей армии» с просьбой стоять твердо на деле защиты родины и завоеванных свобод, затем послана такая же телеграмма Временному революционному правительству в лице Керенского и т. д.[1].

По вопросу о взаимоотношениях Крестьянского союза с советами крестьянских депутатов, из-за чего произошел большой спор с присутствовавшими на с'езде членами исполкома Совета крестьянских депутатов— эсерами, была принята резолюция, в которой указывалось, что «с'езд признает Совет крестьянских депутатов, но с условием, если этот Совет будет поступать в согласии с теми пожеланиями, какие Крестьянский союз вынесет на с'езде, а кроме того, члены Совета крестьянских депутатов, избранные не от Крестьянского союза, должны быть переизбраны»[2].

По вопросу об условиях перехода к крестьянству помещичьей земли с выкупом или без выкупа товарищ министра продовольствия (член Главного комитета союза) В. А. Анисимов заявил, что по его мнению «земля должна перейти в руки трудового крестьянства безвозмездно. Должен быть образован государственный земельный фонд, к которому земля должна перейти все-таки за выкуп, путем погашения закладных листов. Необходимость выкупа вызывается тем, что вся земля заложена, неуплата же по накладным листам повела бы к обесцениванию нашего рубля, на чем народное хозяйство понесло бы очень тяжелые потери»[3].

Этот фокус «безвозмездно», но «все-таки за выкуп» не был обмолвкой со стороны В. А. Анисимова.

В принятой с'ездом резолюции по земельному вопросу было сказано: «Государство должно озаботиться, чтобы ипотечные долги по закладным листам, лежащие на землях, при их уничтожении не произвели бы глубокого хозяйственного расстройства в стране, потери Россией внешнего кредита и падения ценности рубля, — изыскать специальный фонд за счет обложения более имущих классов населения и налогов на предметы роскоши, не касаясь трудового народа и земли»[4].

Декларируя переход всех земель без выкупа в распоряжение трудящихся, Крестьянский союз все же оставлял лазейку для этого выкупа и этим отличался с одной стороны от трудовиков и н.-с., высказывавшихся более определенно за выкуп и, с другой стороны — от большевиков, решительно отметавших всякую мысль о выкупе в какой бы то ни было форме.

[1] «Русские Ведомости» № 175, 2 августа 1917 г.
[2] «Голос Крестьянского союза» № 14, 3 августа 1917 г.
[3] «Русские Ведомости» № 177, 4-го августа 1917 г.
[4] «Земля и Воля» № 113, 6 августа 1917 г.

В этом отношении постановление Крестьянского союза несколько сближалось с заявлением В. М. Чернова — лидера эсеров — о том, что «некоторые жалось с заявлением В. М. Чернова — лидера эсеров — о том, что «некоторые закладные листы должны быть оплачены»[1].

В остальных резолюциях с'езда Крестьянского союза красной нитью проходят те же взгляды, которые были приведены выше в воззвании к крестьянству. Тут и полное доверие Временному правительству с приветствием «решения создать твердую власть» и обещание со своей стороны всемерной поддержки деятельности правительства спасения родины от гибели (что означало солидарность Крестьянского союза с протестом «демократии» против июльского выступления большевиков). По отношению к Финляндии с'езд союза признал справедливым правительственное распоряжение о роспуске финляндского сейма. По вопросу о войне с'езд союза высказался за обязанность тыла «поддерживать всеми силами и всеми способами, имеющимися в стране, доблестных сынов русской армии, проливающих свою кровь за родину и закрепление революции». При чем с'езд «осуждает всякие попытки лиц, прикрывающихся лозунгами крайних партий, внести дезорганизацию в русскую армию и русскую революцию и осуждает всякое неповиновение Временному правительству отдельных воинских частей, не желающих итти на фронт, и вместе со своими братьями в окопах отстаивать завоеванную свободу» и т. д.[2].

Из этих резолюций совершенно ясна оппортунистическая мелкобуржуазная природа Крестьянского союза.

Попутно интересно отметить, что на том же с'езде Крестьянского союза был снова поставлен вопрос относительно переименования Крестьянского союза в крестьянскую партию. Делегаты из Екатеринославской губернии и из них председательствовавший на с'езде Е. Я. Строменко[3], (заявлявший, между прочим, на с'езде: «Граждане, бойтесь диктатуры пролетариата!»), особенно настаивал на названии «партия». Но большинство высказалось за название «союз», трактуя его как «профессионально-политическую организацию»[4].

Дело было, конечно, не в названии, так как по существу и в 1917 г. союз выступал совершенно определенно в роли партии, подтвердив программу союза, выработанную в 1905 г., и принять устав, предусматривавший индивидуальное членство, с уплатой членских взносов и т. п.

Для характеристики дальнейшей эволюции этой партии в 1917 г. необходимо отметить декларацию 15-ти представителей Главного комитета союза, оглашенную на Государственном совещании в Москве 12—15 августа,[5]. В ней говорилось, что главной причиной хозяйственной и политической разрухи является обострение классовой борьбы, что долг всех граждан, верных сынов родины призывает их к самоограничению, к

[1] «Голос Крестьянского союза», № 16, 12 августа 1917 г,

[2] «Народный Социалист», № 1 (50), 9 августа 1917 г.

[3] Ведший на Екатеринославщине, в качестве председателя губернского отдела Крестьянского союза, борьбу с организацией Советов крестьянских депутатов и ставший впоследствии петлюровцем.

[4] «Голос Крестьянского союза» № 16, 12 августа 1917 г.

[5] «Голос Крестьянского союза» № 17, 25 августа 1917 г.

жертвам, Временное правительство должно привлечь все классы общества к совместному несению тягот государственной жизни. Труд рабочих должен быть производителен, заработная плата нормирована, крестьянство должно давать свои излишки государству по твердым ценам. Вся земля принадлежит народу, но этот вопрос разрешит только Учредительное собрание, до этого должен быть издан закон о земельных комитетах, на обязанность которых ложится нормирование земельных отношений до Учредительного собрания. Затем в декларации указывается необходимость доведения войны в согласии с союзниками до скорейшего мира; для поддержания крепости России Крестьянский союз вполне одобряет те меры, которые принимает правительство против попыток отделения окраин до Учредительного собрания и т. д. Здесь снова повторены старые заявления союза, при чем особо подчеркнут шовинистический характер союза, выступавшего против отделения окраин.

Осенью 1917 г. Крестьянский союз вплотную занялся вопросом о выборах в Учредительное собрание, выступая при этом как определенная политическая партия. Приведем интересный документ из этой области:

> «Главный комитет Всероссийского Крестьянского союза приглашает своих членов немедленно приступить к составлению самостоятельных кандидатских списков в Учредительное собрание по тем губерниям, где имеются губернские или уездные организации Всероссийского Крестьянского союза.
>
> Просьба сообщить главному комитету список кандидатов и краткую биографию таковых, по адресу: Петроград, С'езжинская, 22, кв. 2. Пред. Гл. Комит. Всер. Крест. союза С. Мазуренко [1].

На московском областном с'езде Крестьянского союза 8 октября 1917 г. была принята специальная платформа союза по выборам в Учредительное собрание, намечен список кандидатов в Учредительное собрание по Московской губ. и городу Москве, при чем союз предполагал выступать с самостоятельными списками по губерниям Костромской, Калужской, Тульской, Владимирской и Тверской.

Для предоктябрьской характеристики политической физиономии Крестьянского союза упомянутая платформа представляет особый интерес. В ней говорилось: «в нынешнее смутное время, когда по городам и селам, по всему лицу земли русской идут грабежи, разорения небывалые; когда амнистированные уголовные и бывшие полицейские могут увлечь целые полки не сражаться за родную Русь или ведут целые деревни на разгромление национального богатства,.. когда изменники предлагают солдатам воткнуть штыки в землю и перестать защищать родную землю, — тогда в эту годину необходимо нам всем подняться на великую работу строительства русского государства, на борьбу с врагом, который уже стучится в врата Петрограда... В это время созывается Учредительное собрание, поэтому все должны итти к урне выбирать людей стойких, которые будут защищать, как истинные сыны, свою родину и водворять порядок и внутренний мир, призывая, а) воинов отражать врага, б) рабочего и горожанина работать у станка, в) крестьянина-

[1] «Единство» № 155, 4 октября 1917 г.

пахаря пахать землю, сеять хлеб и снабжать армию, города и рабочих продовольствием, всех русских граждан к добросовестному несению и исполнению своих обязанностей» [1].

Оборонческая позиция и требование прекратить революцию торчат из всех углов этой нескладно скроенной «платформы». Дальше идет об'яснение, почему союз выступает с самостоятельным списком на выборах в Учредительное собрание: во-первых, потому, что «ни одна партия не может охватить многомиллионного и разнообразного по своему составу крестьянства», во-вторых, «партийные организации, как показал опыт с выборами в городские и земские самоуправления, для привлечения голосов бросают населению различные заманчивые обещания, которых на практике они выполнить не в состоянии, как, например, удешевить и всем дать хлеб, удешевить в городах трамвайное сообщение, заключить немедленно мир, и вместо хлеба — голод, вместо мира — развал армии и затяжная война», в-третьих, «в рядах социалистических партий находят себе место и лица, исповедывающие идеи пораженчества и анархизма, что по-нашему мнению ведет родную отчизну к неминуемой гибели», и в-четвертых, — «партийные деятели часто ставят догму партии выше интересов государства и дела».

Здесь, что ни фраза, то своего рода «перл», при чем эти «перлы» направлены несомненно против большевиков, которые победили на выборах в городские и земские самоуправления, которые исповедывали идеи пораженчества и т. д.

Крестьянский союз не считал возможным поддерживать также и списки Совета крестьянских депутатов, так как Советы, по мнению союза, являлись по существу организацией партии социалистов-революционеров, которые «со всей партийной нетерпимостью» и неразборчивостью в средствах «всегда старались разрушить беспартийную крестьянскую организацию Всероссийского Крестьянского союза». На этом основании деятели союза приглашали крестьян и «всех, кому великое практическое дело, дело спасения родины, дороже партийных лозунгов», голосовать за список союза.

В дальнейшей части платформы приводится наказ избираемым, которые должны водворить государственный порядок, поднять боеспособность армии, уничтожить разруху тыла, «как воинскую, так и обывательскую». «Мы призываем, — говорится в наказе, — к трудовой повинности. Горожан рабочих мы призываем оставить раздор... Необходимо приступить к реорганизации продовольственного дела: восстановить хлебные и пищевые биржи, предоставить торговым аппаратам право выписывать товар с этих бирж... Необходимо немедленно приостановить разрушение хозяйственных экономий несознательными массами, взвинченными безответственными агитаторами... Призываем население к поддержке правительства покупкой «Займа свободы»... Формой государственного устройства признать демократическую республику с широким самоопределением всех народностей без нарушения целостности общероссийского государства» [2].

---

[1] «Голос Крестьянского союза» № 19, 22 октября 1917 г.
[2] Там же.

Эта октябрьская платформа по существу повторяла только в более неуравновешенной форме основные положения мартовского воззвания к крестьянам. «Взбесившийся мелкий буржуа», в этой платформе решительно выступает против изменников, пораженцев и анархистов, под которыми очень прозрачны намеки на большевиков, требует восстановления хлебных бирж, протестует против хлебных монополий, вообще против развертывания революции в городе и деревне, и за создание условий, благоприятствующих развитию русской промышленности и т. п.

И теперь, через 10 лет, когда читаешь писания С. П. Мазуренко о Крестьянском союзе в «Путях Революции», невольную ироническую улыбку вызывает его заявление о том, что «приводимые нами здесь документы из прошлого свидетельствуют о том, насколько последовательно велась нашей организацией борьба на всем протяжении до Октябрьских дней революции за создание подлинной власти из самих трудящихся»[1].

Бывш. председатель Всероссийского Крестьянского союза Семен Мазуренко, может быть сам того не желая, своей «реабилитацией» Крестьянского союза, несомненно, льет воду на мельницу контр-революции, так как неправильное освещение политической физиономии Крестьянского союза кой-кого может ввести в весьма нежелательное заблуждение. Необходимо помнить, что в наше время белогвардейцам осталось только одно — использовать настроение верхушечных слоев крестьянства, недовольных Советской властью и выкинуть знамя Крестьянского союза. Попытка белогвардейца И. А. Лохвицкого (Искры) выступить с особым воззванием, в котором он об'являет себя организационным комитетом Всероссийского Крестьянского союза и открывает по Европе сбор пожертвований на эту организацию, весьма характерна. Лохвицкий (Искра) в своем органе «Крестьянское Дело» пишет: «Не складывать оружия и руки, а, наоборот, удвоить, утроить, удесятерить энергию в борьбе призываю я, повстанческий атаман, взявшийся за перо, которое должно облегчить работу винтовки». Против кого направлена винтовка, не требует об'яснений. С. Мазуренко в ответ Лохвицкому (Искре) заявляет: — «Как председатель Всероссийского Крестьянского союза, рожденного в дни первой нашей революции и возрожденного во вторую революцию, я заявляю решительный протест против беззаконного узурпирования имени этой исторической организации». Всероссийский Крестьянский союз свернул свое знамя в октябрьские дни, уступив дорогу революционному потоку рабоче-крестьянских масс под другими лозунгами... Всероссийский Крестьянский союз не пойдет на службу сознательной или безсознательной реакции и, если когда-либо снова развернет свое знамя (разрядка моя. — А. Ш.), то только на стороне революции для поддержания и укрепления власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, как в России, так и на Украине»[2].

В этом заявлении С. Мазуренко, как и везде в его писаниях, много пафоса, но мало логики и особенно недостаточно исторической правды. Прежде всего, Крестьянский союз свернул свое знамя в октябрьские дни

[1] «Пути Революции» № 1 (10), стр. 31.

[2] «Пути Революции» № 1 (10), стр. 32.

вовсе не потому, что этого хотели руководители союза. Перед октябрьскими днями у Крестьянского союза оставалось очень мало сторонников, так как низовые крестьянские органы союза постепенно превращались в Советы крестьянских депутатов и отходили от той программы, которую пропагандировал союз. В одной из своих работ по крестьянским организациям в 1917 г. мы писали, что «если бы Крестьянский союз в октябрьские дни не свернул свое знамя, то революционные рабочие и крестьяне все равно свернули бы ему шею», как это они сделали с соглашательскими партиями эсеров и меньшевиков.

Кстати необходимо к словам С. Мазуренко внести поправку. В октябрьские дни Крестьянский союз не везде «свернул свое знамя». Так, в книге Е. Бош «Год борьбы», на стр. 120 читаем: «14-го декабря Крестьянский союз вошел в блок с правыми с.-р. и меньшевиками. На 31-е декабря назначили уездное собрание союза, другие организации не допускались. Союзом был приготовлен наказ. — Этим наказом союз хотел привлечь крестьян голосовать в Учредительное собрание. Наказ имел 31 пункт, в последнем пункте его говорилось: «Поддерживайте киевскую Ц. Раду!». Большинство присутствовавших потребовало исключения последнего параграфа, но вносившие наказ отказались. Т о г д а м ы с в о и м и р е в о л ю ц и о н н ы м и д е й с т в и я м и в ы г н а л и с т о р о н н и к о в н а к а з а» (разрядка наша, — А. Ш.)[1]. Украинским историкам необходимо подробнее осветить роль Крестьянского союза на Украине в эпоху борьбы Советского правительства Украины с Ц. Радой.

Историки донской контрреволюции также должны обратить внимание на деятельность Крестьянского союза на Дону. Об этом между прочим есть интересное указание в кн. В. Владимировой «Год службы «социалистов» капиталистам», в которой она на стр. 131 пишет: «в монархический Донской гражданский совет были введены: Савинков, донской меньшевик Агеев, *председатель Крестьянского с'езда Мазуренко* (курсив наш, А. Ш.) и бывший комиссар 3-й армии Вендзягольский». Но вернемся к С. Мазуренко.

Потом, что означают его слова, что Крестьянский союз «к о г д а - л и б о р а з в е р н е т с в о е з н а м я?».

Мы полагаем, что Крестьянскому союзу, хотя бы и на стороне революции, вовсе нет никакой необходимости развертывать свое знамя, потому, что для поддержания и укрепления власти Советов у нас имеется свое знамя, знамя Советов и коммунистической партии.

Из всего вышеизложенного мы видели, что означало в революции 1917 г. знамя Крестьянского союза. Такое знамя может быть поднято только против власти Советов и пусть деятели Крестьянского союза не обижаются, если мы им заявим, что их знамя пролетариат развернуть не позволит.

На счет развертывания знамени Крестьянского союза мы имеем также опыт партии левых эсеров. Вот что об этом рассказывает один любопытный документ, изданный в Москве в 1919 г. в виде брошюры С. Ф. Рыбина, «Как

---

[1] Этот факт был сообщен на I Всеукраинской и крестьянской конференции 20 янв. 1918 г. делегатом Роменского уезда Полтавкой губ.

организоваться трудовому крестьянству». Автор брошюрки очень хитро и тонко подходит к вопросу, почему трудовое крестьянство ничего не получило от Октябрьской революции, доказывая, что «в течение всей революции трудовое крестьянство, как класс, не сумело установить своей позиции и отстоять ее и поэтому русская революция лишается главной своей опоры в нем, а русское хозяйство, главного толкача и двигателя...». Рабочим-де вся власть принадлежит под видом диктатуры пролетариата, а крестьяне распылены по всей обширной русской равнине, в тысячах сел, деревень и деревушек и им еще более необходимо сговориться и об'единиться.

«В 1905 году была первая русская революция, — рассказывает С. Ф. Рыбин, — уже тогда чувствовалась острая необходимость в сплочении трудового крестьянства в свой профессиональный Крестьянский союз. Многие крестьяне понимали это и поэтому Всероссийский Крестьянский союз был образован в конце июля 1905 г. Но этот союз имел очень много недостатков, во-первых, он носил исключительно политический характер (завоевание власти), а во-вторых, во главе союза стояли лица с определенным умеренным политическим направлением — соглашатели, старавшиеся революционное движение крестьян втиснуть в рамки законности, порядка и использовать крестьян, как определенную силу для своих узко-партийных целей». Далее автор рассказывает о том, каковы были Советы крестьянских депутатов в 1917 г., заявляя, что они были только политическими организациями, временно об'единенными для известных целей. «Опыт двух революций показал необходимость трудовому крестьянству создать иные организации по другому плану, а именно «Всероссийский профессиональный союз крестьянства».

Между прочим, это так напоминает настойчивые заявления С. Мазуренко о том, что Крестьянский союз был не политической партией, а профессионально-политической беспартийной организацией. Левый эсер Рыбин, говоря о задачах профессионального союза трудового крестьянства, говорит, что этот союз должен взять на себя защиту нужд крестьянства, защиту интересов крестьянства «от всяких обид со стороны других классов, буржуазии, рабочих, со стороны государства». Союз трудового крестьянства, по мнению Рыбина, должен явиться «защитником всего трудового крестьянства в Советской России в том случае, если в центральных советах воля крестьянства будет подавлена волею других классов: рабочих, интеллигенции или же какой-либо одной партии»... Крестьянский союз, по мысли Рыбина, «отстаивает классовые требования крестьянства, его интересы перед государством и правительством, а равно борется со всякими искажениями действительной, неограниченной властью Советов, диктатурой партии, подменой ее бюрократическим строем».

Далее идут указания, как организовать профессиональный Крестьянский союз. Автор брошюры рекомендует делать это конспиративно, организовавшись вначале, хотя бы «в виде небольшой группы в 15—20 человек, примерно, семей — 7 — 10». Далее в брошюре подробно рассказывается, как нужно достать устав, как провести первое организационное собрание, как об'единиться с другими ячейками союза и т. д. Рекомендуется зареги-

стрировать союз у нотариуса, но «если какое-либо правительство будет преследовать союз, то можно обойтись и без регистрации».

В этом документе совершенно ясна тенденция противопоставить низовым органам Советов в деревне новую подпольную организацию, которая будет прикрываться названием профессионального Крестьянского союза и которая будет вести политику по указке той партии, которая сумеет овладеть этой организацией, и тем самым даст возможность политическим партиям, ведущим борьбу с Советской властью и коммунистической партией, нащупать для себя опору в своей борьбе.

Такое же политическое значение имеет и кампания, поднятая представителями умершего Крестьянского союза для его «реабилитации». Для этой цели ими притягиваются за волосы цитаты из В. И. Ленина, извращаются исторические факты, совершенно неправильно освещается физиономия Крестьянского союза в разные периоды его деятельности. Вся эта маскировка имеет один политический смысл изобразить Крестьянский союз в качестве революционной организации и совершенно не случайно у таких деятелей союза, как С. П. Мазуренко, вырывается завление о том, что союз: «когда-либо снова рзвернет свое знамя».

В заключение следует отметить, что вся кампания «реабилитации» Крестьянского союза, поднятая за последнее время в советской печати, отличается полным отсутствием исторического подхода к нему. Одно дело Крестьянский союз в 1905 г., когда перед революцией стояла задача единого фронта между всем крестьянством и пролетариатом в борьбе с помещичье-дворянским строем и другое дело революция 1917 г., когда пролетариат выдвинул задачи социалистической революции, опираясь в этой борьбе за социализм на пролетарские и полупролетарские слои деревни, когда союз с бедняком был необходим для доведения до конца «походя, мимоходом» демократической революции, в первую очередь в интересах самого крестьянства.

В 1917 г., как мы видели, Крестьянский союз занимал позиции, далеко расходящиеся с задачами пролетариата, представляя из себя политическую партию, опиравшуюся на собственнические круги деревни, тормозившую развертывание буржуазно-демократической революции и явно враждебную социалистическим задачам революции.

Октябрьская революция вместе с эсерами и меньшевиками похоронила и Крестьянский союз и последним нашим пожеланием должно быть одно: пусть никогда в СССР не развернется знамя этого союза, также, как и знамена соглашательских партий, прихвостней буржуазии, эсеров и меньшевиков.

Ирандуст

Вопросы гилянской революции

В ряде процессов, вызванных в странах Ближнего Востока крушением царизма и октябрьской революцией в России, особое место занимает революционное движение 1920—21 г. в гилянской провинции Персии. Гилянская революция не является лишь одним из этапов общего революционного движения, волна которого высоко поднялась на мусульманском Востоке в период после империалистической войны. Она представляет собой самостоятельный законченный цикл революционного движения, в котором на протяжении немногих месяцев сменился ряд этапов и развился ряд внутренних классовых конфликтов, закончившихся разгромом революции.

По своему социальному содержанию гилянская революция является высшим этапом, по сравнению с общим процессом национально-освободительного движения против империализма, которое развертывается за последние годы на Ближнем Востоке (Турция, Персия, Афганистан, Аравия). Подводя итоги этому процессу, можно сказать, что эти страны, положение которых накануне войны определялось в марксистской литературе, как полуколониальное, проходят, в порядке революционной борьбы с империализмом, путь образования самостоятельных национальных государств, в основе чего лежат процессы развития экономики этих стран, представляющих различные фазы перехода от докапиталистических форм к капиталистическим. Мы наблюдаем этот процесс в кемалистской Турции, современном Афганистане, в странах Аравийского полуострова, наконец, в нынешней Персии, которые находятся на различных, но близких, этапах развития по тому же пути и движущей силой в которых являются те или иные виды национального торгового капитала, опирающегося в своей политике на военную и гражданскую бюрократию и армию (Персия), на крестьянство (Турция) или на переходящих к оседлому быту кочевников (Аравия, отчасти Афганистан). «Целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п.,—писал т. Ленин в одной из своих последних статей,—в силу, именно, последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего мирового капитализма» [1]). В то же время

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 136.

тов. Ленин доказывал и обосновал в тезисах 2-го конгресса Коминтерна, что этот капиталистический путь развития не обязателен для остальных стран Востока, которые могут его сократить или даже совсем миновать в случае, если пролетарские революции в передовых капиталистических странах дадут возможность международному пролетариату притти к ним на помощь. Для таких отсталых восточных стран, пролетариат которых находится в зародыше или слишком слаб для руководства революцией, гегемония пролетариата в их революционном развитии может быть обеспечена именно такой международной обстановкой. Такую постановку вопроса мы встречаем, между прочим, и в гилянской революции.

Мы знаем, что в эпоху империализма и пролетарских революций процесс революционного движения в отсталых и угнетенных странах, начиная с борьбы за создание независимых национальных государств, может, при благоприятных условиях, пройти последовательно различные стадии развития национально-освободительного движения, начиная от буржуазной революции, через углубление буржуазно-демократической революции к стадии ее перерастания в революцию социалистическую. Такое развитие предполагает последовательную перегруппировку классов в лагере революции, при чем лагерь контр-революции, при всех изменениях своего социального состава, имеет своим союзником иностранный империализм. При этом последний этап движения возможен лишь при условии гегемонии в нем пролетариата, которая обеспечивается или благоприятным внутренним соотношением классов, или международной обстановкой, или обоими этими факторами вместе.

На каком этапе развития находятся отмеченные выше страны мусульманского Востока, вступившие в борьбу с империализмом? Остановилось ли их развитие на первом этапе, на пороге второго этапа, или же оно имеет более далеко идущие перспективы? Для происходящих ныне процессов национального об'единения племен центральной Аравии (движение ваххабитов, об'единение Неджда с Геджасом) характерно, что они определяются, прежде всего, борьбой за торговые пути и выходы к морю, в которых заинтересован туземный торговый капитал, а во-вторых, попытками перестройки экономики страны на более высокой технической базе, в порядке перевода кочевых племен центральной Аравии на оседлый быт и насаждение оазисного земледелия. Торговому капиталу приходится бороться не с феодальным режимом, а с более неразвитыми условиями патриархального кочевого строя. Вопрос о буржуазно-демократической революции здесь вообще еще не ставился. Современная Турция пережила подлинную массовую революцию против империализма. Именно поэтому развитие кемалистской Турции не могло остановиться на первом этапе национально-освободительного движения, ибо империализм опирался в Турции на элементы феодального строя, на султанат, на реакционное духовенство, на феодальную верхушку Курдистана. В борьбе с империализмом не только в политической, но и в экономической области, кемалистская Турция должна была отменить султанат и халифат, лишить феодальное духовенство экономической базы, разрушить феодальную организацию Курдистана, наконец, в интересах за-

крепления своих экономических позиций, отменить феодальную организацию ашара для крестьянства, переходя к буржуазной налоговой системе. Кемалистская Турция не прошла через аграрную революцию, хотя крестьянство и являлось основной социальной базой кемализма; массовое крестьянское движение было использовано для борьбы с интервенцией и для захвата земель не-турецких меньшинств, являвшихся политическим орудием в руках иностранцев. Однако борьба с остатками феодального режима развернулась в Турции довольно широко, как прямое следствие борьбы с империализмом. Кемалистский путь развития есть путь буржуазного развития, направленного против империализма и остатков феодализма и стремящегося проведением буржуазных реформ устранить почву для возможности аграрной революции.

В Персии, типичной стране мусульманского феодализма, вообще не было буржуазной революции. Правда, персидский феодальный строй начал уже с полвека назад разлагаться под влиянием иностранного капитала. Однако, это же влияние препятствовало созданию в Персии условий буржуазного развития, которые могли бы вызвать к жизни могильщиков феодализма. Попытки правящего класса Персии за последнее полустолетие приспособиться к новым условиям явно доказали, что феодалы, как класс, представляющий собой интересы отживающей хозяйственной организации, не в силах самостоятельно руководить политической и экономической жизнью страны и систематически ведут ее к банкротству. История знает, что альфой и омегой экономической политики феодалов является механическое усиление эксплоатации крестьянства, грабеж купечества и внешние и внутренние займы, за которые феодалы расплачиваются залогом государственных регалий, как таможня, чеканка монеты, или распродажей естественных богатств страны — в виде монополий и концессий. Процесс агонии персидского феодального правительства Каджаров прошел через все эти стадии на пути к краху. Средневековый феодал Европы, не умея организовывать финансовое хозяйство и сводить доходы с расходами, призывал к себе на помощь представителей торговой буржуазии, и первым министром финансов на службе у феодального государства исторически является ростовщик. Неспособные к организации народного хозяйства на новых началах, персидские феодалы нашли своих банкиров и управляющих финансами в лице английского и царского империализма, которые ставили своей задачей раздел и колонизацию Персии. Англо-русское довоенное соперничество являлось той питательной средой, которая поддерживала жизненность отживающего феодального организма в Персии. В то же время политика удушения туземной промышленности и дезорганизации персидского торгового класса подрывала силы нарождавшейся в Персии буржуазии, толкая последнюю в земледелие и препятствуя накоплению в стране капитала. Именно разлагающее влияние империализма создало в Персии условия для искусственной консервации феодальных устоев и их медленной эволюции под влиянием торгового капитала, с общей перспективой превращения Персии в колониально-аграрный придаток капитали-

стически развитых стран. Октябрьская революция в России открыла перед Персией перспективы самостоятельного развития, однако можно положительно утверждать, что без уничтожения пережитков феодального режима в деревне (ибо появление торгового землевладения ничего не изменило в феодально-крепостнических отношениях в персидской деревне), без радикального разрешения аграрного вопроса, Персия не будет в состоянии развиваться самостоятельно и перед ней останется лишь путь колониального развития через «сотрудничество» с западным капиталом, которое покончит со всякой независимостью Персии. Способен ли современный политический режим Персии вступить на путь радикальной аграрной реформы? Этого ожидать не приходится, поскольку базой монархии Пехлеви является торговый капитал в лице торгового землевладения и верхушки купечества, который вырос на эксплоатации отсталых полукрепостнических земельных отношений и закабаления крестьянства и который очень медленно эволюционирует в сторону промышленного капитала. Каковы же перспективы разрешения аграрного вопроса снизу, в порядке революционного действия самого крестьянства? В настоящей стадии переоценивать эти перспективы было бы ошибкой, хотя за последние годы в Персии создаются предпосылки для развязывания аграрного движения.

Гилянская революция представляет собой интерес именно потому, что в ней была сделана попытка революционного разрешения аграрного вопроса.

Детальный анализ этапов развития этой революции и ее движущих сил мог бы дать достаточно материала для уяснения особенностей революций в отсталых аграрных странах Востока, развитие которых искусственно задерживалось империализмом. Уроки гилянской революции, несомненно, могут иметь более общее значение, выходящее за пределы Персии и мусульманского Востока. Пока история гилянской революции не составлена (а она может быть лишь результатом коллективного труда), было бы преждевременно говорить об ее уроках, однако, в порядке постановки вопроса, является целесообразным уже теперь наметить основные проблемы этой революции, как подлежащие ближайшему изучению.

Гилянское революционное движение, развертывавшееся на протяжении десятка лет (с 1911 по 1921 г.), уходит своими корнями в эпоху борьбы за персидскую конституцию начала XX века, которая известна под названием «персидской революции» (1905—1909 г.г.). Оно является, однако, не просто продолжением этого процесса, а его высшей ступенью и по своему классовому содержанию и по своей программе. Основное значение гилянской революции заключается в том, что в нее были втянуты те социальные слои, которые на предшествующих этапах революционного движения не принимали в ней участия, — крестьянство и пролетариат.

Основной чертой всякой революции является переход государственной власти от одного класса в руки другого класса. Если подходить с таким критерием к персидской революции 1905—1909 г., то мы не увидим в ней этого основного условия. Персидская революция возникла на базе разрушения феодального хозяйства страны вовлечением Персии в международный

торговый оборот, проникновением в нее иностранного капитала и товарно-денежных отношений и возникновением новых видов земельной собственности, а также концессионных, промышленных и торговых предприятий, которые требовали для своей защиты гражданского законодательства и конституционных гарантий. Классовым содержанием революции являлась борьба торгового капитала против феодального расчленения страны, за создание единого национального рынка с устойчивым гражданским оборотом. Однако расстановка классов в решающий момент этой революции была такова, что торговая буржуазии, претендовавшая на гегемонию в революции, могла одержать в ней лишь внешнюю победу.

Действительно, конституционное движение на первом этапе носило чисто городской характер и опиралось на городскую демократию — персидский базар, мелких торговцев и ремесленников. Революция могла, в результате благоприятно сложившейся обстановки, достичь временного признания шахом буржуазно-демократических прав, права буржуазной собственности и политических «свобод»,—т.-е. формального установления буржуазной конституции. Однако эта конституция, добытая не оружием, а системой демонстраций и своеобразных видов бойкота (закрытие базаров, «бест», «забастовка духовенства» и т. п.), не обеспечила реального перевеса за городской буржуазией, и шахская власть, после короткого периода нерешительности, вызванного персональными особенностями Мозаффер Эддин шаха, перешла в наступление и отменила конституцию. Второй этап революции заключался в том, что городу удалось привлечь на свою сторону реальную силу из рядов самого каджарского строя — дружины земельного магната Сепехдара, фрондирующего против шаха вельможи, и дикие орды бахтиарских ханов Сердара Асада и Самсам эс Салтане. Об'единение последних дало им возможность захватить Тегеран, что сопровождалось бегством и свержением Мохаммед Али шаха и восстановлением конституции.

Таким образом персидская революция 1905—09 гг., имевшая вначале чисто «городской» характер, могла победить лишь в силу присоединения к ней феодальных элементов, преследовавших свои цели, весьма далекие от революции. Именно благодаря этому победа революции являлась в то же время поражением городской торговой буржуазии и демократического базара.

Действительно, если на первом этапе движения его организующей силой и идеологом являлась городская демократия, которая дала ему лозунги и окрасила его подлинным революционным духом, создав свою вооруженную силу в лице отрядов муджахидов и свой демократически революционный аппарат в лице многочисленных «анджоменов» (советы), то на втором этапе она оказалась слабейшей стороной в коалиции, сохранив известное значение лишь в крупных городских центрах, как Тегеран, Тавриз, Решт. В дальнейшем и здесь ее значение идет на убыль, поскольку реальная власть в стране закрепляется за феодальными элементами. Уже директория, создавшаяся в Тегеране на другой день после свержения шаха [1]), явилась организацией

[1] Ввиду борьбы интересов отдельных феодальных групп шахом был провозглашен его малолетний сын Султан Ахмед.

феодальных и землевладельческих элементов, вступивших между собой в борьбу за власть. После попытки контрпереворота со стороны экс-шаха в 1911 г., которая вызвала новый под'ем революционных настроений и дух единения, борьба обостряется. Фактически в этот период Тегеран находится под вооруженной диктатурой бахтиарских ханов, которая продолжается вплоть до 1913 г., когда с разоружением бахтиарских всадников проводится подрыв этой диктатуры и последняя переносится на юг Персии. Потрепанные в Тегеране бахтиарские ханы, заявляя себя спасителями отечества и защитниками конституции, переносят свою деятельность в Исфаган, Керман, Бехбеган, Султанабад и другие центры южной Персии, установив в свою пользу наследственные губернаторские посты и вооружив свои дружины оружием из разграбленных ими тегеранских арсеналов.

Та же картина укрепления феодальных элементов и фактического распада государственных связей наблюдается в этот период во всей Персии, хотя в Тегеране официально сохраняется конституционный режим и видимость демократической организации правительства. Чем об'ясняется этот процесс? Прежде всего, тем, что в революционном движении совершенно не принимало участие персидское крестьянство, не считая случаев, когда оно шло за своими помещиками и ханами, поскольку из него формировались дружины. Это оказалось роковым для дела революции, ибо феодальный аппарат на местах не был ею затронут, сохранив все свое значение, которое даже увеличилось, вследствие ослабления центральной власти. Таким образом, персидская демократическая конституция оказалась лишь механически приставленной сверху к феодально-организованной стране. Даже меджилис, создание конституционного строя с его демократическим избирательным правом, превратился в орган диктатуры феодалов, т. к. основная масса избирателей — крестьянство, — находясь в феодальных и полукрепостных условиях эксплоатации, голосовало или, верней, считалось голосующим за своих господ. Таким образом, персидская революция 1905 — 09 гг. не сопровождалась переходом власти от одного класса к другому, и в этом смысле она имеет значение лишь этапа революционного движения, а не подлинной революции.

Участие бахтиар в походе на Тегеран 1909 г., восстановившем конституцию, дало основание некоторым теоретикам полагать, что при инертности персидского крестьянства именно кочевые племена являются в Персии базой революционного движения и что именно из их среды аграрная революция будет черпать свои силы. Эта теория основана на чисто внешних сопоставлениях и страдает отсутствием конкретного марксистского анализа. Участие племен в персидской революции имеет в своей основе те же начала, как и при всех династических и феодальных войнах персидского средневековья вплоть до конца XIX века. Вооруженные выступления племен есть характерная черта персидского феодализма, одним из элементов которого является племенной строй. Об'яснять движение бахтиарских племен на Тегеран в 1909 г. их «революционными убеждениями» или их «приверженностью конституции» было бы так же неправильно, как об'яснять поддержку

туркменами и шахсевенами Мохаммед Али шаха их «монархическими убеждениями». Заинтересованность бахтиар в обеспечении зоны их хозяйственной эксплоатации от посягательств центрального правительства лежит в основе их сепаратистской политики в течение ряда десятилетий, определяя также их поведение в 1909 г. Характер «революционности» бахтиарского сепаратизма становится в особенности ясен в период после октябрьской революции в России, когда английский империализм строил свою программу защиты Индии от «большевистской опасности» на сотрудничестве с племенами юга Персии и создании «федерации южных племен» во главе с бахтиарами. Борьба бахтиар с Мохаммед Али шахом имеет под собой мотивы того же порядка, как и их борьба с военным министром Реза-ханом в 1922—24 гг., когда бахтиары, оказывая сопротивление планам центрального правительства наложить руку на феодальную вольницу племен, блокировались с английским империализмом, заинтересованным в недопущении гарнизонов и контроля тегеранского правительства в заповедную зону нефтяных промыслов Anglo Persian Oil C°. Было бы тем более неверно расценивать многочисленные восстания персидских племен за последние годы, являющиеся результатом политики централизации и разоружения племен, как симптом революционного брожения масс или как проявление революционного аграрного движения, как это делают некоторые наблюдатели современной Персии. В действительности та аграрная подпочва, которая имеется в этих восстаниях, имеет характер защиты отсталых хозяйственных организмов этих племен (замкнутое натуральное хозяйство, при разделении труда между земледельцами, скотоводами и воинами) против напора торгово-денежных отношений, а главное против фискальной власти централизованного бюрократического государства с его налогами и административным принуждением. Именно эта консервативная тенденция хозяйственной отсталости персидских племен создает благоприятные условия для блокирования с ними феодалов, членов каджарской династии и английского империализма, что и наблюдалось за последние годы.

Мало того, необходимо учитывать характерный для отсталых аграрных стран антагонизм между оседлым земледельцем-крестьянином и воином-кочевником, при котором феодально - племенная организация кочевников является силой враждебной к аграрному движению и к стремлению крестьян уничтожить крепостнические и кабальные отношения, поскольку именно эти отношения эксплоатируются кочевой верхушкой племен. Разумеется, что при иной обстановке персидские племена могли бы явиться прекрасным военным материалом революции, поскольку последняя своим размахом лишила бы значения антагонизм между земледельцами и кочевниками, открыв перед ними перспективы сотрудничества на новой базе.

Персидская революция 1905—1909 гг. дала также достаточный материал для характеристики роли феодальных революционеров, представителей отживающего феодального строя, которые в борьбе с подавляющей их государственной бюрократической машиной готовы блокироваться с подлинно революционными группами, имея в виду защиту своих групповых интересов

и, в конечном счете, реставрацию старого феодального режима [1]). В новейшей истории Персии мы видим таких феодальных «революционеров» как в движении 1905—1909 гг., так и в гилянской революции, наконец, в событиях последних лет, и в особенности во время республиканского движения 1924—1925 гг., когда к подлинным революционерам-республиканцам присоединились крупные феодалы и вожди реакционного духовенства, считавшие для себя выгодным лозунг республики, которая, по их представлению, должна была ослабить опасную для них центральную власть.

Действительно тем, кто склонен принимать внешность за существо дела и обольщается революционностью феодальных элементов Персии, необходимо учитывать, что выступления феодальных вождей против существующего режима и шахской власти всегда имеют своей целью не революцию, а упрочение феодальной системы и привилегий. Сердар Асад и Самсам эс Салтане, возглавлявшие в 1909 г. поход бахтиар на Тегеран, не большие революционеры, чем ряд феодальных военачальников и вождей племен, участников многочисленных в истории Персии дворцовых переворотов и смен династий. Военное выступление военачальника шаха Тахмаспа-Надир Гули, кончившееся свержением шаха (первая половина XVIII в.), явилось прологом для установления им, уже под титулом шаха, новой династии Афшаров. В свою очередь восстание вождя каджарских племен против Лотфали шаха (конец XVIII в.) окончилось сменой династии Зендов династией Каджаров. Роль Сердара Асада и Самсам эс Салтане в персидской революции 1909 г. не выходит за пределы попытки дворцового переворота в целях создания новой бахтиарской династии. Лишь соперничество других феодальных групп не дало осуществиться этим планам и имело своим результатом сохранение каджарской династии в лице малолетнего Султан Ахмед шаха.

Характерная для истории Персии традиция дворцовых переворотов оставила от эпохи 1905—09 гг. до настоящего времени ряд феодальных вельмож, скомпрометировавших себя антидинастическими выступлениями, что обрекало их на фрондирование и оппозицию существующему режиму, верней, существующей династии, но никак не превращало в революционеров. Такие феодальные «революционеры» могли легко примкнуть к любому движению против правительства, и мы увидим их разлагающую роль в гилянской революции, которую они пытались использовать в целях группового и личного выдвижения и обогащения. Это необходимо учитывать и теоретикам современной Персии, которые, находя таких феодальных и клерикальных революционеров, напр., под маской республиканизма, считают возможным блокироваться с ними, хотя такой блок явился бы, на самом деле, гибельным для целей движения. Реакционная роль феодалов-революционеров в особенности проявилась в гилянской революции, уроки которой вообще чрезвычайно важны для оценки движущих сил персидского революционного движения.

---

[1] В этом смысле характерно участие в борьбе за конституцию персидского духовенства, которое затем и добилось введения в основные законы статьи о формальном контроле духовной коллегии из 5 муджтехидов (высший ранг шиитского духовенства) над законодательной работой меджилиса.

Гилянская революция занимает более высокое место по сравнению с революцией 1905—09 гг., т. к. она имеет не верхушечный, а массовый характер, неся на себе отпечаток всеобщего международного кризиса, вызванного империалистической войной и социалистической революцией, вышедшей из недр этого кризиса в царской России. В гилянской революции мы наблюдаем развитие трех линий революции: 1) национально-освободительной революции против империализма, 2) буржуазно-демократической революции против феодализма и 3) пролетарско-коммунистической революции против буржуазии. Это разделение не означает того, что эти линии революции развивались каждая отдельно или в порядке последовательных этапов. Нет, они тесно переплетались одна с другой, развиваясь параллельно. Действительно, борьба с империализмом не могла отделяться от борьбы с феодалами, которые в отсталых колониальных странах обычно являются опорой империализма. Далее, борьба с феодалами могла быть доведена до конца лишь путем аграрной революции, которая в персидских условиях Гиляна приняла уродливые формы и вылилась в мусульманский аграрный реформизм. Наконец, попытки развязать аграрное движение гилянского крестьянства должны были вылиться в борьбу с буржуазией, так как гилянское купечество на 60% владеет землей.

Этапы развития гилянской революции стихийно переходили один в другой, пока революция не вылилась в форму внутренней гражданской войны и взаимного истребления вождей. После этого революция была легко задушена вооруженной силой центрального правительства, за которым в этот период стояли уже не столько силы феодально-империалистического блока (последний начал терять свои позиции в стране), сколько блок торгового землевладения и купечества, верхушка персидского торгового капитала, испуганного углублением гилянской революции и призраком большевизма и требовавшего установления «порядка» во что бы то ни стало.

Для облегчения анализа движущих сил гилянской революции необходимо наметить краткую хронологическую схему ее развития. Гилянскую революцию можно условно разбить на следующие 6 периодов. 1) Пред'история гилянской революции — период партизанских выступлений гилянских муджахидов против царского и английского империализмов, уходящий корнями в эпоху персидской революциии 1905—1909 гг. В этот период гилянское движение развивается под руководством комитета «Иттехад-е-Ислам» во главе с Кучик ханом, усиливаясь во время империалистической войны, и заканчивается борьбой с английской оккупацией Персии в 1918—1919 гг. 2) Начало самой гилянской революции—период образования революционного гилянского правительства во главе с Кучик ханом, с 18 мая 1920 г. по 31 июля 1920 г., как непосредственный результат восстановления в Баку советской власти, высадки в Энзели красного флота во главе с т. Раскольниковым и изгнания английских военных частей из Гиляна. Это период единого национального фронта, чрезвычайно кратковременный. Уже в нем развертываются противоречия между буржуазно-демократической программой Кучик хана, основным лозунгом которого являлась борьба с империализмом и программой левого крыла иранских коммунистов, считавших необходимым

вовлечение в революцию самых широких крестьянских масс и выставивших своим лозунгом немедленную аграрную революцию с ее переходом в революцию социалистическую. Раскол в едином национальном фронте был вызван решением ЦК ИКП об устранении от власти Кучик хана[1]) и уходом последнего в Дженгель[2]). 3) Период распада гилянского революционного фронта (с 31/VII—1920 г. до 6/V—1921 г.). Буржуазно-демократическая часть движения, выросшая из первоначальной национально-освободительной программы Кучик хана, но враждебно относящаяся к лозунгам социалистической революции, изолируется в лесах Дженгельской республики. Остальная часть Гиляна, под руководством революционного комитета во главе с Эхсануллой ханом, проходит через период борьбы на два фронта: против шахских войск и против Дженгельской республики, провозглашая в то же время своей программой развертывание аграрной революции и социальные реформы. Правительство Эхсануллы хана прибегает к экономическим методам военного коммунизма, но в результате хозяйственного развала революционного тыла вынуждается к блокированию с феодальными элементами (Талышский хан Заргам эс Салтане). Отсутствие твердого и выдержанного руководства, хозяйственная разруха и развал фронта заставляют ревком пересмотреть методы своей работы, при чем в хозяйственной области это выражается переходом к «новой экономической политике». В политической области это выражается в линии на об'единение всех революционных сил и примирение с Кучик ханом, чем и заканчивается 3-й период. 4) Период восстановления единого гилянского фронта начинается с организации об'единенного ревкома (Кучик хан, Гайдар хан, Халу Курбан, Мохаммеди, Эхсанулла хан). В этот период достигается известное соглашение между отдельными революционными лагерями, которое, однако, носит лишь внешний характер. В действительности внутри ревкома ведется борьба за руководство революцией, переходящая в иные моменты в открытые военные действия. В этот период преобладающей фигурой в революции становится Гайдар хан, который выдвигает вопрос о гегемонии пролетариата в гилянской революции. Этапами проведения программы Гайдар хана является избрание его председателем Совета Дженгели, переформирование гилянского правительства и провозглашение в Гиляне советской республики (4 августа 1921 г.). 5) Период роста внутренних классовых противоречий в гилянском фронте проходит под знаменем советской республики с момента ее провозглашения (4 августа 1921 г.) до раскола Совнаркома 29 сентября 1921 г. В этот период группа Гайдар хана держит курс на завоевание Дженгели, превращение ее в свою базу и взрыв политики Кучик хана изнутри. Последний принимает свои предупредительные меры, арестует Гайдар хана и других членов ревкома. В начавшейся гражданской войне арестованного Гайдар хана убивают. Фронт распадается. 6) Период ликвидации гилянской революции. В борьбе с Кучик ханом курдские отряды Халу Курбана об'единяются с шахскими войсками. Эхсанулла хан с своей группой эмигрирует в Баку. Гилян занимается шахской администрацией. В декабре 1921 г. ликвидируются по-

[1]) 10/VII—1920.
[2]) 19/VII—1920.

следние отряды Кучик хана, и сам он замерзает в горах. Так заканчивается цикл гилянской революции. Вышеприведенная краткая схема представляет собой весьма грубую хронологическую канву основных этапов гилянской революции, для полного уяснения которой необходимо учитывать также факторы международного положения Персии (напр., англо-персидский договор 1919 г., его аннулирование весной 1921 г., эвакуация Персии английскими войсками, заключение советско-персидского договора от 26 февраля 1921 г. и т. п.).

Ставя в данном очерке задачей наметку социальной базы и движущих сил гилянской революции и отвлекаясь от факторов международного характера, необходимо отметить ее характерные черты по сравнению с персидским конституционным движением 1905—09 гг. и ее отличие от китайской революции.

Если в революции 1905—09 гг. основные классовые конфликты проходили по линии борьбы за власть между торговой буржуазией и феодалами [1]), то в гилянской революции мы видим развертывание следующих линий конфликтов: 1) противоречия между феодальной верхушкой и национально-буржуазным блоком; эти противоречия разрешились бегством из Гиляна крупных помещиков, вступивших затем в блок с английским империализмом в целях вооруженной борьбы против гилянской революции; 2) противоречия между торговым землевладением и крестьянством; эти противоречия смягчаются реформистской политикой Кучик хана и имеют тенденцию к обострению лишь в период проведения политики «военного коммунизма», тяжесть которой помещики перекладывали на плечи крестьян; 3) противоречия между крестьянством и племенами, находившиеся в скрытом состоянии в начале движения и весьма обострившиеся при его развитии; 4) конфликт по линии рабоче-крестьянских взаимоотношений, оказавшийся роковым для гилянской революции и вызвавший развал последней.

Пестрый состав социальной базы гилянской революции наиболее легко поддается анализу на том этапе движения, когда классовые противоречия привели революционный Гилян к фактическому распаду на несколько лагерей, обособленных территориально и представлявших по своему социальному содержанию интересы различных классов гилянского движения. Действительно, летом 1921 г. мы видим в Гиляне следующие обособленные группировки: 1) Дженгель, основная база движения, крестьянская по своему социальному составу, во главе с Кучик ханом; 2) торгово-буржуазный городской лагерь Решта, представителем которого являлся Мохаммеди, ближайший сотрудник Кучик хана, и который в первом этапе революции входил в блок, возглавлявшийся самим Кучик ханом; 3) военный курдский штаб движения во главе с Халу Курбаном, территориально расположенный в том же Реште и живущий ресурсами последнего; отсюда внутренние конфликты этих двух групп; 4) отдельная группа Эхсануллы хана, расположенная в Лахиджане; ее курдская военная организация [2] мало отличается от организации Халу

[1]) Временное об'единение этих сил летом 1909 г. не означало их блока, а являлось новой формой борьбы за власть.

[2]) В момент Тунекабунского похода (июль—август 1921 г.) она главным образом строилась за счет партизанских отрядов крестьян.

Курбана, но ее руководящее ядро является идеологом самостоятельной социальной группы — левого крыла персидской радикальной интеллигенции, бунтарско-анархического толка; наконец, 5) группа Гайдар хана, расположенная в Энзели, социальной опорой которого являлась полупролетарская, ремесленная часть городского населения и масса местного портового пролетариата (грузчики, лодочники), а также группа персидских рабочих с отхожих промыслов в Баку, Красноводске, Астрахани и других центрах персидской рабочей эмиграции (по некоторым показаниям эта последняя группа достигала численности в 1.200—1.500 человек).

Этапы развития гилянской революции, процесс первоначального образования блока всех классов, враждебных империализму, и затем распад этого блока, переход в лагерь контр-революции бывших на предыдущих этапах движения революционных сил (Кучик хан), невольно заставляют провести сравнение гилянской революции с китайской, разумеется, отвлекаясь от масштабов этих революций, которые совершенно несоизмеримы. Здесь необходимо в первую очередь установить черты отличия в значении и роли отдельных классов в этих революциях и те условия своеобразия гилянской революции, которые делают неприложимыми к ней ряд основных положений китайской революции. Прежде всего, коренное различие этих революций заключается в вопросе о роли в них пролетариата. Действительно, Китай, в экономике и социальных условиях которого сохранились многочисленные пережитки феодализма (и в этом его сходство с Персией), уже вступил на путь промышленного развития и имеет ряд мощных индустриальных центров. Китайский пролетариат, при своей немногочисленности, уже играет весьма значительную роль в революционном движении Китая. Его удельный весь в политической жизни Китая превосходит удельный вес туземной промышленной буржуазии, владеющей лишь частью промышленных предприятий Китая, значительное количество которых находится в руках иностранного капитала. Именно поэтому основным фактором развития китайской революции является борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию в революции, за руководство мелкой буржуазией и крестьянством. Именно это сделало необходимой постановку вопроса о двух возможных путях развития китайской революции и о вероятной перспективе некапиталистического развития Китая, при победе в этой борьбе китайского пролетариата. Персия стоит еще на пороге промышленного развития, и ее пролетариат ничтожен. Имеющиеся в Персии группы наемного труда представляют собой в значительной части полупролетарские слои, связанные с ремеслом и земледелием и входящие в средневековые организации цехового типа. Поэтому вопрос о гегемонии пролетариата в настоящей стадии развития Персии не возникает, и самая постановка его возможна лишь в порядке ориентации на организованный пролетариат вне Персии. Характерно, что сторонники гегемонии пролетариата в гилянской революции были вынуждены делать выводы, именно, в этом направлении [1].

---

[1]) См. резолюцию ЦК ИКП от 30/IX—1920 § 9 и 10, о введении в Гилян советской красной армии.

Второе различие касается положения и роли в революции крестьянства. История Китая в значительной мере является историей крестьянских революций, и китайское крестьянство за последние годы является громадной революционной силой. В Персии не было крестьянских революций, и в истории персидского революционного движения (Баб, борьба за конституцию), крестьянство или оставалось в стороне от движения, или играло в нем контрреволюционную роль. Правда, в гилянской революции мы уже видим крестьянство, как активный фактор революции. Гилянское крестьянство вообще стоит на высшей ступени развития по сравнению с крестьянством других областей Персии. Хозяйство Гиляна в течение столетий было знакомо с товарно-денежными отношениями, в то время, как другие области Персии находились в этапе замкнутого натурального хозяйства. Уже в XIII веке гилянский шелк являлся предметов вывоза за границу [1]. В XIX веке Гилян является главным экспортером риса и табака. Хозяйство гилянского крестьянина уже давно приспособляется к потребностям рынка, и сам он более отошел от «идиотизма деревенской жизни», чем крестьянство других областей Персии. И тем не менее, при всех этих условиях, роль крестьянства гилянской революции была весьма ограниченной.. Оно осталось пассивным и даже враждебным в отношении лозунгов аграрной революции и выдвинуло своей программой исправление земельных отношений согласно заповедям Корана.

Таким образом, в гилянской революции создались условия для гегемонии буржуазии, однако, не промышленной буржуазии, которая в Персии находится лишь в зародышевом состоянии, а торговой, связанной, с одной стороны, с городским ремеслом, а, с другой, — с земледелием. На этой почве мог возникнуть единый революционный фронт против империализма, который характерен для первых этапов гилянской революции.

Как видим, удельный вес отдельных классов в гилянской и в китайской революциях весьма различен. Отсюда вытекают и различия в путях их исторического развития.

Расстановка классов в гилянской революции следующим образом характеризовалась ЦК Иранской КП [2].

Против единственного контр-революционного класса — крупных помещиков, стоят следующие потенциально-революционные классы: а) прежде всего, тысячи разоренных кустарей, ремесленников, рабочих с закрытых фабрик и обезземеленных, сбежавших в город в поисках работы, крестьян, составляющих класс городской бедноты люмпен-пролетарского типа;

б) многомиллионное крестьянство,—райя,—лишенное не только права собственности на обрабатываемую землю, усадьбу и скот, но и прав лич-

---

1) См. Бартольд, «Иран», стр. 53.

2) См. «Тезисы о социально-экономическом положении Персии и тактике Иранской Коммунистической партии Адалет», «Жизнь национальностей» от 17/IV—1921 г. При оценке программы и тактики иранской компартии в гилянской революции необходимо учитывать, что в различные периоды руководство в ней принадлежало различным течениям, которые боролись между собой. Эта тема имеет самостоятельное значение.

ности, беспощадно эксплоатируемое мюлькдарами, ханами, муджтехидами, стонущее под бременем помещичьих поборов и государственных налогов и не имеющее никаких надежд на улучшение своего бедственного положения при сохранении существующего порядка;

в) многочисленный класс мелких и средних торговцев, насчитывающий до 3½ миллионов душ, стоящий на границе полного обнищания и понимающий, что все усиливающаяся конкуренция английского капитала, при сохранении прежнего стро осуждает торговый класс Персии на окончательную гибель.

Все перечисленные классы уже в течение 15 лет находятся в состоянии революционного брожения, и ухудшение их экономического положения содействует все большему и большему накоплению революционной энергии, делающей неизбежным революционный взрыв. При этом ясно, что первый этап революционного движения должен носить националистически-освободительную окраску.

При отсутствии в Персии промышленного пролетариата, при крайней неорганизованности, забитости, темноте и невежестве крестьян, всецело находящихся под властью религиозных предрассудков, при полном отсутствии у них классового самосознания и при наличности об'единяющей все классы (за исключением класса крупных землевладельцев) ненависти к иностранцам, являющимся в глазах персидского народа носителями всех зол, — рассчитывать, что революция в Персии может возникнуть на почве классовой борьбы и почти с самого начала под коммунистическим флагом, решительно не приходится.

Революция в Персии может возникнуть и успешно развиваться только в форме национально-освободительного движения, имеющего целью освобождение из-под иностранного гнета и утверждение полной политической и экономической независимости Персии. Такая революция будет руководиться единственным способным в Персии к политическому руководству классом мелкой торговой буржуазии.

В соответствие с этой расстановкой классов ЦК ИКП намечал и свою тактику в следующем тезисе: «Иранская компартия «Адалет» отказывается от немедленного проведения в Персии чисто коммунистических мер и свою тактику ближайшего периода (до свержения шахского правительства и изгнания англичан из Персии) строит на об'единении всех классов от пролетариата до средней буржуазии в борьбе против Каджаров и иностранных империалистов и на тесном сотрудничестве с партией левых демократов (группы Шейх Мамед Хиабани), выражающей интересы мелкой буржуазии и интеллигенции. Иранская компартия «Адалет» признает возможным и желательным, впредь до указанного времени, заключение тесных соглашений и вхождение в избирательные блоки с партией левых демократов. Точно также иранская компартия «Адалет» признает для себя желательным сотрудничество с признанными вождями национально-освободительного движения, вроде Мирзы Кучик хана и ему подобных.

Что принципиально нового давала эта постановка по сравнению с персидской революцией 1905—09 г.г.? В то время как в конституционном

движении мы видим на определенном его этапе (1909 г.) блок (правда, временный) всех классов (включая и феодалов и феодальное духовенство) против шахской власти, в гилянской революции из этого блока исключаются феодальные элементы, как союзники империализма. Таким образом, задача привлечения крестьянства в качестве союзника в борьбе с феодалами была поставлена перед руководителями гилянской революции самим фактом враждебного ей феодально-империалистического блока. Эта задача была отчетливо сформулирована в тезисах ЦК ИКП (§ 12): «Иранская коммунистическая партия «Адалет» признает возможным и желательным, еще в процессе борьбы против англичан и шахского правительства, в целях вовлечения в эту борьбу широких масс крестьянства, — немедленное радикальное разрешение аграрного вопроса и экспроприацию крупных землевладельцев мюлькдаров в пользу крестьян. Принимая во внимание, что, с одной стороны, борьба с крупными землевладельцами все равно неизбежна при борьбе с поддерживающими их англичанами, а, с другой, что экспроприация мюлькдаров не заденет интересов мелкой и средней буржуазии и не оттолкнет ее от революции, надлежит признать, что такая мера не ослабит, а усилит революционное движение, дав крестьянским массам практический стимул для наиболее горячего в нем участия».

Эта установка, признающая возможность блоков с революционно настроенной средней и мелкой буржуазией восточных стран, а также необходимость удовлетворения наиболее насущных нужд крестьянства, находила свое разрешение на первом этапе гилянской революции в сотрудничестве с вождем мелко-буржуазного лагеря, Кучик ханом, и в его программе земельных реформ сверху в порядке восстановления мусульманской десятины и конфискации земель бежавших из Гиляна врагов революции и крупных помещиков. Иную оценку движущих сил гилянской революции давали ультралевые теоретики, отвергавшие возможность каких-либо соглашений с националистической буржуазией и выставлявшие лозунги социалистической революции. Такая критика слева исходила из неправильной оценки этапа развития Персии и из непонимания различной расстановки и роли классов в «угнетенных» и «угнетающих» нациях. В то время, как вышеуказанные тезисы ЦК ИКП констатировали, что «Персия находится на переходной ступени от патриархально родового и феодального быта к капитализму», эти деятели переоценивали капиталистическое развитие Персии[1]) (подобно тому как некоторые работники переоценивают капиталистическое развитие Китая), делая отсюда неверные выводы. Мало того, они утверждали, что Персия является страной буржуазной демократии и приходили отсюда к выводу о необходимости в ней коммунистической революции в противовес буржуазно-демократической[2]). Наконец, отходя от положений т. Ленина

[1]) См., напр., выступление т. Султан Заде на 2-м конгрессе Коминтерна: «В Персии и Индии... процесс классовой дифференциации идет гигантскими шагами... К 1870 году в этих странах господствовал торговый капитал». Стенограмма, стр. 141 — 142.

[2]) См. выступление т. Султан Заде на 2-м конгрессе Коминтерна: «Мне кажется, что тот параграф тезисов, где говорится о поддержке буржуазно-демократического движения в отсталых странах, применим лишь постольку, поскольку такое движение существует там лишь в зародыше; но там, где мы имеем перед собой опыт 10-ти и больше лет, или где, как, напр., в Персии, буржуазная демократия есть основа и

о революционных возможностях национальной буржуазии в угнетенных странах и о приемлемости «временных соглашений и даже союзов, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран», эти деятели заявляли о недопустимости сотрудничества с Кучик ханом, как идеологом буржуазии, и требовали вооруженной борьбы с ним. Опыт гилянской революции показал, что такая тактика сорвала успешное расширение базы движения, преждевременно отбросила в лагерь контр-революции среднюю и мелкую буржуазию и изолировала движение от массовой поддержки в других провинциях, лишив этим самым гилянское движение значения организующего революционного центра и предопределив его распад.

Первый этап Гилянской революции, с правительством Кучик хана во главе[1], знаменовал собой блок городской торговой буржуазии, возглавлявшей национально-освободительную борьбу против империализма, с мелким и среднем землевладением, городской ремесленной демократией и крестьянством. Гегемоном на этом этапе являлась торговая буржуазия, которая принимает на себя и финансирование революции, обязавшись, в порядке добровольного самообложения, внести на дело революции 300.000 туманов. В этот период из Гиляна бегут крупные помещики и пособники английского империализма, земли которых, как врагов революции, конфискуются и поступают в распоряжение правительства. Это не противоречило интересам торговой буржуазии, хотя последняя в Гиляне, напр., на 60% является земледельческой. Поскольку конфискация ослабляла крупных земельных магнатов, с которыми торговая буржуазия вела борьбу за землю, эта мера соответствовала ее интересам. Характерно, что на первом этапе гилянской революции ее программа полностью разделяется демократическими группами и организациями, сторонниками национально-освободительного движения в Тегеране, Мешеде и в особенности в Тавризе. Гилянская революция становится организующим центром обще-персидской борьбы против английского империализма и его феодальных союзников в стране. Именно это придает ей в первом этапе особую силу и значение. Однако уже в этом периоде движения проявились определенные внутренние противоречия. Борьба с феодалами не могла развиваться без участия в революции крестьянства и без разрешения в той или иной степени аграрного вопроса. Однако, проведение аграрной революции должно было встретить жестокий отпор не только со стороны помещиков, но и торговой буржуазии, поскольку она является земледельческой. Из двух наметившихся тактик в этом вопросе (последовательная аграрная реформа сверху или революция снизу) победила вторая. При этом

поддержка власти, проводить там такую тактику значит толкать массы в об'ятия контрреволюции. В данном случае дело идет о том, чтобы создать и поддержать чисто коммунистическое движение, в противовес буржуазно-демократическим течениям. Всякая иная оценка фактов, всякий иной вывод могли бы привести нас к самым плачевным результатам». Стенограмма, стр. 143

[1]) Сам Кучик-хан—мелкобуржуазный революционер, бывший студент духовной школы (ахунд), примкнувший к революции в 1908 г., — один из деятелей комитета «Иттехад-е Ислам», возглавивший собой в период империалистической войны гилянских партизанов (муджахиды) и организованное им общество «дженгелийских братьев». Исходя из борьбы с империализмом, он пришел позднее к вопросу необходимости социальных реформ, которые он мыслил, как восстановление первоначальных демократических основ Ислама.

сторонники немедленной аграрной революции требовали ее углубления рядом мер социалистического характера, которые ударяли и по городской буржуазии. Осуществление этой программы вызвало кризис первоначально единого национального фронта, отход буржуазных элементов движения и новую перегруппировку классов внутри последнего.

На втором этапе гилянской революции мы находим уже следующую расстановку сил. Мелко-буржуазный лагерь Кучик хана изолируется в лесах Дженгели, поддерживая попрежнему программу сотрудничества с торговой буржуазией. Его основной базой в этом периоде становится крестьянство Дженгели, что заставляет Кучик хана перейти к углублению его земельной реформистской программы, путем восстановления мусульманской десятины. В то же время правительство Эхсануллы хана, об'единяющее весь остальной Гилян, имеет под собой весьма неустойчивую социальную базу. Приняв своей программой выкинутые левыми теоретиками лозунги аграрной революции и ее перерастания в социалистическую и в то же время не имея под собой пролетарской базы, мелкобуржуазное правительство Эхсануллы хана переживает постоянный кризис, пытаясь своей деятельностью обеспечить себе массовую поддержку и создать устойчивую базу для продолжения революции. В этот период окончательно определяются отход крупной и средней торговой буржуазии Гиляна от революции и ее активные попытки организовать контр-революционные выступления. Что касается мелкой городской революционной буржуазии, на которую в этом периоде опирался Эхсанулла хан, то она, теряя материальную поддержку и руководство со стороны верхушки торгового капитала и будучи отрезана от питательной базы Дженгели, и в то же время не имея поддержки со стороны гилянского крестьянства, оказавшегося пассивным в отношении лозунгов аграрной революции, находится в состоянии постоянного колебания и политической «качки» справа налево и мечется от крайне левых лозунгов к крайне правым выступлениям. Сам Эхсанулла хан, находясь под влиянием «ультра-левых» теоретиков, все время является сторонником тактики путчизма и крайних левых мер, ведя по существу анархическую линию. Неся все тягости борьбы с шахскими войсками, правительство Эхсануллы хана вынуждается в своей хозяйственной политике на ряд мер, результаты которых шли вразрез с его лозунгами и программой. Так, провозглашая раскрепощение трудящихся масс, правительство Эхсануллы хана устанавливает систему обложения состоятельных групп города и деревни, которая, однако, фактически ложится всей тяжестью на ремесленников и крестьянство, вызывая озлобление мелкой и средней буржуазии. Так, установление принудительных поставок помещиками хлеба свелось к выколачиванию последними хлеба у крестьян. Распределение реквизиций, установленных для торговой буржуазии, производилось через верхушку рештского купечества, которое обогащалось на этом распределении. Очевидцами отмечаются также такие факты, как реквизиция правительством перевозочных средств и лодок у погонщиков и лодочников, применение неоплачиваемого труда грузчиков и т. п. факты, неизбежные при военно-революционных действиях, но которые вооружали против революционного правительства широкие массы трудящихся. Неудача в прове-

дении аграрной революции ободрила помещичьи элементы и мы наблюдаем на этом этапе гилянской революции весьма оживленную работу феодальных революционеров (Сердар Мотемед, Амид ос Султан, Сердар Мохи и др.), которые, провозглашая крайние революционные лозунги, фактически стремятся скомпрометировать и сорвать революцию, повернуть ее с пути классовой борьбы и подменить последнюю борьбой за групповые и личные интересы. В то же время они ведут контр-революционную работу среди масс под реакционными лозунгами. Так, Сердар Мохи (один из феодальных попутчиков революции 1905—09 г.г.) с своим братом Амид ос Султаном убедили правительство Эхсануллы издать декрет об обложении вакуфных земель (1920 г.), а потом организовали через духовенство агитацию против правительства, в результате чего декрет был отменен, что послужило к укреплению феодально-клерикальных элементов Гиляна. Такое политическое сотрудничество с феодалами-«революционерами» привело, наконец, весной 1921 г., к заключению союза между правительством Эхсануллы и крупнейшим талышским феодалом Зергам ос Салтане. Союз этот имел целью совместную борьбу против Кучик хана, а, с другой стороны, обеспечивал экономическое «сотрудничество» сторон, так как Зергам хан был заинтересован в сбыте своих огромных запасов риса и нуждался в патронах, а правительство Эхсануллы хана нуждалось в продовольствии и имело оружие. На этой почве возник блок «ультра-левого» правительства Эхсануллы с феодальной организацией Талыша против мелко-буржуазного революционного лагеря Кучик хана. Таким образом ультра-левые теоретики, не признававшие соглашений с революционной буржуазией, пришли к признанию союза с чистокровной феодальной реакцией средневекового типа. Такова диалектика ультра-левой фразы.

Второй этап гилянской революции, сопровождавшейся военными неудачами, неоднократным переходом Решта из рук в руки, с грабежами и поджогами торговых складов, окончательно бросил торговую буржуазию Гиляна в лагерь контрреволюции. Значительная часть ее бежала в Тегеран и другие центры, разнося всюду пропаганду против «большевистских опытов» в Гиляне и призывая к борьбе с угрозой революции. В этот момент в Персии мог бы создаться блок землевладения и торговой буржуазии с английским империализмом в борьбе с большевистской опасностью. Именно в этом заключалась программа британской дипломатии в Персии в период 1918—1921 гг. Однако организация этого блока не удалась. В основе этой неудачи лежал тот экономический кризис, который охватил Персию в период установления в ней английской диктатуры, главным образом, в результате прекращения торговли с Россией. Этот кризис подготовил ориентацию персидских торговых кругов в пользу восстановления связей с Советской Россией. События 1920—1921 г., высадка красного флота в Энзели и угроза столкновения на территории Персии красной армии и британских оккупационных частей заставили персидское правительство потребовать вывода из Персии английских войск. Этот вывод начался летом 1920 г. и закончился летом 1921 г. Одновременно с английскими частями Персию покинули английские военные инструктора и финансовые советники. Эта программа проводилась

тегеранским правительством в первую очередь для того, чтобы обеспечить персидский нейтралитет и предупредить возможное продвижение красной армии, которое казалось неизбежным в случае оставления английских войск на территории Персии, так как являлось необходимым обезопасить Баку от возможного удара английских частей с персидского фланга. Однако большую угрозу, чем красная армия, для персидских правящих классов представляла опасность распространения в Персии большевистской программы и возможность расширения гилянского движения. Революционные события в Гиляне и пропаганда идей аграрной революции напугали все имущие классы Персии. К весне 1921 г. в стране уже вполне выявился блок национально-демократических элементов во главе с торговой буржуазией, требовавшей избавления Персии от революции путем проведения необходимых реформ сверху. Февральский переворот Сеид Зия Эддина, проведшего аресты феодальных элементов и провозгласившего земельную реформу путем раздачи крестьянам казенных земель (халисе), представлял собой попытку буржуазно-демократического блока в Персии приостановить развитие революции путем реформ. Значение этого достаточно учитывалось британской дипломатией, которая в этот момент краха своей ближневосточной программы считалась с возможностью революционного взрыва в Персии, в результате распространения «большевистских идей», который мог перекинуться в Индию. Выражая мнение британских дипломатических кругов, «Таймс» писал следующее о программе Сеид Зия Эддина: «Аграрная программа правительства также весьма замечательна. Конституционалисты никогда не занимались аграрными реформами. Их престиж, подобно престижу мадьярского дворянства, держался всецело на раздувании националистических чувств против России, а в последнее время — против Англии. Теперь впервые заговорили с персидским крестьянином. Зия Эддин считает, что общество может быть спасено от большевизма немедленными приемами гомеопатических средств».

Смысл программы аграрной реформы Сеид Зия Эддина заключался в ее широком опубликовании. Едва ли кто серьезно верил в ее осуществимость. Она была нужна в первую очередь для того, чтобы обеспечить тегеранскому правительству поддержку радикальных групп и национально-прогрессивных элементов, оторвав их от гилянского революционного центра.

Таким образом уже весной 1921 г. расстановка классов в Персии была весьма неблагоприятной для гилянской революции, которая фактически была изолирована от всякой поддержки в стране. Внутри она распадалась на два враждующих лагеря, между которыми происходили военные действия. Правительство Эхсануллы хана под давлением экономического кризиса и разлагающего влияния контр-революционных элементов находилось в процессе распада. В этот момент делается попытка восстановления гилянского национального фронта. Эта попытка была заранее обречена на неудачу, так как рештская буржуазия уже была настроена явно контрреволюционно, а мелкая революционная демократия и деклассированные городские массы, измученные войной и революцией, требовали улучшения своего положения за счет состоятельных слоев. Этот этап гилянской революции проходит под

фактическим руководством Гайдар хана, старого персидского революционера, организатора персидского рабочего движения и террориста эпохи 1908 года. Его целью являлось завоевание крестьянской Дженгели, путем внешнего примирения с Кучик ханом, и взрыв организации Кучик хана изнутри. Несмотря на создание в мае 1921 г. об'единенного ревкома, летом 1921 г. Гилян распадается фактически на 4 лагеря (Энзели, Решт, Фумен, Лахиджан), между которыми ведется полуприкрытая борьба. Рост влияния Гайдар хана выражался в таких фактах, как избрание его председателем совета Дженгели и затем провозглашение Гиляна Советской Республикой. Гайдар хан, опираясь на аппарат Иранской компартии стремится установить контроль компартии над всеми основными должностями республики. Когда Кучик хан отказался опубликовать предложенную компартией программу социальных реформ, ее опубликовал сам Гайдар хан от имени комиссариата иностранных дел, главой которого он формально являлся. В сентябре 1921 г. им организуется коммунистический отряд особого назначения, хотя официально военным комиссаром являлся Халу Курбан. Все эти факты и рост влияния Гайдар хана в Дженгели убедили Кучик хана, что гилянская революция пойдет дальше по пути углубления классовой борьбы, а не национального движения. В событиях 29/IX—1921 г., когда Кучик хан арестовал других членов Совнаркома и его отрядами было произведено нападение на коммунистические организации Решта и убийство коммунистов, проявилась контрреволюционность средней и мелкой буржуазии в отношении лозунгов социалистической революции. Попытка перехода к этапу социалистической революции в момент, когда программа буржуазно-демократической революции находилась в самом начале осуществления, окончилась крахом и распадом гилянского движения.

Что является основным в уроках гилянской революции? То, что для аграрной революции недостаточны об'ективно невыносимые условия, в которых находится персидское крестьянство. Для того, чтобы развязать аграрное движение в Персии, необходима предварительная организационная и политическая работа. Действительно, мало сказать крестьянину, что данный участок, отнятый у помещика, принадлежит ему. Необходимо дать крестьянину возможность обработать этот участок, надо снабдить его семенами и инвентарем, что обычно делал помещик (в этом корни экономического закабаления персидского крестьянства). Революционное правительство передавало крестьянам земли помещиков, но не имело возможности оказать крестьянам организационное содействие для реального овладения и обработки земли. Такая практика создала у крестьян впечатление несерьезности и декларативности революционной аграрной программы правительства, которая повисла в воздухе. В результате гилянские крестьяне не пошли за лозунгом захвата помещичьих земель, но полностью присоединились к земельной программе Кучик хана, основанной на восстановлении земельных отношений согласно Корану. Здесь необходимо учитывать также препятствия религиозного порядка. Один из наблюдателей гилянского движения так характеризовал причины, противодействовавшие проведению правительством Эсханулла хана сверху аграрной революции в Гиляне: «Крестьянин настолько опутан

религией и основанными на ней законоположениями, что аграрная реформа в прямом смысле слова не может достигнуть каких бы то ни было результатов. Как конкретный пример, можно указать следующую маленькую подробность. Если отобрать у помещика землю и передать ее крестьянину, то крестьянин землю возьмет. Но для того, чтобы похоронить своего родственника, он должен взять благословение муллы. Мулла не может дать благословения для погребения на чужой земле без согласия на то хозяина. Хозяином мулла считает только хана (помещика), а отнятую землю — вне закона божия, и без согласия хана не даст благословения. Крестьяне, по существу далеко не верующие люди, в том, что касается обрядов смерти и погребения, фанатичны, и одно это недоразумение может создать для экономического дела мистический провал». Здесь не совсем внятно, но правильно подмечена та реакционная сила, которая связывает персидского крестьянина в его борьбе за землю. На одном из митингов в Реште Кучик хан отмечал, что стих Корана «Ан насу муссалятуна аля амвали хим ва анфуси хим» (люди властны в своих имуществах и жизнях) узаконяет имущественное неравенство, и что ни один верующий мусульманин не может посягать на имущество другого. Один из представителей персидского союза молодежи так передает настроение гилянских крестьян, которые встречали с дубьем агитаторов аграрной революции: «На деревенских митингах, в особенности в селениях Хумам, Новкам, Хошке Биджар, Джефаруд, крестьяне громко восставали против красной армии и высказывались за мирзу Кучика. Мы спросили, по какой причине вы переменили убеждение. Нам ответили следующим образом. В Коране сказано: «Он создал землю для людей». Вы же не только не поступаете с нами согласно этому стиху Корана, как обещали раньше, но даже действуете наперекор обещаниям большевиков». Другие многочисленные показания отмечают тот же факт религиозной ослепленности гилянского крестьянства и его противодействие всем желавшим поставить радикально вопрос о земле. Поэтому лозунги аграрной революции, голым провозглашением которых некоторые пытались подменить предварительную организационную работу среди крестьянства, не только повисли в воздухе, но вызвали крестьянскую реакцию, гибельно отразившуюся на судьбе гилянской революции. Вот почему происходящая ныне в Персии борьба с духовенством и с феодальными привилегиями землевладельцев является одним из крупных факторов для развязывания в Персии аграрного движения.

Гилянская революция показала далее, что крестьянское аграрное движение может встретить сопротивление не только со стороны помещиков, но и кочевых племен, интересы которых не совпадают с интересами крестьянства, в силу исторической борьбы между этими двумя социальными группами за землю. Устранение этой борьбы и установление сотрудничества этих групп представляют важную тактическую задачу в персидской революции. Интересную иллюстрацию этого антагонизма представляет роль курдских племен в гилянской революции.

При начале гилянской революции курды Халу Курбана представляли собой артели сельско-хозяйственных батраков, работавшие в лесах Гиляна по сбору кятиры (смолы). Происходя родом из Керманшаха, они принадлежали

к тем племенам, которые в 90-х годах прошлого века подверглись разрушительному воздействию торгового капитала. Именно в этот период в керманшахском районе происходил захват племенных родовых земель ханами, и появилось торговое землевладение, ставящее своей целью производство на рынок и превращение в товар тех естественных ресурсов края, которые явились хозяйственной базой многочисленны кочевых племен, паразитировавших на оседлом крестьянстве. Торговый капитал, эксплоатирующий крестьянское хозяйство, начал сгонять с земли лишние рты, и как раз в это время происходит массовое вытеснение и пролетаризация кочевников. Керманшах становится рынком рабочих рук. Один из старожилов этого района отмечает, что в 1317—18 г. (1901 г.) в Керманшахе впервые нанимали рабочих на отхожие промысла, платя в день по 2 крана. В этот момент ряд туземных предпринимателей-торговцев, учитывая растущий спрос русского рынка на кятиру (гумми драгант), организовал артели батраков для ее сбора в лесах Гиляна, нажив на этом деле состояния. Эти курды-батраки охотно примкнули к революции и естественно сделались ее вооруженной силой (в Персии кочевник и воин еще являются синонимами). Однако это чрезвычайно быстро изменило социальную сущность курдов, которые из сельско-хозяйственных рабочих вновь превращаются в вооруженную верхушку племени, живущую за счет ее скотоводческой или земледельческой части, хозяйство которой они охраняют. Этому способствовал и тот факт, что курдские артели Гиляна фактически складывались по племенному и родовому признаку и зачастую возглавлялись родовыми старшинами. Вернувшись к выполнению своей прежней «социальной функции», вооруженной защите местного хозяйственного организма от нападений извне, курды Халу Курбана весьма скоро восстановили и свою другую «социальную функцию»— получение жизненных средств от своей земледельческой базы, в данном случае от гилянского крестьянства. При наличии единого национального фронта на первом этапе революции это имело добровольный характер, однако, несомненно, что паразитирование курдов на хозяйственном организме Дженгели сыграло свою роль в расколе между крестьянской Дженгелью и курдским Рештом. Таким образом первоначальный батрацко-крестьянский союз переродился в антагонизм между оседлым крестьянином и кочевым скотоводом-воином, который так характерен для аграрных условий восточных стран и в частности Персии. Внешним выражением этого антагонизма явились такие факты, как конфликты между военным комиссаром (Халу Курбан) и комиссаром финансов (Кучик хан) из-за снабжения и оплаты курдских отрядов, из-за контроля над финансовым отделом Решта, а также вооруженные конфликты на почве самовольных реквизиций риса у дженгелийских крестьян. Здесь мы имеем не только проблему взаимоотношений революционных армий и крестьянского тыла, как, например, в Китае, но и вскрытие основного антагонизма между хозяйственными интересами кочевника и оседлого земледельца, без правильного разрешения которого сотрудничество этих групп невозможно.

Опыт гилянской революции показал, затем, опасность для молодых революционных классов блокирования с феодальными революционерами,

примыкающими к революции для ее разложения и повертывания по руслу реакции и укрепления старого режима. Наконец, в области руководства, гилянская революция продемонстрировала опасность перепрыгивания через один этап движения (буржуазного-демократический) и преждевременного провозглашения лозунгов следующего этапа (социалистического), в результате чего произошла дезорганизация движения и преждевременное отбрасывание в лагерь контрреволюции социальных групп, которые на данном этапе являются еще революционными и революционные возможности которых далеко еще неисчерпаны (Кучик хан). Отрекаться от сотрудничества с революционной буржуазией отсталых угнетенных стран потому, что она буржуазна, и призывать к социалистической революции против этой буржуазии на том этапе, когда осуществляется лишь буржуазно-демократическая программа движения, является лишь левой фразой.

Краткое и схематическое изложение вопросов гилянской революции, сделанное выше, несомненно нуждается в корректировании, как вообще всякая схема, которая не может отразить многообразия и глубины живой действительности. Более полный анализ этих вопросов может быть сделан лишь в результате коллективного труда по изучению гилянской революции.

В. Гурко-Кряжин

М. П. Павлович, как историк

В лице скончавшегося М. П. Павловича наша советская наука потеряла главным образом крупного историка-марксиста. Если мы рассмотрим богатое наследие, оставленное М. П. и представленное сотнями статей и десятками книг, мы увидим, что преобладающее место занимают здесь работы исторического характера. Несомненно, что чисто теоретическая деятельность была чужда глубоко конкретному мышлению М. П., можно сказать всему его писательскому темпераменту. Небольшое количество оставленных им работ на «общие» темы в роде «Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал», «Восточный вопрос на III конгрессе Коминтерна» и др. представляют из себя, в сущности говоря, чисто журнальные статьи, написанные ad hoc и имеющие своей целью популяризацию чужих теоретических построений. К этой же категории относятся статьи о ленинизме, непосредственно вызванные смертью В. И. Ленина и собранные впоследствии в один том под названием «Ленин. Материалы—к изучению Ленинизма».

Несколько особняком стоит одна из основных работ М. П., а именно его популярный курс по теории империализма. К этому произведению, дающему как бы ключ к пониманию и оценке всех, в том числе и исторических, работ М. П., мы еще вернемся подробнее впоследствии. Здесь достаточно отметить, что даже в этой работе посвященной проблеме империализма, три четверти места уделено чисто историческому обзору различных теорий о природе империализма и лишь четверть книги посвящена собственным теоретическим взглядам автора. Как мы видим, в своей литературно-научной деятельности М. П. был почти исключительно *историком,* при том чрезвычайно своеобразным, как по разрабатываемым им темам, так и по приемам своей научной работы.

В сущности была одна лишь тема, которую М. П. неустанно разрабатывал в течение 25-ти лет своей литературной деятельности — это история внешней политики империалистических держав, история международных отношений в эпоху империализма. Характерно, что уже его первая самостоятельная работа «Что доказала англо-бурская война» (изд. в 1901 г.), была посвящена первому чисто империалистическому вооруженному конфликту и это как бы предопределило всю писательскую линию, взятую М. П.

Необходимо отметить, что четверть века тому назад марксистское изучение истории международных отношений представляло из себя нечто «дерзновенное», новаторское. В своей краткой автобиографии (в энциклоп. словаре Гранат), сам М. П. отмечает, что его занятия «внешней политикой»

как бы нуждались в «моральной» санкции со стороны тогдашней социал-демократии, при чем эта санкция была разумеется дана, но в довольно снисходительно-терпимом тоне. Игнорирование внешней политики русскими с. д. в ту эпоху—является фактом исторически вполне понятным и пожалуй закономерным. Занятая вплотную беспощадной борьбой с царизмом и внутренней борьбой с народничеством, либерализмом и т. п., тогдашняя социал-демократия считала, что внешняя политика имеет второстепенное и при том мало практическое значение. Что касается до западных социалистов, то недостаточное внимание к внешней политике или поверхностный анализ ее—здесь уже не могут быть об'яснены исключительно условиями внутреннего политического фронта, фронта классовой борьбы. Ведь уже в конце XIX в., и особенно в нач. XX в., наметилась явственно тенденция, особенно ярко в германской соц. демократии, абстрагировать внешнюю политику, как общенациональное, чуть ли не надклассовое дело, от общей платформы борьбы пролетариата с империалистическими правительствами. Во время мировой войны эта скрытая аппробация, как известно чисто эволюционно перешла в открытую реабилитацию. Но понадобился гениальный анализ Ленина, чтобы обнаружить органическую связь внешней политики империалистических держав с внутренней структурой империализма и тем самым определить колоссальное значение современной внешней политики для рабочего движения, для революционных процессов как на Западе, так и на Востоке.

В конце XIX в., повторяю, история внешней политики представляла с точки зрения марксистского изучения буквально целину, хотя, уже полвека до того, она была поднята плугами основоположников нашего метода К. Марксом и Ф. Энгельсом, в их исторических работах и, особенно, в их журнальных и газетных статьях.

Работы М. П. Павловича по внешней политике империалистических держав носили, однако, не только новаторский характер: они были совершенно правильно сконструированы методологически, поскольку он исходил в своем анализе не из буржуазных, национально-ограниченных концепций внешней политики, а из научного представления об империализме, как об экономической категории, как о необходимом этапе, переживаемом решительно всеми капиталистическими государствами. Именно поэтому работа над современными международными отношениями подсказывает М. П. необходимость создания синтетического труда, который обнял бы природу, генезис и историю империализма.

После ряда предварительных опытов, после бесконечных переработок и дополнений, М. П. создает свою основную пятитомную работу: «Основы империалистической политики и Мировая война 1914—18 гг.» Работа эта, вернее серия, состоит из следующих частей: 1) «Империализм и борьба за мировые пути»; 2) «Что такое империализм» (в позднейших изданиях просто «Империализм»); 3) «Интернационал смерти и разрушения»; 4) «Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 г.г.»; 5) «Французский империализм»

Здесь не имеет смысла давать сколько-нибудь подробную характеристику и оценку всех этих книг, завоевавших широкую популярность, пере-

изданных по многу раз, ставших учебными пособиями в ряде наших вузов и, наконец, переведенных на несколько иностранных языков. Достаточно указать, что эта серия, также как и близко примыкающий к ней труд: «Борьба за раздел Черного и Желтого континентов», дает подлинно синтетическую картину империалистической политики за последние 40 л., распутывает сложнейшие международные конфликты и дает оценку всех этих событий для мирового революционного движения.

Вся серия также, впрочем, как и все вообще работы М. П. по империализму, проникнута одной центральной конструктивной идеей, проводимой им еще до мировой войны. Эта идея по выражению самого М. П. заключается в «подчеркивании роли тяжелой индустрии во внутренней экономике и внешней политике империалистических государств». Здесь, в краткой формуле выражена, так наз., «металлургическая теория» М. П., особенно подробно развиваемая им во второй части, уже упомянутой работы, «Что такое империализм» (или просто «Империализм»). Свою теорию М. П. стремится обосновать на известном законе, установленном Марксом, — о непрерывном возрастании постоянной части капитала над переменной. Понимая под первой исключительно металлургическое оборудование, М. П. устанавливает прогрессирующее возрастание удельного веса тяжелой индустрии и, как результат, ее гегемонию над остальными отраслями современной промышленности. Эта концепция, необычайно увлекательно изложенная М. П., и по существу абсолютизирующая, как мы видим, роль лишь одного экономического фактора, приводит его к ряду исторических построений, чрезвычайно стройных, но вместе с тем несколько односторонних. Решительно все мировые конфликты рассматриваются им с точки зрения или непосредственной борьбы за железо и соподчиненный ему уголь, или как результат так наз. «рельсовой» (т.-е. той же самой металлургической) политики великих держав, в особенности в колониях или полуколониях и т. п. Не входя в детали этой концепции, необходимо отметить, что она, как известно, вызывает ряд серьезных возражений, в особенности при ее чрезмерном упрощении. Неоднократно указывалось, что здесь остаются недооцененными другие факторы, лежащие в основе империалистической захватнической политики, так напр. агрессивная роль финансового капитала, поиски рынков сбыта, стремление к захвату серьевых баз, мотивы колонизационные, колониально-военные (цветные войска) и т. п. Необходимо указать, кстати, что все эти факторы отнюдь не игнорируются самим же М. П. в его исторических работах, поскольку об'ективный исследователь всегда брал в нем верх над теоретиком. Оценивая металлургическую теорию для понимания исторических процессов приходится признать, что для периода до мировой войны, она является явно недостаточной, конечно не в частных, конкретных применениях ее, а поскольку она выдвигается для об'яснения генезиса и существа всех мировых конфликтов. В этом отношении М. Н. Покровский уже давно отметил, что «40 лет европейского мира были, как раз, временем пышного расцвета металлургии» [1].

---

[1]) М. Н. Покровский. „Внешняя политика". Сборн. статей. 1914—17 гг., стр. 169.

Еще рискованнее применение этой теории для об'яснения происхождения, а отчасти и характера мировой войны.

Правда, необходимо помнить, что один из трех основных конфликтов, породивших ее, а именно германо-французский, был почти целиком конфликтом металлургическим, поскольку французская тяжелая индустрия целиком зависела от богатой углем Германии. М. П. чрезвычайно много сделано для анализа этого, можно сказать, «классического» металлургического конфликта как в довоенной, так и послевоенной его стадии.

Однако два остальных конфликта, а именно англо-германский и германо-турецко-русский, уже имели совершенно иную политико-экономическую структуру, также, как и ряд других, более мелких империалистических противоречий (напр. для Италии, Австрии, Бельгии, Румынии, Балканских государств и др.).

Вряд ли можно приписывать М. П. взгляд, будто возникновение мировой войны было обусловлено влиянием военной индустрии. Нечего и говорить, что подобное построение является совершенно ошибочным. Н. Бухарин уже давно метко указал, что «Рост вооружений, создавая спрос на продукты металлургической индустрии, весьма сильно повышает значение тяжелой промышленности и, в частности, пушечных королей a'la Крупп. Но было бы вульгарным утверждение, что войны *вызываются* пушечной индустрией. Эта последняя вовсе не является какой-то отраслью an und für sich искусственно вызванным «злом», которое вызывает «битвы народов» [1]) Однако, в своих последних работах и переработках М. П., если отбросить несколько неловких фраз и метафорических оборотов, вовсе не делает категорических утверждений о решающей роли военной индустрии, а в согласии со своими общими теоретическими взглядами лишь подчеркивает, быть может, допуская известную переоценку, вызывающую, можно сказать, «задорную» роль тяжелой индустрии в период непосредственно предшествующий взрыву мировой войны. «Противоречат ли мои взгляды теории Ленина об империализме?—задает вопрос сам М. П., в своей, уже упомянутой, автобиографии. Нет, так как металлургическая промышленность наиболее монополистическая, ранее других отраслей созревшая к картеллированию является «царицей современной капиталистической промышленности», «гегемоном современной индустрии».

Отмеченные теоретические недочеты, однако, не понижают ценности исторических работ М. П. Серьезный об'ективный исследователь, повторяю, всегда одерживал здесь верх над чисто теоретическими схемами и никогда не подчинял последним даже явно несогласуемые с ними факты.

Этими чертами проникнут и второй большой исторический опус М. П.—четырех томный труд: «РСФСР в империалистическом окружении». Здесь особенно ярко сказался широкий синтетический подход свойственный М. П., а также его дар разбираться в сложнейших фактах текущей внешней политики, часто недостаточно еще выявившихся или неполно, частично нам известных. Не только способность к историческому анализу, но и чутье

---

1 Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. 1918, стр. 81.

большого политического работника-практика дали возможность М. П. совершенно правильно наметить линии политики Англии, Франции, Японии и Соединенных Штатов по отношению к нашему Союзу и, по меткому выражению М. Н. Покровского, «сигнализировать» опасность, угрожающую последнему со стороны мирового империализма.

Органически связаны с охарактеризованными работами по истории и внешней политике империализма—многочисленные статьи и книги М. П. по современному Востоку. И здесь М. П. является пионером, прокладывающим совершенно новые пути для нового марксистского востоковедения. Любопытно, что в сфере изучения современного Востока, шире всего колониального мира, мы видим такой же перерыв, как и в области изучения внешней политики. Первые, блестящие методологически статьи по Востоку и колониальной политике были написаны еще в первой половине прошлого столетия К. Марксом и Ф. Энгельсом. Опубликованные недавно два тома их статей по Восточному вопросу (в связи с Крымской кампанией), а также фрагменты писем, статей касающиеся Индии и т. п., обнаруживают такую изумительную тонкость анализа, содержат столько блестящих прогнозов и, наконец, дают такую надежную методологическую основу, что становится как-то непонятным, каким образом могли заглохнуть эти уже проторенные пути, как могло случиться, что последующие исследователи не пошли по этим просекам, прорубленным мощной рукой гигантов исторической мысли. А между тем это именно было так. В течение почти полвека история современного Востока почти полностью исчерпывалась поверхностными, лживо тенденциозными книжками всевозможных Руйров, Дрио, Остророгов, Рорбахов и др. или же сводилась к сборникам архивных дипломатических документов, обычно густо сдобренных чисто казенной идеологией. Лишь с начала XX в. начинается здесь известное оживление, об'ясняемое участием ряда наших социалистов в революционных событиях в Персии, в Турции, в рабочем движении на Балканах и пр.; появляются первые марксистские статьи Парвуса (тогда еще бывшего марксистом) и др.; изучение восточного вопроса в истории России попадает в надежные руки М. Н. Покровского, наконец, революционные взрывы в Турции и в Китае, как удары огнива о кремень, рождают замечательные мысли В. И. Ленина о сущности национально-освободительных движений на Востоке, о значении их для мировой революции; мысли, десять лет спустя, легшие в основу политики Коминтерна и ВКП в сфере национального и колониального вопросов.

В период этого восточного Sturm und Drang появляются и первые статьи М. П. о Персии, Китае и Индии. Они были написаны не по книгам или даже газетам, а на основании непосредственного знакомства с участниками революционного движения на Востоке. Как раз во время своей второй эмиграции в Париже ок. 1909 г. у М. П. завязываются теснейшие связи с младоперсами, младотурками и младокитайцами. Он редактирует их прокламации, сотрудничает в их прессе, и, впервые, во всей широте, осознает значение национально-освободительного движения в странах Востока, которое, по его собственному признанию, «захватило его целиком». Именно это, чисто практическое, знакомство с живым революционным материалом дало

возможность М. П. стать как бы основоположником нового востоковедения. Вооруженный марксистским методом и располагая драгоценным конкретным материалом, он выступал в роли открывателя таких сторон жизни Востока, о которых не имелось раньше даже смутных представлений. Он впервые в западной прессе дал характеристику аграрного строя Персии, соотношения классов в этой стране; он смог дать правильную характеристику индийского народничества, оценку китайского революционного движения на фоне классовых взаимоотношений Поднебесной Империи и т. п. Наконец, поскольку для М. П., как для историка империалистической политики, Восток представлял как бы один из театров борьбы мировых колоссов, он смог совершенно правильно охарактеризовать основные линии политики, так наз., великих держав в колониальных и полуколониальных странах, ту роль, которая обычно бывала густо завуалирована всевозможными фикциями, вроде культуртрегерства, цивилизаторской миссии Запада, борьбы креста с полумесяцем и т. п., и т. п.

Восток оставался постоянно в центре практической и теоретической деятельности М. П. вплоть до его смерти. Не случайно ему выпала роль организатора нашего научного востоковедения, в качестве основателя Научной Ассоциации Востоковедения, Ректора Московского Института Востоковедения, уполномоченного ЦИК'а по Ленинградскому Восточному Институту, председателя русско-восточной торговой палаты и т. п. Не случайно и то, что последние статьи М. П. были почти все посвящены Востоку: борьбе риффов против Фрации и Испании, китайским событиям и т. п. Характерно, что единственная статья М. П., помещенная в первом номере журнала «Историк-Марксист» — также посвящена Востоку, а именно влиянию нашей революции 1905 г. на страны Востока.

Пионер, на ряду с М. Покровским, Д. Рязановым и Г. Чичериным, в сфере изучения внешней политики империалистических держав, новатор в области исследования современного Востока и происходящих в нем национально-освободительных движений — таково почетное место, занимаемое М. П. Павловичем в нашей марксистской историографии.

Ю. М. Бочаров

Источники по истории Октябрьской революции и методы их проработки в школе

I

Тему «История Октябрьской революции» мы рассматриваем широко, включая в нее как вопрос о подготовке Октября, так и вопрос о важнейших этапах советского строительства после переворота. Ни в средней школе, ни в техникуме нельзя сколько-нибудь удовлетворительно проработать эту тему, если учащиеся не обратятся при этом к историческим источникам. В свою очередь мы не суживаем в этом случае понятие исторического источника, не сводим его исключительно к документу, считая необходимым использовать более или менее широко разнообразные виды источников.

Использование источников по истории Окятбря должно служить главным образом для углубленной проработки отдельных вопросов задания. Источники привлекаются в качестве материала для самостоятельных выводов учащихся при постановке небольших проблем исследовательского характера. В меньшей степени они должны привлекаться как материал, иллюстрирующий те или иные отдельные положения, высказанные преподавателем или содержащиеся в книге, служащей пособием. При желании (главным образом, в связи с вечерами, посвященными Октябрьской годовщине) источники могут быть использованы как материал в целях драматизации (интересным образчиком является литмонтаж «Октябрь» московского артиста Яхонтова).

Обилие источников по теме могло бы позволить прорабатывать на основе их хоть каждый вопрос задания. Конечно, чрезмерному увлечению источниками не должно быть места в классе. Подменять учебник (или соответствующее учебное пособие) исключительно хрестоматией нельзя. Использование источников необходимо увязать с проработкой некоторых узловых вопросов темы. К ним можно отнести вопросы о тактике партии и большевизации рабочих и солдатских масс накануне Октября, об Октябрьском перевороте и роли в нем Ленина, об установлении пролетарской диктатуры, о гражданской войне, о роли крестьянства в революции.

II

При изучении истории Октябрьской революции учащиеся попутно должны быть ознакомлены с теми новыми для них видами источников, которые преподаватель предложит им для проработки этой темы. Мемуарный материал, статистические данные, законодательные акты — все это учащиеся могли использовать и ранее, при проработке предшествовавших тем курса. Конечно, при изучении Октябрьской революции им не придется пользоваться теми видами источников, которые играют большую роль при изучении отдаленных исторических эпох. Зато в число материалов, работа

над которыми понадобится безусловно, теперь войдут неиспользованные или мало использованные прежде устная традиция — рассказы и воспоминания окружающих — и некоторые виды письменных известий, как, например, газеты или брошюрная литература.

Ценность одного и того же источника для исторической науки и для школьного преподавания может быть весьма различной. Так, ряд мемуаров, не являющихся в глазах исследователя ценным для него источником, с успехом, однако, может быть использован в школе, как материал типичный для характеристики проникающего их субʼективизма, для выяснения классовых взглядов их авторов.

В использовании школой источников по истории Октябрьской революции не малую роль прежде всего будет играть устная традиция.

Сами учащиеся, разумеется, не в состоянии помнить событий, развертывавшихся в 1917 году. Некоторые из них в отдельных местностях СССР возможно и хранят детские воспоминания об эпохе гражданской войны, в особенности о последнем ее периоде. На Украине, например, молодежь еще может помнить похождения различных «батек», волну бандитизма, широко разливавшуюся здесь даже в годы после ликвидации врангелевского фронта. Зато от окружающих — родителей, старших братьев и сестер, знакомых— учащиеся, вероятно, неоднократно слышали и могут услышать воспоминания, связанные с революцией. Школа должна широко использовать эту возможность. Преподаватель может дать задание учащимся опросить их родных и знакомых о событиях, разыгрывавшихся в данной местности в дни февральского и октябрьского переворотов или в годы гражданской войны. Еще желательнее провести подобный же опрос рабочих соседней фабрики. На основе таких рассказов, которые надо предложить учащимся записать, возможно в классе развернуть интересную беседу. При этом, конечно, обнаружатся и неполнота, и противоречивость собранных рассказов. Для преподавателя это дает повод выяснить роль воспоминаний, как исторического источника. В особенности важно в этой беседе выяснить те особенности рассказов, которые обусловлены социальным положением и профессией рассказчиков. Несколько труднее организовать в школе вечер воспоминаний, приуроченный к празднованию той или иной революционной годовщины. Но если устроить его удастся, то необходимо как можно более тщательно организовать на вечере при посредстве учащихся запись воспоминаний. Такая запись в свою очередь послужит материалом для разбора ее в классе. Отказываться от использования этого источника, весьма важного в краеведческом отношении, преподавателю не следует. В особенности в деревенской школе, где зачастую трудно, даже невозможно, найти другие материалы для истории данной деревни или волости, собирание подобных записей имеет большое значение. Аграрное движение 1917 года, разгром помещичьих усадеб, борьба деревенской бедноты с кулаками, кулацкие восстания, налеты банд, воспоминания об отдельных деятелях революционного движения в деревне — все это может быть предметом воспоминаний. Большой интерес представляют также революционные частушки и песни, сложившиеся в деревне. Собирание их, запись и разбор также должны стать одним из заданий при проработке темы истории Октябрьской революции.

Главным образом преподавателю придется пользоваться письменными источниками. Из числа их необходимо использовать и использовать достаточно широко — воспоминания. Это тем легче, что по истории Октябрьской революции у нас в настоящее время уже накоплена обильная мемуарная литература, хотя и неодинаковой ценности[1]. Среди нее можно найти

[1]. См. в общем малоценные библиографические указатели М. Добраницкого («Систематический указатель литературы по истории русской революции». ГИЗ. 1926), который дает перечень книг и брошюр, вышедших с 1917 года по 31 декабря 1922 г.

и ряд воспоминаний, касающихся провинции. Опубликованные воспоминания написаны как лицами, игравшими в революции крупную роль, так и теми, кто оставался простыми зрителями событий, написаны авторами, принадлежавшими к различным общественным классам, к различным политическим группировкам. Для преподавателя, поэтому, литература воспоминаний представляет богатый выбор. Пользуясь ею, он легко может показать учащимся, как одно и то же историческое событие воспринималось революционным деятелем и белогвардейцем, как преломлялось оно в сознании того и другого. Пользование мемуарами, конечно, должно сопровождаться раз'яснением со стороны преподавателя ценности мемуарного материала, как источника. В этой беседе в особенности должны быть подчеркнуты все те стороны мемуарной литературы, которые препятствуют ей быть надежным источником для историка — ее некоторое (а иногда и полное) несоответствие действительно имевшим место фактам, смешение в рассказе фактического и идеологического моментов, наконец, крайний суб'ективизм авторов и нередкое выдвигание себя на первый план, в центр событий[1]). Конечно, этого не следует делать в виде лекции. Лучше всего, если к этим выводам придут сами учащиеся, сопоставляя подобранные преподавателем отрывки из воспоминаний об одном и том же событии или сравнивая их с другими источниками. Для характеристики суб'ективизма мемуаристов можно проделать интересный опыт, хотя и не имеющий непосредственного отношения к прорабатываемой теме. Преподаватель может предложить учащимся написать воспоминания о каком-нибудь факте школьной жизни. Сравнение этих воспоминаний покажет учащимся, как различен бывает подход к одному событию нескольких пишущих о нем лиц. Конечно, при этом необходимо раз'яснить, какими причинами это вызывалось в данном случае и какими причинами вызывается это у лиц, пишущих воспоминания об исторических событиях.

Из других письменных источников в классе обязательно должны быть проработаны официальные акты и документы. Всякого рода протоколов, резолюций, постановлений, различных документов, относящихся к эпохе Октябрьской революции, преподаватель найдет достаточно. То или иное постановление Временного Правительства, протокол заседания Исполнительного комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, резолюция партийного с'езда, все эти документы, надлежащим образом подобранные, помогут учащимся лучше осветить те или иные моменты в ходе революции. В качестве исторического источника в руки учащихся должны быть даны и письма. Нельзя, например, изучать подготовку Октябрьского переворота, не ознакомившись с двумя письмами В. И. Ленина: одним, написанным в Центральный Комитет, Петроградский и Московский Комитеты партии, другим, адресованным двум последним комитетам. Проработка этих писем даст учащимся представление о значимости этого вида исторических источников.

Как можно шире желательно использовать те источники, в которых находила отражение борьба идеологий в эпоху революции, главным образом, политическую литературу — воззвания, прокламации, газеты и брошюры. Сопоставляя статьи газет различных направлений на одну и ту же тему или сообщавшуюся ими информацию об одном и том же событии, легко привести учащихся к выводу о классовом характере печати, о роли ее как мощного орудия в руках того или иного класса. Этот разбор поможет учащимся

включительно, и С. Л. Данишевского («Опыт библиографии Октябрьской революции» ГИЗ. М. 1926 г.).

[1]) Для преподавателя очень полезно познакомиться с методологическим очерком тов. Гелиса «Как надо писать воспоминания» (помещен в журнале «Пролетарская Революция», 1925 г., № 7 /42).

освоить представление об агитационно-пропагандистской и организаторской роли периодической печати.

В использовании статистических данных учащиеся старших групп некоторый опыт уже имеют. Преподавателю, поэтому, придется научить их извлекать эти данные из других — нестатистических—источников, каковы, например, отчеты, донесения и т. п., зачастую пестрящие цифровыми данными.

Наконец, преподавателю не следует ни в каком случае оставлять без внимания изобразительные источники. В большинстве случаев у нас ими пренебрегают, о них забывают. Но напрасно. Фотографический снимок, сделанный в Ленинграде в июльские дни 1917 года, запечатлевший момент паники на Невском проспекте при начале обстрела толпы правительственными войсками, даже как чисто иллюстративный материал, не менее красноречив, чем рассказ свидетеля. А в соединении с ним дает яркую картину. Или другой снимок, изображающий юнкеров, которые с под'езда Белорусско-Балтийского (тогда — Александровского) вокзала в Москве выносят на руках прибывшего на Государственное Совещание Корнилова, куда красочнее расскажет о мобилизации контр-революционных сил летом 1917 года, чем длинное повествование. Еще ярче могут быть для учащихся свидетельства кино-хроники. Для столичных школ легко организовать просмотр кинофильмы «Падение финастии Романовых» (Февральская революция), составленной из кино-хроники 1917 г. и его кануна. Демонстрируя то или иное изображение, пользуясь для этого иллюстрациями из книг, журналов, фотографическими снимками, диапозитивами для волшебного фонаря, преподаватель должен научить учащихся смотреть это изображение и находить в нем нужный материал.

III

Преподавателю не приходится особенно задумываться над тем, где ему достать необходимые для проработки источники. Конечно, в настоящее время опубликовано далеко не все, что необходимо для исследователей истории Октябрьской революции, но все же опубликовано достаточное количество материалов, пригодных для целей школьного преподавания, и выбор их может быть сделан без труда.

Преподаватель естественно обратится прежде всего к изданиям, предназначенным для учебных и самообразовательных целей. Хороший подбор материала он найдет в хрестоматиях по истории Октябрьской революции С. А. Пионтковского (ГИЗ, 3-е изд., М. 1925) и М. Г. Флеера (Изд—во «Прибой», Лнгр. 1925) и в хрестоматии А. Э. Шейнберг — «Октябрьская революция» (ГИЗ, 1926), специально предназначенной для школ II ступени. Ряд документов можно найти в составленном А. Поповым, под редакцией покойного Н. А. Рожкова, сборнике «Октябрьский переворот» (Изд—во «Новая Эпоха», Птр. 1918), но следует помнить, что в этой книге богатый материал, к тому же тщательно подобранный, сгруппирован и освещен с враждебной перевороту точки зрения.

На ряду с хрестоматиями в школе может быть использован и ряд публикаций. В настоящее время опубликовано уже много документов. Таковы, например, для кануна революции и февральских дней стенограммы допроса и показаний сановников царского правительства и ряда общественных деятелей в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства («Падение царского режима», под редакцией П. Е. Щеголева. ГИЗ. 1925—27. 7 томов), многочисленные документальные приложения к работам тов. А. Шляпникова («Канун семнадцатого года», ч.ч. I и II. ГИЗ. 1923 и «Семнадцатый год» ч.ч. I и II, 1925, ч. III, 1927), протоколы Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов («Пет-

роградский Сов. Раб. и Солд. Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро Исполнительного Комитета». ГИЗ. 1925), протоколы апрельской конференции и VI-го с'езда партии («Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г.». ГИЗ. 1925), издаваемая Центрархивом серия «1917-й год в материалах и документах» (сюда относятся сборники — «Разложение царской армии в 1917 году», ГИЗ, 1925; «Рабочее движение в 1917 году», ГИЗ. 1927 и др.). Многочисленные воспоминания выходили как отдельными изданиями, так и целыми сборниками. Среди этих сборников обращает на себя внимание серия сборников, содержащих в отрывках белогвардейские мемуары (С. А. Алексеев— «Февральская революция. Мемуары», ГИЗ. 1925; Его же — «Октябрьская революция» , ГИЗ, 1926; Его же — «Начало гражданской войны». Мемуары белогвардейцев». ГИЗ, 1926). Издано также несколько дневников деятелей старого режима и опубликована довольно богатая переписка последнего Романова и его родных.

Обильный материал — документальный и мемуарный — содержится в наших исторических журналах («Пролетарская Революция» — орган Истпарта ЦК, «Красный Архив» — орган Центрархива, «Красная Летопись» — орган Ленинградского Истпарта, «Летопись Революции» — орган Всеукраинского Истпарта). Интересный материал попадается также в юбилейных номерах газет, преимущественно центральных.

Что касается газет и брошюр эпохи Октябрьской революции, то попадаются они теперь у частных лиц сравнительно редко, и для знакомства с ними приходится обращаться ко всякого рода хранилищам исторических материалов. За отсутствием газет возможно взять газетные статьи Ленина, помещенные в собрании сочинений (Том XIV — статьи 1917 года, том XV— статьи 1918 г.), сборники статей и речей Н. Бухарина («На подступах к Октябрю»), И. Сталина («На путях к Октябрю»), Г. Зиновьева («Путь Октября»).

Иллюстративный материал может быть доступен в музеях революции в Москве и Ленинграде. Среди экспонатов этих музеев имеется ряд снимков, портретов, плакатов, газет эпохи 1917 г. и последующих лет. При экскурсиях сюда следует остановить внимание учащихся на имеющемся здесь иллюстративном материале. Этот материал легко также найти в иллюстрированных, главным образом, еженедельных, журналах. Журналы 1917 г. достать в настоящее время представляется уже трудным, но этот же материал нередко воспроизводится в современных журналах, номера которых посвящены различным юбилейным годовщинам.

Из музеев при проработке истории Октябрьской революции большой интерес представит также Музей Института В. И. Ленина в Москве.

В некоторых случаях, в частности для получения старых газет и журналов, придется обращаться в общественные библиотеки, что, конечно, возможно только для отдельных учащихся. При этом надо заметить, что даже такие крупные библиотеки, как Ленинская библиотека в Москве (бывш. библиотека Румянцевского музея), не имеют полных комплектов всех периодических изданий 1917 года, что было вызвано недоставлением в эту библиотеку обязательных экземпляров, благодаря революционным событиям.

Недоступными для учащихся, а во многих случаях и для преподавателей, останутся архивы. Из них главное значение имеет Архив Октябрьской Революции в Москве. Для отдельных местностей большое значение имеют, разумеется, местные архивы. Однако в архивы допускаются только лица, занимающиеся исследовательской работой. Тем не менее представление об архивах, как хранилищах документов, дать учащимся безусловно желательно. Важно при этом отметить и ту практическую роль, которую после революции играли архивы охранных отделений, жандармских управлений, депар-

тамента полиции, давая возможность установить секретных сотрудников царской охранки.

IV

Вводя в преподавание пользование историческим документом, преподаватель обязан указать в задании, какие именно из документов и вообще источников он предлагает проработать и с какою целью. В зависимости от уровня развития учащихся и от имеющегося у них опыта обращения с источниками эта цель может быть или только указана в задании, или же учащийся к достижению ее должен быть подведен путем ряда вопросов, на которые он должен ответить при проработке источника. В таком случае эти вопросы необходимо включить в задание.

Проработка источника начинается с исторической критики. Если учащиеся ранее не прибегали к ней, преподаватель обязан в беседе с ними раз'яснить задачи этой критики и ее основные приемы. Лучше всего этого можно достичь, зачитав в классе тот или иной текст и тут же подвергнув его примерному разбору. После чтения преподаватель последовательно выясняет вопросы: о подлинности данного источника, об его происхождении, его авторе, об его оригинальности, первоначальном тексте, наконец, о внутренней его достоверности.

Вопрос о подлинности источника может быть очень хорошо раз'яснен на примере тех многочисленных фальшивок, которые в последние годы фабриковались белогвардейскими эмигрантами, как из политических, так и из корыстных целей. В этом примере отчетливо проступает несоответствие внешней формы документов, изготовлявшихся каким-нибудь Дружиловским, форме подлинных источников того же вида, несоответствие содержания фальшивок действительным фактам, известным из подлинных источников, невозможность, поэтому, включения их в общую связь фактов, наконец, не всегда ясный, наводящий на сомнения, способ их мнимого нахождения и публикации.

С этим вопросом тесно увязывается вопрос о происхождении источника. Его обычно сводят к вопросу об установлении времени и места происхождения документа. Вместе с тем, следует обратить внимание и на определение автора документа. В последнем отношении можно привести в качестве примера хотя бы резолюции о войне и о земельной реформе, принятые апрельской конференцией большевиков в 1917 году, автором которых является В. И. Ленин.

Наконец, необходимо обратить внимание учащихся на вопрос о внутренней достоверности источника. При обращении к источникам это один из центральных вопросов. Учащиеся, разбирая источник, должны выяснить, не содержит ли он каких-либо отклонений от действительности. В том случае, если их можно констатировать, учащиеся выясняют, имеют ли они дело с сознательным искажением действительности со стороны автора, или это искажение является результатом невольных ошибок автора, или же оно вызвано своеобразным преломлением событий в сознании писавшего, находившегося во власти определенной классовой идеологии. Проще всего в этих целях в качестве образца использовать чьи-либо мемуары. При этом важно обратить также внимание на то, писал ли автор свои воспоминания с чужих слов, или же был непосредственным очевидцем и даже участником событий. Взять можно хотя бы отрывки из «Дней» Шульгина, касающиеся момента низложения царской власти и отречения последнего Романова. Знакомство с социальным положением автора этих мемуаров, с его партийной принадлежностью и политической биографией само по себе даст учащимся уже достаточный ключ к истолкованию его воспоминаний. Отдельные места этих записок ярко свидетельствуют об отношении их автора к революции, к вос-

ставшим массам и к династии. Вместе с тем необходимо обратить внимание на роль, которую белогвардеец Шульгин играл в описываемых им событиях, на степень его участия в них. Эти мемуары необходимо сопоставить с мемуарами других лиц, касающимися того же момента, дать таким образом учащимся возможность проконтролировать одни показания другими, попытаться, в случае расхождения их, восстановить подлинный ход событий. Таким путем мы уже подведем учащихся к интерпретации источников.

Сопоставляя друг с другом несколько источников, преподаватель неизбежно коснется вопросов исторической конструкции. Останавливаться на них специально нет необходимости, но дать учащимся понятие о ней, как о существенном этапе исторического исследования, безусловно нелишне. В применении к изучению Октябрьской революции это имеет безусловный интерес для учащихся.

Проделывать под руководством преподавателя всю эту работу мы предлагаем вовсе не с тем, чтобы подготавливать из учащихся будущие кадры ученых исследователей Октября. Никто всерьез не предложит разрешать такую задачу в средней школе. Но представление о необходимости научного подхода к источникам, о необходимости серьезного их анализа, представление о важнейших приемах работы над ними, раз оно будет вынесено из средней школы, значительно облегчит учащемуся будущую работу в стенах ВУЗ'а и выведет его из того беспомощного положения, в котором нередко оказывается при семинарских занятиях студент, вынужденный взяться за проработку исторических источников.

М. Нечкина

Учебная литература по истории классовой борьбы

За 1926 и 1-ую половину 1927 г.

Учебная литература по истории классовой борьбы велика и обильна, но порядка в ней нет. Она, как зеркало, отражает в себе все особенности нашей школы: нервные методические поиски, лабораторный план и «исследовательский» метод, разнообразие, изменчивость и пестроту программ. Обзор литературы только за один с лишним год не может, конечно, дать цельного представления, какие пособия по истории классовой борьбы предложены в настоящее время школе и вошли в ее обиход: школа широко пользуется и изданиями прежних лет. Но необходимо подвергнуть разносторонней критике и вновь выпускаемую на книжный рынок продукцию: начало учебного года придает этому вопросу особую остроту. Содержание учебной книги, степень ее марксистской проработки и идеологической выдержанности, соответствие с имеющимися школьными программами — все эти вопросы должны получить ответ. Куда растет пособие по истории классовой борьбы и куда оно должно расти, какой тип учебного пособия выдвинут, как жизненное требование школы, и с какой постепенностью и степенью точности оформляется он в выбрасываемых на рынок пособиях? [1] Наряду с этим встанет вопрос и об авторе: выработался ли у нас специальный тип автора учебных руководств для различных школ, каким задачам этот автор отвечает и нужен ли этот тип автора вообще — может быть достаточно знания предмета и ясного языка, чтобы стать автором учебной книги? Наш обзор не претендует на совершенную полноту и не преследует целей библиографической регистрации. Этот обзор написан преподавателем, а не библиографом. Мы постараемся извлечь из запасов книжного рынка лишь ходовое, нужное, имеющее своего школьного читателя. Отдельные упущения в этой области, конечно, возможны, но едва ли они изменят общую картину.

Критерий отбора книг, подлежащих обзору, определился поставленной целью. В центре внимания не отвлеченные достоинства и недостатки учебника, а школа и ее нужды. Для ясности темы избраны лишь те типы школ, в которых имеется, как особый предмет преподавания, история классовой борьбы: девятилетка (последние годы обучения), в которой в общей программе обществоведения отчетливо выделен интересующий нас отдел, и имеющие специальные курсы истории классовой борьбы — рабфак, техникум, совпартшкола, комвуз и вуз. Мы не будем касаться специальных пособий по политграмоте, хотя бы в них имелись исторические отделы, и не будем рассматривать специальных пособий по истории развития общественных форм. Эти ограничения необходимо ввести для большей ясности обзора и поставленных ему целей. Специальным руководствам политграмоты и истории общественных форм желательно посвятить особые обзоры. В центре нашего внимания стоит специальное п о с о б и е по истории классовой борьбы. Для ВУЗ оно зачастую перерастает в монографию—специальное исследование, не затрагиваемое нашей темой. Мы обратим внимание главным образом лишь на то, что специально приспособлено по замыслу автора к типу школы, преследует учебные цели.

---

[1] Я пользовалась для выбора литературы рядом каталогов различных издательств, „Книжной летописью" и т. д. Все же не пришлось полностью захватить всю учебную литературу, так как обзор и так разросся. Благодарю работников Сталинского Комуниверситета т. т. Н. Я. Виткинд и М. М. Кривина, помогавших мне в подборе литературы.

Построим обзор по типам пособий, разбив его, в основном, на два отдела: 1 учебник, руководство, имеющее единый авторский учебный текст и 2—хрестоматия, пособие, составленное из отрывков документов или чужих текстов, преследующее учебно-исследовательские цели. Внутри каждого отдела будем последовательно рассматривать сначала работы, об'единяющие русскую историю со «всеобщей», затем специальные пособия по русской истории и истории ВКП(б) и, наконец, — по «всеобщей» истории. Внутри же каждой из этих трех рубрик будем итти от общих пособий к более специальным. Главное внимание уделим новым изданиям 1926 и 1927 годов [1], а переизданий коснемся лишь бегло.

I. УЧЕБНИКИ

Общие учебные руководства, курсы лекций, специальные руководства

Нужен ли нашей школе учебник «и если да, то почему»? Под «учебником» мы разумеем, прежде всего, единый связный учебный текст, приспособленный к программе. Конечно, этот текст должен быть особым образом соединен с документом, должен преследовать задачи не только учебного, а и учебно-исследовательского характера. В учебных пособиях, применяемых сейчас в наших школах, царит величайшая пестрота и разнокалиберность. Возьмите любую программу по обществоведению, хотя бы программу техникумов, — вас поразит как неравноценность, так и огромное количество привлекамых пособий: тут Ленин, Маркс, Покровский, Гришин, Туган-Барановский, Ченцов. Программа по истории классовой борьбы для техникумов (минимальная программа!) рекомендует для пользования не менее т р и д ц а т и пособий. Еще большую пестроту и многочисленность встретим мы в программах комвузов. В самом начале перехода на лабораторный метод в этой многочисленной пестроте мерещилась некая целесообразность: учащиеся де познакомятся со многими книгами, расширят свой горизонт. Это оказалось миражем: нельзя познакомиться с книгой лишь подержав ее в руках или прочтя десять строк. Просмотрите комвузовские или даже рабфаковские задания — вас поразит лоскутность указываемого материала: одну часть темы проходят по одной книге, другую по другой, преподаватель лепит учебный материал из двадцати строк Покровского, пятнадцати Ленина, десяти Туган-Барановского... На этих лоскутках непригнанного и, конечно, насильственно вырванного из контекста материала можно только разучиться, а не научиться читать книгу, — не воспитывается основное уменье относиться к книге, как к целому, следить за ходом мысли автора. В результате учащийся тратит лишний труд на восприятие темы, как целого, искусственно воссоздает связь между отрывками. Это многокнижие и пестрокнижие приводит лишь к отрицательным результатам. Один из них — отсутствие единого марксистского взгляда, пронизывающего текст. Как бы ни были «нейтральны» избранные отрывки не марксистских авторов, большая их доза, преподнесенная неопытному учащемуся, легко может сбить его с толку и затруднить усвоение правильных методов социального анализа. Кроме того, нельзя надеяться, что такой учащийся сумеет сколотить из этих пестрых кусков правильное марксистское представление о предмете. Отсюда — исключительно острая нужда в учебнике, в едином связном учебном тексте, приноровленном к программе.

Но этот текст не так-то легко создать. Есть ли у нас авторы учебников? Как это ни странно — еще нет. Будем надеяться на скорое их появление, — но пока дело обстоит не благополучно. Недостаточно знать вопрос и уметь писать «простым языкóм»—надо быть педагогом и не вообще, а педагогом определенной школы, знать особенности социального состава учащихся, их возраста, степени подготовки. Надо владеть не просто «понятным языком», а особым, к данной среде приспособленным и доходящим до нее. Надо прекрасно изучить свою школьную аудиторию.

Еще один больной вопрос — программы. Нельзя писать учебник без твердых программ. Программы же наших школ лишь в периоде самоопределения. Семилетка недавно пережила подлинный переворот, введение ГУС'овских программ; программа по общественному минимуму в техникумах [2], вышла лишь в 1926 г., программа по истории классовой борьбы для рабфаков не оформлена и

[1] Примерно, по июнь—июль 1927 года. В момент окончания работы над обзором осенний план выпуска учебных пособий издательствами только лишь начат. Конечно, в том случае, если книги этого периода уже поступили в продажу, мы, по возможности, касаемся их в обзоре.

[2] Общественный минимум в техникумах. Сборник материалов. Выпуск первый. М. Изд. Отдела Техникумов Главпрофобра. 1926.

в переработанном виде еще не вышла,—имеется лишь ее машинописный проект, не изданы также и не выработаны окончательно программы почти всех комвузов и многих вузов. Кроме того каждый тип школы, имеет свою особую программу: несмотря на общность тем, глубоко различна сетка часов, подходы, уклоны... Можно ли требовать при этих условиях хороший учебник? Конечно, нет. Всем школам, желающим получить поскорее хороший учебник, надо твердо помнить, что программа — основная предпосылка учебника.

По принятому нами плану приходится начинать с одной тоскливой новинки книжного рынка,—с учебника Б. Фингерт и Г. Чочиа (учебник обществоведения, часть первая. Допущено Научно-Педагогической секцией Государственного Ученого Совета — М.—Л. ГИЗ. 1926. Серия: учебники и учебные пособия для школ I и II ступени). В предисловии как-будто все благополучно: авторы предназначили учебник для 6 и 7 годов обучения, согласовали с программой ГУС'а для первого концентра школ второй ступени. Выделен большой отдел «Общественные классы и классовая борьба», занимающий 162 страницы. Но прочтите эти полторы сотни страниц и вы придете в ужас. Худший учебник по богословию или вероучению — ассоциация, от которой невозможно отделаться. Сначала, с первых же строк идет сухое социологическое обобщение, засушенное в догму положение истмата, вроде «.... для высшей ступени развития классового общества, для общества капиталистического, характерен почти полный разрыв между трудящимися и собственностью на средства производства». После изречения догмы идет сухой, выхолощенный, убогий по отсутствию живых фактов текст, проникнутый тенденцией официального благополучия и замазывания острых углов. Ни в каком коммунистическом духе эта книжка детей не воспитывает и зачастую не дает правильного марксистского освещения событий: так конец I Интернационала никак не связан с разгромом Парижской Коммуны — революционный темп развития подменен для детей картиной мирной эволюции [1]). Ужасен язык этого «вероучения», — вот «маленький» пример: «Международный характер капиталистического хозяйства, естественно, должен был придать международный характер и борьбе с капиталистическим строем. При этом, если международный характер деятельности буржуазии в значительной степени парализуется конкуренцией национальных капитализмов, — интернационализм пролетариата, по мере развития капиталистического общества, а следовательно, по мере обострения взаимоотношений между пролетариатом и буржуазией, должен был все более и более укрепляться» (стр. 85). Если читатель не сразу понял, то каково 16—17-летнему подростку, для которого сие предназначено? Луначарский метко определил «стиль» наших учебников—«опилки с вазелином», но для такого стиля «опилки» слишком безобидно, приходится говорить об иголках. Документы для проработки, механически выделенные в один отдел для всех тем, а не впитанные каждой темой, не имеют органической связи с текстом, брошены без комментария: что такое « Moniteur », где находятся Шенгаузские ворота и т. д. — останется для учащегося загадкой. Ничего, кроме отвращения, такое изучение не даст. К сожалению, соперников у этого руководства нет, и оно продолжает быть единственным планомерным «приспособленным» к программе ГУС'а учебником.

Рабфак, техникумы и совпартшколы — три крупнейших типа школ, об'единяющих в своих программах историю Запада с историей России — не получили за истекший год ни одного учебника по своей программе. Невероятно, но факт. Переходим поэтому к пособиям по русской истории.

М. Н. Покровский не имел цели написать учебник, давая свою «Русскую историю, в самом сжатом очерке». Роль учебника насильственно навязывается этому выдающемуся труду русской историографии. Книга писалась для сознательного рабочего, преследовала цели политического самообразования, обосновывала марксистскую схему русской истории. Но ни о каких школьных программах, ни о каком школьном типе не было, разумеется, и речи. Поэтому, как ни досадно разнесение этой книги на лоскутки, разрушение ее стройной законченности при насильственной пригонке ее к какой-нибудь программе и заданию, приходится упоминать и в обзоре учебной литературы появление в 1926 г. второго переработанного издания первого выпуска III части «Русской истории в самом сжатом очерке», захватывающего период 1896 г. — 1906 г. В книжку внесено много нового во взглядах на войну 1904—05 годов, в картину крестьянского движения в 1905 году и смычки рабочего класса с крестьянством.

Вновь переизданная работа М. Н. Покровского «Очерки русского революционного движения XIX—XX в.в.» (лекции читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимой 1923—24 г. М. — 1926), как и «Русская история в самом сжатом очерке» не является по замыслу учебником и лишь насильственно

---

[1]) См. „Историк Марксист“ № 3, стр. 168.

сделана таковым современной школой. Она используется при преподавании на рабфаках, в совпартшколах и особенно — в комвузах и вузах. Та же судьба, очевидно, суждена и новой работе М. Н. Покровского «Внешняя политика России в XX веке». (Популярный очерк. М. Изд-во Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926), представляющей собой стенограмму четырех лекций, прочитанных в Свердловском университете (1925), а затем на курсах уездных партработников (1926). Несмотря на скромный подзаголовок — «Популярный очерк», мы имеем тут дело с работой монографического типа и разбору она подлежит не в этом обзоре. Но она ляжет богатым вкладом в фонд той литературы, на основе которой создается учебная книга.

В обозреваемой литературе есть свежая попытка найти пригодную для советской школы организацию учебного материала — это книжка А. Н. Хмелева «Крестьянская реформа 1861 г.» (Лгр. Брокгауз и Ефрон, 1927, серия «Библиотека для работы по Дальтон-плану»—Лабораторный метод в применении к истории классовой борьбы, под ред. К. В. Сивкова). Эта новая организация материала выработана в результате тех затруднений, с которыми встретилась группа преподавателей рабфака им. Бухарина (Москва) при подборе литературы для заданий по истории классовой борьбы. Материал ее строго обусловлен программой, размер — наличием времени у рабфаковца. Два основных элемента книги — авторский учебный текст и документы органически спаяны между собой. Это и есть именно тот тип, который, очевидно в дальнейшем будет все глубже разрабатываться. Простой, ясный язык учебного текста, частая постановка исследовательской задачи перед текстом документа также относятся к достоинствам книги. Есть и крупные недостатки по существу содержания, с точки зрения марксистской трактовки темы: слишком малое внимание в деле подготовки реформы уделено самому крестьянству, грозе «освобождения снизу», крестьянским волнениям, экономике крестьянского хозяйства; не выявлена роль диференциации крестьянского хозяйства, роль крестьянина, как неспособного налогоплательщика; почти не затронут вопрос о дворовых. Жаль, что пропущена проблема освобождения крепостных рабочих той же реформой: правда, этого нет в рабфаковской программе, но в последующих темах места этому вопросу также нет.

Любопытна новинка книжного рынка – «Торговый капитализм в России» М. Вяткина. (Книга для чтения. Допущено Научно-Политической Секцией Государственного Учебного Совета. — М.-Л. ГИЗ, 1927, 244 стр.). Это не выдержки хрестоматийного характера, а ряд связных очерков об эпохе торгового капитала, написанных прекрасным живым языком. Исследовательских целей себе автор не ставил, он хотел дать «научно-популярное пособие, рассчитанное на малоподготовленного читателя», дать материал для домашнего чтения. В этой скромной цели автор вполне успел. Он дал ряд интересных, живых очерков о торговле в Московском государстве в XVI—XVII веках, о крестьянской революции начала XVII века, о крестьяском хозяйстве в России и о русской мануфактуре XVIII века. Исключительная, редкая для наших пособий, насыщенность фактическим материалом — основное достоинство книги. Эпоха торгового капитала станет живой картиной для учащегося, который захочет дополнить этой книгой свои знания. Но в книге мало анализа — это ее основной недостаток. Она рисует яркие картины, но делает из них слишком малое число выводов. А книга для чтения обязательно должна анализировать материал. Несмотря на этот крупный недостаток, книга очень пригодится школе, как подсобный материал: внимательное заполнение фактами основной исторической схемы—одна из неотложных задач преподавания.

Книга М. Дьяконова «Очерки общественного и государственного строя древней Руси» (Предисловие М. Н. Покровского. Изд. 4-ое исправленное и дополненное. Научно-Политической Секцией ГУС допущено в качестве справочного пособия для вузов — М.—Л. ГИЗ. 1926), издана в специальной серии «Учебники и учебные пособия для вузов». Старых изданий на рынке не было и новое издание было необходимо; оно тем ценнее старых, что в нем восстановлены цензурные купюры. Книга эта нужна для вузов, как справочное издание. Студент найдет в ней богатый материал по русской истории с периода Киевской Руси по установление крепостного права.

Перейдем к работам по истории ВКП(б) [1]. Тут налицо особенность, общая для всей рецензируемой литературы: отсутствие специальной школьной целевой установки; книга пишется для гораздо более широкого круга читателей, чем

---

[1] Обширная литература п оистории ВКП(б) нуждается в особом обзоре. В настоящем обзоре мы бегло касаемся лишь тех пособий, которые используются школой в качестве учебного материала.

учащиеся различных школ, но в силу отсутствия специальных учебников, прочно входит в пользование школы. На первом месте надо указать «Краткие очерки по истории ВКП(б)» Ем. Ярославского (часть первая от народничества до периода ликвидаторства--М.-Л. ГИЗ. 1926). Это удачная попытка дать руководство для начинающего товарища — комсомольца, беспартийного-рабочего, крестьянина, написанное ясным и простым языком. По замыслу книжка (включая еще не вышедшую 2 часть) охватит историю ВКП(б) по XIV с'езд партии. Большое достоинство книги -- наличие примерного вопросника, облегчающего ее усвоение для неподготовленного читателя. Самый большой недостаток книги — ее дорогая цена. Для уменьшения ее в следующих изданиях, следовало бы сжать книгу тематически: начинать историю ВКП(б) излишне с движения Болотникова и Степана Разина! Тем более, что в изложении этих «древних» глав автор несколько поддается до-марксистскому шаблону (напр. — глава о декабристах).

Удачна книжка В. Волосевича «Самая краткая история ВКП(б)» (доведенная до XIV с'езда партии включительно. — М.-Л. ГИЗ, 1926). История партии сжато, ясно рассказана на полутораста страницах. Конечно при таком сжатии неизбежно некоторое упрощенство и подчас отказ от разбора существенных вопросов. Особенно чувствительно отсутствие отделов о Коминтерне, комсомоле. Книжка написана для самого неподготовленного читателя, начинает с легчайших форм изложения и кончает более трудными. Указана тщательно подобранная дополнительная литература. Если В. Волосевич будет продолжать работу над книжкой и исправит ее недостатки, то из него может выработаться столь нужный школе тип настоящего автора учебной литературы.

Крупное явление в изучении истории ВКП(б) -- издание 1-го тома «Истории ВКП(б)» под общей редакцией Ем. Ярославского (том первый, выпуск первый. Составили Ем. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов и О. Римский. Научно-Политической секцией ГУС'а рекомендовано в качестве учебного пособия для вузов, комвузов и совпартшкол. С приложением 46 таблиц. — М.-Л. ГИЗ, 1926). История партии ежедневно обогащается такими ценными материалами, что подведение хотя бы беглых итогов в крупном обобщающем труде — задача чрезвычайной важности. Эта задача стоит перед составителями упомянутого тома. Работа их ценна и интересна, проникнута принципами ленинизма. Жаль, что в ней встречаются неизбежные в таком большом труде фактические неточности. Достоинство книги — педагогическая обработка, вопросники-планы и пр.

Вот и все, что дал целый год с лишним издательской работы в области русской истории, год, который по своему методическому содержанию равен нескольким годам обычной педагогической жизни. На причинах такой скудости остановимся в конце, — она характерна не только для пособий по русской истории.

Перейдем к истории «Западной». Новым изданием вышла уже зарекомендовавшая себя ранее книга С. Моносова «История революционных движений». (Изд-во «Пролетарий». 1926). Предисловие отсутствует, книга выходит без изменений. Структура старая — семь глав, шесть основных революций Западной Европы и I Интернационал. Педагоги-практики указывают на желательность большей фактической насыщенности книги Моносова и упрощения языка. Очень жаль, что и в последнем издании этой ценной книги не исправлены мелкие текстовые недочеты: неполное название годов революций в заглавиях глав («Революция 30-го года»), небрежность библиографии (нет указания годов издания и счета издания рекомендуемых пособий), в которой особенно досадно отсутствие аннотаций. Не пора ли изменить и заглавие книги, придав ему большую точность — ведь не о всех же революционных движениях говорит автор. Книга В. Лебедева «Очерки по истории революций на Западе». (М. изд. «Новая Москва», 1926. Библиотека молодого коммуниста под общей редакцией МК РЛКСМ) неудачно дублирует книгу Моносова и в общем является работой слабой и поверхностной, недостаточно насыщенной фактами, без четких постановок проблем марксистского анализа. Та же тема и тот же хронологический захват в работе Ножницкого «Борьба классов в революциях XIX века» («Пролетарий», 1926), но материал в нем сжат в меньшее количество отделов. Работа Ножицкого в общем слабее работы Моносова. Недостатком является малая фактическая насыщенность (при наличии упоминания совершенно ненужных деталей, — напр. о заикании К. Демулена, стр. 18). В главе о французской революции 1789 г. недостаточно освещены международные отношения эпохи, смят вопрос о термидоре. Книга не имеет целевой установки учебника и вообще не сообщает, для кого она написана. Но она все же полезна и используется школой.

Как эти книги, так и работа Б. И. Горева «Популярная история социализма на Западе и в России в биографиях и характеристиках» (изд. «Пролетарий», 1926) не имеют специальной цели изложения материала по программе какой-нибудь

школы и применяются в школе, конечно, не по всей программе, а лишь для прохождения определенных тем. С этой точки зрения давно хорошо зарекомендовавшая себя книжка Б. И. Горева, легко и популярно написанная, показывающая глубокое знакомство с вопросом, используется школой для ряда тем, как западной, так и русской истории. Для следующего издания можно порекомендовать более точную библиографически-правильную запись книг в отделе «Важнейшей литературы» (стр. 183), с указанием хотя бы счета и года издания и обязательно аннотированную. В общем книга все же не написана со специально учебной целью. К этому же типу пособия относится используемая школой брошюра П. Ф. Преображенского «Очерк истории современного империализма» (изд. 2-ое. М. «Работник Просвещения», 1926). Все указанные работы — популярные книги без специальной приспособленности к программе, используемые лишь для некоторых исторических тем в силу отсутствия специальных школьных пособий. Все они состоят только из авторского текста, не дают совсем исследовательских задач и документального материала и этим не отвечают методическим требованиям нашей школы. Роль их, как учебных книг преходяща. Скоро, — если появятся авторы школьных пособий и самые пособия, (будем надеяться, что они появятся) — эти работы отойдут в фонд только популярных книг, помогающих учебной литературе, но не заменяющих ее.

Специальную установку на школу имеет интересная книжка М. М. Айзенштат «Революция 1848 года во Франции». (История Франции первой половины XIX века) — Лгр. Из-во Брокгауз-Ефрон, 1927. Б-ка для работы по Дальтон-плану. Несмотря на ряд фактических погрешностей (отмечены в рецензии в № 4 «Ист.-Марксиста»), книга может быть полезна школе, в ней та же оригинальная структура, что и в упомянутой выше книжке Хмелева, изданной в той же серии. К сожалению, в книжке Айзенштат меньше, чем у Хмелева, исследовательской работы над источником.

Своего рода событием на книжном рынке является издание курса лекций Ц. Фридлянда под заглавием «История Западной Европы» (1789—1923). (Лекции, читанные в Коммунистическом Университете им. Я. М. Свердлова на курсах партработников при ЦК РКП(б) ч. I, Изд. Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова. М. 1926). Это будет, в сущности, первый цельный связный курс, захватывающий тему с промышленного переворота в Англии по эпоху Коминтерна. Марксистская разработка З.-Европейской истории так слаба, что каждую книгу, вносящую в нее что-либо, надо особо приветствовать. Большим достоинством книги является то, что она написана исследователем, а не компилятором; это сказалось на свежести авторского подхода, но и на неравномерности проработки отдельных глав: авторские симпатии на стороне революции 1789 г. во Франции, ей посвящено больше всего внимания. Пожелаем в следующих изданиях большего внимания к промышленному перевороту в Англии и выразим надежду на скорейший выход в свет II тома, который доведет изложение с эпохи 50-х г.г. XIX в. до Коминтерна.

Переиздана работа покойного профессора М. М. Хвостова «История древнего Востока» (Изд. II, п. ред. Г. Пригоровского. ГИЗ. М.—Л., 1927). Отсутствие на рынке пособий на эту тему делает это издание необходимым. Содержание не вполне отвечает заглавию — в книге рассмотрены лишь Египет и Ассиро-Вавилония, при чем главное внимание уделено первому, бывшему предметом специальных монографических работ автора. Г. Пригоровский снабдил книгу ценными дополнениями современной литературы о др. Востоке. М. М. Хвостов не был марксистом, поэтому читатель-марксист не будет удовлетворен социологическими предпосылками работы, но богатый фактический материал содержательных лекций делает книгу полезным пособием для вузов. Правда, история древнего Востока, к сожалению, почти не изучается в наших вузах и лишь в редких случаях дает тему отдельного предмета курса, так что книга М. М. Хвостова будет, вероятно, иметь немного читателей — этим обусловлен ее небольшой тираж (2.000 экз.).

Острая нужда в учебнике, во время неудовлетворенная, уже дала отрицательные результаты. В 1927 году вышла пятым изданием книжка «Тезисы и планы по истории революционного движения Западной Европы и Америки 1789—1914» (составлено студентами Комвузов под руковод. Ц. Фридлянда. V исправленное и дополненное издание с приложением планов лабораторных заданий. — М. 1927. Коммунистический Университет им. Я. М. Свердлова). Это сборник сжатых тезисов по основным темам программы комвузов, составленный свердловцами, студентами Академии Коммунистического Воспитания и университета Нацменьшинств Запада за ряд лет. Редактор работы Ц. Фридлянд издавал книжку, как пособие для повторения уже пройденного материала и как отчетную работу самих студентов. Но ни для кого не секрет, что книжка приобрела совсем другое лицо в жизни современной школы — стала чем-то вроде подстрочника,

шпаргалки... По ней вовсе не повторяют пройденное, по ней впервые учат новое, зубрят к зачету готовый вывод-тезис, совершенно не понимая, каким образом до него дошли. Появится хороший, ясный учебник — дело изменится к лучшему, и книга, может быть станет тем, чего хотел от нее неповинный в навязанной ей роли редактор — повторительным пособием. Что же до «отчетной работы», то она весьма проблематична: отчитываться должно определенное лицо, определенный выпуск, а что же это за отчет, в котором, как в летописи, безымянные авторы в токе времен наслаивают и наслаивают свои прибавления?

Внимательно и оригинально составлена книга В. Сергеева «Феодализм и торговый капитализм в античном мире» (Сборник документов и материалов по истории развития общественных форм. Под общей редакцией П. Кушнера (Кнышева). Вып. II. Изд. Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова — М. 1926). Она составлена знатоком дела, и ее надо приветствовать, как попытку оживить изучение древней истории. Но опять-таки, определенной программной установки в ней нет.

Вот и все, чем обогатилась учебная литература по «Всеобщей истории» за истекший год. Очень, очень мало. Если сопоставить эти новые приобретения с уже имеющимся запасом старых изданий школьного обихода, картина не станет более утешительной. Имеются в обращении издания книг Н. Лукина («Новейшая история З.-Европы»), Арк-ан «большой и маленький», («История рабочего движения в Англии, Франции и Германии»), несколько работ Р. Ю. Виппера, которыми пользуется наша школа. Но разве этого достаточно? Мы не имеем в нашей учебной литературе по «всеобщей» истории глав по истории Америки, или Китая, которые были бы введены в тематику учебника. Факты в общем довольно печальны. Но зато впереди много интересной работы и ясно осознанных педагогических задач.

II. ХРЕСТОМАТИИ

Хрестоматии, сборники материалов и документов и т. д.

Если при разборе учебников поражает то, как их мало, то хрестоматии, наоборот, подавляют своей многочисленностью. Пусть не обижаются их составители, но об'яснить это приходится в большей степени «легкостью» их составления. Настричь ножницами отрывков из старых книг и журналов, дать пышное предисловие, поясняющее огромную нужду в хрестоматии при лабораторном методе, все прикрыть метким заглавием — и хрестоматия «готова». Конечно, так бывает не всегда, но все же бывает. Нужда в учебнике, специально приспособленном к методическим исканиям современной школы, — вот основная причина размножаемости этого рода литературы. Она родится даже не единицами, а сразу целыми выводками-сериями. Один из таких выводков — серия Ленинградгубполитпросвета «Хрестоматия по обществоведению для школ взрослых». Упомянем из этой серии выпущенные в 1926 году № 11 и № 12, составленные А. Рапопортом: «Развитие капитализма в России во второй половине XIX века» и «Классовая борьба в России во 2-й половине XIX века». Обе книжечки носят подзаголовок «Материалы для работы по лабораторно-исследовательскому методу с методическим введением (М.-Л. Изд-во ЦКЖД «Гудок», 1926). Это лучший пример того, как не надо составлять хрестоматию. Лоскутность, мелкость и разноколиберность отрывков, не связанных внутренне, с которыми учащийся не знает что делать, возведены в принцип: на 37 страничках первой из упомянутых книг сорок девять отрывков и отрывочков: тут Балабанов, Янсон, Мукосеев, Ларин, Ленин, Туган-Барановский, М. Н. Покровский, превращающийся на стр. 31 в М. И. Покровского, Шестаков, Лященко. Коваленский, Струмилин, Гулишамбаров, Зив, Ерманский, Воронов, Боголепов, Левин, Финн-Енотаевский, Вавилин... «Из» одного автора взяты три цифры, «из» другого девять строк (стр. 16—17). Этот мешок пестрых лоскутков выпотрошен перед учащимся, который над ним должен «лабораторно» работать. В какой «лаборатории» созданы подобные пособия, отучающие работать и читать книгу? Прибавим к этому ни во что не вводящее «введение» из ряда наспех набросанных фраз, никак не могущих помочь читателю.

Мы сталкиваемся тут с одним общим вопросом: почти во всех хрестоматиях настрижено большое количество не-марксистских отрывков, которые безоговорочно преподносятся учащемуся, как подлежащий усвоению материал. Зачем? Чтобы он усвоил неверные мнения? Укажу на отрывок из статьи Ерманского «Крупная буржуазии до 1905 г.» (Рапопорт «Развитие...» стр. 31—32). Надо осведомлять учащихся о не-марксистских выводах и учить их критиковать, а не искажать их собственные мнения.

Оставим выводки, перейдем к единичным рождениям. Два тома хрестоматии Н. Карпова и М. Мартынова дают возможность несколько отдохнуть. «История

классовой борьбы в России в материалах и документах» имеет, собственно, несколько авторов: в составлении ее принимали участие проф. А. Е. Пресняков, М. Н. Мартынов, Н. Ф. Лавров, А А. Шилов, С. В. Рождественский, С. В. Вознесенский, Н. И. Карпов, Н. И. Сидоров. Просмотрена хрестоматия С. И. (?) Пионтковским. Велик хронологический захват этой работы — от феодализма Московской Руси до конца XIX века (последняя тема «Ленин в борьбе с народничеством») В ней даны отрывки различных типов — выдержки из документов и отрывки из монографий, статистические таблицы. Материал подобран довольно полно и разносторонне, хотя тут можно сделать ряд возражений.[1]) Педагогическая обработка хрестоматии крайне слаба: встречаются длинные выдержки непереведенного французского текста, недопустимо слаб комментарий, совершенно отсутствует аппарат руководящих исследовательских вопросов. Но вообще дело с хрестоматиями обстоит так плохо, что на этом безотрадном фоне хрестоматия Карпова и Мартынова все же должна быть признана одной из лучших.

В 1926 году вышел последний выпуск работы А. Большакова и Н. Рожкова «Хрестоматия по истории хозяйства России» (в трех выспусках)[2]), захватывающий период с 1905 по 1925 год. Публикация документов по истории хозяйства этого периода только что началась, поэтому собранный в выпуске материал далеко не полон и обстоятельствами обречен очень быстро устареть. Эта неизбежная неполнота обусловила и не всегда характерный выбор документов, т. к. разбросанность того, что опубликовано, и большое количество неопубликованного материала сильно затрудняет выбор. Отделы, касающиеся развития промышленности, разработаны с меньшей тщательностью, чем отделы о сельском хозяйстве. Педагогическая обработка хрестоматии отсутствует совершенно, почти нет комментариев и примечаний. Никакой методической установки на систему преподавания в современной школе нет. Бедность литературы по затрагиваемой хрестоматией теме делает этот выпуск полезным, он ляжет в фонд вспомогательной литературы для создания учебного пособия, приспособленного к школе, но педагогический вес этой хрестоматии очень мал. Хрестоматия Б. Д. Грекова «История русского народного хозяйства» (материалы для лабораторной проработки вопроса) 1. Промышленный капитализм (дореформенный период) (составили проф. Б. Д. Греков и И. М. Троцкий. Допущено ГУС'ом—Лгр. Брокгауз и Ефрон. 1926)[3]) интересна, как определенный сдвиг в этой области: кроме свежего и интересно подобранного документального материала, она дает продуманную попытку его педагогической организации. Основной упрек, который необходимо сделать хрестоматии А. Чулошникова и П. Садикова «Русская деревня в прошлом и настоящем» (т. I, изд. «Прибой» 1926 г.[4]),—это полное отсутствие твердой целевой установки. В довольно напыщенном предисловии говорится: «составители думают, что предполагаемая книга для чтения все же не будет излишней как при проработке отдельных тем о деревне—в школах всех типов так и в кружках самообразования, избах-читальнях и т. п.». Хочешь угодить всем — не угодишь никому. Широчайший размах широкой натуры (школы всех типов!) сделал книгу бесцветной и ненужной школе: имеющийся в ней материал есть в массе хрестоматий[5]), педагогическая обработка, естественно, отсутствует (да и можно ли ее дать при желании угодить всем — и школьнику I ступени, и студенту вуз'а?). Прибавим к этому чрезвычайно неудачную внутреннюю структуру и методологические промахи. Например, II ч., озаглавленная «Пореформенная деревня XIX—XX в.в.» (?) начинается с темы «Кризис крепостного хозяйства», а наряду с этой частью, раньше, введена часть I — «Экономический быт деревни», повторяющая ее. В VII отделе 2-й части —«Классовое расслоение деревни» даны отрывки произведений Ларина, Л. Толстого, Успенского, но творца основных работ по теме —Ленина — нет. Интересна работа В. Н. Кашина «Торговля и торговый капитал в Московском государстве» (Лгр. Кубуч 1926, в серии «Памятники социально-экономической истории России п. ред. А. И. Заозерского и В. Н. Кашина»). В. Н. Кашин сосредоточил в своем сборнике материалов много документов (уже опубликованных в специальных изданиях), главным образом рисующих положение иностранного торгового капитала в Московском государстве, сделал книгу ценным пособием лишь

---

[1]) Отошлем интересующихся к нашей рецензии на эту книгу в „Печати и Революции" 1926, кн. 2.

[2]) Два последние выпуска под заглавием „История хозяйства России в материалах и документах".

[3]) См. отдельную рецензию в № 4 „Историка-Марксиста".

[4]) На обложке, — на титульном же листе — 1925.

[5]) Это знают и сами авторы, широко пользовавшиеся разными хрестоматиями—напр., известной хрестоматией М. Коваленского.

для подготовленных читателей — для преподавателей и студентов. Жаль только, что В. Н. Кашин поскупился на свежие документы, новые публикации. Хрестоматия В. Викторова «Крестьянские движения XVII — XVIII (сборник документов и материалов, изд. Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова М. 1926) хороша педагогической установкой: «сборник преследует исключительно учебные цели, задача его — служить пособием при занятиях лабораторным методом». В нем комментированы непонятные выражения, [1]) даны переводы древне-русского текста. Жаль, что комментарий расположен под порядковыми номерами, а не в алфавитном порядке: хрестоматия не книга и может прорабатываться в отрывках, а учащийся, работающий над отрывком, взятым со середины, не знает, где искать ему ранее бывшее примечание. Ценна публикация еще неизвестных документов, ценно, что собран материал по столь неосвещенным в учебной литературе темам. как разинщина и пугачевщина; жаль поэтому, что слишком бегло и сжато предисловие. Но, когда закрываешь книгу, встает один довольно грозный вопрос: нужен ли вообще такой тип книг? Для специального семинария в вуз'е этот сборник недостаточен, такие семинарии пользуются специальными научными изданиями документов, а не хрестоматиями и к последней их приучать вредно. Для прочих школ—рабфака, техникума, совпартшколы, посвящающих этой теме всего н е с к о л ь к о ч а с о в, невозможно, конечно, одолеть об'емистый том в три сотни страниц. Решение вопроса лежит в области создания специального учебника, рабочей книги для определенного курса, определенной школы, — но не в специальной хрестоматии. Все сказанное целиком приложимо к целому морю хрестоматий по декабристам, вызванных юбилеем. [2]) В 1926 г. вышли хрестоматии М. Клевенского «Декабристы» (М.—Л. ГИЗ, тир. 10.000), Ю. Г. Оксмана (при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского) «Декабристы» (М.-Л. ГИЗ, Центрархив 1926, тир. 7.000). Кому они нужны? Для вуза они малы, для других школ велики, а покупать для нескольких часов преподавания об'емистый дорогой том школа не может.

Обилие хрестоматий вызвал также юбилей 1905 года. Укажем хрестоматию Даяна «Пролог пролетарской революции» (1905) (книга для чтения в совпартшколах и школах политграмоты, п. ред. А. П. Станчинского изд. «Долой неграмотность») и хрестоматию Н. Карпова «Крестьянское движение в революции 1905 г. в документах» — Лгр. ГИЗ. 1926. Книжка Даяна марксистски выдержана и дает довольно удачный подбор материала. Жаль только, что хрестоматия хочет угодить всем типам кружков и школ и, вероятно, по этому случаю, в ней нет никаких вводных статей к отделам, никакого комментария, никаких исследовательских советов и огромное количество выдержек «из» Покровского, «из» Балабанова... Хрестоматия не обработана педагогически, все «социологические задачи» потонули в лоскутности материала. Н. Карпов интереснее тем что давал (теперь уж многое опубликовано) в большинстве случаев неопубликованный материал и ставил книге скромную цель быть «до некоторой степени» использованной, как пособие в «комвузах, педвузах, совпартшколах, в семинарской работе и в работе по проведению лабораторно-исследовательского метода». Пока нет полных документальных публикаций, книга достигнет своей скромной цели, «некоторую роль» сыграет.

В том же 1926 г. вышло третье издание исправленное и дополненное хрестоматии по истории Октябрьской революции С. А. Пионтковского (М. ГИЗ.). Достоинство ее — наличие вводных статей к отделам, — они широко используются школой в качестве учебного материала, но подчеркнем, что у ч е б н о й ц е л и автор себе не ставил, цель книжки была популяризацией: «приблизить материал Октябрьской революции к пролетариату и крестьянству». Отметим недостаточное количество примечаний. Желательна замена цитат из работы Шляпникова отрывками из работ других авторов или снабжение этих отрывков соответствующими примечаниями, а так же работа над слогом, в котором встречаются шероховатости («Россия... вела политику агрессивную внешнюю» стр. 10).

Интересна хрестоматия Гайстера и Панкратовой для марксистских и ленинских кружков повышенного типа с подзаголовком. «Проблемы российских революций» (ГИЗ, 1927). Она охватывает революцию 1905 года и Октябрьскую революцию и выделяется своей исключительно-удачной, продуманной внутренней структурой и идеологической выдержанностью. Преобладают в ней выдержки из произведений Ленина, документов маловато. Специальную установку на тип кружка надо приветствовать и в отдельной рецензии подробно разобрать ее с

---

[1]) К сожалению не все. Укажем наудачу не комментированные: „Прежде Семена дни“ (135) „снятовой род“ (136), тягло, (158), „ямские подводы“ (18), доимка (185).

[2]) Они разобраны в обзоре юбилейной литературы о декабристах в № 2 „Историка-Марксиста“.

точки зрения пригодности для него, — но не слишком ли она об'емиста для этой цели и не мал ли отдел примечаний?

Из числа хрестоматий по истории ВКП(б) отметим работу Гр. Юрьева «Путь всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 1870 — 1925». (Книга для чтения по истории партии—М.-Л. ГИЗ 1926). Книга неудачна. Автор решил «собрать в одно целое отрывки из разных книг, очерков и статей, посвященных истории ВКП(б), которые в систематизированном виде дадут возможность малоподготовленному по этому вопросу читателю ознакомиться с важнейшими моментами истории нашей партии». Но малоподготовленный читатель не справится с ворохом вырезок которые ему самому, путем дополнительной работы фантазии придется складывать в единую картину истории ВКП(б). Такому читателю нужен связный, педагогически-проработанный текст. А отдельные отрывки работ Батурина, Зиновьева, Невского, как бы удачно ни были они выбраны, будут отчасти повторять один другой, заставят тратить лишнее время (пример — отрывки о группе «Освобождение труда» стр. 46—47 и др.). Перегрузка такой книги неизбежна.

Огромная хрестоматия Ш. М. Левина и И. Л. Татарова «История РКП(б) в документах 1883 — 1916 (Лгр. ГИЗ 1926)» составлена исключительно из документальных открывков. Материал подобран первоклассный, хотя и тут не без возражений (пример: отдел критики троцкизма заполнен единственным документом — статьей Зиновьева, Ленин не представлен совершенно). Но хрестоматий на ту же тему несколько, назовем хотя бы ценнейшую семитомную Историю ВКП(б) в материалах и документах» Испарта. Левин и Татаров почему-то не упомянули о месте своей работы в ряду однотемных книг. Мы вступаем теперь в полосу монографического изучения истории ВКП(б), поэтому более ценен другой тип документальных публикаций, чем только-что упомянутый: полный подбор проверенных документов по какой-либо определенной стороне партийной жизни,— укажем на прекрасную работу «Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях ее с'ездов и конференций (1898—1926 г.г.). Изд. 3-е. — М.-Л. ГИЗ. 1927».

Перейдем к истории «всеобщей». Начать необходимо с третьего издания распространеннейшего пособия Ц. Фридлянда и А. Слуцкого «История революционного движения Западной Европы (1789—1914). Хрестоматия». (Изд. 3-е—М.-Л. ГИЗ. 1926). Из когда-то худенькой, книга превратилась в толстый том в 688 стр. большого формата. Существенных изменений в построении в новом издании нет. Рассчитана она на лабораторный метод, состоит из сжатых вводных статей к отделам, почти тонущих в изобилии документального материала. Авторы подчеркивают, что это — лишь учебное пособие, а не учебник. Книга достаточно зарекомендовала себя и к достоинствам старых изданий прибавила новое, — подробное методическое «предисловие к третьему изданию», где указан способ пользования книгой. Недостатки книги — чрезвычайная сухость и конспективность текстовой части и недостаточность педагогической обработки документа, отсутствие указания исследовательских вопросов и комментария. Отраднейшее явление в хрестоматийской области — работа Я. Захера «Французская революция в документах» (1788—1794)—Лгр. «Прибой» 1926. (Коммунистический Университет им. тов. Зиновьева). Она тоже вызвана к жизни лабораторным методом и преследует цель быть пособием в комвузах, совпартшколах и вузах при прохождении общего курса истории Запада и для специальных семинариев. Правда, для последних она маловата, особенно при наличии собрания документов Н. Лукина (см. ниже), но этот грех легко простить за прекрасную педагогическую обработку, — несомненный сдвиг в этой области и пример авторам хрестоматий. Во-первых, даны исключительно первоисточники и исключительно новые, доселе непереведенные материалы. Во-вторых, к каждому документу дано прекрасное введение, не предвосхищающее выводов из него, но дающее необходимые конкретные сведения о документе, делающее его живым продуктом эпохи, связанным с временем, местом, автором, дающее представление о документе в целом, если он приведен в отрывке. Достоинство — точное указание сборника, откуда источник взят, — эта библиографическая грамотность и внимательность так редка в наших хрестоматиях (но сокращение «pp» для студентов, не знающих ни латыни, ни французского языка все же надо расшифровать, передать по-русски). Ценны продуманные, внимательные примечания, видно, что автор педагогически одарен. Жаль, что нет исследовательского введения, подробной постановки основных исследовательских задач. Более четкая целевая установка в недавно вышедшем сборнике под редакцией Н. Лукина «Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента» (1792—1794). (Перевод Н. П. Фрейберг. Рекомендовано Научно-Политической Секцией ГУС. — М. Из-во Комакадемии. 1927, 719 страниц). Сборник предназначен для специальных семинариев в вуз'ах

и восполняет важнейший пробел — отсутствие переводных изданий для работы с семинарием по Западной истории, незнакомым с французским языком. Собранный материал взят из многочисленных французских документальных изданий, главным образом, использован декретный материал, отчеты о заседаниях Конвента Парижской Коммуны и Якобинского клуба. Такой тип изданий чрезвычайно нужен специальным семинариям высшей школы.

В 1926 г. вышел вып. III - IV составленный В. Семеновым хрестоматии «Великие утописты» (Сен-Симон, Фурье и их школы. М.—Л. ГИЗ. 1926. Серия «Экономическая система социализма в ее развитии» под ред. И. Д. Удальцова). Книге предпослано большое введение: «Великие французские утописты и их значение в истории социалистической мысли», имеющее значение монографической статьи, и многочисленные длинные выдержки из произведений утопистов. Пособие это относится к нужному высшей школе типу перерастающих в монографию пособий и в силу этого может не иметь специальной педагогической обработки: оно рассчитано на достаточно подготовленного читателя.

Закончим указанием на книгу Е. Б. Солнцева «Мировое хозяйство после войны». (Хрестоматия для комвузов и вузов. Допущено подсекцией ВУЗ научно-политической секцией ГУС. М.—Л. ГИЗ. 1926, серия «Учебные пособия для вузов и комвузов»). Она рассчитана на специальный курс мирового хозяйства, введенный в комвузах, и состоит исключительно из отрывков специальных работ и статей по мировому хозяйству, документы отсутствуют совершенно, а с ними совершенно исчезают исследовательские задачи. Эта книга—типичный «Ersatz» учебного руководства, временное заполнение пробела суррогатом того, что требуется. Она лишь тем и оправдана, что цитируемые ею книги и статьи разбросаны и трудно их собрать вместе. И поэтому она — преходящее явление: она частью рассосется связными очерками вопроса, частью исследовательскими, специальными сборниками документов. Приходится возражать против отдела VI «Основные противоречия и тенденции послевоенного капитализма» и VII «СССР и Мировое Хозяйство». В обоих совершенно смят важнейший вопрос о стабилизации капитализма. Отметим кстати, что «пособия»—не то, что «источники», это забыто автором на стр. 6 в отделе «от составителя». К книге приложены 10 статистических таблиц.

III. ВЫВОДЫ

Они очень ясны. В 1926 и в прошедшем полугодии 1927 года школа не получила еще нужных ей пособий. Мы, прежде всего, не имеем выработанного типа автора пособий, хорошо знающего школу, адресующегося к определенной учащейся аудитории. Нужный школе тип учебного пособия еще не выработан, идет довольно бурный процесс его выявления и необходимейшей диференциации по типам школ. Этот процесс еще далеко не закончен. Несмотря на то, что мы как-будто начинаем «изживать» хростоматийную полосу и вступать в полосу учебников, цельных, не лоскутных, со связным авторским текстом, — пройдет еще довольно много времени, пока выработаются нужные школе типы книг. Так как этот момент желательно со всех точек зрения как можно скорее приблизить, надо отдать себе отчет в тормозящих процесс явлениях.

Их несколько. Во-первых, необходимо ясно и определенно установить и издать программы по истории классовой борьбы — доколе нет программ, как же может возникнуть согласованный с ними учебник? Во-вторых, надо положительно разрешить вопрос о возможно большей унификации программ — все они, в конце-концов, имеют общую тематику. Если промышленно-экономическим техникумам по сетке учебных часов полагается тратить на изучение 2-го С'езда РСДРП 8 часов, а педагогическим всего 4, (какой в этом смысл?), [1]) это потребует отдельных систем изложений, отражения в различных пособиях, и приведет к излишней затрате сил и средств. Так ли важна эта странная разница в часах и нельзя ли ее устранить? В-третьих, продолжая итти вперед в области методической, нельзя ли внести спокойствие в темп этих поисков, установить методические типы различных школ. Нервная трепка наших методических метаний, неясность того, что должна делать с «лабораторизацией» провинциальная школа, не имеющая средств для закупки нужного количества пособий, — глубоко отрицательное явление. Без четкого представления о методе нельзя дать школе хорошую учебную книгу. В-четвертых, — глубокая подпочвенная, так сказать, причина, тормозящая появление учебной книги, — это отсутствие или крайняя недостаточность марксистской монографической разработки истории, это очередной и больной вопрос. Учебник может стоять лишь на специальных монографиях, без них он рушится, как здание без фундамента.

---

[1]) Общественный минимум в техникумах. Сб. материалов. Вып. I. 1926 стр. 56. (Наркомпрос) Изд. Отдела техникумов.

Выработать тип учебного пособия это значит частично разрешить и проблему автора. Тип пособия уже намечается: его признаки - органическое соединение авторского, цельного, связного, учебного текста с документом, полное уничтожение лоскутности материала, постановка исследовательской задачи, обучение работать самостоятельно над текстом источника (в разной степени в разных типах школ), действительное обучение, а не разговоры о нем; еще признак — точное согласование программы с об'емом учебника,— долой все лишнее, загромождающее, отнимающее время у нашего, и без того загруженного учащегося. Ясный, легкий, простой язык - разумеющееся само собой требование. Нам грозит наметившаяся уже слегка опасность «богословия»,—пустого социологизирования, незаполненного фактами. Нарождающийся тип учебника должен обратить внимание на это, дать ясность социологического чертежа на четкой картине фактов, дать возможность учащемуся усвоить положения диалектического материализма, как выводы из исторического материала, а не как навязанные извне догмы. Мутный поток лоскутных, склеенных хрестоматией нашим издательствам необходимо как можно скорее осушить.

Необходимо обратить внимание на пособия для общественных вузов на выработку типов семинарских и просеминарских пособий,—самый заброшенный угол в нашем книжном хозяйстве. Типы пособий для вуза нуждаются в специальной диференциации и в широкой педагогической дискуссии,—они наметились гораздо слабее, чем для других школ. Такая же общественная проверка еще и еще раз нужна для тематики нашей «Западной» или «всеобщей» истории, мало обращающей внимания на Америку и не отводящей места ни Китаю, ни Индии. Мы в этой области все же до сих пор во власти дореволюционной тематики.

Наконец,—учебные пособия должны научиться составлять грамотную библиографию и обратить внимание на продуманную аннотацию книг.

Итак, кратко:

Школа не имеет своих учебников — нужно их создать.

Предпосылка хорошего учебника — марксистская монографическая разработка проблем и твердо установленные школьные программы.

У нас нет автора — нужен специальный автор учебника.

Нужно широко обсудить вопрос о типе учебной книги для разных школ.

Необходимо внести планомерность и согласованность с учебными целями в хрестоматийное творчество.

Нужно дополнить тематику «всеобщей» истории (Америка, Китай, Индия).

Нужна грамотная аннотированная библиография.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ: М. Югов, С. Томсинский, И. Ф. Гиндин. КНИЖНЫЕ ОБЗОРЫ: А. Е. Кудрявцев, Л. М. и А. Ш., М. Нечкина, И. Троцкий, С. Валк. ОБЗОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ: А. Звавич, А. Шестаков, М. Велиговский. РЕЦЕНЗИИ: П. Кушнер, Ф. Алексеев, Л. Райский, Ф. Потемкин, А. Пресняков, Е. Д.. А. Ангаров, Е. Мороховец, В. Ангарский, И. Волковичер, А. Шебунин, М. Нечкина, Граве, Вл. Малаховский, В. И. Невский, Э. Генкина. В. И. Невский, А. Шестаков, И. Лукомская, К. Молотов, Г. Шпилев, Н. Яковлев, В. Рейхбер, Л. Мамет.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

М. Югов

К истории рабочего движения в 1917 году

Сборник Центрархива «Рабочее Движение в 1917 году». Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. Предисловие Я. А. Яковлева. ГИЗ. 1926 г. 371 стр.

Руководство рабочим движением в 1917 г. в силу ряда причин оказалось на первое время в руках политического представительства городской мелкой буржуазии и слоев рабочего класса, наиболее родственных — и политически, и материально—последней.

Что же показало рабочее движение 1917 года?

С первых же дней вскрылась вся тщетность меньшевистских попыток уложить ход действительной борьбы огромных пролетарских масс в Прокрустово ложе меньшевистских представлений о законах и нормах «правильного» течения этой борьбы.

С первых же шагов своих рабочее движение в 1917 г. наглядно показало, как совершенно неизбежно переплетение экономической и политической борьбы, как огромные массы начинают именно с экономических требований, как наряду с переплетением экономики иполитики происходит и своеобразоное перерастание первой во вторую.

Только относительно незначительные наиболее передовые слои пролетариата стали с самого начала на почву борьбы за диктатуру пролетариата и связывали любое свое экономическое требование с этой «конечной целью» пролетарской борьбы в капиталистическом обществе. Массы же подводились к этому основному политическому лозунгу в процессе борьбы за свои интересы и лишь по мере того, как обнаруживалась полная неспособность буржуазного и полубуржуазного правительства их удовлетворить.

К сожалению, разбираемый сборник, в общем весьма не плохой, недостаточно подчеркнул как самый факт постоянного переплетения и непрерывной связи экономики и политики в рабочем движении, так и борьбу меньшевиков против этих «незаконных» явлений в нем. Не то, чтобы в сборнике не было приведено ф а к т о в, вскрывающих переплетение и борьбу с ним меньшевиков,— этого не могло быть уже и потому, что и то, и другое резко бросается в глаза при самом поверхностном взгляде на ход рабочего движения того периода, — но материал не сгруппирован и не выделен под этим углом зрения. Ведь вышеназванный сборник не просто сборник документов какого-либо учреждения за какой-либо период. Здесь авторы п о д б и р а ю т материал, известным образом к л а с с и ф и ц и р у ю т и с и с т е м а т и з и р у ю т его. В основном, рубрики вопросов, намеченные авторами, выделены правильно, распределение материала безусловно хорошее — и в этом несомненная заслуга автора, — но известные недочеты имеются. К числу их относится нами только что отмеченный, к некоторым другим мы вернемся ниже.

Как известно, Петроградский, а сейчас же вслед за ним и Московский Советы прекратили политическую стачку, как только выяснилось, что общенародный под'ем смел старый режим. Это постановление вызвало большое неудовольствие рабочих. Ряд заводов вынесли резолюции, в которых отказывались подчиниться постановлениям Совета; больше того, некоторые районные Советы, например, Московский в Питере, приостановили на несколько дней постановление Центрального Совета. В низах, даже там, где сразу же подчинились Совету,

его решение было встречено очень неблагоприятно. Ряд постановлений заводов, так же, как и упомянутое постановление Московского района, приведен в сборнике [1]). О чем говорят эти постановления? Часть говорит о преждевременности прекращения стачки, так как борьба с царизмом еще не кончена, другая часть — и в ней в большей мере выражаются настроения самых широких слоев питерских рабочих — говорит о необходимости приступить к работам лишь после улучшения положения рабочих. Решение приступить к работам было вынесено Петроградским Советом еще 5-го марта и было принято огромным большинством 1170 против 30. Между тем, десятки предприятий — и раньше всего крупнейшие (завод Динамо, Старый Парвиайнен, Сестрорецкий завод, Балтийский завод, завод Новый Лесснер, где резолюция против прекращения стачки собрала семь тысяч голосов против шести голосов, зав. Розенкранца и т. д.) были против этого постановления.

Как бы там ни было, Совет вынес решение подавляющим большинством, и большевистский и межрайонный комитеты, высказывавшиеся против возобновления работ, призвали к подчинению Совету, выставив только требование немедленного введения 8-часового рабочего дня. Но на предприятиях сопротивление возобновлению работ было очень сильным. 7 марта рабочая секция специальным постановлением еще раз обязывала приступить к работе. 10 марта состоялось вторичное постановление пленума Петроградского С. Р. Д., где еще раз в самой энергичной форме подтверждалась необходимость приступить к работам, в виду того, что некоторые категории рабочих еще не приступили.

Все же к тому времени работы в большинстве предприятий были возобновлены. Но здесь-то и оказалось, что в огромном большинстве случаев, вопреки предложениям и предположениям меньшевиков, работы возобновились не на старых условиях. Стихийно, самочинно предприятия вводили иные, лучшие условия труда и раньше всего вводили явочным порядком 8-мичасовой рабочий день, кое-где, преимущественно, на казенных заводах, сменяли начальство и т. д.

К сожалению, неизвестно какая часть заводов ввела явочным порядком 8-мичасовой день. Точного подсчета нете, нет и попытки приблизительно подсчитать. Первым его ввели, повидимому, печатники затем ввели раньше всего, нужно полагать, крупнейшие заводы (так, напр., был введен самочинно 8-мичасовой рабочий день на Невском Судостроительном, Стар. Парвиайнене, Максвеле, Русско-Балтийском, Розенкранце, Сестрорецком, Ижорском, Франко-Русском, Лангензинене, Адмиралтействе и т. д.). Можно думать, что 8-мичасовой день был введен явочным порядком не менее, чем, на половине крупных предприятий. В весьма интересном протоколе заседания членов С. Р. Д. Петроградского района от 8 марта, извлеченного нами из одной папки архива иногороднего отдела Петроградского Совета (составители сборника, к сожалению, совершенно не использовали этот архив, имеющий огромную ценность для освещения дел в провинции), помещены доклады с мест о положении на предприятиях. Из этого протокола видно; что 7 заводов начали работать на прежних условиях (из них на одном 8-мичасовой день был и раньше); 9 же предприятий (зав. Щетинина, Заречная станция, водопровод, зав. Слюсаренко, трамвай, Ботанический сад, Фефелевский завод, завод беспроволочного телеграфа Тюдор и Лангензинен) — ввели явочным порядком 8-мичасовой рабочий день, а один завод вообще не приступил еще к работе. Вероятно, и в других районах соотношение было такое же, а в Московском и Выборгском районах; возможно, еще больший процент предприятий самочинно «осложнил» политическую стачку введением 8-мичасового рабочего дня и других улучшений.

Но и те предприятия, которые начали работать при старых условиях, немедлённо начинали пред'являть экономические требования. Уже 9 марта Исп. К-т оказался вынужденным опубликовать в «Известиях» воззвание, где выступил против разрозненных требований и самочинных действий. Но последние оказали свое влияние, правда, не столько и не так быстро на меньшевиков, как на предпринимателей. Того же 9 марта на заседании Исп. К-та рассматривались известные предложения общества фабрикантов и заводчиков, легализовавшие 8-мичасовой рабочий день, рабочие Комитеты и т п.

Это была, с одной стороны, уступка силе стихийного давления масс — кадетский специалист по социалистическому движению, Изгоев прямо писал, что большевики террором вынудили о-во фабрикантов и заводчиков согласиться на 8-мичасовой рабочий день, с другой стороны, это была попытка наиболее дальновидных руководителей промышленности предвосхитить ту блестящую (для буржуазии) политическую комбинацию, которую в 19 г. разыграли Лепин и Стиннес в своем знаменитом соглашении.

---

[1]) Большинство из них, взятых авторами из архива От. Труда Петроградского Совета, было ранее опубликовано Шляпниковым во II части «1917 года».

Приходится сожалеть, что авторы сборника недостаточно четко подчеркнули отношение меньшевиков к восьмичасовой кампании. Составители не поместили ни знаменитой статьи в «Рабочей Газете» против 8-мичасового рабочего дня, ни открытого письма П. Маслова к Советам (письма, перепечатанного во многих провинциальных советских «Известиях»).

Только под стихийным давлением рабочих масс, при своеобразном нейтралитете Совета, при сопротивлении меньшевиков, удалось добиться сначала в Питере, полутора неделями позже и в Москве, установления одного из великих завоеваний революции — восьмичасового рабочего дня. Но завоевания восьми часов в столицах оказалось лозунгом и для всего российского пролетариата [1]). Из города в город перекатывалась волна требований восьмичасового дня, и скоро вся провинция оказалась захлестнутой борьбой рабочих масс за восьмичасовой рабочий день. Борьба эта приняла точно такие же формы, как и в центрах — стихийное давление массы, противодействие меньшевиков,, первоначальный нейтралитет советов.

И. К. Петроградского С. Р. Д. отнесся отрицательно к перенесению борьбы в провинцию и в ответ на многочисленные запросы еще 22-го марта, т.-е. через две недели после установления восьми часов в Питере, советовал ждать разрабатывающегося законопроекта. Такую же позицию заняли и местные Советы — почти все они высказываются «принципиально» за восьмичасовой рабочий день, но советуют разрозненно не выступать, не об'являть забастовок, сдавать все требования предпринимателям, которые последними не принимаются, в Совет и ждать либо соглашения Совета с предпринимателями, либо соответствующего закона. Если бы рабочие следовали этой тактике, они не дождались бы, по всей вероятности, ни закона (он, впрочем, и появился кажется только после 25-го октября), ни соглашения с промышленниками, ни декретирования восьмичасового рабочего дня местными Советами.

Остановимся для иллюстрации на некоторых крупных провинциальных Советах. Возьмем, напр., Нижегородский. В начале Совет, как и большинство остальных, не думал о немедленном введении восьмичасового рабочего дня. Так, на заседании Пленума Совета 11 марта в единогласно принятой резолюции. Совет, перечислив в ряду других экономических требований и восьмичасовой рабочий день, однако, далее говорит: «В виду того, что эти требования могут быть проведены в жизнь лишь с помощью сильных организаций, С. Р. Д. призывает к немедленному созданию профессиональных союзов» (Известия Нижегородского С. Р. Д. № 2 от 14-го марта). До этого же Совет предлагает направлять к нему все требования к предпринимателям и не об'являть забастовки без ведома и согласия С Р. Д. Попытки соглашения с местной предпринимательской организацией ни к чему не привели. Предприниматели признали введение 8-мичасового рабочего дня «государственным преступлением» и жаловались на явочный порядок введения его на некоторых предприятиях. Под давлением стихийного движения рабочих Совет на своем заседании через неделю постановляет: «с 17 марта ввести восьмичасовой рабочий день во всех предприятиях, как частных, так и общественых, и государственных Нижегородской губернии». Это постановление распространилось т. о. и на прилегающий к Нижнему Канавинский район с 30 тысячами рабочих. Любопытно, что некоторые заброшенные Советы мелких городов Нижегородской губернии самостоятельно вводили восьмичасовой день. Так, например, Сосновский Совет информирует Нижегородский о состоявшемся 20 марта «всеобщем» собрании рабочих и кустарей Сосновского района, на котором были произведены выборы первого Совета и состоялось постановление о введении 8-мичасового рабочего дня. Юридическую санкцию, так сказать, это постановление получило на заседании Совета 22-го марта.

На Урале, как и всюду, меньшевики задерживали введение 8-часового дня. На заседании Уральского (по сути дела Пермского) Совета докладчик И. К.— меньшевик, делая доклад о введении 8-мичасового дня «в духе принятого ранее постановления И. К», говорил: «вводить можно его лишь при условии соглашения обеих заинтересованных сторон, т.-е, предпринимателей и рабочих, и при непременном условии, чтобы осуществление 8-мичасового рабочего дня не наносило ущерба производству. Эта чисто предпринимательская резолюция, повидимому, встретила сопротивление [2]). В результате прений была принята следующая резо-

---

[1]) К сожалению, провинция в сборнике вообще бледно освещена, и в известной мере, по вине составителей, как вследствие недостаточного использования ими и без того бедного фонда провинциальной прессы в АОР'е, так и из-за упомянутого уже нами неиспользования архива иногороднего Отдела.

[2]) Мы пишем: «повидимому», т. к. ни меньшевистская «Пермская Жизнь» (№ 38 от 22 марта), ни меньшевистские «Известия Уральского С. Р. и С. Д. (№ 3 от 2 апреля) не приводят содержания выступлений, указывая только на наличие

люция: «Уральский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ставя вопрос о ближайшей социально-экономической политике в зависимости от разрешения его в обще-российском масштабе, постановил обратиться в Центральный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов с предложением немедленно добиваться от Временного Правительства введения путем декрета восьмичасового рабочего дня, установления минимума заработной платы и примирительных камер. До этого же Уральский Совет Раб. и Солд. Депутатов призывает товарищей рабочих воздержаться от разрозненных выступлений»

Меньшевикам ненадолго удалось задержать введение восьмичасового рабочего дня. На заводах начинается стихийное движение и еще к концу марта И. К. Уральского (Пермского) Совета в связи с конфликтами на Серебрянском, Салдинском, Надеждинском, Сосьвинском заводах посылает туда своих комиссаров. На ряде заводов — в большинстве казенных — под давлением рабочих администрация соглашается на введение восьмичасового дня; таковой, например, был установлен на огромном, насчитывавшем до 26 тысяч рабочих, Мотовилихинском заводе еще 23 марта. В Екатеринбурге, где большевики преобладали с самого начала, на первом же заседании об'единенного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 23 марта, было постановлено ввести 8-мичасовой рабочий день. В Уфе еще 31 марта Совет признает «недопустимым введение восьмичасового рабочего дня явочным порядком в отдельных предприятиях», однако, после окончившихся неудачей двухнедельных переговоров с промышленниками, Исп. К-т Совета поручает 13 апреля в трехдневный срок выработать формы проведения восьмичасового дня без соглашения с промышленниками. На Областном Уральском С'езде Советов 15 — 17 апреля докладчик-меньшевик еще резко высказывался против демагогии, которая призывает к немедленному введению восьмичасового рабочего дня. Однако И. К. встретил довольно резкую критику с мест в его поведении в проведении восьмичасового дня. Большевистская Лысьма и пермский завод Лесснер даже предложили вынести недоверие Исполнительному Комитету Уральского Совета. Последнее хотя и было значительным большинством отклонено (при воздержании трети с'езда), но соглашательское крыло должно было принять восьмичасовой день. Такова картина войны за восемь часов на Урале.

В Донбассе на конференции делегатов Советов шести крупнейших районов 15—17 марта, на котором было представлено около 200 тысяч рабочих, по вопросу о введении восьмичасового рабочего дня была принята следующая резолюция: «Конференция считает, что следует воздержаться от отдельных выступлений, а находит нужным требовать от Временного Правительства немедленного проведения в жизнь восьмичасового рабочего дня во всей стране» [1]).

В Харькове крупнейшие предприятия — заводы ВЭК'а, Харьковский Паровозостроительный, Гельферих-Саде—вводят явочным порядком восьмичасовой рабочий день. Совет, вначале бывший против восьмичасового дня, затем вынужден был санкционировать его. Почти всюду мы видим, таким образом, одну и ту же картину. Всюду одинаковая последовательность — стихийные выступления рабочих при неодобрительном отношении к ним Советов; переговоры Совета и предпринимателей; декретирование Советом восьмичасового рабочего дня при отказе пойти на соглашение. Конец марта и апрель месяц весь заполнен этой борьбой. Во многих местах предприниматели пошли на уступки (Саратов, Самара Ярославль, Одесса, Симферополь, Баку), и восьмичасовой рабочий день явился следствием соглашения сторон, но очень часто восьмичасовой рабочий день декретировался постановлением Совета, вопреки предпринимателям, так было, например, в Казани, Омске, Смоленске, Иванове, Костроме, Харькове, Череповце, Борисове и др. местах. Но всюду — начиная с уже упомянутой статьи в «Рабочей Газете», вызвавшей хвалебные отзывы «Биржевки» и «Речи» — всюду меньшевики старательно отделяли экономику от политики, всюду выдвигали на первый план «демократию», полагая, вслед за своим учителем Каутским, что материальные интересы рабочих не стоят того, чтобы за них вести ожесточенную борьбу.

К сожалению, повторяем, именно этот момент — отношение меньшевиков к развернувшейся большой битве за восьмичасовой день—совершенно не отмечен ни в документах сборника, ни в комментариях составителей.

Завоевание восьмичасового рабочего дня имело огромные, неисчислимые последствия. Это была большая победа. Из 2218 тысяч рабочих по предприятиям, подчиненным фабричной и горной инспекции, в 1913 году работало восемь часов

оживленных требований. О характере прений можно судить по тому, что принятая резолюция была значительно более радикальной, чем доклад.

[1]) Папка листовок 1917 г. в АОР'е. Листовка «Резолюции Бахмутской Конференции делегатов С. Р. и С. Д. 6-ти районов Донецкого Бассейна».

только 199 тысяч, т.-е. всего 9%, зато 1351 тысяча рабочих работало 10 часов и выше [1]). Но помимо этих групп рабочих, были и огромные слои других, которых непосредственно касался восьмичасовой день,—достаточно упомянуть о сотнях тысяч рабочих, занятых на транспорте.

Самые отсталые слои в самых глухих районах оказались втянутыми в «восьмичасовую кампанию» 1917 года. А выигранная кампания не только втянула, но и закрепила миллионные массы за революцией.

Попутно, в процессе проведения восьмичасового рабочего дня, пролетариату России и его партии пришлось провести огромную раз'яснительную кампанию. В течение двух-трех недель, изо дня в день буржуазная пресса, к тому времени еще огромной силы аппарат давления на общественное мнение и формирования последнего, натравливала армию на рабочих. Было пущено в ход все, начиная от подложных резолюций воинских частей и выдуманных антирабочих демонстраций, кончая спекуляцией на мелко-собственнических инстинктах крестьянина.

Эта карта буржуазии была бита. В сборнике документов этой неудачной попытке буржуазной контр-революции посвящена целая глава (IV).

Чтобы покончить с восьмичасовой кампанией, нам остается сказать еще несколько слов. Как широко ни развернулось — а оно развернулось неслыханно широко — рабочее движение, все же оставались еще многие группы, которые не сумели отвоевать себе восьмичасовой день. К таким раньше всего принадлежали рабочие мелких, кустарных и ремесленных предприятий. Значительно позже был введен восьмичасовой рабочий день и в небольших непромышленных городах глухих районов, особенно на окраинах. Введение восьмичасового рабочего дня затягивалось, например, даже в таких сравнительно не отдаленных районах, как Мальцевские заводы.

Следующие три главы (V—VII) посвящены возникновению рабочих организаций, борьбе с ними предпринимателей и защите рабочими своих организаций. Довольно полно и хорошо подобранный материал дает ясное представление об этих темах. Но на одном вопросе мы считаем необходимым остановиться более подробно. Это—на вопросе о влиянии и взаимодействии Советов и профессиональных организаций в тот период. Составители недостаточно подчеркнули тот факт, что первое время руководство экономической борьбой было целиком в руках Совета, но и позже, в момент; когда уже были налицо крепкие профессиональные организации, Совет очень энергично и в самых разнообразных формах вмешивался в экономическую борьбу пролетариата. Об этом составители только глухо упоминают. В комментариях в одной из глав, авторы пишут: «В первые месяцы революции союзы были еще слабы и плохо организованы. В это время параллельно с союзами, а частью заменяя их, действовали Советы Рабочих Депутатов и их отделы Труда... В производствах, особенно в мелких, отдаленных и трудно поддающихся организации предприятиях, где профессиональных союзов еще не было, Советы энергично содействовали их организации» [2]). Это верно, но это еще не все. Основное заключалось не только в том, что Совет, иногда заменяя профсоюз, руководил экономической борьбой и содействовал организации профсоюзов в отдаленных районах. Содействие свое Совет оказывал не только в отдаленных районах, но буквально всюду. Даже самый созыв III Всероссийской Конференции профсоюзов состоялся, в известной мере по инициативе Советов— так Всероссийское Совещание Советов по докладу своей рабочей секции поручило постановить Отделу Труда Петроградского Совета совместно с Петроградским и Московским Центральным Бюро профессиональных союзов созыва этой конференции.

Не в том также и основное, что первое время Совет вел экономическую борьбу вместо профсоюзов [3]).

---

[1]) Статистический сборник 1913—1917 гг., Труды ЦСУ, том VII, выпуск первый, изд. 1921 г.

[2]) 86—87 стр. сборника.

[3]) В самом начале революции исключительно Совет вел экономическую борьбу и концентрировал полностью в своих руках руководство ею. Вот, для примера, план экономической борьбы, намеченный Нижегородским Советом Рабочих Депутатом на пленуме 18 марта. На каждом предприятии, согласно решению пленума Совета, избирается завком, куда обязательно входят члены С. Р. Д., от данного предприятия. Заводской комитет вырабатывает требования и после утверждения их на обще-заводском собрании пред'являет их администрации, посылая копию Совету. В случае несогласия администрации, завком, не об'являя забастовки, обращается к Совету Рабочих Депутатов («Известия Нижегородского С. Р. Д. № 4 от 24 марта). В плане, как видно, нет ни слова о профсоюзах. Таких примеров можно привести очень много.

Главное заключается, по нашему мнению, в том, что рабочая масса, даже шедшая за меньшевиками и эсерами, видела в Советах не просто классовую организацию, а классовые органы власти, и всякий раз, когда по ее мнению, забастовка начинала выходить из сферы «чистой политики», либо когда желала извлечь забастовку из этой сферы, рабочая масса давила на Совет, требуя его вмешательства. Вмешательство Совета принимало самые разнообразные формы, и это вмешательство происходило не потому, что не было еще союзов, либо существовавшие союзы были еще слабы, не потому также, что вследствие неурегулированности отношений Советов и профсоюзов существовал параллелизм, а потому, что этого требовала рабочая масса, потому, что в Советах массы видели «верховную инстанцию», имевшую реальную возможность, а потому и обязанную изменить соотношение, которое складывалось между отдельными группами предпринимателей. Здесь мы снова видим то же самое переплетение экономики и политики, переплетение, которое является основным законом рабочего движения как в 1905 г., так и в 1917 г. В 1917 г. переплетение проявилось только в значительно более многообразной форме, оказалось более глубоким, более богатым всякими осложняющими моментами, более, мы бы сказали, переплетенными.

Мы приведем несколько примеров. Вот что мы, например, читаем в «Известиях Костромского СРД» № 13 от 22 марта. На фанерном заводе из-за предстоящего капитального ремонта был об'явлен временный расчет. Рабочие обратились с протестом к Совету. На заседании Совета Рабочих Депутатов 19 марта Совет постановил: «Поручить Исполн. Комитету с товарищами из фанерного завода выработать определенные меры для урегулирования вопроса и предложить фанерному заводу их исполнить, сообщив ему, что в противном случае придется считаться не с рабочими своего завода, а со всем Советом Рабочих Депутатов». Исп. Комитет немедленно же, не дожидаясь ответа от владельца, делегирует своих уполномоченных для осмотра котлов, предназначенных к ремонту. Факт, несомненно, очень колоритный. Здесь не просто руководство Советом экономической борьбой рабочих, здесь Совет выступает не как сторона, а как власть; вмешивающаяся в «святая святых» капиталиста, в административный и производственный механизм предприятия. Вот другой факт: в Москве администрация фабрики искусственного шелка «Вискоза» пыталась остановить предприятие, мотивируя отсутствием топлива, сырья и т. д. Завком выяснил, что последнее имеется в достаточном количестве, и тогда Мытищенский Районный Совет берет фабрику под свой контроль [1]. В «Известиях Одесского С. Р. Д.» № 107 от 13 августа мы читаем в заметке «В президиуме» следующее сообщение: «Красная гвардия и Отдел Труда С. Р. Д. делают заявление о том, что магазин цветов бр. Брун, об'явленный Союзом Приказчиков и президиумом СРД под бойкотом за об'явленный локаут служащим, функционирует теперь при помощи штрейкбрехеров. Решено поручить Отделу Труда и Красной Гвардии принять против штрейкбрехеров все меры, имеющиеся в распоряжении С. Р. Д.». Не нужно забывать, что столь своеобразные формы «экономической» борьбы применял небольшевистский Совет после июльских дней и до корниловщины. После корниловщины прямое вмешательство Совета, как органа пролетарской власти, в экономические конфликты между рабочими и хозяевами встречается десятками на каждом шагу, почти в любой стачке города. Тогда вмешательство красной гвардии, аресты администрации, прямые приказы Совета о выполнении требований стачечников являются совершенно обыденными явлениями, и составители сборника приводят много таких документов. Но мы приводим факты; (которые понятно; можно во много раз умножить) относящиеся как раз к другому периоду — периоду, когда разграничение профессиональной и политической борьбы должно было быть наибольшим.

Еще более любопытно было переплетение экономической и политической борьбы в таких районах, как Донбасс и Урал. Здесь строительство профсоюзов началось очень поздно. В Донбассе, например, организация масс в профсоюзы начинается собственно только перед самым октябрьским переворотом. Здесь, благодаря разбросанности предприятий, отдаленности их от городских поселений, на каждом отдельном заводе либо руднике возникали вполне самостоятельные Советы. Совет же занимался и милицией, и продовольственными делами, руководил, большей частью, обывательскими и общественными комитетами, возникавшими в рабочих поселках по примеру крупных центров, и на ряду с этим руководил всей экономической борьбой. Здесь-то мы и наблюдаем чрезвычайно любопытное явление — в лице Совета и его комиссий мы имеем организацию, выполняющую одновременно и функции политического представительства рабочих, их экономической защиты, культурного их обслуживания и т. д. Здесь совершенно невозможно было раз'единить политическую деятельность Совета от

[1]) Известия Моск. Сов. Рабочих Депутатов № 84 от 13 июня. Стенограмма заседания С. Р. Д. от 6 июня.

профессиональной, да и сам Совет мало об этом заботился [1]). В результате мы имеем весьма оригинальное явление, когда один и тот же Совет пред'являл в качестве профессиональной организации требования об улучшении материального положения рабочих и в качестве уже собственного Совета, т.-е. организации политической, арестовывал предпринимателя либо директора за невыполнение этих требований. В Донбассе, где влияние соглашателей было в течение долгого времени преобладающим, какой-либо меньшевистский, либо эсеровский Совет весьма усердно арестовывал администрацию за невыполнение экономических требований, им же пред'явленных. С подобного рода арестами мы встречаемся в Донбассе еще в мае 1917 г.

Но в Донбассе и профессиональная организованность и, особенно, политическая сознательность была меньшей, чем на Урале, и описываемые явления проявлялись далеко не в столь резкой форме, как на большевистском Урале.

Здесь в экономической борьбе и особенно в деятельности Совета мы наблюдаем гораздо большее участие партийных организаций, большее воздействие их на Советы и на ход рабочего движения, и потому самые формы последнего отличаются большей ясностью, находятся на более высокой ступени. Мы приведем здесь три выдержки из документов, относящихся к трем крупнейшим уральским заводам — Богословскому, Надеждинскому, Мотовилихинскому.

Вот, например, каково было положение дел в Богословском заводе:

«В Богословском заводе 9 марта образовался Совет депутатов рабочих и служащих, который на первом же собрании выделил из среды своей депутатов в продовольственную комиссию и комитет общественной безопасности, передав этим двум организациям ведение делами, первому — продовольствия, второму — общественной безопасности, оставив в своих руках лишь по этим вопросам наблюдательно-контролирующую позицию, и, выделив Исп. Комитет, Совет занялся делами чисто демократического органа». «В последних своих заседаниях Исп. Комитет приступил к рассмотрению поступающих просьб рабочих об улучшении их быта. Для проверки подобного рода просьб, из среды комитета была выбрана наблюдательная комиссия. А 20 с/м письмом за № 17 Совет рабочих и служащих через Исп. Комитет предложил директору медного завода, в брикетно-коксовом цехе с 1 апреля ввести вместо двенадцатичасового восьмичасовой рабочий день. Этого же числа письмом на имя управляющего за № 18 предложено заводоуправлению в самом непродолжительном времени улучшить положение рабочих, повысив соответственно заработок и создав лучшие гигиенические условия. Кроме того, предложено в тех цехах, где то требуется условиями работы, выдавать рукавицы и прочие предохранительные средства. Предлагая заводоуправлению улучшить положение работы, Совет Рабочих депутатов и служащих воздержался от указания размера минимального заработка рабочего, сознательно имея в виду собрать для этого материал на местах, путем цеховых собраний. Материал этот был 22-го числа собран, и на основании его составлены 23 числа следующие расценки труда, имеющие быть предложенными управлению: рабочие, принадлежащие к I группе чернорабочие—от 3 до 4 рублей, к II группе—от 4 до 6 рублей, III—от 6 до 10 рублей. Женщины, если они несут одинаковые работы наравне с мужчинами, подростки—от 1 до 3 рублей в день...» [2]).

На Надеждинском заводе однородные явления: «Исп. Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил вызвать 31 марта директора — гражданина Постникова и пред'явить ему расценки ново-снарядного, доменного и крупно-сортного цехов. Потребовать у него категорического заявления о согласии или несогласии на пред'явленные к нему расценки. В случае отговорки, что у него нет полномочия, дать ему срок 24 часа на получение таковых из Петрограда. По прошествии этого срока, Совет Рабочих и Солд. Депутатов об'являет рабочим о результате переговоров с директором завода и ту меру, которую необходимо предпринять. Мера эта состоит в просмотре заводских книг, и если по проверке последних окажется, что пред'явленные расценки лишь только уменьшат прибыль акционеров, то потребовать немедленного их утверждения. В случае же отказа телеграфно вызвать представителя Петроградского С. Р. и С. Д. и представителя Временного Правительства, с которыми и разобрать дело» [3]).

---

[1]) Очень интересная выдержка из «Торгово-Промышленной Газеты» приведена в сборнике на стр. 242—243.

[2]) Доклад представителя Богословского С. Р. Д. Взят из протокола совещания Исп. Комиссии Комитета Обществ. Безопасности Надеждинского завода с представителями мест от 25 марта. А. О. Р. Ф XXX сер. Д 18 № 100.

[3]) Протокол заседания Исп. Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Надеждинского завода от 30 марта пункт 6. Взят из фонда ЦИК'а I созыва, архив иногороднего Отдела, папка № 100.

На всех заводах мы наблюдаем одинаковую картину. Советы не только представительствуют рабочих, не только об'единяют их и выставляют от их имени требования, но они командуют предприятием, предписывают администрации в определенных цехах вводить определенный рабочий день, устанавливают расценки и минимум рабочей платы, регулируют отпуски рабочих, самочинно берут на себя право приема и увольнения рабочих, следят за поднятием производительности, за прогулами рабочих и т. д. — одним словом, Советы являются властью.

Вмешательство пролетариата в производственный механизм происходило с первых же дней революции. Особенно ярко сказалось это вмешательство на казенных заводах, где в большинстве случаев администрация в первы дени разбежалась и рабочие взялись сами за управление производством. По преимуществу на казенных же заводах началась и смена администрации. Так в Питере уже в первые дни на заводах Трубочном, Франко-Русском, Адмиралтейском, Гребном порту, на Сестрорецком оружейном, на орудийном, патронном и т. д. была удалена, целиком либо частью, старая администрация. В течение создавшегося «переходного» периода, заводские комитеты приобрели известные права контроля и вмешательства в управление. Происходившая в апреле конференция заводских комитетов государственных предприятий Петрограда легализовала известным образом это положение, выработав устав заводских комитетов, по которому завкомам принадлежит право отвода администрации, нормировка рабочего времени и зарплаты и увольнение служащих.

Смена администрации — картина в первые недели революции обычная для самых различных районов. Она происходила на Урале (Мотовилиха, Богословский район, Сергинско-Уфалейские заводы, Сосьвинский район и т. д.); несколько позже в Донбассе, где к июню война против администрации приняла очень широкие размеры, в Казани (Крестовниковская фабрика, Казанский пороховой завод), на Мальцовских заводах, где Советами для создания «промышленного мира» был арестован ряд лиц административного персонала и т. д.

На некоторых предприятиях происходили самые забавные сцены — высший административный персонал боялся рабочих до того, что убегал при первом известии о перевороте, и рабочим приходилось принимать насильственные меры не к тому, чтобы свергать фабричное начальство, а к тому, чтобы удержать технических руководителей. Вот, например, что мы читаем в «Известиях Уральского СРД» № 6: на Баранчинском заводе «с первых дней революции администрация завода до того перепугалась случившимися событиями, что все администраторы вместе с управлением покинули свои посты и даже сняли охрану завода. Рабочие же все оставались на своих местах, устроили общее собрание и принудительным порядком заставили администрацию занять свои покинутые посты» (из докладов с мест на рабочей секции Уральского С'езда Советов).

Насколько велико было движение в сторону обновления администрации на местах, видно из того, что по некоторым данным из 77 случаев рабочих волнений, зарегистрированных за март и апрель — 64, т.-е. более 80%, относятся к удалению администрации.

Но это были, естественно, только первые шаги. Вслед за удалением наиболее нетерпимых из фабрично-заводского командного состава началась борьба за контроль над производством. В этой войне главнейшую роль играют заводские комитеты.

Заводские комитеты с первых же месяцев следили за ходом производства вообще, особенно за тем, чтобы предприниматели под тем либо иным вымышленным предлогом не закрывали предприятий и не дезорганизовали хозяйственной жизни страны. Мы приведем несколько иллюстраций такого вмешательства рабочих в первые же месяцы. Так, в Нижнем, по сообщению «Известий Нижегородского С. Р. Д.» № 6 от 9 апреля, заводский комитет завода Доброва—Набгольц выяснил, что заводоуправление сознательно не доставляло кирпичей, отсутствие которых угрожало остановкой некоторым цехам. Заводский комитет, во избежание остановки цехов, сам принял меры и достал кирпич. Вот другое аналогичное сообщение. На заседании Московского СРД от 19 марта представитель трамвайных служащих Миусского парка сообщил, что рабочие и служащие парка выбрали ревизионную комиссию специально для вопроса о сокращении движения. Выяснилось, что нарочно загонялись на запасный путь вагоны, требующие незначительной починки. После ревизии количество вагонов в движении увеличилось с 60 до 100 [1]). На Казанском пороховом заводе, где работало свыше 9.000 человек, завком с самого начала присваивает себе функции контрольного органа, но мало-по-малу он забирается и в управленческую сферу, и начинает попросту отдавать приказания. Завком с первых же дней берет на себя охрану завода, преобразовывает

[1]) «Известия Московского СРД» № 16 от 21 марта.

заводскую милицию и руководит ею, увольняет трех нежелательных ему чиновников, постановляет платить беременным полностью за 4 недели до и после родов, вводит с 15-го апреля шестичасовой рабочий день в ряде вредных отделений. 23 мая завком постановляет произвести переоценку квартирной платы чиновников, отобрать у них во всеобщее пользование бани, отбирает затем дворников у чиновников, 19 мая постановляет обеспечить пенсионеров и т. д. [1]). Пределы компетенции завкома, как видно, весьма широки; описанные явления далеко не единичны.

На целом ряде заводов на Урале — преимущественно в крупнейших предприятиях области: на Лысовенском заводе, Невьянском, Верх-Исетске, Надеждинске, на Сормовском, Коломенском заводах и др.—создаются специальные контрольные комиссии. Как показывает самое название их, это были специальные органы завкома для наблюдения и воздействия на ход производства. Что являлось непосредственной причиной организации контрольных комиссий, лучше всего показывают следующие две телеграммы от коломенских рабочих своему представителю на Всероссийском С'езде Советов. Первая телеграмма от 5 июня следующая:

«Товарищи депутаты. Привет вам от Коломенского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Доводим до вашего сведения, заводоуправление Коломенских заводов расторгает договор, заключенный рабочими с заводоуправлением при участии члена Думы Ржевского. Заявляем вам о том, что вы стоите перед неизбежным фактом организации производства и распределения. Уделите этому вопросу больше внимания на вашем с'езде и дайте руководящие начала в этой области. Мы образуем контрольную комиссию». Вторая телеграмма от 18 июня уже гораздо более решительная по тону и адресована Петроградскому Совету. «Мы создали контрольную комиссию, которой отказывают открыть книги доходности заводов. Стоим перед закрытием завода, грозные последствия, действуйте решительно» [2]).

Чаще всего такие контрольные комиссии организовывались, как мера самообороны рабочих в целях предотвращения подготовляемого закрытия предприятий. Очень хорошо это видно из истории контрольной комиссии завода Лангезинена и конфликта на заводе [3]). Но, организовав контрольную комиссию, хотя бы и в качестве оборонительного пункта, рабочие вынуждались логикой положения врываться очень далеко вглубь в институт частной собственности. От проверки наличия необходимого для продолжения работ топлива и сырья, они подходили к возможности добыть последнее, а отсюда неизбежно переходили к вопросу о финансовом состоянии предприятия, к его кассе. Вместе с тем завкомы являлись наиболее сильным препятствием на пути к закрытию предприятий. Если предприятия все же закрывались владельцами, завкомы обращались в совет, непрерывно напоминали последнему о необходимости возобновления работ, организовывали самостоятельные делегации в правительственные учреждения, в министерства, и, чем дальше, тем чаще, сами принимали на себя ведение дел закрытых администрацией предприятий.

В ряде мест завкомам принадлежала «вся власть» на предприятиях, административный персонал стушевывался, играл подчиненную роль. Такое положение было, напр., на Шлиссельбургском пороховом заводе, на механическом в Петербурге, на Франко-Русском [4]), на Раменской мануфактуре, где завком являлся властью не только на фабрике, но и во всем уезде.

Вмешательство рабочих в производственное управление, захват рабочими организациями контрольных, а кое-где и административных функций, — очень интересный процесс, к сожалению, совершенно не подвергнувшийся изучению.

---

[1]) Данные о действиях завкома Казанского Порохового завода взяты нами из выдержек из архивов этого завода. Последние приведены в книге Бочкова «Хроника Октябрьской революции 1917 года в Казани».

[2]) А. О. Р. Ф. XXX, архив иногороднего отдела.

[3]) См. протоколы Петроградского Совета. Заседание Бюро ЦИК'а 5 июня, стр. 272.

[4]) Каково было положение вещей на этом заводе, показывает обращение директора завода в Исп. Комитет С. Р. и С. Д. 30 мая. В этом обращении он говорит: «Вследствие постановлений рабочих я не имею возможности ни произвести сокращения штата рабочих, ни даже повлиять на введение работы в нормальное русло, а занимаюсь лишь изысканием средств для удовлетворения претензий... Прошу срочно и не позже 15 июня принять весь завод с его активом и пассивом в распоряжение правительства, при чем, т. к. общество Франко-Русских заводов иностранное — французское, о передаче заводов и охране интересов их доверителей с сим мною сообщено французскому послу». А. О. Р. Ф. XXX, Отдел Труда № 4.

Наиболее полное представление о размерах, формах и характере овладения рабочими фабрикой можно было получить, только внимательно изучив архивы ряда предприятий за 1917 год. Не только этой работы, но даже попыток в этом направлении, насколько нам известно, никто не производил. Недостаточное освещение этой стороны рабочего движения в сборнике отнюдь не является виной составителей его [1]).

Если попытаться схематически наметить процесс своеобразного перерастания экономической борьбы рабочих масс в политическую, то, можно сказать, что борьба началась с восьмичасового рабочего дня, перешла к борьбе за повышение жизненного уровня масс и установление минимума зарплаты. Здесь борьба оказалась более ожесточенной, чем в восьмичасовой кампании, далеко не всегда сдерживалась в рамках официальных организаций, вызвала гораздо большее сопротивление предпринимателей. И тактика последних, и тактика меньшевиков, стоявших во главе рабочих организаций, заключались в том, чтобы возможно дольше удерживать рабочих от стачек, передавать конфликты на разрешение от одной согласительной инстанции к следующей. Конец апреля, май, первая половина июня — время, когда больше всего возникало конфликтов. Попытки уладить их в примирительных камерах — начиная от местной и кончая всероссийской — министерством труда обычно никакого успеха не имели. Предприниматели отказывались от выполнения постановлений третейского суда, вынесенных не в их пользу. Там же, где удавалось добиться соглашения, последнее через некоторое, непродолжительное время аннулировалось ростом дороговизны. Начиная с июня в крупнейших центрах и в важнейших отраслях промышленности развертывается острая стачечная борьба (в сборнике этой борьбе посвящены две большие и очень хорошие главы — X и XI. К сожалению, даже не упомянуты крупнейшие: Сормовская забастовка, стачка нефтепромышленных рабочих в Баку, стачка в Волжском речном бассейне). Основное содержание стачечной борьбы — тариф, но на ряду с этим борьба шла и за улучшение санитарного состояния предприятия, за сокращение рабочего дня перед праздниками, за право фабзавкомов, особенно за право приема и увольнения рабочих через фабзавком, борьба за оплату депутатов и т. д.

Всякую уступку предприниматели при первой возможности брали назад, прибегая иногда к самым остроумным способам. Так, на Большой Ярославской мануфактуре, где было занято свыше 11 тысяч рабочих, администрация, вынужденная пойти на увеличение расценок, компенсировала себя немедленным повышением цен на фабричном лабазе. В среднем она увеличила цены на 450%, между тем, как повышение заработной платы рабочих было значительно меньшим [2]).

Борьба принимала исключительно нервный и напряженный характер (между прочим, обострение стачечной борьбы, рост конфликтов, невозможность разрешить их нормальными методами — все это обстоятельства, сыгравшие исключительную роль в создании той напряженной обстановки «революционного нетерпения» перед июльскими днями, какая создалась в рабочих районах Питера и других местах. Выступление огромной сорокатысячной массы путиловских рабочих прямо было связано с экономическими конфликтами). Предприниматели попытались пустить в ход сильнейшее свое оружие — локаут. Рабочие массы, против этой попытки, в качестве ответной меры повели борьбу за рабочий контроль. Последнее неизбежно толкало рабочий класс России к проблеме организации производства в общегосударственном масштабе, к проблеме завоевания и организации государственной власти.

Конечно, требование рабочего контроля не возникло только лишь, как реакция на локаут. Это требование было популярно в массе с первых же дней. Острая тарифная борьба, в основном вращавшаяся вокруг установления минумума, сильно способствовала усилению этого лозунга среди рабочих. В листовке, выпу-

---

[1]) Также недостаточно освещен и также не по вине составителей — захват предприятий, происходивший повсеместно в России за последние два месяца перед ноябрьским переворотом. В этой музыке весьма, впрочем, неприятной для определенного класса — первую скрипку играли большевики. Они-то и были первыми захватчиками. Но их целиком поддерживала беспартийная рабочая масса. Не только большевики становились захватчиками, но и захватчики становились большевиками.

[2]) Наибольшее повышение последовало на наиболее необходимые продукты: хлеб вместо 2½ коп. продавался по 10, говядина вместо 20 и 25 коп. по 1 р. 50 к. и 1 р. 65 к., мера картофеля вместо 55 коп. стоила 5 р. Повышение, что и говорить, божеское. Сведения о Ярославской мануфактуре взяты нами из органа Ярославского С. Р. Д. «Труд и Борьба» № 124.

щенной еще в мае Центральным Правлением Петроградского Союза Металлистов: «Ко всем рабочим-металлистам Петрограда и его пригородов» говорится:

«Товарищи, в настоящее время перед всеми сознательными рабочими встали небывало сложные и ответственные задачи. Не успев еще создать прочных, устойчивых классовых организаций, мы вынуждены не только бороться за повышение зарплаты и улучшение общих условий труда, но и приступить к регулированию и контролю производства».[1]) Но только локаут превратил рабочий контроль над производством из лозунга наступательной борьбы в необходимый акт самообороны.

Стачечное движение необходимо перерастало границы экономической борьбы и выходило далеко за ее пределы. Не только выставлялись требования, имевшие существенно политический эффект, не только на ряду с экономическими лозунгами выставляли лозунг перехода власти к советам, но и самые методы борьбы все более превращались в методы борьбы за власть. Захват рабочими отдельных предприятий, организация т.-н. контрольных комиссий, которые вмешивались не только в производственную, но и в коммерческую сторону деятельности предприятия, аресты администрации, удаление ее с предприятий, вмешательство красногвардейских отрядов и рабочих дружин — такие меры были не только и даже не столько мерами борьбы с отдельным предпринимателем, сколько мерами борьбы с буржуазным государством.

К проблеме захвата власти и организации производства пролетариат России подошел вовсе не из абстрактных лозунгов демократии, либо диктатуры. Шаг за шагом подводила жизнь к этому огромные пролетарские массы: учила их науке революционной борьбы.

История завершила весь путь от свержения самодержавия в России до свержения капитала всего в 8 месяцев. Но месяцев, неисчислимо богатых событиями, поворотами, осложнениями, переплетенностью самых различных моментов, разновременностью одних явлений и одновременностью многих. Жизнь оказалась в миллионы раз многограннее, разнообразнее, своеобразнее, чем всякая схема. Самый переход от экономики к политике был отнюдь не простым, а очень сложным, запутанным. Далеко не всегда ясно было, где именно вскрывается та качественная грань, которая отделяет политику от экономики. Но в основном схема остается верной. В течение всего хода рабочего движения 1917 года сохранялась неразрывная связь, переплетение между экономической и политической борьбой пролетариата. Экономическая борьба с самого начала втянула в движение миллионные массы. Она не только была связана, но и неизбежно перерастала в прямую политическую борьбу — самую политическую, какая только может быть— в борьбу за власть.

* * *

Чтобы закончить наши значительно затянувшиеся замечания, остановимся еще на технической, так сказать, стороне сборника. Раньше всего насчет комментариев составителей к отдельным главам. Все они отличаются особенной краткостью. Некоторые комментарии просто превращаются в связные предложения между документами, и иногда совсем неудачные (напр., на стр. 140). Поэтому на ряду с безусловно хорошими вступительными замечаниями к главам (например, к главе XIX) есть и не совсем удачные, организующиеся общими и не всегда правильными утверждениями. Вряд ли можно, к примеру, согласиться с замечениями, — будто соглашательские партии в провинции «гораздо скорее чем в центре, подорвали к себе всякое доверие! (243 стр.). Это вообще неверно и в особенности неверно для Донбасса. Не совсем верно, будто июльские дни и репрессия побудили массы выбирать большевиков в Совет на место соглашателей. Первое время в провинции—и даже на некоторых предприятиях Питера—была известная деморализация в рабочей среде; о ней хоть вскользь нужно было упомянуть. Странное впечатление производят вступительные замечания к главе VIII. Автор замечаний пишет, что по сообщению «Дело Народа» до 15 марта было послано до 14 тысяч приветственных телеграмм на адрес Совета Врем. Правительства и Госуд. Думы. «Получается — пишет автор—по этой заметке впечатление, что это общее ликование охватило и пролетариат». Автору это явно не нравится и в опровержение он ссылается на то, что в одной из архивных папок, где имеются сотни приветствий на имя Врем. Правительства, почти нет таковых от рабочих организаций. Но автор пишет, что эти приветствия относятся ко второй половине апреля, и понятно, что они ничего не могут говорить о настроениях рабочих в первой половине марта. Что в марте, и не только в первой его половине, даже питерские

[1]) Подчеркнуто нами. Листовка приведена в статье т. Шляпникова в сборнике металлистов «За двадцать лет». В этой статье кстати хорошо показано, как от борьбы за минимум переходим к лозунгу рабочего контроля, перехода власти к Советам.

пролетарии были охвачены ударом общего ликования — слишком общеизвестно, и автору замечаний следовало бы не опровергать эти факты, да еще таким странным образом, а дать им правильное об'яснение.

Кое-где составители приводят и документы, либо явно не проверенные, либо вообще ничего не говорящие. Такова, например, таблица о количестве профессиональных союзов и численности рабочих в них. Она взята из брошюрки Томского 1920 г. и не сопровождается ни оговорками, ни об'яснениями. По этой таблице получается, что в первой половине 1917 года в Вятской губернии в 65 раз, а в Тамбовской даже в 95 раз было больше профессионально организованных рабочих, чем в Иваново-Вознесенской губернии, где было всего 1 союз с 207 (!) рабочими. По той же таблице в Саратовской губернии в первой половине 1917 г. было 24 союза с почти 53 тысячами рабочих, а в Тульской 3 союза с 650 рабочими, в Харьковской губернии в то же время 3 союза с 5,2 тысячами рабочих, а в Киевской 27 союзов с 61,7 тыс. рабочих. Ясно, что в таблице с одними данными просто недоразумение, в других одни цифры относятся к самому началу первого полугодия, другие к концу.

К числу упущений — правда, не из великих, относится и то, что авторы нигде не упомянули о положении труда военно-пленных и инородцев. Военнопленные занимали относительно большое место в рабочей армии — в Донбассе, например; в горной промышленности они составляли по отдельным районам до 25% и выше общего числа рабочих рук, на Урале в горной промышленности военнопленные составляли 21%, а в лесообрабатывающей промышленности выше 40% всех рабочих. На Урале же и в Сибири огромную роль играл ввозной желтый труд. Положение их было очень тяжелым, и после революции местные Советы иногда ничего не могли сделать, и инородческие рабочие обращались с жалобами прямо в центр (в делах иногороднего отдела ЦИК'а имеются, например, такие телеграмы от 8 тысяч китайцев Бодайбинского района). Интересные данные о положении инородцев есть и в докладе по вопросу о труде инородцев в «Известиях Московского С. Р. Д.» (№ 30).

Другим упущением является то, что совершенно не обрисовано движение (не видно даже, было ли оно) у сахарников, строителей, сельскохозяйственных рабочих. Повидимому, эти категории рабочих не входили в план составителей, но это нужно было оговорить; равно как и то, почему в сборник не включены железнодорожные рабочие.

Кое-где даны не наиболее характерные документы. Так, в главе VIII следовало бы, на ряду с резолюциями об условной поддержке Временного Правительства, дать и резолюции предприятий и рабочих митингов п р о т и в Временного Правительства, призывающих к его свержению. Точно так же нельзя было ограничиваться для иллюстрации отношения рабочих к событиям 20—21 апреля выдержками исключительно из документов Московского Совета и московских газет.

Внешне книга издана прилично. Хотя, конечно, встречаются опечатки (напр., на стр. 86, 94, 179, 275), иногда документы перемещены в другой отдел (например, «Положение Совета Общества заводчиков и фабрикантов» и «Декларация промышленников Врем. Правительству 27 мая 1917 г.» помещены не в главе «Борьба предпринимателей с рабочими организациями», а в главе «Рабочие в борьбе за право своих организаций»), кое-где крупный шрифт употребляется вместо мелкого и обратно.

Все эти отмеченные нами дефекты и упущения все же являются незначительными. Сборник в общем является ценным и полезным.

С. Г. Томсинский

Октябрь в белогвардейском освещении.

1. **И. ШТЕЙНБЕРГ.**—От февраля по октябрь 1917 г. изд. «Скифы», 129 стр.
2. **В. ЧЕРНОВ.** — Конструктивный социализм, т. I, Прага, 400 стр. 1925 г.
3. P. MILIUKOW.—Russlands Zusamenbruch. Ч. I, 248+XIII. Ч. II, 364.
4. **П. СТРУВЕ.** — Размышления о русской революции, 30 стр. Париж.
5. **Т. МАССАРИК.**—Мировая революция, ч. I. 227 стр. 1926 г. Прага.

Бывшие «вожди» производят жалкое впечатление. Их «философия» истории до крайности убога. Если же ей и уделяется некоторое внимание, то лишь для того, чтобы показать, как ничему не научились наши классовые враги. За истекшие годы после октября они не произвели никакой «переоценки ценностей». Величайшие исторические события проходят мимо них. Курьезнее всего то, что убожество их мысли прямо пропорционально левой фразе.

«Социалистическая» фразеология является лишь туманной завесой, под прикрытием которой выступает идеология, враждебная рабоче-крестьянским массам, и извращаются исторические факты. Но историю не обманешь. Вожди мелкой и крупной буржуазии, стертые грандиознейшей борьбой, не дают себе ни малейшего труда для того, чтобы призадуматься над тем, что совершилось и почему они так быстро были смыты революционным потоком. Это, пожалуй, было бы для них наиболее полезным занятием. Вместо этого, они злорадствуют над теми ошибками и промахами, которые неизбежны в революционном творчестве рабочего класса, и совершенно не находят ошибок в своем прошлом.

Левоэсэровский вождь И. Штейнберг, стоящий на платформе «диктатуры трудового народа» написал специальную работу для того, чтобы оправдать разгон учредительного собрания.

Отрицая формальную демократию, он тем не менее констатирует, что «учредительное собрание было идеалом и внутренним стимулом всего хода дооктябрьской революции». Стало быть, миллионные рабоче-крестьянские массы дрались для того, чтобы получить учредилку! С точки зрения левого с.-р. об'ективный ход событий был таков, что история никак не могла пройти мимо этого конституционного собрания.

Для этого метафизика учредилка является «вещью в себе», обладающей чудесным талисманом, способным сказочно перестроить общественные отношения. Вождь той обанкротившейся группки, которая дерзнула поднять руку на диктатуру пролетариата, не понимает, что позиции сражающихся в гражданской войне определяются соотношением классовых сил.

Не поняв стратегии и тактики классовой борьбы, он разражается следующей обывательской тирадой: «если бы учредительное собрание было бы созвано в мае, июле, в августе, то оно нанесло бы смертельный удар буржуазному строю и империалистической войне».

Автор не пытается об'яснить, почему учредительное собрание оказалось ничтожным контреволюционным сборищем и не сыграло революционной роли ни до, ни после октября.

Стоя на той точке зрения, что даже летом можно было бы нанести смертельный удар буржуазному строю, он в сущности событий понял не лучше правых эсэров, которых он сам не отличает от к. д. Сталинский, — теоретик правых с.-р.— повторяет вслед за Штейнбергом, что «революцию с такой же, если не с большей легкостью можно было бы проделать и в дооктябрьский период» («Воля России» т. III, 1927 г.).

Лево-эсэровский «вождь», очутившись калифом на час, похож на сумасшедшего в Бедламе: он не понимает, попал ли он туда по роковой случайности или

по суровой необходимости. «Октябрь был естественной необходимостью»— пишет он, стр. 126, «октябрь был вызван ошибками марта» заявляет он на стр. 127.

Бывший министр революционного правительства до сих пор не разобрался, был ли октябрь историческим недоразумением или неизбежностью.

Лево-эсеровский Иеремия с сокрушенным сердцем оплакивает трагедию народа, «который не мог одним прыжком осуществить социализм в первые же весенние благоухающие дни своей революции». Кто же виноват в том, что революция связана с потоками крови. История, пожалуй, на это ответит — говорит от имени истории Штейнберг — что никто из них (вождей и народ — **С. Т.**) не виноват или все они виноваты вместе» (128). Итак, история (вернее «историк») все еще не понимает, чем вызывается гражданская война. И, наверное, никогда не поймет.

В данном вопросе опередил его правый собрат — Сталинский, который, подтрунивая над демократическим пылом — грехом молодости Черновых, пишет: «у нас революционеры-подпольщики, террористы, всю жизнь проведшие «вне закона», не знавшие легальных методов как-то внезапно уверовали в бескровную (и после 1905 г., и во время войны) революцию и в мирное без всяких судорог рождение идеальной демократии не только политической и земельной».

Робко подходит Штейнберг и к оценке мартовской революции, которую «человечество когда-нибудь и благословит», ибо «без ошибок и страданий в марте, быть может, не пришел бы в мир в октябрь». И на девятом году революции б. вождь левых эсэров так и остается в недоумении, нужен ли был март и что совершилось к октябре.

Вместе с правым эсером Вишняком он тоскует по февралю, вручившему власть в руки паразитических классов, — по февралю «благословенному всеми, благословляемому доселе, никогда на свете не бывшему, конечно не повторимому».

Февральскую революцию Штейнберг считает «не национально-буржуазной, а социальной». Каковы же признаки буржуазной революции? «Национально-буржуазная революция должна нести внутри себя (!) какую-либо одну модную, положительную идею, увлекающую собой все или главные классы страны». Далее, «она должна была бы иметь какого-либо одного, молчаливо или сознательно признанного гегемона революции, какой-либо один неоспоримый класс — гегемон (!)».

В-третьих, «такого общепризнанного класса — гегемона не могло быть, так как все основные классы явились вооруженными с ног до головы историческими и политическими опытами» (стр. 7). Даже с точки зрения эсеровства эта метафизическая отсебятина не выдерживает критики: когда и где в какой революции может быть молчаливо, т.-е. без борьбы, «признана» гегемония какого-нибудь класса? С точки зрения этой метафизики классы сразу рождаются зрелыми и готовыми к революционной войне.

Плетясь в хвосте событий, он не понимает и роли партии в революции. Стихийно развивающиеся события революции для него ничем не отличаются от смерча. Поэтому цементирующая и руководящая роль большевистской партии только мимоходом удостаивается внимания. И это делается лишь постольку, поскольку необходимо показать, что «левые с.-р. и (!) большевики возглавляли радикальное крыло, или что крестьянство шло за левыми с.-р. и (!) большевиками. Говорить же подробнее о роли своей «партии» право ему не стоило: по-человечески мы ему сочувствуем.

Законы механики революции скрыты «за семью печатями» одинаково для правых и левых с.-р.: они не понимают ни предпосылок революции, ни характера самой революции, ни ее хода, ни соотношения классовых сил, сложившихся в ходе борьбы, ни причины собственного поражения, ни роли масс и партии в великой борьбе.

Гораздо сильнее чувствует себя Штейнберг в критике правого крыла своей партии. Весьма кстати, хотя с большим опозданием, он поставил вопрос («Знамя борьбы») «существует ли эсеровская партия»?

Проанализировав теорию и практику эсеров за годы революции, Штейнберг приходит к совершенно верным выводам, которые должны быть приложимы не только к правым эсерам, но и к их критику — вождю левых эсеров.

«Ничего не понявшие — пишет он — в величественной русской революции, ничего не увидевшие в нынешней грандиозной эпохе ломки человечества, они только бегают петушками за колесницей истории и самоуверенно читают ей проповеди. Шатаясь по всем дворам европейской «культуры», они эту культуру, с ее патриотизмом, братством, военщиной, духовной и материальной эксплоатацией, хотят перенести в Россию, смытую и прожженую страданиями и надеждами величайшей в мире революции. Преклоняясь перед Макдональдами, Бенешами, Бри-

анами, они хотят, очевидно, доказать, «что может собственных Брианов и быстрых разумом Мильеранов земля российская рождать»...

«Социализацию земли — продолжает Штейнберг — эти поумневшие люди выбрасывают из плана окончательно. Корни войны 1914 г., корни краха II Интернационала, нового послевоенного укрепления капиталистизма, подготовляющего новые войны — все они кроются в этой мещанской патриотической и пресмыкающейся перед капитализмом словесности и деятельности. Правые из п. с.-р — все эти вдовствующие секретари Учредительного собрания, московские городские головы и недогадливые коалиционные министры, как пешехонцы бродят по Европе и покупают для отечества все заграничные новинки». Все это верно и, пожалуй, даже не плохо сказано. Только напрасно автор исключает из этой компании левых с.-р.

В. Чернов, являющийся для милюковцев левым с.-р, а для Штейнбергов — правым, самого себя причисляет к центристам.

В своем пухлом труде этот «центрист» поучает, каким образом можно «конструктивным социализмом» «очеловечить человечество». Для того, чтобы доказать превосходство конструктивного над «деструктивным» социализмом, Чернов склеивает корреспонденции из белогвардейских газете и отрывки из цитат, речей большевистских вождей, рассказывавших о наших поражениях и неудачах. Речи Ленина и Троцкого рассматриваются им только с точки зрения тех неудач, которые мы терпели в области хозяйственного и культурного строительства в годы военного коммунизма. Для достижения своей цели автор в обычном с.-р. духе не останавливается перед всевозможными инсинуациями.

Эсеровский вождь сознается, что в 1917 г. для большинства социалистов «настоящее было так смутно, тревожно и запутано, что ни одна партия не была в силах взвалить исключительно на свои плечи тяжелое бремя власти» (189 стр.). Впрочем Чернов не скрывает, что такая партия была. Он не мог не указать, что Ленин произвел большую сенсацию, крикнув Церетелли на первом всероссийском с'езде Советов, что «такая партия в России есть, и что эта партия — есть большевистская партия». «Эти дерзкие слова — заявляет Чернов — первоначально вызвали дружный смех большинства (190 стр.). «Но—продолжает Чернов — Ленин знал, что говорил, и продолжал стоять на своем. В его словах звучала своеобразная железная логика». Дальше он цитирует слова Ленина: «Политическая партия вообще, а партия передового класса в особенности — не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нулем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть».

Считая эту ленинскую мысль бланкистской, с.-р. вождь через десять лет упрекает кадетов за их «буржуазные предрассудки и аппетиты».

Гражданская же война является для него «следствием большевистских методов совершения социалистического переворота, а сам большевизм — «порождением сильных индивидуальностей, выковавшихся в огне подпольной борьбы, исковерканных этой подпольной борьбой».

А что делали с.-р.? По этому поводу не безынтересны писания с.-р. Сталинского, взявшего на себя смелость пристыдить ту партию, вождем которой является Чернов. Сталинский напоминает «непомнящим», как они преступной считали борьбу — против Колчака и Деникина и как они сейчас считают преступным идейную полемику против Милюкова. «Эта группа с.-р.—замечает он — не пропускала ни одного случая, чтобы под каким угодно флагом очутиться непременно в такой комбинации, где можно было бы сидеть по левую руку бывших кадет».

Чернов, никогда не умевший учитывать настроения крестьянских масс, старается сейчас представить аграрную революцию конца 1917 г. в роде какой-то толстовщины, связанной с тем, что «крестьяне амнистировали помещиков». Он пишет (о «черном переделе 1918 года»): «В гражданских войнах, революциях и контр-революциях так сильно встает над умами и сердцами людей дух мести, расплаты, кары, что эта тяга на пороге чаемой «новой жизни» поставить забвение старых счетов, — амнистия — является может быть драгоценнейшею и трогательнейшею чертою, которая отмечала русское крестьянство в эпоху черного передела 1918 г. Кровавая же расплата мужиков, по его мнению началась только после «большевистских экспериментов», когда «уже крестьянство было не творцом революции, а ее об'ектом». Крестьянство, таким образом, мирным путем произвело черный передел земли в 1917 г. и христианнейшие помещики, следуя заветам конструктивного социализма, добровольно повиновались. Но в интересах об'ективного изложения дела, которым так дорожит теоретик конструктивизма, стоит напомнить Чернову мнение того же Сталинского, («Воля России», III, 1927 г.) о политике эсеровского министерства земледелия в 1917 г. «Крестьянство в массе — пишет Сталинский — воздержалось от стихийного захвата земли, уверенное, что она от него не уйдет. Но помещик попрежнему продолжал владеть

землею, сохраняя перед законом все права собственников. Крестьяне должны были, как раньше, арендовать у них земельные клочки, как и раньше платить за них арендную плату. И революционная власть (без кавычек) в неслыханном ослеплении становилась на защиту помощиков, во имя «законности» противясь их нарушению даже тогда, когда это было необходимо, чтобы найти временный выход, ради предупреждения стихийных взрывов. Можно допустить, что земельный вопрос в целом трудно было разрешить до учредительного собрания. Но нельзя понять, почему земля не была об'явлена всенародной собственностью и отнята у прежних владельцев. Больше того даже проект о передаче земель в ведение земельных комитетов, — требование буквально всей крестьянской России— даже этот проект так и остался до конца проектом, несмотря на то, что министерство земледелия почти все время находилось в руках социалистов, даже социалистов-революционеров».

Итак, Чернов, так долго кокетничавший именем «трудовых масс», сейчас окончательно вытряхивает даже остатки левой фразеологии: революция признается только продуктом большевистской утопии, величайшая аграрная революция трактуется, как толстовщина, как «великий акт всепрощения». Причину разгрома помещичьих имений он видит только в большевистской агитации. А где же «революционные эсеровские трудовые массы»? Корни Черновской идеологии почти разглядел Штейнберг, который пишет: «В своей созидательной работе с.-р. не одиноки: с ними работает и Милюков. Партия с.-р. же либо не понимает, или не хочет понимать, что она в своей среде имеет агентуру Милюкова и капиталистической буржуазии». «Но «левый вождь», по своему обыкновению, не договаривает до конца: незачем эсерам иметь в своей среде агентуру, так как они сами являются агентами буржуазии.

Гораздо выгоднее иметь дело с открытым классовым врагом в лице Милюкова, который не скрывается за ширмой социалистической фразеологии. Полезнее иметь дело с врагом, который за это время кое-чему научился.

Работа Милюкова уже получила должную оценку в докладе тов. Покровского, помещенном в третьей книжке нашего журнала. Поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями.

В то время, как «конструктивисты» совершенно не понимают ни причин, ни характера революции, Милюков мыслит последовательно. Он видит причину революции в том, что правительство опоздало с введением конституции и передачей земли «земельной демократии». Он пишет «если манифест 17-го октября был бы дан искренно, то, вероятно, удалось бы избегнуть второй революции. Царь был против Думы. Не могло быть речи о мире между царским манифестом и Думой. К.-д. стремились не вывести борьбу из парламента на улицу.. Но беда была в том, что правительство было против какого то ни было разрешения аграрного вопроса. Иностранный заем поставил правительство в положение, независимое от Думы. Крестьянское большинство первой Думы не оправдало надежд правительства. Разгон второй Думы и изменение избирательного закона было роковым. Каждая благонамеренная законодательная попытка Думы тормозилась Гос. Советом, который становился кладбищем благих Думских намерений».

Об'яснение хода событий первой революции значительно отличается от обычных трафаретных кадетских изложений: борьба правительства с Думскими аграрными законопроектами, неудавшаяся попытка бюрократии привлечь на свою сторону крестьян, роль иностранного займа получает новое освещение.

Милюков считает февральскую революцию национальной, октябрьскую — интернациональной. В феврале даже консервативные группы об'единились против двора во имя «войны до победного конца».

Положительная конституционная кадетская работа, по его мнению, была сорвана демагогией, которая воспитывалась тем, что инициалы «кадеты» дали возможность смешать партию народной свободы с кадетами — реакционными юнкерами.

Меньшевиков он упрекает в том, что они не были в силах порвать с большевиками, с которыми они себя чувствовали лучше, чем с к.-д. Меньшевики, по его мнению, ослабляли временное правительство тем, что льстили революционной демократии. Керенский, бывший для левых империалистом, стал для правых утопистом. Сила большевиков заключалась в том, что они поставили проблему мира и земли. Успех коммунистов после НЭП'а об'ясняется уступчивостью и сдачей позиций.

Подходя к об'яснению октябрьских событий, Милюков разбирается гораздо лучше с.-р. Он пишет: «в Москве в ноябре борьба против большевистского переворота не была поддержана массами. Здесь за русское государство сражалось пять тысяч юнкеров, студентов и прапорщиков: солдаты и рабочие были на стороне большевиков, а буржуазия не выставила ни какой национальной гвардии, чтобы помочь сражающимся».

Социалистические путанники, как мы видим, совершенно не понимают ни значения массового крестьянского движения, ни роли нашей партии в революции. Между тем Милюков ценит политическую роль большевистской партии и историческое значение Красной армии.

Но не во всем этом гвоздь книги буржуазного историка. Надо отметить его взгляд на роль белогвардейщины в революции.

Эта точка зрения встретила бешеный отпор со стороны белой эмиграции. Народничествующий к.-д. Мельгунов писал («Голос минувшего на чужой стране», 1926, № 4):

«Теперь в немецкой книге Милюков разделил эмиграцию на точные политические категории.

Он установил строго разграниченные три сектора: левый, центр и правый. Настолько искусственна и тенденционна эта схема, ясно уже из того факта, что все прежние единомышленники Милюкова (к.-д.) отнесены в правый сектор и поставлены в один ряд с кирилловскими легитимистами. Какой политический смысл для руководителя так называемого «Республиканско-Демократического Об'единения» относить в лагерь реставрации тех, кто к этому лагерю непричастен? Автору всемерно хочется показать, что участие к.-д. в белом движении в правительстве ген. Деникина было участием только оппозиции. Он говорит, что те правые к.-д., которые имели отношение к этому правительству, были лишь ширмой, которая должна была свидетельствовать о либерализме правительства, и не пользовались серьезным влиянием.

Топором не вырубишь теперь того, что творец новой республиканско-демократичесчой партии в свое время (29 июля 1918 г.) писал в докладе «Правому центру: «устройство коалиционной власти на основе программы «правого центра», но с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации и прежнего Учредительного собрания с другой». Это национальное и об'единительное правительство должны были, по мысли Милюкова, явиться на свет «сразу, как монархическое».

В своем немецком исследовании П. И. Милюков — продолжает Мельгунов— пытается внушить читателям, что за диктатуру стояли только консервативные элементы. Между тме, засвидетельствовано, что многие из тогдашних единомышленников Милюкова соглашались на власть директориального характера лишь в уверенности, что такая власть, по обстоятельствам времени, неизбежно превратится во власть диктаторского типа.

Ко всем «диктаторским моментам» в нашей революции П. Милюков относится отрицательно и всегда ставит их в непосредственную связь с реакционно-настроенным офицерством. Он счел даже возможным в немецкой книге привести ходячую фразу в августовские дни в некоторых кругах о Корнилове: «как о «вожде» с овечьей головой». Простой такт должен был побудить Милюкова воздержаться от ненужного повторения этого острословия. Гражданская война в сознании широких слоев эмиграции окружила имя Корнилова нимбом национального героя. Менее всего уместно об этом поминать Милюкову, позиция которого в корниловские дни отнюдь не представляется иной». Далее он ополчается на Милюкова за то, что он разоблачает, как «возрождение» и «национальный центр» получили миллионы от союзников для белогвардейской работы.

Милюков, как видно, попал своим прежним соратникам, как говорится, не «в бровь, а в глаз».

Новая точка зрения буржуазного профессора имеет большое злободневное политическое значение.

Зато в своих выводах о будущности России Милюков найдет единомышленников в лице с.-р., которые вместе с ним ставят ставку на кулацкую верхушку деревни. В награду ей обещается демократическая республика и гарантия против помещика, но зато советское крестьянство ничуть не забыло, как черновцы и милюковцы «осуществляли земельную программу».

Буржуазно-республиканская группа, собирающаяся вокруг Милюкова, незначительна и после появления его книги значительно уменьшилась. Буржуазия, мечтающая о полнейшей реставрации старого порядка, о воскресении помещика и фабрики, групируется около Струве. Он доподлинно отражает косность, дикость и тупость Российской буржуазии, оставшейся себе верной на протяжении рой в русской революции принадлежала, вне сомнения, роль режиссера, также последних десяти лет. «Революцию, по мнению Струве, устроила Германия, «которой в революции принадлежала роль режиссера и финансирующей силы».

От современности Струве переходит к историческим аналогиям.

«В смуте XVII в. важную, если не основную роль играла иностранная интрига, которой государственно и культурно Слабая Русь не могла сразу противопоставить крепкого национального сопротивления. Россию от смуты спасло

национальное движение, исходившее от средних классов, среднего дворянина и посадских людей и вдохновляемое духовенством, единственной в ту пору интеллигенцией страны».

Ленин смог разрушить русское государство в 1917 г. именно потому, что в 1730 г. Курляндская герцогиня Анна Иоанновна восторжествовала над князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Это отсрочило политическую реформу России на 175 лет.

Струве занимается вопросом, какому из князей Голицыных обязана Россия тем, что «Ленин, мог разрушить русское государство в 1917 г. - - князю ли Дмитрию Михайловичу, не сумевшему добиться осуществления конституционных «кондиций» Анны Иоановны в 1730 году, или предку его, князю Василию Васильевичу, не сумевшему в 1689 г. при царстве Софии добиться осуществления проектировавшейся им земельной реформы. Причину «гибели России он видит в том, что к.-д. ни в 1905 г., ни в 1917 г. не поняли, что «каковы бы ни были ошибки и прегрешения власти, все-таки враг был не справа, а слева».

Несмотря на эту «философию историю», Струве, как и Милюков, обещает крестьянам землицу после того, как его армия «освободит под'яремную Россию»!

Массарик, президент Чехо-словацкой республики, является живой иллюстрацией буржуазной демократии. Его воспоминания тем ценны, что они показывают, каким образом буржуазный демократ в эпоху империализма борется за «национальное самоопределение» и осуществляет его в эпоху пролетарской революции. Этот националист с 1914 г. странствовал по антантовским передним для того, чтобы получить президентский пост и «освободить славян».

Его воспоминания, относящиеся к октябрьскому периоду, ничего нового не дают. Он повторяет известные данные о том, как Антанта расценивала февральскую революцию. Через девять лет после революции он осуждает убийство Распутина, пытается реабилитировать царицу и шамкает о «некотором Ленинском германофильстве». Причину революции он видит в том, что «православная церковь не заботилась в достаточной степени о воспитании народа».

Книга представляет интерес в той лишь части, где нет этой дребедени и где больше фактов о национальной политике Временного Правительства. Хотя наша буржуазия постоянно пеклась о «братьях-славянах», но на деле Временное Правительство, как и царское, в лице Николая Николаевича, было против организации чешских легионов в России. «Нигде на Западе — пишет он — не было столько препятствий, как именно в России. Национальный чешский совет давно был признан в странах Антанты официальным представительством чешского народа. В царской России это признание все задерживается и совершилось лишь, благодаря революции». Когда Массарик уже после революции стал хлопотать о создании самостоятельного чешского легиона, он натолкнулся на сопротивление военного министра Гучкова.

Корнилов, жаждавший «спасения» России, вместе с представителями Временного Правительства, совершенно откровенно заявил будущему президенту Чехо-Словакии, что «если бы было создано национальное чешское войско, то было бы необходимо разрешить народное войско и полякам и иным народам в России». Поэтому удерживалась особая бригада, как часть русского войска, и чешские солдаты должны были присягнуть на верность России, несмотря на то, что некоторые генералы понимали, что по чисто военным доводам они должны были бы присягать, прежде всего, своему народу». Не лучше были и союзники, которые думали о том, как бы перевести чешский легион из России на французский или английский фронт в качестве пушечного мяса. «Только тогда, когда большевики — пишет Массарик — придя на Украину, выступили против буржуазной рады и брали Киев, мы с ними заключили договор: они обеспечили нам вооруженный нейтралитет и от'езд из России во Францию» (197 стр.).

Большевистская власть, «полуобразованность которой хуже, чем полная безграмотность» (202), делает всевозможное для того, чтобы облегчить чешским военно-пленным вернуться на родину, а российская буржуазия, заботившаяся о братьях славянах, превращает пленных чехо-словаков в орудие Антанты против молодой рабоче-крестьянской власти.

Язык дан Массарику для того, чтобы молчать и «д-ру Бенешу в своей будущей работе» (стр. 215) он предоставляет возможность подробнее «описать наши отношения с союзниками». Однако, он не может не признать, что чешский легион был частью французской армии. «От Франции и союзников пишет он — мы зависели материально. Было решено, что мы получаем заем, который вернет наше государство, но на практике мы в данный момент от них зависели» (стр. 215).

И вот этот буржуазный демократ, боровшийся за национальную «независимость» Чехии, авансом продал эту независимость Франции, дабы спастись от революционного наступления австро-германского пролетариата.

Те, легионы, которые спешили «освободить родину», не мало неприятностей причинили революционному пролетариату России.

Оценивая значение октября, вождь чешской буржуазии снисходительно соглашается, что «большевистская революция нам не повредила» (220 стр.), но за то, опираясь на эсеров и меньшевиков, эти республиканцы, боровшиеся за «национальное освобождение», сыграли трагическую роль в нашей революции.

Эсеры в восхищении от книги, которую написал «философ-мудрец, воплотивший в себе мечту Платона». Но даже Отто Бауэр, проанализировав национально-аграрные мероприятия в этой «платонической» республике, развенчал (в Пражском «Landarbeiter» 1925 г., № 7) «бескровную аграрную революцию», которую с.-р. приветствовали, как народническую благодать. Национальная политика «философа-мудреца», осуждающего «варварство октябрьской революции», ничем не отличается от национальной политики Габсбургов. Рабоче-крестьянские массы это давно поняли и никакой клеветой и ложью не удастся скрыть от западно-европейского пролетариата истинного характера октября.

И. Ф. Гиндин

Новая книга об империализме в России

М. ГОЛЬМАН. «Русский империализм». Очерк развития монополистического капитализма в России. Часть I и II-я. Предисловие проф. С. Г. Струмилина. Изд. «Прибой» 1927 г. стр. 455.

Проблема русского империализма лишь за последние два-три года стала усиленно интересовать наше историко-экономическое исследование. При крайней бедности русской дореволюционной банковой литературы, при слабом развитии описательной экономической литературы вообще, изучение русского империализма приходится начинать с первичного исследования отдельных вопросов, из которых составляется эта проблема. Поэтому немногочисленные появившиеся до сих пор работы не ставили перед собой всей проблемы в целом, но ограничивали свою задачу исследованием отдельных ее сторон. Тов. Гольман впервые делает смелую попытку поставить проблему в целом, — мы говорим потому смелую, что ряд вопросов, необходимых для охвата целиком темы «русский империализм», еще не исследован и, тем самым, автор берет на себя обязательство самостоятельным исследованием заполнить существующие проблемы.

Но даже независимо от этого, проблема, поставленная перед собой нашим автором, является весьма сложной — по самой своей сути. Развитие финансового капитала в России происходило при деятельном участии финансового капитала главнейших западных стран. Каких бы крайних точек зрения не держаться по вопросу о взаимоотношении русской и иностранных систем финансового капитала, считая, что первая является «дочерней» по отношению ко вторым, — все же никто не может не рискуя впасть в непримиримые противоречия утверждать, что русский финансовый капитал был дочерним «на все 100%». Суметь показать и об'яснить, как русский империализм мог одновременно быть и «суб'ектом истории» и «об'ектом» ее, — показать, в какой мере он был тем и другим — в этом заключается главная, но не последняя сложность поставленной проблемы. Другая трудность заключается в том, что русский финансовый капитал работал в тесном контакте (в качестве дочерней или равноправной стороны — здесь безразлично) не с одним каким-либо иностранным капиталом, но с финансово-капиталистическими системами всех главнейших европейских стран. Между тем, эти системы имели свои весьма характерные особенности: «ростовщический империализм» довоенной Франции,—быстрый рост собственного хозяйства, при относительно небольшом вывозе капиталов и т. д. в Германии, противоположные черты английского империализма, — не могли не отражаться на целях, которые ставили себе действовавшие в России финансово-капиталистические «образования» соответствующих стран. Следовательно изучение финансового капитала в России предполагает не только детальное знание особенностей того или иного из действовавших в России империализмов, что далеко недостаточно выявлено в литературе, но и характер их деятельности в России, каковой вопрос освещен еще несравненно слабее, а марксистскими работами даже вовсе не ставился.

Далее, характер взаимоотношений русского финансового капитала с каждым из иностранных должен был иметь своеобразные черты. Чем более дочерний характер носили эти взаимоотношения, тем сложнее становится вопрос о русском финансовом капитале и империализме. Возможно ли тогда говорить о русском империализме, состоящем из конгломерата дочерних фин. капиталов, входящих в разные иностранные системы,—или даже из непосредственных доменов последних? Наконец, весьма сложным представляется вопрос о взаимоотношениях русских и иностранных банков. Крупный рост в 1900-х годах участия вторых в капиталах первых еще не является ответом на вопрос. Попытка представить русские банки в качестве чисто-дочерних банков приводит к непримиримым противоречиям в истолковании фактов истории русских банков.

Все эти трудности остались вне поля зрения нашего автора и он пытается разрешить поставленную перед собой задачу путем одной компиляции. Изложив на 95 страницах своими словами концепцию империализма по Ленину и Бухарину, автор подробно на 150 страницах излагает историю концентрации отдельных отраслей русской промышленности и возникновение в них монополии. Затем, на 40 страницах сообщается по Ванагу и Ронину о развитии русских банков, участии в них иностранных и сращении их с промышленностью. После этого названия глав становятся все интереснее: туземное накопление и его роль в развитии монополистического капитализма в России, версия о «национализации» русского финансового капитала и его дочерний характер, экспорт капитала, участие в борьбе за раздел рынка и передел мира (завоевательная политика русского империализма), тенденции к загниванию в русском империализме и т. д.

В основных главах о русском финансовом капитале наш автор целиком усваивает схему Ванага. Азовско-Донской Банк — агент «Société Générale» (192 стр.), организованное наступление германских и французских банков на русские (284 стр.); словом, русские банки «на 100%» дочерние банки. Автор настолько загипнотизирован своей концепцией, что не видит, к каким безысходным противоречиям она приводит. Так на стр. 217 автор рассказывает, что за «Russian General Oil corparation» стояли 7 основных русских банков, в том числе «немецкие»: Международный, Русский и Учетный. Ниже на той же странице рассказывается, что Gen. Oil пыталось захватить Т-во Нобеля, которое находилось в руках немецких банков. Однако, последние при посредстве русско-немецких банков сумели все-таки удержать в своих руках значительную часть нобелевских акций, скупкой которых занимались Русско-Азиатский и Торгово-Промышленный банки. Т. о. Gen. Oil, куда входили все 3 «немецких» банка, боролся с Нобелем, которого те же банки были обязаны поддерживать в качестве «вассалов» Discontogesellschaft. Пусть попробуют об'яснить эту ахинею сторонники точки зрения т. Ванага. На самом же деле, конечно, Международный и друг. банки Нобеля вовсе не поддерживали, а обслуживал его в этот период «французский» Азовско-Донской Банк совместно с Discontogesellschaft — новая загадка для Ванага-Гольмана. Вслед за Ванагом наш автор всюду говорит об англо-французском или даже антантовском империализме. Это значит — во-первых, — что для него все кошки серы и все империализмы тождественны. А — во-вторых, — наш автор вступает в резкое противоречие с самим собой. Если существовал антантовский империализм, то лишь в смысле общей в отношении Германии внешней политики, нашедшей свое кульминационное выражение в войне 1914 года. Но сам автор, справедливо подчеркивая, что империализм по Ленину это — экономическая система,—резко протестует против каутскианского понимания империализма, как только внешней политики финансового капитала. Если бы автор твердо помнил это в описательной части работы, он не рискнул бы оперировать схемой «антантовский империализм».

Следуя Ванагу т. Гольман крайне схематично ставит вопрос о финансовом капитале. Выяснение доли участия какого-либо банка на общем собрании предприятия и установление отсюда факта господства банка — вот альфа и омега его исследования. К каким результатам это приводит, показывает следующий пример. Разбирая участие банков в капиталах частных ж.-д. обществ, Гольман устанавливает, что банки владели 32% этих капиталов и полагает, что «этого процента уже достаточно для полного господства в частном железно-дорожном хозяйстве банковских групп». После такого заявления было бы очень интересно услышать, в чем заключалось это полное господство. Может быть господствующие банки подобно своим американским собратьям определяли ж.-д. тарифы или входили, в соглашения с промышленными об'единениями, предрешая, тем самым, их победу над конкурентами? Или, быть может, приобретение влияния давало банку лишь ту выгоду, что он становился единственным или главным банкиром дороги в самом классическом смысле, получая к себе ее вклады и, кроме того, возможность «патроировать» ее бумаги, весьма выгодный об'ект для биржевой игры. Достаточно так поставить вопрос, чтобы иметь на него сразу ясный ответ. Но у тов. Гольмана нет вопроса, что такое господство. Наоборот, установив вторично после Ванага этот факт, он тут же старается перещеголять т. Ванага. «Если же иметь в виду, что источниками средств для финансирования правительственных железных дорог служили также иностранные капиталы (так называемые правительственные жел.-дор. займы, полученные при участии тех же иностранных банков), то получится картина господства иностранного финансового капитала в правительственных и частных жел. дорогах». (Стр. 238). Словом, всякий ссудный капитал превращается в финансовый. Для полноты картины не хватает лишь параграфа о господстве иностранных банков над Московским городским самоуправлением.

Таким образом, усвоив и дополнив концепцию т. Ванага наш автор приходит к признанию русских банков «на 100%» дочерними, сводит их к об'екту борьбы между англо-французским и германским империализмом. Самый анализ финансово-капиталистических отношений сводится к голому, всепокрывающему и стирающему все индивидуальные особенности термину «господство». Такой подход делает работу Гольмана в этой части совершенно бесплодной. Работа т. Ванага при тех же ошибках впервые поставила вопрос о финансовом капитале в России, очертила впервые сферу господства финансового капитала. Гольман не только пересказывает Ванага [1]).

Неудачная постановка вопроса о финансовом капитале предрешает судьбу всей работы т. Гольмана. В следующей главе он ставит себе задачу примирения схемы Ванага с известными фактами: усиленного русского накопления в 1908—13 гг., концентрации этого накопления в крупных петербургских банках и превращение последних в мощные центры финансово-капиталистической инициативы. Это примирение достигается следующими довольно остроумными соображениями. Финансовый капитал на Западе сформировался еще тогда, когда русское накопление было весьма недостаточным и о туземном финансовом капитале не могло быть и речи. Заняв определенные позиции в России, иностранный финансовый капитал захватил и русские банки. Когда русское накопление сильно возросло и стало по существу достаточным для самостоятельного развития промышленности, оно попало через посредство дочерних русских банков в руки того же иностранного финансового капитала. Нельзя, однако, согласиться с автором, когда он заявляет, что абсолютные размеры накопления в стране в 90-ые годы были недостаточными. Разумеется, сравнительно с 1908—13 гг. оно было невелико, но его отнюдь не было так мало, как если рассматривать одни лишь цифры вложений в промышленность. Главная масса накопления того времени, минуя банки, направлялась в твердопроцентные бумаги (госзаймы, ж.-д. облигации и закладные листы—только в одни последние за 1895—1900 ок. 670 м. р.). Лишь с того времени, когда банки сумели вовлечь этот поток в свою орбиту и направить его в промышленность—датирует русский финансовый капитал. Однако, в руки последнего отнюдь не попало все русское накопление. Не говоря уже о средствах, вложенных в твердопроцентные бумаги, из 5,3 милл-д. руб. вкладов, имевшихся в 1912 году в кредитных учреждениях и сберкассах, на акционерные банки падает только 2,3 м-да р. (в т. ч. на «непромышленные» — Волжско-Камский, независимые московские и провинциальные банки ок. половины этой суммы). Утверждение автора, что внепромышленное туземное накопление, отождествляемое им с вкладами в сберкассах (которые, как известно, помещались в гос. займы и закл. листы крестьянск. и дворянск. банков), было подчинено группе русско-иностранных монополистических банков—остается всецело на его совести. Но и 1-2 м-да вкладов в банках, широко финансировавших промышленность, можно считать находившимися в распоряжении иностранного финансового капитала, лишь опираясь на проценты участия иностранных банков в капиталах, которые, де, заставляли последних работать по прямым инструкциям первых. Так наш автор и поступает, делая тем самым в сущности излишней всю главу, ибо, прибавив к вышеизложенным своим положениям, как [illegible] ссылку на пресловутые проценты, он сказал бы все, что можно сказать в защиту его точки зрения. В качестве же характеристики туземного накопления эта глава также не может быть принята, вследствие своей методологической непродуманности (как рассматривать помещение в твердопроцентные бумаги, натуральное накопление, способы избежания двойного счета, — акционерные капиталы и кредиты под акции, как рассматривать капиталы банков и т. д., и т. д.).

Но совершенно беспомощным становится наш автор, когда он хочет охарактеризовать русский империализм в целом. Здесь он попадает в сеть неверных и противоречивых аналогий. В этом смысле его положение несравненно хуже, чем положение т. Ванага. Последний ограничился исследованием одного вопроса — финансового капитала. Поэтому он может начисто отрицать существование русского финансового капитала. Этого не может сделать т. Гольман — стремясь охватить проблему русского империализма в целом, он должен хотя бы вкратце говорить о завоевательной политике русского империализма и констатировать (стр. 361), что этот трижды дочерний империализм заключает, как равноправная сторона, с английским империализмом соглашение о разделе Персии и т. д. (хо-

---

[1]) Увлеченный «дочернизацией» русских банков наш автор незаметно для себя дополняет факты, подтверждающие его точку зрения. Так, на стр. 283 он излагает с ссылкой на Ронина проект 1908 г. по организации специального франко-русского о-ва финансирования и из его изложения выходит, что организация состоялась, тогда как у Ронина ясно сказано: «мы склонны думать, что намеченный проект так и не был реализован» (Ронин, стр. 57).

рошо еще, что в своем изложении наш автор пропустил сельское хозяйство, а то мы узнали бы о существовании совершенно самостоятельных «недочерних» аграрных интересов). Между тем как двадцатью страницами раньше заявляется, что можно с некоторой натяжкой сравнить зависимость и подчиненность русского империализма англо-французскому с аналогичной ролью, например, Португалии или Испании по отношению к Англии и т. д. (стр. 341). Наконец, на 403 стр. читаем характерное признание: «срастание финансового капитала отдельных стран, какое имело место в примере с дочерним русским империализмом, мыслимо было лишь как временное явление до тех пор, пока, в силу того же неравномерного развития, экономическая мощь дочернего империализма становилась более значительной и настолько, что она не вмещалась в прежней оболочке отношений дочерних, переходных». Эти строки в корне противоречат всем основным положениям автора. Ежели иностранные банки сумели крепко захватить командные высоты и направить в свое русло все туземное накопление, то почему они не могли бы продолжать это делать, когда накопление в стране, мощь русских банков и пр. удвоится, утроится и т. д. Представляется однако характерным, что автор счел в конце концов, все-таки, нужным именно в главе, где даются окончательные обобщения, сделать такую оговорку к своему тезису о дочернем характере русского империализма.

Все эти противоречивые заявления автора не в малой степени зависят от полной неисторичности его работы. Ставя перед собой проблему, требующую всестороннего охвата народного хозяйства страны, автор считает возможным итти путем оторванного рассмотрения лишь некоторых сторон его, имеющих более тесное касательство к теме автора (развитие монополий, срощение банков и промышленности, экспорт капитала и т. д.). Но все эти «признаки империализма» развиваются в определенной исторически сложившейся обстановке. Далее, полное господство финансового капитала достигается далеко не сразу, а путем известной эволюции. В отдельные моменты этой эволюции степень господства финансового капитала может быть чрезвычайно различна. Оторванное рассмотрение «признаков империализма», статический подход к историко-экономической проблеме — должны были особенно неблагоприятно сказаться при исследовании автором вопроса о завоевательной политике русского империализма, в которой как в фокусе скрещивались интересы всех господствовавших в стране групп. Завоевательная политика России существовала задолго до появления в стране финансового капитала. Эта политика вдохновлялась могущественными интересами дворянско-помещичьего класса и в растущей степени торгового и промышленного капитала (расширение сферы действия государственного аппарата страны, где этот класс занимал главные должности, хлебный экспорт через Дарданеллы, текстильный экспорт и т. д.). Все эти группы и после возникновения в стране финансового капитала в значительной мере сохранили свое влияние. Между тем, автор полагает, что не успел родиться дочерний русский империализм (1904 г. — по изысканиям автора), как к нему сразу перешла дирижерская палочка и завоевательная политика страны «начала принимать специфический характер для складывающегося русского империализма: русско-японская война (1904 г.), раздел Персии (1907 г.)» и т. д. (стр. 346). Совершенно непонятно, почему русско-японская война, явившаяся выводом из ряда лет русской дальневосточной политики, должна быть отнесена к подвигам новорожденного русского империализма. После неудачной попытки дочернего русского империализма сразу занять самостоятельную позицию на Дальнем Востоке (продолжает настаивать на своем автор на стр. 361), «русский империализм был вынужден до поры до времени играть полуподчиненную роль. П о э т о м у (разрядка наша) в 1907 г. все несогласия между Англией и Россией из-за Персии, Афганистана и Турции разрешались пока путем широкого соглашения». Здесь игнорирование исторической перспективы превращается в «игнорацию» исторических фактов. Наивный читатель, который пожелает точнее узнать о жертвах, понесенных ради компромисса побитым русским империализмом, и обратится за этим к учебнику истории, будет вероятно очень поражен, узнав, что на сей раз Англия пошла в Персии на огромные уступки России ради создания единого фронта против Германии. А не проще ли было «приказать» молодому дочернему имеприализму?—зародится новое сомнение у читателя. Вероятно и французский империализм, относившийся без всякого энтузиазма к идее раздела Турции, был бы далеко не прочь «приказать» своему дочернему империализму прекратить «бессмысленные мечтания» о проливах. Но в 1915 г. французский империализм признал «справедливые требования» русского.

Как выйти из этого безысходного противоречия? Очевидно придется признать, что русский дочерний финансовый капитал либо мало был заинтересован в завоевательной политике, либо не был дочерним (или не настолько дочерним, чтобы широко проводить политику «материнского» финансового капитала).

Несомненно имело место и то и другое. Здесь достаточно указать, что «завоевательная политика» и с нарождением в стране финансового капитала вдохновлялась теми же силами, что и до его появления. По свидетельству самого автора, экспорт капитала был весьма незначителен. Из отраслей промышленности в экспорте своих изделий больше всего была заинтересована хлопчатобумажная — почти несвязанная с банками. Конечно, последние едва ли были противниками «завоевательной политики» русского империализма (против они могли быть лишь при условии полной дочерности), но не они, за немногими исключениями, были активными факторами этой политики на Ближнем и Дальнем Востоке. В таком направлении, нам кажется, лежит выход из дебрей, в которые завела автора его «неисторичность» [1]). Таким образом, никак нельзя согласиться с автором предисловия С. Струмилиным, что «т. Гольман впервые поставил и рассмотрел ряд совершенно новых, до сих пор еще неисследованных проблем» [2]).

Но может быть работа т. Гольмана может служить пособием для ВУЗОВ, как это было высказано в одной из рецензий? К сожалению, мы не можем присоединиться и к этому мнению. Ибо наш автор в своей работе обнаруживает подчас далеко не блестящее знание предмета. Так на стр. 25 наш автор следующим образом излагает приобретение банками власти над предприятиями: «банки, обслуживающие операции крупнейших предприятий и кредитующие их (долгосрочный кредит), будучи заинтересованы в данном предприятии, скупают через свою клиентуру (часто перед открытием общего собрания акционеров) необходимое количество акций — столько, сколько действительно необходимо для получения большинства голосов. Для этой цели основываются обыкновенно специальные общества, задача которых состоит в том, чтобы приобретать акции других предприятий и, этим самым, создавать комплексы предприятий и т. д.». Здесь каждое слово способно создать путаницу в голове неискушенного читателя. Во-первых, наиболее частым способом об'является скупка акций, да еще перед открытием общего собрания (уже не перед открытием ли заседания). Затем эта скупка производится через свою клиентуру, между тем, как известно, скупку банк производит либо непосредственно, либо через подставных лиц, обычно сотрудников, своих маклеров, но отнюдь не через клиентуру. Далее, ни слова не сказано о самых важных способах — эмиссии или онколе (если только не считать, что последний приравнен к «скупке через клиентуру»). Наконец, выходит, что для этой цели основываются обыкновенно о-ва финансирования. Как известно, во-первых, — это «обыкновенно» не относилось к России и почти не относилось к довоенной Германии. Во-вторых, эти общества основываются не для скупки через клиентуру и никогда еще не основывались перед открытием общего собрания. В-третьих, значение обществ финансирования значительно шире, чем скупка акций. Немногим лучше изложена единственная глава общей части, специально посвященная банкам (глава II). Так, весь процесс сращивания банков и промышленности охарактеризован на одной страничке (из 95 стр. введения), которая заканчивается следующим резюме: «Таким путем долгосрочного кредита, владения акциями, облигациями, учредительством и непосредственными вложениями в промышленность, тем успешнее и сильнее, чем быстрее протекает концентрация промышленности и банков. В результате в Германии 6 банков... управляют (! И. Г.) и контролируют всю промышленность». Здесь, как и выше, забыта одна из основных сторон «сращивания» — эмиссионная деятельность банков, частью которой является учредительство. С другой стороны, у автора фигурируют непосредственные вложения (очевидно, перевод немецкого термина «direkte Beteiligung»), что полностью совпадает с владением акциями.

Не лучше выполнена автором и компилятивная работа второй части (о России). Собрав огромное количество цифр из разных источников, автор не потрудился дополнить их даже в тех случаях, когда это не представляло особого труда (например, на 311 стр. дана таблица роста вкладов в кредитных учреждениях и

[1]) Нелады автора с историей простираются решительно на весь «антантовский империализм. Так на стр. 380 автор говорит о двух группировках мирового империализма, франко-английской и средне-германской, образовавшихся к 1900 г. Между тем эти годы характеризуются сильным обострением франко-английских отношений (Фашодский инцидент, отношение Франции к англо-бурской войне), и лишь в 1903 г. начинает намечаться сближение. Повидимому, автору также недостаточно известны интересы, заставившие Италию вступить в войну на стороне Антанты. И он по своему обыкновению решает вопрос арифметическим методом— магией процентов (стр. 394, прим.).

[2]) Две главы, посвященные специальным еще неразработанным в качестве составной части «русского империализма» вопросам о протекционизме и о зашивании, содержат лишь беглые замечания.

сберкассах, заканчивающаяся 1912 годом. Причина — таблица взята из работы Мукосеева, вышедшей в 1914 г. и естественно не имевшей в своем распоряжении более поздних цифр). Точно так же автор не позаботился согласовать цифры, взятые им из разных источников или же эти цифры с собственными исчислениями (например, таблицу на стр. 407 с таблицами на стр. 323—330) или дать критическую оценку этих цифр в тех случаях, когда согласование невозможно (например, вопрос о сравнимости разных цифр исчисления иностранных капиталов, тем более, что на основе этих цифр уже имела место важная принципиальная дискуссия (Ванаг—Леонтьев). Однако, еще хуже, что автор не всегда умеет пользоваться цифрами. Так, на стр. 283 автор характеризует размеры финансирования промышленности Северным банком цифрами его учетных, окольных и даже курсовых операций! Но главная беда в том, что эти цифры, заимствованные у Ронина означают годовые обороты банка по операциям и приводятся Рониным для характеристики роста банка, а вовсе не финансирования промышленности. Другой пример. На стр. 314 автор приводит таблицу акций русских предприятий, котировавшихся на петербургской и иностранных биржах, заимствуя ее у Финна-Енотаевского, но делает к ней авторское добавление в виде итога, вычисляет долю Петербургской биржи (46%) и считает последний важным доводом в пользу своей точки зрения. При этом, автор не учитывает, что акции ряда предприятий котировались как на петербургской, так и на иностранных биржах и что его арифметика должна быть признана, по меньшей мере, рискованной. Не менее смелые исчисления сделаны автором в главе о накоплении. Укажем на самый яркий пример. На 308 стр. автор дает таблицу, в которой первая колонка изображает движение за 1890—1914 гг. капиталов, пром. акц. о-в, вторая — размеры роста капиталов за год, третья — прибыли и четвертая дивиденды. Первые три колонки заимствованы у Струмилина, равно как и ссылка на первоисточники, ибо сведения о дивидендах можно было получить из тех же первоисточников, путем подсчета, аналогичного тому, который выполнен Струмилиным для первых трех колонок. Тов. Гольман избрал более оригинальный способ — он из цифры прибыли вычел цифры роста капиталов (как-будто речь идет об единичных, а не акционерных предприятиях) и выставил разность в колонку дивидендов. Там, где разность была отрицательная — он выставил «сведений нет», где цифра мала— снабдил ее вопросительным знаком. Разумеется, эти цифры ничего общего не имеют с реальными дивидендами. На самом деле 15—20% прибыли уходило на уплату подоходного налога, тантьемы наградных и т. д. Из остального около половины шло на отчисления в амортизационный, запасные и т. п. капиталы и лишь остальное выдавалось в дивиденд, известная часть которого использовывалась получателями для подписки на новые акции. Внутрипромышленное накопление составлялось за счет амортизации и друг. капиталов и скрытых резервов. Все эти отношения таблица автора в корне извращает.

К сожалению, автор не пощадил от таких цифр интересных соображений, развитых им в последней главе его работы: так, на 407 стр. он сравнивает довоенные и современные капитальные затраты промышленности, берет первые без внутрипромышленного накопления, а современные — с амортизацией. На стр. 411 автор производит совершенно фантастическую попытку охарактеризовать современное внепромышленное накопление, путем манипуляции... над цифрами вкладов в сберкассы за 1911 г.

Резюмируя все изложенное, приходится сказать, что, содержа интересные мысли, работа автору не удалась ни в качестве исследования русского империализма, ни как учебное пособие. Для того, чтобы книга могла сделаться таким пособием, пришлось бы ее в корне переработать.

ОБЗОРЫ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

История Великой Французской революции была предметом многочисленных и ценных исследований русских историков еще во времена царизма: заслуги так называемой «русской школы» (Кареева, Ковалевского, Лучицкого и их учеников,— Е. Тарле и др.) в деле изучения Великой революции не раз отмечались виднейшими представителями западно-европейской научной мысли. Но на работах «русской школы» не могли не отразиться классовые взаимоотношения, характерные для России конца XIX и начала XX века. Совершенно очевидно, что проявленный русскими учеными исключительный интерес к положению французского крестьянства в дореволюционной Франции стоит в теснейшей связи с движением русской народнической интеллигенции 70-х гг. и тем огромным значением, какое приобрел аграрный вопрос в России в конце 19 в., и особенно в революции 1905 года; что сравнительно слабый интерес к эпохе якобинской диктатуры или к положению рабочего класса и зародышам социалистических движений в эпоху Великой революции об'ясняется не только наблюдавшейся до 90-х гг. слабостью рабочего движения в России, но и почти исключительно либеральным или либерально-народническим составом профессуры наших университетов. Вообще, политические условия, господствовавшие в самодержавной России, как известно, менее всего благоприятствовали изучению Французской революции с последовательно-марксистской точки зрения. Поэтому, нет ничего удивительного, что марксистские работы по интересующей нас эпохе были тогда редчайшим исключением. Но и те немногочисленные историки, которые разделяли марксистскую точку зрения, не выдвигали многих проблем Великой революции не только по цензурным условиям, но и просто потому, что эти проблемы не стояли в связи с актуальными вопросами тогдашней политической борьбы.

Колоссальные социально-политические сдвиги, произведенные февральской, а особенно октябрьской революцией 1917 года, создали совершенно новые условия для изучения Французской революции в России. Совершенно естественно, что в стране пролетарской диктатуры историческая наука не могла оставаться в монопольном владении буржуазно-либеральной профессуры; последняя не была лишена возможности продолжать научную работу, но руководящее значение в деле университетского преподавания и подготовки молодых ученых получили историки-марксисты. Среди последних число специалистов по истории Великой Французской революции было ничтожно. Тем не менее, за десять лет существования Советской власти успела вырасти немногочисленная, но идеологически выдержанная группа молодых историков, специализировавшихся на истории Франции конца XVIII века.

Понятно, почему именно эта эпоха привлекла, на ряду с эпохой Парижской Коммуны 1871 г., наибольшее внимание историков-марксистов; при всем различии социально-экономических баз, на которых происходили Великая Французская и русская пролетарская революция XX в., между ними несомненно имеются некоторые черты сходства, позволяющие проводить параллели между положением французской республики в 1793—4 г. и советской республики в годы гражданской войны и интервенции, продовольственной и финансовой политикой в эпоху якобинской диктатуры, с одной стороны, и нашей экономической политикой эпохи военного коммунизма, с другой, реорганизацией вооруженных сил Конвента и строительством Красной армии и т. д. Сама якобинская организация—с ее строго централизованным аппаратом, «чистками», партийными мобилизациями и крепкой связью с массами—во многом напоминает ВКП большевиков.

Классовая борьба, развертывавшаяся в ходе пролетарской революции и социалистического строительства в России, будила интерес к изучению тех или иных проблем эпохи Великой Французской революции; нередко научное освещение этих проблем либо косвенно способствовало разрешению чисто практических задач,

стоявших перед советской властью, либо обогащало историческую науку новыми социологическими обобщениями, и таким образом укрепляло позиции пролетариата на «идеологическом фронте». Но и обратное воздействие было не менее плодотворным: опыт классовой борьбы в России облегчал правильный научный подход ко многим важнейшим вопросам Великой революции.

Марксистской разработке эпохи Вел. Французской революции много способствовало происходившее за последние 10 лет пополнение старых государственных библиотек; и также сосредоточение ценнейших печатных и отчасти архивных материалов в одном из отделов библиотеки Института Маркса-Энгельса в Москве [1]).

Но на ряду с благоприятными условиями необходимо учесть и ряд неблагоприятных, которые следует иметь в виду при оценке достижений советской науки в области истории Великой революции. Нельзя, прежде всего, забывать, что большинству как старого, так и молодого поколения историков-марксистов приходилось отдавать весьма значительную часть своего рабочего времени преподавательской деятельности, а также партийной или административной работе, что не могло не сказаться на продуктивности работы научно-исследовательской. Во-вторых, до последнего времени русские ученые, особенно коммунисты, были лишены возможности работать по богатейшим материалам, сосредоточенными в парижской Национальной Библиотеке и французских архивах.

В общем, работы советских историков [2]) по Великой Французской революции носили тот же характер, что и современные исследования западно-европейских (преимущественно французских) ученых: как правило, это были не общие труды по истории Революции, в настоящее время уже превышающие силы отдельного исследователя [3]), а исследования отдельных периодов, отдельных сторон революции или отдельных специальных вопросов [4]).

Но большинство этих исследований относятся к эпохе Конвента, особенно к периоду якобинской диктатуры, как наиболее близкому к современности. В самом деле, социально-политическая сторона «старого порядка» представлена только пятью статьями, при чем три из них касаются аграрных отношений при «старом порядке» [5]), четвертая — общественных настроений в Париже после ареста Неккера [6]). Положение французской промышленности накануне революции освещено в небольшой, но чрезвычайно содержательной и оригинальной по выводам работе А. Я. Шульгина («Экономическое развитие Франции в конце XVIII в.» «Русск.

---

[1]- Достаточно упомянуть о материалах по Ан. Клоотцу, Марату, Робеспьеру и Сен-Жюсту (коллекция Ve[illegible]), а также значительное количество фотоснимков и подлинных рукописей Бабефа. Полный перечень имеющихся в И. М. Э. сочинений Клоотца и о Клоотце напечатан во 2-й книге «Летописей Марксизма» (1927); перечень материалов по Марату см. там же, кн. 3.

[2]) В дальнейшем изложении работы историков-марксистов означены знаком *. Нужно сказать, что огромное большинство работ по истор. Фр. рев., вышедших за последние 10 лет, принадлежат перу именно историков-марксистов. Популярные работы, естественно, вообще не вошли в настяющий обзор.

[3]) Недавно вышедшая общая работа Матьеза только подтверждает это положение: даже такой крупнейший специалист, каким является проф. Матьез, не смог охватить в своем труде некоторых весьма важных сторон Революции (как напр., экономическую базу старого порядка).

[4]) Общий обзор истории Вел. революции можно найти в книге Н. Лукина * — Новейшая история Зап. Европы, вып. I гл. IV (изд. 2-е 1926 г. ГИЗ), а также в лекциях по ист. Зап. Европы Ц. Фридлянда (ч. I, М. 1926 г.) и Захера *) Ист. Вел. Фр. революции. Конспект лекций в Комм. Унив. им. Зиновьева 1923 г.). См. также научно-популярный очерк Фрязинова—«Великая Франц. революция». Аналогичный характер носит — работа Кареева «Великая Французская революция», вып. I—IV прилож. к журн. «Нива» за 1918 г.). Изданное Захером собрание документов по всей эпохе Вел. революции (Захер «Франц. револ. в документах» Лен. 1926 г.) носит характер хрестоматии, приспособленной для «лабораторной» работы в ВУЗ'ах, значительная часть материалов взята из вторых и третьих рук (Жореса, Кареева и др.).

[5]) С. Д. Сказкин. Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани и северо-восточной Франции накануне Великой революции («Труды Института Истории». Вып. I. 1926). С. Глаголева-Данини. Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху Вел. революции (постановка вопроса в современной науке). «Анналы», I. 1922.—Н. Лукин *. Судьба общинных земель во Франции в последнюю пору старого порядка (Труды Ин-та Красной профессуры) Кунисский и Позняков*. Общинные земли в эпоху Вел. Французск. революции (М. 1927 Изд. Ком. Акад.).

[6]) Н. Платонова. Накануне Великой революции (по неизданным материалам), Отставка Неккера. «Свадьба Фигаро», «Ожерелье королевы» («Анналы», № 1 1922).

Бог-во», 1917 № 8—10). В противоположность Ковалевскому и Тарле, автор приходит к выводу, что капиталистическая организация промышленных предприятий получила значительное распространение уже в конце XVIII века.

Несколько больший интреес был проявлен также к социальным системам предревелюционной эпохи, что, несомненно, стоит в связи с основательным изучением истории социализма, имевшим место в советской России с самого октябрьского переворота.

На первом месте здесь должна быть поставлена превосходная работа В. Волгина * «Революционный коммунист XVIII в. Мелье и его завещание». («Минувшие годы», 1918, № 1—3. В 1919 г. работа вышла отдельным изданием). Написанная на основе тщательного анализа знаменитого завещания, — книжка Волгина впервые ставит перед нами во весь рост фигуру этого «единственного социалиста-революционера дореволюционной Франции». Эпохе французского «просвещения» посвящены работы О. Вайнштейна, Кибовского, Попова и Петрова [1]). Наконец следует отметить небольшую статью Я. Захера («Тюрго, как предшественник Маркса») (записки О-ва марксистов, № 6).

Менее всего привлекала внимание советских историков эпоха Учредительного и Законодательного Собраний. Здесь приходится отметить; во-первых, интересную работу И. Л. Попова-Ленского [2])—«Антуан Барнав и материалистическое понимание истории» (1924).—Чисто материалистический подход Барнава к об'яснению причин Великой революции впервые был отмечен Жоресом в I томе его «Социалистической истории», но настоящую оценку, как предшественника Маркса в деле материалистического понимания истории, Барнав получил лишь в работе Попова-Ленского. Во-вторых, статью Холостовой — «Прения о «veto» короля в Учредительном собрании» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, XI—XII). Наконец, отметим напечатанную в 4 книжке «Аннал» статью М. Буковицкой—«Разложение королевской армии в первые годы Великой Французской революции».

Иное дело—эпоха Конвента. Целый ряд проблем, относящихся к этому периоду революции, впервые подвергся научной разработке с марксистской точки зрения, или вообще впервые стал об'ектом обстоятельного научного исследования; при чем были введены в оборот некоторые печатные материалы, до тех пор остававшиеся вообще не использованными не только в России, но и за границей. Таковы проблемы террора, бумажно-денежного обращения, строительства армии Конвента, классовой борьбы в деревне, борьбы внутри монтаньярства, термидорианской реакции, культурного строительства.

Крупный интерес к изучению истории Конвента проявился в издании большого (45 печатн. листов) сборника документов и материалов по эпохе Революционного Правительства, вышедшего под редакцией проф. Лукина *. Сборник охватывает период с 10 августа 1792 г. до 27 июля 1794 г. (9 термидора II г) и распадается на семь отделов: 1) революционное правительство и его органы; 2) террористический режим; 3) социально-экономическая политика Конвента (куда вошли: продовольственная, финансовая, аграрная, рабочая политика и социальное обеспечение); 4) религиозная политика; 5) оборона страны и внешняя политика; 6) борьба партий (с подразделениями: Гора и Жиронда [3]), борьба внутри якобинства; 7) гражданская война (федералистское движение и Вандея). Сборник составился из материалов, извлеченных, главным образом, из Moniteur'a, Archives Parlementaires, Histoire parlementaire Bucpez et Roux, а также из протоколов Якобинского клуба, изданных Оларом. Собранные документы и иные источники рисуют, главным образом, работу Конвента и революционное движение в столице; провинция и фронт остаются почти не освещенными [4]). Предназначенный, главным образом, для семинар-

---

[1]) Вайнштейн О. Л. Fragment inédit sur Voltaire («Журн. научно-исследовательской кафедры в Одессе, т. I № 7 1924). Работа представляет анализ рукописи секретаря Вольтера Ваньера, хранящейся в Воронцовском фонде Центр. Научн. б-ки в Одессе. Кибовский * — Мировоззрение Руссо (Сборник секции Философии Ин-та Красн. профессуры 1924 г.) Попов. Ж. Ж. Руссо-Космополит (сб. в честь проф. Кареева). Петров. Общественные идеи Руссо в новейшем научном освещении («Анналы» № 1).

[2]) Революционное Правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794), сборн. документов и материалов. Перевод Н. П. Фрейберг под редакц. Н. М. Лукина *. Изд-во Ком. Ак. М. 1927 г.

[3]) Специальный подбор материалов по процессу Людовика XVI имеется в книге Берковой—«Процесс Людовика XVI», 1920 г.

[4]) Этот пробел до известной степени восполняется сборником материалов, извлеченных из Собрания Актов Комитета Общественного спасения (издаваемого Оларом) А. К. Дживилеговым (Дживилегов. Французская революция в провинции и на фронте 1923 г.).

ских занятий на соответствующих факультетах ВУЗ'ов, сборник снабжен примечаниями и обширной библиографией, являющейся необходимым пособием для всякого, приступающего к самостоятельному изучению эпохи Революционного Правительства.

Еще раньше, в 1918 г., проф. Тарле было издано собрание материалов (воспоминания современников и документы), посвященное Революционному Трибуналу[1]. Хотя автор и говорит (в предисловии), что в оценке террора он примыкает скорее к Олару и Матьезу, чем к Валлону, Мортимер-Терно или Тэну, сборник носит несомненные следы тенденциозного подбора материалов, создающего впечатление совершенной необоснованности приговоров Трибунала, полного произвола в деле выдачи свидетельства о благонадежности и т. п. Обстановка, в которой складывался режим террора (внешняя опасность, гражданская война внутри страны) выявлена совершенно недостаточно. Более правильный подход к изучению террористического режима находим в небольшой работе Р. Авербух * (Террористический режим во Франции в 1793—94 гг. «Вестник Ком. Акад.», 1925, XI) Пользуясь печатными источниками, автор убедительно доказал, что моменты обострения террора совпадали с моментами наибольших продовольственных затруднений, внешней и внутренней опасности, которым подвергалась Республика. С другой стороны, анализируя материалы, собранные Валлоном, Авербух вскрыла методологическую ошибку прежних исследователей, судивших о социальном положении проходивших через Революционный Трибунал лиц по их дореволюционной профессии и совершенно игнорировавших характер их занятий в эпоху Революции. Между тем, как раз пользование этим ошибочным методом приводило Тарле и других исследователей к ошибочному выводу, будто Революционный Трибунал разил чуть ли не исключительно «простых людей» — рабочих, крестьян, мелких ремесленников и торговцев. Наконец, в работе Авербух подчеркнута весьма важная роль Дантона в создании террористического режима. В несколько иной плоскости та же проблема трактуется в ст. Авербух «Олар и теория насилия». (Печать и революция 1927 г. кн. I), представляющей критический разбор вышедшей за границей брошюры Олара (А. Олар. Теория насилия и Французская революция. Русск. к-во Поволоцкий и К°. Париж. 1924). Автор доказывает, что названная работа Олара, коренным образом изменившего в последнее время свою точку зрения на террор, уничтожает насилие во Французской революции ценою недопустимого искажения общеизвестных исторических фактов, и что, вопреки Олару, Дантон, Сен-Жюст, Робеспьер и др. вожди революции были сознательными «теоретиками насилия»[2].

Революционному Трибуналу посвящена также ст. проф. Кареева, помещенная в «Вестнике культуры и политики» за 1918 г. № 3. В статье проводится та же тенденция, что и в сборнике Тарле.

До сих пор почти не изученная история бумажно-денежного обращения революционной эпохи подверглась обстоятельному исследованию в работе С. А. Фалькнера[3], представляющей любопытный образчик решения чисто теоретической проблемы (выдвинутой, в свою очередь, жгучими потребностями современности) на основе конкретно-исторического материала. Общий вывод, к которому пришел автор, таков: бумажные деньги в общем удачно разрешили задачу финансирования государства в этот критический период; около 80% «издержек революции» было покрыто эмиссией. Но, анализируя судьбы ассигнатов, автор должен был попутно остановиться на истории установления твердых цен и других методах регулирования народного хозяйства, проводимых в целях борьбы с обесценением «бумажных денег». Соответствующие главы книги Фалькнера написаны на основе большого печатного материала, имеющегося в русских библиотеках. В общем, работа является ценным вкладом в еще мало изученную экономическую историю Великой революции.

В качестве одного из недостатков книги Фалькнера критика справедливо отметила игнорирование автором вопроса о влиянии «ассигнатов» и политики твердых цен на сельское хозяйство — вопроса, имеющего колоссальное значение для освещения проблемы взаимоотношения города и деревни. К сожалению, этот вопрос не привлек внимания и других исследователей. Вообще, по истории револю-

---

[1]) Революционный Трибунал в эпоху Великой Французской революции. (Изд-во «Былое». Историческая библиотека. Революции запада Ч. I—II).

[2]) Разбор этой брошюры Олара см. также в ст. Моносова *, помещенной в журн. «Под знаменем марксизма» (1924 год, кн 8—9). См еще С ий * «Буржуазная революция и юридический кретинизм». (По поводу речи Олара: «Теория насилия и французская революция», «Революция права», 1927, кн. 2—3)

[3]) Фалькнер *. Бумажные деньги французской революции (1789—1797). М. 1919, см. также небольшую работу А. М. Смирнова. Кризис денежной системы французской революции 1921 г.

ционной деревни вышла лишь одна работа, касающаяся судьбы общинных земель в эпоху Французской революции (С. Куниский * и В. Позняков *. «Общинные земли в эпоху Вел. Франц. революции». Под редакцией и со вступительной статьей Н. Лукина. Труды Инст-та Красной Профессуры, М. 1927). Авторы впервые использовали опубликованные Bourgin'ом материалы для выяснения настроений различных групп крестьянства и вскрыли картину ожесточенной классовой борьбы, происходившей вокруг вопроса о судьбах общинных угодий и толкавшей революционное законодательство. Марксистскому анализу этого законодательства авторы посвятили специальные главы своего труда. После работы Куниского и Познякова, являющейся ценным вкладом в историю аграрных отношений во Франции, можно, между прочим, считать научно опровергнутым утверждение Кропоткина, будто декрет о разделе общинных земель должен был вызвать единодушный протест всей крестьянской Франции.

По истории армий Конвента вышла небольшая, очень живо написанная книжка Дживилегова — «Армия французской революции и ее вожди» (М.—П. 1923). Один из существенных недостатков этой работы—неудачная попытка автора доказать на примере французской революции правильность пресловутого буржуазно-либерального лозунга—«армия должна быть вне политики». Марксистское освещение вопроса было дано в одной из глав работы Н. Лукина * («Из истории революционных армий». 1923. ГИЗ).

Вопросы культурного строительства революции трактуются в статье Фортунатова («Закон 29 фримэра II года». Страница из истории народного образования во время Вел. Фр. революции. Ученые записки Ин-та истории, т. II) и брошюре Пельше * «Нравы и искусство французской революции», 1919 г.)[1]. Вопросу об эмиграции посвящена брошюра О. Вайнштейна * Очерки по истории Французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789—1796). ГИЗ Украины. 1924.

Ряд работ советских историков освещает классовую борьбу в 1793—4 г., в частности — вопрос о борьбе фракций внутри монтаньярства. Эти работы кладут начало марксистской разработке истории Конвента[2]). Общая картина классовой борьбы до 9 термидора дана в IV отделе книжки Н Лукина* «Максимилиан Робеспьер» (М. 1919 4-е изд. 1924 г.). Автор придал своей работе научно-популярный характер, хотя в значительной своей части она написана на основании первоисточников. Специальное внимание уделено здесь классовому анализу якобинской идеологии в ее робеспьеристской форме[3]).

Борьба внутри якобинства подвергалась специальному исследованию в работах Моносова и Фридлянда[4]).

Первый из названных молодых историков впервые подверг специальной проработке соответствующие томы изданных Оларом протоколов Якобинского клуба. Автор прослеживает судьбу отдельных фракций якобинства и анализирует выдвигавшиеся ими в процессе борьбы лозунги, связывая последние с классовыми интересами различных общественных групп, которые стояли за теми или иными политическими течениями. В статье Фридлянда затрагивается, между прочим, интересный вопрос о взаимоотношениях Марата и Жака Ру, также о роли Марата после революции 31 мая—2 июня 93 г. К статье приложен перевод характеристики Ру, напечатанный в одном из № «Publiciste», и письмо Ж. Ру к Марату, поме-

---

[1]) См. также «Педагогические идеи Вел. Франц. революции. Речи и доклады Мирабо и др. Перевод и вступительная статья Сыркиной, под ред. и с предисл. А. И. Пинкевича * 1926 г.

[2]). Если не считать работы полу-марксиста Жореса (Hfstoire socialiste, т. III — IV), единственным марксистским исследованием по эпохе Конвента была известная работа Кунова. Однако данная им схема классовой борьбы в эпоху Великой революции недостаточно обоснована конкретно-историческим материалом.

[3]) Специально о Робеспьере см. тоже популярную брошюру Захера (Захер *. Робеспьер. 1925 г.); тому же автору принадлежит небольшая работа о Сен-Жюсте (П. 1922 г.); автор правильно считает Сен-Жюста типичным представителем якобинства, но это последнее совершенно неверно определяет, как буржуазное течение, которое интересовалось якобы, почти исключительно политическими вопросами и ненавидело богатых не «классовой ненавистью», как «бешеные» (эти представители «народного» движения в революции), а из «соображений морального порядка» или чисто политических мотивов («богатые вредят делу революции»).

[4]) С. Моносов *. Фракционная борьба в якобинском клубе («Вестн. Соц. Акад.», 1923, кн. № 1). Работа Моносова, как и указанные выше исследования Познякова, Кунинского и Авербух, вышла из семинария, занимавшегося в Институте Красной Профессуры под руководством проф. Лукина в 1923/25 ак. г.г. Фридлянд *. Классовая борьба в июне и июле 1793 г. (Историк-марксист, 1926, № 1—2.

щенное в журнале Матьеза за 1916 г. К сожалению, Марат очень мало привлекал внимание советских историков [1]); эта своеобразная политическая фигура еще ждет своего исследователя-марксиста [2]).

В более счастливом положении оказались «бешеные». Характеристика этого крайне-левого течения и борьбы с ними робеспьеровцев имеется уже в упомянутых выше работах Лукина, Моносова и Фридлянда. Кроме того, «бешеным» посвящена специальная работа Я. М. Захера * («Очерки по истории бешеных» эпохи Вел. Франц. революции. Ж. Ру. Доливье. Л'Анж. 1925. См. также его брошюру «Ж. Ру». 1922), написанная, правда, преимущественно не на основе первоисточников, но вполне самостоятельная в вопросе о классовой подоплеке «бешеных». Автор удачно опровергает мнение Кропоткина, видевшего в «бешеных» чуть ли не коммунистов, но он ошибается, утверждая, что «бешеные» проявляли полное пренебрежение к вопросам политической свободы [3]).

Несостоятельность этой точки зрения хорошо доказана в ст. Н. П. Фрейберг, долженствующей появиться в одном из ближайших номеров «Историка-Марксиста» («Декрет 19 Вандемьера II года и борьба бешеных за конституцию 1793 г.»). Основываясь на архивных материалах, имеющихся в И. М. Э. ввиде фото-снимков с рукописей и брошюр Ру и Варле, Фрейберг, во-первых, доказала, что как раз в процессе борьбы с робеспьеровцами осенью 1793 года бешеные развернули последовательно демократическую программу, надеясь, что с введением в действие конституции 1793 г. их сторонникам удастся проникнуть в будущее законодательное собрание; во-вторых, автору удалось установить, что в сентябрьском движении «бешеных» принимали участие и наемные рабочие, среди которых в это время шло движение в пользу повышения заработной платы.

По вопросу о парижских секциях вышла специальная работа З а х е р а («Парижские секции 1790 — 1795 г., их политическая роль и организация». ГИЗ. 1921).

Особый интерес, проявленный советскими историками к движению «бешеных», заслуживает быть отмеченным особенно потому, что еще недавно (до появления работ Жореса и Кунова) историки Великой революции не интересовались этим течением сколько-нибудь серьезно. С другой стороны, агитация бешеных несомненно, подготовила почву для бабувизма, а в эпоху термидорианской реакции уцелевшие представители бешеных находились в несомненной связи с Бабефом, этим основоположником революционного коммунизма, ставшим, как увидим ниже, предметом внимательнейшего изучения в Советской России.

9-е термидора получило обстоятельное освещение в брошюре З а х е р а («9 термидора». 1926), основанной как на новейшей литературе вопроса, так, до известной степени, и на источниках и заполнившей весьма существенный пробел в истории якобинства. Автор считает, что летом 1794 г. крушение якобинской диктатуры было абсолютно неизбежно, так как уже с весны этого года началось внутреннее перерождение монтаньярской партии, стоявшее в связи с обострением классовых противоречий и отходом от этой мелко-буржуазной организации ее крайней правой (дантонисты) и крайней левой (гебертисты) фракции). В 93 году якобинцы были «с революционным большинством народа», а в половине 94 года они уже не опирались на рабочий класс и отчасти потеряли симпатии даже мелкой городской буржуазии(благодаря политике централизации); новая буржуазия, а также кулацкое и среднее крестьянство были безусловно враждебны якобинской диктатуре. Это чрезвычайное сужение классовой базы робеспьеровцев и было причиной 9 термидора.

Термидорианской реакции посвящены статьи Добролюбского и Щеголева [4]). Впервые использовав интересные наблюдения немцев-очевидцев (Frankreich im Jahr 1795. Aus den Briefen Deutschen Männer in Paris. Actona,1795, I—II B.), автор приходит к выводу, что новейший исследователь восстания 13 вандемьера (проф.

---

[1]) Работа И. Степанова* (Жан-Поль Марат и его борьба с контр-революцией. 1918) носит популярный характер. Под ред. Дживилегова были изданы письма Марата, относящиеся к дореволюционному периоду деятельности «друга народа».

[2]) Первой попыткой научного исследования о Марате является интересная статья Фридлянда*, помещенная во II т. Записок Коммун. Университета имени Свердлова (М. 1924 г.)—«Ж. П. Марат до Великой Французской Революции». Названная статья представляет первые главы из подготовляемой автором большой работы о Марате; вышла отдельной брошюрой в 1927 г.

[3]) Захер* совершенно напрасно включил в свои «Очерки по истории «бешеных» Доливье и особенно открытого Жоресом социалиста-утописта Л'Анжа: ни тот, ни другой к движению «бешеных» отношения не имели.

[4]) Добролюбский *. Термидорианская реакция (Ист.-Марксист, кн. 1), Щ е г о л е в*. К характеристике экономической политики термидорианской реакции (Ист.-Марксист, кн. 4).

Кареев) недооценил роялистского характера этого восстания. Второй из названных авторов интересовался экономической политикой термидорианской реакции. На основании материала, извлеченного из Monteur и Собрания Актов К. О. С. Щеголев приходит к заключению, что благодаря наличию в антиробеспьеровской коалиции левого крыла некоторое время держалось неустойчивое равновесие социальных сил, а потому до начала ноября не было резкого разрыва между той экономической политикой, какая наметилась (в смысле уступок кулацкому крестьянству), еще с весны 94 г., и политикой термидорианцев, которые продолжали итти по пути смягчения режима твердых цен и реквизиций, но не решались сразу покончить с законом о максимуме.

Обстоятельному научному исследованию подвергся Бабеф—и бабувизм, что несомненно об'ясняется наблюдающимся со времени Октябрьской революции огромным интересом к истории социалистической мысли вообще и к тем ее представителям, которые выдвигали революционный характер социализма и неизбежность революционной диктатуры для его осуществления, в особенности. Во-первых, на руский язык была переведена известная книга Буонаротти («Гракх Бабеф и заговор равных». Перев. К. Горбач, под редакц. и с предислов. проф. В. Святловского. Петр. 1923). За год перед тем в вестнике Соц. Ак. (за 1922 г., № 1) была помещена статья проф. В. П. Волгина. («Идейное наследие бабувизма») [1], в которой впервые была дана марксистская оценка Бабефа, как теоретика революционного коммунизма, и проанализированы практические мероприятия (как в экономической, так и в политической области), рассчитанные бабувистами на «переходный период» и долженствовавшие обеспечить преобразование современного общества в коммунистический строй. [2]) Кроме того, о Бабефе вышли работы Пригожина и Щеголева. [3]) Первая из них дает в общем правильную картину эволюции воззрений Бабефа; ее дефектами является трактовка Бабефа, как «чисто аграрного коммуниста», и причисление Бабефа (в первые месяцы после 9 термидора) к левому флангу якобинцев. В действительности ближе всего Бабеф стоял в эту эпоху к остаткам бешеных (совместная работа с Варле в Электоральном клубе). Работа Щеголева основана на тщательном изучении имеющихся в Ленинграде источников, в том числе газет и брошюр Бабефа. Автор обстоятельно выясняет, как складывались теоретические воззрения Бабефа (влияние соц.-экономических и политических условий, с одной стороны, представителей социалистической мысли, главным образом Морелли — с другой). В то же время в работе дается эволюция тактической (политической) позиции Бабефа. В общем книжка Щеголева является ценным вкладом в марксистскую литературу о Бабефе.

Переходя к историографической и библиографической работе советских историков по эпохе Великой революции, заранее оговариваемся, что размеры журнальной статьи не позволили дать перечень многочисленных обзоров и рецензий, появившихся за последние десять лет в «Печати и Революции», «Книге и Революции», «Анналах», «Научных Известиях», «Историке-Марксисте», журнале «Под Знаменем Марксизма» и др. Из наиболее крупных работ библиографического характера отметим книжку проф. Кареева (Революция и Наполеоновская эпоха. Наука и школа, Пет. 1922)[4]) и библиографический отдел в уже упомянутом сборнике материалов по Революционному Правительству (под ред. Лукина). Из обзоров новейшей литературы по истории Революции следует упомянуть статьи А. Ольшевского, помещенные в № 3—4 за 1920 и № 7 за 1922 журнала «Книги и Революция», Глаголевой-Данини (Научное изучение Великой Революции. Сорокалетие журн. Олара «La Révolution Française» 1922, 2) Моносова* «Новая литература на русском языке по французской революции». («Историк-Марксист 1926, № 1) и Бутенко. «Наука новой истории в России». (Анналы, № 2).

Из крупных историографических работ укажем на обстоятельную марксистскую статью о Жоресе, как историке, Кунского [5]) и трехтомный труд проф. Кареева (Историки Французской революции. Том I—Французские историки первой половины XIX века; т. II — Французские историки второй половины

[1]) Эта статья вошла затем в «Очерки по истории социализма», изданные тем же автором в 1923 г.

[2]) См. еще ст. В. Волгина * в 4-м томе, Б. С. Энц. — «Бабеф».

[3]) Пригожин.* «Гракх Бабеф провозвестник диктатуры трудящихся» («Вестн. Ком. Ак.» 1925). Его же. «Гракх Бабеф» ред. Свердл. Ун-та 1925. Щеголев.* «Заговор Бабефа» (1927).

[4]) Означенная работа вышла в серии: «Введение в науку». История, под ред. Жебелева, Касавина, Приселкова. Вып. 16. Зап. Европа в новое время.

[5]) Кунский*. Жорес-историк («Историк-марксист», кн. 2, 3, 4. О Жоресе-историке см. еще ст. Н. Лукина*, помещенную (в виде предисловия) в III томе «Истории Вел. Фр. Рев.» Жореса (ГИЗ. 1924).

XIX в. и начала XX в.; т. III — Изучение революции вне Франции (немецкие, бельгийские, итальянские, английские и русские историки), Ленинград «Колос», 1924). Солидная эрудиция автора, обстоятельное изложение исторических работ, умение проследить прогресс в науке в смысле привлечения новых источников и критического отношения к ним и т. п., весьма ценные указания библиографического характера, сведения, даваемые о современном состоянии научной мысли, наконец — крайняя скудость историографических работ по интересующей нас эпохе не только на русском, но и на иностранных языках, — все это делает работу ценным и необходимым пособием для всякого, приступающего к самостоятельным занятиям по истории Великой революции. Но в читателе, привыкшем к марксистскому подходу к истории идеологий, работы проф. Кареева должны вызвать разочарование.

Правда, автор признает, что, «принадлежа к известному общественному классу и к той или другой партии, историки французской революции именно и отражали на своих трудах характерные особенности своих эпох» (т. I, 13). Но общественные условия, социальная среда—для него факторы, которые можно поставить на одну доску с «прирожденными индивидуальными способностями и склонностями историков». Исторический идеализм автора и отсутствие определенных, целостных социологических взглядов роковым образом отразились на оценках, даваемых тем или иным авторам работ по истории Великой революции. Проф. Кареев пытается связать труды некоторых историков с настроениями известных классов или общественными движениями в соответствующую эпоху, но сколько-нибудь систематически этот метод проводится лишь в отношении историков Реставрации и Июльской монархии, отчасти при оценке работ Сореля, Зибеля и Тэна. Такие крупнейшие историки, как, напр., Токвиль, не говоря уже о всей «русской школе», остались висящими в воздухе. В частности автор ничего не говорит о современных политических группировках во Франции, обусловливающих известный антагонизм между школой Олара и Матьеза и т. д. Несмотря на кажущееся беспристрастие, политические симпатии автора сказываются довольно определенно (см. оценку Токвиля или критику якобинской диктатуры в работах анархистов Кропоткина и Боровского). Чувствуется и его отрицательное отношение к историческому материализму (см., напр., критику работы Кунова, т. III, стр. 97) или замечания по поводу точки зрения Тарле на происхождение закона Ле-Шапелье (227). Проф. Кареев совершенно напрасно относит к марксистским работам книгу германского социал-демократа Блоса, в которой нет и следа марксистского подхода к изучению истории. С другой стороны, он совершенно умалчивает о ряде подлинно марксистских исследований (статьях Плеханова, посвященных историкам эпохи Реставрации; «Очерках по истории социализма» Волгина, куда вошли главы, специально посвященные Мелье, Морелли, уравнительным теориям 18 века, бабувизму[1]). Наконец, говоря об историках-современниках революции, автор даже не упоминает о Барнаве.

В заключение настоящего обзора укажем на чрезвычайный рост переводной литературы по истории Великой революции, наблюдающийся за последнее десятилетие и также свидетельствующий об огромном интересе к этой эпохе как среди русских ученых, так и читающей публики. Так из общих работ по истории Великой революции были переизданы: «Политическая история Франц. революции» Олара (1918), I-й том Истории Великой Фран. революции Жореса (Учред. Собр. Пер. Водена, ГИЗ, 1922) и книжка Блоса. Впервые вышли на русском языке II и III тома Жореса[2]), «Великая Фран. революция» Кропоткина (М 1918 г. Первое русское издание вышло в Лондоне в 1909 г.) («Французская революция» Мадлена (пер. Штейна, т. I—II—1922) I-й том «Французской революции» Матьеза (пер. Цедербаум, под редак. и с предисловием проф. Бороздина, 1925). [3]) Из литературы по специальным вопросам появились в русском переводе: Каутский. Противоречия классовых интересов в 1789 г. М 1919, 1923 (Переиздано); Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой французской рево-

[1]) Названные работы пропущены и в библиографическом обзоре того же автора — «Революция и наполеоновская эпоха».

[2]) Жан Жорес. «История Великой Французской революции». Т. II. Законодательное Собрание. Пер. с франц. А Водена. М. ГИЗ. То же, т. III. Конвент, вып. I Республика (1792); вып. II. Социально-политические идеи Европы и революция. Перев. с франц. под ред. Н. Лукина и Н. Попова с предисловием Н. Лукина (ГИЗ 1923). До революции существовал лишь сокращенный и весьма плохой перевод III тома в изд. «Книги» (1907). В 1920 г. появился сокращенный перевод IV тома Соц. истории Жореса («История Конвента, сокращенный перевод Левицкого, под редак. Ф. Дана. 1920).

[3]) Рецензия на кн. Матьеза была помещена в журнале «Печать и Революция» (1925, кн. 71, а также в «Историке-Марксисте») 1926, т. I, рец. Моносова.

люции. (1784—1794). Перевод, предисловие и дополнение И. Степанова 1919.[1]) Его же. Политические кофейни. Силуэты времени Вел. Фран рев (перевод с нем.) Л. 1926); Г. Лоран. Рабочий депутат Конвента (пер. с фр. Федотова. 1925); Олар. Христианство и французская революция (пер. с фран. под ред. Шпицберга, 1925); Его же. Церковь и государство в эпоху Вел. Фран. революции (пер. с фран. Рубинштейна. Предисл. Р. Пельше. Харьков, 1925). Домманже. Бабеф (пер. с фр. 1925); Вольтерс. Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700—1790 г. (пер. под ред. Н. М. Попова. ГИЗ. 1923); Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции (пер. с фр. О. А. Старосельской. Изд. Ком. Ак. 1927); Шарлотта Робеспьер. Воспоминания (пер. с франц. Овсянниковой. С предисл. и примеч. А. Ольшевского 1925); Тьерсо. Празднества и песни Франц. Революции (пер. Жихаревой 1918 г.). Дантон. Избранные речи. 1924.

Н. Лукин

ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ—АНГЛО-ГОЛЛАНДСКИЙ ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

(Историографический обзор)

История ост-индских компаний — этих крупнейших об'единений европейского торгового капитала в XVII в. — не может не интересовать марксиста-исследователя, ставящего своей задачей вскрыть характерные черты эпохи „первоначального накопления". Уже К. Маркс отдал должное внимание героическим подвигам голландских и английских капиталистов в Ост-Индии, выясняя генезис промышленных капиталистов в известной главе I тома „Капитала", посвященной первоначальному накоплению, а в опубликованных недавно блестящих корреспонденциях из „Нью-Йорской Трибуны" (см. „Летописи Марксизма", кн. III, стр. 40—55. К. Маркс. Письма об Индии, с предисловием Д. Рязанова) он наметил ясный методологический путь для будущего исследователя, обнаружив при этом прекрасную осведомленность в материале и в существовавшей тогда литературе. В настоящее время этот материал значительно возрос, и становится совершенно очевидным, что тема об ост-индской торговле должна стать одной из очередных для марксистской историографии.

Характерно, однако, отметить, что и в буржуазной исторической литературе, особенно английской, наблюдается повышенный интерес к проблемам, связанным с изучением героического периода европейского капитализма. Среди этих проблем вопросу о роли ост-индской торговли в XVII в. принадлежит далеко не последнее место. В кратком историографическом обзоре нет возможности дать детальную характеристику новейшей литературы по данному вопросу; трудно это сделать также и потому, что далеко не весь необходимый материал имеется под руками. В частности, почти совсем отсутствуют голландские издания об ост-индской торговле, и автор этого обзора вынужден довольствоваться косвенными указаниями на них в английских и немецких изданиях. Впрочем, если судить по только что вышедшей в серии руководств по хозяйственной истории, издаваемой Браднещем — работе Ernst Baasch-Holländische Wirtschaftsgeschichte (Jena. Verlag von Gustav Fischer. 1927), где имеется подробная библиография и многочисленные подстрочные ссылки, по истории Голландской ост-индской компании остаются в силе ранее вышедшие работы Brakel [2]), Brugmans [3]), Berg [4]), а также еще более старые работы Klerk de Reus, Ehrenberg, Zimmermann и др. Гораздо лучше представлена новейшая историография Английской ост-индской компании, и на ней, главным образом, придется остановиться ниже.

Относительно источников по истории ост-индской компании в Англии следует сказать, что за последние два десятилетия дело их издания значительно подвинулось вперед, хотя основная их масса все еще остается неопубликованной и разбросано в английских и индийских архивах. Критическое описание источников недавно сделано профессором Аллагабадского университета S. A. Khan и издано в Оксфорде [5]).

---

[1]) В 1923 г. появилось 2-е издание, пересмотренное по новому немецкому изданию. Рец. Лукина на первое изд. см. «Научн. Известия», 1922, I.

[2]) De hollandsche Handelscompagnen der Zeventiende eeuv. 's—Sravenhage 1908.

[3]) De Oost-Indische Compagnie. Historisch Leesbock, verzameld door H. Brugmans Haarlem 1911. Его-же Handel en nijverheid von Amsterdam in de 17-e eeuw. 1904.

[4]) Munt, Credit en Bankwezen, Handel en Scheepvaart in Ned-Indie. 1907.

[5]) Khan S. A. Sources for the History of Britisr Jndia in the Seventewoz Centuru. Allahabad Univ. Studies in History. Vol. IV. Oxford Univ. Press. 1926.

Эта ценная работа несомненно окажет громадную услугу всем занимающимся экономической историей Англии в XVII веке Опубликование самых первоисточников ведется в двух направлениях и находится под непосредственным руководством одного из наиболее крупных специалистов по истории Британской Индии William Foster'a. Одна серия материалов представляет протоколы заседаний директоров ост-индской компании и издается под общим заголовком — A Calendar of the Court Minutes etc. of the East India Company. Оно в сущности является продолжением прежних изданий этих материалов, хранящихся в Record Department of the India Office и вошедших в серию Calendar of State Papers, East Indies. Прежний издатель „the Court Minutes" W. Noel Sainsbury's успел довести опубликование протоколов до 1634 г. Новое издание—под вышеприведенным заголовком — охватывает документы, начиная с 1635 г., и ведется дочерью прежнего издателя Ethel Bruce Sainsbury. До настоящего времени вышло семь томов [1]) этого в высшей степени ценного издания. С обширными вводными статьями и примечаниями В. Фостера, дающими в своей совокупности не только ценный комментарий к материалам, но и новое исследование по истории ост-индской компании в критический период ее существования. В этих сухих и подчас однообразных протокольных записях перед нами встает картина деятельности компании, иногда в весьма мелочных подробностях, вскрывающих повседневную деловую жизнь крупнейшего в XVII в. торгового предприятия. Но время от времени эти деловые будни прерываются крупными потрясениями, и, чем ближе к революции, перебои в работе накопления становятся вся чаще и чаще. Много отзвуков мы находим на постоянные столкновения с голландской компанией, переживавшей тогда период своего расцвета (особенно после резни в Амбоне и изгнания англичан из пределов Индийского архипелага), на ожесточенные нападки на крупных монополистов и, в первую очередь, на самую компанию. При всей своей сухости, материал „Court Minutes" отражает явления и факты, выходящие далеко за пределы узкой истории самой компании, и ждет для своей разработки не единичных только исследователей. С понятным нетерпением будем ждать следующих томов, которые охватят, быть может, наиболее интересный период времени как в жизни ост-индской компании, так и в общем развитии английского капитализма. Изданные томы составляют только небольшую сравнительно часть „Courts Books",—сохранившихся почти без всяких перерывов с самого возникновения компании до ее упразднения.

Если „Court Minutes" освещают деятельность ост-индской компании в том виде, как она отражалась в руководящем ее центре, находившемся в Лондоне, то вторая серия материалов переносит нас уже в далекую Азию — в английские фактории, расположившиеся по индийскому побережью и составлявшие опорные пункты английского торгового капитала в Ост-Индии. Это письма и донесения, полученные с мест от агентов компании, а также переписка между отдельными факториями. Издание этих любопытнейших материалов было начато еще в 90-х г.г. прошлого столетия [2]) и продолжается по настоящее время. Систематическое издание этих писем, приостановившееся после выпуска первых шести томов (см. в примечании),—возобновленное в 1906 году под редакцией того же В. Фостера под новым заглавием—The English Factories in India. A calendar of documents in the India Office etc. by W. Foster. Oxford. At the Clarendon Press. Вышло уже 12 томов этого обширного издания [3]), снабженного подобно предыдущему вводными статьями и примечаниями В. Фостера и превосходными предметными указателями. В последних трех томах план расположения материала был изменен. Вместо календарного порядка в основу был положен территориальный по отдельным факториям — с подразделением по темам, характеризуемым наиболее крупными событиями данного периода. Кроме того, необ'ятность материала, подлежащего опубликованию, вынудила издателя давать письма не полностью, а в извлечениях, связанных его собственным изложением. Дать характеристику этого богатейшего собрания материала еще более затруднительно, чем „Court Minutes",—так как в отличие от неизбежно сухих протокольных записей эти последние издания, письма агентов и служащих компании, всегда конкретны, очень подробны, безыскусственны по стилю и нередко красочны по содержа-

[1]) Т. I (1635—1639 г.)—вышел в 1907 г., II (1640—43)—в 1909, III (1644—49)—в 1912, IV (1650—54)—в 1913, V (1655—1659)—в 1916, VI (1660—1663)—в 1922, VII (1664—1667)—в 1925 г.

[2]) Первый сборник вышел в 1893 г. под заглавием—Birdwood, S. and Foster, W. The first letter book of the East India Company. 1600—19. Продолжением их явились след. издания: Danvers, F. C. Letters recejved by the East India Company from its Servants. Vol. I. 1602—13. London 1896. Foster, W. Letters etc... Vols II—VI. 1614—17. London 1897—1902.

[3]) Том I (1618—21) — в 1906 г., II (1622—23)—1908, III (1624—29)—1909, IV (1630—33)—1910, V (1634—36)—1911, VI (1637—41)—1912, VII (1642—45)—1913, VIII (1646—50)—1914, IX (1651—54)—1915, X (1655—60)—1921, XI (1661—64)—1923, XII (1665—67)—1925.

нию, изобилуя бытовыми подробностями и драматическими моментами. Преобладает, конечно, рассказ и „реляция“ о различных происшествиях и мероприятиях, связанных с укреплением торговых отношений и выполнением заказов из Лондона. Жалобы на засилие голландцев постоянно пестрят на страницах этих увесистых томов. Трудно преувеличить значение этого материала для изучения повседневной практики „первоначального накопления“. Если английские агенты скромны в оценке собственного поведения, то они мало стесняются в выражениях, когда дело касается их конкурентов,—португальцев и голландцев. Очень многочисленны и ценны указания на об‘екты торговли и цены на товары, но, к сожалению, отсутствуют цифровые отчеты и счета, на которые временами делаются ссылки. Обе указанные серии взаимно дополняют друг друга и в своей совокупности являются в настоящее время основным материалом, еще ждущим своего изучения. Некоторым подспорьем при разработке его могут явиться описания путешествий в Ост-Индию в XVII в. Правда, они не составляют какой-либо новости для исследователей, но переиздание некоторых из них делает их более доступными и извлекает из незаслуженного забвения. Не останавливаясь на популярных перепечатках отдельных путешествий, отметим здесь недавно вышедший под редакцией В. Фостера — сборник ранних путешествий англичан в Индию [1]—с превосходными вводными очерками и примечаниями редактора. Сюда вошли путешествия периода от 1583 г. по 1619 (Ralf Fitch, Lohn Mildenhall, W. Hawkins, W. Finch, N. Withington, Thomas Coryat и E. Terry), переходного в истории европейской колониальной политики, и подробные рассказы первых разведчиков английского капитала прекрасно дополняют письма и донесения агентов ост-индской компании.

Параллельно опубликованию первоисточников, за последние десятилетия наблюдается усиленная разработка истории ост-индской компании. Мы имеем ряд попыток дать систематическое изложение этой истории в трудах Lyall'a [2], Hunter'a [3], A. Smith'a [4]. Из них обратим внимание на двухтомный труд Hunter'a, оборвавшийся за смертью автора на моменте слияния двух компаний в 1708 г. Эти два тома, охватывающие полностью XVII век, но с экскурсом и в ранний период европейского владычества в Индии, являются результатом многолетних изысканий автора, на основании преимущественно архивного материала, и по настоящую пору представляют наиболее ценный компендиум по фактической истории Британской Индии XVII в.

Особо следует отметить трехтомное исследование W. K. Scott [5], посвященное истории английских, шотландских и ирландских торговых компаний с общим капиталом. Можно с уверенностью сказать, что эта превосходная, богато документированная и тщательно сделанная работа в течение долгого времени будет иметь руководящее значение для истории европейского и, особенно, английского торгового капитализма XVII в. Автор дает не только исчерпывающую историю всех английских (включая сюда Шотландию и Ирландию) акционерных компаний с единым капиталом, но рассматривает их в тесной связи с социальными и политическими условиями эпохи. Эта методологическая особенность исследования Скотта придает его работе глубокий социологический интерес, быть может, вопреки намерениям самого автора, довольно осторожного в отношении широких обобщений. Чрезвычайно поучительно в этом отношении является первый том, посвященный общему развитию акционерных об‘единений. Перед читателем совершенно рельефно обрисовывается процесс концентрации торгового капитала—вплоть до того момента, когда он уже явно перерастает в капитал промышленный и создает основу для промышленного переворота. Заслуга автора заключается в том, что он тщательно и добросовестно, с большим остроумием и находчивостью установил факты, дал их систематическую сводку и развернул процесс развития крупно-капиталистических об‘единений на фоне общих условий этой эпохи. Однако, проделав эту поистине грандиозную работу,—автор не уловил и не понял до конца той зависимости между фактами, которая сама собою встает перед вдумчивым читателем его труда. О недостаточном понимании английским историком того, к каким выводам приводят им же сопоставляемые факты свидетельствует, напр., недооценка громадной роли навигационного акта, который рассматривается им лишь в связи с ближайшими его последствиями—и без всякого учета его подлинной роли в грандиозном столкновении двух

---

[1]) Earby Travels in India 1583—1619, ed. by W. Foster. Humphrey Milford. Oxford Univ. Press. 1921.

[2]) Lyall, A. The rise and expansion of the british dominion in India. 5 ed., corrected and enlarged with Maps. London. 1910 (первоначально вышло в 1894 г.).

[3]) Hunter, W. W. A History of British India. Longmans. London. Newimpression vol. I, 1919, vol. II, 1912. Первоначально вышел в 1899—1900 г.г.

[4]) Vincent A. Smith. The Offorel Standent's History of India. 1917.

[5]) Scott, W. K. The constitution and finance of english, scottish and irish joint-stock companies to 1720. Vol. I—III. 1910—1912. Cambridge: at the Univ. Press.

крупнейших капиталистических держав. Но в некоторых случаях и перед ним вставали проблемы, выходящие за пределы той сравнительно узкой задачи, какую он себе в действительности поставил. Таков, напр., вопрос о торговых кризисах XVII в., затронутый на последних страницах I тома. В самом деле, сделанная им сводка кризисов и под'емов в торговле и промышленности за период около 150 лет невольно настораживает внимание всякого, кто стремится уяснить себе закономерные черты в развитии торгового капитала.

Я сравнительно подробно остановился на труде Скотта потому, что на основании его исследования и благодаря удачному в методологическом отношении построению его, проблема об ост-индской компании XVII в. выдвигается, как одна из основных проблем в историографии торгового капитализма, взятого в целом. Изучать историю ост-индской торговли в XVII в. — это значит изучать характерные особенности процесса концентрации торгового капитала на примере наиболее крупного капиталистического об'единения эпохи. Этот вывод с несомненностью вытекает уже из первого тома, посвященного „общему развитию системы единого капитала", и находит себе полное подтверждение во втором томе, где автор уделяет ост-индской компании большую сцециальную главу (т. II, стр. 89—228).

Все затронутые выше вопросы общего порядка могли бы быть поставлены еще более четко, если бы явилась возможность положить в основу изучения развитие голландской ост-индской компании. В отношении последней эти вопросы, насколько мне известно, в такой именно плоскости никем не ставились, а между тем на истории голландского торгового капитализма закономерные черты эпохи в некоторых отношениях вскрываются очень ярко. Здесь особенно важно было бы изучить взаимоотношения между ост-индской компанией и Амстердамским банком и биржей, между торговым капиталом и денежным. Еще Эренберг подходил к этой задаче — в своей классической работе „Das Zeitalter des Fugger" и, между прочим, первый обратил внимание на давно забытый или вернее мало кому известный, благодаря своей ненаходимости, трактат о биржевой игре XVII в. Don Ioseph de la Vega, написанный по-испански и изданный в Амстердаме в 1688 г. Недавно он был издан в немецком переводе и хотя бы в таком виде стал доступным для изучения [1]). Он интересен не только сведениями о технике биржевой игры и любопытными бытовыми подробностями, но и указаниями на роль ост-индской компании в биржевых спекуляциях XVII в. Не менее тесной была связь между компанией и голландскими банками [2]), но подробно останавливаться на этом вопросе за недостатком места и за отсутствием под руками новейших голландских работ нет возможности.

Из специальной монографической литературы об английской ост-индской торговле наибольшего внимания заслуживает интересная работа на эту тему уже упомянутого выше профессора Аллагабадского университета Khan'a [3]). Автор ставит своей задачей — выяснить влияние ост-индской торговли на экономическую и государственную политику Англии XVII века, включая сюда и ее внешнюю политику. Опираясь на обширный опубликованный, а также архивный материалы и тщательно анализируя памфлеты, петиции и экономические трактаты XVII века, он развивает ряд положений, касающихся ост-индской торговли. Автор старается доказать, что неудачи английской компании в борьбе с голландским капиталом об'ясняются тем, что голландская компания находила себе всемерную поддержку государственной власти,—в то время, как первые Стюарты или недостаточно отстаивали интересы торговли, или же действовали вопреки этим интересам. Насущные интересы крупного торгового капитала подсказали экономистам теоретикам первой половины XVII в. основные положения меркантилизма. Во второй половине века, после долгого затяжного кризиса, дела компании стали поправляться, и она вступила в стадию блестя-

---

[1]) Трактат носит пространное название — „Confusion de confusiones, dialogos curiosos entra un Philosopho agndo, un Mercador discredo y un Accionista erudito, descrivento el negocvo de las acciones, su origen, su ethimologio, su realidad, su juego y su enredo" См. Ehrenberg, указ. соч. т. II, стр. 336—348, а также его статью в Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistic 3, Folge III под заглавием—„Die Amsterdamer Actienspekulation im 17 Jahrhundert".

Немецкий перевод издан в 1919 г. в Бреславле под заглавием — Don Ioseph de la Vega. Die Verwirrung der Verwirrungen. Vier Dialoge über die Börse im Amsterdam. Übers. u. eingeleitet von Pringsheim.

[2]) См. об этом Ernst Baasch. Holländische Wirtschaftsgescichte. Jena 1927 г., где использованы новые материалы по голландским банкам, изданные недавно van Dillen—под заглавием „Brronnen tot de geschiedenis der Wisselbanken" в 2 частях 's—Sraven hage 1925. Частично этот материал использован издателем в его статье—„Amsterdam als wereldmarkt det edele metallen in de 17-en 18 eeuw". De economist 1923. Во французском изложении эта статья помещена в Revue historique 1926.

[3]) Khan, S. A. The East India Trade in the XVII century in its Political and Fconomical aspects. Oxford Univ. Press. London. 1923.

щего расцвета,—и именно потому, настаивает автор, развитие торговли стало делом государственным. Но позиция ост-индской компании и ее защитников современных экономистов (Дэвенира, Чайльда и др.) существенным образом изменилась. Они с той же силой убеждения отстаивают принципы свободной торговли в противовес нападкам ярых противников монополистов. Khan не устает повторять, что государственные мероприятия, равно как и экономические теории, — не зарождаются самопроизвольно в мозгах правителей и писателей, они диктуются интересами торговли и промышленности. Вместе с тем он стремится доказать, что именно интересы ост-индской торговли определяли в ту или другую сторону государственную политику и теоретическую мысль Англии XVII в. Этот своеобразный экономизм автора только по внешности напоминает марксистскую постановку вопроса, но он чрезвычайно любопытен сам по себе. Во всяком случае материал, на который ссылается автор, дает возможность поставить вопрос и шире и глубже. Особенно интересна в этом отношении последняя глава, посвященная ост-индской торговле конца XVII в. (с 1680 по 1702). Выдержки из современных памфлетов дают картину резких столкновений между представителями торгового и промышленного капитала по поводу наплыва азиатских шелковых и хлопчатобумажных тканей и усиленного вывоза из страны благородного металла. Современная историография склонна слишком упрощенно рассматривать эту борьбу партий и мнений за или против свободной торговли. Еще Эшли высказал и отстаивал взгляд о торийском происхождении фритрэдерства конца XVIII в. и о воздействии экономического соперничества с Францией на меркантилистическую политику Англии того времени. Брентано в последнем своем труде, посвященном хозяйственному развитию Англии [1]), склонен поддерживать этот взгляд и отводит возражения новейшего автора по тому же вопросу Томаса, который в своей работе о меркантилизме и ост-индской торговле [2]), подобно Khan'у связывает развитие учения о свободной торговле с политикой ост-индской компании. Не имея возможности в данном месте подробно останавливаться на этой контраверзе, имеющей большое методологическое значение, укажу только, что экономика и классовые отношения в Англии после революции складывались гораздо сложней, чем это предполагают себе указанные выше авторы. Но Khan во всяком случае прав, когда он говорит в противовес Эшли, что „торийские фритрэдеры" не являются какими-то изолированными существами, извергающими свои теории без всякого учета конкретных интересов торговли, и что деление экономистов конца XVII в. на вигов и тори — сообразно тому, являются они защитниками или противниками свободной торговли, было бы по меньшей мере нелогично. Это, разумеется, справедливо, но и наш автор, нащупывая правильную постановку вопроса, недостаточно глубоко проникает в его существо, равно как и в других частях своей работы неоднократно сбивается на обычный шаблон, когда речь заходит о понимании связи между экономикой и социально-политическими отношениями. Ему не хватает правильного, последовательно проведенного учета классовых взаимоотношений в стране, а также того огромного сдвига в социальных отношениях, какой вызвала революция. Правда, эта сторона вопроса до сих пор остается наименее изученной, а между тем без освещения борьбы классов и столкновения интересов отдельных социальных групп всякая попытка уяснить экономическую политику Англии на грани двух эпох будет безрезультатной. За недостатком места нет возможности остановиться на других вопросах, затронутых в ценном исследовании Khan'a. Отмечу только, что в этой книге читатель найдет и богатый фактический материал по ост-индской торговле. На ряду с недавней работой Bal Krishna, специально посвященную коммерческим отношениям между Индией и Англией, это наиболее свежая по материалу работа и в этой области [3]).

Уже из этого краткого и неполного обзора можно вывести заключение, что в западно-европейской новейшей историографии наблюдается актуальный интерес к проблемам, вытекающим из внимательного изучения ост-индской торговли XVII в. Нечего и говорить о том, что для исследователя-марксиста в этой области непочатый край работы. Накопившийся за последние десятилетия материал не только дает

---

[1]) Lujo Brentano. Eine Geschichte der Wirtschaftlichen Entwiklung England. Bd. I—II. Jena. 1927. В этих томах изложение доведено до конца XVII в. Автор обещает в конце этого года выпустить и остальную часть своего труда, которая охватит XVIII и XIX в.в. По данному вопросу см. т. II, стр. 269, 369—375.

[2]) P. I. Thomas. Mercantilism and the East India Trade. London. 1926. Мне не удалось ознакомиться с этой работой; привожу ее по ссылкам Брентано. У Томаса имеется обзор литературы, посвященной этому спору.

[3]) Bal Krishna. Commercial Relations between India and England 1601—1757. London 1924. Не имея под руками этой работы, привожу ее на основании многочисленных ссылок на нее в указанном выше труде Брентано. Отмечу также другую работу Khan'a, специального характера—„Anglo—Portugnese Negotiations relating to Bombay 1660—1677".

возможность пополнить новыми штрихами картину „первоначального накопления", мастерски набросанную Марксом, он неизбежно наталкивает нас на новые проблемы, разрешение которых не может не привести к более основательному и глубокому пониманию эпохи господства торгового капитала.

А. Кудрявцев.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Сборник статей, вып. I, памяти Александра Николаевича Савина, изд. I М. Г. У. и Ранион. М. 1926 и Институт Истории. Ученые записки. Том II. Москва. 1927.).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Рецензируемые сборники содержат целый ряд статей, посвященных, главным образом, проблемам и экономической и социальной истории древности, западно-европейского средневековья, новой и русской истории.

Задачей настоящей рецензии является рассмотрение статей, посвященных проблемам всеобщей истории.

Каждая статья представляет из себя небольшое тщательно проведенное исследование, использующее большое количество источников. Несомненным достоинством большинства статей является обилие новых, до сих пор неопубликованных, источников, крайняя тщательность в обработке документального материала, большая эрудиция авторов, использовавших максимальное количество существующей в наличии литературы по изученному ими вопросу. При всех перечисленных достоинствах этих сборников в них неприятно поражает общее большинству из них отсутствие определенной концепции, а также попадающиеся тут и там давно сданные в архив принципы, как „наука для науки, искусство для искусства".

Переходя к обзору отдельных статей, следует прежде всего остановиться на первой части первого сборника „Трудов Института". Здесь помещены статьи, посвященные памяти скончавшегося московского историка Запада Александра Николаевича Савина. В ряде статей Лавровского, Петрушевского, Косминского, Сказкина дается биографический очерк А. Н. Савина, список его трудов, характеристики его научной и педагогической деятельности. Перед читателем встает образ ученого крупнейших знаний и исключительной скромности. При всем углублении в историческую эмпирию, Савин, тем не менее, мыслил социологически. „Мне было бы больно", писал Савин, „если бы компетентные критики упрекнули бы меня в отсутствии общих точек зрения".

К сожалению, Петрушевский в статье „Памяти А. Н. Савина" пользуется для характеристики его такими общими и устарелыми положениями, как „наука для науки, искусство для искусства". „А. Н.,—читаем мы в этой статье,—был представителем чистой науки, не ставивший себе никакой прикладной цели. Вся его научная личность определяет его совершенную научную об'ективность. Наука для науки, как искусство для искусства. Только в такой обстановке они могут быть настоящей наукой и настоящим искусством, создавать настоящие культурные ценности. А. Н. был творцом таких культурных ценностей" (стр. 18). Все это в лучшем случае звучит общей фразой и уничтожает яркость того образа, который автор стремится обрисовать.

Обращаясь к статьям по древней истории, следует отметить указанное уже нами отсутствие общей концепции. Мы имеем ввиду две статьи Пригоровского „К истории возникновения утопии Эвгемера" (Первый выпуск трудов Института), а также статью „Из истории эллинистической религиозной литературы "(II том). Первая статья дает экскурс в области религиозно-политической литературы эллинистического Египта. Подробно останавливаясь на разборе религиозно-философских воззрений Эвгемера („Священная хроника"), автор высказывает предположение, что эти воззрения возникли на почве своеобразного государственного строя эллинистического Египта. И в самом деле, тот строй государственного социализма, который господствовал в эллинистическом Египте, только он и мог создать идеологию Эвгемеровской „хроники". „Социализм" Эвгемера является идеализацией государственного устройства эллинистического Египта. У автора были все данные для того, чтобы сказать: „Самое естественное предположить, что последнее было причиной первого, т.-е. египетская государственность оказала влияние на творчество Эвгемера". Но автор не останавливается на этом естественном, казалось бы, выводе. „Но не вполне исключена возможность и обратного отношения",—пишет далее автор,—„своеобразное устройство Египта есть практический результат творческой деятельности людей того направления, о котором мы знакомимся по работе Эвгемера" (стр. 181). Последняя фраза вызывает полное недоумение: что за всесильная группа людей, теоретические взгляды которых создали не только государство, но также и хозяйство данной эпохи (ибо, как утверждает сам автор, своеобразными чертами характери-

зуются не только государство, но также и хозяйство Египта). Нужно было, по меньшей мере, охарактеризовать эту группу, да и вообще вряд ли возможно, чтобы теоретические взгляды людей оказывали такое всесильное влияние на организацию хозяйства и политического строя. Очевидно, правильным является первое предположение автора, на котором ему и следовало бы остановиться, не делая никаких новых чисто идеалистических построений. Тому же автору принадлежит и другая статья по истории эллинистического Египта, также относящаяся к проблеме идейных течений. Мы имеем ввиду статью из истории эллинистической религиозной литературы (Пригоровский. Ученые записки. Т. II). Статья является попыткой установить влияние египетской литературы на еврейскую. Это влияние прослеживается на основе сопоставления еврейских литературных памятников с тремя египетскими: „Апология Гончара", „Демотическая хроника", „Поучение Амен-ем-опе". В итоге автор приходит к выводу, что влияние египетской литературы на еврейскую обнаруживается совершенно явственно, при чем „в первом случае („Апология Гончара")—эта связь наметилась лишь как возможная; во втором („Демотическая Хроника")—как вероятная; наконец, в третьем („Поучение Амен-ем-опе")—как абсолютно достоверная" (стр. 73).

Все эти выводы установлены на чрезвычайно детальном анализе основных памятников. Но проблема заимствования, как отмечает и сам автор, является одной из сложнейших проблем, „сходство конструкций и содержание двух книг, возникших на близком промежутке времени, еще не означает воздействия одной на другую, раз нет точных доказательств, что вообще существовало прямое литературное воздействие Египта на Израиль". Последнее же может считаться доказанным только по отношению к поучению „Амен-ем-опе", сходство которых с притчами Соломона действительно поразительно. Литературная зависимость в отношении других памятников не может считаться доказанной. В последнем случае особенно было бы важно подчеркнуть все возможные пути заимствования и проследить обстановку, в которой это заимствование могло произойти. На этот вопрос автор не только не отвечает, но этот вопрос им даже не поставлен. Ответом на вопрос не может считаться беглое замечание автора, что апокалиптика возникла в Иудее в совершенно одинаковой политической обстановке с Египтом (Период отчаянной борьбы египтян и иудеев против чуждой национальности, против чуждой культуры эллинизма). Нужно показать, кто был борцом за национальную культуру, в какой социальной среде возникли сравниваемые памятники литературы; нельзя ли общность настроений определить общностью социальной среды. Вопрос о социальных корнях этих памятников в высшей степени важен для определения характера памятника, для установления его общественно-политического значения, а также для освещения самой проблемы заимствования. Источники могут на эти вопросы не ответить, но автор и не пред'являет к источникам этих вопросов. Центр тяжести исследования лежит в тщательном и тонком текстуальном анализе сравниваемых источников, без всякой попытки осветить целый ряд вопросов, невольно напрашивающихся при изучении всякого литературного документа.

Более или менее свободными от таких недостатков являются отделы, посвященные проблемам средневековой истории. История средневековья представлена рядом весьма ценных статей, посвященных проблемам аграрной истории. Необходимо отметить статью Косминского „Очерки по аграрному строю Англии в средние века" (Труды Института, I выпуск), которая посвящена пересмотру мэнориальной теории на основании данных сотенных свитков 1279—80 гг. Мэнориальная система по сотенным свиткам не имеет того обще-обязательного характера, каковым он является в поместных описях. Мэнор здесь теряет отчетливость очертаний, распыляется, расплывается. Отчетливее выступают различные системы деревень и держаний. Сотенные свитки рисуют аграрные отношения Англии во всем их конкретном разнообразии, сам вотчинный строй получает более сложную организацию, чем это устанавливали поместные описи. Таким образом, источник позволяет подвергнуть анализу основные вопросы мэнориального строя: вотчинную структуру, отношение вотчины к вилле, соотношение крепостного и свободного держания, рабочих повинностей и денежных платежей. „Изучение сотенных свитков дает возможность определить удельный вес мэнориальной системы в истории английской деревни и мэнориальной теории в историографии этой деревни", говорит в итоге своей статьи автор. Аграрному строю древней Германии посвящена статья Неусыхина „Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев" (Ученые Записки, II том). Эта статья так же, как и статья Косминского, ставит задачу пересмотра старых теорий и освещения по новому ряда вопросов, касающихся хозяйственного быта древних германцев. Автор очень удачно согласует интерпретацию текстов античных писателей с новыми данными, добытыми археологией, сравнительным языковедением и отчасти этнологией. Только что упомянутые дисциплины не только дополняют, но и по новому освещают эти тексты античных писателей. Для того, чтобы опровергнуть многочисленные устарелые теории необходимо было прибегнуть именно к тому методу, которым пользуется автор статьи, т.-е. привлечь данные археологии и сравнительного языковедения, а также прибегнуть к методу той детальной критики источников, которые имеются в

статье. В итоге в противовес „номадной теории“ и теории Гиндебранда о „кочевом земледелии“, автор статьи устанавливает, что германцы были оседлым земледельческим народом, что хозяйство германцев было комбинацией земледелия и скотоводства. Земледелие играло большую роль, чем скотоводство, являясь далеко не примитивным, „мотыжным“ земледелием, но земледелием типа Ackerbau с применением плуга и эксплоатацией рабочей силы скота в сельско-хозяйственных целях.

Аграрному строю франкской монархии каролингской эпохи посвящена статья Грацианского „Traditiones каролингской эпохи в освещении Допша“ (Труды Института, вып. I). Тесно связывая постановку проблемы с критикой Допшевского трактования роли traditiones (дарение прекарии) для церковного землевладения, автор статьи устанавливает наличие крупно-церковного землевладения в эпоху каролингов. Обычная практика прекарных дарений вела не к расстройству церковного землевладения, как это утверждает Допш, а, наоборот, к укреплению и расширению церковного хозяйства. „Дарение прекарии, во-первых, знаменовало не только отторжение (временное) церковных земель, но и постоянное возвращение их церкви; во-вторых, играли огромную роль в церковном хозяйстве, принося арендную плату или непосредственное участие в сельско-хозяйственных службах... в-третьих, являлись могучим орудием колонизации, а следовательно, в конечном итоге, средством завоевания для церкви новых культурных земель, новых источников прямой или непрямой эксплоатации“ (стр. 229).

Новая история представлена в сборнике статьями по экономической истории Франции и Англии XVI — XVIII веков. Интересная статья Стоклицкой-Терешкович „Страница из истории торговой компании Merchant Adventurers“ дает историю социальной дифференциации английского купечества в начале XVII века. Автор прослеживает историю торговой компании Merchant Adventurers, при чем главный интерес очерка в том, что вся проблема заострена на вопросе социальных изменений, происходящих внутри компании под натиском торгового капитала. Все исследование проведено на анализе статутов компании. Разновременность составления статутов позволила автору установить различные моменты социальной истории компании. В эпоху средневековья компанию купцов-авантюристов устанавливает препятствие к созданию чрезмерного неравенства в пределах торгового общества. Оно устанавливает „стинт“, т.-е. определяет, какое количество товаров каждый торгующий в праве вывести в один прием или в течение года, устанавливает ученичество. Такие преграды неравенству, как „стинт“ и ученичество, могли рассчитывать на успех в приблизительно однородной социальной среде. „Такой, вероятно, и являлась среда первоначальных основателей и членов компании Merchant Adventurers“, говорит автор. Но с течением времени ее социальная структура меняется. В результате сложных процессов появляются купцы богатые, среднего достатка и мало имущие. В недрах общества развивается борьба. Каждый слой стремится отстоять свои интересы и истолковать законы соответственно своим желаниям. Пусть внешний остов статутарного законодательства, пишет автор, остается без изменения, тот же „стинт“, та же регламентация ученичества. Но в действительности старые формы уж не соответствуют более фактическим отношениям внутри компании. Элементы, обладающие капиталами, подчинили неимущую часть купечества и сумели приспособить законы компании к своим нуждам.

Предреволюционной Франции посвящена статья Сказкина „Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани и северо-восточной Франции накануне Великой революции“ (Сборник статей, вып. I). Наказы дают обильный материал для определения сущности и характера феодальной реакции конца XVIII века. Феодальная реакция, по мнению автора статьи, была обострением процессов перестройки хозяйственных отношений, разрывом связей, соединявших хозяйство сеньора и его держателей. Крупную роль в этом процессе играла буржуазия, носительница новых хозяйственных тенденций. Это появление капиталов и новых общественных слоев деревни сказалось не столько в изменении существовавших форм хозяйства, сколько в усилении капиталистической эксплоатации сеньориальных прав. Такое разрешение проблемы, какое мы встречаем у автора, интересно и само по себе, важно еще и потому, что является ключом к пониманию некоторых важных моментов начального периода революции, например, враждебного отношения буржуазии к отмене феодальных прав.

Интересная статья Попова-Ленского „Интернационализм экономической школы“ подвергает философскому и экономическому анализу учение физиократов. Автор рассматривает физиократов как предшественников Маркса не только потому, что в их учении есть предвосхищение идеи классовой борьбы, но также и потому, что они в своей теории дали гениальное предвосхищение экономических основ интернационального классового об'единения. Последнее обстоятельство позволяет автору говорить об интернационализме физиократов.

Нам остается рассмотреть две статьи: статью Лавровского „Проблема исчезновения крестьянства в Англии“ (Труды Института, I вып.) и статью Фортунатова

„Закон 29-го фримера II года" (Ученые Записки, II том). Статья Лавровского ставит себе прямую задачу проверить правильность нарисованной Марксом картины исчезновения к концу XVIII века мелкого крестьянства и о роли в этом процессе огораживания. Статья ставит себе также задачу подвести итоги научной работы ряда исследователей по этому вопросу, перенеся весь центр тяжести в изучение местных вариаций процесса исчезновения мелкого крестьянства. В итоге получаются выводы, которые расходятся с выводами Маркса. Автор отмечает, что на основании опи аний графств Англии конца XVIII и начала XIX века говорить об исчезновении крестьянства к половине или к концу XVIII века нельзя. Автор считает, что значительное сокращение произошло в XVII веке, но и последнее положение кажется ему не вполне доказанным. Таким образом, выводы автора противоположны выводам Маркса. Но сам автор в дальнейшем делает целый ряд оговорок, которые в значительной степени уничтожают только что сделанный вывод и подтверждают в целом правильность положений Маркса. Оказывается, что изучение английской деревни конца XVI I и начала XIX века только „в полной мере" не может привести к решению проблемы обезземеления английского крестьянства, но все же имеет интерес в том отношении, что в „эти десятилетия не омненно складывался окончательно тип современной английской деревни" (стр. 320), т.-е. то, что и говорил Маркс, когда он в третьем томе „Капита а" рассматривал пролетаризацию крестьянства, как неизбежный закономерный результат развития капиталистических отношений. Кроме того, автор рецензируемой статьи подтверждает выводы Маркса относительно роли огораживания. „Это движение,—говорит автор,—произвело огромную перемену в английской деревне в смысле разрушения старого уклада и ее жизни и развития новых форм. Остается неоспоримым и стремительное развитие парламентских огораживаний, именно в эпоху войны с Францией (1793 и 1815) на 22 года приходится почти половина всех огораживаний, что уже само по ебе говорит об огромности происшедшей во время войны с Францией перемены. Таким образом, несмотря на некоторые ограничения выводов Маркса, сам автор в конце концов принимает основные положения Маркса в этом вопросе.

Статья Фортунатова „Закон 29-го фримера II года" ставит задачей рассмотрение органического закона о народном образовании, декретированного Национальным Конвентом по докладу Габриэля Букье 29-го фримера II года. Краткое содержание статьи таково: автор передает историю проведения закона 29-го фримера, по которому государство должно обеспечить нацию учителями элементарной грамоты и небольшим числом специалистов-техников. Только эти два разряда деятелей просвещения оплачиваются государством, все остальное предоставляется свободной инициативе граждан, имеющих право учить кого угодно и чему угодно. Такую постановку проблемы автор декрета обосновывает образующей силой революционного процесса. Революционный пґоцесс, как таковой, является лучшей школой, и государству остается добавить лишь ое-что немногое, что делается само собой в процессе ежедневного революционного строительства. Автор статьи излагает содержание ряда проектов, предшествовавших проекту Букье, подробно рассматривает сам проект и практику его применения. Когда мы имеем дело с законодательным постановлением эпохи Великой Французской Революции, то нас в пе вую очередь интересует, какова классовая основа этого закона, чьи интересы он защищает, а в дальнейшем уже практика его применения. Надо отметить, что автор и стал на эту точку зрения. Автор отмечает, что закон Букье защищается, главным образом, элементами мелкобуржуазной интеллигенции, представителями художественной богемы. Но надо сказать, что социальные основы самого проекта и классовый смысл тех возражений, которые встретил п оект,—все это недостато но последовательно проведено у автора рассматриваемой статьи. Так, вряд ли можно согласиться с автором, что в области вопросов образования шла борьба „не столько между определенными группами с ясно выявленной позицией, сколько между мыслями, которые иногда сталкивались между собой в головах одних и тех же лиц". И в вопросе образования столкнулись две основные борющиеся группы: жирондисты и монтаньяры, и каждая группа выставила свой план образования. План Кондорсе, как нельзя более, соответствовал интересам деловой буржуазии. Он был проникнут либерализмом и перенес центр тяжести не на революционное воспитание, а на образование. Законопроект Лепелетье соответствовал политической позиции монтаньяров. Проект требовал революционного республиканского воспитания и стремился к полному и обязательному перевоспитанию масс. Отдельные отклонения могли быть, т.-е. отдельные положения жирондистского проекта могли встретить возражения среди жирондистов, но борьба этих двух направлений остается, и борьба, совпадающая с общими политическими группировками. Вряд ли эту борьбу можно назвать борьбой „мыслей, сталкивавшихся в головах одних и тех же лиц".

Проект Букье, исходивший от дантонистов, счастливо сочетавший идею революционного перевоспитания с не оторыми идеями либерализма, а главное, поразивший своей дешевизной, удовлетворил большую часть мелкой буржуазии, был приня т

и проведен в жизнь. Наличие борьбы различных группировок на почве вопросов образования налицо. В итоге можно сказать, что мнение автора о социальной основе закона остался вис щим в воздухе и недостаточно связанным с остальным содержанием статьи, поскольку вся борьба реорганизации народного образования свелась к борьбе отдельных мнений, а не различных политических группировок.

Нам остается подвести итоги всему обзору сборника в целом. В заключение следует отметить, что при всей необходимости таких сборников, при всей научной ценности помещенных в них статей, они отличаются целым р дом недостатков, изложенных вначале, а именно: наличием научно реакционных принципов, отсутствием концепции и слабостью социологического анализа.

Л. М.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Обзор статей по русской истории.

Статьи по русской истории в двух первых томах, трудов Ин-та Истории являют собой несомненное единство исследовательского стиля. Это главным образом небольшие этюды культурно-бытового или биографического характера, основанные на изучении более или менее изолированной группы архивного материала, часто приближающиеся к типу комментированной публикации документов. Авторы избегают ставить на разрешение спорные вопросы русской истории или давать принципиально новое освещение ранее известных фактов. Напрасно также искать в сборниках каких-либо обобщений, способных заинтересовать широкую читающую публику. Но для специалистов обе книги дают достаточно много иллюстративного материала и фактических справок, дополняющих и исправляющих традиционные представления о некоторых более или менее частных вопросах русской истории.

Не лишено характерности самое распределение статей по эпохам, еще более отдаляющее содержание сборников от интересов широкого читателя: к XIX в. (дореформенному периоду) относятся лишь 2 статьи, к XVII — целых 5. Таким образом вместе с одной статьей о «Русской Правде» на долю так наз. допетровской Руси падает ¾ всего материала, а на новейшую русскую историю—лишь ¼.

Богаче всего представлен в сборниках XVII век. Две ярко написанные статьи М. М. Богословского и В. К. Никольского сообщают новые биографические подробности о Петре I и протопопе Аввакуме. Первый очерк представляет собой отрывок из многотомного труда, посвященного царствованию Петра I, и в полной мере характеризует мастерство автора, умеющего облечь кропотливое, почти мелочное исследование о днях путешествия Петра в Англию в яркую и увлекательную форму. В этом своеобразном «дневнике» разбросаны любопытные мелочи о встречах Петра с выдающимися англичанами, посещениях им парламента, заводов, верфей и пр. Но автор не скрывает, что «варварская» натура царя сильнее всего реагировала на самые примитивные впечатления, начиная от ошеломившего его зрелища морских маневров и кончая «великой женщиной», у которой Петр не наклоняясь «под руку прошел». Все остальное в лучшем случае составило лишь «смутный и неясный фон» для единственого незабываемо-яркого образа—трехпалубного английского корабля.

Статья об Аввакуме вносит некоторые поправки в хронологию жизни протопопа и, что гораздо интереснее, делает удачную попытку рассматривать его «многогранную личность... не статически, а динамически, в процессе развития». При этом с точки зрения автора Аввакум в первой сибирской ссылке еще не был старообрядцем, а оставался таким же «боголюбцем-новатором», каким в свое время были и др. члены кружка ст. Вонифатьева, в том числе и будущий патриарх Никон. «Духовное перерождение» протопопа совершилось лишь под влиянием новых и жесточайших гонений со стороны Никона, «этого чудовища, рожденного боголюбцами и пожравшего своих отцов».

Две статьи С. В. Бахрушина: «Выводы тобольского разряда в XVII в» и «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае» свежими красками рисуют военно-административный быт Сибири XVII в. и прощупывают основной жизненный нерв этой Московской колонии — деятельность торгового капитала метрополии. Любопытны фигуры «тобольских сатрапов», наделенных обширными полномочиями по отношению к др. сибирским властям, смирявших строптивых воевод „manu militari", вообще сидевших на своем воеводстве скорее какими-то феодальными князьками, чем московскими чиновниками. Эти фигуры самовластных, энергичных, ни с чем и ни с кем не считающихся, правителей Сибири очень характерны для бытовых условий полупокоренной колонии. Надменные и «наглые» со своими товарищами сибирские воеводы были, однако, ласковы и предупредительны к

представителям торгового капитала. За взятки камками и атласными портищами они оказывали им широкую протекцию и наделяли привилегиями «в стиле старых жалованных грамот». И не удивительно: высшая сибирская администрация была по уши в долгу у крупных московских гостей и, как правило, не спешила расплачиваться со своими кредиторами. Купцы были снисходительны к чиновным неплательщикам, но зато заставляли последних считаться с их коммерческими интересами. Другой мощный насос, выкачивавший из Сибири ее природные богатства, изображен в 1-м очерке в виде аппарата власти и разительных воевод-прибыльщиков, соблюдавших самые грошовые прибыли казны не хуже любого приказчика мелочной лавки. В статье о госте Никитине можно найти ценные сведения о путях накопления торгового капитала (история торгов. дома Никитина, сращение торгов. и ростовщического капиталов) об организации коммерческих предприятий в XVII в. (торгов. агентура и «клиентелла», доверенные, размеры оборотов и капитала и пр.), об экспедициях в Китай и пр. Оговорим свое несогласие с пессимистическим выводом автора о гибельной политике представителей местной власти, будто бы препятствовавшей деятельности московских капиталистов. Все предыдущее мало вяжется с этим заключением. Замечание С. В. Бахрушина о мелочном, «коробейном» характере торговли конца XVII в. (90-х годов) следует, конечно, ограничить областью непосредственных наблюдений автора, т.-е. Сибирью. Крупная внутренняя и особенно внешняя торговля метрополии давно выросла из этих рамок.

А. А. Новосельский в очерке: «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Москов. гос-ве втор. половины XVII в.» публикует любопытные челобитья дворян о сыске крепостных крестьян и холопов. Автор совершенно справедливо различает две эпохи в дворянских претензиях на беглых людей и рубежом между ними считает Уложение 1649 г. и отмену «урочных лет». С 50-х годов служилые люди настаивают лишь на реализации ранее добытых ими прав, при чем заодно с городовыми выступают и высшие столичные чины, ранее державшиеся в стороне. Это справедливо об'ясняется некоторым сглаживанием границ между различными категориями служилого класса. Из других замечаний автора отметим след.: 1) политически наиболее активными были верхи местных дворянских обществ — «правящее меньшинство» из «лучших» родов — и тесно связанные с ними низы столичного дворянства, то же явление историку приходится наблюдать и в моменты острых политических столкновений вроде так наз. «смутного времени»; 2) «отдаточные» книги дают статистику передвижения беглых людей и определяют направление этого своеобразного «колонизационного потока»; 3) движение беглых масс в некоторых районах легко превращалось в состояние длительной гражданской войны, разорявшей имущие классы; 4) сыск беглых, в частности самый выбор и назначение сыщиков, вызывали острые столкновения между помещиками разных областей, т. к. интересы ищущих и обыскиваемых были, разумеется, противоречивы.

Статья М. М. Богословского «Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах» рисует как колебания центрального правительства в некоторых принципиальных вопросах местного городского самоуправления, так и пестроту отношения разных городов к этой реформе. Пока введение новых учреждений ставилось в зависимость от согласия населения на удвоение существующих налогов, до тех пор реформа была непопулярна. Вряд ли следует видеть в нерешительности населения, колебавшегося в выборе между самоуправлением и воеводской администрацией, хотя бы частичное свидетельство привязанности народа к воеводам, как это делает автор.

Переходя к 19-му веку, мы находим в 1-м томе статью Е. А. Мороховца «Крестьянское движение в Поволжьи в 1839 г.». Статья, написанная специалистом в области истории крестьянских движений, содержит свежий и колоритный материал, характеризующий чудовищное напряжение барщины в предреформенном Поволжьи, значительный рост эксплоатации удельных и казенных крестьян, стихийное возмущение масс и кровавое подавление «беспорядков». Характерной особенностью движения 1839 г. были обширные пожары, послужившие ближайшим поводом к крестьянскому бунту. Крестьяне приписывали пожары поджогам со стороны помещиков, чиновников и кулаков, а власти пытались свалить вину на местных евреев и поляков. В этом направлении были достигнуты известные успехи, так как от арестованных добились (неведомо, какими приемами допроса) необходимых «признаний» в составлении «удобозагораемого состава», подготовке государственной измены и т. п.

Самая крупная по размерам статья сборников посвящена известному «Журналу землевладельцев» (1858—60 гг.), органу, занимавшему крайне правый фланг в журналистике эпохи крестьянской реформы. Автор статьи Н. М. Дружинин для оценки исторического значения журнала исходит из того справедливого положения, что именно «Ж. З.» являлся в свое время подлинной трибуной дворянского

общественного мнения и наиболее полно освещал все разнообразие групповых интересов внутри землевладельческого класса. Бесспорно, что предложенная в статье систематическая сводка многочисленных дворянских корреспонденций, поступавших из разных уголков русской провинции, может служить полезным пособием для тех, кто изучает отношение дореформенных помещиков к различным проблемам так наз. «крестьянского вопроса». Однако способ обработки этого материала и общие выводы автора не могут не вызвать возражений.

Прежде всего, вряд ли можно считать оправданными апологетическую тенденцию статьи, стремление во что бы то ни стало доказать, что либеральная и радикальная публицистика 50-х годов была несправедлива к журналу Желтухина, считая его органом крепостников. Попытка «реабилитации» самого Желтухина приводит к изумительным результатам. Этот «искренний» эмансипатор оказывается по словам самого автора в «привычном блоке с Позеном, Апраксиным и Булыгиным», а позже — в близких отношениях с кн. П. П. Гагариным, который, «опираясь на его (Желтухина—**А. Ш.**) знания и опыт (!) искусно тормозил прохождение проекта (главн. комитета—**А. Ш.**) в высших законодательных инстанциях, внося ряд ограничивающих и искажающих, (!) поправок». «Мудрый» лозунг Желтухина: «медленно, осторожно спешить» с реформой прекрасно гармонирует с его требованием увековечения вотчинной юрисдикции (с. 472) «частичного сохранения барщины и оставления земли в обладании помещика» (с. 473). Все это по мнению Н. М. Дружинина создало «миф (!) о его «крепостничестве» (ковычки автора). Очевидно, Дружинин как-то уж слишком узко понимает термим «крепостник», раз под это понятие не подходят такие зубры, как Позен, Гагарин или их общий друг Желтухин. Нам кажется, что Чичерин и Герцен были все же более правы, когда, не считаясь с формальными тонкостями, заклеймили этого почтенного стража «национальных устоев» (стр. 473) именем крепостника. Не следует забывать, что «цензура» прогрессивного общественного мнения (о которой, как это ни странно, автор отзывается тоном явного осуждения, см. стр. 482) заставляла многих крепостников маскировать свои взгляды. Поэтому-то так много среди сотрудников «Ж. З.» «друзей освобождения», стремившихся свести неизбежную реформу к продолжительному топтанию на месте. Правда, «Ж. З.» служил трибуной для самых разнообразных оттенков дворянской мысли, но при оценке его направления все-же приходится учитывать, что открытые крепостники могли публично нападать на «говорунов» и «благовоспитанных прогрессистов» только благодаря существованию этого органа.

Основной вывод рецензируемой статьи вызывает еще большее недоумение. Автор утверждает, что при «различии мотивов» «практические выводы» касательно реформы у помещиков черноземной и промышленной полос «совершенно совпадали», и «великорусский центр» выступал накануне реформы «как некоторое экономич. единство». Немного дальше автор, забывая о «различии мотивов», прямо говорит, что «из одних и тех же предпосылок» все эти помещики «приходили к одним и тем же конечным выводам». Конечно, если бы эти положения подтвердились, то не только «исторической литературе» пришлось бы коренным образом пересмотреть свои основные характеристики, но и марксистской методологии был бы нанесен чувствительный ущерб. В самом деле, два столь противоположных типа хозяйства, как оброчное и барщинное, потребительское и предпринимательское, покупающее сельско-хозяйственные продукты и их производящее, кустарно-отхожее и земледельческое порождают, оказывается, «по всем кардинальным вопросам» совершенно тождественные «идеи», взгляды» и «аргументацию». Однако при ближайшем рассмотрении эти весьма ответственные заключения автора оказываются лишь плодом особых приемов анализа, применяемого им к своему прихотливо-разнообразному материалу. В результате искусственного отбора элементов тождества и отсечения всего «второстепенного» и «случайного», т.-е. не подходящего под заранее составленную схему, местные и групповые особенности совершенно стираются. Остальное довершает «статистика», определяющая степень популярности той или иной идеи в дворянских кругах подсчетом журнальных статей за и против (добавим: с точностью до 12%, см. стр. 261 во 2-м томе). Сами корреспонденты «Ж. З.» подсказывают, напр., Н. М. Дружинину, что выкуп в промысловых и земледельческих владениях с точки зрения помещиков должен быть произведен «на разных основаниях» (с 265, ibid) с уступкой крестьянам в первом случае в с е й земли, а во втором — минимального «к о ш а ч ь е г о н а д е л а». Но по приемам своей «статистики» или по невниманию к «мелочам» автор продолжает отрицать все местные различия в дворянских проектах «освобождения». Предвзятые идеи и тенденции не мало повредили работе Н. М. Дружинина и в частности очень неблагоприятно сказались на его попытках дать классовый анализ литературного содержания «Ж. З.».

Последняя статья 2-го тома, принадлежащая перу проф. Филиппова, является подробным критическим обзором «иностранных отзывов о Русской Правде и ее

комментаторах», появившихся в европейской печати после опубликования известной книги Гетца и в ответ на критическую оценку этой книги в России.

Заканчивая этот беглый обзор содержания двух первых выпусков «Трудов Ин-та Истории», мы хотели-бы предупредить возможное недоумение читателя: в обзоре нет критики авторов статей с точки зрения применяемых ими методов исследования, значит ли это, что с методологической стороны сборники могут вполне удовлетворить критика-марксиста? Совсем напротив. Общие идеи, исторические схемы и концепции большинства из рецензируемых авторов, если только они раскрываются в описательных по преимуществу статьях «Ученых записок», оказываются, так сказать, несоизмеримыми с принципами марксистской методологии. Критиковать их с точки зрения последней значит критиковать идеалистическую концепцию русской истории.

Если оценивать сборники Ин-та Истории с точки зрения того, что в них есть, то следует признать материал, собранный в них, достаточно богатым. Но при этом приходится отметить, что трактовка этого материала часто сплошь описательная; боязнь сколько-нибудь широких выводов обесцвечивает большую часть статей. Ценные осколки русского прошлого, собранные авторами «Уч. записок», будучи вправлены в оправу марксистской исторической схемы, не только получили бы новый блеск и яркость, но и приобрели бы то внутреннее единство, которого им явно недостает. Показательным примером этой фрагментарности и пестроты сборников могут служить две упомянутых выше статьи одного и того же автора (С. В. Бахрушина), трактующие весьма близкие друг другу темы в полной и как бы нарочитой взаимной изоляции.

Если же судить рецензируемые книги с точки зрения того, чего в них нет, то прежде всего нельзя не высказать удивления по поводу совершенно исключительного внимания, уделяемого редакцией сборников второй половине XVIII века. Отношение 5 : 3 ни в какой мере не соответствует действительному удельному весу этого небольшого этапа в русском историческом развитии. На ряду с научным освещением других периодов русской истории (особенно более близких нам веков) хотелось бы в дальнейших выпусках встретиться с разработкой более актуальных и спорных проблем, которых не мало поставлено в последнее время перед русской наукой. Для разрешения этих вопросов труды Института Истории могли бы дать очень много, принимая во внимание крупнейшие силы, сосредоточенные в этом научном учреждении.

А. Ш.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников (Центроархив). Том III, к печати приготовил А. А. Покровский.— М.-Л. ГИЗ, 1927. 5+448 стр. Тираж 3.000 экз., цена 6 руб.

То же, том IV, к печати приготовил Б. Е. Сыроечковский.—М.-Л. ГИЗ. 1927. XI+488 стр. Тираж 2.000 экз., цена 6 руб.

То же, том V, подготовлен к печати Н. П. Чулковым. — Лгр. ГИЗ. 1926. 495 стр. Тираж 2.000 экз., цена 6 руб.

Рецензируемые томы «Восстания декабристов» вышли в последовательности: V, IV, III. Монументальное издание, предпринятое Центрархивом, приближается к концу. До сих пор вышли I — V и VIII томы (всех томов предполагается восемь). Остались, следовательно, еще неизданными лишь два тома—VI, посвященный делам о восстании Черниговского полка, и VII, содержащий «Русскую Правду» П. И. Пестеля.

Значение этого издания, предпринятого Центрархивом, огромно. Оно — первый крупный и серьезный шаг к правильной постановке изучения декабризма в целом. О важности и своевременности этого изучения не приходится и говорить: проблема русской буржуазной революции первой главой имеет декабристов. Поэтому, например, полное, всестороннее изучение проблемы буржуазной революции 1905 года без этого введения невозможно. Но всякий историк, пользующийся изданием материалов по восстанию декабристов, должен твердо помнить, что изданы тут не все материалы и не все главные материалы. Очень жаль, что Центрархив не предпослал изданию сообщения об его плане и не издал описи всех дел декабристов. Знакомый с описью знает, что все дела

следственной комиссии и верховного уголовного суда распадаются на ряд отделов; важнейших из них три: дела Северного общества декабристов, дела Южного общества и дела Общества соединенных славян. Изданные Центрархивом дела взяты именно из этих отделов, но ни один из них не исчерпан полностью. Кроме того, отметим, что многие дела членов всех трех обществ были сочтены маловажными и не вошли в указанные основные отделы описи. Между тем в этих «маловажных» делах разных лиц есть часто дела первостепенной важности. Все это заставляет исследователя надеяться, что Центрархив добавит к задуманному плану еще девятый том, в котором поместит составленную Павловым-Сильванским опись дел декабристов, кстати очень небольшую по об'ему. Это чрезвычайно облегчит работу исследователя. Все издание (к сожалению, за исключением VIII тома, т. н. «Алфавита» декабристов) выдержано в строгом соответствии с подлинником, сохранена орфография, воспроизведены пометки на полях и т. д. Таким образом мы имеем, наконец, научное, проверенное издание текста, которому можно безусловно доверять.

Резензируемые томы едва ли не самые интересные во всем издании. Начнем с III-го тома. Он содержит следственные дела декабристов членов Северного общества: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. фон-Визина, кн. Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова и Д. И. Завалишина. Имена говорят за себя: в лице Муравьева, Якушкина, фон-Визина, Шаховского мы имеем первоначальное ядро декабристов — членов Союза спасения и Союза Благоденствия, включающее и «самого первого» инициатора союза декабристов — А. Муравьева. Поэтому перечисленные дела дают превоклассный материал для изучения предистории Северного и Южного обществ, которой, к сожалению, в литературе уделено так мало внимания. Эта предистория, надеемся, найдет своего исследователя, который вскроет глубокую борьбу противоречий в этих первых формациях декабристского об'единения. Эти противоречия бросаются в глаза и при первом, беглом чтении документов. Поиски формы, неудовлетворенность найденными формами и их смена обусловлены глубокой классовой рознью, той самой, которая впоследствии привела к организации таких различных обществ, как Северное и Южное. Одной из движущих сил этих поисков формы, крупнейшей фигурой пред'истории Северного и Южного обществ, является П. И. Пестель. Ясно поэтому, что показания старых членов общества эту пред'историю переживших, дают материал для характеристики роли Пестеля. Александр Муравьев, «самый первый» инициатор, быстро ушедший от тайного общества и в общем сыгравший небольшую роль, недвусмысленно свидетельствует об уничтожении Союза спасения и замене его Союзом благоденствия: «Сие общество, сколько упомнить могу, сочинено было г-ном Пестелем» (стр. 18). Дело Александра Муравьева дает, кроме того, богатый материал о первоначальном уставе, так называемой «Зеленой книге» и о любопытном эпизоде, до сих пор еще вполне не раскрытом в исследовании—попытке Артамона Муравьева покуситься на жизнь царя. Личность Артамона Муравьева, сыгравшего такую изменническую роль в восстании Черниговского полка, нуждается во внимательном изучении, вопрос этот получил интересную форму в юбилейной литературе (статья М. Муравьева «Декабрист Артамон Захарович Муравьев», сб. «Тайные общества в России в начале XIX столетия» М. 1926) и может быть дополнен и проверен имеющимся в деле материалом.

Очень интересно дело И. Якушкина. Кроме указанных выше общих вопросов, оно дает еще особо богатый материал для проблемы отмены крепостного права, как центральной в мировоззрении декабристов. С захватывающим интересом читается дело Лунина, редкого по стойкости революционера среди декабристов, не прекратившего революционной пропаганды даже в сибирском изгнании. Не в пример большинству декабристов, Лунин держится гордо и стойко, отказывается называть имена товарищей, действительно, не выдает ни одного, открыто признает свою дружбу с Пестелем. «Свободный образ мыслей», бросает он следствию, «образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить; к укоренению же этого способствовал естественной рассудок». В том же деле — любопытнейшие данные о попытке размножать бумаги тайного общества посредством литографского станка. Укажем на еще один интересный вопрос изучения декабризма, материал для которого есть в этом же томе; обычно, вопрос о связи декабристов с масонством принято решать так: масонские об'единения дали декабристам организационные формы, которые они заполнили новым, революционным содержанием. Иное толкование можно встретить в деле старейшего члена Александра Муравьева — он сознается, что масонские формы принимались декабристами для конспирации: «сознаюсь, что имел преступное намерение под покровом сей масонской ложи обезопасить членов общества», пишет он. (стр. 20). Всего содержания III тома, конечно, в рецензии исчерпать невозможно.

Перейдем к IV тому.

Он исключительно богат содержанием. Достаточно сказать, что в нем находится дело главы Южного общества и самого выдающегося декабриста П. И. Пестеля и руководителя самой революционной — Васильковской управы, предводителя восстания Черниговского полка Сергея Муравьева-Апостола. Основная черта показаний Пестеля и любопытнейший вывод для изучения декабризма — отчаянные попытки Пестеля создать единый революционный фронт из глубоко-антагонистических обществ — Северного и Южного. Несмотря на героические усилия, Пестеля, достичь этого не удалось, и показания дают обильнейший материал для изучения этого антагонизма, его происхождения и существа. Не может быть сомнений в классовых корнях этих противоречий. Дело Пестеля, кроме того, навсегда останется основным источником для изучения тактики обоих обществ и их тактических разногласий.. Ясно обрисовывает дело творческую историю «Русской Правды» и степень согласия с ней членов Южного общества. Убеждаешься, что она не является работой, характеризующей политическое мировоззрение одного лишь Пестеля, — она подвергалась детальному обсуждению всех членов Южного общества, была принята ими всеми, много раз доклады о ней ставились на с'ездах Южных декабристов (в Киеве, во время контрактовых ярмарок); в результате изучения дела Пестеля можно сказать без колебаний, что «Русская Правда» — документ всего Южного общества в целом.

Дело Сергея Муравьева-Апостола, одного из старейших членов общества декабристов ценно уже тем, что дает материал для характеристики общества с момента его возникновения до последнего дня существования. В этом материале есть важнейший отдел — восстание Черниговского полка. Личное благородство Сергея Муравьева поразительно — он берет на себя всю вину организации восстания. Но внимательное изучение даст много материала для понимания истинного смысла этой революционной вспышки и роли в восстании Общества соединенных славян. Для изучения тактических разногласий декабристов дело Муравьева дает чрезвычайно много, особенно для изучения теории военной революции «наподобие испанской», сторонниками которой были С. Муравьев и М. П. Бестужев-Рюмин. Очень жаль, что дело Бестужева не будет издано. Оно так тесно связано с делом его ближайшего друга С. Муравьева, и деятельность обоих декабристов настолько неразделима, что оба дела составляют одно целое. IV тому предпослана статья М. Н. Покровского, выдвигающая ряд новых вопросов в изучении этих дел.

Том V переносит нас в иную среду: перед нами девять следственных дел членов Общества соединенных славян, группы декабристов, бывшей доселе наименее изученной. Тут опубликованы дела трех основателей Общества Соединенных славян—Петра и Андрея Борисовых и польского шляхтича Юлиана Люблинского, трех старейших членов общества: И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова и А. С. Пестова; выдающегося члена общества, последовательного революционера Я. М. Андреевича 2-го; М. М. Спиридова, введенного в общество Славян С. Муравьевым и М. Бестужевым при слиянии Славян с Южным обществом декабристов; известного «посредника» этого слияния капитана А. И. Тютчева. Материал разносторонне рисует эту нищую «разночинную» группу декабристов: в деле П. Борисова находятся известные «Катихизис» или «Правила славян», а также текст клятвы, много материала для обрисовки кризиса, назревшего в Славянском обществе, толкнувшего его на слияние с Южным; в деле Андреевича 2 и Бечаснова—материал, рисующий героические попытки Славян поднять восстание в различных воинских частях на помощь восстанию Черниговского полка. Н. П. Чулков, как и редакторы предыдущих томов — А. А. Покровский и Б. Е. Сыроечковский тщательно выполнил трудную работу издания точного текста и снабдил том ценными статьями с точным архивным описанием документов. Отметим все же одно важное упущение в тексте «Правил» Общества соединенных славян. Текст 4-го правила тут, как и во всех хрестоматиях и перепечатках, искажен: он передан так: «Простота, трезвость и скромность, сии блюстительницы сохранят твое спокойствие», (т. V, стр. 12, ср. стр. 14 и 16). Это неправильно и собственно, такая фраза никакого смысла не имеет. В польском и французском тексте тех же «Правил», а также в другом русском тексте, находящемся в деле декабриста П. Ф. Выгодовского (это дело еще не опубликовано), после слова «блюстительницы» стоит символический знак свободы — ветвь. Слово «свобода» было опасным, необходима была конспирация. Этот знак стоял и в тексте дела Борисова 2, но выскоблен, правда, так идеально выскоблен, как умели это делать в александровско-николаевские времена — заметить его очень трудно. Поэтому нет никаких сомнений, что 4-ое правило читается по-настоящему так: «Простота, трезвость и скромность, сии блюстительницы свободы сохранят твое спокойствие». Смысл, как видим, совсем иной. Поэтому было бы необходимо в точном издании текста факт уничтожения слова «свобода» оговорить, утверждение же (стр. 14), что в русском тексте знака «не имеется», следовательно, не вполне точно.

Исследователем общества соединенных славян необходимо все же иметь в виду, что только на основании опубликованных документов составить полного представления об Обществе нельзя. Неопубликованы — и, вероятно, очень долгое время и не будут опубликованы (по крайней мере, в план издания Центрархива они не входят) следующие дела того же раздела архивной описи (под рубрикой Общества соединенных славян): П. Ф. Громницкого (заместителя председателя Общества), И В. Киреева (одного из старых членов), А. Ф. Фурмана, Ап. В. и Ал. В. Веденяпиных 1-го и 2-го, И. Ф. Шимкова, П. Д. Мозгана, И. И. Иванова (секретаря Общества), А. Ф. Фролова, Н. О. Мозгалевского, Н. Ф. Лисовского, П. Ф. Выгодовского (единственного крестьянина-декабриста, друга Петра Борисова), А. К. Берстеля и А. И. Шахирева. Кроме того, есть важные дела Славян и вне упомянутой рубрики описи (например, дела В И. Шекоплы, Я. Я. Драгоманова, яркое дело А. В. Усовского). Пожелаем поэтому, во-первых, продолжения и расширения плана этого монументального издания, а во-вторых, скорейшего издания описи дел декабристов, без которой не сможет обойтись ни один исследователь.

Милица Нечкина.

ОБЗОР СТАТЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ В ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Издательская деятельность Академии Наук, несколько затормозившаяся в первые годы после революции, возобновилась с 1925 года, особенно после преобразования ее во всесоюзную. В периодических изданиях Академии значительное место в ряду прочих дисциплин уделено истории, в особенности русской. В настоящей заметке мы предполагаем вкратце обозреть содержание посвященных этой теме с 1925 г. статей, несколько задержав внимание читателя на тех из них, которые заслуживают по тем или иным причинам подобного выделения.

В дореволюционные годы Академия, а в особенности вошедшая после 1917 г. в ее состав Археографическая комиссия особенное внимание уделяли вопросам источниковедения, выяснения состава и исторической критики основных источников русской истории, по преимуществу древней. И сейчас мы находим на страницах ее изданий работы из этой области, но в сравнительно небольшом количестве. Так, изучению русского летописания — важнейшей источниковедческой проблемы — оказываются посвященными за интересующий нас период только две работы: статья А. С Орлова «К вопросам об Ипатьевской летописи» (Изв Отд. Русск. яз. и слов., т. XXXI, Л. 1926, стр. 93—126) и конспективная заметка А. Н. Насонова «Летописные своды Тверского княжества» (доклады Академии Наук СССР, серия В, 1926 г. ноябрь—декабрь, стр. 125—128). Первая из названных работ носит скорее историко-литературный характер, являясь исследованием имеющихся в Ипатьевской летописи заимствований из иностранных, преимущественно, византийских источников и трактуя летописный свод независимо от его исторического значения и условий возникновения. В ином плане работа А. Н. Насонова, поставившего своей задачей «воссоздать генеалогический ряд не дошедших до нас тверских летописных сводов и выяснить их отношение к другим летописным компиляциям XIV—XVI вв», изучая при этом развитие летописаний в связи с политической жизнью Тверского княжества. Заметка эта, как и большинство, напечатанных в «Докладах», является конспектом какого-то большого исследования, вернее, не столько конспектом, сколько догматическим изложением выводов. В виду этого, мы воздержимся от критических замечаний по ее поводу, хотя некоторые выражения автора уже сейчас вызывают сомнения. Интересно наблюдение его о возникновении в Твери в 50-х годах XV века идеи «Твери—III-го Рима», которую А. Н Насонов, повидимому, хочет поставить в генетическую связь с позднее развившейся великодержавной идеологией Москвы. Здесь, однако, по нашему мнению, центральный интерес должна представлять иная проблема: подобное религиозное оправдание политических тенденций мы можем наблюдать не только в Московском или, по разысканиям А. Н. Насонова, Тверском княжествах, но и в Новгородской республике, и в некоторых Псковских источниках и проч. Интересно было бы проследить, как формирующиеся в конце средневекового периода русской истории социальные организмы, в значительной степени разнородные (особенно это относится к Новгороду), утверждают свои права на подчинении прочих более или менее одинаковыми идеологическими приемами, и как в результате борьбы победитель с особенным успехом развивает эту идею в целое ученье, делающееся официальным исповеданием Московского царства.

К статьям источниковедческого характера относится и статья П. В. Вильковиевского «К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому» (Летоп. занятий Археограф. Комиссии, вып. XXXIII. Л. 1926, стр. 68—76), выводы которой представляют не столько исторический, сколько методологический интерес.

Вопросам истории русского средневековья посвящены только две небольших заметки В. А. Пархоменко «Древляне и поляне» (Изв. Отд. Р. яз. и слов., т. XXXI, стр. 267—270) и С. В. Рождественского «Послание новгородского архиепископа Иоанна на Двину, как источник для истории Двинского восстания 1397 г.» (Доклады, 1925 г., апрель—июнь, ст. 51—54).В. А. Пархоменко, автор многочисленных, подчас остроумных, но не всегда методически выдержанных работ об «истоках русской государственности» (см. его книгу под этим заглавием изд. ГИЗ'а Л. 1924), по поводу лингвистических изысканий В. М. Ганцова и П. О. Бузука возвращается к своему уже ранее высказанному утверждению о существовании двух южно-русских племенных союзов — полянского и древлянского. С. В. Рождественский, беря за исходную точку, приведенный в заглавии заметки документ, установив его дату и сопоставив с жалованной грамотой двинянам в. кн. Василия Дмитриевича 1398 г. намечает состояние двинского общества к концу XIV века и причины, заставлявшие Двинскую землю менять ориентацию уходя от влияния Новгорода к Москве. В кратких чертах автор характеризует «своеобразие социально-административного строя Двинской земли», заключавшееся в том, что «развившийся здесь к концу XIV века земский мир, «слобода», не был только «черным», крестьянским, но об'единял в одно целое, вместе с черными людьми, и торговый, и землевладельческий слои». Нужно ли понимать этот строй, как основанный на принципах «гармонии» или расщепленный на классы, автор пока не говорит, обещая дать подробную работу о социальной жизни Двинской земли, которой и приходится ожидать.

Несколько статей и заметок относятся к истории административно-правовых учреждений. Такова статья А. И. Андреева «Сводный Судебник» (Изв. Акад. Наук 1915 г., № 12—15, стр. 621—644) и его же заметка «Уложение 137-го года» («Доклады», 1925 г. июль—декабрь, стр 82—83), разрешающие ряд вопросов истории кодификации русского законодательства, статья А. Н. Филиппова «К вопросу о первоисточниках жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 года» (Известия 1926 г., № 5—6, стр. 423—444 и № 7—8, стр. 479—498), изучающая влияние двух корреспондентов Екатерины, Князева и Миллера, на ее содержание дворянской грамоты 1785 года. Оба автора берут сравнительно узкие вопросы и исследуют их не с точки зрения содержания интересующих их памятников, а со стороны формальной истории их происхождения. К этой же группе работ мы прибавим и заметки М. М. Богословского «К вопросу о городской реформе 1699 г.» (Доклады 1925 г. апрель—июнь, стр 59—62) и Ю. В. Готье «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». (Доклады 1926 г., май—июнь стр. 58—6). Обе эти заметки написаны авторами, вполне уже в исторической литературе известными, и поскольку они являются только резюме больших исследований, мы воздержимся от замечаний, хотя и в качестве сводок они дают основания к некоторым соображениям.

Перу двух академиков—С. Ф. Платонова и М. М. Богословского принадлежат статьи историко-бытового характера, затрагивающие один и тот же период, — начало XVIII века. С. Ф. Платонов дал два занимательных очерка «Из бытовой истории Петровской эпохи»: «Бенго-коллегия, или Великобританской монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом». (Известия 1926 г., № 7—8, стр. 527—546) и «Любимцы Петра Великого: Медведь, Бирка и др.». (Известия, 1926 г., № 9, стр. 655—678). Особенно любопытен первый очерк, в котором автор рисует существовавшее при Петре и под его особым покровительством эпикурейское общество иностранных мастеров и торговцев, именовавшееся «великобританским славным монастырем» или иначе «разночинствующим сумасбродным братством». Это довольно однородная буржуазная среда вынуждена была, по убедительному мнению С. Ф. Платонова, сходиться для обязательного служения Бахусу в силу «совокупности тех условий, какая создана была Петром в его манере мешать дело с бездельем», иначе «нельзя было работать с правительством», и, следовательно и получать заказы и, вообще, заниматься своим делом.

Вторая статья посвящена характеристике незнатных любимцев Петра и, как и первая, содержит ряд любопытных историко-бытовых штрихов.

Иные задачи ставил себе М. М. Богословский в своей речи «Русское Общество и наука при Петре Великом» (отд. оттиск из отчета Акад. Наук), сказанной по поводу двухсотлетия учреждения Академии. Если парадной речи обычно и бывает свойственна некоторая поверхностность, то все же нельзя не заметить, что заглавие статьи значительно шире ее содержания. Основная часть речи посвящена

характеристике личных интересов Петра в области науки, или отдельных лиц — Посошкова, Татищева, Постникова и др. Рост культурных интересов русского общества автор пробует об'яснить усилиями отдельных лиц и пресловутым «знакомством с западными идеями».

К этой же группе работ можно отнести и статью Н. Н. Пальмова «К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева» (Известия, 1925 г., № 6—8, стр. 201—216), где приводится ряд документов, относящихся к биографии этого деятеля и представляющих незначительный интерес. Значительно большую ценность представляет публикуемая там же записка Татищева «О рыбных ловлях», подробно характеризующая состояние рыбных промыслов в Астраханской и Саратовской губерниях в начале 40-х годов XVIII в. и приволжское купечество.

Совершенно отсутствует в изданиях Академии отдел Rossica, если не считать статьи А. Якубовского «Ибн Мискавейх о походе Русов в Бордаа в 322 г.= 943—4 г.» (Византийский Временник, т. XXIV Л. 1926 г., стр. 63—92), в основном представляющей, впрочем, интерес для востоковедов, а не для русских историков.

Переходим к рассмотрению статей историко-хозяйственного характера. Таковы статьи Б. Д. Грекова, А. Н. Насонова и А. А. Степанова. Моментом, об'единяющим все эти работы, является то обстоятельство, что все они основаны на изучении вотчинных хозяйственных архивов, правда, разных эпох. Но на этом, как сейчас увидим, и кончаются об'единяющие их черты.

А. Н. Насонов в статье «Из истории крепостной вотчины XIX века в России» (Известия, 1926 г., № 7—8, стр. 499—526) совершенно справедливо замечает, что «вопросы развития хозяйственных отношений крепостной России» могут быть выяснены только «на большом материале вотчинных архивов», и, исходя из этого, предлагает «обследование экономического и социального строя крупной вотчины XIX в.». Однако, в самом выполнении этой задачи мы наталкиваемся на ряд вызывающих возражение обстоятельств.

А. Н. Насонов чрезвычайно обстоятельно останавливается на характеристике двух последовательно сменившихся хозяев юсуповских владений, Н. Б. и Б. Н. Юсуповых, и в зависимости от их личных качеств характеризует направление их хозяйственной политики. В результате «слабость хозяйственной энергии» первого: в его имениях «без присмотра «хозяйского глаза» сложился мир отношений, стихийно (?) направляемый игрой местных интересов и свободно развивающимися социально-экономическими силами». Думаем, что и стихийность, и свобода эти окажутся при более углубленном рассмотрении довольно относительными. Наоборот, в лице сына его, Б. Н. Юсупова, «перед нами выступает помещик-предприниматель, хозяин деловой и энергичный и притом с ярким отпечатком николаевской эпохи», который и преобразует всю хозяйственную жизнь своих имений. В чем заключается «отпечаток николаевской эпохи», мы так и не узнали, если не считать подробно рассказанных взглядов нового боярина на вопросы нравственного порядка. Основные моменты экономики николаевской эпохи нашли себе выражение только в замечании, что «условия рынка требовали иной постановки дела в хозяйстве вотчин», из чего с очевидностью следует, что пути хозяйственного строения в предшествовавшую эпоху тоже как-то определялись требованиями рынка, но как — ни в том, ни в другом случае А. Н. Насонов ответа не дает. А между тем считать подобные вопросы решенными и потому не требующими раз'яснения, конечно, преждевременно, да в таком случае было бы лишним уже изучать отдельные типологические явления.

Некоторые факты, как, например, рост и интенсификацию барщины, автор изображает довольно отчетливо, но не ставя их в связь ни с общими моментами экономического развития России в то время, ни с конкретной обстановкой того черноземного края, где находились интересующие его имения. Мало внимания уделено и процессу расслоения крестьянства, хотя и намеченному в статье, а между тем подобные темы представляют несравненно больший интерес, чем характеристика барской идеологии отца и сына Юсуповых, которой уделено в работе столько места.

К типу «обследований», а не исследований, принадлежит, повидимому, и работа, резюмируемая А. А. Степановым в заметке «Князь В. В. Голицын, как хозяин-вотчинник» (Доклады, 1926 г. май—июнь, стр. 45—48), носящей описательный характер и, вероятно, извлеченной из аналогичного же типа большой работы.

Совершенно иной характер — широкого социологического исследования на основе тех же архивных данных носят работы Б. Д. Грекова «Хозяйство крупной вотчины XVI—XVII вв.». (Известия, 1925 г., № 6—8, стр. 247—254), «Юрьев день и заповедные годы» (Известия, 1926 г., № 1—2, стр. 67—84) и «Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома» (Летопись занятий Арх. ком. вып. XXXIII, стр. 201—332). Все эти работы возникли из изучения материалов, свя-

занных с работой автора над социально-экономической структурой Новгородского Софийского дома, первый том которой вышел в свет еще в 1914 г.

В своих «Очерках», из которых в рецензируемой книге «Летописи» помещен только первый «Софийский двор в городе Новгороде», автор изучает хозяйственное строение самого Софийского двора, т.-е. центрального организма архиепископской вотчины, находившегося непосредственно в самом Новгороде. В результате искусного, подчас требующего чрезвычайно скрупулезных исследований, сопоставления материалов различного хронологического порядка, ему удается показать ход развития хозяйственной жизни Софийского дома на протяжении более чем столетия, ввести читателя в повседневный круг будничных хозяйственных забот этого обширного учреждения и, вместе с тем, наблюсти ряд моментов, чрезвычайно важных для понимания всего исторического процесса. Мы присутствуем при том, как хозяйство новгородского владыки, в период его расцвета в первой половине XVI века становится на путь мануфактурного развития, пользуясь почти исключительно свободным, подчас даже организованным в первичные союзы, «дружины», наемным трудом и как, в результате общего хозяйственного кризиса, изменяется сама физиономия Софийского дома, значительно сокращающего свой хозяйственный аппарат, переходящего на сельскохозяйственные занятия с применением уже зависимого труда, не свободного «дружинника», а заложившегося за владычный хребет «бобыля». Весь этот процесс, реально ощутимый, взят не изолированно: в дальнейших очерках автор обещает показать, что «хозяйственные процессы на русской почве аналогичны европейским» и поставить изучаемые им моменты в связь с «расширением и обновлением западноевропейских рынков, перемещением торговых путей и центров, появлением новых товаров» и пр.

Статья «Хозяйство крупной вотчины XVI—XVII вв.» собственно является суммированием этого и последующих «Очерков» Б. Д. Грекова. Попутно отмечая ошибки предшествовавших исследователей, как-то Н. А. Рожкова и др., исходивших из материала писцовых книг, автор устанавливает ряд общих положений, характеризующих основные этапы хозяйственного развития эпохи. В статье «Юрьев день и заповедные годы» он переносит центр исследования на хозяйственное положение крестьянства и показывает, как в результате хозяйственного процесса, особенно усилившегося в III-й четверти XVI века, создались об'ективные предпосылки закрепления крестьян и наблюдает процесс этот, параллельно полемизируя с М. А. Дьяконовым, полагавшим, что акт о заповедных годах не явился отменой Юрьева дня.

Таково в общих чертах содержание работ Б. Д. Грекова, содержащих к тому же ряд ценных деталей, на которых размеры рецензии не позволяют остановиться. Остается ожидать появления дальнейших «Очерков» и пожелать, чтобы выводы их были подкреплены на основании не только новгородского материала, имеющего, как известно, свои особенности, коренящиеся в предшествующей структуре новгородского общества.

К этим же работам примыкает и статья того же автора «Обжа» (Известия, 1926 г., № 10—11, стр. 1017—1040 и № 12, стр. 1229—1252), где подвергнут рассмотрению термин «обжа» и доказано, что последняя является отнюдь не единицей измерения, а окладной единицей. Попутно автор дает ряд ценных методологических указаний из области изучения писцовых книг.

Из статей археографического характера в рассматриваемых изданиях помещены образцовая в смысле методологическом работа А. И. Андреева «Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей Шведскому королю Карлу XI» и статьи: Б. Д. Грекова «Отчет об осмотре Архива Соловецкого монастыря» и П. Г. Дружинина «Дополнение к исследованию о Поморских палеографах начала XVIII века» (Лет. Зан. Арх. к., в. XXXIII, стр. 333—362, 77—99 и 100—102).

Особо нужно отметить исследование В. Ф. Ржиги «Литературная деятельность Ермолая-Еразма» (Лет. зан., в XXXIII, стр. 103—200), которое, нося в основе историко-литературный характер, одновременно выдвигает чрезвычайно любопытную для историка фигуру публициста XVI в., несколько приближающуюся к Ивашке Пересветову, но и резко от него отличного. В своих проектах Ермолай намного опередил свой век, требуя передела земли, улучшения экономического благосостояния крестьянства, освобождения его от всяких податей кроме единого натурального налога в размере $^1/_5$ урожая, отмена кормлений и беспошлинной торговли. Трудно без углубленного исследования определить, чьи чаяния выражал этот своеобразный «народник», и работа В. Ф. Ржиги ставит перед историками этот вопрос.

Таковы исторические статьи, помещенные в изданиях Академии Наук за последние два года. Как видим, главным достоинством их является то, что почти все они имеют характер исследовательский. Вместе с тем чрезвычайно незначи-

тельно количество работ, ставящих свои темы на основу широкого изучения эпохи. Большинство их (не говоря, конечно, о работах источниковедческого характера) довольствуется небольшими экскурсами в очень ограниченный материал; подчас авторы выходят на более просторное поприще, но ограничиваются простым «описанием» изучаемых явлений.

И. Троцкий.

ИЗ «ВВЕДЕНИЙ В ИСТОРИЮ»[1])

Когда в 1888 г. Бернгейм издал впервые свое, получившее мировую известность, сочинение по „историческому методу" („Lehrbuche der historischen Methode"), оно явилось показателем того, что при росте исторических изысканий и все более расширяющемся круге их участников появилась нужда в такого рода пособиях, которые могли бы знакомить новые кадры историков с теми методическими результатами, которые оказались накопленными трудами ряда поколений. Бернгейм в известной мере, составом своей книги дал схему возможных пособий такого рода. С одной стороны, это вопросы теоретической методологии истории, с другой—той практической работы критики исторических источников, которая особенно во второй половине XIX века, со времени крушения гегельянства, получила и в Германии, и в других странах такой исключительный расцвет. Однако книга Бернгейма, чрезвычайно обстоятельная, вызвав подражание и среди французов (хорошо известной и у нас в переводе книжкой Ланглуа и Сеньобоса „Введение в изучение истории", Птб., 1899), тем не менее, именно вследствие своей исключительной обстоятельности, выдержав шесть изданий (5-е и 6-е вышли в 1908 г.; в 1914 г. должно было выйти новое, но не появилось до сих пор), охладила, вероятно, стремления других авторов, а выходившие работы, как, напр., книга румынского историка Xénopol'a (La theorie de l'histoire, 1908), не могли заменить работы Бернгейма. Лишь у нас в России в 1909 г. начал выходить отдельными томами труд, который по охвату предмета и по широте изложения превзошел работу Бернгейма — это незаконченная, за смертью автора, „Методология истории" акад. А. С. Лаппо-Данилевского (вышли 2 т. т., Спб., 1909 и 1913; первый том в новом издании 1923 г.; третий есть лишь в литографированном виде).

Последние годы характеризуются выходом ряда подобных пособий, из которых одни—переиздания, другие новые и новаторские даже.

Прежде всего, в серии „Philosophie und Leistenwissenschaften" переиздана ставшая у немцев классической книжка J. Droysen'a „Grundriss der Historik" (Max Niemeyer Verlag. Halle Saale. 1925). Ее значение сам редактор, все более приобретающий известность своими работами E. Rothacker подчеркивает уже тем, что она является первой книжкой серии. Не вся „историка" Дройзена, умещающаяся на сорока страницах (к ней есть еще несколько приложений) и изложенная в сжато-формулированных параграфах, за те шестьдесят лет, которые ей исполняются в текущем году, могла сохранить свое значение. Ученик Гегеля и одного из основателей классической филологии Августа Бека,— Дройзен облекает свои положения в слишком отживший философский наряд. Однако нельзя не согласиться, что, ни в коем случае не могущая служить учебным пособием, даже кратким, книжка Дройзена для ученого сохраняет всю свежесть новаторского изложения тех вопросов, которые после Дройзена стали предметом общего оборота.

Вновь переиздан также небольшой очерк A. Meister'a „Grundzüge der historischen Methode" (в серии „Grundriss der Geschichtswissenschaften", herausg., von Al. Meister. B. G. Teubner. Leipzig—Berlin. 1923). Его внешний вид характерен для эпохи германского кризиса: за неимением средств поправки и дополнения не внесены в текст, для печатания которого воспользовались старым стереотипом, а даны в особом добавлении. Очень беглый (34 + 6 стр.), он навряд ли сможет удовлетворить кого-либо, и лишь в библиографических ссылках можно найти небесполезные указания.

Тоже переизданием является маленький Бернгейм (Ed. Bernheim., Einleitung in die Geschichtswissenschaft, 3—4 Aufl., Sammlung Göschen, № 270. Berlin. 1926), известный у нас по переводу, сделанному с первого издания („Введение в историческую науку". М. 1908). Однако в отличие от вышеупомянутых двух книжек, эта книжка Бернгейма переработана и доведена, если так можно сказать, до сегодняшнего дня. В ней и ранее была в гораздо меньшей степени развита собственно теоретическая часть, теперь же, не говоря уже об очень свежих и интересных литературных указаниях, Бернгейм находит возможным коснуться всех новейших проблем критики

---

1) Мы не отмечаем популярных книжек, вроде S. Hellman'a „Wie studiert man Geschichte", Leipzig, 1920.

источников. Если в теоретическом обзоре Бернгейм касается и новейшего экспрессионистического построения истории, то в отделах критики аналогично находим отзвуки, напр., новых теорий критики свидетельских показаний, значения фотографии и фонографа и т. д. Для общей ориентировки в состоянии предмета, пожалуй, эта книжка Бернгейма—лучшее, что есть в литературе.

Наряду с этими, все же литературными знакомцами, появились и новые труды. Хронологически первая из них принадлежит американскому историку. Профессор европейской истории в университете Небраски F. M. Fling издал „The writing of history. An introduction to historical method. New-Haven. 1920). Автор смотрит на свою книгу лишь как на подговительную ступень к изучению Бернгейма. Однако его работа обладает такими своеобразными чертами, что заслуживает особого внимания. Не касаясь вопросов собственно теории, автор пытается провести своего читателя через все стадии конкретного исторического труда: от выбора предмета исследования, через собирание источников, через критику источников, к установлению фактов, их группировке и, наконец, к вопросам изложения. Отвлеченные вопросы его мало занимают, но зато приемы практической работы им излагаются с большою простотой и большою ясностью и даже детальностью. Так, напр., в отделе изложения он затрагивает вопросы включения цитат в состав текста, подстрочных примечаний, ссылок на тома и страницы. Я намеренно указываю эти наиболее мелкие детали, чтобы дать представление о характере изложения. В то же время внимание читателя не разбрасывается, не требует, что важно для начинающего, большой ориентировки в исторической литературе, так как автор, не без педагогических, очевидно, намерений, все время держится по преимуществу в небольшом круге хорошо знакомых ему источников эпохи французской революции.

Вторая работа венского профессора Wilhelm'a Bauer'a „Einführung in das Studium der Gesichte" (Tübingen. 1921) довольно резко отличается от работы Fling'a. Первые же слова предисловия предупреждают, что книга Бауэра не „компендиум", что ее цель — „понудить молодого историка к размышлению об основных вопросах своей науки". С другой стороны, она носит в своем замысле, по крайней мере, явные следы переживавшегося политически разгромленной Австрией исторического момента. Книга не должна упускать „связи с жизнью", а современность Австрии „вправе требовать", чтобы наука содействовала появлению „строителей", которые бы „воссоздали из осколков разрушенного государственного, морального и народного бытия опять нечто целое и великое". Именно поэтому, об'ясняет автор, на первом листе у него не изложение вопросов критики, а историко-философские и социологические вопросы. Достаточно перечислить рубрики этого отдела, чтобы усвоить взгляды автора. После вводной главы о „теоретических основах истории" Бауэр следующую главу посвящает „историческому явлению в его элементах", где, давая по параграфам обзор теорий, едва ли не самое значительное по размерам место отводит изложению и критике марксизма, которому, что „неудивительно", „присяжные историки дарили до сего времени мало внимания", ибо это „односторонняя конструкция, которая не в состоянии подвинуть вперед исторического познания". Естественно, что последующая глава Бауэра говорит о „душевных (Seelische) основах исторического исследования". Наконец, далее Бауэр касается вопросов исторического построения. Однако интерес и значение книги Бауэра не в этой ее части. В предисловии же сам Бауэр сообщает, что первоначальный его замысел был дать „источниковедение нового времени", и что следы этого замысла дали отпечаток его работе. И действительно, вопросы критики в ее общем виде, знакомом по Бернгейму и другим пособиям, изложены у Бауэра содержательно, но в сжатом и компактном виде. А вслед за ними следуют характеристики отдельных разновидностей источников. Крупный опыт подобного „источниковедения нового времени" был уже раз дан несколько лет тому назад в известной большой работе G. Wolf'a „Einführung in das Studium der neueren Geschichte" (Berlin, 1910), однако при гораздо меньшем (в несколько раз) об'еме соответствующих отделов Бауэр не только не теряет в своей содержательности (у Вольфа значительнейшая часть текста отведена на обзоры источников), но по сравнению с Вольфом дает характеристики таких разновидностей источников, которые до сих пор оставались вне круга подобных пособий, посвящая особые параграфы, напр., публицистике, летучим изданиям, письмам и т. д. Этим самым, на ряду с Вольфом, книга Бауэра должна представлять интерес для всякого историка нового времени.

Последняя из книг, которую мне следует отметить, наиболее, пожалуй, своеобразна. На обороте ее титульного листа находим пометки: Imprimi potest... Imprimatur..., а автор ее Alfred Feder S. J. (т.-е. Societatis Iesu), профессор философско-теологического института в Валькенбурге. Его книга „Lehrbuch der geschichtlichen Methode", вышедшая первым изданием в 1921 г., в 1924 вышла уже третьим (Regensburg, 1924; в 1925 г. автор умер). Успех, выпавший на долю книги, успех, которого не испытало ни одно пособие подобного рода, проистекает, конечно, не из сочувствия общим точкам зрения автора, которые навряд ли могут найти многих сторонников даже среди религиозно-настроенных протестантов. Автор, напр., в числе

факторов исторического процесса на-ряду с „земными и человеческими факторами", помещает „сверхестественную и божественную причину" явлений, и хотя в общем признает, что, если и исторические „источники" и делятся на божественные и человеческие, то божественными занимаются в общем анолоитика и теология, однако считает, что и исторический метод их касается постольку, поскольку „божественное откровение" сообщается через „человеческие уста и руки". Конечно, не этот иезуитический католицизм создал успех книге, а создан он педагогическим талантом автора. И кругозор автора и материал его книги уже, чем у кого-либо другого. Однако почти две трети книги им отведено вопросам критики источников. В эти двести почти страниц им не только уложен очень обстоятельный материал вопросов „внешней" и „внутренней" критики (Федер не новатор и устаревшие термины его не смущают), но все эти вопросы сгруппированы в небольшие параграфы и пункты, дающие отчетливую схему не только изложения, но и самого расчленения соответствующего вопроса. Полнота и ясность изложения при очень традиционном его составе, думается, и создали успех этой книге.

Таковы некоторые итоги западной литературы, к которым, к сожалению, нельзя добавить соответствующих работ русских историков.

С. Валк.

ОБЗОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

АНГЛИЙСКИЕ ЖУРНАЛЫ ЗА 1926 Г.

В последние годы в английской исторической науке наметился известный перелом. Интересы историков все более сосредоточиваются в областях, смежных с экономикой, в экономической истории. До войны мы имели в Англии недооценку того значения, которое должно принадлежать экономической истории; напротив того, истории права, политической и культурной истории придавалось исключительно большое значение и уделялось чересчур много внимания. Как мы увидим далее, в текущих номерах исторических журналов экономическая история занимает почетное место. Для экономической истории начато издание специального журнала, и учреждено в конце 1926 года «Общество Экономической Истории» под председательством Эшли и с участием виднейших представителей науки экономической истории в Англии и Америке. Среди членов комитета общества мы встречаем имена Даниэльса, Граса, Тауни, Стентона, Гэя, Липсона, Риса, Пауэр и др. До сих пор в Англии не было журнала, который соответствовал бы издаваемому в Германии „Vierteljahrshrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte" или французской „Revue d'histoire èconomique et sociale". Учредители общества в воззвании, разосланном обществам и лицам, занятым изучением истории, указывают, что число исследователей экономической истории и работ в этой области за последние годы значительно увеличилось [1]).

Среди существующих английских исторических журналов наибольшей известностью пользуется (English Historical Review) в котором помещаются исключительно работы исследовательского характера, основанные на неопубликованном архивном материале. Из помещенных в 1926 году статей и работ в English Historical Review заслуживают упоминания следующие:

Дж. Джолифф (J. Joliffe) поместил в январской книге журнала обширную и весьма интересную работу об «учреждениях Нортумбрии». В этой статье автор дает тщательное исследование локальных особенностей в историческом развитии севера Англии в средние века, в частности в пределах бывшего королевства Нортумбрии, и приходит к выводу, что в этом районе англо-саксонские обычаи и аграрный строй уцелели довольно продолжительное время после норманского завоевания и развивались особно от манориального строя большей части Англии, известного нам по классическим исследованиям манора Виноградова и Мэйтланда. Джолифф устанавливает, что в Нортумбрии, части Ланкашира и части Иоркшира манор отличался на первых порах—по крайней мере до XII столетия—отсутствием той связи между юрисдикцией и земельным держанием, которая отличала манориальный строй юго-восточной части Англии после норманского завоевания. На севере Англии было трудно установить, где начинался манóр и где кончалось иное административное деление области. Основой была деревенская община, которая не обязательно совпадала с территорией манора; к отправлению манориальных повинностей сплошь и рядом привлекались и члены соседних общин. Барщинная земля лорда—его домен (demesne) — зачастую

---

[1]) В ближайшем номере «Историка-марксиста» мы дадим обзор английских исторических журналов за 1927 год и рассмотрим первый номер (том) журнала этого нового общества (Economic History Review).

отсутствовала. Тот процесс кристаллизации манориального строя, какой мы наблюдаем на юго-востоке Англии в XI и XII веках, наблюдался в той местности, которая служит предметом исследования Джолиффа, в XIII и XIV столетиях. В это время ответственные управляющие лорда, его министериалы, превращаются в лордов маноров, держателей своих бывших хозяев, по мере того, как в Нортумбрию проникали занесенные с юго-востока англо-норманские учреждения.

В апрельской книге того же журнала помещена статья Г. Чью (H. Chew), которая интересна по тем взглядам, которые выдвигает автор в отношении структуры английских феодальных армий. Автор, на основании критики обычных источников по истории английских феодальных армий приходит к убеждению, что фактический состав их определялся не призывами королевской власти, а соотношением сил в стране. Так, монастыри и церковные держатели земель отвечали военной службой(knight's service)лишь в тех случаях, когда призыв короля соответствовал, по их мнению, их обязательствам, в противном же случае они оставляли призыв без внимания. В той же книге журнала Г. Говард разбирает сложный и запутанный вопрос о влиянии войн Алой и Белой Роз на экономическую жизнь восточной Англии. Автор приходит к выводу, что муниципальное купечество восточной Англии проникало в землевладение по мере того, как с ростом шерстяной торговли сельское хозяйство все теснее и теснее связывалось с городским рынком. Отсюда и участие торгового капитала в отдельных выступлениях землевладельческой аристократии, составлявшей оплот, как Ланкастерской так и Иоркской партий. Интересно отметить, что влияние ни той ни другой феодальной партии не проникало сколько-нибудь серьезно в городские муниципалитеты: на внутренней городской политике, полагает автор, война Алой и Белой Роз отразилась мало, и города подчинены интересам враждующих партий не были.

В июльской книге E. H. R. Г. Беннетт, известный своим исследованием по культурной истории пятнадцатого столетия [1]), поместил статью по вопросу об управлении манором. Статья носит название: «Староста и манор в четырнадцатом столетии». Староста (reeve, prepositus), по мнению автора, совмещал в одном лице функции представителя вилланов и слуги лорда. Отчетность старост является одним из важнейших источников по изучению аграрного строя четырнадцатого столетия. Фактические функции старосты далеко не всегда соответствовали тому, что было о нем написано в сельскохозяйственной литературе века.

Новая история представлена в номерах журнала за 1926 год статьями Аспиналля, Голда и Лакланда. А. Аспиналль (в июльской книге) в статье под заглавием: «Организация партий в начале XIX столетия» дает ряд сведений о структуре партий тори и вигов в первой трети прошлого века, обсуждает вопрос об участии этих партий в печати, их фонде, о парламентской и партийной коррупции. Автор останавливается особо на методах правительственного воздействия на печать. Партийная принадлежность органов печати не выявлена, к сожалению, достаточно отчетливо. В статье В. Голда «Англо-австрийское соглашение 1878 года» (январская книжка) сообщаются некоторые подробности о подготовке Берлинского конгресса. После того, как английское правительство договорилось с Россией 30-го мая 1878 г., оно же секретным соглашением от 6-го июня того же года заручилось поддержкой Австро-Венгрии за обещание помощи в вопросе о Боснии-Герцеговине. За это Австрия, в свою очередь, обязалась поддерживать Англию в том: 1) чтобы европейские, а не русские чиновники были назначены для управления Болгарией; 2) чтобы Восточная Румелия была отделена от Болгарии, и 3) чтобы Добруджа ни в коем случае не была присоединена к России. В статье Г. Лакланда, помещенной в апрельской книге журнала, доказывается та мысль, что конституция, данная Сицилии английским резидентом Бентинком во время английской оккупации Сицилии в 1812—14 г.г., была английским учреждением, искусственно перенесенным на иностранную почву и неспособным развиваться. Английские виги сделали попытку перенести в Сицилию государственные формы, выработавшиеся в совершенно иных классовых и экономических условиях; за отсутствием этих условий лишь только исчезла внешняя сила, поддерживавшая конституционный режим, в лице английских войск, от конституции не осталось и следа. Автор, к сожалению, не дает никакого материала о значении сицилийского конституционного опыта для последующей истории Италии, и в частности для революционного движения двадцатых годов прошлого столетия.

В журнале „History" издаваемом Исторической Ассоциацией, мы встречаем более разнообразный исторический материал, хотя и менее полно разработанный. В январской книжке журнала мы находим статью Н. Бэйнса (N. Baines).

[1]) H. Bennett Pastons and their England. Cambridge. 1922.

византийской цивилизации. Автор полагает, что значение Византии в создании современной европейской культуры обычно не дооценивается. Статья Бэйнса отдает идеалистическим «душком» и некоторым «шпенглерианством», модным в настоящее время в Англии. Так, автор полагает, что Византии Европа обязана претводением в жизнь идеи «христианского мира», в противовес государственной „pax Romana". В том январском номере „His ory" мы находим небольшую статью Парслоу (Parslou;h) о Римской Британии, в которой суммируются результаты новейших работ по этому периоду английской истории (преимущественно работы Гаверфильда; недавно вышедшая работа Фоорда автору неизвестна). Парслоу подчеркивает значение археологического материала для исследования Римской Британии.

По средневековой истории мы находим в июньской книжке журнала статью Е. Джакоба E. Jacob о политических взглядах некоторых средневековых деятелей,—эта статья интересна материалом по истории Исландии, который привлекается автором для доказательства той мысли, что идеалом средневековых людей была социальная организация вне и без государственного аппарата (?). В том же номере помещена статья Г. Кэм о процессах De Quo Warranto при Эдуарде I. В противность установившемуся мнению, по которому эти процессы являлись результатом стремления королевской власти положить впервые предел распространению феодального иммунитета и юрисдикции, автор полагает, что процессы De Quo Warr·n o в царствование Эдуарда I были лишь продолжением соответствующих мероприятий, принятых ранее. Автор полагает, что Мейтланд был неправ, когда утверждал, что королевской власти, пред'явившей ранее требование, чтобы все претензии на юрисдикцию были обоснованы хартиями, пришлось потом пойти на компромисс и признать право давности, как достаточное основание. Кэм, в противность этому мнению, указывает, что право давности признавалось судьями с самого начала процессов De Quo Warranto в царствование Эдуарда I. Несмотря на интересный анализ, который производит автор в области сложных источников, вопрос остается спорным.

По новой истории обращает на себя внимание помещенная в апрельской книге журнала статья проф. Ферса (Ch. Firth) о Лондоне во время гражданских войн. По мнению автора, Кромвель пользовался поддержкой средней и мелкой лондонской буржуазии, но крупное купечество лондонских компаний было настроено по отношению к лорду-протектору враждебно, и эта враждебность постепенно усиливалась. К концу гражданских войн подмастерья также были враждебны протекторату и стояли за короля. Ухудшение отношений с лондонским купечеством было, между прочим, вызвано серьезными потерями, которые потерпело купечество вследствие войны с Испанией. Лавочники также терпели убытки, так как в Лондонѣ не было больше двора, который привлекал бы аристократию и дворянство, которые теперь не могли быть крупными покупателями. В том же апрельском номере Д. Грант в небольшой статье о «монархии Людовика XIV» показывает, что к концу царствования Людовика XIV монархия утеряла всякий социальный смысл, так как ее исторические задачи были уже к тому времени полностью осуществлены.

Помимо вышеприведенных статей заслуживает быть отмеченной статья известного английского специалиста по палеографии Дженкинсона о преподавании и практике письма в Англии в июльской и октябрьской книжках журнала. В октябрьском же номере помещен меморандум Исторической Ассоциации о задачах преподавания истории в средней школе. Ассоциация считает, что девятнадцатый и двадцатый века не должны занимать в преподавании истории исключительного места, так как понимание событий, происшедших в последние 150 лет, находится за пределами умственных способностей школьников средней школы — (!!). Ассоциация настаивает на важности семинарского метода преподавания. Мало говорится об изучении местной истории, чему в настоящее время уделяется в Англии серьезное внимание.

Издаваемый Кембриджским университетом «Cambridge Historical Journal» в номере за 1926 год содержит статью Чарльзворса (Charles worth) о «страхе перед Востоком в Римской империи». Автор подчеркивает, что в поддержке Августа против Антония сказался страх Рима перед Востоком и восточной культурой с ее деспотической монархией. Борьба с еврейским культом в первом столетии после Р. Хр., по мнению автора, также отражает эту «боязнь Востока». Экономические мероприятия Римского правительства в первом столетии после Р. Хр., в частности стремление освободиться от зависимости от поступлений зерна из Египта, указывают на тот же факт. Автор не останавливается на конечной победе Востока над Западом, которая, если принять его схему, несомненно наступает во втором и третьем столетии нашей эры. В том же «Cambridge Historical Journal» помещена обширная статья Э. Пауер (E. Power) об английской шерстяной торговле в царствование Эдуарда IV, в конце XV века. В статье привлечен

новый материал в виде неопубликованной части переписки крупных шерстяных торговцев Сили (Cely papers), а также голландские и итальянские источники. Автор устанавливает, что с 1330 по 1480 год мы имеем непрерывное сокращение вывоза шерсти из Англии (в общем в три раза). Шерсть все более и более идет на удовлетворение потребностей английской шерстяной индустрии, в согласии с ранними меркантилистическими идеями времени (Hoene of foreign Policy) и политикой правительства. Автор отмечает раннее развитие системы кредита, и наличие уплаты процентов за кредит. Церковные кары за ростовщичество обходились путем разницы на обмене валюты в зависимости от срока платежей.

В том же журнале И. Морроу (Morrow) сообщает неопубликованный ранее меморандум Эренталя [1]) по вопросу о проливах; в журнале приводятся также некоторые из документов английского исследователя Валласа о русской революции 1905 г. и периоде 1906—7 гг. В дневнике Валласа поражает его недоверие к искренности вождей революции, непонимание русских условий и значения политических партий. Валлас переоценивает значение меньшевизма в революции 1905 года.

В журнале преподавателей истории «Hist Teachers Misc» в 1926 году помещено мало интересного материала. Гедсон исследует в январском номере манориальные документы конца XIV века; в качестве исторического источника в февральском номере помещено моралистическое произведение сельского дворянина конца XVIII века, в котором интересны нападки на церковь и попов, которые угождают богатым, на спекулянтов-фермеров, искусственно вздувающих цены на зерно, на суд, адвокатов и т. п. Это произведение можно сопоставить с Фонвизинским «Недорослем». В мартовском номере интересна небольшая статья Мумфорда (Mumford) «Привилегии и юридическое положение крестоносцев». Автор использует отрывочный материал, относящийся только к Англии, однако считает возможным установить, что суд признавал пребывание в крестовом походе достаточным основанием неявки обвиняемого, что бывали случаи, когда отправка в поход позволяла избегнуть наказания по суду. Автор выдвигает принцип: «все материальные иски приостанавливались на время пребывания ответчика в походе». Интересны замечания автора об освобождении крестоносцев от некоторых налогов; к сожалению, на основе малого материала автор не может подтвердить свои выводы сколько-нибудь серьезно. В августовской и сентябрьской книжках журнала Гедсон анализирует поместья Норфолька в до-норманскую эпоху на основе материала Книги Страшного Суда.

В июньском номере бюллетеня, издаваемого Институтом Исторических исследований в Лондоне (Bulletin of the Institute of Historical Research) помещены интересные сведения о порядке допуска исследователей в государственные архивы Румынии, Австралии и Нов. Зеландии. Эти сведения помещаются в отношении той или другой страны в каждом номере бюллетеня, при чем в вышедших уже до настоящего времени номерах бюллетеня, который начал издаваться 2¼ года тому назад, помещены сведения о допуске в гос. архивы в 15 государствах. Эти сведения представляются незаменимыми для всех историков, намеревающихся работать в архивах на местах. В бюллетенях Института Исторических Исследований помещаются также авторефераты важнейших из исторических диссертаций, написанных английскими исследователями. Отсутствие средств очень часто не позволяет авторам диссертаций даже в Англии рассчитывать на их напечатание, и поэтому эти авторефераты представляют иногда единственную возможность для широких кругов историков ознакомиться с имеющимся, в сделанных уже работах, новым материалом. В июньской книжке бюллетеня помещен автореферат диссертации М. Плек (M. Flake) на тему: «Лондон в эпоху войн Алой и Белой Роз» (1445—1461). Автор указывает, что Лондонское Сити оказывало лишь очень слабую поддержку Ланкастерскому правительству, и вообще в гражданской войне принимало слабое участие. Сити не было заинтересовано в продолжении войны с Францией и не могло рассчитывать на какое-либо обеспечение со стороны правительства в уплату за те займы, которые правительство стремилось получить. Восстание Джека Кэда, по мнению автора, в Лондоне большой поддержки не встретило; Сити рассматривало беспорядок, как угрозу его благосостоянию и безопасности.

Издаваемый Экономическим Обществом «Economical Journal» во внимание к упоминавшемуся нами выше оживлению интереса к экономической истории, выпустил в начале года специальный номер, посвященный экономической истории. Этот номер является первым в серии, и, повидимому, Экономическое Общество предполагает издавать ежегодно и в дальнейшем один номер, специально посвященный экономической истории. В Англии, таким образом, в одно время народились два журнала по экономической истории. В рассматриваемом нами

---

[1]) Австрийский министр иностранных дел.

номере «Economic fournal» на 1926 год помещена статья Мюнца (Munz) о «Появлении первоначальных экономических понятий», в которой автор пытается проследить появление понятий обмена и ценности у примитивных рас и дикарей на основе опыта торговли с населением центральной Африки. Автор устанавливает, что понятие ценности легче усваивается дикарями, нежели понятие цены, колебания которой являются для них необ'яснимыми. Р Ферс (R. Firth) в том же номере анализирует «некоторые аспекты промышленности у дикарей» на основе материала о жизн маори в Новой Зеландии. Разделение труда, указывает автор, у маори весьма слабо подвинулось вперед; более или менее определились лишь функции мужчин и женщин в производстве. В том же журнале помещены статьи Д. Герсина «О теории денег Ник. Орезма» (XIV век); Г. Бриена «Организация торговых монополий в Ирландии в царствование Джемса I»; А. Рива (A. Rive) «Потребление табака с 1600 года»; Гранта «Социальные последствия сельскохозяйственных реформ и огораживания в Сев. Шотландии». Эштона (T. Ashton) «Домашняя мануфактура в Ланкаширской машиностроительной промышленности»; К. Фэй (K. Fay) «Контроль цен и средние цены на зерно во время хлебных законов в Англии». Особого внимания заслуживает статья Дж. А. Венна; на основе архивного материала и современных данных автору удается сравнить экономическое положение небольшого участка земли в Норфольке в конце XVIII века и в настоящее время. Автор устанавливает, что хотя сельское хозяйство по-прежнему представляет основное занятие населения, число лиц, которое живет доходами с этого участка земли, возросло в полтора раза, стоимость труда по обработке земли, если учесть разность цен, также возросла приблизительно в полтора раза. Отмечается значительное увеличение налогового обложения. Мелкие держания исчезают, и их место занимают средние держания, размером от 20 до 100 акров. Небольшая статья Венна является образцовой по тщательной обработке материала. В. Блэден (V. Bladen) помещает статью о «Промышленном перевороте в горшечной промышленности». Автор отмечает, что промышленный переворот состоял в изобретении новых методов производства, производстве ряда опытов по выработке более производительных способов формовки, начале «научной» организации труда и управлении предприятием. К концу XVIII века наметилось участие капитала, пришедшего из других отраслей промышленности, в которых промышленный переворот подвинулся уже на высшую ступень. Горшечные фабриканты начинают принимать участие в торговых палатах, организациях предпринимателей для борьбы с рабочими и для защиты собственных интересов. Ст. Дэмбелль (St. Dumbell) прослеживает образование посредников-брокеров, как организации, регулирующей «ливерпульский рынок хлопка». К началу XIX века организация посреднического аппарата была уже налицо, хотя формальная связь и спайка последовала лишь впоследствии, когда американский хлопок занял доминирующее положение на рынке.

Издаваемый Лондонской Высшей Школой Политических и Экономических Наук журнал «Economica» содержит в мартовской книге статью Гетта (Hutt) о фабричной системе начала XIX века. Автор высказывает парадоксальную мысль о том, что фабричные безобразия и тяжесть условий труда были сильно преувеличены тогдашними моралистами, марксистской исторической традицией и последующими историками (Энгельсом, Гетчинсом, Веббами, Гаммондами и пр.). Гетт напоминает о том, что «синие книги», отчеты королевских комиссий, на которых основывали свои заключения последующие историки, встретили негодование фабрикантов, которые опровергали заключения этих отчетов. Заключения автора об оздоровляющем влиянии фабричной системы на положение молодого поколения в начале XIX века более чем спорны, и производят иногда отталкивающее впечатление. В ноябрьской книге того же журнала помещена интересная статья А. Джеджеса A. Judses под заглавием: «Филип Бурламачи, финансист Тридцатилетней войны». В этой статье автор на основании архивного материала обрисовывате карьеру финансиста середины XVII века, представителя капитала, не имеющего ни родины, ни патриотизма, ссужающего деньги правительствам и армиям.

И. Звавич.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ СЕРЕДИНЫ 1927 г.

«Пролетарская Революция», №№ 6 (65, 7 (66) и № 8—9 (67—68).
«Летопись Революции» №№ 2, 3 и 4.
«Красный Архив» тт. 20 и 21.
«Каторга и Ссылка» №№ 4 (33), 5 (34) и 6 (35).
«Коммунистическая Мысль» №№ 1, 2 и 3.
«Новый Восток» кн. 16—17 и 18, 1927 г. (исторические статьи).

Весенние и летние месяцы текущего года были периодом усиленного выпуска исторической литературы, связанной с революцией 1917 г., но русская историческая журналистика, за небольшими исключениями, оказалась далеко не на высоте той задачи, которая ей была поставлена в связи с десятилетним юбилеем Октября. Необходимо констатировать, что количество работ в исторических журналах, посвященных 1917 г., оказалось очень скромным. Если общий книжный рынок СССР все же обогатился в связи с юбилеем рядом ценных изданий (хотя также несколько запоздавших выходом в свет), то журнальной литературе определенно не повезло, и капитальных работ в вышедших за отчетный период журналах по революции 1917 г. опять-таки, за небольшими исключениями, очень мало. Можно, однако, надеяться, что пред'октябрьские и октябрьские номера журналов в этом отношении в той или иной мере заполнят указанный недостаток.

Первое место по юбилейной литературе безусловно занимает «Пролетарская Революция» с ее более или менее регулярным выходом в свет. Все же остальные журналы попрежнему появляются с большим опозданием.

Все это дает основание утверждать, что с исторической журналистикой и особенно с проблемами революции 1917 года далеко не все обстоит благополучно. Прежде всего бросается в глаза ограниченный круг лиц, работающих в области этих проблем и отсутствие плановости в поручаемых им «социальных заказах». В предыдущем обзоре мы уже отмечали второе ненормальное явление из области недостатков журнальной литературы — это слабая проработка публикуемых статей. На это обстоятельство приходится указать и в отношении той журнальной литературы, которая посвящена революции 1917 г.

«Пролетарская Революция» №№ 6 (65), 7 (66) и 8—9 (67—68)—1927 г. Рецензируемые номера указывают на дальнейшее продвижение этого журнала на путях улучшения качества и содержания печатаемого в нем материала. Правда, журнал окончательно еще не «стабилизировался», не уточнил границ своих интересов несколько распыляет свое внимание, но все же общая линия научных вопросов им уже определена и в общем является правильной. Революция 1917 г. занимает в статейном материале «П. Р.» первое место, и это тоже вполне правильно, но, к сожалению, не все статьи одинаковой ценности, что, вероятно, зависит не столько от редакции, сколько от состояния научной разработки вопросов «Октября». Наш разбор статей в «П. Р.» даем в порядке выпусков №№ журнала.

В № 6 (65) интересный материал дает Д. Кин: в статье «Борьба против об'единительного угара в 1917 г.». «Самая большая опасность, которая угрожает русской революции,—это об'единение большевиков с меньшевиками»,—говорил Ленин, высказывавшийся не только против об'единения с меньшевиками, но и против каких бы то ни было блоков с оборонцами. Тов. Кин в своей статье центр внимания переносит на «об'единительный угар» в первый период после Февраля 1917 г. Им проработан большой не только литературный, но и архивный материал, главным образом, Истпартотдела ЦК ВКП(б). В конце статьи приведена ценная табличка состояния партийных организаций в 1917 г., при чем получается картина значительного преобладания об'единенных организаций почти во всех непромышленных центрах. Далее «об'единительным угаром» были почти сплошь заражены партийные организации Западного края, Урала и Приуральского района, Сибири и Дальнего Востока, Закавказья и Северного Кавказа. В центрально-промышленном и центрально-земледельческом районах большевистские организации были в Москве, в Иваново-Вознесенске, в Твери, в Усмани и в Кирсанове. Все же остальные 17 организаций этих районов к моменту Всероссийской апрельской конференции считались об'единенными. Больше чем на 50% обединенных организаций было на Украине, в Донбассе и в Донской области. Подводя итоги «обединительному угару», Д. Кин приходит к выводу, что «в большинстве пролетарских центров с развитой политической жизнью, главным образом, в крупнейших городах, где традиции большевистской партийности были сильны и до революции, сохранились самостоятельные большевистские организации, и в первое время после февральской революции бывшие и у них колебания обединительного порядка были преодолены без большого труда. Решающим переломным моментом для большинства организаций, в том числе и обединенных, явилась всероссийская апрельская конференция. Там же, где обединенные организации продолжали существовать и после апреля, решающим моментом, приведшим к разрыву с меньшевиками, явились июльские события, когда предательство меньшевиков обнаружилось целиком и когда сами меньшевики торопились оборвать все нити, связывающие их с большевиками. К моменту VI сезда, когда в подавляющем большинстве мест существовали самостоятельные большевистские организации и выяснились взаимоотношения с междурайонцами и меньшевиками-интернационалистами, можно считать формирование пролетарского авангарда на пути к Октябрю не только в политическом, но и в организационном отношении закончившимся». Для

понимания характера революционного движения 1917 г. в отдельных районах ст. т. Кина дает очень многое.

Вторая большая статья в № 6 (65) «П. Р.» Е. Игнатова «І-й Всероссийский сезд Советов Рабочих, Солдатских Депутатов дает обстоятельный анализ этого с'езда и характеристику политических партий, принимавших в нем участие, по их выступлениям по наиболее важным политическим вопросам этого периода революции 1917 г. Изложение т. Е. Игнатова страдает некоторой прагматичностью и недостаточно четкой заостренностью в постановке проблем, но все же статья должна быть признана одной из лучших из имеющихся по анализу 1-го Всероссийского с'езда Советов. Предательская линия поведения соглашателей выявлена в статье с достаточной полнотой и яркостью.

Статьи Ф. Залесской — «Июньская демонстрация 1917 г.» и О. Варенцовой — «Военное бюро при Московском Комитете большевиков», особенно первая, служат как бы дополнением к статье Е. Игнатова и дают много фактического материала по затронутым в них темам.

Большую ценность представляет до сих пор не освещенная в печати работа «Военного бюро» МК в деревне. О. Варенцова, к сожалению, уделила этому вопросу всего 1½ странички и дает очень мало сведений о работе организованных Военным бюро землячеств, которые имели очень важное значение для влияние большевиков на деревню.

В том же № 6 (65) помещено окончание ценной работы И. Грейнера: «Революция в Венгрии» (1918—1919 гг.). И. Грейнер освещает венгерские события 1918—1919 гг. на основании новых материалов и вскрывает перед читателем роль «об'единительного угара», который оказался роковым для диктатуры венгерского пролетариата и который послужил одной из главных причин провала венгерской революции. Затем И. Грейнер очень четко вскрывает вторую крупную ошибку венгерской революции — это неправильное разрешение Советской властью Венгрии земельного вопроса и непонимание венгерскими коммунистами значения союза рабочего класса с крестьянством. Третьей крупной ошибкой Советской власти в Венгрии автор считает излишнюю доверчивость коммунистов обещаниям Антанты и добровольное отступление Красной армии.

В отделе воспоминаний помещены две работы М. Кедрова «Всероссийские конференции военных организаций Р. С.-Д. Р. П. (б)—17—23 июня (30 июня—6 июля 1917 г.» и В. Берлова «Из истории гражданской войны на Северном Кавказе 1917—1918 г.».

В отделе материалов помещены тексты двух номеров киевской газеты «Вперед» (№ 1 от 8 дек. 1896 г. и № 3—от 1 янв. 1898 г.) с предисловием Б. Эйдельмана, автора работы «Первый сезд Р. С.-Д. Р. П.». активного участника и организатора этого с'езда.

Достаточно полно составлена в № 6 (65) библиография, где «П. Р.» также намечает «новый курс», поместив большую критическую статью И Горина о работах Л. Троцкого по революции 1905 г. вообще и освещению им роли советов в 1905 г. в частности.

В июльской книжке № 7 (66) «П. Р.» также преобладает материал, посвященный революции 1917 г. Здесь мы имеем статьи А. Шестакова «Июльские дни в деревне» и С. Рабиновича «Декларация прав солдата» с приложением ее текста за подписью А. Ф. Керенского и историей этого документа. Журнал откликнулся также на злобу дня («К разрыву торговых и дипломатических сношений с Англией»), дав интересную статью М. Ветошкина «Капиталистическая интервенция и белогвардейская «демократия» на севере в Архангельской губернии». Эпоха гражданской войны освещена в статье А. Бубнова «Гетмановщина, Директория и наша тактика», которая дает описание и анализ событий конца 1918 и начал 1919 года на Киевщине и служит, как бы дополнением к известной книге Е. Бош «Год борьбы», давая общую картину работы киевской партийной организации за этот период. Все эти статьи дают соответствующий фактический материал, большею частью нигде не опубликованный. В ст. Бубнова имеется также и мемуарный материал.

Несколько особняком в № 7 (66) журнала стоит большая статья Н. Ленцнера «Троцкизм в эпоху реакции», являющаяся злободневной по другой линии. Несомненно, что эту статью надо отнести к тем немногим научно-исследовательским работам по истории партии, которых давно ждет наука. в этой области Тов. Н. Ленцнер берет троцкизм в эпоху реакции, считая, что эпоха контр-революции была не менее серьезным экзаменом для всех течений и вождей российской с.-д., чем революция 1905 г. «Легко быть революционным и радикальным в момент революционного под'ема,—говорит он,—но подлинность этой революционности проверяется именно в эпоху реакции». Тов. Н. Ленцнер разбивает свое исследование на ряд разделов: политическая методология троцкизма, его тактический план,

внутрипартийные вопросы, корни примиренчества троцкизма, троцкистская перспектива развития Р. С.-Д. Р. П и т. п. В результате исследования Н. Ленцнер приходит к выводу, что троцкизм в эпоху реакции, как группа, претендующая быть революционным крылом Р. С.-Д. Р. П., полностью обанкротился. Эпоха реакции разоблачила троцкизм, как разновидность меньшевизма, и вскрыла меньшевистскую суть теории перманентной революции. «Непонимание классовых корней раскола облекло троцкизм на роль беспринципного, обывательского, реакционного примиренчества».

Работа Н. Ленцнера страдает некоторым схематизмом, «разбросанностью» аргументации и местами повторяет давно всем известные истины, хотя бы из той критики, которую давно давал троцкизму в свое время В. И. Ленин. Но все же в наши дни ожесточенной борьбы троцкизма с ленинской линией в партии эта статья должна дать историкам партии, а также и ее «функционерам» достаточный материал для критики троцкизма на примерах из пред'революционной эпохи.

Отдел воспоминаний № 7 (66) «П. Р.» дает историческую справку М. Кедрова «Как издавался «Рабочий и Солдат» в 1917 г.», А. Кучкина — «Июльские дни в Белорецке» (1917 г.) и И. Беккера — «По пятам оккупантов» из эпохи немецкой оккупации в западных губерниях. В связи с годовщиной смерти тов. Ф. Э. Дзержинского М. Савельевым опубликованы чрезвычайно содержательные письма и документы Ф. Э. Дзержинского.

Критика и библиография в № 7 (66) «П. Р.» также в значительной части посвящена литературе эпохи 1917 г.

Из семи статей в № 8—9 (67—68) «П. Р.» пять посвящены летнему и осеннему периоду революции 1917 г. Из последних С. Пашуканис дала обзор шестого с'езда партии, имевшего, как известно, громадное значение в деле подготовки партии к октябрьскому перевороту. «В своих решениях с'езд, — говорит С. Пашуканис, — поставил перед партией ряд основных политических задач момента, из которых основной являлась задача подготовки вооруженного восстания для захвата власти пролетариатом, при поддержке его беднейшими слоями крестьянства». В своей статье автор дает также должную оценку оппозиционным течениям, бывшим на с'езде.

Помещенная вслед за статьей С. Пашуканис, статья — воспоминания Г. Зиновьева «Ленин и июльские дни» до некоторой степени дополняет первую или вернее, наоборот, статья С. Пашуканис в значительной мере вскрывает те недомолвки, которых довольно много в статье т. Г. Зиновьева. Эта последняя несомненно написана с целью приобретения политического капитала нынешней оппозицией В своих воспоминаниях о деятельности партии в июльские дни т. Г. Зиновьев например, не нашел ни одного слова, чтобы отметить роль таких работников партии в июле 1917 г., как т. Сталин, выступавший на с'езде с основным докладом о текущем моменте, или т. Милютин, который, делал доклад об экономическом положении в стране и др. Тов. Г. Зиновьев очень ловко расставил вокруг Ленина фигуры тт. Радека, Каменева, Троцкого, свою и т. д., т.-е. весь «букет» нынешней оппозиции. Статья т. Г. Зиновьева по существу не дает ничего нового о Ленине в июльские дни, чего бы мы уже не знали из ранее опубликованного материала, и «умысел ее совсем иной». Об этом можно прочесть в предпоследней заключительной строке его статьи, где он меланхолически замечает: «Почему с нами нет больше Ильича? Ведь все могло бы быть по-иному...».

В статье Е. Игнатова «Государственное совещание в Москве в 1917 г.» дана обстоятельная прагматическая работа на тему заглавия. В следующей статье А. Шестакова дается небольшая историческая справка о формах влияния партии большевиков на крестьянство в 1917 г., и впервые опубликованы некоторые материалы по организации землячеств в Петрограде.

Работа В. Жукова—«Черноморский флот в революции 1917 г.», дает обзор участия черноморских моряков в революционном движении. Автор сообщает, что — «кадры черноморского флота вербовались, главным образом, из богатых земледельческих районов Украины и Дона, чем и определялся их социальный состав в большинстве своем из консервативного и политически мало развитого крестьянства, с мелко-буржуазной идеологией... Вследствие этого, — по мнению автора — черноморский флот не шел, подобно балтийскому, по восходящей прямой к Октябрьской революции, а двигался зигзагами: революционные порывы чередовались у него с оборончески патриотическими настроениями, национальным шовинизмом и анархическими устремлениями».

Из остальных статей и материалов, опубликованных в № 8—9 «П. Р.» следует отметить работу И. Д. Смирнова по истории первого совета в 1905 г. в Воронеже и А. Тихонова «Забастовочное движение в Тамбовской губ. 1901—1905 г.», А. Криницкого (Бампи) «Коммунистическая партия Белоруссии в подполье (1918 г.)» и воспоминания Кучкина о первом всероссийском с'езде крестьянских депутатов. С огромным интересом читаются помещенные в разделе мате-

риалов «Протоколы центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.(б) (август—сентябрь 1917 г.)». Протоколы проливают свет на целый ряд весьма существенных вопросов деятельности партии большевиков в пред'октябрьские дни, а также дают характеристики ряду работников ЦК (Каменева, Рязанова и др.).

Библиография в № 8—9 «П. Р.», к сожалению, чрезвычайно пестра, и здесь мы видим некоторый отход от той линии, который был проведен в № 7 (66) «П. Р.», так как здесь всего только две рецензии на книжки, посвященные 1917 г.

Отдел рецензий «П. Р.» вообще нуждается в более солидной реорганизации.

«Летопись Революции» №№ 2, 3, и 4—1927 год. С настоящего номера мы вводим в наши обзоры «Летопись Революции» — журнал Истпарта ЦК КП (б) У. Журнал издается уже 6-ой год. Его прежний и нынешний облик существенно не изменились. Большинство статей носит прагматический и мемуарный характер. Для Украины это, конечно, имеет большое значение, так как история ее партии и революционного движения до сих пор освещены очень слабо.

Но вместе с этим необходимо указать, что и «Летописи Революции» следовало бы пойти по путям, на которые стал ее старший собрат—«Пролетарская Революция». Правда, если журналу центрального Истпарта трудно подбирать материал достаточной научной ценности, то Украинскому журналу это еще вдвое труднее, так как недостаток научных работников историков партии и историков революционного движения на Украине еще больше, чем в центре СССР. Однако некоторое улучшение по сравнению с прежними номерами «Л. Р.» в номерах журнала за 1927 г. все же имеется. Прежде всего в рецензируемых номерах большое место отведено революции 1917 г., и это одно служит в юбилейный год доказательством, что журнал может откликаться и на злободневные темы.

Переходя к обзору отдельных номеров «Л. Р.» текущего года, следует отметить общую для всех номеров журнала разбивку на 5 отделов: 1. Революция и гражданская война на Украине, 2. Между двумя революциями, 3. История профдвижения, 4. Библиография и 5. Хроника. Некоторый недостаток, бросающийся в глаза при обзоре материала, это разбивка статей по кусочкам в отдельных номерах журнала. Так, в № 4 «Л. и Р.» из 8 статей — 4 являются или продолжением, или окончанием начатых в предшествовавших номерах, что, конечно, затрудняет пользование журналом и чего следовало бы избегать.

Из статей в № 2 «Л. Р.» останавливает внимание работа С. Гопнер — «Большевистская организация накануне и в первый период февральской революции в Екатеринославе». В статье много фактического материала, носящего в значительной степени мемуарный характер. Между прочим, т. Гопнер отмечает основные недочеты большевистской организации Екатеринослава в период февральской революции: «самым важным недочетом надо считать наше игнорирование работы среди крестьянства»... Далее т. Гопнер пишет: «крупнейшим политическим опущением было наше игнорирование, вернее, полное забвение национального вопроса». С. Гопнер совершенно права, указывая, что Екатеринославская организация в момент февральской революции была большевистской организацией и «об'единительным угаром» не страдала. Это, между прочим, подтверждается и статьей Д. Кина в «П. Р.» № 6 (65) за 1927 г., о которой мы упоминали выше. К сожалению, ст. С. Гопнер охватывает историю большевистской организации Екатеринослава только до апрельской конференции и поэтому скорее является коротеньким отрывком из истории организации.

Статья В. Щербакова «Черниговщина накануне революции и в дооктябрьский период 1917 г.» дает более общий обзор революции на Черниговщине, при чем уделяет большое внимание украинской деревне. Здесь у него есть некоторая методологическая неправильность в постановке вопроса о причинности аграрного движения на Черниговщине, которое он связывает чуть ли не только с одним недостатком продовольствия в деревне.

Изложение как этого вопроса, так и других страдает некоторой разбросанностью и неорганизованностью материала. Это замечание может быть распространено на ст. Е. Викторова «Первый этап революции на Николаевщине», А. Дикого «Из истории партизанской борьбы на Черкащине» и др.

Несколько особняком стоит статья Е. Розина «Переяславская республика и ее герой Хрусталев-«Носарь», окончание которой напечатано в № 3 «Л. Р.». Речь идет о бывшем председателе Петроградского Совета Рабочих Депутатов в 1905 г. Статья написана довольно живо и дает яркий портрет этого авантюриста, всплывшего в революции 1917 г. в качестве комиссара Временного правительства в Переяславском у., Полтавской губ.

В №№ 3 и 4 «Л. Р.» помещена большая статья В. Манилова «Из истории взаимоотношений центральной Рады с Временным правительством». Статья написана с достаточной серьезностью и знанием дела и ее можно признать одной из лучших во всех трех рецензируемых номерах. Статья еще не закончена и в № 4 будет иметь продолжение. Ее разбор поэтому отложим до выхода № 5 «Л. Р.».

Другие статьи в № 3 и 4 журнала посвящены истории партии и революционного движения по отдельным районам и отдельным моментам, при чем они построены, главным образом, на материале местных архивов и, в значительной части, на воспоминаниях.

Такого же характера статьи и в отделах «Между двумя революциями» и «История профдвижения». Из первого отдела стоит отметить работы Т. Харченко «Из истории Р. С.-Д. Р. П. в Донбассе» (№№ 2 и 3) и Г. Корфа «Социал-демократическая организация в период войны» (№№ 3 и 4 «Л. Р.»).

Отдел библиографии «Л. Р.» интересен тем, что здесь рецензируется украинская историческая литература, при чем следует заметить, что все же ее очень недостаточно и украинскому журналу следует обратить на отдел рецензий сугубое внимание, не увлекаясь рецензиями на общую историческую литературу.

«Красный Архив» тт 20 и 21 за 1927 г. Те упреки, которые делались нами по адресу русской исторической журналистики в отношении ее запаздывания в значительной мере относятся к «Красному Архиву» — органу Центроархива РСФСР.

Рецензируемые тома «К. А.» в значительной своей части дают материал также по революции 1917 г. Материал обоих томов можно разбить на две группы: документы, касающиеся февральской революции и деятельности Временного правительства, и документы по эпохе гражданской войны. Таким образом, выпадает Октябрьская революция, которой вероятно, будет посвящен следующий том «К. А.». Из первой группы материалов наиболее ценны в 21 томе документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта, относящиеся к моменту февральской революции. В них освещается отношение ставки, т.-е. царя и его приближенных, к начавшейся в Петрограде революции, к организации посылки войск с фронта для ее подавления, ее роль в переговорах верховного командования о спасении положения с Родзянко, и т. д. Документы освещают от'езд царя на север и его безуспешные попытки прорваться в Царское село, разложение флота, переговоры ставки с Временным комитетом Государственной Думы, признание штабом новой власти в Петрограде и его попытки спасти монархический принцип, назначение Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа, отречение Николая, смещение главковерха Николая Николаевича, взаимоотношение между Временным правительством и Алексеевым и т. д. Значительная часть документов была опубликована ранее в газетах и журналах, а также они были использованы в работах Лукомского, Мартынова, Перетца и др. Достоинством изданных документов является то, что они даются впервые в систематическом порядке и вполне выверены. К этому же моменту истории относится и «Дневник Николая Романова», начатый печатанием в 20 т. и не законченный в 21-м, выдержки из которого также уже появлялись в печати, но в полном виде, без купюр этот дневник последнего царя также еще не был опубликован. Дневник ведет свое начало с 16 декабря 1916 г. и в 21 т. доведен до 31 июля 1917 г. — до последнего дня пребывания бывшего царя в Царском Селе. С февральской революцией связаны документы (20 т.) под общим заголовком «Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией», которая охватывает период деятельности Временного правительства до мая 1917 г. включительно. В числе этих документов имеется доклад Временному правительству комиссара Сватикова о контр-революционном движении за границей, который был послан туда с поручением расформировать в окончательном виде царскую заграничную политическую агентуру. Приведенные документы дают также материал о выезде русских эмигрантов из-за границы, в том числе и В. И. Ленина.

В том же 20 т. дается протокол заседания конференции союзников в Петрограде 1-го февраля 1917 г., в которой разбирались вопросы, касающиеся ведения войны. Анализ протокола совещания лишний раз подчеркивает зависимость военной политики царского правительства от союзного командования и в то же время определяет ту общую политику, которой были связаны правящие верхушки России с Антантой и которую продолжали деятели Временного правительства.

К эпохе деятельности временного правительства относятся также материалы по союзу земельных собственников в 1917 году, с предисловием т. Чаадаевой. По поводу этого предисловия следует отметить, что в 1916 г. по почину помещиков членов Государственной думы и Государственного совета эта организация взялась за поставку продуктов сельского хозяйства, получив большие авансы от правительства, о чем т. Чаадаева ничего не сообщает. При Временном правительстве союз был реорганизован, как чисто политическая партия, но главное ядро осталось в

нем старое. В документах О. Чаадаевой даются, главным образом, журналы заседаний главного совета этого союза от 29-го—31 июля 1917 г., из которых мы получаем довольно полную картину деятельности как местных, так и центрального органа союза.

К документам этого же периода революции 1917 г. в 20 т. следует отнести переписку «резидентов» царского правительства у эмира бухарского с Временным правительством о событиях в Бухаре в 1917 г. с предисловием А. Шестакова.

«Дневник Куропаткина» в отрывках из первых месяцев 1918 г. — снабжен предисловием М. Н. Покровского и отчасти является дополнением к документам о Бухаре в 1917 г. В записи от 31 марта Куропаткин подробно рассказывает о последнем моменте восстания в Туркестане, и эти строки несомненно явятся весьма ценным дополнением к тому, что нам известно об этих событиях.

Послеоктябрьскому этапу, освещаемому материалами 20 и 21 тт. «К. А.», посвящены документы о «работе» эсеров в 1918 г. Подбиравшей их В. Владимировой опубликовано в 20 т. «обвинительное заключение по делу Саратовской и Петроградско-Московской организации правых эсеров по обвинению членов этой организации в участии в контр-революционной организации, имевшей целью свержение Советской власти и шпионаж», письма Альтовского к Ракитникову и докладная записка и приложение к ней о работе в тылу большевистских и немецких войск Особого отдела при верховном главнокомандующем. «Эти документы — по словам В. Владимировой — не составляют сомнения, что партия правых эсеров являлась агентом антантовского империализма и верой и правдой служила ему, подготовляя и осуществляя совместно с чехами вооруженную интервенцию».

В 21 г. т. А. Гуковский дает материалы по началу врангелевщины, в которых освещаются условия, в которых находилась южная контр-революция в новой и последней фазе своего существования и вскрываются причины падения Врангеля.

Из остального материала рецензируемых томов «К. А.» следует отметить «Записку непременного члена министерства иностранных дел профессора Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай», которая относится к периоду боксерского восстания (1900 г.) и письма Г. Ф. Здановича, относящиеся к периоду середины 70-х гг. и характеризующие деятельность народничества этого периода (20 т.).

В том же 20 т. в конце книжки напечатаны народовольческие автобиографические документы: из них некоторый интерес представляет также устав «Общества Освобождения», которое было специальным отделом «Народной Воли», оказывавшим материальную помощь пострадавшим от преследований царского правительства.

В 21 г. ценны документы из деятельности царской дипломатии в эпоху Тайпинского восстания, при чем их составителем А. Поповым материал дан скорее в виде статьи, чем в систематически описанных документах.

В том же номере помещена «Отчетная записка» за 1881—1882 г. о-ва «Священной дружины» — этой первой фашистской организации петербургских аристократов с целью борьбы с крамолой. «Записка» дает богатый фактический материал по характеристике этой контр революционной организации на данном периоде русского революционного движения.

Как всегда, в обоих томах ценны заметки в отделе «Из записной книжки архивиста».

«Каторга и Ссылка. Историко-Революционный Вестник» №№ 4 (33), 5 (34) и № 6 (35). 1927 г.

В рецензируемых №№ «К. и С.» помещены статьи, посвященные г. о. истории революционного движения в 19 и начале 20 вв. Большинство из них проходит по ряду номеров, так, напр., Н. Николадзе в двух №№ (4 и 5) дает большую статью «Воспоминания о 60 гг., И. Н. Мошинский (Юз. Конарской)—«90 гг. в Киевском подпольев» в №№ 5 и 6, которая еще не кончена. В. Попова рисует увлекательную картину о динамитных мастерских 1906—1907 г. и провокаторе Азефе во всех трех (4, 5 и 6) мм Все эти статьи большей частью построены на материалах, связанных с воспоминаниями авторов. К такому же типу статей должна быть отнесена и работа В. Н. Фигнер «Процесс пятидесяти в 1877 г.», помещенная в № 4 «К. и С.». В том же номере опубликован, так называемый «Манифест ЦК большевиков о задачах партии в октябре 1905 г.». Этот документ целиком публикуется впервые, хотя упоминание о нем и даже цитаты из него известны из работ Васильева-Южина «Хронологических таблиц по истории РКП (б)» и др. Там же по неизданным архивным материалам А. А. Кункль дал статью о «Долгушинцах в период предварительного следствия». В № 5 «К. и С.» Г. Новополиным приведена интересная справка о Махно и Гуляй-Польской группе анархистов по обвинительному акту от 14 декабря 1909 г. военного прокурора Одесского военно-окружного суда. Этим судом Махно был приговорен на каторгу на 20 лет. В № 6 приведена небольшая справка

А. Свободова «М. Горький и студенческое движение 1901 г.» по делам архива Нижегородского губернского жандармского управления.

В том же № большой исторический и историко-литературный интерес имеет небольшая статья Н. Лернера: «Пушкин и казанские суконщики» Автор сообщает, что Пушкин в своей истории «Пугачевского бунта», описывая взятие Казани Пугачевым, останавливается на поведении в этом событии казанских суконщиков и что его отношение в описании этого случая дало ему «испытать меру своего сочувствия рабочему люду в его борьбе за свободу и что это испытание он выдержал с честью, достойною его проницательного ума и благородного сердца». Н. Лернер рассказывает также о посещении Пушкиным Казани, где знакомился с положением Казанских рабочих суконщиков.

Достаточно содержательно в рецензируемых номерах поставлены отделы «Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция» и «Лики отошедших». Между прочим в № 4 Л. Троцкий поместил статью о Ленине, которая им была написана в 1926 г. для Британской Энциклопедии и на русском языке печатается впервые.

Достаточно полно и интересно составлена библиография, г. о., о литературе по революционному движению.

Во всех номерах имеются хорошо исполненные портреты революционных деятелей.

«Коммунистическая Мысль» №№ 1, 2 и 3. — 1926 — 1927 гг. Журнал «К. М.» является органом Средне-Азиатского коммунистического университета имени В. И. Ленина. Первые две книжки журнала вышли в 1926 г. и третья в 1927 г. в Ташкенте. Мы их вводим в наш обзор, потому что в журнале значительное число статей посвящено вопросам истории (преимущественно С. Азии). В № 1 имеется статья И. Меницкого: «Последние дни русской буржуазии», освещающая деятельность буржуазии в 1916 г. и начале 1917 г. Статья носит характер небольшого очерка, написанного по литературным материалам и большой ценности не представляет. В том же номере гораздо более содержательна другая статья П. Г. Галузо «Вооружение русских поселенцев в Средней Азии». Этот исторический очерк является оригинальным произведением и носит характер научного исследования по архивным материалам Средней Азии. Автор приходит к выводам, что вооружение переселенцев-крестьян было стремлением для властей края «создать продолжение военного аппарата управления краем вниз, в самую толщу населения», при чем эта политика вооружения, определялась классовым интересом русского торгового капитала с целью сохранения в крае торгово-ростовщических производственных отношений». Эта статья была издана отдельной брошюрой

Статья А. Силонова в том же № 1 «К вопросу о влиянии торгового ростовщического капитала в сельском хозяйстве в Средней Азии» носит историко-экономический характер, при чем она написана на основании г. о. местных литературных источников и дает яркую картину деятельности, рост ростовщического паразитического капитала, разрушавшего сельское хозяйство Средней Азии. Во 2 и 3 №№ «К. М.» большой интерес вызывает статья П. Галузо «Переселенческое движение и интерес русского помещика и торгового капитала в Средней Азии», являющейся главой из подготовляемой автором книги «Переселенческая политика царского правительства в Средней Азии». В № 3 работа Галузо носит заглавие подготовляемой к печати книги. О характере этих статей можно судить по следующим основным ее разделам: колонизация и остатки крепостничества, причины переселенческого движения; социально-экономический тип переселенцев; торговый капитал и помещичье землевладение в вопросе о крестьянском переселении; Туркестан, как район переселения; экономический тип туркестанского переселения; чем был Туркестан для России, Туркестан — колония русского промышленного капитала и т. д. Утверждение автора, что «военно-феодальная власть русских использовывает феодальную власть местных баев, беков и султанов», надо признать неправильным, так как царское правительство с этой верхушкой вело подчас ожесточенную борьбу и стремилось опереться не на нее, а на трансформированные торговым капиталом новые капиталистические группы в ауле и кишлаке с использованием родовых и племенных отношений, еще сохранившихся в крае. Статья Галузо в № 3 не закончена и предположена к напечатанию в следующих книжках журнала.

В № 2 «К. М.» интересна и весьма спорна статья Е. Федорова «К истории коммунистической партии Туркестана», доведенная от 1917 г. до VIII с'езда компартии Туркестана — май 1924 г. Очерк Е. Федорова является первой попыткой дать краткую историю Туркестана, попыткой далеко не исчерпывающей затронутый ею вопрос.

Большим подспорьем для историка Средней Азии может явиться статья В. И. Балкова «Мелкая промышленность Средней Азии». Автор довольно тщательно исследует морфологию и общественно-экономическую роль туземного производства в общей структуре народного хозяйства Средней Азии. Статья напе-

чатана в № 3 и продолжение ее обещано в следующем выпуске. С № 2 «К. М.» в журнале введен отдел «Революция на Востоке», при чем в № 2 много материала отведено восстанию 1916 г. в Туркестане; в № 3—февральской революции. Этот отдел подготовляется Истпартом Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б). В этом отделе в № 3 «К. М.» следует выделить статью А. Силонова: «Февральская революция в Средней Азии», при чем окончание ее обещано в следующем номере. Там же дана интересная хроника событий 1917 г. в Туркестане, которая может служить справочником для историка Октябрьской революции в этом крае. Отдел библиографии в «К. М.» нуждается в лучшей организации. Редакции журнала можно порекомендовать побольше уделять места рецензиям на литературу по истории, выходящую в Средней Азии и в смежных с нею республиках.

А. Шестаков.

„НОВЫЙ ВОСТОК", ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ СОЮЗА ССР. КНИГИ 16, 17 и 18.

(Исторические статьи)

«Новый Восток» не занимается специально историей. Он посвящен, главным образом, проблемам современного Востока. Но в нем имеется и ряд статей и материалов исторического характера, и даже целый историко-этнологический отдел, правда, целиком посвященный историческим древностям, что делает его интересным и для историков. Огромный интерес, вызываемый китайской революцией, естественно, нашел свое отражение и на страницах «Нового Востока». Большая часть статей в рецензируемых книгах трактует о Китае и китайских событиях. Некоторые из них, как, напр., статьи Б. Семенова в обоих книгах, носят газетный характер и вряд ли нужны в столь редко выходящем журнале, как «Новый Восток»: с текущими событиями читатель знаком и из ежедневной прессы. Статья А. Е. Ходорова «Китай и мировое хозяйство» представляет собой не глубоко комментированное изложение отчета о внешней торговле Китая за 1925 год. Небезынтересна статья М. Альского о «Государственной системе прямых налогов в Китае». Статья Н. М. Попова-Тативы «Количество крестьянских дворов в Китае» является лишним доказательством того, насколько еще не совершенна китайская статистика, пропустившая 21 миллион (!) крестьянских дворов в своих подсчетах.

К китайской истории посвящены три статьи: К. Радека «Основные вопросы китайской истории» (кн. 16—17), Г. Сафарова «Древнейший период китайской истории» (кн. 18) и А. Е. Ходорова «Первые этапы китайской революции» (там же). Наиболее интересной из них является большая статья тов. Радека. Тов. Радек подвергает критике утверждение о том, что Китай столкнулся с мировым империализмом, как страна натурального хозяйства. Его выводы в этом вопросе таковы: «В Китае была частная собственность на землю, существовала дифференциация сельского населения на помещиков, крестьян-мелких собственников и крестьян-арендаторов, помещики и собственники в значительной степени пользовались наемным трудом» (стр. 11). Ссылаясь на работы Рихтгофена и русского монаха Иакинфа, он считает, что товарность крестьянского хозяйства в Китае в середине XIX века была весьма велика, что его связь с рынком была значительно более высокой, чем в отсталых областях южной Европы. Что же касается деревенской общины, то тов. Радек рассматривает ее, как административно-политический пережиток, продолжавший, как и в России, существовать после исчезновения общинного хозяйства. Причины застойности китайской экономики автор видит в условиях развития не сельского, а городского хозяйства. Указывая на высокую степень развития в Китае ремесла и торговли, т. Радек говорит: «именно в факторах стеснения китайского торгового капитала, в невозможности для него колониальной экспансии надо искать, главным образом, об'яснения—почему китайский капитализм не перешагнул от мануфактуры к фабрике» (стр. 19). Оспаривает автор и существующий взгляд на происхождение китайской государственной власти» из необходимости регулировать водоснабжение, защищаться от наводнений и обеспечить орошение земли», подобно тому, как это было и в Египте. Тов. Радек считает это неверным, хотя бы из-за одной разницы в характере орошения в Китае и Египте. В то время, как в Египте «история развертывается вокруг *одной* реки, которая снабжает водою всю территорию государства», «Китай перерезан *тремя реками*, земледелие в нем не ограничено узкими полосами вдоль берегов даже, хотя бы этих трех рек». (стр. 26). «Китайское государство», утверждает автор, «развивается либо в качестве государства *помещичьего*, служащего помещичьему классу, либо в качестве *крестьянского* государства, служащего крестьянству,—это две грани, между которыми совершается развитие китайского государства» (стр. 31).

Атор начисто отрицает феодализм в китайской истории после начала нашей эры. «Китайское государство... представляет в древнее время типичное феодальное государство, власть помещиков (автор вообще не проводит различия между феодалами и помещиками, что часто затрудняет понимание его формулировок. **М. В.**), а за время после начала нашей эры, в самые центральные моменты китайской истории оно представляет абсолютизм, покоящийся на блоке помещиков и торгового капитала» (стр. 41). Впрочем, автор говорит и о «Мингском феодалитете» (стр. 31). «Анти-феодализм т. Радека приводит к тому, что, говоря о социальном строе Китая ко времени вторжения европейского капитализма, он даже не упоминает не только о феодальных или полуфеодальных отношениях, но даже не говорит об их пережитках, имеющих огромное значение и в современном Китае, в самых передовых его провинциях.

Несмотря на наличие ряда спорных, а подчас и неверных положений, неточных и неправильных формулировок, статья тов. Радека вскрывает ошибочность и недостаточность существующих воззрений на китайскую историю и ставит ряд чрезвычайно интересных проблем.

Статья Г. Сафарова еще не закончена. Отметим из нее, что автор, в противоположность т. Радеку, выводит происхождение китайского феодализма из покорения кочевниками оседлых земледельцев (стр. 198). Автор считает сомнительным самое существование «колодезной системы», играющей немаловажную роль в концепции тов. Радека.

Статья Ходорова о «Первых этапах китайской революции» говорит о революции 1911 года до отречения Сун-Ят-Сена от президентства. Она не дает ничего нового по сравнению с имеющимися материалами, хотя бы в работах М. Павловича. Роль иностранного капитала, как в сотрудничестве с революционерами, так еще больше в поддержке Юань-Ши-кая, почти совершенно не освещена. Между тем, достаточно было воспользоваться хотя бы приводимыми в этой же книге в докладе Ван-Тин-вея заявлеиниями Суна о долгах и концессиях, чтобы вскрыть причины быстрого перехода мирового капитала на сторону Юань-Ши-кая.

Чрезвычайно любопытны доклады Ван-Тин-вея и крестьянского отдела Гоминдана на II Конгрессе Гоминдана в январе 1926 года (книга 18). Первый доклад рисует всю путаницу, царящую в голове этого «левого», с одной стороны кричащего о засилии контр-революционных элементов, а с другой,—боящегося призвать к активным действиям против них. Второй доклад проникнут более революционными настроениями и выражает взгляды левого гоминдана, с сильным коммунистическим влиянием. Но и здесь характерна постановка на первый план политического гнета над крестьянством и полное умолчание об аграрной революции.

Из других статей исторического характера укажем на работу тов. Павловича «Греческий империализм и мировая война» (книга 16—17). Роль Греции в мировой войне в русской литературе освещена далеко не полно. Можно указать лишь на сборник «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны» под ред. Адамова. Содержание статьи опровергает самое заглавие, так как если принять термин «империализм» в общепринятом смысле, то по приводимым тов. Павловичем данным для него никаких оснований не было. Речь идет, главным образом, о борьбе империалистов за влияние в Греции.

В статье «Русское командование и проливы» Н. Корсун сообщает о любопытной записке, разработанной русским верховным главнокомандованием в 1915 г., по вопросу о борьбе за проливы. Не рассчитывая на успех дессантной операции, предпринятой союзниками против Дарданелл, записка предусматривала продолжение войны с турками за овладение проливами и после окончания войны на западном фронте.

Заслуживают внимания статьи «Россия и Тибет» А. Попова, «От революции к контр-революции» Иолджу (об эволюции младотурецкой партии) и др.

Довольно обширен отдел критики и библиографии, с многочисленными рецензиями о востоковедной литературе на иностранных, в том числе и на восточных языках.

В книге 16—17 помещен подробный указатель к первым 15 книгам «Нового Востока».

М. Великовский.

РЕЦЕНЗИИ

В. Н. ЛЕБЕДЕВ. — «Очерки по истории орудий труда». ГИЗ. 1927 г. 64 стр., цена 60 коп.

Брошюра В. Н. Лебедева составлена из нескольких очерков, часть которых уже была напечатана в различных периодических изданиях; это, однако, нисколько не уменьшает значения брошюры, которая представляет интересную и просто написанную работу. Не задаваясь целью дать историю всех орудий труда, автор ограничил заранее рамки своего описания краткой историей некоторых видов производства и некоторых орудий. Из истории сельско-хозяйственной техники взят генезис плуга, серпа и мельницы, из истории металлургической промышленности — генезис молота, пилы и сверла, из истории текстильной промышленности — генезис прялки, ткацкого станка и иглы. Основное взято или второстепенное, — вот какой вопрос возникает у читателя. Если «Очерки» претендуют на то, чтобы дать краткую историю техники, то они, конечно, не отвечают основным требованиям, которые пред'являются к такой истории: они не дают общей картины развития техники, совершенно обходят генезис двигателя и т. д. Но если «Очерки» поставили себе более узкую задачу — проследить развитие нескольких простейших типов орудий в сложные (от форм первобытных до форм современных), то эту задачу они разрешают удачно. Написаны «Очерки» популярно, хорошим и достаточно образным языком, нет излишних деталей, нет скачков в изложении. Иллюстрации оживляют изложение, следовало бы только к некоторым из них дать пояснительный текст (к схемам — напр., к схеме парового молота). Во всяком случае эволюция описанных орудий труда получается отчетливая.

Несколько хуже выполнен исторический фон. В начале брошюры автор пытается набросать картину смены первобытных промыслов и приходит к выводу, будто примитивные формы земледелия возникли в результате перехода от первобытного скотоводства. Так как на предыдущей странице автор утверждает, что «земледелие и скотоводство возникли в различных странах, повидимому, совершенно самостоятельно», то его схема смены промыслов вызывает недоумение и породит у читателя путаницу. В дальнейшем изложении попадаются мелкие исторические неточности (напр., утверждение, будто бы особенного развития суконное производство достигло в средние века в Нидерландах — во Фландрии, и др. справки о времени и месте появления в Европе первого текстильного сырья). Эти неточности не существенны и легко исправимы.

Брошюру следует рекомендовать для целей самообразования, она будет полезна учащимся фабзавучей, школ II ступени, студентам рабфаков и, вообще, учащейся молодежи.

Издана брошюра прилично, но цена высока.

П. Кушнер (Кнышев).

М. РОСТОВЦЕВ. «Социально-экономическая история Римской империи». Оксфорд, 1926 г., стр. XVI + 695

M. ROSTOVZEFF. «The social-economic history of the Roman Empire». Oxford. 1926, XVI + 695. University Press.

Мы имеем целый ряд превосходных исследований различных сторон жизни Римской империи, ее конституционной истории, внешней политики, административной системы; были сделаны попытки дать полную картину исторического развития отдельных провинций Р. И. и пр., но мы до сих не имели ни одной книги или монографии, которая трактовала бы социальную и экономическую жизнь Р. И. в целом и указывала бы основные линии такого развития. Конечно, отдельные периоды и частичные проблемы разработаны достаточно, но никто еще не пытался «связать социальную и экономическую эволюцию империи с ее конституционным и административным развитием или внутренней и внешней политикой императоров, и... показать, как и почему ее материальное положение постепенно изменялось, как и почему блестящая жизнь ранней империи так резко изменилась в примитивную полуварварскую жизнь позднего периода». Так определяет проф. Ростовцев цель своей работы, вся трудность которой понятна каждому, кто имеет представление о том колоссальном и в то же время местами недостаточном и разбросанном материале, с которым ему пришлось иметь дело

Понятно, что «первая попытка такого рода» могла быть сделана только теперь, после громадной подготовительной работы. Об авторе говорить не приходится. Немного уже осталось тех, которые так же авторитетно могли возразить ему по некоторым своеобразно освещаемым им вопросам или дать исчерпывающую оценку этой выдающейся работе. Нам хочется лишь просто отметить ее появление и вкратце ознакомить интересующихся с ее содержанием.

Книга состоит из двух частей: текста (487 стр.) и примечаний (208 стр. очень убористого шрифта). В последних помещен громадный библиографический материал, особенно ценный для нас, поскольку о многих книгах, вышедших за последнее десятилетие, мы узнаем отсюда впервые, но очень многие из них, как об этом говорит и сам автор в предисловии, являются небольшими статьями по разным специальным вопросам. Великолепно исполненные фото-иллюстрации (60 на отдельных листах) тоже «не предназначаются для забавы или удовольствия читателя, но составляют существенную часть книги также, как примечания и цитаты из литературных или документальных источников». Они взяты из громадного запаса археологических свидетельств, которыми широко пользуется автор на протяжении всей своей книги. Текст разделен на 12 глав. Первая глава представляет собой мастерской беглый очерк событий поздней республики. Следующие две главы об Августе и военной тирании Юлиев и Клавдиев не так подробны, как главы о втором и третьем столетиях, «потому что, говорит автор, для наиболее существенных пунктов своего исследования я могу отослать читателя к новым книгам, где эти вопросы разбираются основательно и источники приводятся полностью». Основным же стержнем книги, является та часть ее, в которой говорится о II и III столетиях (гл. IV—XI); этот период Р. И. наиболее оставался в пренебрежении. Заканчивается труд главой, предназначенной «иллюстрировать в общих чертах различие между социальной и экономической структурой ранней и поздней Р. И.».

Свое «credo» как историка проф. Ростовцев формулирует так: «Нет нужды указывать (to emphasize) на тесную связь между социальной эволюцией и постепенным, хотя и медленным развитием экономической жизни. Я далек от того, чтобы переоценивать историческое значение экономических фактов, и все же я не могу не думать, что картина социальной жизни без соответственной картины экономических условий, лежащих в ее основании, была бы и неполная, и неверная. Поэтому, на ряду с моим исследованием социальной истории Р. И. я старался представить соответствующую картину главных направлений, по которым развивалась ее экономическая жизнь». Говоря здесь о переоценке исторического значения экономических фактов, автор, конечно, имеет в виду марксистов и дает понять, что к ним себя он не причисляет. Особенно категорично он высказывается против марксистов при разборе теории о причинах, как принято говорить, падения античного мира. «Марксистская теория (принятая Бюхером, Вебером, Сальвиоли) забывает, что античный мир прошел несколько эволюционных кругов (cycles of evolution), в которых периоды прогресса сменялись возвратом к домашнему хозяйству (hous economy). Но, развивая далее свои возражения марксистам, проф. Ростовцев бросает характерную фразу: «... экономическое упрощение (simplification) древнего мира не было причиной падения, а только одной из сторон более общего явления», которая показывает, как упрощенно он понимает так решительно отвергаемую теорию.

Выводы, к которым пришел проф. Ростовцев в результате своего исследования, вкратце таковы. Падение республики и установление империи явилось результатом союза между буржуазией и пролетариатом. Наступил конец гегемонии двух привилегированных сословий Рима сенаторов и всадников, которые вместе составляли класс полу-феодальных землевладельцев и денежных дельцов (business men). Этапу первому — этапу социальной эволюции соответствовало в экономике разложение типичных форм феодального капитализма, которые были характерны для поздней республики и задерживали здоровое экономическое развитие древнего мира. Деятельность Августа явилась выражением этой победы средних и низших классов и представляет собою компромисс между противоположными силами. Терроризм Юлиев и Клавдиев окончательно губит аристократию. Уже при Флавиях буржуазия почувствовала свою силу и через своего центрального представителя, римский сенат, показала свое нежелание поддержать ту систему правления (военную тиранию), в какую выродился принципат Августа, особенно при Домитиане

Буржуазия выходит победительницей из этой борьбы. Устанавливается конституционная монархия Антонинов, опирающаяся на городской средний класс всей империи и на самоуправление городов.

С исчезновением громадных богатств имперской аристократии и с концентрацией их богатств в руках императоров, формы эллинистического городского капитализма (city-capitalism), базирующегося на торговле, промышленности и культурном (scientific) сельском хозяйстве, вновь ожили и быстро развились под благословенным влиянием мира и спокойствия. Урбанизация империи — главный фактор этого процесса. Однако созидательные силы (creative forces), вызвавшие этот быстрый прогресс, постепенно замирают. Активность городской буржуазии выродилась в систематическую эксплоатацию труда низших классов. Стремление обеспечить себе мир-

ную и бездеятельную жизнь заставляет буржуазию вкладывать капитал главным образом в землю. Торговля и промышленность децентрализуются. Основывая свое благосостояние на труде крестьян и пролетариата, муниципальная буржуазия, подобно имперской аристократии и бюрократии, своей системой эксплоатации препятствовала этим низшим классам подняться на более высокую ступень и улучшить материальное положение. Общество империи все более разделялось на два класса или на две касты: буржуазию и массу, honestiores и humiliores. Возникает резкий антагонизм и постепенно принимает форму антагонизма между городом и деревней. Борьба между обоими классами превратилась в социальную войну и политическую анархию второй половины третьего столетия.

В результате — поражение буржуазии, разрушение городского капитализма и острый экономический кризис, который принес с собой возрождение примитивных экономических форм и рост государственного капитализма. Устанавливается новая форма правления, которая более или менее соответствовала условиям,—восточный деспотизм IV и V ст., опирающийся на армию, сильную бюрократию и крестьянскую массу. Заканчивается книга главой о реформах Диоклетиана - Константина и разбором проблемы о причинах падения античной цивилизации.

Колоссальная эрудиция проф. Ростовцева позволила ему не только осветить по-новому целый ряд фактов, но и разрешить по-своему кардинальные вопросы истории Р. империи и наметить новые проблемы и пути их разрешения («принципат Помпея» и «монархия» Цезаря, о природе римских профессиональных коллегий, о капитализме, о смуте 3-го века и пр.). Совершенно исключительный интерес и ценность представляют собою главы (VI и VII), в которых дается обзор римских провинций на основании нового материала и которые, таким образом, являются теперь дополнением и исправлением известного V тома в истории Моммсена.

Оригинальное решение вопроса о падении Р. империи и заключительные слова книги привлекают внимание также тем, что в них проф. Ростовцев является не только историком, но и современником (с определенным мировоззрением) великих событий, заставляющих задуматься над вопросом «куда идет Европа?» Главное явление в процессе упадка империи, это «постепенное поглощение образованных классов массою (the gradual absorption of the educated classes by the masses) и последовательное упразднение всех функций политической, социальной, экономической и интеллектуальной жизни, что мы называем варваризацией древнего мира». По мнению проф. Ростовцева «эволюция древнего мира — урок и предостережение для нас. Наша цивилизация будет продолжать свое существование разве только как цивилизация массы, а не некоторых классов (Our civilisation wil lnot last unless it be a civilisation not of one classes but of the masses), и во-вторых, — насильственные попытки нивеллировки никогда не содействовали поднятию масс, они только разрушали высшие классы и ускоряли процесс варваризации. Но окончательная проблема все же не разрешена и остается, подобно угрожающему призраку, и в настоящее время: возможно ли распространение более высокой цивилизации на низшие классы общества без понижения ее уровня, без уменьшения ее качества до последней степени? Не приходит ли к упадку всякая цивилизация, как только она начинает проникать в массы?» Вряд ли нужно указывать, какие события привели к тому, что проф. Ростовцев заканчивает свое исследование таким пессимистическим вопросом.

Ф. Алексеев.

Э. БОГАРТ. Экономическая история Соединенных Штатов. Издательство „Экономическая Жизнь", 1927, стр. 428. Цена 3 р. 75 к.

Исследование проф. Богарта охватывает экономическую жизнь Соединенных Штатов, начиная с открытия Америки и до 1920 г. Автор прослеживает экономическое развитие страны всесторонне: промышленность и сельское хозяйство, внутренняя и внешняя торговля, финансы, техника, транспорт, экономическая политика, условия труда, — все эти вопросы в той или иной степени освещаются Богартом.

К достоинствам книги следует отнести сжатость, почти конспективность изложения и умение давать материалистическое об'яснение некоторым (не всем) фактам и факторам экономического развития Америки. Так, например, автором правильно излагается история рабства в Соединенных Штатах.

В книге много недостатков. Автор — буржуа „либерального" толка. Это наложило яркий отпечаток на его исследование. Богарт не прочь иной раз „покритиковать" те или иные „злоупотребления", но его симпатии целиком на стороне существующей социально-экономической системы. Он идеолог капитализма и американский патриот. Отсюда чрезмерный оптимизм по отношению к существующему в Америке строю.

Известно, что после гражданской войны в Америке началась вакханалия железнодорожного грюндерства. Неслыханные злоупотребления и обкрадывание всего общества финансовыми тузами покрывались государственным аппаратом, в буквальном смысле слова, купленным этими вершителями судеб американского народа. Богарт изображает дело таким образом, что доверчивое правительство пало жертвой людей с „низким уровнем деловой морали . Но о скрывает тот факт, что для получения он

государства даром 4.000 миль земли шириной в 10 миль и огромной „ссуды" для постройки центральной тихоокеанской железной дороги „Credit Mobilier" подкупил почти всех влиятельных сенаторов и депутатов путем размещения среди них акций. Богарт скрывает тот факт, что, когда было возбуждено судебное дело против железнодорожных компаний за нарушение закона о трестах, то оказалось, что вице-президент Соедин. Штатов Гобарт служил у железнодорожной ассоциации в качестве третейского судьи. Богарт утверждает, что в настоящее время было бы невозможно то, что он называет „низкой деловой моралью", т.-е. подкуп и мошенничество. Стоит, однако, напомнить известное дело Догерти, чтобы разоблачить чрезмерный „оптимизм" автора.

Богарт всячески расхваливает финансовую реформу 70-х годов. Он умалчивает о той ожесточенной классовой борьбе, которая развернулась вокруг этой реформы. В чьих интересах действовало правительство, разрешая проблемы денежного обращения, видно из циркуляра, разосланного в 1872 г. нью-йоркским банковым рингом банкам Соедин. Штатов: „Отмена закона, ввозящего билеты национальных банков, или же возврат к правительственной бумажно-денежной эмиссии, означали бы удовлетворение всеобщего спроса на деньги и шли бы, следовательно, вразрез с вашими интересами, как банкиров и финансистов. Поговорите немедленно с вашим депутатом и обяжите его защищать наши интересы законодательным путем"...

Самый неудовлетворительный раздел книги — это рабочий вопрос. Автор принципиальный враг революционного рабочего движения и социализма. Он расхваливает консерватизм Америк. федерации труда движение индустриальных рабочих мира' приводит его в ужас. Впрочем, это его личное дело; хуже то, что он освобождает себя от обязанности изложить историю и принципы революционного рабочего движения.

Система вольнонаемного труда истолковывается Богартом таким образом, что „весь доход от его (рабочего) жизни принадлежит трудящемуся (стр. 215). В связи с неудачей фурьеристского движения в 40-х г.г. Богарт силится уверить читателя, что „проблема труда не может быть разрешена при помощи социализма" (стр. 196). Для характеристики идейной физиономии Богарта следует указать еще на его неприязненное отношение к неграм.

Неблагополучно обстоит дело у Богарта с цифровым материалом. Приводимые им данные зачастую расходятся с официальными данными.

Вот несколько примеров.

А. Рост фабричной промышленности

Год	Богарт (стр. 228): Стоимость продуктов промышленности	Богарт (стр. 228): Сумма вложенного в промышленность капитала	Официальные данные [1]: Стоимость продуктов промышленности в тысячах долларов. В официальных справочниках последние три цифры опущены	Официальные данные [1]: Сумма вложенного в промышленность капитала в тысячах долларов (см. предыдущее примечание)
1850	1.019.109.616	533.245.351	1.019.107	533.245
1860	1.885.861.676	1.009.855.715	1.885.862	1.009.855
1870	**4.232.325.442**	**2.118.208.769**	**3.385.860**	**1.694.567**
1880	5.369.579.191	2.790.272.606	5.369.579	2.790.273
1890	9.372.437.283	6.525.156.486	9.372.379	6.525.051
1900	13.014.287.498	9.835.086.909	13.000.149	9.813.834

Б. Рост количества лошадин. сил

До 1870 г. цифры у Богарта и в официальном справочнике совпадают, а за 1900 г. — расходятся:

Богарт (стр. 302)	Официальные данные [2]
11.300.081	10.097.873

Можно привести ряд других несовпадений цифровых данных, напр., о росте народонаселения (см. Богарт, стр. 315, „Stat. Abst...", стр. 2), о внешней торговле (см. Богарт, стр. 382, „Stat. Abst.", стр. 447). В последнем случае речь идет о вывозе товаров туземного производства. За годы 1900 и 1905, Богарт указывает стоимость

---

[1]) „Statistical Abstract" of the United States. Vaschington, 1923, p. 289. Изд. Департата торговли.

[2]) Statistical Abstract... p. 289.

строго-туземных товаров, а начиная с 1910 г. произвольно присоединяет и стоимость тех товаров, которые в официальных справочниках идут под рубрикой „foreign“ (иностранные).

У Богарта попадаются досадные противоречия.

Вот, например, противоречивые данные о росте количества предприятий железоделательной и стальной промышленности

	Годы	1860	1870	1880	1890	1900
Стр. 294 . .	Сумма	542	726	699	699	668
„ 306 . .		402	808	792	719	669

Данные за XX столетие страдают тем недостатком, что они слишком суммарны и почти не дифференцируются по периодам (довоенному и послевоенному).

В табличке на 360 стр. напечатано: „кооперации“. Очевидная опечатка: речь идет о корпорациях (капиталистических).

Л. Райский.

C. K. Webster. The foreign policy of Castlereagh. 1815—1822. Britain and the European alliance. London. 1925

Harold Temperley. The foreign policy of Conning 1822—1827. London 1925.

Среди новинок английской исторической литературы особой группой выделяются работы по истории британской внешней политики. Несколько наспех составлен и в свет выпущен коллективный труд „The Comcridge history of British forregn policy 1783—1919“ (три тома, 1921—1923 гг.), по качеству очень неровный: рядом со статьями значительной ценности немало в нем слабых и даже, особенно там, где дело касается англо-китайских и колониальных отношений, искаженных такой джингоистской тенденциозностью, которая выходит за пределы не только научно-литературной добросовестности, но и простого здравого смысла. Для русского историка особый интерес в этой литературе представляет подробная проработка участия Великобритании в международных делах первой четверти XIX века, выполненная несколькими английскими историками.

Во главе этих работ стоят труды Элисона Филиппса, который дал еще в 1907 году содержательный очерк «эпохи конгрессов» для X тома Кэмбриджской „Modern History“, а в 1914 — монографию „The Confederation of Europe, a stady of the European Alliance». По его следам идут Вебстер и Темперлей. Вебстер выступил в 1919 г. с этюдом о «Венском конгрессе», затем издал очень ценный сборник документов («British diplomacy») и дал очерк британской политики в 1813—1815 гг. для упомянутой Кэмбриджской истории британской внешней политики. Оба они, после ряда специальных статей по отдельным вопросам в «Fngeish «Historisal Review», подвели итог своей исследовательской работе в монографиях о политике Кэстльри и Каннинга, продолжающих одна другую, и в общем, согласованных, при некотором расхождении в оценке своих «героев».

Оба автора—«твердые тори» настолько «твердые», что до сих пор не могут простить Александру I «заигрывания с вигами». И книги их представляют интерес не только для истории внешней политики, но также для внутренней истории Англии того периода, когда нарастает политическое влияние представителей торгового капитала, усиленно проникавших в нижнюю палату прямой покупкой депутатских мандатов, и заставляло считаться с собой землевладельческую олигархию, стоявшую у власти. Кэстльри, в изображении Вебстера, выступая в роли министра, который в эпоху острого значения экономических и финансовых вопросов проявлял в них «самую крайнюю неосведомленность», а внешнюю политику вел наперекор основным настроениям общественной массы, проникнутой повышенным интересом к колониальным и морским делам, но весьма равнодушной к участию Англии в делах европейского континента, поскольку они не задевали непосредственных выгод английской коммерции и колониальных владений вел свою политику активнейшего вмешательства в общеевропейские дела, опираясь на дипломатический аппарат из «твердых тори», а парламент ловко поддерживал в неосведомленности о ходе и планах этой политики и сплошь да рядом сбивал с толку заведомо ложными сообщениями. Вебстер любуется этой политической игрой и потому раскрывает ее документально и обстоятельно. Такая «игра» была возможна в течение нескольких лет, благодаря устойчивости консервативного правительства под влиянием охватившего правящие классы Англии страха перед угрозой радикально-буржуазной революции, на подобие французской, и новыми внешними опасностями, на подобие пережитых в период борьбы с Наполеоном; ничтожная роль парламента, медленно перерождавшегося в десятилетиях подготовки парламентской реформы, и усиление монархической власти, казавшейся необходимым центром обороны против внешнего нашествия и внутренней революции, давали торийскому министерству такую «свободу действий». К тому же противоречие между политикой Кэстльри и общест-

венными настроениями Англии, подчеркнутое Вебстером, представляется в его же изложении, весьма и весьма относительным. Политика эта преследовала цели существенные для интересов торговой Англии. Ее морские и колониальные интересы обеспечены договорами с Францией и Нидерландами независимо от деяний Венского конгресса и постоянно выделяются, как вопросы не подлежащие решению конгрессов. Что же касается до активного участия в делах континента, то цель его—не допустить об'единения Европы в такой комбинации ее сил, которая стала бы для Англии столь же опасной, как была Наполеоновская империя.

Реальную угрозу «свободе Европы» Кэстльри видит в союзе России и Франции, да еще подкрепленном «бурбонским союзом», франко-испанским, и на устранение этого призрака направляет все усилия; гарантию «устойчивости континента» и общего мира он ищет в «укреплении центральной Европы», в создании «сильной Германии», как противовеса зараз и России, и Франции, и потому хлопочет о примирении и сближении Австрии с Пруссией, посредничая для устранения их антагонизма: «европейское равновесие» для Кэстльри вполне реальное условие для обеспечения преобладания Англии в делах внеевропейских и решительного влияния на европейские отношения.

Подробное изложение Вебстером английской политики на Ближнем Востоке выясняет новыми подробностями весьма характерными, постепенную подготовку английских тори, покровителей султана, к неизбежному признанию независимой Греции, а глава об англо-американских отношениях — такой же переход к признанию южно-американских колоний под давлением интересов английской торговли и соперничества с Соединенными Штатами. Вебстер настаивает на ошибочности обычного противопоставления политики Кэстльри и Каннинга и даже утверждает, что, не умри Кэстльри в 1822 г., окончательное признание независимости испанских колоний произошло бы «много скорее», чем при Каннинге и при том в условиях, более выгодных для Англии по отношению к Соед. Штатам: обошлось бы без «доктрины Монроэ», будто бы спровоцированной Каннингом. Тут много «увлечения», но несомненна заслуга Вебстера в выяснении, что дело не в Кэстльри и не в Каннинге, что колебания и сдвиги во внешней политике Англии обусловлены выходом ее на более широкие пути мировой торговли с крушением прежней системы «навигационных актов», разбитой образованием нового света, как самостоятельной экономической и политической мировой силы. И в связи с этим любопытно у Вебстера приспособление партии ториев к новой для них роли партии буржуазных консерваторов, приобретающих все большую гибкость в подчинении своей политики очередным требованиям момента. Эта эволюция торизма еще ярче выступает в деятельности Каннинга.

Книга Темперлея о Каннинге написана много живее, талантливее, чем труд Вебстера. Некоторая наивность суждений, свойственная торийскому историку, спасается перед читателем своеобразным английским юмором изложения. Каннинг-тори, но тори новой школы, переживший ряд конфликтов с Кэстльри из-за недостаточно «национальной»,— слишком «европейской» политики этого последнего. Министр из адвокатов, «выскочка» без связей в аристократической среде ториев, проводник буржуазной политики, Каннинг — отнюдь не демократ. Его политический идеал — буржуазная-конституционная монархия. Обреченность старой олигархии ему ясна: «государь, говорил он Георгу IV, ваш отец сломил господство вигов, и я надеюсь, что и вы не станете терпеть господство ториев». Но он противник парламентской реформы, которая приведет к «простой демократии» и победе «духа революции»; он — консерватор, программа которого в обслуживании интересов «средних классов» национальным правительством из короля, лордов и общин, трех «сдержек», охраняющих Англию и от демократического радикализма, и от «простого деспотизма». Каннинг далек от признания парламентского большинства выразителем «народной воли», но ведет свою политику, опираясь на нижнюю палату, которую умеет вести за собой: эта опора ему необходима, так как ему приходилось проводить свою программу через ряд конфликтов с сочленами торийского министерства и с королевским двором.

Темперлей собрал большой материал для личной характеристики и биографии Каннинга, но его задача — иная: изучение на деятельности министра определенной эпохи в истории английской внешней политики. И ценность его книги в обилии фактического материала, обилии документальных цитат и широте охвата. Европейские международные отношения, которые и в русской, и в немецкой литературах рассматриваются обычно в суженном кругозоре европейских проблем, поставлены у Темперлея (как и у Вебстера) в надлежащую полную перспективу с учетом их связи с отношениями европейско-американскими на Тихом и Атлантическом океанах.

Борьба за колониальное наследство Испании между Америкой, Англией, Францией и Россией (о которой Темперлей замечает, что она была тогда из-за своих владений в Аляске «американской державой») и ее отражение на международных отношениях Европы в эпоху конгрессов — эта та тема, которая придает труду Темперлея наибольшую научную свежесть, и этим он обязан детальному изучению политики Каннинга, который и сам заявлял, что «американские вопросы вне всякого сравнения важнее для нас, чем европейские». А среди «европейских вопросов» еще

Кэстльри поставил (в своей предсмертной инструкции Веллингтону по поводу Веронского конгресса) на первом месте по значению — Ближне-восточный. Каннинг долго разделял традиционную торийскую точку зрения, что Турция необходима «сильная и вооруженная», как сторож при проливах, пока затяжная греко-турецкая борьба не убедила его в роковом для старой Порты значении балканского кризиса. Тогда он проводит, в марте 1823 г., признание греков «воюющей стороной» (подготовленное еще Кэстльри). Этими основными темами определялись перипетии английской внешней политики в министерство Каннинга, его борьба с реставрацией Священного союза, уже сильно расшатанного в 1820 году, когда в Тротау возник, по мнению Темперлея, новый Священный Союз трех «деспотических и военных монархий»: России, Австрии и Пруссии. С особым вниманием останавливается Темперлей на таких моментах, как англо-французское соглашение 1823 г., которым Франция, по отзыву Меттерниха, «изолирована от Священного Союза», и сближение с Россией по греческому вопросу, как завершение Европейской политики Каннинга — срывом пресловутой «системы конгрессов» и устранением на будущее время возможности ее возрождения. А в «американских делах» выясняет обстановку возникновения «доктрины Монрое», которую Каннинг, конечно, не провоцировал, но которую сделал возможной, как выясняет Темперлей, своим решительным противодействием покушению Западно-европейских держав на вооруженную интервенцию в Южной Центральной Америке. Каннинг сам расценивал эту политику свою, как «восстановление равновесия» противопоставлением Старому Свету — Нового, и считал, что его задача «больше коммерческая, чем политическая» решена в пользу Англии и ее мирового значения, как главной силы в морской торговле.

Эпоха, столь существенная в истории так же русской внешней политики, получила в трудах Вебстера и Темперлея, как и сама политика России, новое и широкое освещение. Их данные должны войти в инвентарь русской истории.

А. Пресняков.

ЛУИ ФИШЕР. «Империализм нефти». Стр. 175. ГИЗ, 1927.

Эта исключительно интересная книга посвящена истории империалистической борьбы за русскую нефть. В отличие от ряда других работ по этому вопросу, она написана человеком, не связанным ни с одним из нефтяных трестов и искренне симпатизирующим Советской России. Уже этих двух обстоятельств было бы достаточно для того, чтоб сделать ее ценной для русского читателя, но на ряду с ними она обладает еще и богатым фактическим материалом, обильной документацией и интересным анализом причин борьбы на дипломатических конференциях послевоенной Европы.

Свое исследование автор начинает с краткого очерка тех попыток захвата бакинского нефтяного района, которые делались германо-турецким командованием еще во время империалистической войны. Борьбу за русскую нефть он считает одним из важнейших факторов войны на Ближнем Востоке, и участие Турции в войне он об'ясняет в значительной мере ее стремлением захватить Баку. Особенного напряжения эта борьба достигает к поздней весне 1918 года, когда обе группы империалистических держав решают воспользоваться благоприятной для них ситуацией на Кавказе и завладеть русскими нефтяными районами. Из Персии стремительным рейдом двинулся отряд британского генерала Денстервиля, с запада, через Грузию, буквально взапуски бросились к Баку Турция и Германия. Борьба за нефть разделила этих союзников. Победу в этой борьбе выиграла Турция.

Те страницы рецензируемой нами книги, которые рассказывают о нефтяном панисламизме блистательной Порты, особенно ценны для истории, так как этот эпизод интервенции совершенно не освещен ни в русской, ни в иностранной литературе. О нем имеются отдельные замечания в «Воспоминаниях» Людендорфа, в книге З. Авемова — «Независимость Грузии» и в дополнительных томах британской энциклопедии. Поэтому, несмотря на то, что этот эпизод освещен Фишером очень бегло, даже его краткие замечания имеют большую ценность.

Далее автор переходит к истории британской интервенции на Кавказе. По этому вопросу в русской литературе имеются более серьезные исследования, и эта часть очерка интересна преимущественно теми неизвестными в русской литературе цитатами, которые делает автор из американских источников.

После поражения российской контрреволюции и союзнической интервенции поле борьбы за нефть переносится на дипломатические конференции Западной Европы. Поэтому Луи Фишер посвящает остальные главы своей книги истории дипломатической борьбы за русскую нефть. Вторая глава посвящена генуэзской конференции, третья—гаагской. Анализируя дипломатическую борьбу, раздиравшую эти конференции, автор очень удачно вскрывает те нефтяные пружины, которые двигали марионеток союзнической дипломатии.

Автор с очень большой симпатией относится к Советской России и прекрасно обрисовывает разумную политику, которую вела советская дипломатия, как во время генуэзской и гаагской конферен-

ций, так и после них, во время знаменитой нефтяной блокады. В результате ряда удачных ходов Советской России удается разбить единый нефтяной фронт, создавшийся против нее во время блокады.

Две последних главы посвящены малоисследованному вопросу о борьбе за русскую нефть на Дальнем Востоке и о роли нефти в отношениях Англии и Сов. России на Ближнем Востоке, в «царстве персидского шаха». В них так же, как и в предшествующих главах, внимание автора заострено на вскрытии нефтяных пружин дипломатической борьбы.

Эти главы содержат значительное количество материала, впервые опубликованного в русской литературе.

Книга написана очень легко и читается как художественное произведение, полное драматизма. В ней имеются отдельные неточности, некоторые суждения автора о большевизме крайне наивны, но эти отдельные и редкие ляпсусы не меняют ее громадных положительных качеств.

Е. Д.

ГАБРИЕЛЬ ПЭРИ. Лига наций, ее слова и дела». Перев. А. Н. Карасика, с предисл. А. Марти. Изд-во «Прибой». Л. 1926 г., стр. 165, ц. 1 р.

Книжка т. Пэри расчленена на две части: 1 — Лига Наций и 2 — Гарантийный пакт. «Цель этой книги — пишет т. Марти в предисловии — заключается в том, чтобы показать, что за занавесом мира, спущенным капиталистами, скрывается призрак войны. Цель этой книги — доказать путем тщательного изучения многих международных пацифистских конференций, что опасность войны не только не рассеялась, а, наоборот, еще более реальна, чем когда бы то ни было».

Автор, располагая огромным материалом, относящимся к современной послевоенной международной Европейской политике, хорошо справился с поставленными перед собой задачами. Его книга является обвинительным актом против империалистических государств, политики которых, цветисто болтая против опасностей войны, втихомолку тщательно и упорно подготовляют новые кровавые бойни. В книге собран значительный материал, доказывающий невозможность (и нежелание) Лиги Наций предпринять что-нибудь против прекращения счетов грабежа и насилия, проводимых сейчас «великими» державами (Сирия, Марокко, Египет и т. д.). Все решения Лиги Наций, основание которой, как предполагалось, обеспечит «сотрудничество между народами» и гарантирует «мир и безопасность», имеют лишь временный характер и сами по себе чреваты глубокими противоречиями и кровавыми столкновениями (Мемель, раздел Верхней Силезии, Данцигский коридор, Саарская область, Моссул и т. д.). Одну из своих глав т. Пэри озаглавил: «Когда пушки грохочут—Лига Наций молчит». И действительно, вся деятельность пресловутой Лиги Наций подтверждает одно из основных правил: сначала факт, затем право. Фактическое обладание той или другой областью дает империалистам возможность легко и просто обосновать свое «право» владеть и распоряжаться ею. Достаточно вспомнить Корфу, Рур, колониальные войны и пр.

Основной смысл гарантийного пакта, заключается, как это документально устанавливается автором, в подготовке наступления на СССР. «Здесь идет речь— пишет т. Пэри — не о пошленьком комплоте, не о вульгарной военной демонстрации против первого государства пролетариев. Нет, политическая сущность гарантийного пакта есть политика наступления на СССР. Она берет свое начало в секретном меморандуме Чемберлена» (стр. 153, курсив автора). Правильный вывод, к которому приходит автор в результате своего анализа деятельности Лиги Наций, заключается в том, что империалистическому гарантийному пакту нужно противопоставить пакт пролетарской безопасности. Это тем более необходимо, что Лига Наций, являясь «временным союзом соперничающих между собой трестов», представляет из себя по существу «смелую попытку установить диктатуру финансового капитала в международном масштабе».

Появление этой книги, несмотря на то, что в ней охвачен материал последних полутора лет, материал, который не отвергает, а, наоборот, подтверждает основные выводы автора, весьма своевременно. Знакомство с лживой деятельностью Лиги Наций особенно необходимо в настоящее время, когда политика наступления на СССР усиливается, когда английские твердолобые, провоцируя французских «политиков» и организуя «крестовый поход» против первого пролетарского государства, ведут особенно бешеную травлю против Коминтерна, деятельность которого действительно может обеспечить прочный мир. Приходится сожалеть, что перевод сделан тяжело и цена книги высока.

А. Ангаров.

PAUL LOUIS. Histoire de la classe ouvriere en France. (История рабочего класса во Франции). На титульном листе: Histoire de la classe ouvrière en France de la rèvolution á nos jours — la condition matèrielle des travailleurs — les salaires et le cout de la vie) Paris, 1927, Libroirie M. Rivière. Стр. 412; цена 30 франков.

Имя Поля Луи, конечно, хорошо известно читателям «Историка-Марксиста». Новая книга должна дополнить - как пишет автор—его прежние работы: c'est pour le compléter que j'ai écrit maintenant «L'histoire de la classe ouvriére».

Рецензируемая работа состоит из 8 глав, заключения и библиографии. Построение, однако очень неравномерное: введению, характеристике положения рабочего класса в эпоху В. Революции, империи реставрации и июльской монархии, то-есть периоду конца 18 века и почти всей первой половине 19-го уделено 69 страниц; второй половине 19-го века и довоенному периоду — 187 стр.; военному и послевоенному периоду (до 1926 г.) — 146 стр. В таком распределении материала и сильная и слабая стороны работы.

Характерна и библиография: — как в довольно тесном перечислении второисточников (около 40 названий, при чем в этом числе 5 других работ Поля Луи), так и в списке сырых материалов (около 20 названий) — преобладающее место занимают издания, характеризующие вторую половину 19-го века и эпоху империализма.

Выписки из различных «Publications officielles» — чрезвычайно обильны: десятки страниц не что иное, как длинные таблицы заработной платы и продовольственных цен. Но почти весь этот материал представлен в сыром виде. Конечно, приходится приветствовать появление всякой добросовестной работы, которая бы так или иначе продолжала известный труд д'Авенеля. В этом отношении ценность новой книги Поля Луи — бесспорна. Но поскольку рецензируемая работа представляет из себя «Историю рабочего класса», — автора никак нельзя освободит от упрека в недостаточной проработанности и законченности отдельных частей. Частные недостатки однако не стоили бы внимания, если бы основной порок — самая «установка» книги не отягчала бы их значения.

В самом деле, о чем хотел Поль Луи написать свою новую книгу? Во введении он обещает: «Nous aurons à envisager toute la periode durant laquelle le règime capitaliste s'est installé et dévelloppè, et dui a ètè marquèe à la fois par l'expansion ininterrompue du machinisme et par la concentration des enterpisis»...

Между тем вся установка покоится на базе политической, в лучшем случае социально-политической истории. Переходящая фаза промышленного капитализма на ступени крупного фабричного производства не может быть достаточно выпукло представлена без сколько-нибудь обстоятельных сравнительных экскурсов в эпоху мануфактурного периода. Между тем, предреволюционному периоду уделяется всего каких-нибудь 2 странички, чтобы перейти к эпохе Великой Революции. Но ведь 1788 — 1789 г. г. никак не могут быть показательными для всего периода 17—18 в. в.

С другой стороны, при переходе от промышленного капитализма к фазе империализма, вопрос о заработной плате французского рабочего класса выступает. далеко за границу метрополии, и, если не обязательно было для Поля Луи, наметившего более узкие рамки, переходить эту границу, то оговорить теоретическую условность такой постановки и своих выводов он был обязан.

Недостаточно глубокое отношение у автора и к основному вопросу экономической истории Франции первой половины 19-го века — к вопросу о промышленной революции. Не говоря уже о том, что кривые заработной платы в тех отраслях промышленности, которые в течение 19-го века трансформируются «машинизмом», следовало бы автору выделять ad hoc, каждый раз оговаривая степень развития фабричного производства, — само понятие, «Машинизма» принимается Полем Луи с простотой, неоправдываемой современным положением этого вопроса во французской экономической историографии. — На стр. 18 автор пишет: «Mais l'industrie s'èst dève loppèe à travers le XVIII-e siécle... Le machinisme a fait si bien son apparation (Jay, Arkwright, Cartwright) que les cahiers de Caen aux Etats généraux protesteront dèjà contre le dommage causè par les mètiers mècaniqnes au travail á main».

Едва ли нужно указывать, что, прежде всего, имена Аркрайта и Картрайта — по недоразумению попали в контекст данной фразы. Важнее другое — как понимается Полем Луи «le machiniste». Становится ли он здесь на точку зрения Ballot, о работе которого (т. е. о посмертном издании «L'introduction du machinisme dans l'industrie française», выпущенным в свет другом покойного историка, Claude Gèvel'ем), Анри Озер еще чересчур снисходительно заметил, что «Nous ne jurierions point que Ballot, racontont ces débuts du machinisme, n'ait jamais cédé á la tentation, commune à tons les biographes, de grossir le rôle de son personnage, surtout d'un personnage dont on étudie la prime jeunesse. Но на работу Ballot у Поля Луи нет ссылок, и таким образом, цитарованное замечание о «Cahiers de Caen» производит впечатление плоского повторения этого «затрепанного» примера.

Следующие отделы рецензируемой книги гораздо богаче, и если — как уже было отмечено — проработка их оставляет желать лучшего, то ценность всех тех обильных данных, которые автором собраны из довольно многочисленных изданий, решает, на наш взгляд, в положительном смысле вопрос о переводе книги на русский язык. — Большой материал для хрестоматий, обширное поле для «заданий» при лабораторном методе занятий в вузах. Часть матерьяла может быть с успехом использованы преподавателями специальных курсов по экономике войны.

Ф. П.

Ю. СТЕКЛОВ. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. 1814—1876. Т. I. (1814—1861), изд. 2-е, исправленное и дополненное. Изд-ство Ком. Академии. М. 1926, стр. 558. Т. II. Переходный период (1861—1868). Гиз. М.—Л. 1927. Стр. 448. Т. III. Бакунин в Интернационале (1868—1870). Гиз. М.—Л. 1927. Стр. 550. Т. IV. Раскол в Интернационале (1870 — 1876/7). ГИЗ. М. — Л. 1927. Стр 502.

Книга Ю. М. Стеклова представляет выдающееся явление в исторической литературе. Это в сущности первый законченный опыт научного исследования, посвященного жизни и деятельности великого анархиста.[1]

Автор собрал огромное количество материала, значительная часть которого либо была совсем неопубликована, либо оставалась неизвестной русскому читателю.

Книга воссоздает живой образ Бакунина—мыслителя и борца, полного страстной ненависти к эксплоататорам и самоотверженной преданности делу революции, при всех своих ошибках и противоречиях, склонности к интригам и неразборчивости в средствах, покорявшего людей силою могучего обаяния своей личности.

Большое место в своей книге Ю. М. Стеклов отводит, естественно, взаимоотношениям между Бакуниным и Марксом, особенно в период борьбы между ними в среде Интернационала. Рядом неопровержимых аргументов автор разрушает до основания анархическую легенду, созданную Неттлау и Гильомом, о преследованиях Бакунина со стороны Маркса, не имевших якобы никаких реальных оснований и вызванных исключительно личной неприязнью. Теперь не может быть никаких сомнений в существовании «тайного Альянса»—подпольной заговорщической организации внутри Интернационала, созданной Бакуниным для борьбы с Генеральным советом. Неутомимая энергия, проявленная Бакуниным в осуществлении этого заговора, огромная опасность, которую создавал этот заговор для самого существования Интернационала,—все это делает понятным, если не оправдывает, ту неразборчивость в средствах, которую проявили со своей стороны противники Бакунина на Гаагском Конгрессе, стремясь скомпрометировать Бакунина со стороны его личной порядочности, без чего, как справедливо замечает Ю. М. Стеклов, вполне возможно было бы обойтись. Очень обстоятельно выясняет автор роль Бакунина в нечаевском деле; тщательно анализируя «нечаевскую» литературу со стороны содержания и стиля, он убедительно доказывает, что большая часть этой литературы принадлежит перу Бакунина или во всяком случае носит следы его ближайшего участия, и что настоящим идеологом нечаевщины, был, таким образом, Бакунин, стремившийся использовать Нечаева в качестве своего орудия и агента. Много нового сообщает автор также о пребывания Бакунина в Швеции в связи с экспедицией Лапинского, о деятельности его в Лиге мира и свободы, об участии в Лионском восстании и пр. Совершенно в ином свете выступает эпизод с виллой «Бароната»; воспоминания М. П. Сажина об этом эпизоде, как оказывается, далеко не соответствуют действительности.

Характеризуя взгляды Бакунина, Ю. М. Стеклов подчеркивает, что Бакунин «один из первых в более или менее конкретной форме поставил вопрос о привлечении крестьян к социалистическому движению». Автор, конечно, отмечает все ошибки Бакунина в решении этого вопроса (главные из них: представление о крестьянстве и пролетариате, как о едином классе «чернорабочего народа», и вера в социалистические инстинкты крестьянства), но все же находит возможным утверждать, что, при всех этих ошибках, в основном «все то, что Бакунин говорил о необходимости совместного выступления рабочих и крестьян против эксплоататоров и о мерах, способных привлечь крестьян на сторону социальной революции (в первую голову, экспроприация крупных землевладельцев и передача земли крестьянам), роднит его с современным коммунизмом и в частности с Советской Республикой, которая в этом пункте применила политику, весьма близкую к намеченной Бакуниным» (т. III, стр. 270—282). Близость Бакунина в этом вопросе к современному коммунизму здесь, несомненно, сильно преувеличена, но наличия у Бакунина верных и глубоких мыслей о взаимоотношениях крестьянства и пролетариата в социалистической революции отрицать не приходится. В самых крупных ошибках Бакунина Ю. М. Стеклов совершено правильно усматривает и положительные стороны, иногда «прямо прозорливое предвосхищение грядущего». Такова беспощадная критика соціал-оппортунизма и парламентского кретинизма, неправильно связывавшаяся Бакуниным с отрицанием политической борьбы, но оказавшаяся во многом прозорливой (т. III, стр. 184—225). Вообще в работе Ю. М. Стеклова Бакунин выступает не только как великий революционер, но и как крупный и оригинальный мыслитель, высказавший, наряду с грубо-ошибочными положениями, много

[1] Библиография Бакунина, написанная австрийским анархистом М. Неттлау, до сих пор, как известно, не напечатана и доступна поэтому лишь немногим. Работа В. П. Полонского обрывается пока на первом томе, заканчивающимся побегом Бакунина из Сибири.

тонких и глубоких мыслей, не утративших своей ценности и в наше время.

Очень интересны осторожно высказываемые автором предположения о возможном влиянии на мировоззрение Бакунина идей французских анархистов 50-х годов (Дежак, Кердеруа) и особенно итальянца Пизакане (т. II, стр. 281—283; т. III, стр. 135—141). Автор не ставит своей целью выяснение этого вопроса, но вопрос этот заслуживает тщательного исследования, и следует пожелать, чтобы автор к нему вернулся.

Трудно было бы, ожидать, чтобы такая большая работа была свободна от недостатков. Вызывает возражения прежде всего загруженность работы сырым материалом. Автор цитирует свои источники целыми страницами, с одинаковой щедростью включая в текст не только новые или мало известные материалы, но и материалы давно опубликованные и всем доступные. Некоторые из цитируемых им материаллов и по содержанию своему едва ли заслуживают дословного воспроизведения: зачем напр. нужно перепечатывать полностью стихотворение К. Аксакова «Молодой крестоносец», да еще в двух редакциях (т. I, стр. 68—72), или жалкие пустяки, которые писал о Бакунине Гоголь (т. I, стр. 122—123), или бессодержательную болтовню А. Тверитинова (т. IV, стр. 415—418)? Иногда цитаты, интересные сами по себе, приводятся не к месту и доказательной силы поэтому не имеют: характеристика, напр., умственного движения во Франции 40-х годов, заимствованная из брошюры «Федерализм, социализм и антитеологизм», написанной в конце 60-х годов (т. I, стр. 171—174), ни в какой мере не свидетельствует о настроениях Бакунина в 1844 г.; точно также характеристика германской революции 1848 г., которую Бакунин дает в брошюре «Государственность и Анархия», написанной в 1873 г. (т. I, стр. 252—258), ничего не говорит о взглядах Бакунина 1848 г.

В. П. Полонский, в статье «О новой книге т. Ю. М. Стеклова», написанной по поводу выхода в свет 2-го издания I тома, упрекает Ю. М. Стеклова в том, что он «неясно представляет себе развитие и характер бакунинского мировоззрения: у него смешаны в кучу юношеский, консервативный период его мировоззрения, с периодами национальным и анархическим»[1]. Некоторые места его книги действительно дают основание думать, что он готов приписать Бакунину 40-х годов систематическое анархическое мировоззрение: «Бакунин же,—пишет он, например, по поводу Пражского с'езда,—мечтал о полном разрушении государства, о создании вольного мира на анархических началах, а свою славянскую федерацию он и представлял себе как некую безгосударственную, анархическую организацию. Естественно, что между этими двумя системами не было ничего общего»... (т. I, стр. 281; ср. стр. 284). А иной раз Ю. М. Стеклов даже прямо называет Бакунина (в период Сибирской ссылки) анархистом (т. I, стр. 518, 521, 522, 523), на что указывает и В. П. Полонский. Такие же противоречия имеются у Ю. М. Стеклова и в трактовке «Исповеди» Бакунина: с основной его точкою зрения на этот документ, как она формулирована на стр. 423, т. I, можно вполне согласиться, но некоторые его замечания как-будто этой точке зрения не соответствуют; перечислять их я не буду, так как они указаны в цитированной статье В. П. Полонского (стр. 108—111). Отметим еще ряд подобных противоречий. Ю. М. Стеклов отлично понимает, что идея о строго централизованном руководстве массовым движением составляет неот'емлемую часть анархической системы Бакунина (т. I, стр. 348—349; т. II, стр. 343—349; т. III, стр. 118—126), но вместе с тем как будто склонен противополагать анархию централизации (т. I, стр. 250, 262). На стр. 5, т. III он указывает, что Бакунин уже в 1869 г. «определенно выдвигал лозунг превращения внешней грабительской войны в гражданскую», а на стр. 336 того же тома утверждает, что и в 1867 г. «лозунг превращения внешней войны в войну гражданскую был ему еще чужд». Также по поводу брошюры «Шведа», составленной III Отделением, Ю. М. Стеклов высказывает предположение (кстати, совершенно неправдоподобное), что опубликование ее не причинило бы Бакунину особенного вреда (т. II, стр. 257), а через несколько страниц соглашается, что «опубликование этой брошюры несомненно нанесло бы, по крайней мере на время, немалый удар Бакунину и дало бы пищу его врагам» (стр. 262).

Никак нельзя согласиться с мнением Ю. М. Стеклова о Бакунине, как «первом основоположнике идеи советской власти, этой политической формы диктатуры пролетариата» (т. I, стр. 6, 343—345; т. II, стр. 343). Я не буду, однако, останавливаться на этом вопросе, так как об этом достаточно сказано в упомянутой статье В. П. Полонского (стр. 111—114). В той же статье В. П. Полонский справедливо указывает на недооценку Ю. М. Стекловым влияния Вейтлинга на формирование мировоззрения Бакунина (стр. 112—113).

Вызывает некоторые возражения и план работы. Большой раздел, содержащий характеристику мировоззрения Бакунина, вдвинут в середину III тома (стр. 131—350, между разделами «Тайный Альянс» и «Первые столкновения», и разрывает таким образом изложение. Хотя

[1] «Печать и Революция» 1926, кн. 8, стр. 106.

автор и мотивирует такое размещение материала (стр. 131), но, мне кажется, работа имела бы более стройный вид, если бы этот раздел занял место в конце последнего тома, являясь естественным завершением биографии. В этой части своей работы автор дает обстоятельную систематическую сводку воззрений Бакунина последнего, анархического периода, сопровождаемую социологическим анализом его взглядов. Жаль только, что автор лишь бегло касается тех взглядов Бакунина, которые более или менее совпадают с общепринятыми воззрениями международного социализма (ст. 173): для полноты характеристики следовало бы остановиться подробно не только на чертах различия, но и не чертах сходства.

Отмечу, наконец, некоторые мелкие недочеты: не всегда делаются точные ссылки на источники. (Напр. т. III, стр. 94, 95, 102; т. IV, стр. 32; см. также ряд примеров у В. П. Полонского, стр. 114—117(; не всегда указывается имеющиеся переводы цитируемых документов (напр. перевод очень важного письма к Набруцци, напечатанный в 5 кн. «Каторги и Ссылки» за 1926 г., также перевод не менее важных писем к Ришару, напечатанный в № 1 «Печати и Революции» за 1926 г., перевод писем к испанским «друзьям», помещенный во II т. «Историка—Марксиста» и др.—т. III, стр. 94, 95, 99, 102; т. IV, стр. 3, 32, 169); иногда встречается полемические выпады по адресу давно умерших лиц (напр. т. II, стр. 343, 375 и др.), цитаты нередко испещряются вопросительными и восклицательными знаками и пр. Неприятное впечатление происходит иногда тон автора: «Прудон... имел бесстыдство»..., Погодин излагает слова Герцена «похамски», «брехня охранно-патриотических шавок», «развязная болтовня» Неттлау, Неттлау «замечает, глубокомысленно уставясь в землю лбом»... и пр. (т. II, стр. 154, 162, 265, 368, 385). Историков-анархистов, «защищающих» во что бы то ни стало Бакунина, автор неоднократно называет «адвокатами дьявола», придавая этому выражению явно несоответствующий смысл. Встречаются такие выражения, как «пара дней», «пара недель» и даже «одна-две пары десятков». Иногде попадаются неоговоренные опечатки искажающие смысл, напр. «Лига Наций» вместо «Лига Мира» (т. IV, стр. 75) (отмеченные В. Полонским опечатки: «Славянская Лига» и «Виттис» исправлены в дополнениях к IV тому, стр. 468).

Книга Ю. М. Стеклова является, повторяю, чрезвычайно ценным приобретением исторической литературы; к ней конечно, должен будет обращаться каждый исследователь, изучающий Бакунина и его время; она доступна и рядовому читателю, имеющему некоторую историческую подготовку.

Е. Мороховец.

А. А. КУНКЛЬ. Кружок долгушинцев. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев. Москва. 1927. Тираж 7000. 52 стр. Ц. 25 коп.

В ряду народнических организаций 70-х годов к р у ж о к д о л г у ш и н ц е в является одной из самых ранних революционных ячеек. Значение долгушинцев в истории русского революционного движения заключается не только в том, что это были, в большинстве своем, убежденные и стойкие борцы, на долю которых выпала поистине трагическая судьба,— значение их состоит в том, что они первые п р а к т и ч е с к и положили начало тому широкому социалистическому движению, которое известно под именем «хождения в народ».

В прокламации «к и н т е л л и г е н т н ы м л ю д я м», написанной основателем кружка А. В. Долгушиным, был дан лозунг, объединивший вскоре всю революционную молодежь того времени: «К вам, интеллигентные люди, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современного порядка, к вам мы обращаемся и приглашаем вас итти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства». Будучи последователями идей Чернышевского, Лаврова и отчасти Бакунина, долгушинцы глубоко понимали основные задачи социально-революционного движения своей эпохи, и были горячими поборниками за обездоленных. От народников-бакунистов долгушинцы отличались тем, что им был совершенно чужд аполитизм первых, и они отнюдь не были равнодушны к борьбе за политическую свободу. В этом отношении долгушинцы являются прямыми предтечами народовольцев.

Литература о долгушинцах чрезвычайно бедна, и потому очерк А. А. Кункля, посвященный их общей характеристике, восполняет заметный пробел. Построен он, как на основании уже опубликованных данных, так и на использовании тех документов, которые хранятся в Архиве революции. Таким образом, работа А. А. Кункля, предназначенная для широкого круга читателей-массовиков, может иметь некоторое значение и для читателя подготовленного. Автор был ограничен размерами брошюры и, к сожалению, не остановился на некоторых подробностях жизни и деятельности таких видных участников кружка, как А. В. Долгушин и А. А. Дмоховский. В приложении к очерку следовало бы дать и все три прокламации долгушинцев: «Русскому народу», «Как должно жить по закону природы и правды» и «К интеллигентным людям». Если нельзя было, по размерам брошюры, датч их целиком, хотя бы в существенных выдержках, взамен тех двух приложений которые даны: письмо И. И. Панина и прошение А. Д. Долгушиной. Экономия места

могла бы также получиться и от полного сокращения всех тех жандармских измышлений, которые автор приводит, когда говорит о результатах пропаганды долгушинцев среди народа. Всем этим измышлениям, сочиненным жандармами для царского успокоения, цена—ломаный грош, а места в брошюре они занимают довольно много. Внешняя сторона издания вполне прилична, но снимки на обложке надо было пояснить более обстоятельно.

В. В. Ангарский

ЦЕНТРАРХИВ. Мемуары и дневники царских сановников. **Дневник Е. А. Перетца** (1880 — 1883). С предисловием А. Е. Преснякова. Текст подготовил к печати А. А. Сергеев. Госуд. Изд. 1927 г. 171 стр. Цена 2 руб.

Автор дневника — один из немногих деловитых чиновников второй половины прошлого века, проделавший большую служебную карьеру. Рецензируемый «дневник» охватывает период конца царствования Александра II и начало царствования Александра III, т. е период колебаний правящих верхов и борьбы их группировок и тенденций. Е. А. Перетц примыкал к либеральной группировке сановной бюрократии, мечтавшей о будущей России, как о буржуазной монархии, управляемой сильным бюрократическим аппаратом. Понятно, что «либерализм« этой группировки вовсе не склонен был к каким-либо решительным шагам в сторону действительного преобразования государственного строя. Планомерная законодательная работа государственного Совета, опирающаяся на силу центральной правительственной власти и ее бюрократического аппарата — вот единственное средство осуществления их политических идеалов. Положение государственного секретаря дало возможность автору дневника находиться в большой близости к высшим правящим сферам и быть, стало быть, свидетелем и участником этой внутренней борьбы тенденций «наверху».

Если прибавить, что опытный секретарь Е. А. Перетц, с изумительной обстоятельностью восстанавливает в своем дневнике все, что он слышал и говорил как на официальных заседаниях, приемах и в дружеских беседах, то читатель согласится, что записи в этом дневнике, внесенные под свежим впечатлением заседаний и бесед, представляют большой интерес.

Не перечисляя всего круга вопросов, в той или иной степени затронутых в дневнике, следует все же отметить, что много интересных сведений сообщается здесь из истории, так называемой, «конституции» Лорис-Меликова.

Таким образом, наряду с опубликованной перепиской Победоносцева к Александру III, и дневниками в. кн. Константина Николаевича и гр. Валуева, записи Перетца представляют собой важный источник изучения истории упомянутого выше периода.

Дневник снабжен весьма содержательным предисловием, без которого недостаточно подготовленному читателю трудно было бы ориентироваться в содержании «дневника». Примечания и именной указатель, данные в конце книги, составлены с большой тщательностью. Следует отметить, что в примечаниях впервые опубликованы два документа, представляющие интерес: акт о женитьбе Александра III на Е. М. Долгоруковой и письмо-завещание его же, обращенное к сыну.

Внешний вид этой книги, нужно признать, далеко превосходит многие более близкие к современности издания, рассчитанные на более широкий круг читателей.

И. Волковичер.

ИСПАРТ. Отдел ЦК ВКП (б.) по изучению истории Октябрьской Революции и ВКП (б.) Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. Госизд. 1827 г., стр. 416

ЦЕНТРАРХИВ. 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, П. Осипанова и др. С предисловием А. И. Елизаровой. Текст подготовлен к печати А. А. Шиловым. Издан. „Московский Рабочий". 1927. Стр. 391.

В текущем году исполнилось 40 лет со дня неудавшегося покушения на Александра III 1 марта 1887 года. А между тем до сих пор у нас, кроме нескольких воспоминаний и написанной по первоисточникам работы покойного А. С. Полякова [1]), ничего об этом деле не было.

Основывая свои утверждения целиком на архивных источниках, А. С. Поляков, однако, не выяснил вопроса о степени влияния теории Маркса на участников второго 1 марта. А в старой, очень любопытной статье Б. А. Кольцова-Гинзбурга [2]), современника интересующей нас эпохи, имелось очень интересное сообщение о беседах автора статьи с А. И. Ульяновым. Беседы велись на тему об издании социально-революционной библиотеки, для которой Ульянов готовил перевод статьи Маркса из „Deutsch-französische Jahrbücher" о гегелевской философии. Эта статья также была предметом беседы, „при чем Ульянов доказывал, что высказанная Марксом в этой статье мысль о том, что Германия идеаль

---

[1]) „Второе 1 марта" (Покушение на императора Александра III в 1887 г.). Первоначально напечатана в № 10-12 журнала „Голос Минувшего" за 1918 год, а потом издана отдельной брошюрой Гозиздатом.

[2]) „Конец" „Народной Воли" и начало социал-демократии (80-ые годы)". Напечатана впервые в приложении к „Истории револ. движений в России" А. Туна, перев. В. И. Засулич и др. В извлечении перепечатана в рецензируемом сборнике А. И. Ульяновой-Елизаровой. Цитируемые строки находятся на стр. 342 Туна, изд. 1906 года, и на стр. 9 сборника.

но пережила то, что другие страны пережили практически, не противоречит, во-первых, позднейшим воззрениям Маркса и, во-вторых, применима и к России". Проверить сообщение Б. А. Кольцова-Гинзбурга, а также дополнить исследование А. С. Полякова до сих пор представлялось невозможным.

Сборник, составленный А. И. Ульяновой—Елизаровой и посвященный ее брату, А. И. Ульянову, и стенографический отчет по делу 1 марта 1887 года восполняют пробел. Можно, правда, выразить сожаление, что в приложениях к обоим сборникам напечатаны одинаковые документы, прокламация по поводу добролюбовской демонстрации, программа кружка и т. д.; а ни в одном из них не встречается, например, цитированного выше показания И. Д. Лукашевича о его симпатии к социал-демократам. Можно сожалеть об отсутствии материалов, характеризующих личность такого несомненного яркого участника второго 1 марта, как Осипанов, кроме одного очень интересно его показания, но в общем оба сборника дают чрезвычайно много и прекрасно дополняют друг друга.

В сборнике, составленном А. И. Ульяновой-Елизаровой, самым ценным является отдел первый, состоящий из статей и воспоминаний. Во втором отделе интерес представляет только глава „Следствие", а вторая глава „Судопроизводство" теряет значение с выходом „Дела 1 марта 1887 г." В приложениях имеются и документы, которых нет в другом сборнике: например, донесения директора д-та полиции и министра внутренних дел и т. д.

Сборник, приготовленный к печати А. А. Шиловым, дает прежде всего стенографический отчет о процессе, а затем очень ценные приложения.

В отделе воспоминаний следует отметить статью самой А. И. Ульяновой-Елизаровой. Как и всякие мемуары, статья, конечно, требует тщательной критической проверки особено в части, трактующей о юношеских взглядах безвременно погибшего А. И. Ульянова. Но статья проникнута большим любовным чувством, теплотой воспоминания о годах детства, о семейной обстановке, дает очень живое представление о культурном облике семьи Ульяновых.

Из других воспоминаний надо выделить воспоминания участников дела С. А. Никонова и О. М. Говорухина, современников — В. В. Бартенева, И. Н. Чеботарева и В. В. Водовозова.

В. В. Бартенев [1]), товарищ А. И. Ульянова по одному из студенческих кружков, отмечает отсутствие в кружке острых теоретических разногласий. Разногласия были собственно по вопросу о терроре, а теоретически сами сторонники террора „были ярыми марксистами". Все признавали необходимость политической свободы, и даже редко попадались люди, которые усматривали бы в конституции нечто выгодное только для буржуазии. „Споры велись собственно только о тактике. (Стр. 22—28). Автор ничего не говорит о том, каковы были теоретические взгляды Ульянова и его друзей, но надо полагать, что приведенная характеристика сторонников террора относится и к ним.

Об А. И. Ульянове С. А. Никонов затрудняется сказать что-либо определенное, кроме того, что „он не был марксистом в принятом значении этого слова, но „принимал основные положения учения Маркса", а к народничеству „в духе В. В. и ему подобных" относился „критически, как, впрочем, и почти все мы." (стр. 156—157). Далее С. А. Никонов вносит несколько ценных поправок в работу А. С. Полякова, в частности он опровергает сообщение последнего об организации им, С. А. Никоновым, особой боевой группы. По его словам, он „никакой боевой группы не намечал и не организовывал, а просто принял участие в работе террористической фракции вместе с А. Ульяновым и др. (стр. 162). С. А. Никонов подчеркивает руководяшую роль А. И. Ульянова в подготовке покушения.

И. Д. Лукашевич [1]) познакомился с А. И. Ульяновым в университетской лаборатории. Они были в разных студенческих кружках, но И. Д. Лукашевич думает, что Ульянов „пережил ту же эволюцию взглядов", как и он. Эволюция эта, по его словам, вела их от изучения политической экономии вообще, К. Маркса в особенности к занятиям государственным правом и увлечению идеей борьбы за политическую свободу. При этом они не верили в активную роль крестьянства в этой борьбе, отмечали факт развития капитализма в России, предвидели нарождение сильной буржуазии и многочисленного рабочего класса, в связи с этим считали неизбежным изменение политического строя, соглашались с книгой Плеханова „Наши разногласия", но стояли за террор и даже допускали, что под его ударами может заколебаться здание самодержавного строя. Именно поэтому они, несмотря на близость к социал-демократам, примкнули к народовольцам, а программа, которую „сформировал Александр Ильич", должна была

---

[1]) Его воспоминания были напечатаны в журнале „Минувшие годы" за 1908 год и оттуда перепечатаны А. И. Елизаровой.

С. А. Никонов, участник второго 1 марта, избежавший суда по этому делу, также был участником кружка, о котором говорит В. В. Бартенев. Но он более обстоятельно говорит о занятиях в кружке, при чем и из его рассказа становится ясной популярность в кружке марксизма.

[1]) В сборнике, кроме изложения старых воспоминаний Лукашевича, напечатано специально для данного издания написанное добавление.

и „установить преемственную связь“ с „Народной Волей“, выявить некоторый уклон воззрений в сторону социал-демократического учения“. Вместе с тем И. Д. Лукашевич отмечает поспешность составления программы в пылу практической деятельности, когда „не было ни возможности, ни времени тщательно обсуждать и взвешивать каждое слово“. (Стр. 189--194). Так под пером И. Д. Лукашевича взгляды А. И. Ульянова приближаются к характеристике, данной В. В. Бартеневым „ярым марксистам“ того времени.

О. М. Говорухин, человек очень близкий А. И. Ульянову, прежде всего отмечает, что очень долго А. И. Ульянов отрицательно относился к мысли об участии в революционной борьбе.[1]) Потом, однако, он быстро увлекся революционными идеями и стал сторонником систематического террора. Теоретических взглядов он себе составить не успел: по воззрениям он не подходил ни к народовольцам („отрицал возможность захвата власти, отрицал активное значение общины для социализма“), ни к социал-демократам, так как не видел серьезного различия в программах этих партий и признал излишней ва полемику между ними. При этом, однако, он „и сам сознавал, что профан в вопросах об общине и капитализме“. Когда на собраниях террористической группы кто-то предложил „объявить обществу“, что цель группы—борьба за конституцию, Ульянов, по словам Говорухина, восстал против этого, называя это изменой социалистическому знамени (стр. 218—220). Нельзя не отметить, что под пером О. М. Говорухина облик А. И. Ульянова значительно отличается от облика, даваемого другими авторами.

Остальные воспоминания (Чеботарев, Водовозов) рисуют А. И. Ульянова человеком, очень склонным к марксизму, разочаровавшимся в народничестве, но не расставшимся с народовольчеством. Анализ А. С. Полякова этим только подтверждается, но дальше этого анализа на основании этих данных пойти невозможно.

Обратимся теперь „к программе террористической фракции“, которую по словам И. Д. Лукашевича, „сформулировал“ А. И. Ульянов и в составлении которой принимал участие и сам Лукашевич. Программа начинается словами: „По основным своим убеждениям мы — социалисты“. Начало это вполне совпадает с началом программы Исполн. Комитета Народной Воли, но с одной существенной разницей: там после этих слов стояло—„и народники“, здесь этого добавления нет. Далее после определения понятия социализм программа говорит, что к социализму „каждая страна приходит неизбежно, естественным ходом своего экономического развития“ „что он является таким же необходимым результатом капитализма, как неизбежно развитие самого капитализма, раз страна вступила на путь денежного хозяйства“. Здесь мы видим уже вполне марксистскую мысль. Но—замечает далее программа этот закон „не исключает возможности более прямого перехода к социалистической организации народного хозяйства, если для этого существуют особенно благоприятные условия в привычках народа, в характере интеллигенции и правительства“. И дальше оказывается, что такие условия существуют. Прежде всего они существуют в привычках народа. Община воспитывает у крестьян привычку к коллективному труду, а это „дает возможность надеяться на непосредственный переход крестьянского хозяйства в форму, близкую к социалистической“. Это народническое представление об общине. Но мы не имеем оснований не верить рассказу И. Д. Лукашевича о влиянии на него и Ульянова „Наших разногласий“ Плеханова. Нельзя не доверять и сообщению Чеботарева, видевшего критические заметки А. И-ча на книгу В. В., в которых проявилось скептическое отношение к общине. Поэтому в этом вопросе можно допустить влияние других лиц, более близких народничеству. Далее программа отрицает активную роль крестьянства в революционной борьбе, а рабочий класс называет „естественным носителем социалистических идей“ и думает, что он составит „ядро социалистической партии“. Другие классы по программе не имеют серьезной почвы, а буржуазия даже еще находится в процессе формирования. Русское общество вообще слабо дифференцировано, а потому интеллигенцию следует считать самостоятельной общественной группой, она должна явиться „передовым отрядом в политической борьбе“. Русское правительство также самостоятельная сила: оно „не выражает собой ни одной из существующих общественных сил, а держится милитаризмом и отрицательными свойствами нашего общества“. Первая задача—борьба с правительством, и эту задачу может на себя взять интеллигенция, как передовой отряд. Ее оружие—террор.

Таким образом несомненно, что А. И. Ульянов может быть назван народовольцем в такой же степени, как марксистом. Понимая по-марксистски ход общественного развития, не отойдя от народнической теории общины, он был вполне народовольцем в вопросе об интеллигенции. И повидимому, здесь он не чужд был и представления, что особая роль интеллигенции в России может спасти Россию от перипетий капиталистического развития. Во всяком случае есть все основания считать рассказ Б. А. Кольцова-Гинзбурга об их беседе, в которой Ульянов хотел применить к России слова Маркса о Германии, сказанные в ту эпоху, когда Маркс еще не совсем отошел от теоретического мессианизма, достоверным. А, ведь, мысль о том, что Россия в лице „образованных классов“

[1]) Справедливость этого сообщения решительно отрицает А. И. Ульянова-Елизарова (стр. 213).

теоретически пережила путь буржуазного развития и потому может его практически миновать, встречается еще у Герцена и родственна народничеству.

Теоретически Ульянов был на распутьи. А на практике он и его друзья становились чисто политическими радикалами. Прокламация по поводу добролюбовской демонстрации это доказывает с несомненностью. И не только по содержанию. Как было установлено показанием Горкуна, она рассылалась предводителям дворянства, профессорам и т. д. [1]). Но пропаганда Ульянова в рабочей среде, на которую он смотрел, как марксист, показывает, что он и на практике бывал маркистом. В какую сторону пошло бы его дальнейшее развитие—судить, конечно, трудно.

Так, по нашему мнению, следует разрешать вопрос о месте „террористической фракции" в истории революционных идей. Ее теоретики—Ульянов и Лукашевич—стояли близко к марксизму, но не отошли и от народовольчества. Другие, как Осипанов и Андреюшкин, были совсем далеки от марксизма. И программа этой группы не могла не быть компромиссной по существу.

Обе рецензируемые книги займут видное место в библиотеке каждого интересующегося историей нашего революционного движения.

А. Шебунин.

ТРУДЫ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ. Вып. 4-й. Историко-революционный сборник. Иваново-Вознесенск 1926. Стр. 77, тир. 1.000 экз. Цена 1 р. 20 коп.

Сборник Иваново-Вознесенского общества краеведения содержит три статьи: в статье П. М. Экземплярского «село Иваново в жизни Сергея Геннадьевича Нечаева» даются интересные сведения о наименее известном периоде жизни Нечаева — детстве и отрочестве. Окончательно выясняется вопрос о происхождении Нечаева: его отец — «незаконный» сын крепостной, отпущенной позже на волю, записан в сословие мещан, «набивал ситцы», а потом служил половым в трактире; мать Нечаева до замужества была крепостной, портнихой, отец ее (дед Нечаева) имел малярную мастерскую. Центральное место в сборнике занимает увлекательно написанная статья Н. Д. Агрикова «Шуйский противоправительственный кружок 80-х годов прошлого столетия». Члены кружка — Яков Рассадин, Предтеченский, Листратов и др., в числе 27 человек (приложен их список— стр. 63 и сл.) под видом «кружка самообразования» распространяли среди крестьян нелегальную литературу (гл. обр. издания «Народной Воли»), расклеивал прокламации. Кружок провалился, члены были судимы и понесли различные кары.

[1]) Дело 1 марта, стр. 59.

Последняя статья А. Н. Овсянникова носит заглавие «Из школьных лет К. Д. Бальмонта — история увольнения его из Шуйской гимназии (1884 год) (по документам секретного архива гимназии)», она связана с предыдущей по теме, т. к. Бальмонт был уволен из гимназии в связи с раскрытием упомянутого кружка, членом которого он состоял.

Все статьи написаны на основании свежих местных архивных материалов и устных воспоминаний старожил. Сборник надо признать интересным и ценным.

М. Нечкина

М. БАЛАБАНОВ. Царская Россия XX века. (Накануне революции 1917 года). Издательство «Пролетарий». 1927 год. 239 стр. Цена 1 р. 90 к.

Книга ховатывает период с 1900-х годов до Февральской революции, при чем первые главы, до империалистической войны, носят скорее характер вводных— им отведено всего лишь 34 стр. из 239. В последующих главах почти все внимание автора сосредоточено на периоде войны; таким образом содержание книги не соответствует ее заглавию: «Царская Россия XX века». Не спасет автора и добавление к заглавию в скобках мелким шрифтом («Накануне революции 1917 года»). Тема — царская Россия XX века — обязывала автора остановиться более подробно на предвоенной эпохе и в частности хотя бы вкратце на революции 1905 г., без которой невозможно понять и 1917 г.

Помимо того, что первые главы охватывающие период с 1900 до 1914 года, написаны очень бегло, автор в них проходит мимо целого ряда существеннейших вопросов. Казалось бы, что в книге, посвященной царской России XX века, в частности кануну революции 1917 г., необходимо было бы познакомить читателя с предпосылками социалистической революции. Рассматривая первые два десятилетия XX века и подробно останавливаясь на предпосылках 1917 года, нужно было провести разницу между революцией 1905 и революцией 1917 г. и дать, хотя бы в самых беглых чертах, картину роста в России финансового капитала и русского империализма. Однако этот вопрос в книге совершенно обойден молчанием. Финансового капитала автор не видит и рассматривает его исключительно под углом зрения расширения сферы влияния западно-европейского капитала. (стр. 37—39).

Автор не вполне точно об'ясняет и участие России в империалистической войне. Если Ленин рассматривал внешнюю политику России, как политику «капиталистического империализма новейшего типа» (том XIII, стр. 99), автор рас-

сматривает ее только, как захватнические стремления торгового и промышленного капитала (стр. 31), т. о Финансовый капитал и империализм у него отсутствуют.

К тому же автор несколько недооценивает самостоятельных целей России в войне, преувеличивает и несколько примитивно изображает зависимость ее внешней политики от антантовского капитала (см. стр. 39).

Автор не только не дал предпосылок социалистической революции, но и вопрос об остатках крепостничества изложил недостаточно четко. Он явно переоценивает возможности для капиталистического развития России в условиях крепостнических пережитков, не указывая на те рогатки, которые стояли на его пути. Основу для недовольства буржуазии старым порядком он видит не в противоречиях развивающегося капитализма с остатками крепостничества, наоборот, он считает «экономическую обстановку для его роста благоприятной», причину же недовольства промышленной буржуазии он видит в том, что «промышленный капитал не довольствуется общей благоприятной для роста его экономической обстановкой, но требует особых мер для защиты своих интересов» (27). В другом месте, говоря о захватнических стремлениях русских промышленников, он пишет: «правда», перед ними (промышленниками) был обширный внутренний рынок, который один мог насытить аппетиты их, если бы аппетиты капитала не были безграничны» (стр. 35). Неудивительно, что при таком подходе он рисует чуть ли не идиллическую картину взаимоотношений промышленной буржуазии с крепостниками.

Недоучитывая противоречия между промышленным капитализмом и полукрепостническим строем, автор дает также неправильную характеристику социальной сущности русского самодержавия, отождествляя его с буржуазной монархией. Например, на странице 11 он утверждает, что самодержавная монархия, сложившаяся на почве торгового капитала, представляемого главным образом поземельным дворянством, «с течением времени становилась и властью буржуазии».

Несмотря на дальнейшие оговорки о гегемонии дворянства, автор, по существу, высказывает ошибочную точку зрения о буржуазном перерождении монархии. На странице 33 он снова пишет: «поземельное дворянство и промышленная буржуазия составляли основную социальную базу самодержавия».

Не приходится доказывать в каком противоречии это утверждение находится с ленинской характеристикой самодержавия, которое, хотя и «делая еще шаг по пути к буржуазной монархии», все же оставалось «старой властью — диктатурой крепостников, в руках у которых было девяносто девять сотых политической власти (том XII, часть I, стр. 133).

Далее, устойчивость самодержавия автор видит не в силе и значительности остатков крепостничества, а в слабости буржуазии, и все дело сводит к боязни буржуазии взять власть, поскольку за ее спиной стоит пролетариат.

Кстати сказать, буржуазную власть он несколько идеализирует. Описав систему погромов и провокации при самодержавии автор пишет: «Взять власть в свои руки — таков мог бы быть путь буржуазии, ибо только такой путь мог привести к уничтожению царства хулиганов и погромщиков» (стр. 104). Автор совершенно упускает из виду, что буржуазная власть, особенно в эпоху краха капитализма, дает нам не лучшие образцы политических хулиганов и погромщиков, возмутительный пример чего дает современный фашизм.

На основе неправильного понимания взаимоотношений буржуазии с крепостниками, автор дает ошибочную оценку позиции буржуазии накануне Февральской революции.

Не выходя за пределы элементарной истины, что буржуазия «боялась», т. к. за ее спиной стоял рабочий класс, он совершенно не выясняет центрального для понимания позиции буржуазии в годы войны вопроса о «заговоре Милюкова и Гучкова», о котором писал Ленин.

Автор совершенно обходит интереснейший вопрос о связи буржуазии с гвоздевцами и о русском социал-реформизме, как особом виде буржуазной политики в рабочем движении.

Он ограничивается лишь общими рассуждениями о том, хотела или нет часть буржуазии через подручных им гвоздевцев вызвать рабочих на улицу в целях воздействия на царское правительство. Опровергая данные о тактических разногласиях внутри прогрессивного блока по вопросу об отношении к рабочему движению, он не приводит никаких новых данных, не противопоставляет им никаких новых фактов, кроме голословного утверждения, что разногласий внутри прогрессивного блока не было. Автор отмахивается от анализа различных групп буржуазии и тем самым замазывает разношерстность состава и прогрессивного блока и буржуазных «общественных организаций».

Крайне недостаточно освещена в книге и роль рабочего класса, как основной движущей силы революции. Глава о рабочем движении буквально тонет в массе излишне размазанных фактов о распутинщине и кулисах царской политики. Характерно, что даже термин: «гражданский мир» автор своеобразно понимает не столько в смысле кратковремен-

ного успокоения рабочих в первые месяцы войны, сколько в смысле «священного единения между царской властью и всеми буржуазными слоями» (172).

Что касается использованных в работе материалов, то приходится отметить, что автор писал свою книгу г. о. на основании второисточников, или же таких в достаточной мере затасканных первоисточников, как переписка Романовых, материалы чрезвычайной следственной комиссии и т. п. Именно этим, очевидно, и об'ясняется крайне неприятно поражающее отсутствие в книге каких бы то ни было ссылок как в тексте, так и в сносках; сплошь и рядом автор ссылается на материалы департамента полиции и жандармские донесения, в то время как, заведомо, он ими пользовался по второисточникам (стр. 78 и 128). К книге не приложено и, обычно применяемых в таких случаях, библиографических справок. Хотя это иногда практикуется, но не в такого рода книгах, как рецензируемая, и вряд ли говорит в пользу автора. Отсутствие ссылок крайне затруднит пользование книгой со стороны учащихся, особенно студентов Вузов и Комвузов, которые приучаются критически относиться к приводимым в книгах фактам, сверять и проверять их по другим пособиям и источникам; последнее же требует прежде всего знания того, откуда автор заимствовал тот или иной факт, те или иные цифры. Это тем более относится к рецензируемой работе, что ряд приводимых автором цифр, особенно по вопросу о влиянии войны на народное хозяйство и, на положение рабочих, вызывает большие сомнения.

В заключение нужно отметить, что рецензируемая книга отнюдь не является сколько-нибудь серьезным исследованием. Ни новых мыслей, ни новой постановки вопроса читатель в ней не найдет по сравнению с уже имеющейся литературой.

Как учебник, она неподходяща вследствие разбросанности материала, непропорциональности частей и несистематичности изложения. К тому же для учебного пособия она слишком громоздка и изобилует деталями.

Все это вместе взятое затрудняет использование рецензируемой книги, даже в качестве сводного справочника по предпосылкам революции 1917 г., большая нужда в котором несомненно имеется.

Б. Граве.

1905 г. История революционного движения в отдельных очерках. Под редакцией М. Н. Покровского: Т. III, выпуск I. Издание Комиссии ЦИК СССР по организации празднования 20-летия рев. 1905 г. — ГИЗ. 1907 г. Стр. 304. Тираж 300 экз. Цена 3 руб.

Рецензируемый выпуск многотомного издания юбилейной комиссии является одним из наиболее интересных. Книга представляет сборник следующих статей: В. И. Невский—Советы в 1905 г. И. Волковичер — Кронштадское восстание. И. Волковичер—Восстание в Севастополе. С. Диманштейн—Очерк революционного движения среди еврейских масс. П. Стучка—1905 г. в Латвии. Ст. Пестковский и Юз. Красный — Очерк революц. движения в Польше в 1905 г. Ю. Сирола —1905 г. в Финляндии.

Из всего сборника наиболее интересна статья т. Невского и из группы статей, описывающих движение на окраинах, статьи о рев. движениях в Латвии и Польше.

Статья тов. Невского, опираясь на опубликованный уже по этому вопросу материал, делает шаг вперед, как по части обработки нового материала, так и в отношении проводимой автором коллекции взглядов на Советы 1905 г.

Однако статья не лишена недочетов. Само собою понятно, что автор посвящает несколько страниц вопросу, который уже вызвал большой и резкий спор в нашей литературе. Это вопрос о том, какой же Совет возник прежде других: Петербургский или Иваново-Вознесенский? И здесь-то автор впадает в противоречие с самим собою.

Тов. Невский отображает различные соображения, которые приводились против того мнения, что первым Советом был Совет Раб. Депутатов в Иваново-Вознесенске. По мнению автора, все признаки, в духе ленинского определения сущности Советов, как зародыша власти пролетариата, были налицо у Иваново-Вознесенского Совета. И, подводя итоги, автор заявляет: «Первой организацией советского типа был Совет Раб. Депут. Иваново-Вознесенска в мае 1905 г.» (стр. 30).

Нужно сказать, что аргументация в пользу этой версии у автора страдает натянутостью. Нельзя, например, согласиться с тем, что, если во время всеобщей стачки в Иваново-Вознесенске не разрешалось типографиям печатать без ведома Совета,—то этот Совет подходит под ленинское определение. Ведь, поскольку происходит стачка, постольку не избежать контроля за предприятиями со стороны стачкома. Политические же требования в 1905 г. пред'являлись каждой стачкой, да и задолго до 1905 г. бывало так, что, на-ряду с требованием увеличения расценок на пятачок, выставлялось требование: «долой самодержавие».

Конечно, Иваново-Вознесенский Совет не был обычными стачечным комитетом. Для нас это несомненно. Но тогда не лучше ли принять другую концепцию, которая развивается автором параллельно вышеуказанной?

Так, с другой стороны автор утверждает, что Иваново-Вознесенский Совет—своеобразный стачечный комитет (стр. 11). Эта организация была организацией, безусловно высшей, чем обычный стачком, являясь переходным промежуточным этапом к созданию Советов Раб. Деп., как зародышевой формы рабочей власти. Автор говорит: «Неверно, вне сомнения, отождествлять Совет со стачечными комитетами. Это утверждение, однако, нисколько не опровергает того мнения, что Советы 1905 года родились не сразу и что прежде, чем выявилась та организация, в которой мы находим существенные черты Совета, шел довольно быстрый процесс превращения всякого рода боевых беспартийных рабочих организаций, в том числе и стачечных комитетов, в Совет. Одним из моментов такой эволюции и был Иваново-Вознесенский Совет» (стр. 16).

Но если Иваново-Вознесенский Совет являлся одним из моментов эволюции различных беспартийных рабочих организаций к боевой руководящей организации Советского типа, то тогда это все же не первый Совет. Одно из двух: или это была первая организация советского типа, или это промежуточное звено эволюции к организации Советов в ленинском смысле. У автора же существует на этот счет неясность и, как нам кажется, протеворечивость.

Укажем еще на такой промах. Автор между прочим говорит о разгоне Совета следующее: «Но та самая революционная демократия, представители которой были в Совете, и те оппозиционные группы, самой большой силой которых была либеральная буржуазия, удовлетворились октябрьской победой и за спиной народа сговаривались с царем. Это и дало уверенность и силу самодержавию. Оно победило: 3 декабря Совет был арестован». (стр. 38).

Дальнейшие факты тогдашней действительности показали, что, если либеральная буржуазия (кстати сказать и до октября не являвшаяся движущей силой революции) и удовлетворилась октябрьской победой, то «революционная демократия, представленная в Совете» отнюдь не обманывалась на этот счет. Забастовки, декабрьское восстание, выступление 1906 г.—лучший тому свидетель.

Статья т. Волковичера вызывает некоторое недоумение. Прежде всего неясно, почему опубликована статья о севастопольском восстании в то время, как той же комиссией ЦИК в одном и том же издании и при том же редакторе выпущен сборник: «Армия в первой революции», где имеется очерк о том же восстании. При этом эти очерки в обоих сборниках носят один и тот же описательный характер, никаких проблем не ставят, пересказывая ход событий по немногим источникам мемуарного характера.

На очерках о революционном движении национальностей и на окраинах, по нашему мнению, особенно сказывается общий недостаток, который относится ко всем томам этого издания. Мы имеем в виду то, что во всех этих сборниках о первой революции темы ограничены только 1905 г. Между тем революция продолжалась, примерно, два с половиной года (1905—07 гг.). Так считал и т. Ленин, так и следовало бы описывать революцию в каждом очерке, несмотря на то, что весь 1905 г. представляет почти повсеместно и непрерывно восходящую линию этой революции, а 1906—07 гг. (до 3 июня), в общем и целом, нисходящую. Ограничение же описания одним 1905 годом ведет к разрыву одного целостного процесса и к тем неудобствам, что события по восходящей линии далеко не везде и не во всем укладывались точно в календарные рамки 1905 г.

Статьи о революционном движении на окраинах, несмотря на их краткость и некоторые недочеты, представляют, безусловно, значительную ценность, поскольку по этому вопросу мы имеем весьма немногочисленную литературу. К тому же очерки по преимуществу рисуют своеобразные эпизоды и черты, отличные от наших российских.

Заслуживают внимания статьи тт. Пестковского, Красного и Стучки.

В статье последнего мы имеем краткий очерк, рисующий довольно стройчую картину революционных событий в Латвии 1905 г.

В конце статьи автор оговаривается, что он не касался спорных моментов, ибо в небольшом очерке об'ективное решение их невозможно. Однако при чтении этой статьи целый ряд моментов вызывает безусловные возражения.

Дело в том, что авторы всей этой группы статей, будучи участниками, отчасти руководителями, революционного движения 1905 г. на окраинах, описывая прошедшие события, несмотря на осторожность, сдержанность, желание быть об'ективными, все же не могут не оказаться «патриотами» своих партий.

В целом ряде мест т. Стучка старается прикрыть или затушевать прошлые оппортунистические грехи латышской с.-д. Например, он признает правильным решение Федеративного Комитета г. Риги и ЦК латышской с.-д. (последний, по его словам, в бурные дни ноября—декабря являлся гегемоном движения и у него даже была фактическая власть в крае) о всеобщей забастовке и вооруженном восстании. Он считает правильным рассуждение ЦО партии о том, что, «продолжая ее (всеобщую забастовку), рижский пролетариат был бы доведен до вооруженного восстания. Но такое восстание могло

окончиться поражением, ибо нельзя было определить, на чью сторону станет армия. Что часть войск стала бы на сторону революционного пролетариата — нет сомнения Но этого еще недостаточно»... (Стр. 230).

Подобные рассуждения не выдерживали критики даже в 1905 г. Это доказывается тем, что, несмотря на всяческие одергивания и сдержку всесильного ЦК латышской с-д, в Латвии все-таки вспыхнули восстания Автор не находит ничего лучшего, как об'яснить это, главным образом, провокацией полиции, отчасти неустойчивостью и бессознательностью крестьян. Нам же кажется, что разрозненность, неорганизованность, слабость этих выступлений, несмотря на сравнительно прекрасные для революции данные, имевшиеся в Латвии, явились прямым и несомненным следствием оппортунистического руководства ЦК.

Тов. Стучка цифрами показывает, насколько латышский пролетариат выступал сознательнее, единодушнее и революционее, чем, скажем, пролетариат центра Он шел даже в авангарде вооруженного восстания Казалось бы это неплохо, но автор скорбит, полагая, что даже об'единение латышской с-д. с РСДРП не удержало бы латвийскую революцию от того, что она зашла дальше и быстрее вперед, чем остальные революционные отряды. А это обстоятельство привело к тому, что Латвия подверглась особенно сильным экзекуциям со стороны карательных экспедиций. Чувствуется, что автор находится под сильным впечатлением гнусной «работы» карательных экспедиций, и потому латвийское движение рисуется ему, как грандиознейшая драма (см его примечание на первой странице очерка). При этом он забывает то, что это была не только драма, но и героическая борьба, явившаяся на ряду со всей революцией 1905 г. мощной подготовкой побед рабочего класса в дальнейшем.

Этот своеобразный оппортунизм латышской с.-д., несмотря на ее близость к русским большевикам, сказался и на ряде других вопросов. Например, по аграрному. В Латвии в 1905 г. революция дошла в деревне под руководством с.-д. до полной победы, как говорит автор. Но победители не нашли ничего лучшего, как подчеркнуть в своих декларациях незыблемость частной собственности на землю, ибо соц.-дем., как указывает наш автор, «стояла тогда строго на той точке зрения, что это — революция буржуазная, а в задачи буржуазной революции как будто не входит отмена частной собственности на землю» (234). Автор как бы забывает большев. оценку характера революции 1905 г. и то, что прибалтийские бароны были оплотом царского самодержавия — этого исполнительного комитета помещичьего класса.

Впрочем, автор, видимо, не одобряет поведения партии в аграрном вопросе, оправдывая ее, однако, тем, что «если даже и российский 1905 г. не поставил этого вопроса, то особенно трудно было его поставить в Латвии». Но трудность проблемы не значит еще, что увиливание от ее решения оправдывает партию.

Не останавливаясь на других пунктах, укажем еще раз, что, несмотря на неправильности в освещении, статья интересна.

Не менее интересна статья о революционном движении в Польше.

Но оба автора, как и т. Стучка, также страдают «патриотизмом», замалчивая известные грехи польской с.-д. Правильно, конечно, утверждение, что польские с.-д. очень близки по идеологии и по совместной борьбе с русскими большевиками. Но говорить, что эта близость сказалась на Лондонском с'езде в оценке Гос. Думы, тактике с.-д. в Думе — значит слишком увлекаться. Известно, что по этим вопросам, не говоря уже о вопросе по докладу ЦК, «националы» — особенно поляки — сильно подвели большевиков. Резолюции последних из-за этих колебаний были провалены.

Резюмируя, должны сказать, что сборник сослужит полезную службу и, в особенности, учащимся.

В. Малаховский.

В. КАЧИНСКИЙ. Селянський рух на Україні в роки 1905—7. Частина перша. Рік 1905. Истпарт ЦККП(б) У. Державне видавництво України. 1907. Тираж 2000. Ц. 2 р. 50 к.

Книга т. Качинского написана на основании как уже известных опубликованных материалов, так и на основании новых архивных источников, главным образом документов, входящих в дела жандармских управлений и иных правительственных учреждений царской России.

Свежесть нового материала и придает живость и красочность изложению автора при описании массового крестьянского движения в 1905 г. Автор, по принятому шаблону, начинает с экономики. Считая совершенно справедливо причинами крестьянского движения новые социально-экономические отношения в деревне, созданные капитализмом и стоявшие в противоречии с остатками феодального уклада, и кризис, вызванный войной с Японией, т. Качинский подробно рассматривает экономику украинской деревни,—малоземелье крестьян, арендные отношения и т. п.

Здесь, несмотря на обилие цифр и данных, автор не дает ничего нового.

Нового ничего, пожалуй, нет и в следующих главах: «Основные формы движения», «Крестьянские стачки правобе-

режья», «Крестьянские стачки левобережья» и т. д, но зато автором здесь проделана большая работа: систематизирован большой материал, изучены все формы движения, и сделаны некоторые выводы.

В этом отношении интересны главы: «Вооруженная борьба крестьянства» и «Социалистические партии». По вопросу о вооруженной борьбе крестьян автор доказывает положение, что вооруженные крестьянские выступления в их основной массе нельзя рассматривать, как организованное вооруженное восстание: крестьянин в вооруженной борьбе повсюду выступал, как спутник вооруженного рабочего; там, где рабочий шел впереди с оружием в руках организованными массами, там за ним выступал и крестьянин, сочувствуя и поддерживая рабочего.

Довольно ясно обрисован и классовый характер движения; т. Качинский все время подчеркивает, что, несмотря на всеобщий характер движения, захватившая всю деревню, всех крестьян уже к осени 1905 г., классовая борьба внутри самого крестьянства ни на минуту не затихала.

Очень интересны заключения автора об организационной стороне движения: указав на то, что руководство в крестьянском союзе принадлежало мелко-буржуазной интеллигенции деревни, т. Качинский приходит к заключению, что ни крестьянский Союз, ни «Стачка», ни тем более соц.-революционеры не сумели охватить движения организационными рамками, придать ему планомерно организованный характер.

К сожалению, автор не останавливается подробно на изучении причин этого явления, а на них стоило бы остановиться: ведь и в рабочих массах сначала, особенно в январьские дни, витал дух стихийности, и только к концу 1905 г. массы шли на штурм уже вполне организованными колоннами, и это зависело от того, что партия соц.-дем. и именно большевиков вдохнула в бушующую стихию эту организованность и сплоченность.

Не остановился подробно т. Качинский и на тех формах самобытной, революционной организации, которую несомненно создавало крестьянство и которую Ленин так удачно назвал самобытным революционным творчеством; изучение же этой стороны дела показало бы, что и крестьянство инстинктом тянулось к чему-то близкому к боевой советско-революционной организации.

К недостаткам книги нужно отнести способ указания источников: на стр. 5 автор говорит, что он пользуется донесением подольского губернатора и добавляет, что этот и подобные документы хранятся в архиве Истпарта ЦК КП(б)У. Однако простое указание «архив Истпарта Украины» не раз'ясняет дела: ведь эти донесения губернаторов находятся (в копиях) или из'яты из каких-то дел каких-то фондов (Жандармских Управлений, канцелярий губернаторов и т. п.). Лучше было бы подробно указать, из какого именно фонда взят тот или другой документ; тогда можно было, при желании, и читателю обратиться к такому документу или его копии, напр., в архиве б. Департамента полиции.

Работа т. Качинского не закончена. Во второй части, повидимому, после очерка движения 1906 и 1907 годов автор даст более или менее обобщающие выводы, таблицы и заключения. В данном виде его работа может быть рассматриваема, как попытка ввести читателя в начало великого крестьянского движения эпохи первой Русской революции.

В. Невский.

М. В. РОДЗЯНКО. «Крушение империи». Издательство «Прибой», 1927 г., стр. 280.

В серии белогвардейских мемуаров, посвященных Февральской революции и ее кануну, записки Родзянко ни по новизне содержания, ни по характеру изложения не могут претендовать на первое место. Они, конечно, значительно уступают «Дням» Шульгина. Последние умнее, ярче, интереснее. Но, вместе с тем, несмотря на напыщенный и высокоторжественный стиль, несмотря на выпячивание автором на первый план себя самого, своих личных заслуг, своей деятельности, они представляют известный исторический интерес, рисуя буржуазно-помещичий лагерь и его взаимоотношения с царизмом накануне революции.

Рецензируемая нами брошюра «Крушение империи» по существу представляет из себя новый вариант первой работы того же автора, напечатанной в VI томе Гессеновского «Архива русской революции», под названием «Государственная Дума и Февральская 1917 г. революция» В предисловии к этой работе Родзянко писал: «Принято на веру далеко однако не бесспорное положение, что Гос. Дума IV созыва подготовила, создала, воодушевила и воплотила в реальные формы переворот 27-го февраля, а также и самую революцию. Всю вину за прошлые и настоящие ужасающие события принято валить на Гос. Думу и в частности на ее председателя». Исходя из этого Родзянко основную цель своих записок видит в самореабилитации, в снятии с себя пятна виновника русской революции, в чем действительно обвиняла Родзянко русская белогвардейская эмиграция. В этом основная цель как первого, так и второго варианта записок. Но если первая работа значительное внимание уделяет позиции, занятой Родзянко и его товарищами по прогрессивному блоку в

первые дни Февральской революции, то вторая, совершенно не затрагивая февральский переворот, всецело посвящена подробному, детальному, подчас мелочному описанию того, как автор всеми имеющимися у него средствами пытался своевременным соглашением с царизмом предотвратить и предупредить угрозу надвигающейся революции. А по мнению Родзянки основная причина, ускоряющая революцию, заключалась в гибельном и все усиливающемся влиянии Распутина на царскую семью. «Распутинцы положили вместе с крайними правыми течениями начало русской революции, отчуждая царя от народа и допуская умаление ореола царского престола» — говорит автор в предисловии. Поэтому центр тяжести записок переносится на изучение личности Распутина, его личную биографию и на рассмотрение тех гибельных обстоятельств, «при которых или вернее в силу которых появился при дворе императора Николая II Григорий Распутин».

И Родзянко добросовестно, шаг за шагом прослеживает свою деятельность, показывает, как он и его товарищи по прогрессивному блоку искали путей к спасению. Он повествует о целой серии его попыток повлиять на Николая путем ряда «всеподданнейших докладов», о том, как он да и вся буржуазия в целом пытались прибрать к своим рукам дело организации войны. Но все попытки достигнуть соглашения, добиться добровольных уступок власти кончились крахом. Поэтому, указывая на свою личную неудачу в этой борьбе, Родзянко, вместе с тем, говорит и о полной неудаче попыток компромисса, исходящих от всей буржуазии в целом.

Вся политическая линия буржуазии в годы войны строилась на надеждах о возможности мирного обновления власти. Когда эта надежда была потеряна, буржуазия заходит в тупик, из которого тщетно ищет выхода. Недаром заключительным аккордом записок Родзянко является следующая характеристика настроений думского большинства накануне Февральской революции: «Настроение в Думе было вялое,—даже Пуришкевич и тот произнес тусклую речь. Чувствовалось бессилие Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность на роль чуть ли не пассивного зрителя. И все-таки Дума оставалась на своей прежней позиции и не шла на открытый разрыв с правительством. У нее было одно оружие — слово, и Милюков это подчеркнул, сказав, что Дума «будет действовать словом и только словом» (стр. 223).

Правда, была незначительная часть буржуазии, которая от слов хотела переходить к «делу». У Родзянко есть несколько любопытных страниц, посвященных характеру этого дела. Он рассказывает о попытках дворцового переворота, указывает от кого исходила инициатива (Крымов, Терещенко), но сам он резко отказывается от участия в этом заговоре, оставаясь, как впрочем и большая часть буржуазии, верным своей старой тактике мирного, парламентского давления на власть. А между тем Родзянко не мог не знать, какой фикцией был русский «парламент» в глазах царизма. Ведь именно его, председателя Государств. Думы, как он сам рассказывает, Николай недоуменно и «наивно» допрашивал, на каком основании он называет «наш строй конституционным».

Трагедия всей русской буржуазии и идущих в союзе с ней буржуазных помещиков, крах тактики буржуазно-помещичьего блока в записках Родзянко находят достаточное освещение. Основной интерес записок в том и заключается, что, несмотря на преобладание в них мелких, часто незначительных бытовых фактов, придворных анекдотов и приторного самолюбования и самовосхваления, они необычайно выпукло и четко рисуют всю глубину разложения царизма, заставляющего даже таких верных ему людей, как Родзянко, примыкать к фронде, затеянной в эти годы буржуазией.

Э. Генкина.

А. Ф. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 годе. Ленинградский Истпарт. «Прибой». Стр. 189. Тираж 5000. Цена 1 р. 50 к.

Воспоминания т. А. Ф. Женевского — интересная повесть о том, как небольшая группа товарищей революционеров-большевиков, работая среди темных солдатских масс, подготовляли эти массы к решительному наступлению на твердыни самодержавия и капитала. Простым и вместе с тем образным языком Женевский рассказывает о настроении солдат и рабочих в февральские дни, о бурном движении солдатских масс в Финляндии после февральской революции, о создании военной организации большевиков, об июльских днях в Петербурге, о подготовке к октябрю и, наконец, о незабываемых октябрьских днях 1917 года.

Книжечка т. Женевского, конечно, не история октябрьской революции, даже не история октябрьских дней в Петербурге, это просто воспоминания участника в событиях тех дней, написанная незатейливо и правдиво и потому именно захватывающая читателя. Нечего, поэтому, требовать от этой книжки точных дат, верного до малейших деталей изображения хода революции, безошибочных определений и характеристик. Зато есть в книжечке т. Женевского дух тех дней, героизм масс, их энтузиазм и пламенное желание революционного творчества.

Половина книги т. Женевского посвящена, если можно так выразиться, истории военной организации нашей партии в 1917 г. в Петербурге. И эта часть книги написана живо и ярко. Но, конечно, и здесь нечего требовать ни точности, ни деталей. Прежде всего нужно заметить, что т. Женевский ни слова не говорит о возникновении военной организации: то заседание, которое он называет первым заседанием В. о., было только итогом той предварительной работы и довольно большой, какую пришлось проделать создателям этой организации. Далее неправильно очерчена роль работников организации. У т. Женевского выходит так, что кто-то один был организатором, кто-то агитатором, кто-то редактором. Дело было значительно сложнее потому, что и организаторы и агитаторы и редакторы в сущности говоря сами-то были производными какой-то большой величины, единственного героя тех дней, — революционной массы. Эта революционная масса и выделила сотни выдающихся организаторов и агитаторов, без которых все так называемые руководители были ничто.

Бледно освещена и деятельность В. о.: после июльских дней и совсем не освещена ее роль в октябрьские и после-октябрьские дни, а ведь именно организованные В. о. части и брали Зимний Дворец и бились с частями Керенского и сражались в первые месяцы гражданской войны. А какое огромное значение имели тысячи агитаторов, подготовленных курсами В. о. и посланных делать революцию в деревню! А какую огромную роль в деревне сыграли землячества, организованные т. Ионовым (не Ильей, а другим — крестьянином Ионовым) и т. Хитровым.

За всем тем воспоминания т. Женевского прекрасная книга. Она не только говорит о том, что делал сам автор, а рисует обстановку, дух, действия других товарищей и главное масс в великие октябрьские дни. Какой-то наивностью и вместе революционным пафосом веет от тех писем солдат, которые приводит в своей книге т. Женевский и которые тысячами присылались в нашу редакцию. Как жаль, что эти серые, исписанные по большей частью карандашом, корявым почерком, грязные листочки бумаги, тысячи их погибли при разгроме организации в июле 1917 г.

Они лучше, чем что-либо другое, рассказали бы о том, как и во что верили рабочие и крестьяне, как они думали о нашей партии и революции.

В. Невский.

«КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ». Центрархив, 1917 г. в документах и материалах под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. Подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер. С пред. Я. А. Яковлева. ГИЗ. М.-Л. 1927 г., стр. 442.

Вслед за «Рабочим движением в 1917 году»—Центрархив выпустил и вторую работу «Крестьянское движение в 1917 году». Обе эти работы являются несомненно ценным вкладом в архив Октябрьской революции. В рецензируемый сборник вошли: предисловие Я. А. Яковлева и составителей, сведения о крестьянском движении, поступавшие в Главное управление по делам милиции Временного правительства за март—октябрь 1917 г., и приложения, состоящие из цифровых сводок Главного управления по делам милиции, циркуляров министерства внутренних дел и других ведомств и географического указателя.

«Сведения» главного управления по делам милиции являются в настоящее время единственным сводным материалом для исследователя по крестьянскому движению, материалом, основанным на ежедневной записи главнейших событий, получаемых в центре со всей России. «При всей своей неполноте, — отмечают составители — и некоторой неточности, эти «Сведения» дают не только возможность изучать общий характер крестьянского движения, но и интенсивность его по отдельным районам, основные формы и направление движения в этих районах, политический сдвиг крестьянства после июля» и т. д. При чем составители отмечают также, что. «количественно движение было значительно больше, шире, чем это зарегистрировано в ведомостях информационного отдела».

Критический анализ публикуемых «Сведений» может быть дан прежде всего со стороны их полноты и достоверности. По первому вопросу сами составители отмечают эту неполноту. Производившаяся в Международном аграрном институте работа по выявлению числа случаев крестьянского движения в 1917 г. обнаружила только по одной повременной печати значительный «недобор» этих случаев у главного управления милиции. Архивные данные того же Центроархива в Москве и особенно на местах еще больше увеличат число случаев крестьянского движения. Таким образом исследователю крестьянского движения безусловно нельзя ограничиваться материалом «Сведений».

По вопросу о достоверности сами составители заявляют, что все сообщения о крестьянском движении, поступавшие в главное управление милиции, «исходят от лиц, пострадавших от крестьянского движения — помещиков, владельцев свекло-сахарных заводов, отрубщиков, владельцев конных заводов и проч., или от комиссаров, на которых была возло-

жена Временным правительством непосредственная ответственность за подавление движения и восстановление «порядка» в губернии. Землевладельцы, напуганные ростом крестьянского движения, часто преувеличивали размер погромов, и др «правонарушений» и «самовольных действий», «самочинных организаций»; этому же преувеличению способствовало стремление помещиков заявлениями ускорить применение «решительных мер по подавлению движения». Точно также большим «суб'ективизмом» страдали и сообщения комиссаров Временного правительства. Информационный отдел управления милиции, наводя «редакцию», также соответствующим образом искажал достоверность сообщаемых сведений. Все эти замечания необходимо сделать для того, чтобы вопрос о действительных размерах и характере крестьянского движения в 1917 г. не освещался на основании **только** этих одних «Сведений» милиции Временного правительства.

С этой точки зрения необходимо расценить и написанное по этим материалам предисловие Я. А. Яковлева.

Основная установка этого предисловия — крестьянское движение 1917 г. характерно прежде всего доверием крестьянства к буржуазии в первые полгода революции 1917 г. Я. А. Яковлев указывает, что «апрель, май, июнь и даже июль дают невиданный в истории пример развертывания крестьянской борьбы за землю в условиях своеобразной легальности. У крестьянина было настолько сильно доверие к буржуазии, доверие к правительству буржуазии, что он пытается уложить борьбу с помещиками в рамки закона... Во все эти месяцы преобладает совершенно своеобразные, в истории не виданные, способы «мирной борьбы, вытекающей из крестьянского доверия к буржуазии и к правительству. Крестьяне пытаются выжить помещиков из их гнезд «мирными» способами»... (Пред. стр. III). Здесь прежде всего неправильно утверждение, что такого рода формы борьбы с помещиками, какие применяли крестьяне в первой половине 1917 г., «не виданы в истории». Чтобы далеко не ходить за примерами, стоит вспомнить только начальный период революции 1905 г., а затем период столыпинщины и войны, когда эти «мирные» формы применялись достаточно широко крестьянством в различных губерниях России. Второе замечание относится к оценке этих «мирных» форм, когда они диалектически переходят из количества в качество. Совершенно не случайно, что именно в июле, в самый разгар «мирных» форм движения, Временное правительство ударило по крестьянству всей силой своего аппарата для подавления движения Карательные экспедиции, аресты «зачинщиков» и т. п. стали применяться в июле и августе в неменьшем числе, чем в последующие месяцы, когда движение приняло разгромный характер.

Я. А. Яковлев несомненно преувеличивает «доверие крестьянства к буржуазии». В свое время в статье «Крестьянские организации и I-й с'езд советов крест. депутатов» («Прол. револ.» № 5 (64) за 1927 г.) мы привели документальные данные, что никакого доверия буржуазии по земельному вопросу у крестьянства не было, что правые эсеры на майском с'езде, специально ими подобранном, вынуждены были, под давлением крестьян даже членов партии эсеров, внести на утверждение с'езда «каучуковую» резолюцию, которую им удалось провести только путем обмана и т. д. Автор предисловия к документам не принимает во внимание также отношения к Временному правительству беднейших слоев крестьянства, стоявших к нему в оппозиции с первых же дней революции, и вообще не рассматривает крестьянское движение дифференцированно по классовой линии.

Я. А. Яковлев забывает также и то, что Временное правительство в лице кн. Львова в первые же месяцы после февраля прекрасно учитывало роль «мирных форм» крестьянского движения и для борьбы с ними и провело закон о земельных комитетах, которые поэтому никак нельзя считать, как это делает автор «Предисловия», стихийно «складывавшейся крестьянской властью» («Предисл.», IV). У Я. А. Яковлева упущена также очень важная для крестьянского движения сторона дела — раскол между правыми и левыми эсерами, оказавший огромное влияние в отдельных районах на формы этого движения. У него нет также указаний на воздействие на крестьянство партии большевиков через землячества, через солдат и рабочих, возвращавшихся в деревню, через большевистскую литературу и т. п.

Таким образом, можно полагать, что находясь во власти «Сведений» главного управления милиции, писавший к ним предисловие т. Я. А. Яковлев допустил целый ряд неверных положений, которые могут ввести в заблуждение исследователя крестьянского движения и которые можно исправить, использовав не только «Сведения», но и другие материалы, относящиеся к крестьянскому движению в 1917 г.

Между прочим, имеется ряд досадных неточностей у т. Я. А. Яковлева в освещении движения с.-х. рабочих, которые вопреки его утверждению именно осенью 1917 г. развернули в целом ряде губерний и особенно на Украине свои организации профессионального типа (особенно это было заметно в Екатеринославской губ. и в др.).

А. Шестаков.

В. ВЛАДИМИРОВА. «Год службы «социалистов» капиталистам». (Очерк по истории контр-революции в 1918 г.).

Период гражданской войны в России по насыщенности событий является неисчерпаемой темой для всякого рода исследования. Имеющаяся на книжком рынке литература (мемуарная литература может считаться лишь сырым материалом), конечно, недостаточно освещает историю гражданской войны. В отношении же периода начала 1918 г. мы не имеем даже систематических хроник и тем более специальных исследований, которые бы последовательно осветили ход событий, происходивших одновременно в разных частях страны. Поэтому, появление книги, посвященной контр-революционному движению за этот период времени, представляет собой особый интерес.

Работа В. Владимировой начинается с изложения подготовки Октябрьского переворота и кончается колчаковским переворотом.

Она состоит из пяти частей. Первая часть — «Победа Октября» дает краткий очерк Октябрьского переворота в Ленинграде, Москве, в ставке и вооруженную борьбу с ним старой власти. Вторая часть — «Вокруг Учредительного Собрания» трактует о борьбе за созыв Учредительного Собрания путем саботажа, создания союза защиты Учредительного Собрания, выступления в его защиту, а также террористических актов; о крахе подобного рода борьбы и ликвидации ЦИК'а 1-го созыва, Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов и Союза спасения родины и революции, и, наконец, о вооруженной борьбе под флагом защиты Учредительного Собрания — контр-революционные выступления на Дону и на Урале. Третья часть — «Под флагом германского и антантовского империализма» дает картину борьбы и выступлений контр-революционных партий и организаций с явной ориентацией на союзный германский империализм и их поддержку. (Центральная рада, работа военной организации эсеров, работа союза возрождения, подготовка и организация чешского востания). Четвертая часть — «Вооруженная борьба внутри Советской России» — говорит о подготовке восстания в Рыбинске, Ярославле, в Муроме, о терроре правых эсеров и о выступлении левых эсеров. Пятая часть — «Торжествующая контр-революция на окраинах» — дает очерки Учредиловско-Колчаковского выступления в его первый период.

Переходя к разборке книги прежде всего приходится обратить внимание на отсутствие аналитического освещения событий. Бросающийся в глаза схематизм, хотя и не вредит ясности изложения, однако проводится за счет об'яснения событий и их связи. Сплошь и рядом автор ограничивается простым констатированием общеизвестных фактов, не делая даже попыток дать анализ процессов, лежащих в их основе. В книге преобладает чисто описательный материал. Мы знаем, что при условии отсутствия исторического анализа историческое исследование превращается в чистую хронику. Разбираемая работа В. Владимировой носит характер чисто хронологического освещения данной эпохи и не может быть названа историческим исследованием в строгом смысле. Что касается построения книги, то отсутствие одного принципа в ее построении просто бьет в глаза Одни главы построены по тематическому принципу, другие—по географическому Различные отделы глав часто совершенно не связаны с данным по теме вопросом и помещение его в данную главу вызывает недоумение (например, разоружение анархистов в главе «Под флагом германского и антантовского империализма»).

Единственное, что об'единяет весь этот материал, — это хронология, очень последовательно проводимая автором. Так обстоит дело с методологией работы. Что же касается фактического материала, то в этом отношении у автора можно отметить некоторые пробелы (отчасти, об'яснимые отсутствием материала). Несомненно, что полнота исследования значительно выиграла бы, если бы автором был основательно использован архив НКВнудела, не безызвестный автору [1]).

Разработка его материалов, а также использование богатейшего комплекта провинциальных газет того времени (использованный автором только отчасти) дали бы возможность автору значительно подробнее и полнее осветить вопрос о крестьянских волнениях в 1918 году (кулацких восстаний), о борьбе за учредительное собрание, о саботаже, о борьбе левых эсеров с большевиками за власть и выступления анархистов провинциальной России. Это как раз все вопросы, освещение которых было бы особенно ценно и интересно, вопросы, на которые по заданию своей книги автор должен обратить сугубое внимание. Говоря об этих пробелах, мы имеем в виду освещение автором событий, имевших место, главным образом, в Центральной России. Что же касается контр-революционного движения на окраинах, то в этой части материал обладает достаточной полнотой. То же можно сказать и в отношении материала о центральных контр-революционных организациях и партиях и их деятельности. Исключением

---

[1]) У автора имеется только упоминание о сводке НКВнудела о крестьянских восстаниях на стр. 291.

является только полное отсутствие материалов о меньшевиках, отсутствие, отнюдь не об'яснимое недостаточностью материалов вообще (имеются довольно полные комплекты меньшевистских газет). Освещению их деятельности, а также иллюстрации демагогий всех антисоветских партий сильно помогло бы автору ознакомление с газетными процессами того времени (Эти процессы являлись массовым явлением в разбираемый автором период).

Нельзя умолчать также о сухости и вялости изложения событий, память о которых еще далеко не изгладилась, что особенно неприятно поражает читателя.

И. Лукомская.

П. С. ПАРФЕНОВ (АЛТАЙСКИЙ). «На соглашательских фронтах». Изд. «Моск. Рабочий», 1927 г., 208 стр., 1. р 40 к.

История ДВР (Дальне-Восточной Республики) является примером тех противоречий и трудностей международной обстановки, которые СССР приходилось преодолевать путем использования противоречий двоякого рода: между соревнующими на Дальнем Востоке империалистическими государствами и внутри этих государств. Это преодоление прошло два этапа: первый этап — организация розового буфера — ДВР с коммунистами во главе с преобладающим влиянием Советской России и со связью с ней включительно, и второй этап — открытая борьба за весь наш Дальний Восток под лозунгами власти Советов и воссоединение Дальневосточной области с РСФСР.

Таковы исторические этапы 1920 — 1923 гг. на Дальнем Востоке. Их знают у нас по любой политграмоте.

Но на 10 году диктатуры пролетариата и победоносного господства марксизма над исторической схоластикой находятся у нас такие литераторы, которые пытаются изобразить один из драматических моментов нашей советской истории, именно истории борьбы пролетарской диктатуры за свой Дальний Восток, как набор эпизодов и поступков отдельных людей, ведущих отдельную линию, борющихся за нее и проводящих ее неведомо от чьего имени, неведомо под чьим руководством. Понятно поэтому, что такая история приобретает характер суздальского письма и значение не истории борьбы классов и международно-классовых сил, а какой-то личной эпопеи лично известных, «знакомых» автору, лиц.

Такое впечатление производит работа т. П. С. Парфенова (Алтайского) «На соглашательских фронтах», недавно изданная «Московским Рабочим». В ней история буфера, история одного из маневров гениального кормчего пролетарской революции В. И Ленина изображена, как история мелкой провинциальной дипломатии местных товарищей с японцами и американцами, и совершенно незамечен только «слон», только «кит», на котором держался эти три года карточный домик буфера — ДВР. Одним словом не замечена Советская Россия, ее удельный вес, не замечен рабочий класс и крестьянство Дальнего Востока под «приоритетом» (словечко т. Парфенова) Советской России, ведшие за эти годы неутомимую борьбу в тылу у японских империалистов и их слуг-семеновцев в то время, когда некоторые местные товарищи изображали из себя умных дипломатов этой мелко-поместной дипломатии и вели в большей части юмористический, а зачастую и просто безобразный дипломатический разговор с Семеновым и другими ставленниками империалистов.

По Парфенову выходит так, что борьба правительства розового буфера — ДВР, т.-е. буфера, созданного на нашей советской территории под советским влиянием, руководимого непосредственно ЦК нашей партии с другим буфером, черным буфером, который создавался на территории, контролируемой японцами, под их воздействием, часто с «приоритетом» эсеров и меньшевиков, т.-е. правительством Владивостока и Приморья,— являлась борьбой линий, принадлежащих то А. Краснощекову, то Б. Шумяцкому, то В. Хотимскому и т. д.

Наш суздальский историк изображает дело так, будто визиты и переговоры наших приморских товарищей [1]) с палачем и наймитом империалистов забайкальским атаманом Семеновым, их «дружеские» собеседования с ним насчет вхождения его интервентного правительства в «правительство об'единенного Дальнего Востока», создаваемого в противовес об'единенному нашей партии вокруг РСФСР в виде ДВР, — являлось актом дипломатической мудрости наших дальне-восточных Тайлеранов. Между тем ЦК нашей партии через свое Дальбюро в одной из своих директив так расценило эти переговоры: «Немедленно декларировать: первое — органическую связь Приморья с ДВР и ее центральным правительством в Верхнеудинске, второе (декларировать)—созыв с'езда населения всего российского Дальнего Востока в Верхнеудинске и третье — вести борьбу со всякой самостоятельностью Владивостокского Временного правительства (со)

---

[1]) Одно время, несмотря на грозные окрики ЦК, приморские товарищи, находящиеся под влиянием приморских эсэров и меньшевиков (Медведев, Бинасик, Кабцон и др.), увлекались идеей демократического об'единения Дальнего Востока через парламентские формы и ответственный коалиционный кабинет.

всеми его шагами, идущими (в) разрез нашей линии политики. (В) случае Вашего отказа (этого) императивного задания..)ставится вопрос) об исключении Вас из партии».

Наш автор, все симпатии которого, как это видно из ряда приводимых в его книге документов и суждений, целиком на стороне сторонников переговоров и об'единения Дальнего Востока с участием генералов Семенова, Вержбицкого, Сыробоярского и др., — забыл ознакомить читателей, какую оценку такая «об'единительная» политика играющих в провинциальную дипломатию и в коалиции с Семеновым товарищей вызывала в рабочих массах Владивостока и крестьян, особенно партизан Амура и Приморья. На приморской областной парт. конференции (июль 1920 г.) секретарь организации, т. Губельман принужден был взывать к партийному благоразумию, к последовательности, решительно требуя перемены «ориентации». Он говорил: «Центр нашего внимания и политики должен быть не здесь, а в Верхнеудинске Там мы можем с Японией говорить, там мы можем заставить ее подписать (договор о прекращении интервенции) тем более, что в самой Японии внутреннее положение не так уж блестяще... Центр наш боролся с перенесением внимания на Владивосток. Мы же пошли в разрез с их (его) директивами в то время, как Амурская область поступила иначе. Такою политикой мы нанесли удар Верхнеудинску (т.е. ДВР) и дали возможность Японии свободнее наступать. Она знает, что кроме Верхнеудинска (ДВР) есть Владивосток, более сговорчивый и уступчивый»...

Автор почему-то умолчал, что и после этой конференции, после этого напоминания т. Губельмана, товарищи, которым автор определенно сочувствует, тешили себя мыслью и внушали массам наивную веру в возможность отрыва бандита Семенова от японцев, в возможность использования его «на польском фронте». Больше того, по свидетельству автора, они и после этого продолжали устраивать с Семеновым беседы «с глазу на глаз» и, вопреки данному Владивостокской делегацией обязательству в Верхнеудинске, на обратном пути вновь вели мелкую дипломатию и мелкий сговор с кровавым атаманом Забайкалья.

Конечно, история нашей величайшей из величайших революций знает немало подобных провинциальных камуфлетов, но как можно на десятом году пролетарской диктатуры в работе, претендующей на вскрытие корней «соглашательства», описывать все эти, мягко выражаясь, досадные поступки партийцев, об'яснимые лишь их оторванностью от пролетарского центра и влиянием враждебных сил, в тоне добродушного сочувствия и некоторой позировки (я даже сам, мол, принимал в этих великих событиях участие!),—ведает только один аллах. Это нельзя об'яснить ничем иным, как идеологической путаницей автора.

Вообще же рецензируемая работа насквозь индивидуалистична. Она индивидуалистична не только потому, что автор пишет ее в плане сугубо личных воспоминаний, а потому, что она пытается подменить историю классов, — историей лиц, классовую борьбу — борьбой дипломатической. И не случайно, что из девяти глав его водянистой работы ни одной главы и даже подглавки не посвящено рабочему и крестьянскому движению в Приморье, Амуре и Забайкалье и героической их форме — движению партизанскому, в котором малочисленный рабочий класс Дальнего Востока осуществлял боевой союз с дальневосточным крестьянством, осуществлял свое классовое руководство им. Зато описаны все парады, пышные приемы, встречи с Семеновым и другими белогвардейскими и империалистическими генералами (Оой, Такоянаги, Вержбицкий, Хрещатицкий и др.), «дружеские беседы» с ними, далеко не делающие чести их собеседникам.

Лица рабочих и крестьянских масс в этой «исторической» работе совершенно не видно. Его заменяет лицо обывательских сентенций, лицо мелкой дипломатии и мелких дипломатов.

Рецензируемая работа изобилует массой досадных фактических неточностей. Для примера берем наиболее разительные по своей значимости факты.

Во-первых, начало переговоров атамана Семенова о переходе (?) на сторону Советов автор относит к моменту проезда через Читу Владивостокской делегации Кабцана-Кушнарева. А между тем по уже опубликованным документам, мы знаем, что начало этих переговоров относится к концу июня 1920 года, когда прибывший на ст. Гангота японский генерал Такаянаги обратился к делегации ДВР с предложением «примирить» Москву с Семеновым, выставив для этого ряд предварительных условий. Делегация снеслась с Верхнеудинском, а последний с Москвой, и в результате японцами было дано понять, что, устраняя их вмешательство в нашу борьбу с внутренними силами контрреволюции, мы предлагаем Семенову без всяких предварительных условий обратиться непосредственно к правительствам ДВР и РСФСР. В результате этого Семенов 7 августа 1920 года послал правительству ДВР следующую челобитную:

«Ат. Григ. Мих. Семенов — предлагает представить буферному государственному образованию образоваться вне всякого его участия; он же лично с верными ему частями уходит в Монголию и Манчжурию, и вся его деятельность в означенным странах должна всецело (оружие, деньги), включительно до вооруженной силы, поддерживаться Советской Россией при условии, что эта деятельность будет совпадать с интересами России Финансирование в пределах до 100 000 000 иен в течение первого полугодия с обязательством вышиба (!) Японии с материка и соседних независимых Манчжурии и Кореи. Обязательство свободного проезда в торжественной обстановке поезда атамана (Семенова) и манчжуро-монгольских делегаций по всем линиям ж. д. Сибири и России.

Договор должен быть заключен в виде военного договора.

Ат. Семенов, 7 августа 1920 года Заб.. г. Чита»

(Опубликовано в харбинских газетах и в № 2 журнала «Народы Дальнего Востока» за 1921 год, стр. 170)

Как мало общего между суздальским рассказом т. Парфенова о том, как т. Никифоров понравился «своей искренностью» бандиту и интервенту Семенову, как последний был «обработан» т. Никифоровым, заговорившим с Семеновым через другого белого генерала (Хрещатицкого) языком «русского человека» (кавычки т. Парфенова). Попутно отметим, что и генерал Хрещатицкий удостоился от тов. Парфенова изрядной доли елея. Вот что он пишет уже без кавычек: «В Хрещатицком наступило некоторое просветление патриотического (!!) чувства. И он обещал Никифорову уговорить Семенова согласиться на его предложение» (стр. 46). Так-то Парфенову «делалась» история.

Зачем «историк» Парфенов занялся реабилитацией Семенова, зачем он скрыл разный характер переговоров Семенова с ДВР, за которой этот атаман чувствовал силу пролетарской диктатуры РСФСР и опереточных переговоров с т. Никифоровым, за которым не было ничего, кроме запоздалого сочувствия автора рецензируемой книги да коалиции с приморскими эс-эрами и меньшевиками? Зачем понадобилось автору скрывать явно и плохо прикрытый корыстный характер переговоров Семенова (стр. 40, 41, 42; 43; 45 и 46), пытавшегося (в виду зреющего в Японии, в силу ее внутренних событий, решения отказаться от его поддержки), получить от нас средства, или «на вышиб Японии с материка» в случае, если она его окончательно бросит, или средства и согласия на образование монгольско-манчжурского государства, если Япония посадит его на престол этого «государства»? Зачем понадобилось тов. Парфенову изображать Семенова каким-то раскаившимся злодеем, к тому же раскаившимся мелодраматически, только под влиянием «обаяния» т. Никифорова, когда Семенов за свой переход требовал от РСФСР вовсе не «обаяния», а монету и монету изрядную — в 100 миллионов рублей золотом?

Тов. Парфенов не церемонится с исторической и политической правдой и в другом, весьма важном, вопросе данного периода. Так, со слов эсеровской газеты «Воля» от 4 сентября 1920 года, в тоне явного сочувствия ей, он рассказывает, как Владивостокское Народное Собрание, руководимое коалицией с участием некоторых наших путанников, большинством голосов отказалось ратифицировать и соглашение с забайкальским атаманом Семеновым, и «насильно навязанное владивостокской делегации соглашение с Верхнеудинском», т.-е. с РСФСР.

К сожалению факт такого отречения товарищей, игравших в свою собственную политику, действительно имел место, но его историческая и политическая правда устами т. М. Губельмана уже однажды была вскрыта, когда он на областной приморской партконференции 10 июля 1920 года говорил по адресу ответственных за подобный образ действий людей: «Центр наш боролся с перенесением внимания на Владивосток. Мы же пошли вразрез с его директивами... Не забудьте, что за японцами из Забайкалья ползет также и Семенов и что Владивостокское Народное Собрание с помощью Японии легко может превратиться в Семеновское».

В данном же случае оно уже превратилось в полусеменовское. А у историка Парфенова не нашлось даже слов, чтобы вскрыть это, и он не нашел ничего лучшего, как определенный акт нашей борьбы с интервенцией империалистов, об'яснять словами эс-эров («насильно навязанное») и личной волей отдельных наших работников из ДВР.

В работе Парфенова имеется и буквальная юмористика. Вот пример: начальник карательных экспедиций против красных, белогвардейский семеновский генерал Хрещатицкий (Чита) ведет переговоры по прямому проводу с одним из владивостокских работников. Во время этих переговоров названный работник обращается к семеновскому генералу с просьбой: «Крайне желательно переговорить мне с ответственными коммунистами Читы» (это в семеновском-то застенке!). Хрещатицкий отвечает: «Коммуниста вам найду, только, если можно, назовите фамилию и приметы, иначе пожалуй трудно будет узнать, ответственен ли он (!!)»... (стр. 48 и 49).

Такова ценность исторической работы т. Парфенова. Она является собранием эпизодов, анекдотов, всего, чего хотите, только не марксистской работой об одном из этапов борьбы за наш Дальний Восток.

Книга Парфенова не только не научная, не только не историческая, но, по своим обывательским качествам, по своему сочувственному смакованию весьма досадных фактов, которых, конечно, не могло не быть в столь большой исторической и героической эпопее, — она еще и политически вредная книга.

К. Молотов.

ЦЕНТРОСИБИРЦЫ. Сборник под редакцией В. Д. Виленского-Сибирякова, Н. Ф. Чужака-Насимовича и П. Ф. Щелока. Изд. «Московский Рабочий». Стр. 158. Цена 1 р. 60 к.

Еще в 1924 г. М. Н. Покровский указывал, что мы все еще не собрались написать истории Октябрьской революции в то время, как о нашей гражданской войне впятеро больше написали белые русские эмигранты.

Если это верно, — а это, безусловно, верно, — относительно Октябрьской революции вообще и гражданской войны, происходившей в центральных районах в частности, то это многократно верно по отношению к такой огромной окраине, как Сибирь, а особенно о том периоде, который явился источником первых об'единений советских и большевистских сил Сибири.

Таким зародышем об'единения советских сил Сибири был Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири—«Центросибирь»,—созданный на I с'езде Советов Сибири во второй половине октября 1917 г. в Иркутске.

К сожалению названная нами в заглавии книга занимается не изучением истории этой первой боевой организации, а посвящена лишь памяти отдельных деятелей этого большевистского советского штаба Сибири, погибших от рук врагов пролетариата после того, как буржуазная и эсеровская контр-революция свергла там первую советскую власть. Лишь вступительная статья Виленского-Сибирякова в кратком изложении знакомит с историей возникновения и деятельности этого первого общесибирского советского органа. В рассматриваемой нами книге мы встречаем такие имена, как Я. Ф. Дубровинский, Н. Н. Яковлев, Я. Е. Боград, Г. С. Вейнбаум — и многие другие — все активнейшие, — а многие из них и старейшие — строители и борцы в рядах нашей партии. Уже по одному этому заслуживает внимания работа, посвященная жизни славных революционеров. Это еще и тем более важно, что по какому-то случайному капризу в теперешней практике советских с'ездов Сибири и Дальнего Востока совершенно вычеркнуты из памяти первые работы первых С'ездов Советов Сибири, происходивших в конце 1917 г. и в начале 1918 г. Рецензируемая книга и является первой попыткой восстановления этих страниц истории революционной борьбы в Сибири. Во вступительной статье «Центросибирь» т. В. Виленский-Сибиряков рассказывает, что на первом с'езде Советов, происходившем в Иркутске (16 октября 1917 г.) участвовало 115 делегатов, из которых было 32 большевика, 15 левых эсеров, 45 правых эсеров и остальные меньшевики разных оттенков. Но благодаря энергичным выступлениям представителей Красноярского Совета, с'езд получил большевистский уклон. Были выдвинуты лозунги: «Вся власть Советам»; «Долой Правительство Керенского»; «Мир на фронте»; «Хлеб рабочим и земля крестьянам». Но практически осуществлять власть советов руководящее ядро с'езда не решилось, были лишь выделены работники в Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири, которым и было поручено подготовить затем и самый переход власти в руки советов.

Второй Общесибирский С'езд Советов состоялся во второй половине февраля 1918 г. Между этими двумя с'ездами имели место выступления буржуазии и эсеров против Советов, закончившиеся разгромом контр революционеров. На этом 2-м с'езде произошло уже окончательное оформление Центральной Советской власти Сибири (Центросибири). На нем был принят целый ряд важных для того времени постановлений. Все постановления были более или менее большевистски выдержаны, но в резолюции по текущему моменту было сказано, что подписанием Брестского мира Совет Народных Комиссаров «совершил бы роковую ошибку, наносящую удар дальнейшему развитию революции и Интернационалу». И далее «от имени Сибирской Советской республики второй Всесибирский с'езд заявлял, что он не считает себя связанным мирным договором, если таковой заключит Совет Народных Комиссаров с германским правительством». Это постановление было принято под влиянием и руководством левых эсеров и группы «сибирских правдистов», — характерное для того времени проявление «самостийности» и «левой путаницы», которая отразилась в приведенном постановлении с'езда.

На этом же с'езде был принят «проект организации советской власти в Сибири» — это была первая конституция для всех сибирских советов. Здесь же было вынесено постановление о «скорейшем создании Красной Гвардии» и Красной социалистической армии для борьбы с контр-революционной буржуазией. «Не успела как следует оформиться и окреп-

нуть советская власть в Сибири, как в мае 1918 г. последовало контрреволюционное выступление чехо-словаков в целом ряде центральных пунктов Сибири и в городах: Челябинске, Кургане, Петропавловске, Новониколаевске, Мариинске, Нижнеудинске и т. д». Это выступление было роковым для Советов. Советы в то время еще не имели достаточно организованной и мощной армии, чтобы парализовать чехо-словацкую контрреволюцию. Тов. Виленский-Сибиряков попутно отмечает и те трения, которые возникли в то время между Центросибирью и Дальневосточным Советом Народных Комиссаров, трения, так пагубно отразившиеся на борьбе с контрреволюцией. Этот вопрос, между прочим, заслуживает обстоятельного освещения и обследования.

Но в результате чехо-словацкого выступления и «союзнической» интервенции, повсеместно в Сибири произошел белогвардейский переворот. Советская власть была свергнута. Руководители Центросибири — т.т. Н. Н. Яковлев, Ф. Лыткин, Гаврилов и многие другие погибли. Группа, во главе с Н. Яковлевым, направившаяся из Амурской области на север в Якутск с тем, чтобы северной сибирской тайгой пробраться на запад и там соединиться с советскими войсками, по предложению группы, наступавшими уже в это время на Омск,— была в конце октября захвачена специально высланным из Олекминска белогвардейским отрядом и расстреляна без всякого суда.

В гораздо лучшем положении, чем скрывшиеся в тайге, где и продуктов-то негде достать, оказались товарищи, оставшиеся в населенных городах: людская масса их поглотила и скрыла от рук врагов, лучше, чем тайга, группу товарища Яковлева. По крайней мере, многие активные работники первого периода советской власти в Сибири, оставшиеся в крупных городах и ушедшие в подполье от реакции, уцелели для революции.

Следует указать, что статья В. Бика, посвященная описанию гибели «центросибирцев», страдает известными неточностями. Так, например, свидетель гибели названных выше товарищей и сам участник этого трагического перехода т. Строд в опубликованной в майском номере «Пролетарской Революции» за 1926 год, статье говорит, что расстрел товарищей произошел в местности «Кендюкель», тогда как Бик называет эту местность «Мрая». Строд говорит, что первую группу товарищей, оставшихся в живых, караулил унтер-офицер белогвардейского отряда Иннокентий Головарев, а Бик называет его Былковым и т. д. Вообще приходится сказать, что редакции надо было бы статью Бика заменить статьею Строда, как очевидца событий, обстоятельно рассказавшего о пережитых тяжелых днях.

Лучшими статьями, помимо названной статьи т. Виленского-Сибирякова, являются статьи: Я. Шумяцкого, посвященные Якову Ефимовичу Бограду и Н. А. Гаврилову, Рютина — «Борис Славин», А. Гендлина «Гибель красноярцев», Е. Ярославского «Памяти Алексея (Адольфа Перенсона)» и А. Померанцева «Ада Лебедева».

Яркой незабываемой фигурой стоит перед сибирскими рабочими Яков Боград. Страдая слоновой болезнью, Яков Ефимович имел огромную голову, большие ноги, его лицо с необыкновенно высоким лбом производило жуткое впечатление. Росту он был выше среднего, голос имел грубый; в 1917 году ему было лет 40, но на вид он казался значительно старше своих лет. Говорил ясно, определенно. И когда он выступал, он производил гипнотизирующее впечатление на аудиторию. Он одинаково покорял себе и слушателей рабочих, и крестьян, и интеллигентов. Это был настоящий народный трибун. Тов. Я. Шумяцкий рассказывает о ссыльных годах Бограда, о его кипучей деятельности в 1917—18 г.г., когда этот «доктор философии и математических наук», освободившись от царского плена, отдал все свои обширные знания и непреклонную энергию делу революции и сибирским рабочим и крестьянам, раз'езжая, вскоре после Февраля 1917 года, с докладами и лекциями по железнодорожным станциям, по шахтам и деревням Сибири. — Это был неутомимый пропагандист, агитатор и организатор. — Перед его убежденной речью не могли устоять никакие его противники. И этот настоящий «апостол революционного марксизма» был 10 мая 1919 года расстрелян в Красноярске колчаковским генералом Розановым, как заложник.

А. Гендлин, в своей статье «Гибель красноярцев», приводит официальные документы «чехо-словацких войск» о зверском расстреле в ночь на 25 октября 1918 г. пяти товарищей, взятых из Красноярской тюрьмы: т. Вейнбаума, И. Белопольского, Я. Дубровинского, Вал. Ник. Яковлева и А. Пародовского.

Одни эти документы, без всяких комментариев, являются неотвратимым доказательством цены и качества той пресловутой демократии, которую стали насаждать чехо-словаки и эсеры, как только ими была захвачена власть в 1918 г. в Сибири.

К сожалению целый ряд статей в сборнике являются чрезвычайно слабыми. Это статьи — Л. Г. о «С. Г. Лазо», Б. Славиной «Памяти Славина», Л. Миллер о «П. Ф. Парнякове», А. Кузнецовой «Товарищ Вейнбаум». Особенно прихо-

дится пожалеть, что составители сборника так мало уделили внимания Сергею Лазо, первому организатору партизанского движения на Дальнем Востоке, этому легендарному вождю восставших рабочих и крестьян, руководителю победоносных боев с интервентами и белогвардейцами. В этом случае, куда ценнее было бы собрать те песни и стихи, которые распевались партизанами и печатались в дальневосточных газетах о Сергее Лазо, чем приводить указанные малозначущие строчки.

Следует упомянуть еще о статье тов. В. Деготь, посвященной памяти Григ. Вейнбаума, в которой сообщаются интересные данные о Григ. Спир, но в ней есть один неприятный момент, когда т. Деготь говорит о том, что из ссылки якобы «самая лучшая публика бежала, а та публика», которая «оставалась, в громадном своем большинстве (! Г. Ш.) дискредитирует имя политического ссыльного, развратничает, пьянствует». Как это неверно и как это напоминает статьи Пешехонова, печатавшиеся в свое время в «Русском Богатстве», когда этот «маститый» народнический публицист задался целью доказать разложение современной тогдашнему (1910—1912 г.) периоду политической ссылки, сравнивая ее с политической ссылкой прошлого XIX века.

В сборнике, кроме того, имеется ряд непростительных редакционных промахов: несогласование дат (время гибели группы Н. Яковлева в статье Бика указано «в начале ноября», в статье Н. Чужака — в сентябре, расстрел Дубровинского и Вейнбаума по официальным данным указан в ночь на 25 октября 1918 г., а в статье т. Шумяцкого 10 мая и т. д.) повторение одних и тех же сведений (ст. 48 и 52 из биографии Н. Яковлева), неряшливая редакция статей, напр., статьи Гидлевского о Бограде, добрая треть которой могла бы быть с успехом выброшена и т. д. и т. п.

Несмотря на это, как и сказано выше, сборник заслуживает внимания. Но следует выразить пожелание, чтобы товарищи, выпустившие биографии деятелей «центросибирцев», подошли бы к теме о «Центросибири» с другой стороны и осветили бы возникновение и деятельность этого первого советского большевистского органа в Сибири с научно-исследовательской точки зрения, выявив его историческое значение с документами и научными данными в руках. Надо это сделать, чтобы историю нашей революции не постигла та же беда, какая постигла историю французской революции, ибо эта «история была долгие годы историей только парижской революции». «Но во Франции это теперь осознали даже буржуазные историки». Надо и нам это осознать.

Герасим Шпилев.

Г. КОКИЕВ. «Очерки по истории Осетии» ч. I. Владикавказ, 1926 г. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения». Стр. 154, цена 1 рубль

Книга Г. Кокиева написана в форме популярного пособия; тем не менее заслуживает серьезного внимания, как один из первых опытов дать общий обзор истории осетинского народа, сделанный автором осетином частью на основании еще неопубликованных архивных источников. Автор вполне справедливо отказался от решения спорного и темного вопроса о происхождении Осетии и перенес центр тяжести своего внимания на позднейшие времена, о которых сохраняются более или менее точные исторические сведения и архивные источники. Больше трети книги занимает XIX век.

Несмотря на свойственную «Очеркам» некоторую отрывочность и местами неясность изложения, что неизбежно для пионера осетинской истории, каким является Г. Кокиев, мы должны отметить его стремление рассматривать явления этой истории в зависимости от экономических факторов и в постоянной связи с теми историческими отношениями, в которых находилась Осетия к своим северным и южным соседям. Автор пользуется каждым удобным случаем, чтобы показать, насколько тесно факты истории Осетии связаны с теми экономическими отношениями и политическими формами, которые складывались на Северо-Кавказской равнине и в Закавказье. Таким образом, работа не замыкается в узких пределах провинциальной истории, но широко привлекает также материалы не только по истории Кавказа вообще, но и по истории взаимоотношений России и Турции применительно к Кавказу. На основании материалов, сообщенных автором, мы можем притти к следующим выводам:

Основными экономическими факторами истории Кавказа являлись два оживленных торговых пути от Каспийского моря к Черному, один из которых шел по Закавказью от устья Аракса до устья Риона (путь, по которому в древности шла торговля с Индией) и другой северный путь от устья Терека до устьев Кубани, шедший по предкавказской равнине (в XVI в. он проходил к северу от Терека по Баксану, между Бештау и «Кислыми ключами», т.-е. теперешним Кисловодском) и затем по южному берегу Кубани по землям черкесских племен—«отука» (атюкай) и «задух» (бжедух). Поэтому одной из важнейших проблем истории Кавказа является установление прямой зависимости между характером и размерами торговых сношений, протекавших по вышеуказанным путям, и возникновением, расцветом и упадком государств и культур Закавказья (напр в Грузии в XII в.) и Предкавказья (напр., Хазарский Каганат до X в.).

развивавшихся на этих торговых трактах.

Рецензируемая книга, конечно, не ставила себе столь широкой задачи, но ее заслугой является посильный учет материалов, характеризующих размеры, главные пункты обмена и об'екты торговли, протекавшей по одному из этих путей—северному в более поздний период (в XVI—XVII в.в.). Можно полагать, что расцвет торговли на этом пути обусловлен в данную эпоху окончательным ослаблением Южно-Кавказского транзита, постепенно передвигавшегося еще во времена крестовых походов на юг (в Сирию) и окончательно подорванного опустошительными войнами Персии и Турции в Закавказье (XIV—XV в.в.). В «Очерках» подобран достаточный материал, характеризующий работорговлю как основной экономический нерв социальных и политических отношений, создавшихся на северном пути и по прилегающему нагорью. Так же, как и в гораздо более ранние времена Хозарское царство, к XVI веку—кабардинцы и родственные им прикубанские черкесские племена политически держали в своих руках весь этот путь, несмотря на то, что этнографически он уходил на восток далеко за пределы постоянных поселений кабардинцев. Это дало возможность кабардинцам создать на данной экономической базе своеобразную феодальную государственность, очень напоминавшую по своим порядкам удельный строй Киевской Руси. Как там, так и здесь бесконечные княжеские усобицы были выражением своеобразной «производственной деятельности—добывания пленных рабов». Даже такие детали, как эмоционально-лирический стиль черкесских народных песен, прославляющих военные подвиги князей и героев, очень напоминает стиль боевой поэзии Киевской Руси, поскольку она нам известна из слов о полку Игореве. Отсюда черкесская культура во многих своих проявлениях (правила вежливости, костюм—«черкесска», знание кабардинского языка, как признак «хорошего тона») становится достоянием почти всех горских народов Северного нагорья. Изложению материалов о взаимоотношениях Кабарды и Осетии справедливо отводится одно из важных мест в книге Г. Кокиева.

Весьма интересные и вполне подтверждающие выводы автора данные мог бы дать анализ и чисто языкового материала. Чеченское и ингушское название ау («лэй») «раб», имеющие параллель и на востоке, в дагестанских языках (напр., аварское— lag (лаг) «раб»), и на крайнем западе в абазинском диалекте абхазского языка ləg (лыг) «раб» по происхождению полностью соответствует осетинскому lag (лаг) «человек». Наоборот, название сословия рабов в осетинском: kosæg (косаг) так же, как название черкес: kaeæg (касаг), заставляет нас вспомнить о косогах русских летописей, т.-е. об одном из названий тех же черкес. Этот весьма любопытный взаимообмен этническими терминами в применении к классовым отношениям подтверждает одно из положений яфетической теории, что названия классов общества могут прямо восходить к этническим названиям, и в то же время прекрасно иллюстрирует и положения Г. Кокиева о роли Осетии, как главного поставщика рабов для работорговли, процветавшей на плоскости в более позднее время (с XV—XVI в.в.).

История Осетии с того момента, когда осетинский народ в своей главной массе окончательно обосновался в нагорье центральной части Кавказского хребта, в частности по Дарьяльскому ущелью, определяется, таким образом, экономическими отношениями и путями местного значения, связывавшими население гор с вышеуказанными двумя главными магистралями. Осетия, державшая в своих руках удобнейший из таких местных меридиональных трактов, известное с глубокой древности — Дарьяльское ущелье, в эпохи, когда экономическая и культурная мощь Закавказья становилась преобладающим фактором (эпоха расцвета Абхазо-Грузинского царства) Кавказской истории, а северный путь временно замирал,—Осетия естественно становилась проводником торговли и культуры на север.

Таким образом, будучи издавна соседями черкес, осетины не всегда находились с ними в одинаковых экономических и политических отношениях. Для известной более древней эпохи мы должны предположить, что осетины, являясь проводниками закавказской торговли, культуры и государственности, экономически и политически господствовали над плоскостными народами. К этому времени, очевидно, и относится использование плоскостных черкес, как источника работорговли, осетинами, откуда название «черкес»— kosæg —становится нарицательным именем «раба» у осетин. Влияние осетин, в частности, на черкес в эту эпоху должно было быть всесторонним и касалось и других сторон культуры.

Между прочим, есть основание полагать, что осетины жили прежде гораздо дальше не только на запад, что доказывает Вс. Миллер, но и на восток. В ущелье Ассы, сердце теперешней Нагорной Ингушии, во время моей экспедиции в 1921 г. мною была записана легенда о том, что прежде ущелье было населено культурным народом: [illegible] или duviy, который только в результате упорной борьбы был вытеснен

предками современных «лучших» ингушских фамилий (напр, Беркимхоевых). Предание говорит, что после упорной борьбы, когда постепенно большинство мужчин этого народа было истреблено, женщины, надев на головы большие медные котлы, употребляемые для варки целых туш, удалились на запад. Этому народу принадлежат подземные и полуподземные могильные склепы, расположенные под именем kenωy zenəɪə, в одном из боковых ущелий Ассы. В арке одного из этих могильников мною были найдены на штукатурке отпечатки крестов грузинского типа (форма георгиевского креста) и надпись грузинскими буквами, которая прочитана академиком Н. Я. Марром, как enola, повидимому, обозначающая имя собственное на одном из местных языков (негрузинском). По преданию народ deviy отличался ученостью и даже умел говорить на неизвестных языках (грузинском?). Нет никакого сомнения, что название deviy следует сопоставить с этническим термином dval Моисея Хоренского и современным dualda —туальцы, название южной отрасли осетинского народа. Казалось бы приведенные факты заставляют нас связать тот несомненно крупный культурный центр, который создался в Ассинском ущелье под несомненным воздействием Грузии, по крайней мере с начала IX века (830 г. датирован храм Ткобай-ерды tkobea - yerde, — фрагменты которого сохраняются в теперешней полуразрушенной перестройке) и существовал, можно думать, по 13—14 век с туальтским населением. Тогда процесс заселения нагорья современными ингушами придется датировать 14—15 веками.

Однако большим методическим вопросом чисто принципиального характера,— вопросом, честь серьезной постановки которого также принадлежит яфетической теории, является вопрос о том, насколько мы можем без оговорок проецировать в глубь истории те или иные современные этнические племена и приписывать им то же самое этно-культурное содержание, какое они имеют в современности. Можем ли мы говорить, что «оси» средних веков, упоминаемые в грузинских летописях, суть те же самые осетины, которых мы находим сейчас к западу от Дарьяльского ущелья. В связи с этим придется поставить и аланский и ясский (оси-аси) и косогский (современный käsäg, kosäg) вопросы. Чтобы методически подойти к их решению, необходимо учесть то положение, какое мы имеем с этническими терминами на современном Кавказе. Нормальным для междунациональных отношений на Кавказе фактом является наличность нескольких (до 5—6 и больше) названий для каждой отдельной народности, при чем последняя на своем собственном языке может и не иметь общего собственного названия, а довольствоваться названиями отдельных общин, как у аварцев, или отдельных родов, как до недавнего времени у ингушей. Современные общенациональные термины, происхождение которых удается полностью проследить, восходит также к первоначальному названию отдельных родов, часто иноплеменного происхождения, которым удавалось в определенную историческую эпоху, в силу феодального господства, экономически и политически сплотить отдельные, дотоле разрозненные роды в единую народность. (Сравн. историю названий: ǥaiǥay —«ингуш», «карачаевец»,—как название по существу одной из отраслей балкарцев и т. д.). С другой стороны, народ дает название своим соседям, часто в зависимости от общего типа их экономических и политических взаимоотношений, отнюдь не разбираясь в их этническом составе. Таково название kₒəsthe (буквально: «верховья долин», отсюда—«житель верховьев долин, горец»), которое дают кабардинцы находившимся от них в экономич. и феодальной зависимости соседям-горцам, как осетинам, так и балкарцам. koəsmhe и карачаевцам kerermey koesmhe С другой стороны: adəve собственное племенное название черкес (верхних и нижних) вследствие их феодального господства над всеми обитателями плоскости в бассейне верхней Кубани (над абазинцами, ногайцами), переносится на весь данный этнический конгломерат, об'единяемый, кроме феодальных отношений, также одним типом хозяйственного быта (земледелие) в отличие от горцев-карачаевцев. Таким образом, этнический термин это лишь относительное название определенных междунациональных связей, междунациональных экономических и политических отношений, а отнюдь не каких-то абсолютных, всегда неизменных этнических величин.

Отсюда так называемое «этническое» название скорее характеризует экономические взаимоотношения одной народной этнической группы к другой при развитом феодализме или одной группы родов к другим одного и того же этнического коллектива при господствующих родовых отношениях. Этот единственно правильный вывод из современных этнических названий на Кавказе мы обязаны перенести и в прошлое, поскольку мы не можем допустить существования там каких-либо иных исторических факторов, кроме непосредственно наблюдаемых нами в настоящее время.

Вопрос о происхождении осетин, к которому на основании, между прочим, и чисто лингвистических данных мы надеемся вернуться в специальном экскур-

се, в наиболее четкой форме выдвигает проблему скрещенности (смешанности) так называемой «национальности» в ее культуре и языке, и историю осетинского народа, повидимому, придется решать в плоскости выделения иранского наслоения с более древних и, по крайней мере, принадлежащих двум различным основам яфетических пластов. Только в этой плоскости проблема древних алан, ясов и косогов получит наконец всестороннее и правильное освещение.

Книга Кокиева в части истории XVIII и XIX веков дает нам любопытную, частью на основании неопубликованных документов, сводку данных по интереснейшим вопросам: работорговли на Кавказе, миссионерской деятельности России среди горцев Северного Кавказа, истории аграрных волнений осетин и усмирения их русскими войсками и истории выселения северных осетин на плоскость. Особый интерес представляет публикуемый материал об имевшей место в XVIII веке в Осетии негласной геологической разведке, предпринятой русским правительством в поисках за серебром и золотом для монетного двора. Любопытный сам по себе факт заинтересованности русского государства в использовании горных богатств Кавказа уже в ту достаточно удаленную эпоху иллюстрируется изданной в книге любопытнейшей картой геологической разведки на территории центральной части Северного Кавказа (современные: Осетия, Ингушетия, Чечня и смежные части б. Терской Области). Еще более ценна опубликованная в приложении карта, повидимому, конца XVI века, извлеченная из дел архива бывш. Министерства Иностранных Дел в Москве. На этой карте изображены торговые пути, связывавшие Каспийское море с Черным по Северному Кавказу, показан целый ряд пунктов и мест поселений черкесских племен сравнительно легко расшифровываемых. Остается только пожелать, чтобы автор не удовольствовался настоящими «Очерками» и предпринял в будущем более углубленную проработку проблем истории Северного Кавказа и, в частности, предпринял бы более точное издание опубликованных им карт, которые заслуживают специального исторического анализа.

Проф. **Н. Я. Яковлев.**

Проф. Э. Д. ГРИММ — Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). Изд. Института Востоковедения им. Нариманова. М. 1927, стр 218. Ц. 2 р. 50 к.

Особое внимание, уделяемое в настоящее время событиям, развертывающимся на Д. Востоке, в центре которых стоит, прежде всего, Китай, требует, конечно, углубленного изучения международно-политической обстановки, исторически сложившейся на Д. Востоке на протяжении почти целого столетия.

Всякий труд, выполнивший задачу по систематическому и критическому рассмотрению соответствующей документации, может и должен явиться ценнейшим пособием при изучении достаточно сложной обстановки на Дальнем Востоке.

Поставленной задаче целиком отвечает вышеназванная работа, в которой собрано, в хронологическом порядке, значительное количество документов—«наиболее важных, как указывает сам автор, по историческому и, в особенности, по принципиальному их значению» [1]).

Только послевоенный и революционный период дал возможность заглянуть в архивные и др. тайники, откуда и был извлечен целый ряд новых секретных материалов. Поэтому, на-ряду с официальным текстом договоров, в сборник включены дополнительно неизвестные до последнего времени секретные статьи.

Большое количество документов, помещенных в сборнике, появляются на русском языке впервые.

Автор использовал для этого новейшие классические работы; Mac-Murray · Sreaties and agreements with and concerning China. 1894—1919., Die Grosse Politik der europaischen Kabinette. 1871—1914 и ряд других.

Документаци предпослано, выпуклое, но сжатое (на 44 страницах), доходящее местами до конспективности, введение.

В центре внимания—Китай. Это об'ясняется тем, что последний является и до сих пор на Д. В. главным об'ектом империалистической политики «великих держав».

Введение подразделено на две части: 1. «Права» иностранцев в Китае и 2. Обзор истории международных отношений на Д. Востоке от начала XIX в. до последних дней.

Давая подробный исторический анализ «прав» иностранцев, против которых направлено острие революционной борьбы в Китае, автор подразделяет их для большей отчетливости на А) «права», приобретенные иностранными державами и Китае для своих подданных и граждан, именно: 1—право торговли в открытых портах, 2—установленный в договорном порядке таможенный тариф, 3—консульская юрисдикция, 4—право на особые места поселения (сеттельмент), 5—право наибольшего благоприятствования и Б)

[1]) Исходя из этого, следовало бы включить также Эдосский трактат и конвенцию между Россией и Японией от 7 августа 1858 г. и 11 декабря 1867 г.

«права», приобретенные в Китае иностранными державами, как таковыми.

Как подчеркивает автор, «разница между теми и другими заключается в том, что первые становятся как бы непосредственным достоянием всех подданных или граждан данной страны, проживающих в Китае или ведущих с ним дела, а в особенности тех, наиболее многочисленных среди них, которые занимаются там торговой или иной хозяйственной деятельностью, тогда как вторые имеют не столько прямое, сколько косвенное значение для повседневного быта иностранцев, служа преимущественно средством к достижению и обеспечению первых. В первых преобладает, таким образом, экономический, во вторых—политический признак».

Вторая часть введения является весьма полезным, но, к сожалению, слишком кратким комментарием к помещенной в сборнике документации. От увеличения размеров такого обзора сборник мог бы только выиграть.

Период конца XIX ст., поворотный в истории Д. Востока, освещен наиболее подробно. Следовало бы также несколько обстоятельнее остановиться на заслуживающем внимания, и пока что мало использованном в нашей литературе, труде Tyler Dennet'a—Roosvelt and the Russo Japannse War N. J. 1925.

В нем дано чрезвычайно много нового и любопытного материала, освещающего роль С. Шт. в русско-японской войне.

Собрание договоров и документов начинается Нанкинским англо-китайским договором 1842 г., положившим начало последующей серии неравноправных договоров с Китаем. На-ряду с договорами в сборнике помещены также материалы касательно КВЖД [1]), обмены нот и банковские соглашения о «сферах влияний» и ж. д. строительстве в Китае, обмен нот о политике «открытых дверей». Характерно обращение английской «Китайской Ассоциации» к лорду Солсбери (14 апр. 1898 г.) по вопросу об английской политике в Китае, Монгольское соглашение России, 21 требование Японии Китаю, американо-японское «международное соглашение относительно надзора за Сибирской ж. д. от 9 января 1919 г., постановления Версальской и Вашингтонской конференции по китайским делам, вплоть до соглашения СССР с Китаем и Японией 1924 и 1925 гг.

Ценны указания на разночтения некоторых соглашений.

[1]) Укажем, однако, на отсутствие специального соглашения с КВЖД с правительством „трех восточных провинций" Манчжурии, заключенного в дополнение к Пекинскому договору 1924 г.

Таким образом, рецензируемый сборник заслуживает самого серьезного внимания и, хотя преследует во многом учебные цели, о чем предупреждает в предисловии автор, вместе с этим, является необходимым пособием для всех интересующихся судьбами Дальнего Востока.

Г. Рейхберг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ секции обществоведения Педагогического Общества при Восточном Педагогическом Институте. № 1. Январь 1927 г. Казань. Стр. 10.

Т о ж е № 2. Февраль 1927 г. Казань. Стр. 12.

Б ю л л е т е н ь секции обществоведения Пед. Общества при В. П. И. № 3 март 1927 г. Казань. Стр. 12.

Б ю л л е т е н ь секции обществоведения Пед. О-ва при В. П. И. и Татарского бюро Краеведения Акад. центра Н. К. П. № 4 — 5. Апрель — май. 1927 г. Казань. Стр. 20.

Рецензируемым бюллетенем Казанская секция обществоведения ставит себе задачу, главным образом, библиографической консультации преподавателей обществоведения в их практической и теоретической работе.

Если, вообще говоря, должно приветствовать всякую активную инициативу мест, направленную к творческой работе в области методических вопросов, то в этом отношении существование и работа секции является вполне отрадным явлением. Судя по годовому отчету о работе секции (Бюллетень № 3), ею проделана громадная и полезная работа, как в области программной, так и в области методической.

Но этого же нельзя сказать об издаваемом секцией бюллетене.

Трудно вообще предполагать, чтобы секция в тощих месячных тетрадках, выходящих тиражем в 150 экз., смогла действительно справиться с задачей ориентировки учителя в массе обществоведческой литературы, в обильном количестве выбрасываемой на книжный рынок.

Первые 5 номеров, лежащие перед нами, показывают, что редакция с этой задачей не справилась.

В первом номере под заголовком «Обзор методической литературы» дано несколько случайных рецензий на отдельные книжки, да и то не всегда дающие правильную научную, методическую и политическую оценку этим книгам.

Но ведь несколько рецензий, это еще не обзор и заменить обзора не могут. Несколько рецензий, даже независимо от их качества, не могут же ориентировать учителя в вопросе о том, за какую книгу взяться.

Не выполнив еще этой задачи в 1-м номере, редакция во втором уже забы-

вает о ней и здесь дает уже новый «обзор»—«Из опыта составления рабочей книги в СССР».

И этот «обзор» опять-таки составлен из нескольких рецензий, но картины состояния рынка учебной литературы по обществоведению и предстоящих задач не дает.

3-й номер, помимо отчетного юбилейного материала (годовщина секции), дает уже новый, «обзор»—Справочные издания.

Наконец, последний двойной номер в связи с превращением издания в бюллетень не только секции, но и Татбюро Краеведения, дает опять новый «обзор»—столь же цельный и выдержанный—краеведческой литературы по Татреспублике.

Если не считать отчетных материалов и хроники секции, то эти обзоры, долженствующие быть центральным местом бюллетеня, своей случайностью и неполнотой являются лучшим свидетельством внутренней порочности самой идеи такого типа сепаратного, партизанского издания.

Помимо этих общих соображений не в пользу бюллетеня говорит и трактовка отдельных вопросов.

Так, редакция полагает, что «основная потребность (курсив наш. Л. М.) школьного работника это потребность в авторитетной консультативной помощи при выборе книги для работы».

Не подлежит никакому сомнению, что библиографическая помощь крайне необходима учителю, не подлежит также сомнению, что эту помощь нужно оказывать, но... нельзя же до бесчувствия. Нельзя же только эту задачу считать основной и первейшей.

В «обзорах» слишком расхваливаются иные книги, не вполне идеологически или методически выдержанные (Ярошевский, «Обществоведение в школе», под ред. Жаворонкова и др. «Обществоведение на II ступени» Голубева, Сидорова и Ураловой и ряд других).

Зато работу И. М. Катаева, который попытался найти правильные взаимоотношения между историей и современностью и обосновать необходимость дать учащимся более или менее систематический курс истории, бюллетень считает методически эклектической и в труде Катаева находит — horreur — методический консерватизм.

Правда, редактором бюллетеня является проф. Сингалевич, который, как и Жаворонков и др., является противником курса истории в школе.

Но вряд ли можно утверждать, что несогласие с Сингалевичем есть методический консерватизм. С каких это пор Сингалевич стал представителем методической ортодоксии и революционной чистоты?

Такого рода оценка книг пахнет методической «фракционностью» и вряд ли поможет учителю «ориентироваться».

Мы не станем в настоящей рецензии критически рассматривать взгляды редакции бюллетеня (Сингалевича тоже) на сущность обществоведения, место истории в преподавании обществоведения и т. д.

К анализу взглядов Сингалевича, Жаворонкова и др. в этом вопросе мы еще вернемся в другом месте.

Во всяком случае взгляды бюллетеня (и Сингалевича) не являются взглядами методической секции Общества Историков-Марксистов, поскольку эти взгляды нашли свое выражение в работах нашей секции.

С поставленными задачами «бюллетень» не справляется, но небольшой тираж (150 экз.) делает вообще вопрос о влиянии бюллетеня проблематичным.

Л. Мамет.

ХРОНИКА

Институт Истории

Институт Истории был учрежден первоначально при факультете Общественных Наук 1-го МГУ (на ряду с другими исследовательскими институтами), согласно постановления СНК от 4 марта 1921 г., 16 сентября того же года состоялось организационное заседание Института. В сентябре 1925 г. исследовательские институты были отделены от ФОН и об'единены в Российскую Ассоциацию Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук (РАНИОН)

По первоначальному «Положению» об Институте Истории, последний разделялся на пять секций: древней, средневековой, новой, русской истории и истории внеевропейских обществ и колониальной политики. Последняя секция вскоре была слита с секцией новой истории, а в 1923 году, в связи с присоединением к Институту Истории Института Социологии, была организована новая секция этнологии. Весною 1926 г. внутри секции русской истории образовалась подсекция новейшей русской истории (XIX—XX вв.).

Административным органом Института является коллегия, во главе с директором Института, которым состоит со времени основания Института Д. М. Петрушевский. Каждая секция имеет свой президиум; председателем секции древней истории состоит Г. М. Пригоровский, средневековой—Д. М. Петрушевский, новой—В. П. Волгин, русской—М. М. Богословский, секции этнологии—П. Ф. Преображенский, подсекции новейшей русской истории—В. И. Невский. В состав Института входит в настоящее время 34 действительных члена и 32 научных сотрудника. Весною текущего года организовано Ленинградское Отделение Института, в составе 20 действительных членов и 13 научных сотрудников; во главе отделения стоит коллегия, под председательством А. Е. Преснякова.

Задачей Института является, с одной стороны, систематическая разработка очередных вопросов истории и этнологии, с другой—подготовка квалифицированных преподавателей этих наук для ВУЗ'ов и научных работников для исследовательских учреждений. Исследовательская работа производится в секциях по планам, вырабатываемым секциями и утверждаемым коллегией. Главной задачей секции древней истории является разработка основных вопросов социально-экономической истории древности, при чем особое внимание обращается на историю аграрных отношений; ведутся занятия также и по истории города. При разработке этих вопросов секция стремится возможно более широко привлекать новый материал греко-египетских папирусов. Кроме того производится разработка некоторых вопросов историко-религиозного характера; преимущественно изучаются религиозные движения эпохи синкретизма, в среде которых слагалось христианство, и те социальные условия, которыми вызывались эти религиозные движения. Секция средневековой истории ставит своей главной задачей изучение основных проблем хозяйственной и социальной истории средневекового общества и ведет это изучение в следующих направлениях: 1) уяснение понятия «феодализм», как социологической категории, путем исследования конкретных особенностей феодального строя в различных странах средневековой Европы, с привлечением данных о феодальных отношениях во внеевропейских странах, у современных «первобытных» народов и у народов древности; 2) исследование аграрных отношений и городского строя средних веков, долженствующее служить вместе с тем целям проверки спорных в современной исторической науке точек зрения (вотчинной и натурально-хозяйственной концепций); в частности секция ставит своей задачей критическую проверку аргументации Допша путем исследования выдвинутых его трудами спорных вопросов. Работа секции новой истории сосредоточивается преимущественно вокруг следующих вопросов: 1) генезис капитализма, 2) социальная история Англии, Франции и Германии в XVIII—XIX в.в., 3) международные отношения в XIX—XX в.в., 4) история I и II Интернационалов. Основной задачей работы секции русской истории является разработка следующих вопросов: 1) вотчинное хозяйство и крепостное право, 2) история торговли и промышленности с XVII по XX в в., 3) история внешней политики XVIII—XIX в в., 4) история революционных движений с XVII по XX в в., 5) составление историко-географического атласа. Секция этнологии ставит своей за-

дачей разработку следующих проблем: 1) первобытная экономика, 2) брак и семья у «малокультурных» народов 3) первобытное право и государство, 4) древняя абсолютная хронология. Кроме того ведется ряд работ по конкретной этнографии. Таким образом, исследовательская работа всех секций Института ведется преимущественно по трем основным направлениям: 1) экономическая и социальная история, 2) история международных отношений, 3) история революционных движений. Результаты работ членов секций докладываются и обсуждаются на секционных заседаниях; доклады, имеющие более широкий интерес, заслушиваются на заседаниях пленума Института. Часть секционных заседаний посвящается также заслушиванию сообщений о наиболее крупных явлениях исторической литературы по вопросам, составляющим предмет занятий секции. Помимо исследовательской работы, секции ведут также работу по составлению учебных пособий для ВУЗ'ов и по библиографическому учету выходящей в пределах СССР исторической литературы.

Из трудов Института за последние два года удалось выпустить две монографии (П. Ф. Преображенского—«Тертуллиан и Рим» и С. Б. Веселовского—«К вопросу о происхождении вотчинного режима») сборник статей, посвященный памяти А. Н. Савина, два тома сборника источников по социальной истории средневековья в русском переводе (пособие для ВУЗ'ов) и один том «Ученых Записок». Два следующие тома «Ученых Записок» (из которых один посвящен тридцатипятилетию научной деятельности Д. М. Петрушевского) находятся в печати. Подготовляются к печати: сборник статей, посвященный памяти Н. А. Рожкова. и библиография исторических работ, вышедших в пределах СССР за десятилетие 1917—1927 гг. Помимо этого, издано литографским способом шесть томов архивных материалов по истории крестьян и холопов в Московском Государстве XVII в. (под общей редакцией А. И. Яковлева) и два тома «Памятников по хозяйственной истории Троице Сергиевской Лавры» (под редакцией А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского). Имеется еще ряд монографий, написанных действительными членами и научными сотрудниками Института, но еще не напечатанных за недостатком средств. Наконец, разработан детальный план издания коллективной «Всемирной Истории» в 15 томах.

Подготовка аспирантов (в 1926—1927 ак. году их было 54) производится следующим образом. Каждый аспирант при вступлении в Институт зачисляется в одну из секций, соответственно избранной им специальности. В течение трехлетнего пребывания в Институте аспирант должен проработать: 1) одну тему по теоретической экономии, 2) одну тему по историческому материализму и 3) шесть тем по истории или этнологии (три из них—по избранной им специальности). Темы по теоретической экономии и историческому материализму прорабатываются в соответствующих семинариях; темы по истории и этнологии — частью также в семинариях, частью в индивидуальном порядке или в порядке коллективных работ под руководством действительных членов и научных сотрудников Института. Работы по истории и этнологии должны носить исследовательский характер и зачитываются аспиранту по прочтении им доклада в соответствующей секции. Одна из работ по специальности развертывается в диссертацию, защищаемую аспирантом после окончания срока подготовки в Институте. Помимо указанных работ аспирант за время своего пребывания в Институте должен ознакомиться с основной литературой по различным отделам истории и этнологии и овладеть по крайней мере двумя иностранными языками в об'еме, необходимом для свободного чтения соответствующей научной литературы. На втором или третьем году пребывания в Институте аспиранты командируются на производственную практику по своей специальности в ВУЗ'ы или научно исследовательские учреждения, проходимую ими под руководством действительных членов и научных сотрудников Института

В 1926—27 академ. г. в Институте работали следующие семинарии: по теоретической экономии (В. Н. Позняков), по историческому материализму (А. Д. Удальцов), по истории римского города в эпоху империи (Г. М. Пригоровский), по социальной истории средних веков (Д. М. Петрушевский), по истории рабочего движения на Западе в XIX в. (Д. Б. Рязанов), по русской историографии (М. Н. Покровский), по истории России в эпоху торгового капитализма (А. Е. Пресняков), по истории революционного движения в России (В. И. Невский) и по истории религий, «малокультурных» народов (П. Ф. Преображенский). Эти семинарии будут продолжать свою работу и в будущем академ. году. Кроме того, намечены семинарии: по истории Западной Европы в эпоху торгового капитала. (Е. А. Косминский), по истории Парижской Коммуны (Н. М. Лукин), по истории международных отношений в эпоху империализма (П. Ф. Преображенский), по истории утопического социализма (В. П. Волгин), по эвристике и первоначальной критике источников (С. Б. Веселовский) и по дипломатике средневековой Европы (Е. А. Косминский).

В 1926—27 академ году положено начало организации кабинета истории и этнологии, главной задачей которого

является содействие научно-исследовательской работе действительных членов, научных сотрудников и аспирантов Института Это содействие выражается прежде всего в приобретении изданий (преимущественно источников), которые трудно, а иногда и совсем невозможно найти в московских книгохранилищах. Кабинет обслуживает также и учебные нужды аспирантов, приобретая книги, необходимые для семинарских занятий. В дальнейшем имеется в виду связать кабинет с важнейшими книгохранилищами СССР для получения во временное пользование необходимых изданий, а также приступить к приобретению фотостатов с неизданных архивных документов, что позволило бы многим из работников Института завершить свои работы без заграничных командировок.

Ученый секретарь Института Истории **Е. Мороховец.**

Из деятельности Ленинградского Отделения Института Истории РАНИОН'а

Ленинградское Отделение Института Истории возникло в январе 1927 г., когда ГУС утвердил коллегию Отделения в составе Г. С. Зайделя, Я М. Захера, А. М. Панкратовой, А. Е Преснякова и Е. В. Тарле. Тогда же директором Отделения был назначен А. Е. Пресняков, а ученым секретарем был избран Я. М. Захер.

В состав Отделения входят в настоящее время 24 действительных члена и 13 научных сотрудников I разряда.

С самого же начала работы Отделения, коллегия приняла постановление об образовании секций всеобщей и русской истории. Заведывание этими секциями было возложено на Е. В. Тарле и А. Е. Преснякова.

Ленинградское Отделение Института Истории открыло свои работы 6 марта устроенным совместно с Научно Исследовательским Институтом по изучению марксизма и ленинизма торжественным заседанием в память Н. А. Рожкова. Работа секции всеобщей истории началась 19 марта, а секции русской истории — 26 марта. В последующих заседаниях заслушаны были доклады:

По секции всеобщей истории

П. П. Щеголева—«К характеристике экономической политики термидорианской реакции».

Г. С. Зайделя—«Из истории революционного коммунизма во Франции 40-х гг.».

М. А. Буковецкой—«Реорганизация армии в эпоху Великой Французской Революции».

Д. М Петрушевского—«Из социально-экономической истории средневекового города» и ряд других.

По секции русской истории

Б. А. Романова—«Французский заем и русские финансы в 1905—1906 гг.».

С. В. Рождественского—«Дворянское хозяйство XVIII века» и др

Наибольшую работоспособность за это время проявила секция всеобщей истории, сгруппировавшая вокруг себя молодые марксистские силы и сумевшая поставить ряд докладов, вызвавших оживленный и плодотворный обмен мнениями. Работа секции русской истории тормозилась отсутствием в Ленинграде достаточного количества марксистов-историков России.

В дальнейшем секция всеобщей истории предполагает сосредоточить все свое внимание на разработке вопросов новейшей истории. На ближайшее время намечен ряд докладов, в частности:

Я. М. Захер—«Жак Ру до смерти Марата».

А. И. Молок—«Россель и военная делегация Парижской Коммуны 1871 г».

П. П. Щеголев—«Конец максимума».

Г. С. Зайдель—«Консидеран».

И. С. Фендель—«Колониальный вопрос в истории германской социал-демократии».

Л Г. Райский—«Из истории американского трэд-юнионизма (Де Леон)».

А. Е. Кудрявцев.—«Армия Кромвеля» и т. д.

Кроме того, секция предполагает произвести обследование ленинградского книгохранилища для выяснения имеющихся в Ленинграде источников и материалов по новой и новейшей истории. Предположено также аналогичное обследование ленинградских архивных фондов.

Я. З.

Истпартовская общественность

Возникновение групп содействия относится к осени 1924 года. Первой организовалась в ноябре 1924 г. группа сибиряков и дальневосточников периода 1914—21 г. Возникла она по инициативе нескольких т.т., присутствовавших на торжественном собрании сибиряков 15 ноября 1924 г по поводу пятилетия освобождения Омска от белогвардейцев В процессе обмена воспоминаниями, возникла мысль об издании сборника по истории революции в Сибири. Тут же была со-

здана инициативная группа из т.т. Янсона, Рябикова и др., которая в ближайшие же дни связалась с Истпартом ЦК и тогда же оформилась в группу содействия.

Вслед за этой группой организовалась группа сибиряков подпольщиков до 1914 года. Возникновение этой группы относится к началу подготовки юбилейной кампании по 1905 году. После первых извещений в газетах о возникших группах и проведенной Истпартом ЦК в газетах кампании по привлечению внимания к юбилею революции 1905 года (статьи М. Н. Покровского и М. С. Ольминского в «Правде» и др. газетах), со стороны местных Истпартов и участников революции возникла тяга к созданию таких групп и с начала 25 года Истпарт ЦК ВКП(б) организовал ряд подобных групп. С 1926 года, Истпарт ЦК начал подготовительные работы к 10-летнему юбилею Октябрьской революции, в круг которых вошла и организация групп содействия из участников Октябрьской революции и гражданской войны.

Цель создания групп состояла в том, что они должны были помочь местным Истпартам — 1) не сохранившим архивные материалы 1917—21 гг. выявить работу местной парторганизации и участие рабочих и крестьянских масс в Октябрьской революции и гражданской войне; 2) сохранившим кое-какие материалы — проверить и раз'яснить их живыми участниками; 3) помочь Истпарту ЦК в разборе и проверке индивидуальных воспоминаний, получаемых от десятков и сотен участников и 4) в отдельных случаях подготовить самостоятельные работы по определенному заданию, на основе сохранившихся у участников документов.

При Истпарте ЦК числятся сейчас 21 группа, число их было значительно больше (33): часть из них оказались нетрудоспособными, а две группы — Крымская (период 17—18 гг.) и Одесская (по старому подполью 1905 г.) закончили свою работу.

Азербайджанская группа. Намерена проработать 1918—20 гг. в Азербайджане. Пока только заслушан доклад т. Шаумяна о Бакинской Коммуне 1918 г. Доклад проработан на основании новых данных только что вскрытого архива погибшего т. Шаумяна.

Астраханская группа. По заданию Астраханского Истпарта, группа поручила своим членам проработать темы: Февр. революция в Астраханск губ., Астраханская парторганизация в 1917 — 21 гг., Октябрьский переворот, работа Советов. Заслушан и выправлен доклад о парторганизации.

Брянская группа. По плану дать историю партии и ревдвижения в Брянской губ. за время с 1900 по 1921 г., пока успела дать: доклад исслед., характера—о парторганизации в Бежицком уезде, доклады-воспоминания об организации Сов. власти в Севском уезде о партработе в Севском уезде, о работе Советов в Карачевском, о состоянии и роли Кр. гвардии и военных частей до октября 1917 г. и Кр. армии после октября в Брянске и его уезде, о работе профсоюзов в Мальц. районе, доклад о парт. печати в Брянском уезде доклад о возникновении и работе Бежецкого совета за 1917—21 гг.

Днепро-Петровская группа. Проработала доклады-воспоминания о февральской, октябрьской революции и о 1918 г. на Екатеринославщине. Часть докладов опубликована в журнале «Летопись Украины». По плану группа намерена предоставить Днепр.-Петр. Истпарту мемуарный материал о 1917—21 г. на Екатеринославщине — часть которого войдет в юбил. сб. Истпарта.

Группа работников Зап. фронта редактирует законченную работу Киржница, после чего последняя будет передана Белорусскому истпарту для издания.

Казанская группа. Создана по просьбе Татистпарта с целью проработки 1917—20 г.г. в б. Казанской губернии. Пока заслушаны и обсуждены доклады об октябрьском перевороте, о крестьянском движении и о меньшевиках и эсэрах. Стенограммы переданы Татистпарту для использования в юбил. литературе.

Киевская группа, периода 1917—21 гг., несмотря на стремление Киевского Истпарта всячески помочь и оживить работу группы, последняя работает вяло, с перебоями. Групою даны статьи о Красной Гвардии в 1917 г., о печати в 1917 г., о работе военно-революц. комитета и воспоминание о 1917 г. на Киевщине.

Крымская группа периода врангелевского подполья. Самые условия подпольной работы делали невозможным отложение архивов, поэтому Крымистпартом предложено группе заняться в первую очередь восстановлением хода борьбы и работы партии. Группою просмотрены, исправлены и дополнены воспоминания, присланные Крымистпартом и предназначенных в юбил. сборник Истпарта.

Костромская группа. Наличие в группе основных работников первых лет Октября и то обстоятельство, что у Костромского Истпарта архивы имеются в скудном количестве, делают работу группы необходимой. Застенографирован ряд воспоминаний о феврале и октябре 1917 г. 10 стенограмм передано в распоряжение местного истпарта.

Саратовская группа. По заданию Саратовского Истпарта рассчитывает дать доклады и воспоминания об октябрьском перевороте в гражд. войне, проверив и дополнив имеющийся печат-

ный материал. Группа пока только оформилась.

Сталинградская группа имеет поручение от Сталинградс. Истпарта дать материал о первом 5-летии Окт. Революции в г. б. Царицыне Сталинградский Истпарт, имеющий только обрывки архивов, да и то враждебного лагеря, крайне нуждается в работе группы. Группа разработала план работы, дала задания отдельным товарищам по написанию воспоминаний

Туркестанская группа имеет конкретный план по истории 1918—19 г. Пока заслушан доклад об январском восстании 1919 г. в Ташкенте.

Оренбургская группа поставила целью проработать коллективно тему «Борьба за Оренбург в 1917 — 20 гг». Пока работа группы остановилась на январе 1918 г. Группа проявила исключительную активность, дав в течение двух недель 7 стенограмм обстоятельных докладов и прений по ним.

Могилевская группа возникла по просьбе Могилевского окр. Группа обещает дать историю партработы в 1912—19 гг. в б. Могилевской губ. Работу группы тормозит неполучение от Белорусского Истпарта подсобных документальных материалов.

Тверская группа сорганизовалась в начале 1927 г. Выработан план. Пересланы Тверскому Истпарту: воспоминания о Ржевск. орг., 1 стенограмма и 1 краткая запись 2-х вечеров воспоминаний.

Одесская группа имеет две секции. Секция по периоду 1917 г. работает с мая 1926 г. Ею заслушан ряд докладов-воспоминаний о предоктябрьском периоде, об октябрьском перевороте, о Красной Гвардии, о восстании в январе 1918 г. в Одессе, о мирных переговорах с Румынией. План группа исчерпала. Стенограммы поступили на просмотр редакционной комиссии группы Пока стенограммы в сыром виде переданы Одесскому Истпарту. По окончании работы редакционной комиссии группа ликвидируется. Послано Одесскому Истпарту 9 стенограмм и 2 отзыва о хронике.

Секция 1918—20 гг. существует с июня 1926 г. Ею намечено охватить период немецко-австрийской оккупации, гетмановщины, французской оккупации, Григорьевщины, — в общем 1918—20 гг. Пока заслушаны доклады о подполье во время французской интервенции, о нелегальной типографии, о разведке. План и материал для дальнейшей работы у секции имеется.

Одесская группа (старое подполье). Группой проработан 1905 год. Материал вошел в сборник Одесского Истпарта к 20-летию 1-ой Революции После юбилея 1905 года группа наметила продолжать работу по годам 1907—14 Одесскому Истпарту переданы: 3 стенограммы, рецензия о сборнике, списки Одесских партийных комитетов 1905—06—07 гг.

Северо-Кавказская группа возникла в декабре 1925 г. Группою руководит бюро во главе с тов. Яном Полуяном. Намечено охватить 1917—21 гг. на Сев. Кавказе, т.-е. Черноморье, Ставрополье, Тереке, Кубани и на Дону. Всего заслушано около двух десятков докладов-воспоминаний, главным образом, по Кубани. Большая часть воспоминаний изложена исключительно по данным памяти. Лишь за последнее время члены группы дают доклады исследовательского характера. Стенограммы в сыром виде переданы Сев.-Кавказскому Истпарту для использования. В общем группа активна, но не имеет организационной четкости.

Группа сибиряков и дальневосточников в целях оживления работы составилась из слияния до того отдельно существовавших группы сибиряков—подпольщиков и группы сибиряков-дальневосточников нового периода. Однако слияние пока ощутительных результатов не дало. В настоящее время группа работает двумя секциями.

Секция сибиряков подпольщиков, организовавшаяся в 1925 г. застенографировала несколько десятков докладов-воспоминаний, при чем часть этих докладов составлена исключительно по данным памяти. Секцией было поручено своим нескольким членам написать ряд очерков по истории сибирского соц.-дем. союза (комитетов крупнейших городов Сибири) Однако отсутствие достаточного количества архивных материалов тормозит выполнение. В Истпарте ЦК имеется 16 стенограмм.

Секция сибиряков и дальневосточников нового периода сорганизовавшись в конце 1924 г наметила подготовить к печати три сборника по истории 1914—21 гг. Были выработаны планы сборников, но сами сборники не были написаны. Из всей секции лишь двое—т. Титов и Ильюхов выполнили задание секции, написав вместо статьи для сборника законченный труд по истории партизанского движения в Приморье. Труд принят Истпартом ЦК ВКП(б) к печати. Кроме того, группой даны были: отзывы о сб. Д. В. Истпарта, отзыв о хронике и о 6 рукописях.

Уральская группа возникла в начале 1926 года Однако, из всей группы работало всего лишь несколько человек. Передано Уральскому Истпарту: «Октябрь в Екатеринбурге» (т. Воробьева, напечатано), «Протоколы 1-й Уральской обл конференции профсоюзов» (дано для издания Уралсовету профсоюзов), работа Студитова (Рабочая революция в Лысьеве), работа Баландина — Организация Красной Гвардии на Юж Урале» — напечатана в ж. «Прол. Revол.»,

работа Кучкина — «27 дивизия» передана Истпарту ЦК ВКП(б) для печати, работа т. Воробьева «Две встречи с Ильичом» передана Институту Ленина. Дан группою отзыв о хронике.

Южно-Уральская группа организовалась в начале 1927 г. Работает по заданию Башистпарта, но работает бессистемно: доклады делались в виде сырых, документально не подкрепленных воспоминаний. Истпартам Башобкома и Златоуст. окр. переданы стенограммы группы.

Ярославская группа возникла в конце 1926 г. по инициативе Ярославского Истпарта. Получила от него задание проработать к юбилею 1917—18 г.г.

Итак, задача, стоящая перед группами заключалась в том, чтобы восстановить ход развития революции 5-го и особенно 17-го года и выявить роль и участие местных парторганизаций в них.

Может быть, это покажется парадоксальным, но по истории Октябрьской революции материала у нас очень мало, особенно по первому пятилетию. Во время ожесточенной гражданской войны документы не сохранились, многое и не записывалось, решения принимались на лету, а при вынужденном отходе документы, если не удавалось вывести их заранее, уничтожались. По революции 1905 г. мы имеем богатый материал, который нам сохранила охранка, департаменты полиции, жандармские архивы. По периоду до-октябрьской революции мы находим в этих архивах дела, документы, имена революционеров, фотографии, подпольную литературу, полит. процессы, описание крестьянских восстаний, стачек, демонстраций, вооруженных выступлений рабочих и т. д. и т. п.

Благодаря этим материалам можно восстановить историю революционного движения, участие в ней рабочих и крестьян, роль партии и рост ее влияния на рабочие массы. О нашей эпохе, насыщенной событиями, эпохе, о которой будут писать десятки лет, — материал об этой эпохе находится пока в таких несовершенных аппаратах, как человеческая память. Активные участники этих событий, уцелевшие в эпоху великих боев и посейчас загруженные работой не имеют ни времени ни желания копаться в прошлом. Они предпочитают «делать историю, а не говорить о ней». Ну, а мертвые и вовсе не расскажут. Сейчас мы подходим к 10-летию Октября и воочию убеждаемся, как мало сделано для истории, как беспомощны зачастую местные истпарты. Имеющийся материал не дает возможности даже восстановить хронику событий, для научных же исследований материала и совсем не имеется. Получаемые с мест хроники убийственны. Составляемые зачастую по газетным материалам враждебных нам партий, они искажают или совсем не показывают ни роли партии в Октябре, ни роста ее влияния на ход событий В этих хрониках зачастую искажены даже даты. Местные Истпарты очень горячо ухватились за идею организации групп содействия и через Истпарт ЦК установлена самая тесная связь между ними. Группы содействия состоят из товарищей, у которых не только в памяти события, зачастую в их портфелях, письменных столах и книжных шкафах отыскиваются ценнейшие материалы и документы. Товарищ может и забыл об этих материалах или отложил до более свободного времени разборку их, но привлеченный в группу содействия, он волей-неволей вспоминает об этих драгоценных для истории залежах и или сам обрабатывает их или предоставляет истпарту этот материал. Но значение работы групп далеко не исчерпывается собиранием материалов и личными воспоминаниями, проверяемыми коллективно. Некоторые группы приступили уже к подготовке работ для печати. Правда, основная и большая часть работы все же в этих воспоминаниях и собранных документах В Истпарт ЦК передано группами за этот период 142 стенограмм по 50 стр. Из них послано местам 117 стенограмм. Сдано в печать: Истпарт ЦК 4 работы, Институт Ленина 1 работа, несколько работ принято местными истпартами. Основная масса проделанной группами работы есть материал пока неиспользованный. С точки зрения литературной продукции работа групп незначительна, но ведь и целью работы их являлись не литературные произведения, а собирание исторического материала, восстановление событий по воспоминаниям участников, проверка этих воспоминаний, т.-е. собирание такого материала, без которого невозможно никакое историческое исследование, никакая научная работа. Даже в том случае, если и имеются налицо и документы и материалы, воспоминания живых участников событий оживляют, дополняют эти материалы, сосредоточивая внимание на наиболее ярких моментах, дают характеристику участников, восстанавливают эпизоды, нигде не зафиксированные или мало отмеченные. Будущему историку к пониманию нашей эпохи иногда больше дадут воспоминания, чем сухой протокол, стенограмма, приказ и т. п.

Правда, эти воспоминания во многом суб'ективны, в них много лишнего, сообщаемые факты не всегда точны, разноречивы. Зачастую докладчик обнаруживает стремление переоценить то или иное событие, преувеличить свое значение или осветить факты такими, какими представляются они ему теперь. Ведь каждый рассказывает о том, что он, главным образом, видел, делал, переживал, а, главное, помнил. Тут неизбежно переоценить тот или иной факт и зна-

чение отдельных личностей. Этот наивный революционный романтизм, толкающий к переоценке событий и своей роли, разве он не характерен для нашей эпохи. Люди творческой эпохи всегда немного романтики, всегда выражаются высоким стилем. Ведь, действительно, простыми словами этих событий не опишешь. Но разве такой суб'ективизм не характерен для эпохи больших сдвигов. Переоценивать свое значение можно только в эпоху богатую событиями, эпоху значительную.

В группах на этой почве происходят горячие споры, способствующие выяснению истины.

Работа групп ценна и значительна. Работа эта добровольная, она не освобождает ни от какой партнагрузки и является порядочной догрузкой к работе партийца, но все же она делается зачастую с большой любовью и напряжением.

Но, признавая работу групп ценной и значительной, нельзя не остановиться на ее, зачастую крупных, недостатках. Группы эти любительские, иными они быть не могут и отсюда целый ряд недочетов. Первое — это организационная неустойчивость. Из 32 групп добрая половина работает нечетко, собирается плохо, доклады срываются. В некоторых группах споры подчас мешают работе. Споры на тему об оценке событий, о роли того или иного товарища и т. д. Иногда события искажаются, чтобы оправдать неверный шаг организации в то время. Не все товарищи были стопроцентными большевиками, а сейчас признаваться в этом неудобно. Конечно, это заблуждение, но трудно убедить их в этом. Тут нет сознательного искажения, а свои теперешние мысли он переносит на прошлое. Впрочем иногда отстаивают и прежние ошибки. Оособенно это заметно на работниках окраин. Национальная наша политика усваивалась в начале революции весьма туго, товарищи часто своей неправильной политикой вызывали национальное раздражение, ну как сознаться в этом? — а зачастую и осознать не всем дано.

Наблюдается также и переоценка отдельных товарищей, выпячивание своего я. Все эти недостатки бьют в глаза, но как я уже говорила, они не умаляют значения работ групп. Даже, если бы у нас и были документы и материалы того времени, эти воспоминания были бы прекрасным дополнением к ним. Но поскольку целый ряд ярчайших моментов Октября имеется только в памяти участников, мы совершили бы громадную ошибку, если бы не постарались зафиксировать их на бумаге.

Группы сейчас переживают внутренний кризис. Они уже убедились, что поток воспоминаний иссякает, что неоформленный характер этих воспоминаний имеет малую историческую ценность, что воспоминания, не подкрепленные документами, не приведенные в систему, являются сами по себе слишком сырыми. Группы сейчас перестраиваются на новый тип работы. Распределяется работа, намечаются доклады, докладчик подбирает материал, устанавливается через Истпарт ЦК связь с местными истпартами, которые собирают и составляют хронику на местах и передают ее группам содействия, или наоборот, материал собранный и обработанный группой посылается местным истпартам для дальнейшей проработки, дополнения и издания.

В дальнейшем групп станет меньше и характер работы их будет значительно изменен. Организационная работа по отыскиванию новых членов групп, их сплачиванию уменьшится. Собираться группы станут реже, так как доклады требуют подготовки и проработки. Далеко не все могут брать на себя такие задания да и перегружены товарищи своей повседневной работой.

Выработка планов, распределение работы между членами группы намечение докладчиков, коллективная проработка докладов, проверка их и дополнения, отыскание материалов и документов — вот основная работа групп содействия. Само собой разумеется, что планы групп содействия подчиняются планам местных истпартов. Группы содействия, как правило, работают по заданиям местных истпартов.

Связь с местными истпартами, обмен материалами идет целиком через Истпарт ЦК. У нас нет еще всех планов групп на текущий год, но некоторые группы уже наметили довольно ценные работы и эти работы явятся большим вкладом в историю партии и в историю Октября. Изучать историю партии мы должны не только во имя ее славного прошлого, но еще больше для того, чтобы научиться увязывать прошлое с текущей действительностью, чтобы на уроках истории партии и Октября понять истинный путь по которому развивалась партия и уверенно итти вперед к конечной цели и достижениям.

М. Эссен

Обществоведение в Казанском Университете

В истекшем учебном году в Университете были осуществлены следующие курсы общественного минимума: политическая экономия, история революционного движения, основы государственного и хозяйственного права СССР и советское хозяйство и экономическая политика. Исторический материализм и профессиональное движение в этом году не читались.

Отношение студентов младших курсов к занятиям по обществоведению, как правило, было хорошее. Студенты первокурсники с большим интересом посещают лекции, задают много вопросов и из них значительный процент записывает лекции. Отношение студентов старших курсов уже несколько иное. Его можно назвать безразличным. Многие старшекурсники смотрят на общественный минимум, как на лишнюю обузу. В значительной степени это может быть об'яснено тем, что в прежние годы преподавание общественного минимума в Университете было поставлено довольно слабо.

В условиях, в коотрые поставлено преподавание обществоведения в Университете, почти единственно возможным методом занятий является лекционный, но чисто лекционным он все же не был.

Нечего уже говорить о том, что преподаватели всегда стремились иллюстрировать свои лекции таблицами, картами и пр, привозя их из «чужих» вуз'ов, по мере возможности производились экскурсии и пр.

Новые программы были получены лишь в марте, а потому они были применены только в конце занятий, большая же часть курсов проработана по программам ГУС'а, напечатанным в «Сборнике программ по общественному минимуму», 1926 го года.

Курс «История революционного движения» читался по этим программам, причем конец курса был перестроен в соответствии с новой программой. Во втором семестре лекции перемежались с докладами студентов, после которых происходили оживленные прения и задавалось большее количество вопросов, нежели таковых задается при обычном чтении лекций. Докладов было прочтено три на темы: «Империалистическая война и постановка большевиками новых мировых задач», «Основы военного коммунизма» и «левые уклоны» и «Сущность нэп'а, как тактики социалистической революции». Эти темы были проработаны докладчиками по «вопросникам», снабженным указателем литературы. Что касается знания литературы при сдаче испытаний, то здесь требовалось знакомство с каким-либо курсом по истории ВКП(б) (Попов или Невский), а также изучение соответствующих работ Ленина и Сталина о ленинизме.

Примерно такой же характер носила проработка и других обществоведческих курсов.

Отношение управленческих органов можно охарактеризовать одним словом- «пассивное». При отсутствии инициативы со стороны преподавателей и студентов — про общественный минимум просто забывают. Не имеется почти никакой связи преподавателей ни с партийной ячейкой, ни с профессиональной организацией ВУЗ'а. В общем преподаватели общественного минимума находятся еще в Университете во многих отношениях «на отшибе» — с них много и часто спрашивают, но им никто не содействует. Когда-то высшая школа как при царском режиме, так и при Советской власти в лице некоторых ее элементов боролась за свою автономию И вот «ирония судьбы» — преподаватели обществоведения таковую автономию, в пределах высшей школы, получили, но они за нее не боролись и ее не желали и не желают.

Задача, стоящая перед преподавателем обществоведения в высшем учебном заведении, обширна и ответственна. В двух словах она заключается в том, чтоб продолжать создание марксистского мировоззрения у студенчества, основы каковoго мировоззрения оно начало закладывать еще до ВУЗ'а: на рабфаке, в средней школе, на различных курсах и пр. В ВУЗ'е студент сталкивается со многими науками — помочь ему увязать их в нечто целое, является постоянной заботой преподавателя обществоведения в ВУЗ'е.

Не пичкать студента схемами, а помогать ему в оформлении марксистского миропонимания — задача чрезвычайно трудная. Знания студенту надо дать в такой форме, чтобы он смог на конкретных фактах, на конкретном материале, путем изучения конкретных явлений понять диалектику классовой борьбы. Ленин говорил в речи на третьем с'езде Комсомола, что задача марксистского обучения и коммунистического воспитания далеко не сводится к тому, чтобы заучить общие выводы и общие принципы. Между тем трудность-то задачи, стоящей перед преподавателем обществоведения в ВУЗ'е и состоит в том, что студент, приходящий в ВУЗ, уверен, что обществоведение он знает вдоль и поперек, ибо он запомнил схему и больше он нового получить уже ничего не смо-

жет: остались только подробности и мелочи.

Схематизм, процветающий в средней школе, приводит к тому, что во всяком периоде истории ВКП(б) отводится достойное место Ленину, но умаляется, снижается и даже совсем исчезает партия вообще. Ленин оказывается всегда правым и даже тогда, когда Ленин сам в дальнейшем признавал ошибкой то или иное предложение, студент «сумеет» доказать, «что никакой ошибки тут не было».

Душа марксизма, отмечал Ленин, «это конкретный анализ конкретной ситуации» и, следовательно, не схематизм. Отучить от голого схематизма студента можно. Какое богатство материала в высшей школе имеется под руками у преподавателя обществоведения для анализа и обобщения! Надо только суметь увязать общую программу того или иного обществоведческого курса с общеобразовательным и специальными предметами ВУЗ'а и использовать их фактический материал для марксистских выводов и построений.

Конечно, при одних лекциях эту задачу почти невозможно выполнить. При лекционной системе всегда та или иная доля схематизма будет «налицо». Лишь при условии улучшения дела организаций занятий (отдельные, а не сводные курсы, семинарии, кабинеты, соответствующая литература и пр.) и при условии развития методической работы (деятельность предметных комиссий, собрания-конференции преподавателей отдельных предметов, большее выявление типов ВУЗ'ов при чтении курсов и пр.) преподавание общественного минимума в ВУЗ'е полностью выполнит те задачи, которые перед ним стоят.

М. Корбут

ПРИЛОЖЕНИЕ

Указатель книг по истории,

вышедших в январе—июне 1926 г. в Англии, Германии, С.-А. С. Ш., СССР и Франции

(Продолжение)

Внешняя политика

Mc Crindle (J. W.) Ancient India as des cribed by Megasthenes and Arrian.

A Trans, of the fragments of the Indika of Megasthenes collected by Dr. Schwanbeck, and of the first part of the Indika of Arrian. With intro., notes and Map of Ancient India XIII 227 стр. Kerprinted (with additions) from the «Indian Antiquary» 1876—77 K. Paul,

Mayhem (Arthur) The Education of India a study of British educational policy in India, 1835—1920, and of its bearing on national life and problems in India to-day. 318 стр. Faber & G.,

Morse (Hosea Ballou) The chronicles of the East India Company trading to China, 1635—1834. 4 vols. 327, 435, 396, 434 стр. (set). Oxford Univ. Pr.,

Morton (H. B.) Recollections of early New Zealand. Illus. 176. стр. Whitcombe & S.,

Murray (Hubert). Papua of to-day; or An Australian Colony in the making. Illus. 324 стр. P. S. King.

Rao, B. Shiva, and Pole, G. The problem of India; foreword by Lord Olivier. 96 стр., People's Inst. Pub. Co.

Scott (Earnest) A Short history of Australia. 4th ed. 383. стр. Oxford Univ. Pr.,

Sell, M. Das deutsch-englische Abkommen von 1890 über Helgoland und die afrikanischen Kolonien im Lichte d. deutschen Presse .Berlin, F. Dümmlers Verl. 112 стр.

Sengupta (Bama Prasanna) Conquest of territory and subject races in history and international law. 197 стр. (Book C°, Calcutta) Simpkin.

Trotter, Reginald George Canadian history: a syllabus and guide to reading. 175 стр. N-Y. Macmillan.

Документы

Black's Illustrated history notebook. Book 3, Tudor times, by G. H. Reed 16 стр. Black.

Turral (J) ed. A Select source book of British history: illustrating life, laws and letters, 55—B. C. to A. D. 1878. 320 стр. Oxford Univ. Pr.

История законодательства; конституция

Holdsworth (W. S). A History of English law. Vol. 8. 534 стр. Methuen.

Green, I. R. William of Orange and the English constitution (Short History of the English people) Hrsg. von J. Koch. Leipzig. G. Freytag. 32 стр.

Potter (Harold) An Introduction to the history of English law. 2-nd ed., partly rewritten. 286 стр. Sweet S. M.,

Riess, L. Englische Verfassungsurkunde des 12 und 13 Jahrhunderts. Bonn. A. Marcus et E. Weber 61 стр.

White (Albert Beebe) The Making of the English Constitution, 449—1485. 2-nd ed, rev., 495 стр. Putnam.

Рабочее движение

Edwards (Ness) The History of the South Wales miners. 128 стр. Labour Pubg. Co.

Шотландия

Ewing (John, Maj) The Royal Scots, 1914—1919. Foreword by Lord Salvesen. Illus. 2 vols, 466, стр. 403. Oliver &. B.,

Heyck, E. Maria Stuart. Königin von Schottland. 2 Aufl. Bielefeld. Velhagen et Klasing 210 стр.

Hume (Martin) The Love affairs of Mary Queen of Scots: a political history. New ed. 501 стр. Nash et Grayson.

Экономическая история

Gibbins (H. de B) The Industrial history of England. Completely rev. and enl. by J. F. Rees. With 5 maps and a plan. 256 стр. Methuen.

5. Германия

Alnor, K. Handbuch zur schleswigschen Frage, in Verb. mit O. Scheel hrsg. Bd 2. Die schleswigsche Frage von 1914—1920. Tl 1. Neumünster i. Holst K. Wachholtz 158 стр.

Arndt, E. M. Volk und Führer. Bilder aus d. Zeit d. Befreiungskriege. Aus d. Schriften E. M. Arndts ausgew. von H. Gerstenberg. Frankfurt a. M. M. Diesterweg. 32 стр.

Aus vergangenen Tagen unserer Heimat Hrsg. von R. Oertel. Hartenstein. E. Matthes. IV, 188 стр.

Aussaresses, F et Gauthier Villars, H. La vie privée d'un prince allemand au XVII siècle L'electeur palatin. Charles—Louis (1617—1680) Paris, Plon—Nourrit et Cie 237 стр.

Batzel, V. Notjahre im Ermland mit besonderer Berücksichtigung der Franzosennot. Bochum-Weitmar. Selbstverl. 288 стр.

Becher, O. Vom Bauernkrieg anno 1525. Karlsruhe. Evang. Schriftenverein 64 стр.

Bergsträsser, L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. 4 Aufl. Mannheim. J. Bensheimer XII, 172 стр.

Boetticher, F. Der Kampf gegen die Übermacht Berlin. Mittler. 23 стр.

Classen, W. Das Werden des deutschen Volkes. 2 Aufl. Bd 1—3. Hamburg. Hanseat. Verlagsanstalt. 508; 494; 572 стр.

Deutscher Geschichtskalender. Hrsg. von F. Purlitz u. S. Steinberg B. Ausland Jg. 40 1924 (Bd 1) Jan—Juni Leipzig. F. Meiner III, 262 стр.

Deutscher Geschichtskalender. Sachlich geordnete Zusammenstellg. d. wichtigsten. Vorgänge im Inn- und Ausland. Begr. von K. Wippermann. Hrsg. F. Purlitz. (Abt. A) Inland. Jg 39. II. Leipsig. F. Meiner IV, 347 стр.

Dasselbe. (abt B) Ausland. Jg 39, II IV, 264 стр.

Deutscher Geschichtskalender. Sachlich geordnete Zusammenstellg. d. wichtigsten Vorgänge im Inn und Ausland. Begr. von K. Wippermann. Hrsg. von F. Purlitz u. S. Steinberg. Jg 40. Bd I. Jan—Juni 1924. Inland Leipzig. F. Meiner IV, 401 стр.

Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung. Die von J. Ph. Palm., Buchhändler zu Nürnberg (1806) verlegte anonyme Kampfschrift. Stuttgart. Union V, 101 стр.

Durst, G. Hessen—Darmstadt u. die schleswig-holsteinische Frage 1840—1850 Darmstadt. VIII, 107 стр.

Freytag, G. Aus dem Staat Friedrichs des Grossen. Leipzig 81 стр.

Freytag, G. Bilder auf der deutschen Vergangenheit Bd. 1. Bielefeld. Velhagen et Klasing. XVI+188 стр.

Freytag, G. Der Dreissigjährige Krieg. Leipzig 90 стр.

Freytag, G. Die Erhebung von 1813. Leipzig. 68 стр.

Haller, J. Die Epochen der deutschen Geschichte Stuttgart. XII, 375 стр.

Heimatbücher deutscher Geschichte (Hrsg. von M. Fehring u H. Freudenthal.) Frankfurt a. M., M. Diesterweg 87 стр.

Hoffmann, J. Aus Deutschlands Urzeit. Berlin. Weidmann. 96 стр.

Höhne, H. Die Einstellung der sächsischen Regimenter in die preussische Armee im Jahre 1756. Halle (Saale) Hendel Druckerei. XII, 140 стр.

Iust, L. Franz von Lassauex. Ein Stück Rhein. Lebens-u. Bildungsgeschichte im Zeitalter d. grossen Revolution Napoleons. Bonn. Marcus et. Weber. XI, 286 стр. Studien zur rheinischen Geschichte H. 12.

Kaindl, R. F. Oesterreich, Preussen, Deutschland Deutsche Geschichte in grossdeutscher Beleuchtg. Wien. W. Braumüller. XXVIII, 321 стр.

Krönke, A. Ritter und Bauer. Höhepunkte aus d. Heimatgesch. d. Kreises Lehre. Bremerhaven. Hansa—Antiquariat 64 стр.

Lambeck, G. Die Stein—Hardenbergischen Reformen. 4 Aufl. Leipzig. Teubner. 32 стр.

Loebell, A. Aus dem Offiziersleben unter Kaiser Wilhelm I. Heitere Bilder Berlin. F. Felber. 176 стр.

Du Moulin—Eckart, R. Vom Alten Germanien zum neuen Reich 2 Jahrtausende deutscher Geschichte. Stuttgart Union XII, 504 стр.

Müller. K. A. Deutsche Geschichte u. deutscher Charakter. Aufsätze u. Vorträge Stuttgart. Deutsche Verlags—Anstalt VIII, 241 стр.

Müller—Langenthal, F. Die Geschichte unseres Volkes. Bilder aus Vergangenheit u Gegenwart d. Deutschen in Rumäniem. Hermannstadt. W. Krafft. 188 стр.

Oncken, N. Deutsche Vergangenheit u. deutsche Zukunft. Rede. München. M. Hueber. 20 стр.

Ostwald, P. Das Werk des Deutschen Ritterordens in Preussen. Berlin Staatspolitischer Verlag 94 стр.

Reincke—Bloch, H. Preussen, Deutschland u. die Rheinlande. Rede. Breslau. Trewendt et Granier 25 стр.

Schrötter, F. Das preussische Münzwesen 1806 bis 1873. Bd. 1. 2. Beschreibender Teil Berlin, P. Parey. XII, 441; IV. 603; VI, 64 стр.

Seith, K. Das Markgräflerland u. die Markgräfler im Bauernkrieg des Jahres 1525. Betrachtet im Rahmen d. Bauernbewegung d. 16 Jh. Karlsruhe i. B.; Müller 168 стр.

Thüngen, R. Der Bauernkrieg in Franken unter Conrad III, Bischof von Würzburg Würzburg. Kabitzsch et Mönnich 55 стр.

Wahl, A. Deutsche Geschichte. Von d. Reichs Gründg biz zum Ausbruch d. Weltkriegs (1871—1914) 4 Bde. Stuttgart. W. Kohlhammer.

Wahl, A. Deutsche Geschichte. Von d. Reichs. Gründg. bis zum Ausbruch d.

Weltkriegs (1871—1914) Bd 1. Die 70-er Jahre Lfg. 6. Stuttgart. W. Kohlhammer. стр. 401—480.

Wahl, A. Deutsche Geschichte. Von d. Reichsgründg bis zum Ausbruch d. Weltkriegs (1871—1914). Bd 1. Die 70 er Jahre. Lfg 7. Bog 31—35 стр. 481—560. W. Kohlhammer.

Wersche, K. Geschichte. Lfg. 34. [Geschichte von 1871 bis Locarno] Potsdam Bonness et Hachfeld стр. 713—754.

Wortmann, K. Geschichte der Deutschen Vaterlands-Partei 1917—1918. Halle (Saale) Hendel-Druckerei XII, 124 стр.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

Bailleu, P. Königin Luise. Ein Lebensbild. 3 Aufl. Berlin. Hafen—Verlag. VI, 341 стр.

Bismarck, O. Briefe an siene Braut u. Gattin. Hrsg. vom Fürsten H. Bismarck Mit Erl. u Reg. von H. Kohl. Stuttgart. Cotta. XVI, 596 стр.

Bismarck, O. Die gesammelten Werke. I Aufl. Bd. 8, 2. Berlin. Verlag f. Politik u. Wirtschaft. XIX, 724 стр.

Bismarck, O. von. Der Kanzler. Otto von Bismarck in s. Briefen, Reden u. Erinnergn, sowie in Berichten u. Anekdoten s. Zeit. Mit geschichtl. Verbindgn. von Tim Klein. Ebenhausen bei München. W. Langewiesche-Brandt. 379 стр.

Brandt, R. Albert Leo Schlageter. Leben u. Sterben e. deutschen Helden. Hamburg. Hanseat. Verlagsanstalt 103 стр.

Catt, H. A. de Gespräche Friedrichs des Grossen mit Catt. Übertr. von Willy Schüssler. Leipzig. G. Kummer VIII 470 стр.

Diestel, E. Erlebnisse aus einem Vierteljahrhundert im Untersuchungsgefängnis von Berlin. Berlin. Liebheit et Thiesen 111 стр.

Feuerbach, H. Ihr Leben in ihren Briefen. Hrsg. von Hermann Uhde-Bernays. München. K. Wolff. 490 стр.

Franz, G. Bismarck. Leipzig. Teubner. 32 стр.

Friedrich II, König von Preussen. Reise-Geschpräch des Königs Friedrich II von Preussen im Jahre 1779. Mit e. Vorw. von F. v. Goetz u. Schwanenfliess. Berlin. G. Stilke. 65 стр.

Friedrich Wilhelm III, König von Preussen Vom Leben u. Sterben der Königin Luise. Eigenhändige Aufzeichngn ihres Gemahles König Friedrich Wilhelms III. Mitgeteilt u. erl. von H. O. Meisner. Berlin. K. F. Koehler. VIII, 93 стр.

Funke, A. Der eiserne Kanzler (Ein Lebensbild O. von Bismarcks in 5 Bdch) Bdch. 2 Halle a. d. S Wehrwolf—Verlag стр. 125—279.

Galera, K. S. Voltaire u. der Antimachiavell Friedrichs des Grossen. Halle. XIV, 102 стр.

Goebel, S. Erinnerungen eines alten Professors an namhafte Zeit u. Lebensgenossen. Mit e. Bildnis. Berlin. Furche-Verlag. VIII, 247 стр.

Hamm, W. Jugenderinnerungen, bearb., eingel. u erb. von K. Esselborn. Darmstadt. Selbstverlag d. Herausgebers, 212 стр.

Heldburg, H. Gemahlin d. Herzogs Georg II von Sachsen—Meiningen: Fünfzig Jahre Glück u. Leid. Ein Leben in Briefen aus d. J. 1873—1923. Leipzig. Koehler et Amelang. 264 стр.

Hoppe, W. Karl Friedrich Klöden, der Mensch u. der märkische Historiker. Berlin. Verein f. Geschichte Berlins 24 стр.

Ludwig, E. Wilhelm der Zweite. Berlin. E. Rowohlt 495 стр.

Luise von Toskana, fr. Kronprinzessin von Sachsen. Mein Lebensweg. Neue Ausg. Berlin—Friedenau. Continent 253 стр.

Mollwo, L. Markgraf Hans von Küstrin Hildesheim. A. Lax. XII, 580 стр.

Petersdorff, H. Königin Luise 7 Aufl. Bielefeld. Velhagen et Klasing. V+182 стр.

Petrich, H. Treue um Treue. 15 Geschichten aus d. Leben d. Königin Luise 63 Aufl. Berlin. Schriftenvertriebsanstalt. 16 стр.

Pies, H Kaspar Hauser. Augenzeugenberichte u. Selbstzeugnisse. Hrsg. eingel. u mit Fussnoten vers. Bd 1, 2 Stuttgart-R. Lutz. 301, 320 стр.

Reddaway (W. F). Frederick the Great and the rise of Prussia. 380 стр. (Heroes of the Nations.) Putnam.

Salis—Seewis, G. von. Ein bündnerischer Geschichtsforscher vor hundert Jahren. Johann Ulrich v. Salis—Seewis 1777—1817 Aarau. H. R. Sauerländer et Co VII, 207 стр.

Scheller, E. Bismarck u. Russland. Marburg. N. G. Elwert'sche Verlh. VII, 115 стр.

Schlosser, J. Aus dem Leben meiner Mutter. 4 Aufl. Berlin. Furche—Verlag 198 стр.

Schoenaich, P. Mein Damaskus. Erlebnisse u. Bekenntnisse. Berlin—Hessenwinkel. Neue Gesellschaft. 245 стр.

Schremmer, W. In Kerker u. Ketten. Trencks Schicksale. Breslau. Priebatsch's Verl. 162 стр.

Schulz, H. Aus vergangenen Tagen. Erinnergn e. Greifswalder Zeitgenossen. 3 Aufl. Greifswald. Ratsbuchh. L. Bamberg. 164 стр.

Seydewitz, T. Ernst. Christoph Graf Manteuffel, Kabinettsminister Augusts des Starken. Persönlichkeit u Wirken. Dresden XII, 168 стр.

Stoll, M. Bismarck als Staatsmann Nürnberg. Koch. 122 стр.

Voltaire. Correspondance de Voltaire avec Fréderic le Grand. Hrsg. von E. Jahncke Bielefeld. Velhagen et. Klasing 47 стр.

Volz, G. B. Friedrich der Grosse im Bilde seiner Zeit. Berlin. K. F. Kochler VII, 44 стр.

Volz, G. B. Friedrich der Grosse u. Trenk. Urkundl. Beiträge zu Trencks «Merkwürdiger Lebensgeschichte». Berlin. A W. Hayn's Erben 239 стр.

Wittmann, H. Erinnerungen der Eisernen Schar Berthold. Oberviechtach. Forstner 151 стр.

Zwehl, H. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie. Eine biograph. Studie Berlin. Mittler et Sohn, XII, 341 стр.

Внешняя политика

Brooks (Sidney) America and Germany, 1918—1925. Pref. by George B. Baker. 209 стр. Macmillan.

Holborn, H. Deutschland und die Türkei 1878—1890 Berlin. VII, 116 стр.

Lessner, P. Was müssen wir von unsern Kolonien wissen? II Aufl. Leipzig. F. M. Hörhold 30 стр.

Methner, W. Abriss der Geschichte der deutschen Kolonien. München. R. Oldenbourg. 60 стр.

Scheller, E. Bismarck u Russland. Marburg. N. G. Elwert'sche Verlh. VII+115 стр.

Schnee (Heinrich] German colonisation, past and future: the truth about the german Colonies Intro. by William H. Dawson. With 34 illus 176 стр. Allen & U.,

Sell, M. Das deutsch—englische Abkommen von 1890 über Helgoland und die afrikanischen Kolonien im Lichte d. deutschen Presse Berlin. F. Dümmlers Verl. 112 стр.

Документы

Martin, F. Die Regesten der Erzbischöfe und des Domkapitels von Salzburg 1247—1343 Bd I 1247—1290. H. I Salzburg. Gesellsch. f. Salzburger Landeskunde 75 стр.

Nuntiaturberichte aus Deutschland nebst ergänzenden Aktenstücken. Hrsg von d. Hist. Komm. Akad. d. Wiss. in Wien. Abt. 2 1560-1572. Bd 5. Wien. XCIII, 277 стр.

Ohnesseit, W. Unter der Fahne schwarz—weiss—rot. Erinnergn. e. Kaiserl. General—Konsuls. Berlin. Gebr. Paetel VII, 194 стр.

Sander, P. u H Spangenberg. Urkunden zur Geschichte der Territorialverfassung. H. 4. Stuttgart. W. Kohlhammer. V+39 стр. Ausgewählte Urkunden zur deutschen Verfassungs-u. Wirtschafts-Geschichte Bd. 2. H 4.

Sthamer, E Dokumente zur Geschichte der Kastellbauten Kaiser Friedrichs II u. Karls I von Anjou Bd 2 Leipzig K. W. Hiersemann VIII, 210.

Urkunden u. Acktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich. Wilhelm von Brandenburg. Hrsg. von d. Preuss. Komission bei d. Preuss. Akademie d. Wissenschaften. Bd 22 Berlin. W. de Gruyter et Co VII, 605 стр.

Историография

Jacob, K. Quellenkunde der deutschen Geschichte im Mittelalter. Bd 2. Berlin W. de Gruyter et Co 111 стр.

Местная история и краеведение

Am Born der Heimat Ein Heimatbuch f. jung. u. alt. im Kreise Frankenstein. Frankenstein. E. Philipp III, 238 стр.

Aus dem Chelmer Lande. Mitteilungsblatt d Arbeitsgemeinschaft f. Heimat—Kunde im Kreise Gross-Strehlitz. O. S. u d. Chelmgebirgsvereins mit d Sitze in Leschnitz. Monatsbeil. zur Gross—Strehlitzer Zeitg. Jg. 2. Gross—Strehlitz. G. Hübner

Aus Kiels Vergangenheit u. Gegenwart Ein Heimatbuch für jung u. alt. Hrsg. von A. Groy. Mit 4 Bildern u. 3 Kt Kiel. R. Cordes. 368 стр.

Beiträge zur Geschichte Dortmunds u. der Grafschaft Mark Hrsg. vom Histor. Verein f. Dortmund u. d. Grafschaft Mark Dortmund. 180 стр.

Beiträge zur Geschichte von Stadt und Stift Essen. Hrsg von d. Histor Verein. f. Stadt u. Stift Essen H. 43. Essen. Fredebeul et Koenen. 346 стр.

Berger, L. Der alte Harkort. Ein westfäl. Lebens-u. Zeitbild 5 Aufl. Hrsg von Aloys Meister Leipzig Brandstetter. LVI. 572 стр.

Bley, K, Aus Freibergs vergangenen Tagen. Ein Heimatb. Freiberg i sa. VII, 135 стр.

Brandt, O. Geschichte Schleswig—Holsteins. Ein Grundriss. Kiel. W. G. Mühlau XII, 198 стр.

Bronner, F. Die Verfassungsbestrebungen des Landesausschusses für Elsass-Lothringen (1875—1911). Heidelberg. C. Winter VII, 262 стр.

Delius, H. Die Entstehung und Entwicklung des Stadtgrundrisses von Lippstadt in Westfalen. Dortmund. Ruhfus. 61 стр. Wissenschaftl. Heimathefte d. Westfälischen Heimatbundes.

Ebert, W Gohlis. Aus d Geschichte eines Leipziger Vorortes Leipzig. VIII, 138, 8 стр.

Geschichte des Gaues Schlesien des Deutschen Arbeiter—Stenografhen-Bundes Waldenburg. i. Schles. E. Altenberger 30 стр.

Geschichte des Regierungsbezirks Stade. Bremerhaven. Hansa — Antiquariat 60 стр.

Die geschichtliche u. landeskundliche Liturtur Mecklenburgs von Archivdir. Dr. Stuhr. 1924/1925. Schwerin. стр. 357—370.

Gessner. A. Die Entwicklung der Burg Altenburg bis zum Ausgange des Mittelalters. Altenburg. O. Bonde. 16 стр.

Grenzmärkische Heimatblätter. Vierteljahresschrift d. Grenzmärk. Gesellschaft zur Erforschung u. Pflege d. Heimat. Hrsg P. Becker. Jg. 2 1926. H. I. Schneidemühl. 63 стр.

Günther, Dr. Würzburger Chronik. H 25 Bd 3 (1802—1848). Würzburg. 169—224 стр.

Hadlich, H. Abriss der Pommerschen Geschichte Leipzig. Teubner. 20 стр.

Hamburgische Geschichts—und Heimatblätter Jg. I 1926 Nr I Febr. Hamburg. W. Mauke Söhne 32 стр.

Hämmerle, K. Gustav von Schlör. Ein Beitr. zur bayer. Geschichte des 19 Jh. Leipzig. A. Deichert VII, 124 стр.

Hanslitschek, F. Bergstadt Mies. Festschrift. Mit 4 Abb. Reichenberg. Sudetendeutscher Verlag F. Kraus. 32 стр.

Haring, E. Abriss der Geschichte der Provinz Sachsen u. des Freistaates Anhalt. Leipzig· Teubner. 24 стр.

Heimreich, A. Nord-fresische Chronick, darin von denen dem Schlesswigischen Herzogthum incorporirten fresischen Landschaften wird berichtet, Mit Fleiss zusammen geschrieben durch M. Antonium Heimreich. Gedr. zu Schlesswich durch I. Holwein. An. MDCLXVI. München H. Jessen. 16, 548, 16 стр.

Heuer, R u B. Mätzke. Die Uckermark. Ein Heimatbuch Prenzlau. Mieck. XII, 528 стр. 120 стр. abb.

Holtzmann, R. Aus der Geschichte des Rheingebietes· Halle (Saale), Buchh. d. Waisenhauses. VI, 89—132 стр.

Jahresbericht des historischen Vereins für Straubing u. Umgebung. Jg. 28. 1925 Straubing. 127 стр.

Jecht R. Geshichte der Stadt Görlitz. Lfg. 6. 253—324, VII стр). Görlitz Magirat.

stKalb, W. Alt—Montabaur. Motive aus Montabaur. Montabaur. M. Flock et Co. 124 стр.

Kaufmann. K. J. Das deutsche Westpreussen. Abb. von Urkunden zur Geschichte d. Deutschtums von Westpreussen in Stadt u Land zu poln. Zeit Berlin. Deutsche Rundschan 12, 48 стр. Abb.

Kettwig in Geschichte und Sage. Beitr zur Pflege u Bereicherg. d. Heimatkunde Bd. II IV, 84 стр.

Krause, W. Grundriss einer Geschichtlichen Heimatkunde von Mikultschütz 16 стр.

Kreppel, O. Vor dem Frauentor. Heimatbuch. Lfg. 4. Nürnberg. стр. 29—42.

Kubitschek, R. Die Holzhauersiedlung Fürstenhut. Pilsen. Maasch's Buchh 26 стр.

Kurmainzer Bilder. Ein Almanach Hrsg. durch die Vereinigung von Freunden d. Kurmainzer Geschichte. Mainz Augsburg. Dr. B. Filser. 32 стр.

Lehe, E. Grenzen u. Ämter im Herzogtum Bremen. Göttingen Vandenhoeck et Ruprecht, X, 180 стр.

Lehmann, Ch. Historisher Schauplatz des Obererzgebirges. Tl. I. Leipzig. E. Matthes. 32 стр.

Loewenfeld, J. Wolfsburg, Kirchen und Kulturgeschichtl. Bilder. H I. Wolfsburg. Gemeindekirchenrat IV, 48 стр.

Lücke, H. Der Hardenberg in Wort und Bild. Ein· Heimatbuch. Duderstadt: A. Mecke IV, 50 стр.

Ludwigsburger Geschichtsblätter. Hrsg. von C. Belschner. Ludwigsburg. J. Aigner in komm. 107 стр.

Mitteilungen aus der lippischen Geschichte u. Landeskunde. Hsg von d. Geschichtl. Abt. d. Naturwissenschaftl Vereins f. d. Land Lippe. Detmold. Meyersche Hofbuchh. III, 139 стр.

Mitteilungen des Eisenacher Geschichtsvereins. H. I. Eisenach. Heimatbuchh. H. H. Bickhardt. 39 стр.

Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. Herausg. von E. Mummenhoff. Bd. 26. Nürnberg. I. L. Schrag. V. 386 стр.

Mitteilungen des Vereins für Geschichte u. Landeskunde von Osnabrück Bd. 47. Osnabrück. Histor. Verein. XIX, 398 стр.

Nahrgang, K. Dreieichenhain. Ein Führer durch s. Geschichte u Sehenswürdigkeiten. Mainz 20 стр.

Pemmer, H Die Rosenburg. Wien 15 стр.

Philippsen, H. Siegel u. Wappen der Stadt Schleswig u. der Schleswiger Knudsgilde. Eine heral. Studie. Schleswig J. Bergas. 14 стр.

Pöhnlein, J. Alt-Dollnsterin. Darstellgn aus d. Vergangenheit H. 2 Eichstätt. P. Brönner et M. Däntler. 42 стр.

Reimer, H. Historisches Ortslesxikon für Kurhessen. Lfg. 5 (Schluss) Marburg. N. g. Elwert'sche Verl 385—547 стр.

Rein, B Auf der Heidecksburg. Rudolstadt. Greifenverlag 79 стр.

Reischel, G. Wüstungskunde der Kreise Bitterfeld u. Delitzsch. Nach d. Sammlgn. W. Bode bearb. Magdeburg. E. Holtermann. XVI, 448 стр. (Geschichtsquellen) d. Prov. Sachsen u d. Freistaates Anhalt. Neue Reihe Bd· 2.

Reyhing, H. Albheimat. Ein Buch von Land u Leuten d. Schwäbischen Alb. Stuttgart. Silberburg 222 стр.

Rommel, G. Urphar am Main. Ein Beitr. zur Geschichte u. Kulturgeschichte d. ehem Grafschaft Wertheim. Wertheima. M. 205 стр.

Rosenthal, E. Geschichte Niedersachsens im Spiegel der Reichsgeschichte dargest. Lfg. I. Hannover. Helwingsche Verlh. 80 стр.

Rosenthal, E. Geschichte Niedersachsens im Spiegel der Reichsgeschte gest. Lfg. 1, 2. Hannover. Helwingsche Verlh. 160 стр.

Schriften des Vereins für. S-Meiningische Geschichte und Landeskunde. H. 84 Hild-

burghausen. F. W. Gadow et Sohn 128 стр.

Schultze—Galléra, S. Geschichte der Stadt Halle. Das mittelalterliche Halle. Lfg. 7. Halle a d. S. Heimat—Verlag f. Schule u. Haus стр. 97—192.

Seyfried, E. Heimatgeschichte des Bezirks Schwetzingen. Ein Beitr. zur Geschichte d. bad. Pfalz. Ketsch a Rh. Selbstverlag. 409, V стр.

Sommerfeldt, G. Neue Sächsische Studien Aus Land u. Stadt. Dresden. Adler. 76 стр.

Sommerfeldt, G. Skizzen zur Geschichte des Wesenitzgebiets u. seiner Nachbarschaft. Abb. u. e. Verz. Älterer seit 1888 verfasster, meist Sachsen betr. Schriften Dresden. E. Adler in Komm 68 стр.

Spielmann, Ch. Geschichte von Nassau von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. In 3 Tlen. Tl 2. Montabaur. XIV, 705 стр.

Stählin, K. Elsass u. Lothringen im Ablaut der europäischen Geschichte München. R. Oldenbourg. 67 стр.

Stumpf, H. Geschichtsbilder aus dem Nahetale. Bad Kreuznach. K. Scheffel. 8 стр.

Weins, W. Manderschlid. Bilder aus d. Vergangenheit d. Landes u. Adelsgeschlechtes. Ein Beitr. zur Heimatgeschichte Wittlich. G. Fischer 104 стр.

Weyer, W. Laasphe u das obere Lahntag Die Grafschaft Sayn-Wittgenstein Wittgenstein in Vergangenheit u. Gegenwart. Siegen. W. Vorländer. 42 стр.

Winter, A. Heimatkunde des Ascher Gebietes u. Bezirkes. Thonbrunn, Einzig, Bezirk Asch. Selbstverl. 116 стр.

Wolfram, G. Metz und Lothringen. Mit e. Beitr. von A. H. Rausch. Berlin. Deutscher Kunstverlag 43 стр.

Der Wormsgau. Vierteljahrshefte. Hrsg. vom Altertumsverein, d. Direktion d. städt Sammlungen, d. Direktion d. Stadtbibliothek u. d. Stadtarchivs zu Worms a. Rh. Jg. I. 4 Hefte. N. I. April. 32 стр.

[Würdig, L. u] B. Heese Die. Dessauer Chronik. N. F. H. I. 2. Dessau. Selbstverlag B. Heese 64 стр.

Zeidler, A. Abriss der thüringischen Geschichte. Leipzig. Teubner 20 стр.

Zeitschrift der Gesellschaft für schleswig—holsteinische Geschichte Bd 55. Kiel. Gesellschaft f. schleswigholstein. Geschichte IV, XVIII, 640 стр.

Zeitschrift des Vereins für die Geschichte von Soest u. der Börde. H. 41 Vereinsg. 1925/1926. Soest 1926. M. Hoffmann. 78, 4 стр.

Революционные деятели Германии

Боярская, Г. Клара Цеткин. М. Госуд. Изд-во 34 стр.

Виноградская, П. Фердинанд Лассаль М. Госуд. Изд-во. 249+1 стр.

Карл Либкнехт. Его жизнь и борьба 3 изд. М. Л. «Молодая Гвардия» 85+[1] стр. с илл.

Памяти Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Б. О. М. 14 стр.

Эссен, М. Роза Люксембург М. Л. Госуд. Изд-во. 16 стр. Б-чка Работницы и крестьянки. Серия «Биографий» № 1.

Bernstein, E, Von 1850 bis 1872. Kindheit u Jugend-Jahre. [1—5 Aufl] Mit I [Titel] Bildn. d. Verf. Berlin. E. Reiss. XII, 219 стр.

Bojarskaja, S. Klara Zetkin. Moskau. 20 стр.

Marcu, V. Wilhelm Liebknecht 1826-29 März—1926. Ein Bild d. deutschen Arbeiterbewegung. Berlin. E. Laub. 46 стр.

Революция, 1918

Левине. Р. Советская республика в Мюнхене. Перев. с немецк. С. А. Сапожниковой. С прилож. биографии Е. Левине, составленной В. Л. Санчовым М. Госуд. Изд-во XXXV+111 стр.

Рюкк, Ф. Из дневника Спартаковца. Перев. с немецк. Б. Стернин. Предисл. Я. Вальхера. М. Л. Госуд. Изд-во. 64 стр.

Der 9 November 1918 in Deutschland. Науч—Педагогич. Секцией Госуд. Учен. Сов. допущ. для школ II ступени. 2 изд. М. Л. Госуд. Изд-во. 110+[2] стр.

[Die Jugendbücherei gesammelt und gestaltet von H. Braunstein. 5 Büchlein].

Экономическая история

Bonn, M. I. Das Schicksal des deutschen Kapitalismus. Berlin. S. Fischer Verl 63 стр.

Reinhardt, E. Iakob Fugger, der Reiche aus Augsburg Zugl. e. Beitr. zur Klärg u. Förderg unseres Verbandswesens. Berlin. Struppe et Winckler. VII, 186 стр.

Sander, P u Spangenberg, H. Urkunden zur Geschichte der Territorialverfassung. H 4. Stuttgart. W. Kohlhammer. V+39 стр. Ausgewählte Urkunden zur deutschen Verfassung u. Wirtschafts. Geschichte. Bd. 2 H. 4.

6. Греция.—Внешняя политика.

Driault, E. et Lhéritier, M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. 4 suite du régne de Georges I-er jusquá la Révolution turque (1878—1908). Hellénisme et Germanisme. Paris XVI+580 стр.

7. Испания

Kehr, P. Das Papsttum und der Katalanische Prinzipat bis zur Vereinigung mit Aragon. Berlin. Verl. d. Akad. d. Wiss. 91 стр.

Kehr. P. Papsturkunden in Spanien. Vorarbeiten zur Hispania Pontificia. Berlin. Weidmann. 236 стр.

McBride (Robert Medill) Spanish towns and people. With pictures by Edward C. Caswell. 262 стр., Unwin.

Merriman. (Roger Bigelow) The Rise of the Spanish Empire, in the Old—World and in the New. Vol. 3. The Emperor 719 стр. Macmillan.

Sedgwick [Henry Dwight] Spain: a short history of its politics, literature, and art from earliest times to the present. Pref by J. D. M. Ford. Illus. 420 стр. Harrap.

Thomas [Henry] Spanish sixteenth century printing With 50 illus 38 стр. [Periods of typography] Benn.

Внешняя политика

Shelly, Henry Charles Majorca; introd. by A. S. M. Hutchinson. 306 стр. il. map. [col.] Bost.. Little Brown.

Tharaud, Jean and Jerome. Spain and the Riff: political sketches. Trans. by A. S. Moss—Blundell. 56 стр. Faber et Gwyer.

8. Италия

Bisticci (Vespasians da) The Vespasiano memoirs: li]es of illustrious men of the 15 th century. Now first trans. into. English by William George and Emily Waters. Illus 486 стр. Routledge.

Bolitho, . pseud., W. B. Ryall, Italy under Mussolini 129 стр.

Johnson (A. F.) The Italian seenth century. With 50 illus. 34 стр. (Periods of typography) Benn,

Juta (Rene) Concerning Corsica Illus. by Jan Juta 218 стр. Lane.

Stutz, U. Die päpstliche Diplomatie unter Leo XIII. Nach d. Denkwürdigkeiten d. Kardinals Domenico Ferrata. Berlin. Akademie d. Wissenschaften. 154 стр.

Trevelyan, J. P. A short history of the Italian people: from the Barbarian invasions to the present day. 406 стр. Putnam.

9. Польша

Радек, К и Стефанович, Р. Переворот в Польше и Пилсудский М. Л. Госуд. Изд-во. 39 стр.

Der Kampf um die Weichsel. Untersuchgn zur Geschichte d. poln. Korridors. Hrsg. von Erich Keyser. Mit e. Nationalitätenkt d. Weichsellandes Stuttgart. Deutsche Verlags—Anstalt IX, 178 стр.

Pclish handbook, 1925: the country and resources of the Republic of Poland. Edit. by F. B. Czarnomski 704 стр. Eyre & Spottiswoode.

10. Россия

Веселовский, С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. «Прибой». 128 стр.

Викторов, В. Крестьянскиед вижения XVII—XVIII в в. Сборник документов и материалов с примеч. Составил В. Викторов. М. Коммун. Ун-т имени Я. М. Свердлова XXXI+9 26 стр.

Платонов, С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность Л. «Время». 113+2 стр.

Покровский, М. Русская история в самом сжатом очерке. Часть III. Двадцатый век. Вып. I. 1896—1906 г. г. 3 изд. М. Л. «Госуд. Изд-во». 268 стр.

Полосин. И. И. Крестьянская революция (XVII в) М. «Прометей». 64 стр.

Пугачевщина. т. I Из архива Пугачева [Манифесты, указы и переписка] подготовлен к печати С. А. Голубцовым под ред. С. Г. Томсинского и Г. Е. Мейерсона со вступ. статьей М. Н. Покровского. Л. Госуд. Изд-во 288 стр. (Центрархив).

Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) Т. XII Финансовый капитализм в Европе и революция в России. М. Л. «Книга» 396 стр.

Труды Государственного Исторического Музея. Вып. I. Разряд археологический. М. 205+[2] стр.

Труды Госуд. Исторического Музея Вып. 3 Разряд общий исторический М. Госуд. Историч. Музей. 123 стр.

Труды отделения Археологии. I. М. Росс. Ассоциация науч. — исследоват. Инст-тов общественных Наук. 92+[2] стр.+[5] вклад. лист. илл.

Шефер, А. Из пролшого нашей страны М. Моск. Рабочий 72 стр.

Щапов, А. П. Неизданные сочинения I Общий взгляд на историю Великорусского Народа. II О конституции. С предисл. и примеч. Е. И. Чернышева. Оттиск из Известий О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Госуд. Казанск. Ун-те т. XXXIII в 2-3. Казань. «Гажур» 58 стр.

Anthony (Katharine) Catherine the Great. With frontis. 317 стр. J. Cape.

Klabund—Peter the Czar. Transl. from the German by Herman George Scheffauer. 3 rd printing. 156 стр. Putnam.

Kliutschewskij, W. Geschichte Russlands. Übers. von R. von Walter. Hrsg. von F. Braun u. Reinhold von Walter. Bd 4. Stuttgart. Deutsche Verlags—Anstalt; Berlin. Obelisk—Verlag. IV, 423 стр.

Müller, E. Peter der Grosse und sein Hof. Biographie, Anekdoten, Briefe, Dokumente. Eine Sittengeschichte d. russ. u. europ. Barock. München Drei—Eulen Verlag, Haas et Co. 256 стр.

Paleologue (Maurice) The Tragic romance of Alexander II of Russia. Trans. by Arthur Chambers. With 10 illus 216 стр. Hutchinson.

Библиография

Вознесенский, С. Библиографические материалы для словаря декабристов. Составил С. Вознесенский. Л. Госуд. Публичная Б-ка. 152 стр. (Серия

II Материалы по истории русской науки, литературы и общественности).

Мандельштам, Р. С. Книги А. В. Луначарского. Библиографический указатель. 1875 24 XI 1925. Составила Р. С. Мандельштам. Ред. Н. К. Пиксанова. Л. М. Academia 55 стр.

Биографии, воспоминания и т. п.

Баженов, В. П. Японская кампания (Дневник, полкового врача) Тула. 100 стр.

Гапон, Г. История моей жизни. Ред. вступ. статья и примечания А. А. Шилова. 2-е изд. Л. «Прибой» 184 стр.

Клаас, Г. К. Мои первые шаги на революционном пути. Из воспоминаний о рабочем движении в Петербурге и Прибалтийском крае в 1904—1905 г. г. Л. «Прибой» 61+1 стр.

Краснов, В. Ходынка (Рассказ не до смерти растоптанного) М. Л. Госуд. Изд-во. 63 стр.

Николаев, М. Воспоминания начальника боевой дружины (Декабрь 1905 г. на Пресне) С предисл. Ем. Ярославского. М. «Новая Москва» 68 стр.

(Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Воспоминания Старого Большевика под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Победоносцев, К. П. Письма Победоносцева к Александру III. С прилож. писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М. «Новая Москва» 384 стр.

Равдоникас, В. И. Исаакий Петрович Мордвинов. Очерк жизни и деятельности. (1871—1925 г.) Тихвин. 42 стр.

Романовы, Николай и Александра Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 год. Том IV С предисл. М. Н. Покровского М. Л. Госуд. Изд-во. XVI+438 стр.

Толстой, С. Л. Федор Толстой Американец. М. ГАХН. 108+[3] стр.

Цветкова, С. На баррикадах. 1905 год. По воспоминаниям работницы 2 изд. М. Л. Моск. Рабочий 32 стр.

Шульгин, В. В. Дни. Со вступ. статьей и пояснительными примеч. С. Пионтковского. Л. «Прибой» 208 стр.

Lettres des Grands—ducs à Nicolas II. Traduit de russe par M. Lichnewsky. Paris, Payot. 267 стр.

Внешняя политика

Ламздорф, В. Н. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890) Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. М. Л. Госуд. Изд-во. 396 стр. (Центрархив. Мемуары и дневники царских сановников).

Семенников, В. П. Политика Романовых накануне революции (От Антанты—к Германии) По новым документам. М. Л. Госуд. Изд-во 245+2 стр.

Шебунин, А. Н. Россия на ближнем Востоке Л. «Кубуч» 124 стр.

Scheller, E. Bismarck u. Russland. Marburg. N. G. Elwert'sche Verlh. VII+115 стр.

Общественная мысль

Плеханов, Г. В. Сочинения т. XXIII под ред. Д. Рязанова. История русской обществ. мысли в XIX в ч. I. М. Л. Госуд. Изд-во VII+457 стр. (Инст-т К. Маркса и Ф. Энгельса. Б-ка научного Социализма под общ. ред. Д. Рязанова).

Рабочее движение, 19—20 в.

Балабанов, М. Как возник и развивался рабочий класс в России. М. Л. Госуд. Изд-во. 94 стр.

Балабанов, М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. I. Крепостная Россия. 4 изд. М. «Экономическая Жизнь». 256 стр.

Владимирова, В. Ленский расстрел. М. Госуд. Изд-во. 58 стр.

Граве, Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.—февраль 1917 г. Пролетариат и буржузия. М. Л. Госуд. Изд-во VIII+414 стр.

20 лет Тульского Союза Металлистов Материалы по Организации и деятельности Союза Металлистов за время с 1906 по 1926 г. Тула. Тульский Истпарт и Тульск. Район. Ком-т. [4]+86 стр.

Драпкин, Я. Первое Мая в Гомеле (1896—1926) Гомель «Гомельский Рабочий» 44+[3] стр.

Дюбюк, Е. Очерки по истории рабочего движения в Костромской губ. Вып I-й. Рабочее движение в крепостную эпоху и во второй половине XIX столетия (до 1896 г.) Кострома. 48 стр.

История горнорабочих СССР. т. I. Юлий Гессен. История горнорабочих России до 60 г. г. XIX века. М. ЦК Союза Горнорабочих СССР. 271 стр.

История Пролетарской борьбы в г. Таганроге. Орган Истпарта Таганрогской организации Окружкома ВКП(б) № 4 Таганрог Истпарт. 34 стр.

Каменский, Г. Из истории борьбы польского пролетариата (1914—1918 г.г.) Перев. с польск. В. П. Дружина. Предис. Юз. Краснова. М. Л. «Красный Пролетарий» 117+[1] стр.

Куделли, П. Ф. Обуховская оборона в 1901 году (к 25-летию Обуховской обороны) Сборник. М. Л. Госуд. Изд-во. 72 стр.

О революционном прошлом Петербурского металлического завода (1866—1905). Сборник. Л. 51 стр. (Отд. Ленингр. Губ. Ком-та ВКП (б) по Изучению Октябрьской Революции и ВКП (б) и Истпарткомиссия Ленингр. Металлич. Завода.

Орлов, В. И. Вождь Высоковских рабочих В. А. Владыкин (Кот 1905 г. 18 ноября,—1 декабря 1925 г. М. «Новая Москва». 32 стр.

(Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Революционное Движение в Биографиях под ред. Ф. Кона, Виленского-Сибирякова и А. В. Шестакова).

Рабочий, Дмитрий. В тисках (Молодежь в царском подполье) Владимир, «Призыв». 78 стр.

Революционная борьба рабочих брянского завода и мальцовщины в годы империалистической войны. (1914—1916 г. г.) Под ред. Д. Глазмана. Брянск. Губком ВКП (б) 32 стр.

Сушкин, Г. Г. Маевки прошлого. Воспоминания о маевках 1901 и 1902 годов. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Сс-Поселенцев. 32 стр.

Шаповалов, А. На пути к марксизму (по дороге к марксизму). Записки рабочего революционера. В 3 частях Л. «Прибой» 270 стр. с портр.

Шелавин, К. Первое мая в России. От первого празднования по 1925 г. 4 изд. Л. «Прибой». 79 стр.

Щелканов, П. 1-е Мая—праздник борьбы. М. ЦК Союза Текстильщиков. 15 стр.

Ян, Г. и Янчевский, Н. Работа и борьба большевиков в Ростовских главных мастерских им. В. И. Ленина за 20 лет. Краткий очерк. Под ред. Л. Ильина и В. Толмачева Р. Д. Испарт.С. К Крайкома ВКП (б) X+60 стр.

Революционное движение

Балаков, Ф. К. Об'яснительная записка к схеме развития революционного движения в России с 1862 г. по 1925 г. Сост. Ф. К. Балаков. Л. «Прибой» 16 стр.

Беляевский, М. Л. От народничества к марксизму. Л. Губпрофсовет. 52 стр. (б-ка Рабоч. Самообразования. Под ред. Секции Самообразования Ленингр. Губполитпросвета).

Бреслав, Б. Конкордия Николаевна Самойлова. М. Л. Госуд. Изд-во. 16 стр. (Б-чка Работницы и Крестьянки. Серия «Биографий» № 2).

Вардин, И. Ворошилов. Рабочий вождь Красной Армии М. Л. Госуд. Изд-во. 32 стр.

Верхотурский, А. На революционном тракте. Двадцать лет назад. Очерки. М. Л. Моск. Рабочий. 98+[2] стр.

Зикторовский, Н. Г. Александр Ильич Ульянов 1866—1887. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Сс-Поселенцев. 31 стр.

Вожди Революции (Альбом портретов с краткими биографиями). М. Госуд. Изд-во. 24 отд. лист. портр.

Вожди Революции [Альбом портретов] Крымгосиздат. [16] отд. лист. портр.

Вороницын, И. История одного каторжанина. М. Л. Гос. Изд-во. 231 стр.

Высоцкий, А. Краткий очерк по истории революционного движения в Костромской губернии. Кострома 27 стр.

Гамбаров, А. В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. М. Моск. Рабочий. 147 стр.

Гелис, И. Памятка о революции в Крыму. М. 16 стр.

Дейч, Л. Четыре побега. 2 изд. М. Л. Госуд. Изд-во XIV+2+100 стр.

Деятели пролетарской революции. [Альбом потретов]. М. 4 стр.+24 листа портр.

Диачин, С. Революционная молодежь в Петербурге 1897—1917 г.г. (Исторический очерк) по воспоминаниям и архивным данным с прилож. прокламаций, нелегальных учеонич. журн. и архивных документов. Л. «Прибой» 244+[3] стр. (Отд. Ленингр. Ком-те РКП(б) по и учению истории Октябрьск. Революции и РКП(б) Ленингр. Истпарт).

Дрязгов, Г. Молодежь в революции Л. «Прибой». 106 стр.

Жуковский—Жук, И. И. Валериан Андреевич Осниский С предисл. Ф. Кона. М. «Новая Москва». 62 стр. с портр. Б-ка Раб.-Крест. Молодежи. Под общий ред. МК РЛКСМ. Серия «Революционное движение в Биографиях «под ред. Ф. Кона, Виленского Сибирякова и А. Шестакова (Никодима).

Из прошлого. Сборник воспоминаний 1903—1905 г. Пермь. 4+142 стр. (Уральский Областной Истпарт).

Иткина, А. Между двумя революциями [1905—1917 гг.] М. Л. Госуд. Изд-во 47 стр.

Кон, Ф. В каторге на Каре. М. «Новая Москва». 16 стр. (Б-ка Раб-Кр. Молодежи. Под общ. ред. МК РЛКСМ. «Воспоминания Старого Большевика» под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Кон, Ф. «Пролетариат». 1885—1925 С 26 портр. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев. 64 стр. (Дешевая б-ка журн. «Каторга и Ссылка» № 1—2).

Кон, Ф. Суд над партией «Пролетариат». М. «Новая Москва». 70 стр. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи. Под общ. ред. МК РЛКСМ. Серия «Воспоминания Старого Большевика» Под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Кропоткин, П. А. Петропавловская крепость и побег. Со вступ. очерком Н. К. Лебедева. М. «Новая Москва» 94 стр. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Серия «Воспоминания Старого Революционера» под ред. А. И. Елизаровой и. Ф. Кона).

Кропоткин, П. А. Побег. Л. «Прибой». 61 стр.

Лион, С. Е. Морской побег. Вып. III. М. «Новая Москва». 125 стр. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи «Воспоминания Старого Революционера» под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Лурье, Г. И. («Альберт») Антон Антонович Костюшко—Валюжанич 1876—1906. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Сс-Поселенцев. 32 стр.

На вахте революции. Историко—Революционной сборник № 2 Л. 109 стр.

Николаевский, Б. Конец. Азефа. С предисл. В. И. Невского. Л. Госуд. Изд-во. 79 стр.

Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей Фейзулы Ходжаева, Е. Федорова, Т. Рыскулова, С. Гинзбурга. М. Науч. Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР. 152+[1] стр.

Первое Мая в тюрьме и ссылке. Сборник воспоминаний. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Сс-Поселенцев. 32 стр.

Прокламации 60-х годов. М. Моск. Рабочий. 80 стр.

Пролетарская революция в образах и картинах. Под общ. ред. С. И. Мицкевича. Л. Музей Революции СССР. 132 стр.

Пузаков, З. В дебрях Амурской тайги. Из воспоминаний полит-каторжанина. Пенза. 24 стр.

Путеводитель по Музею Революции. Под общ. ред. директора Музея Революции Союза ССР С. И. Мицкевича Составлен Науч. Сотрудниками Музея. М. Музей Революции ССР. 88 стр.

Рябиков (Младенец Старший) На положении провокатора (Тюремные воспоминания). М. «Новая Москва» 32 стр. (Б-ка Раб-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Воспоминания Старого Большевика под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Сандомирский, Г. В неволе. Очерки и воспоминания. Л. «Прибой». 188 стр.

Свердлов, Я. М. Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.) М. «Гудок». 64 стр.

Сибиряков, С. В каменном мешке. Рассказы из тюремной жизни. С портр. автора. М. «Прибой». 128 стр. (Всесоюзное о-во Политич. Каторжан и Ссыльно-Поселенцев).

Скобенников, А. И. Во Владимирской каторжной тюрьме 1907—1911 г.г. Владимир. «Призыв» 23 стр.

Спиридович, А. И. При царском режиме. Записка Начальника охранного отделения. М. «Гудок». 64 стр.

Сталь, Л. Год за тюремной решеткой. М. Госуд. Изд-во. 30 стр. (Б-чка Работницы и Крестьянки. Серия »Историко—Революционная» № 9).

Стеклов, Ю. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность 1814—1876. В трех томах. т. I. 1814—1861. 2 изд.—М. Коммун. Акад. 565 стр.

Сто лет политической каторги. 2-й Всесоюзный Съезд поликаторжан 26-29 декабря 1925 г. М. 66 стр. (Всесоюзное О-во Политич. Каторжан и Ссылно-Поселенцев 1825—1905—1925).

Столпянский, П. Н. Петропавловская крепость колыбель Петербурга и защита самодержавия. Путеводитель. Л. Госуд. Изд-во. 53+[3] стр. с илл.

Федорченко. Л. С. (Чаров, Н). Вера Ивановна Засулич. Жизнь и деятельность. М. «Новая Москва». 92 стр. с портр. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК. РЛКСМ Серия «Революционное движение в биографиях» Под ред. Ф. Кона, Виленского—Сибирякова и Шестакова (Никодима).

Фигнер, В. Александр Михайлов. М. «Новая Москва». 61 стр. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Революционное Движение в Биографиях под ред. Ф. Кона, Виленского—Сибирякова и А. Шестакова).

Швецов, С. П. Провокатор Окладский. 2 изд. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Сс-Поселенцев. 32 стр.

Шидловский, Г. Товарищ Раков. Очерк жизни и деятельности Александра Семеновича Ракова с прилож. воспоминаний о гражданской войне 1917—1918 г. в Финляндии, статей и предсмертных писем его и документов о нем Л. «Прибой». 80 стр.

Шаповалов, А. На пути к марксизму (по дороге к марксизму) записки рабочего. Революционера. В 3 частях Л. «Прибой». 270 стр, с портр.

Шумяцкий, Я. Революционная провинция (записки пролетария). М. «Новая Москва». 84+[1] стр. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Серия «Воспоминания старого большевика» под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Figner, W. Das Attentat auf den Zaren Alexander II. Einleitg. von I. Iussow. (Übes. aus d. Russ). Berlin. Malik Verlag. 76 стр.

Unser Bakunin. III. Erinnerungsblätter. Berlin. Verlag der syndikalist. F. kater. 56 стр.

Декабристы

Белявский. А. К. Декабристы в Забайкальи. Популярный исторический очерк. Сретенск, изд. автора 29 стр.

Бестужев, Н. А, Декабрист. Дневник путешествия от Читы. Под ред. М. Азадовского. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР. Л. 7 стр. [Отд. Оттиск из сборника «Атеней». кн. III.]

Бунт декабристов. Юбилейный сборник 1825—1925. Под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л. «Былое». 400 стр.

Войтоловский, Л. Декабристы. 1825—14 декабря 1925. М. Л. «Красный Пролетарий» 32 стр.

Герцен, А. И. Русский заговор 1825 г. С предисл. М. Н. Покровского. М. Л. Госуд. Изд-во. 23 стр. (1825—К столетию Восстания Декабристов—1925).

Гессен, С. Я. и Коган, М. С. Декабрист Лунин и его время. Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР Л. «Наука и Школа». 312 стр.

Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Приготовил к печати и

снабдил примеч. Е. Якушкин. М., М. и С. Сабашниковы. 156 стр.

Декабристы. Новые тексты Л. 34 стр. (Труды Пушкинского Дома Академии Наук).

Декабристы. Сборник материалов. Л. «Прибой». 251 стр.

Дружинин, Н. М. Кто были декабристы и за что они боролись? 2 изд. М. Всесоюзное О-во Поликаторжан и Сс-Поселенцев. 128 стр.

Иваницкий, С. Вождь декабристов (П. И. Пестель) Л. Госуд. Изд-во. 52 стр.

Конарский, Ю. (Мошинский) Вожди декабристов. М. «Новая Москва». 120 стр. с илл. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ. Революционное Движение в Биографиях под ред. Ф. Кона, Виленского-Сибирякова и А. В. Шестакова (Никодима).

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. М. Л. Госуд. Изд-во. 246+[2] стр.

Модзалевский, Б. Л. Роман декабриста Каховского, казненного 13 июля 1926 года. Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР. Л. Госуд. Изд-во. 126 стр.

Оксман, Ю. Г. Декабристы. Отрывки из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М. Госуд. Изд-во. IV +483 стр.

Памяти декабристов Сборник материалов I с портр. и снимками. Л. Академия Наук СССР. 7+248 стр.+9 вклад. листов портр. и факсимиле.

Памяти декабристов. Сборник материалов II. Л. Академия Наук ССС. [3]+233 стр.

Плеханов, Г. 14 декабря 1825 года. Речь, произнесенная на Русском Собрании в Женеве 14 (27) декабря 1900 года С предисл. М. Н. Покровского. М. Л. Госуд. Изд-во. 21 стр. (1825—к столетию Восстания Декабристов—1925)

Сказин, Е. В. Буржуазные революционеры (Декабристы) М. «Прометей». 75 стр.

Тайные общества в России в начале XIX столетия Сборник Материалов, статей и воспоминаний. М. Всесоюзное О-во Политич. Каторжан и Ссыльно-Поселенцев, 215 стр.

Труды Госуд. Историч. Музея. Вып. II. Разряд исторических источников. Неизданные письма М. Н. Волконской. Предисл. и примеч. О. И. Попова. М., М. и С. Сабашниковы. 142 стр.

Фирсов, Н. Н. проф. Герои 14-го декабря. Популярный очерк. Социально-психологическая характеристика. Л. «Былое». 93 стр.

Штрайх, С. Я. О пяти повешенных Пестель, Муравьев—Апостол, Бестужев —Рюмин, Рылеев, Каховский. С портр. и снимками. Составил С. Я. Штрайх. М. «Жизнь и знание». 223 стр. с илл. (Биб-ка Документов, Записок и Воспоминаний. Кн. 23. К Столетию восстания декабристов.

Щеголев, П. Е. Декабристы. М. Л. Госуд. Изд-во. 362 стр.

Якушкин, И. Д. Записки И. Д. Якушкина. 7 изд. дополн. и исправл. М. «Современные Проблемы». 191 стр., с портр.

Петрашевцы

Щеголев, П. Е. Петрашевцы в воспоминаниях современников Сборник материалов. Составил П. Е. Щеголев. С предисл. Н. Рожкова. М. Л. «Красный Пролетарий» XX+295 стр.

Группа «Освобождение труда»

Группа «Освобождение Труда» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Под ред. Л. Г. Дейча при ближайшем участии Л. И. Аксельрод, Р. М. Боград-Плехановой и Э. М. Зиновьевой — Дейч. Сборник № 4. М. Л. Госуд. Из-во. 418 стр.+(Ком-т по увековечению памяти Г. В. Плеханова)

Революция, 1905

Альбом революционной сатиры. 1905—1906 г.г. Под общ. ред. С. И. Мицкевича. М. Госуд. Изд-во. 127+[2] стр.

Борисова, К. Москва в баррикадах. М. Госуд. Воен. Изд-во. 42 стр.

Дагестан в 1905 году — Махач—Кала (б. П.— Петровск.). 12 стр. (Центр. Комиссия по Проведению XX летия 1905 г. при ДЦИК'е)

Дальняя, С. Первые шаги (1905 г.) С предисл. Н. К. Крупской. М. Л. Госуд. Изд-во 32 стр. с илл. (б-чка Работницы и Крестьянки. Серия «Историко-Революционная» № 8)

Златоуст. Революционное движение 1896 — 1905 г.г. Под ред. А. Таняева. Свердловск Уралкнига 66 стр. (Истпарт Уралобкома РКП(б).

Ибрагимов, Г. Татары в революции 1905 года. Перев. с татарск. Г. Мухамедовой, под ред. Г. Ф. Линсцера. Казань. Госуд. Изд-во IV+259+IV стр. (Комиссия по Проведению Двадцатилетия Революции 1905 г. при ТЦИК'е и Истпартотдел ОК ВКП(б) ТР)

Косаткин, К. Первая российская революция Л. «Прибой» 70 стр.

Лядов, М. Н. Наша первая революция М. Коммун. Унт им Я. М. Свердлова 27 стр.

Малышев, С. Боевые странички 1905 г. Л. «Прибой» 59 стр. (б-ка для Всех № 255 — 256)

Матвеев, А. и Тарасов, В. Большевистская организация и Сестрорецкие рабочие в 1905 г. М. Л. Госуд. Изд-во 54+[2] стр.

Первая русская революция и международное рабочее движение. Л. «Кубуч» 89 стр.

Путеводитель по юбелейной выставке революции 1905 года. М. Музей Революции ССР. 69 стр.

Пятый год. Сборник второй. Под ред. М. Милютиной М. Л. Моск. Рабочий. 328+[3] стр.

Ратгаузер, Я. А. Важнейшие события 1905 года. Ростов-Дон. «Севкавкнига» 76 стр. Сев-Кавказ Крайком РКП(б) и комиссия при Сев-Кав. Крайисполкоме по Проведению юбилея 1905 года)

Революция и РКП(б) в материалах и документах (хрестоматия) Т. III 1905 год Составила Р. Хабас. Под ред. М. Васильева — Южина. 2 изд. переработ. М. и Л. Гос. Изд-во V.+460 стр.

Революция 1905 года на Северном Кавказе. Сборник материалов и документов № 1 Р/Д «Севкавкнига» [5]+310+[4] стр. (Комиссия Сев-Кав. Крайисполкома по Проведению 20-летия Революции 1905 г. и Истпарт (Отд. по Изучению Истории Октябрьской Революции и ВКП(б) Сев-Кав. Крайкома ВКП(б).

Ротенберг, Н. Первая русская революция 1905 г. Л. «Прибой» 108+[3] стр.

Сверчков, Д. Три метеора. Г. Гапон. Г. Носарь. А. Керенский. Л. «Прибой» 253 стр. с портр.

Сеф, С. Е. Буржуазия в 1905 году. По неизданным архивным материалам. М. Л. Госуд. Изд-во. 128 стр.

Токарев, Н. Календарь революции 1905 года на Дону. Ростов Дон Севкавкнига 44 стр. (Истпарт Сев. Кав. Крайкома РКП(б) и Комиссия при Сев. Кав. Крайисполкоме по Проведению юбилея 1905 г.).

1905 год. Альбом—сборник Уфа «Красная Башкирия» 31 стр.

1905 год в Карелии. Сборник. Под ред. П. И. Буткевича, Я. Э. Витранен. М. А. Гудошникова, Н. В. Хрисанфова. Петрозаводск. 8+179 стр.+5 вклад. лист. портр. (Комиссия по Проведению 20-летия 1905 г. при ЦИК АКССР).

1905 год в Костроме. Сборник Статей под ред. Я. А. Андреева. Кострома. 163+]1] стр. (Губ. Комиссия по Организованию Празднования 20-летия Революции 1905 года. Истпартотдел. Костромск. Губкома РКП(б).

1905 г. в Нижегородском крае (Рабочее и профессиональное движение) К 20-летнему юбилею 1905 г. Нижний-Новгород. Истпроф НГСПС 187 стр.

1905 год в Орловском Крае Орел. Истпартотд. Орл. Губкома ВКП(б) 120 стр.+[1] стр. (Комиссия при Орловск. Губисполкоме по организации Празднования 20-летия Революции 1905 г. Испартотд. Орловск. Губкома ВКП(б).

1905 год в Ростове на Дону Сборник под ред. В. Толмачева и П. Баранчикова. Р/Д «Севкавкнига» 384 стр.

1905 год в Саратовской губернии (по материалам Жандармского Управления) Сборник статей. Вып. I. Саратов, Сарсовпарт. изд-во. 179 стр. с факсимиле+[1] стр. (Комиссия при Саратовск. Губисполкоме по Организации Празднования 20-летия Революции 1905 года. Истпартотд. Саратовск. Губкома РКП(б)

1905. Материалы и документы. Под общ. ред. М. Н. Покровского. М. Л. Госуд. Изд-во. VIII+1+460 стр. (Комиссия ЦИК СССР по Организации Празднования 20летия Революции 1905 г. и Истпарт. ЦК ВКП(б).

Харечко, Т. 1905 г. в Донбассе. Л. «Прибой» 143 стр.

Чевердин, А. Ф. 1905 и 1917 г.г. на Днепре М. РИО ЦК Водников 233+1 стр.

Черновский, А. Первая русская революция 1905 года. Л. Губпрофсовет. 36 стр. (б-ка Рабоч. Самообразования. Под ред. Секции Самообразования Ленингр. Губполитпросвета).

Шумяцкий, Б. Красноярское восстание (1905 г.) М. «Новая Москва». 56 стр. (б-ка Раб-Крест. Молодежи под общ. ред. МК РЛКСМ «Воспоминания Старого Большевика». Под ред. А. И. Елизаровой у Ф. Кона).

Янчевский, Н. Новороссийская и Сочинская Республики в 1905 году. Ростов-Дон «Севкавкнига» 103 стр. (Истпарт Сев-Кав. Крайкома РКП(б) и Комиссия при Сев-Кав. Крайисполкоме по Проведению юбилея 1905 г.).

Ярославский, Е. 1905. Инструктивный доклад тов. Е. Ярославского 25 ноября 1925 г. в Красном зале МК М. Л. Моск. Рабочий 68 стр. (Агитпроп РКП(б).

Lenin. Das Jahr 1905 (Aus den Schriften Lenins) Pokrowsk «Nemgosisdat». 24 стр.

Lenin, W. I. Rede über die russische Revolution von 1905. M. Zentral- Verlag der Völker des SSSR. 32 стр.

1905 rok w Polsce. Zbiór artykułów pod redakcja J. Krasnego. M. Centralne Wydawnictwo Ludów SSSR. 119 стр.

Движение в армии и флоте

Воробьев, Ц. Два лейтенанта Революционер Шмидт и его палач Ставраки. К 20-летию восстания Черноморского флота (По материалам Верховного Суда) М. «Жизнь и Знание» 62 стр. (б-ка Документов записок и Воспоминаний. Кн. 24-ая).

Голодец, М. 1905 год в армии и флоте. М. Госуд. Воен. Изд-во. 53+[1] стр. (Моск. Губ. Комиссия по Проведению 20-летнего юбилея Революции 1905 г.).

Егоров, И. В. 1905. Восстания в Балтийском флоте в 1905—06 г.г. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова» Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Составил

И. В. Егоров под ред. Ленингр. Истпарта. Л. «Прибой» 162 стр. (отд. Ленингр. Губ. Ком-та РКП(б) по Изучению истории Октябрьск. Революции и РКП(б) и Комиссия Ленингр. Губ. Исполн. ком-та. Раб. Кр. и Кр-арм. Деп. по Организации Празднования 20-летия Революции 1905 г.).

Ильин, Л. Восстание 2-го Урупского Казачьего полка в 1905 году. Ростов-Дон. Севкавкнига. 71 стр. (Истпарт Сев-Кав. Крайкома РКП(б) и Комиссия при Сев-Кав. Крайисполкоме по проведению юбилея 1905 г.).

Платонов, А. Как, флот боролся за свободу. Под ред. Ц. Валь. 2 изд. Л. 40 стр.

Slang Panzerkreuzer Potemkin Der Matrosenaufstand von Odessa 1905. Berlin. Malik—Verlag. 79 стр.

Девятое января

Виленский — Сибиряков, В, Кровавое Воскресенье 9/22 января 1905 г. 3 изд. М. Всесоюзное О-во Политкаторжан и Сс. Поселенцев. 16 стр.

Головня, В. 9 января 1905 г. об'яснительный текст к серии диапозитивов Под ред. Ученого Специалиста Музея Рев. СССР Б. Я. Закса М· Моно. 32 стр.

Горев, М. Гапон и 9-е января. Исторический очерк. М. «Безбожник» 30 стр.

И. Э. Кровавое Воскресенье (9 января 1905 г.). М. Л. «Молодая Гвардия» 45 стр. с илл.

Кон, Ф. Девятое января. 2 изд. М. Л. Госуд. Изд-во 27 стр.

Декабрьское восстание в Москве

Ярославский, Е. Вооруженное восстание в декабре 1905 года. М. Л. Госуд. Изд-во. 81+[2] стр. (Комиссия ЦИК СССР по организации Празднования 20-летия Революции 1905 года и Истпарт ЦК РКП(б).

Карательные экспедиции

Малиновский. И. «Подвиги» Полтавского Советника Филонова. Л. «Прибой» 24 стр.

Янсон, П. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905—1907 г. г. (По материалам II Госуд. Думы). Л. «Прибой». 87 стр.

Крестьянское движение

Астровы, А. и В. Крестьянское движение в революции 1905—1907 г.г. Пособие для деревенских пропагандистов. М. Госуд. Изд-во 126 стр.

Городцов, А. И. Крестьянское движение в 1905 г. Л. Госуд. Изд-во 50+2] стр.

Деревня в 1905 году (по воспоминаниям селькоров). Со вступ. статьей С. И. Канатчикова М. Л. «Земля и Фабрика» 208 стр.

Шестаков, А. Крестьянская революция 1905—1907 г.г. в России. М. Л. Госуд. Изд-во. 120 стр. (Комиссия ЦИК СССР по организации Празднования 20-летия Революции 1905 года и Истпарт ЦК РКП(б).

Рабочее движение

Анисимов, С. Дело о восстании на Екатерининской ж. д. М. Л. «Истпрофтран» ЦКЖД. 205 стр.

Базилевич, К. В. Основные моменты профессионального движения работников связи в 1905 — 1906 г.г. М. ЦК Союза связи 48 стр.

Баранов, А. и Мутных, В. Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Сборник материалов и документов. Составлен А. Барановым и В. Мутных. Под ред. и со вступ. статьей А. Таняева. Свердловск. Уралкнига 219 стр.

Белозеров, А. Записки по рабочему движению Нижегородского края; 1. На заре рабочего движения. 2. Год первой революции (1905). Н-Новгород. Истпроф НГСПС 139 стр.

Куделли, П. Ф. Работница в 1905 г. в С-Петербурге. Сборник статей и воспоминаний. Составила П. Ф. Куделли. Л. «Прибой» 88+[2] стр., с порт. (Отд. Ленингр. Губ. К-та РКП (б) по изучению истории Октябрьск. Революции и РКП (б) Ленингр. Истпарт).

Лебедев, Н. Первые шаги нашего союза. По истории Союза Текстильщиков 1905—1907 год. М. ЦК Союза «Текстильщиков». 29 стр.

Лутышев, Г. И. Рабочая молодежь в 1905 году. Л. «Прибой». 31 стр.

Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905—1907 г.г. Л. Губпрофсовет. 264 стр.

Мурашев, П. Надеждинск (1905 год в Надеждинском заводе). Очерк. Свердловск. Уралкнига 64+[2] стр. (Истпарт Уралобкома РКП (б).

Осипов, Н. Н. Профессиональное движение и Костромской губ. в годы первой революции. Под ред. Я. А. Андреева. Кострома. 73+1 стр.

Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева в 1905 г. С предисл. Б. А. Романова. М. Вопросы труда. XIX+280++[4] стр.

Сытинцы в 1905 году, Сборник воспоминаний рабочих 1-ой Образцовой типографии (б. Сытина). М. Ячейка РКП (б) и Заводской Ком-т 1-ой Образцовой тип. Госиздата. 124 стр. с иллюстр.

1905 г. в Сормове. Очерк Сормовского истпарта. Сормовск Истпарт 159+[2] стр.

1905. Материалы и документы под. общ. ред. М. Н. Покровского (Профессиональное движение. Составили А. Кац

и Ю. Милонов). М. Госуд. Изд-во. VIII+380 стр.

Филиппов, Д. и Черменский, П. 1905 год. Рабочее движение и развитие социал-домократии в Тамбовской губ. Тамбов. 72 стр. (Комиссия Тамбовск. Губисполкома по Организации Празднования Революции 1905 г. в Испартотд. Губкома ВКП (б).

Советы Рабочих Депутатов

Высоцкий, А. Костромской Совет Рабочих Депутатов. 1905 г. Кострома. 52 стр. (Комиссия по Организации Празднования 20-летия Революции 1905 года при Костромск. Губисполкоме. Истпартотдел Губкома ВКП (б).

Кривошеина, Е. Петербургский Совет Рабочих Депутатов в 1905 году. М. Вопросы труда. 722+[2] стр.

Кривошеина, Е. Советы Рабочих Депутатов в революции 1905 г. Проблема образования революционной власти. Л. «Прибой». 722+[2] стр.

Куделли, П. Ф. и Шидловский, Г. Л. 1905. Воспоминания членов СПб. Совета Рабочих Депутатов. Составили П. Ф. Куделли и Г. Л. Шидловский. Л. «Прибой». 244 стр. (Отд. Ленингр. Губ. Ком-та РКП (б) по Изучению Истории Октябрьск. Революции и РКП (б) и Комиссия Ленингр. Губ. Исполн. Ком-та Сов, Раб. и Кр-арм. и Кр. Деп. по организации Празднования 20-тилетия Революции 1905 г.).

Революция, 1917. Февраль—Октябрь

Кривошеина, Е. П. Февральская революция М. «Моск. Рабочий». 45+[1] стр.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Ред. П. Е. Щеголев. М. Л. Госуд. Изд-во. Т. 1. 2 изд. 462+[2] стр. Т. 5. IV+473+[1] стр. Т. 6. 416 стр.

Сверчков, Д. Три метеора. Г. Гапон. Г. Носарь. А. Керенский. Л. «Прибой». 252 стр. с портр.

Экономическая история

Греков, Б. Д. История русского народного хозяйства (Материалы для лабораторной проработки вопроса). Промышленный капитализм (дореформенный период). Составили проф. Б. Д. Греков и И. М. Троцкий. Л. Брокгауз—Ефрон. VIII+293 стр.

Miller (Margaret S.). The Economic development of Russia, 1905—1914: with special reference to trande, industry, and finance. 326 стр. P. S. King.

СССР—Октябрьская революция, 1917

Алексеев, С. А. Октябрьская революция. Составил С. А. Алексеев. С примеч. А. И. Усагина. М. Л. Госуд. Изд-во XXXVI+432 стр. (Революция и Гражданская война в описаннях белогвардейцев).

Войцекян, А. Вехи Октября (1917 г. в Бронницком уезде). М. Моск. Ком-т ВКП (б). Истпарт. 95 стр.

Ленин, В. И. Об Октябрьской Революции. Составил и снабдил примеч. М. Пошерстник. Предисл. С. Кривцова. М. Л. Госуд. Изд-во .94 стр. (Ленинская б-ка партийца под общ. ред. С. С. Кривцова).

Никольский, Н. Д. и Чистяков, В. М. Школьная летопись Октябрьской революции (конспективное руководство по собиранию и проработке материалов к 10-летию Октябрьской революции). Тверь. 20 стр.

Путь к Октябрю. Сборник статей, воспоминаний и документов. Под ред. М. В. Милютиной. Вып. 5. М. Моск. Рабочий. 247 стр. (Моск. Ком-т ВКП (б) Истпарт).

Рябинский, К. Революция 1917 года (хроника событий). Т. 5. Октябрь. М. Л. Госуд. Изд-во. 308 стр.

Гражданская война 1917—1922

Алексеев, С. А. Начало гражданской войны. Составил С. А. Алексеев. Под ред. и с предисл. Н. Л. Мещерякова. М. Л. Госуд. Изд-во. XXIV+477 стр. (Революция и Гражданская Война в Описаниях белогвардейцев).

Бонч-Бруевич, В. Переезд советского правительства из Петрограда в Москву (По личным воспоминаниям). М. «Жизнь и Знание», 19 стр.

Борьба за Советы на севере (1918—1919) Истпарт. Архангельск. 182 стр.

Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контр-революцией. Под ред. И. Н. Смирнова, И. П. Флеровского и Я. Я. Грунта. М. Госуд. Изд-во 13+388+[2] стр. (Истпарт Отд. ЦК ВКП (б) по изучению Истории Октябрьской Революции).

Быков, П. М. Последние дни Романовых. Под ред и предисл. А. Таняева. Свердловск. Уралкнига. 128 стр.+6 вклад. листов илл.

Быков, П. М. Последние дни Романовых. Под ред. и с предисл. А. Таняева. 2 изд. Свердловск. Уралкнига 127+[2] стр.

Венус, Г. Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. М. Л. Госуд. Изд-во. 227 стр.

Калинин, И. М. Русская Вандея М. Л. Госуд. Изд-во. IV+360 стр.

Кац, М. Сборник. Ингушетия в огне. (Очерк ингушетской действительности в годы гражданской войны). Владикавказ. «Авиахим». 4+43 стр.

Крицман, Л. Героический период Великой Русской Революции. 2 изд. М. Госуд. Изд-во. 272 стр.

Лудри, И. Как флот отстаивал завоевания Октября. Под. ред. В. Валь. 2 изд. Л. 40 стр.

Раскольников, Ф. Из моих воспонинаний (На Октябрьских фронтах). М. «Рабочая Москва». 43 стр. Библиотечка революционных приключений № 17.

Савинков, Б. Посмертные статьи и письма. М. «Огонек». 40 стр.

Субботовский, И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор. (Исключительно по официальным архивным документам (б) Колчаковского правительства). Л. «Вестник Ленинградского Совета». 328 стр.

Цеткин, К. «Кавказ в огне» (Восстание 1924 г.). Перев. с рукописи под ред. С. Шевердина. М. «Моск. Рабочий». 319 стр.

Шульгин, В. В. 1920 год. С предисл. и примеч. С. Пионтковского. Л. «Прибой». 216 стр.

Faussaires (les) contre les Soviets Matériaux pour servir à l'histoire de la lutte contre la Révolution russe. Paris 137 стр.

Kessel, J. Makhno et sa juive. Argenteuil—Paris. 161 стр.

Воспоминания, письма и т. п.

Кугель, А. Р. (Homo Novus) Листья с дерева. Воспоминания. Л. «Время».212 стр.

Львов, Л. (Клячко, Л. М). За кулисами старого режима (Воспоминания журналисты) т. I. Л. 155+1 отр.

Станкевич, В. Б. Воспоминания 1914—1919 г. Л. «Прибой». 194 стр.

Шульгин, В. В. Дни. Со вступ. статьей и пояснительными примеч. С. Пионтковского. Л. «Прибой» 208 стр.

Berkman (Alexander) The Bolshevik myth: Diary, 1920—1922 319 стр. Hutchinson

Cantacuzéne, Princess. Countess Spéransky, née Julia Dent Grant Rewolutionary days; recollections of Romanoffs and Bolsheviki, 1914—1917[new ed] 411 стр. N.Y., Scribner.

Cherep-Spiridovich, Maj.—Gen, Count. The secret world Government, or «The hidden hand»; the unrevealed in history; 100 historical «mysteries» explained. 195 стр. N. Y., Anti—Bolshevist Pub. Ass'n, 15, E.

Doubassoff (Irene) Ten months in Bolshevik prisons. 330 стр. Black wood.

Eggers, A. Baltische Lebenserinnerungen. Heilbronn Salzer. 348 стр.

Gilbreath, Olive Jf today have no tomorrow. 369 стр N. Y., Dutton

Guest (L. Haden) The new Russia 488 стр. F. Butterworth.

Gurland, R. Götterleben in Gëfängnissen. Kurland unter d. Bolschewistenherrschaft. 1919. Leipzig. Sächs. Verlags Gesellschaft. VII, 47 отр.

Doebler, E. Briefe aus dem Bolschewiken—Gefängnis (Riga 1919) an seine Frau Alma, geb. von Samson—Himmelstjerna. Gütersloh, Bertelsmann. 131 стр.

Letters from Russian prisons: reprints of documents by political prisoners in soviet prisons, prison camps and exile, ets. With intro. Letters by 22 well—known European and American authors. 337 стр. C. W. Daniel,

Ossendowski, F. De la présidence à la prison Introduction de L. S. Palen. Trad. de l'anglais, par R. Renard Paris, Plon—Nourrit et Cie II+312 стр.

Popoff, G. La Tschéka. Mon emprisonnement et mes aventures a la Loubjanka. Traduit par C. Knoertzer. Paris. Plon—Nourrit et Cie 307 стр.

Russie (la) sous le régime Communiste. Réponse au rapport de la delégation des Trades—Unions britanniques, basée sur, la documentation officielle soviétique- âvec une préface de H. Bourgin. Paris. Nouvelle Libr. nationale XII+575 стр.

Schoenaich, P. Lebende Bilder aus Sowjet—Russland. 2 Aufl. Halberstadt. H. Meyer's Buchdr., Abt. Verb. 120 стр.

Tweedie (Mrs Alec). An Adventurous joumey Russia,—Siberia—China. With 4 water—colour sketches, by the author, 2 maps and 66 ather illus. 405 стр. Hutchinson,

Wrangel (baron N) Du servage au bolchevisme. Souvenirs du baron N Wrangel (1847—1920). Paris. Plon — Nourrit et Cie. 355 стр.

Дипломатическая история

Левидов, М. Чья рука? (Убийство Нэтте) Очерки из жизни и деятельности погибших за границей дипломатических представителей СССР. М. Л. Госуд. Изд-во. 62 стр.

Местная история и краеведение

Александров, Б. В, Сокольников, М. П. и Экземплярский, П. М. Наш край. Историко-культурный сборник. Составили Б. В. Александров, М. П. Сокольников и П. М. Экземплярский. Под ред. Иваново-Вознесенск. Губ. Науч. О-ва Краеведения. Иваново-Вознесенск. «Основа» 303 стр.

Богданов, М. Н. Очерки истории Бурят-Монгольского народа. С дополнительными статьями Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина. Под ред. проф. Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск. Бурят-Монгольское изд-во. VII+229+[4] стр.

Вахизов, С. Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края. Отдельн. оттиск из «Вестника Науч. О-ва. Татароведения» № 4 Казань. 12 стр.

Гатуев, К. Зелимхан. Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе Р Д «Севкавкнига» 195 стр.

Гудошников, М. А. Петрозаводск. Культурно-Исторический очерк. Петрозаводск. 3+55 стр.

Еврейская Летопись. Ред. Коллегия Л. М. Айзенберг, И. А. Клейнман, Л. М. Клячко и проф. С. Г. Лозинский. Отв. ред. Л. М. Клячко. Сборник 4 Л. М. «Радуга». 196+[4] стр.

Иванов, А. И. Кляземский городок, бывший удельный городок Стародуб. Из «Трудов Владимирского областного Музея» Вып. II. Владимир. «Призыв» 17 стр.

Коробкова, Э. и Поляк, Л. Как царская власть преследовала евреев. С рис. М. Л. «Красный Пролетарий» 45 стр.

Леви-Бабович, Т. С. Три странички 1) Страничка «Из истории Караимов в Крыму» 2) Страничка из книги «О приурочении гор. Фуллы к гор. Ч.-Кале» и 3) Страничка из книги «Последние нападки на А. Фирковича» Севастополь 44 стр.

Лола, М. О кубанском казачестве Р/Д «Севкавкнига». 102+3 стр.

Лунин, Б. В. Кобяковское городище. Р/Д. 15 стр- (Материалы по Археологии Юго-Востока России Кн. 1 вып. 1).

Лунин, Б. В. Северо-Кавказское Краевое О-во археологии, истории и этнографии (1922—1926 г.) Р/Д. 7 стр.

Палашенков, А. Ф. От чего Смоленск получил свое название (Опыт проверки имеющихся в литературе домыслов) Смоленск. А. Ф. Палашенков. 24 стр.

Смолин, В. Ф. Раскопки «Шолома» в с. Балымерах, Спасского кантона ТССР в 1925 г. (Оттиск из Известии О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Каз. Гос. Университете, т. XXXIII, вып. 2—3) Казань «Гажур«. (113—130)+[2] вклад. лист илл.

Труды Владимирского Госуд. Областного Музея. Вып. II. Материалы по изучению Владимирской губернии. Под ред. Директора Музея А. И. Иванова. Владимир «Призыв». 104 стр.

Bloodivorth, Mrs J. Akers. Getting acquainted with Georgia [story] 253 p. Dallas, Tex., Southern Pub.

Hollander, B. Riga im 19 Jahrhundert. Ein Rückblick. Riga G. Löffler. VII, 102 стр.

ВКП(б).—История

Альбом по истории ВКП(б). Под общ. ред. директора Музея Революции ССР. С. И. Мицкевича. Составлен науч. Сотрудниками Музея. М. Музей Революции Союза ССР. [6]+30 стр.+[42] лист порт.

Бубнов, А. Основные вопросы истории ВКП(б). Сборник статей. 4 изд. М. Л. «Красный Пролетарий«. 141 стр.

Ваганян, В. Две заметки по спорным вопросам истории ВКП(б) М. Госиздат. 67 стр.

Волосевич, В. Самая краткая история ВКП(б) (Доведенная до XIV с'езда партии включительно). М. Л. Госуд. Изд-во. 164 стр.

К. Е. Ворошилов. Нар. Комиссар по Военным и Марским Делам и Председатель Революционного Военного Совета СССР. М. «Рабочая Москва« 16 стр. Моск. Ком-т ВКП(б).

Гопнер, С. Как складывалась ВКП(б) Всесоюзная Коммунистическая Партия (б). Л. Госуд. Изд-во. 30+2 стр.

Дембо, В. Путь Котовского. От партизанщины—к коммунизму. Сборник. С автобиографией Г. И. Котовского. 12 портр. и фото. М. Центр. Совет О-ва Бессарабцев, 77+[1] стр.

Дунаев, Б. Михаил Павлович Томский. Краткий биографический очерк. Составил Дунаев, Б. М. «Труд и Книга» 40 стр.

Захарова—Цедербаум, К. И. и Цедербаум, С. И. Из эпохи «Искры» (1900—1905 г.г.) предисл. В. И. Невского. М. Л. Госуд. Изд-во. 162 стр.

Зиновьв, Г. Сочинения. Т. IV. Борьба за большевизм. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1913—1914 г.г.) Л. Госуд. Изд-во. 615 стр.

Зиновьев, Г. История Российской Коммунистической Партии (большевиков). Популярный очерк в шести лекциях. Р/Д «Севкавкнига». 267 стр.

Искра №№ 1—52. Декабрь 1900—ноябрь 1903. Полный текст под. ред. и с предисл. П. Лепешинского и со вступ. стат. Н. Крупской. Вып. 2. №№ 8—15. Л. «Прибой». IV+148 стр. (Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по Изучению Истории Октябрьской Революции и ВКП(б).

История ВКП(б) Т. I в. 1. Составили Е. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов и О. Римский. Под общ. ред. Е. Ярославского. М. Госуд. Изд-во. 394 стр.

Ленин, В. И. Организационные основы партии. Составил и снабдил примчаениями М. Пошерстник. Предисл. С. Кривцова М. Госуд. Изд-во. 80 стр. (Ленинская б-ка Партийца под общ. ред. С. С. Кривцова).

Лядов, М. Из жизни партии накануне и в годы первой революции (Воспоминания) М. Коммун. Ун-т им. Я. М. Свердловска. 208 стр.

Матвеев, А. и Тарасов, В. Большевистская организация и Сестрорецкие рабочие в 1905 г. М. Л. Госуд. Изд-во. 54+[2] стр. (Отд. Ленингр. Губ. Ком-та ВКП(б) по Изучению Истории Октябрьск. Революции и ВКП(б) и Истпарткомиссия Сестрорецк. Оружейного завода им. С. Воскова.

Наумов, И. Тов. Володарский Л. «Прибой». 23 стр.

Невский, В. И. История РКП(б). Краткий очерк. 2 изд. Л. «Прибой». IV+462 стр.

Новая Жизнь. Первая легальная с-д. большевистская газета 27 октября—3 декабря 1905 года. Полный текст под ред. и с предисл. М. Ольминского и со вступ. статьями Л. Красина, М. Литвинова, И. Гуковского и Е. Смиттен. Вып. II. №№ 15—21 Л. «Прибой». IV+171 стр.

Ольминский, М. 1917 год. Полное собрание статей из «Правды» и «Социал-Демократа». М. Коммун. Ун-т им. Я. М. Свердлова. 248 стр.

Орехова, А. Михаил Иванович. Калинин. Биография М. «Долой Неграмотность». 32 стр.

Полянский, В. (Лебедев, П. И.). А. В. Луначарский. Биографический очерк к пятидесятилетию со дня рождения. М. «Работник Просвещения». 46 стр.+[1] вклад. лист. потрт.

Попов, Н. Н. Очерк истории Российской Коммунистической Партии (большевиков). М. Л. Госуд. Изд. 336 стр.

Революция и РКП(б) в материалах и документах. (Хрестоматия). Т. II. 1905 г. Составила Р. Лабас. Под ред. М. Васильева—Южина. 2 изд. переработ. М. и Л. Гос. Изд-во. VI+460 стр. (Истпарт. Отд. ЦК РКП(б) по изучению Истории Октябрьской Революции и РКП(б).

Революция и ВКП(б) в материалах и документах (Хрестоматия). Т. V 1907—1911 г.г. (эпоха реакции). Составила К. А. Остроухова. 2 изд. исправл. и дополн. М. Л. Госуд. Изд-во. 4+510 стр.

Рубинштейн, Н. и Стопалов, Г. «Искра» 1900—1903 г.г. М. Л. Госуд. Изд-во. 93 стр. с илл. (Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской Революции и ВКП(б).

Яков Михаилович Свердлов. Сборник воспоминаний и статей. Л. Госуд. Изд-во. 202 стр.+[5] вклад. лист. красочн. портр. (Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по Изучинию Октябрьской Революции и РКП(б).

Струмилло, Б. Старая гвардия. К 30-ти летию Союза. Борьба за Освобождение Рабочего Класса. 1895—1925 г.г. Сборник воспоминаний, и материалов о подпольной работе русских марксистов 90-х г.г. Составил Б. Струмилло М. Л. Госуд. Изд-во. 278+[2] стр.

Федоров, Б. Как устроена ВКП(б) и почему она переменила название. М. Госуд. Изд-во. 59+1 стр.

Ян. Г. и Янчевский, Н. Работа и борьба большевиков в Ростовских главных мастерских им В. И. Ленина за 20 лет Краткий очерк. Под ред. Л. Ильина и В. Толмачева. Р/Д. Истпарт С-К Крайкома ВКП(б)вХ+60 стр.

M. W. Frunse. Volkskommissar für Kriegs—und Marinewesen der Union der SSR und Vorsitzender des Revolutionären Kriegsrates der Union der SSR. Moskau. 28 стр.

Eastman (Max). Leon Trotsky: the portrait of a youth. Illus. 197 стр. Faier & G.,

Lenin. Zwei Taktiken der Sozialdemokratie in der demokratischen Revolution. Geschrieben in der ersten Hälfte Juni 1905. Als Broschüre gedruckt im Juli 1905. Verlag des «—pered». M. Zentralverlag der Vörker des der S. R. R. 86 стр.

XIV с'езд.

ВКП (б). XIV с'езд ВКП (б). Стенографический отчет. М. Л. Госуд. Изд-во VIII+1029 стр.

Оппозиционные течения.

Новая оппозиция. Собрание материалов о дискуссии 1925 года. Л. «Прибой». 317+[3] стр.

Ленин, В. И.

Ленин, Н. Собрание сочинений. Т. XX. Дополнительный. Ч. I. 1895—1915 г. г. Л. Госуд. Изд-во IV+576 стр.

Ленин, В. И. Борьба с экономизмом. Статьи и речи. Составил Д. В. Шварц. М. Л. Госуд. Изд-во. IV+158 стр.

Ленин, В. И. В. И. Ленин о войне 1914—1918 г. г. Избранные статьи и речи. Составил Н. Н. Попов. 2 изд. Л. Госуд. Изд-во. VII+351 стр.

Ленина, В. И. Об Октябрьской Революции. Составил и снабдил примеч. М. Пошерстник. Предисл. С. Кривцова. М. Л. Госуд. Изд-во. 94 стр. Ленинская б- а партийца под общ. ред. С. С. Кривцова).

Ленин, В. И. Организационые основы партии. Составил и снадбил примечаниями М. Пошерстник. Предисл. С. Кривцова. М. Госуд. Изд-во. 80 стр. (Ленинская б-ка партийца под общ. ред. С. С. Кривцова).

Ленин, Н. (Ульянов, В. И). Памятки (Сборник). [Статьи об Энгельсе, Бебеле, Зингере, Герцене, Л. Толстом и др.]. Л. «Прибой». 62 стр. (Ленинская б-чка. Вып. 23).

Ленин, Н. (Ульянов, В. И.)) Три революции. Сборник по Ленину. Составил Н. И. Карпов. Вып. I. 1905. М. Л. Госуд. Изд-во. 306 стр.

Ленин, Н. Три революции. Сборник по Ленину. Составил Н. И. Карпов. Вып. II. 1917. М. Л. Госуд. Изд-во. 370 стр.

Lenin. Das Jahr 1905 (Aus den Schriften Lenins) Pokrowsk. «Nemgosisdat». 24 стр.

Lenin, W J. Rede über die russische Revolution von 1905 M. Zentral—Verlag der Völker des SSSR. 32 стр.

Lenin, W. J. Uljanow. Uber den Krieg. Tl. I. Berlin—Schöneberg. Verlag. d. Jugendinternationale 93 стр.

Lenin, N. Wybòr pism: T. VI. O Kwestji narodowosciowej. Czesc II Po wybu.

chy wojny. [изб. соч. VI том. О национальном вопросе. Ч. II. После начала войны]. M. Centralne Wydawnictwo Ludòw SSSR. 136 стр.

Lenin. Zwei Taktiken der Sozialdemokratie in der demokratischen Rewolution. Geschrieben in der ersten Hälfte Juni 1905. Als Broschüre gedruckt im Juli 1905. Verlag des «Wpered» M. Zentralverlag der Völker des Bundes der SSR. 86 стр.

Алексеев, В. Н. На родине Ленина. (Очерк детства Ленина и прошлого г. Ульяновска с альбомом иллюстраций). М. Л. Госуд. Изд-во. 16 стр.

Аросев, А. О Владимире Ильиче. (Воспоминания). Л. «Прибой». 38 стр.

Виленский—Сибиряков, В. Д. Ленин в сибирской ссылке. М. «Гудок». 64 стр.

То же. III изд. М. Всесоюзное О-во политкаторжан и Сс.-поселенцев. 16 стр.

Каменев об Ильиче. Л. «Кубуч». 120 стр.

[Лазьян, И.]. «Личное дело» члена РКП (б) В. И. Ульянова (Ленина). С приложением копий документов. М. «Моск. Рабочий». 13 стр.+7 лист. факсимиле+ +[1] стр.

Ленин в воспоминаниях. М. «Гудок». 31 стр.

Соленик, А. Ленин против оппозиции. Мысли и заветы Ленина в решениях XIV с'езда по вопросам бывшей дискуссии. Л. «Прибой». 57+[1] стр.

Ульянова—Елизарова, А. И. Воспоминания об Ильиче. М. «Новая Москва». 62 стр.+[4] вклад. лист. портрет и илл. (Б-ка Раб.-Крест. Молодежи. Под общ. ред. МК РЛКСМ. Серия «Воспоминания старого большевика» под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона).

Юрин, С. В. Работницы об Ильиче. Стихи. воспоминания, отклики. Составил С. В. Юрин. Л. «Прибой». 64 стр.

Kunte, P. Genosse Lenin. Einige Worte über sein Leben u. Sein Werk für das arbeitende Volk der Republik der Wolgadeutshen. Pokrowsk «Nemgosisdat 40 стр.

Popow, N. N. Jakowlew, J. A. Das Leben Lenins u. der Leninismus. Deutsch von. J. Rusz. Moskau—Pokrowsk «Nemgosisdat». 136 стр.

ВЛКСМ.—История

Дрязгов, Г. и Шидловский, Г. Один из основателей Комсомола Вас. Алексеев. Сборник. Составлен и обработан Г. М. Дрязговым и Г. Л. Шидловским. Л. «Прибой». 122+[2] стр. (Ленингр. Истпарт и Истмол. Сектор «Юный Пролетарий«).

Зареченская Комсомолия (1916—1921 г.г.). Сборник с предисл. Г. Каминского. Материал к Истории Тульской организации РЛКСМ. Издан. под ред. С. Горчакова, С. Алексеева, П. Маликова. Тула. Тульск. Истпарт и Заррайком РЛКСМ. 118+II стр.

Наше рождение. Московский истмольский сборник. Под ред. А. Ацаркина и А. Зверева. 2 изд. М. «Новая Москва». 300+[3] стр. с илл. (б-ка Раб. Молодежь под общ. ред. МК РЛКСМ).

Поздняков, А. У истоков. Первые страницы истории юношеского движения на Дальнем Востоке. Хабаровск. Истмол ДБ. ЦК РЛКСМ. 120 стр.

Пять лет Комсомола Забайкалья. Чита. Губком РЛКСМ. 107 стр. с илл.

[РКСМ. II с'езд]. Второй Всероссийский С'езд РКСМ 5—8 октября 1919 года. Стенографический отчет. 3 изд. М. Л. Молодая Гвардия. 196+[3] стр. (Истмол. ЦК РЛКСМ. Комиссия по Изучению Истории Юношеского Движения в России).

РКСМ. III с'езд. Третий всерос. с'езд 2—10октября 1920 г. Стенографический отчет. М. Л. «Молодая Гвардия». 325+[2] стр.

Скоринко, И. Молодежь в борьбе за октябрь М.. Л Госуд. Изд-во 56 стр.

Ответственный редактор **А. В. Шестаков**.